

И.И. Смирнов

ТРОПЫ ИСТОРИИ
Криптоаналитика
глубинной власти

ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

И.И. Смирнов

ТРОПЫ ИСТОРИИ
Криптоаналитика
глубинной власти

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2020

УДК [323:338.23](091)
ББК 66.3(0),4+65.03(0)6
С50

Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2020. 473 с.

Smirnov I.I. Paths of History. The Cryptoanalysis of Deep Power. Moscow: KMK Scientific Press. 2020. 473 p.

Книга посвящена ответу на три ключевых вопроса: что, когда и почему пошло не так, в силу каких причин и обстоятельств прогрессивная динамика общественного развития сменилась на рубеже 1960–70-х гг. на деструктивную траекторию? На основании перекрестного анализа малодоступных источников западных и российских архивов, мемуарной литературы и собственных воспоминаний, автор предлагает свою версию глубинных процессов последней четверти XX века, которые в итоге привели к надвигающемуся системному, политическому, экономическому, культурному, экологическому и технологическому кризисам.

The aim of the book is to answer three key questions: what, when and why went wrong, due to what reasons and circumstances the progressive dynamics of social development gave way in the late 1960s – early 1970s to a destructive trajectory? On the basis of a cross analysis of not readily available sources in Western and Russian archives, memoir literature and his own recollections the author offers his version of the deep processes in the last quarter of the twentieth century which ultimately led to the impending system, political, economic, cultural, ecological and technological crises.

© И.И. Смирнов, текст, 2020

© Институт системно-стратегического анализа, 2020

© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2020

ISBN 978-5-907213-75-3

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Обращение к читателю</i>	<i>4</i>
<i>Глава 1. Аурелио Печчеи.....</i>	<i>6</i>
<i>Глава 2. Александр Кинг</i>	<i>40</i>
<i>Глава 3. Александр Кинг. Персидский опыт</i>	<i>88</i>
<i>Глава 4. Александр Кинг: на пути к Римскому клубу</i>	<i>130</i>
<i>Глава 5. Джермен Гвишиани: на пути к Римскому клубу</i>	<i>143</i>
<i>Глава 6. Римский клуб. Основание.....</i>	<i>164</i>
<i>Глава 7. Кто стоял за спиной Печчеи и Кинга?</i>	<i>196</i>
<i>Глава 8. В стране невыученных уроков. Москва</i>	<i>232</i>
<i>Глава 9. Endgame по-коммунистически</i>	<i>257</i>
<i>Глава 10. Вторая смена</i>	<i>288</i>
<i>Глава 11. Из жизни советских негодяев</i>	<i>323</i>
<i>Глава 12. Из жизни советских гениев</i>	<i>356</i>
<i>Глава 13. Тайные встречи в скрытой империи.....</i>	<i>396</i>
<i>Глава 14. И пришёл Рокфеллер</i>	<i>422</i>

Обращение к читателю

Настоящая книга написана в редком для русскоязычной литературы жанре воображаемой криптоаналитики. Последнее нуждается в пояснении и объяснении.

Как известно, история, и не только российская, столь же многовариантна, вероятностна и неопределенна, как и будущее. Расследования прошлого столь же трудны, как предсказания грядущего. Особенно когда дело касается не внешних, доступных всем, последовательностей, а глубинной истории с ее процессами, ситуациями и событиями.

Криптоистория имеет дело с такими экстравагантными и причудливыми акторами, как организации-оборотни, лишь отчасти распознаваемые гетерархии, сети, мутирующие в иерархии и наоборот.

Согласно сложившейся в разведывательных службах традиции, криптоаналитика обычно имеет дело с расследованиями отношений в полностью скрытых от внешнего наблюдателя, придонных слоях наднациональных, транснациональных и вненациональных элит и других организованностей.

Непредсказуемость истории в значительной степени связана с ее предметом. Ответственный исследователь прошлого, так же как прогнозист будущего, имеет дело с объектами, фактами, сведениями и выносимыми на их счет суждениями.

Главный порок большинства нынешних работ, в том числе по отечественной истории, сопряжен с попыткой их авторов выдать суждения за объекты, факты и свидетельства. Автор постарался тщательнейшим образом разделить между собой объекты, в качестве которых могут выступать банковские проводки, свидетельства о рождении, сохранившиеся письма и т.п.; факты — письменные утверждения о тех или иных событиях, например, о рождениях, смертях, банкротствах, свадьбах и т.п., имеющие перекрестное подтверждение; и, соответственно, сведения, в качестве которых используются наиболее достоверная, ответственная мемуарная литература, собственные впечатления автора о тех или иных событиях или записи в наиболее респектабельных, преимущественно платных, базах данных. Все остальное — не более чем суждения. Они вполне на месте в публицистических работах, но суждения необходимо безжалостно выжигать каленым железом из криптоаналитических работ.

Работа разведчика, криптоаналитика или расследователя в конечном счете сводится к построению на основе заслуживающей доверие информации модели того или иного процесса, ситуации, события. Любая же модель — не есть что-то, существующее в природе само по себе. Модель, и в этом необходимо признаться честно, это всегда плод воображения в отношении тех или иных объектов, фактов и сведений. Ответственный криптоаналитик отличается от популярного публициста тем, что честно, открыто и ответственно признается, что оперирует моделью, а не описывает непосредственно тот или иной процесс, имевший место в прошлом. Прошлое всегда остается лишь в памяти, а поэтому имеет прямое отношение к миру психическому, а не физическому, к идеальному, а не материальному.

Воображаемый характер криптоаналитики не означает, что она построена на фантазиях относительно сферических коней в вакууме. Отнюдь нет. Первая задача криптоаналитика — это разделить информацию на объекты, факты, сведения и суждения, постараться, по возможности, избавиться от последних. Что касается первых, то зачастую для читателя полезно указать при помощи ссылок на наименование источника информации. Однако нужно честно признаться читателю, что изобилие сносок совсем не свидетельствует об уровне, добросовестности и квалификации автора. Зачастую, это — обманки. Читатели в массе рассматривают ссылки как подтверждение истинности. Однако это совсем не так. Ссылка может быть указателем на важное обстоятельство, а может быть средством манипулирования читателем.

Поскольку криптоаналитика носит принципиально модельный характер, она в обязательном порядке базируется на одной из трех фундаментальных человеческих способностей — воображении (другие два — это память и способность осуществлять выбор). Чем глубже слои истории, чем тщательнее укрыты события и ситуации, тем большую роль в работе играет мощное, но обязательно ответственное воображение, оперирующее с прошедшими тщательную проверку знаниями в различных их формах. Каждый серьезный автор криптоаналитических текстов должен заранее предупредить читателя об изложенных выше обстоятельствах, а в остальном, желательно, не стрелять в пианистов, они играют, как умеют.

Глава 1

Аурелио Печчеи

1

Двое из четырёх героев этой работы — Аурелио Печчеи и Александр Кинг — были любителями и даже знатоками классической японской живописи. Большинство школ монохромной японской живописи черпает своё вдохновение в дзен-буддизме. Более того, многие из основоположников школ дзен-буддизма, настоятелей монастырей и отшельников сами были известными художниками.

Один из наиболее популярных коанов дзен — это история о хлопке одной ладонью. Послушники обязаны уметь слышать хлопок одной ладонью. У этого коана, как и у любого другого, имеется много слоёв смысла, способов толкования. Притом, если строго следовать дзенской традиции, ни одно из них не является правильным. Для западного ума, не искущённого в изощрённых мыслетехниках и духовных практиках, европейские исследователи дзен- (или чань-) буддизма предложили следующее понимание. Хлопок одной ладонью — это метафора способности увидеть незримое, открыть скрываемое, услышать неслышимое. С этих позиций весьма интересно исследовать «Человеческие качества»¹ — автобиографическую книгу А. Печчеи.

А. Печчеи родился в семье, относящейся к нижней части итальянского среднего класса. Мать, как водилось в те времена в Италии, не работала. Отец, чьи предки были родом из Венгрии, был высокообразованным человеком и трудился на ниве просвещения. Он активно участвовал в рабочем движении индустриальной столицы Италии — города Турина и был одним из первых итальянских социалистов. О детстве А. Печчеи пишет довольно скупо. А с описания университетских времён начинаются загадки биографии А. Печчеи. Вот, например, он пишет: «В ранние годы моего ревностного студенчества мне удалось побывать за пределами фашистской Италии. В поисках пищи для ума я провёл шесть чрезвычайно полезных для меня счастливых месяцев в Париже, деля время между занятиями в Сорбонне и встречами с политическими эмигрантами разных национальностей... Заинтересовавшись опытом Великой Октябрьской революции, я научился довольно бегло говорить по-русски и побывал в Советском Союзе. Ленинская новая экономическая политика была темой моей дипломной работы при окончании экономического университета. Это было в 1930 г., и тема эта не могла не звучать как определённый

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

ный вызов режиму. Я глубоко восхищался работами Маркса, хотя и не считаю себя ни марксистом, ни последователем какой-либо другой идеологии... Незадолго до окончания Университета мне, благодаря знанию русского языка, удалось получить постоянную работу в фирме “Фиат”, уже тогда имевшей довольно значительные деловые связи с Советским Союзом».

На первый взгляд это — достаточно традиционный фрагмент, свойственный всем автобиографическим книгам, где последовательно повествуется о далеко ушедших, но по-прежнему памятных юношеских годах. Однако, когда читаешь этот текст внимательным глазом, что-то в нём не складывается. Если говорить конкретно, то смущает время. Родился Печчеи в 1908 г. Окончил университет в 1930 г. Т.е. на время обучения у него пришлось чуть менее пяти лет. Это в общем-то соответствует сроку обучения в университетах в Италии того времени. Однако сюда как-то не вписываются счастливые полгода в Сорбонне и месяцы, проведённые в Советском Союзе. К тому же автор подчёркивает не слишком большой недостаток своей семьи и отмечает, что он был вынужден подрабатывать даже в старших классах школы, а не то что в университете. Отсюда становится не вполне понятным, на какие деньги он отправился учиться в Сорбонну, жил в Париже и как оказался в Советском Союзе, не будучи не то что коммунистом, но даже марксистом.

Разгадку можно найти в лекциях профессора Грегорианского университета в Риме, члена Римского клуба с 1975 года и члена совета директоров World Future Society Элеоноры Барбье Мазини². В книге указано, что Печчеи поступил в Туринский университет на экономический факультет в 1926 г. Окончил Университет в 1930 г., защитив магистерскую диссертацию на тему: «Новая экономическая политика в СССР и внешняя торговля». В 1930 г., получив стипендию, отправился в Сорбонну, где после полугодового дополнительного обучения опять же по стипендии продолжил стажировку в СССР.

Такие же сведения содержатся и в книге «Крестоносцы для будущего: портрет Аурелио Печчеи», написанной его помощником Гюнтером Паули в последние годы жизни и изданной вскоре после смерти Печчеи в 1987 г.³ К слову сказать, в настоящее время Гюнтер Паули является одним из самых известных предпринимателей и экономических мыслителей в мире, автором оригинальной и эффективной концепции «синей экономики», которая и в идеологическом, и в деловом плане противостоит движению «зелёных». Помимо этого, в книге Паули указаны ещё два важных, разъясняющих суть дела обстоятельства. В книге указывается, что Печчеи с первых дней работы в «Фиате», где он оказался на последнем курсе Университета, был принят не в канцелярию или в какой-то отдел, связанный с текущей бумажной работой, а, как указано у автора, в отдел специальных проектов «Фиата». Это же подтверждает и Д. Гвишиани⁴.

Сам Печчеи о работе в спецотделе не вспоминает: «На первых порах я занимался делопроизводством, вёл деловую переписку, сам печатал на машинке, неплохо стенографировал служебные переговоры. Однако безликая анонимная рабо-

² http://rivistaeco.it/rie/wp-content/uploads/2009/05/eleonora_barbieri_masini__credit_di_aurelio_peccei.pdf

³ Pauli, Gunter A. Crusaders for the Future: A Portrait of Aurelio Peccei, Founder of the Club of Rome. Oxford: Pergamon Press, 1987.

⁴ Гвишиани Д. Мосты в будущее. М.: URSS, 2010.

та в большом многолюдном учреждении не очень соответствовала моему характеру, моим склонностям. В мечтах меня манили куда более широкие горизонты. Я начал подыскивать себе другую работу». Работа в специальном подразделении никак не может быть отнесена к бумажной и безликой, а идея о том, что молодой юнец из малообеспеченной семьи, только что взятый в крупнейшую компанию Италии, может находиться в позиции, когда он сам подыскивает работу в компании, кажется не только невероятной, но и, прямо говоря, неправдивой.

Не так всё однозначно и с темой диплома. Очевидно, что знанием русского языка А. Печчеи обязан не поездке в Советский Союз, куда он к моменту защиты диплома ещё просто не доехал, а своему отцу — социалисту, участнику рабочего движения в Турине. Здесь надо сказать несколько слов в пояснение. Венгерская диаспора всегда отличалась сплочённостью и взаимоподдержкой. Вслед за Октябрьской революцией революция произошла и в Венгрии. Причём не просто произошла, но и победила. Венгерское государство рабочих и крестьян под руководством Бела Куна просуществовало всего несколько месяцев, а потом, так и не дождавшись конницы Будённого, окружённое врагами, пало. Часть его руководителей и активных партийцев бежала в Советский Союз, а другая часть — в Европу, в том числе в Италию. Надо учитывать, что ядро руководства венгерской революции составляли либо коминтерновцы, либо, в гораздо большем числе, бывшие солдаты и младшие офицеры, по национальности венгры, призванные в австро-венгерскую армию и пробывшие несколько лет в российском плену во время Первой мировой войны. Многие из них в силу жизненной необходимости научились хорошо говорить по-русски, и, оказавшись в Италии, скорее всего, обучили способного к языкам юношу сложному русскому языку.

Диплом Печчеи в противоположность его словам отнюдь не выглядел вызовом фашистскому режиму Муссолини. Если принять во внимание, что в последний год учёбы молодой человек работал в подразделении специальных проектов «Фиата», то не будет большой натяжкой предположить, что тему диплома знатоку русского языка подсказали «старшие товарищи» — руководители спецотдела.

Как это ни покажется сегодня удивительным, фашистская Италия была одним из крупнейших внешнеторговых партнёров Советского Союза на протяжении 1920–1930-х годов. Вот что можно узнать из истории советской дипломатии: «7 февраля 1924 года в Риме Муссолини (он был ещё и министром иностранных дел) подписал вместе с полпредом СССР Н.И. Иорданским договор “О торговле и мореплавании между СССР и Италией”. Этот договор аннулировал соглашение 1921 года. Италия юридически признавала Советский Союз и устанавливала с ним нормальные дипломатические и консульские отношения.

Заключение этого договора Италией шло вразрез с решением западных стран на Генуэзской конференции не устанавливать дипломатических отношений с Советской Россией до тех пор, пока советское правительство официально не признает долгов царского и Временного правительств. Но итальянское правительство пошло на этот шаг, чтобы в обмен на признание де-юре получить от Советского Союза особые экономические льготы. Поскольку Италия не желала до определённого момента раскрывать факт нарушения генуэзского решения, переговоры до 1923 г. велись секретно и затянулись до того, что первой о дипломатическом признании

СССР 2 февраля 1924 г. заявила Англия. Уже в 1927 г. в Милане было открыто отделение советского Нефтесиндиката. В 1927/1928 финансовом году Италия стала самым крупным потребителем советской нефти. Ей было поставлено 494 тысячи тонн. На втором месте была Англия — 387 тыс. т, за ней — Франция (355 тыс. т) и на 4-м месте — Германия (344 тыс. т).

Объём импорта из Италии увеличивался гораздо медленнее, чем объём советского экспорта в эту страну. В соответствии с общей импортной политикой, проводившейся в Советской России в годы индустриализации, удельный вес машин и оборудования в общем импорте из Италии неуклонно возрастал и в 1929 г. составил более 40%. Другими крупными статьями советского импорта из Италии были сера, ткани, фрукты и химические товары. В Италии для СССР была построена серия грузопассажирских судов.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., вызвал резкое падение промышленного производства в Италии, привёл к сокращению её внешней торговли. В этих условиях повышение заинтересованности Италии в торговле с СССР выразилось в том, что 2 августа 1930 г. итальянское правительство заключило с СССР кредитное соглашение, в силу которого итальянские экспортёры получали правительственные гарантии своих кредитов по продажам в СССР в размере 75% общей суммы годового экспорта в 200 млн. лир. Со своей стороны, СССР соглашался разместить заказы на итальянские промышленные товары в период с 1 июля 1930 г. по 30 июня 1931 г. на сумму 200 млн. лир при наличии приемлемых коммерческих и технических условий.

Предоставление итальянским правительством гарантий экспортных кредитов по сделкам с советскими организациями привели в 1930–1932 гг. к значительному увеличению объёма импорта машин и оборудования из Италии, причём их удельный вес в импорте возрос до 90%.

К началу 1930-х годов товарооборот между странами достиг максимального уровня в довоенный период. Экспорт в Италию составил более 5% всего советского экспорта, импорт из Италии — 2,7–2,8% объёма советского импорта. По данным итальянской статистики, удельный вес СССР во внешней торговле Италии достиг в 1931 году 3,8% (в импорте — 4,8 и в экспорте — 2,7%)⁵.

Тема диплома юного А. Печчеи — «НЭП и внешняя торговля СССР», несмотря на развернувшуюся к тому времени индустриализацию и похороны новой экономической политики в СССР, была абсолютно логична. В конце 1920-х и большую часть 1930-х годов внешнеэкономический оборот регулировали законодательные нормативные документы, принятые именно в годы НЭПа. Поэтому диплом являл собой не фронду против режима фашистского диктатора, а диктовался производственной необходимостью компании-работодателя. Точно такой же необходимостью диктовались и стипендии, выданные для полугодового обучения в Сорбонне, а затем ориентировочно годового пребывания в СССР.

Если с СССР всё понятно, то Сорбонну следует объяснить. Сам Печчеи совершенно искренне указал, что там он активно общался с политэмигрантами. Рассматривая пребывание в Сорбонне в контексте работы на «Фиате», темы диплома и

⁵ История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). М.–Л.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1945.

последующей стажировки в СССР, логично предположить, что в Сорбонне параллельно обучению А. Печчеи приобретал новые полезные связи среди коминтерновцев и сочувствующих им людей. Именно они составляли в то время подавляющую часть политэмигрантов в Европе, практически независимо от их конкретной политической ориентации. Дальше биография Печчеи превращается в настоящий триллер, заставляющий вспомнить горькую судьбу Льва Абалкина из романа братьев Стругацких «Жук в муравейнике». В романе человек, обладающий знаниями и специально подготовленный для одной работы, посылается в совершенно другое место, абсолютно ему противопоказанное.

Прежде чем перейти к последующим приключениям А. Печчеи, буквально несколько слов о том, чем являлось подразделение специальных проектов «Фиата». В нынешнее время есть такое словосочетание, как конкурентная разведка, которое является калькой с английского *competitive intelligence*. Термин придумали американцы в 1980-е годы. Естественно, в 1920-е о нём никто не помышлял. Тем более что, как явствует из книги Эмона Джаверса⁶, в те годы подобные подразделения в крупных европейских и британских компаниях занимались не столько промышленным шпионажем в отношении конкурентов, сколько взаимодействием с государственными разведслужбами и военными, политиками и «серыми кардиналами» стран, которые были интересны корпорациям. Логично было бы предположить, что после завершения долгого обучения и стажировки молодой работник специального подразделения будет направлен в СССР.

В те годы у Страны Советов с «Фиатом» было много совместных дел. Сейчас как-то подзабылось, что первый советский автомобиль — грузовик АМО Ф-15 выпускался по чертежам и с использованием комплектующих «Фиата». С него и начался славный московский автозавод ЗИЛ, который ныне закончил своё существование в профильном виде также, как и подавляющая часть всей московской индустрии. Но грузовиками отнюдь не исчерпывались дела «Фиата». В перерыве между мировыми войнами «Фиат» помимо автомобилей выпускал железнодорожный транспорт, машиностроительное оборудование, строил суда, производил самолёты и изготавливал множество отдельных видов комплектующих. Например, как раз в начале 1930-х годов «Фиат» выступал как главный технический советник строительства и оснащения Первого московского шарикоподшипникового завода. Вполне логично было бы ожидать, что подающий надежды специалист со знанием редкого в Италии русского языка будет направлен в страну, к которой он и был подготовлен и где он уже успел постажироваться, приспособиться к жизни, завести знакомых и т.п. Однако всё вышло иначе.

Вернёмся к книге Печчеи: «И наконец, — пишет он, — мне удалось добиться назначения в Китай, где я оставался до середины 1938 года. К тому времени я женился. Это произошло в 1933 году... Жена приехала ко мне в Китай спустя несколько месяцев». Далее из книги можно выяснить, что сначала чета Печчеи оказалась в Шанхае, а затем переехала в один из районов города Уси — «Нанчань, где итальянские компании строили тогда авиационный завод». Далее из текста выясняется, что молодому командированному пришлось «эвакуировать в более безо-

⁶ Javers E. Broker, Trader, Lawyer, Spy: The Secret World of Corporate Espionage. N.Y.: HarperBusiness, 2011.

пасные внутренние районы страны, а потом в Гонконг сотню перепуганных, плачущих женщин и детей (среди которых была и моя собственная жена), так как на меня было возложено руководство этими работами». Эвакуацию пришлось осуществлять в результате начала японского военного вторжения в Китай и массированных бомбардировок Уси — города, где было локализовано строительство.

Если ограничиться воспоминаниями Печчеи и не обращаться к другим источникам, возникает сюрреалистическая картина. Непонятно, как, зачем и почему отправленный в Китай, при этом чудом попавший на «Фиат» молодой антифашист оказывается руководителем итальянского инженерно-технического персонала, строившего в Китае собственный авиационный завод. Однако, если учесть, что Печчеи являлся работником специального подразделения, всё становится на свои места. Тем не менее, загадка остаётся: правда, зачем «Фиату» было отправлять специалиста по СССР в Китай. Сразу оговорюсь, что в отличие от сформулированных выше соображений, базирующихся на строго документальной основе, изложенное ниже представляет собой гипотезу.

2

Настало время внимательно посмотреть на геополитическую ситуацию 1920-х годов в Европе. Здесь имелось, как минимум, две страны, волею судеб, просто обречённых на сотрудничество в военной, экономической и разведывательной сферах. Речь идёт о Германии и СССР. Германия в результате Версальского договора фактически не имела возможности содержать сколько-нибудь современную армию. Немецкие заводы были лишены права производить новые образцы высокотехнологичного вооружения той эпохи: танки, самолёты, бронетранспортёры, современные виды артиллерии и т.п. К тому же Германия находилась под фантастическим финансовым прессом, связанным с выплатой военных репараций.

В свою очередь СССР, хотя в 1920-е годы и восстановил торгово-экономические отношения со всеми европейскими странами, подвергался жёстким санкциям и ограничениям. Ему по сути было отказано вплоть до начала индустриализации в передаче современных, в том числе военных, технологий. В стране хронически не хватало валюты. В результате сложилось тесное советско-германское сотрудничество, где ключевую роль играли военные, администраторы и разведчики двух стран. Сама по себе эта крайне интересная тема выходит за пределы данной работы, тем более что по ней имеется несколько хорошо документированных, глубоких исследований⁷.

Необходимо отметить, что советско-германское сотрудничество в 1920-е — начале 1930-х годов пережило два чётко выраженных этапа. На первом этапе, идеологами которого были знаменитый немецкий генерал фон Зект и легендарный советский командарм М. Фрунзе, упор делался на строительство в СССР больших военных заво-

⁷ Байков А. Военно-промышленное сотрудничество СССР и Германии — кто ковал советский меч? М.: Яуза, Эксмо, 2008; Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М.: Сов. Россия, 1992; Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.

дов на концессионной основе. В результате целого ряда перипетий, связанных в том числе со смертью М. Фрунзе, авантюризма немецкого военного руководства и деловой недобросовестности советской стороны, этот этап закончился неудачей. Советский Союз получил хорошо оснащённые, но не до конца доведённые до эксплуатации заводы, а немецкие компании-участники «Юнкерс» и «Штольтенберг» были доведены до банкротства. Тем не менее, в силу объективных потребностей под нажимом всё того же фон Зекта и высших советских военных сотрудничество было продолжено, но уже на новой основе. Вместо концессий «основной акцент с производства вооружений и боеприпасов был перенесён на проведение испытаний различных видов оружия (авиация, ОВ, танки), подготовку кадров в наиболее перспективных родах войск — танковых и авиации, взаимное участие на манёврах армий обеих стран, а также обмен разведанными. При этом сохранялись и наименее затратные совместные работы в военной промышленности (передача патентов, опытное производство, а позднее и создание совместных конструкторских бюро)»⁸.

В рамках нового этапа партнёрства и Германия, и Советский Союз нуждались в третьем партнёре, который мог бы превращать германские научные достижения, инженерные расчёты и конструкторские чертежи в конечную продукцию в металле. А СССР нуждался в отлаженных технологиях поставки немецких образцов для их переноса на советские оборонные заводы. В числе таких партнёров заметное место занимал многоотраслевой концерн «Фиат». Во-первых, как уже отмечалось выше, он производил практически всё — от самолётов до подшипников. Во-вторых, это была семейная фирма, где всё решала не толпа акционеров, а конкретный владелец, который самолично мог быстро принять любое решение. Наконец, у семьи Аньелли были тесные отношения и с германскими промышленниками, особенно из Швабии и Баварии, где и располагалась в основном немецкая военная индустрия.

Поскольку и Германия, и Россия нуждались в дополнительном притоке валюты, то, естественно, стояла задача коммерциализировать в различных регионах мира, прежде всего в зонах военных конфликтов, их совместные разработки. И здесь мы соприкасаемся с одним из наиболее поразительных и успешных проектов в истории советской разведки. К тому же он, вероятно, имел прямое отношение и к герою производимого исторического расследования Аурелио Печчеи. Дополнительный интерес к этому проекту подогревается тем обстоятельством, что он до сих пор, в отличие от подавляющей части советских разведывательных операций 1920–1930-х годов остаётся, по сути, полностью неизвестным не только любителям исторической литературы, но и профессионалам-историкам. Как это ни парадоксально, до сих пор ни в России, ни даже за рубежом не вышло ни одной работы, посвящённой мобилизационной сети коммерческих предприятий Разведупра Красной Армии.

Известные на сегодняшний день крохи сведений о мобилизационной сети коммерческих предприятий (МСКП) находятся в основном в архиве секретных служб периода между Первой и Второй мировыми войнами в Чикагском университете имени Игнатиуса Лойолы штата Айова, в архиве РГАСПИ⁹ (в 2019 г. все материалы по ГРУ в архиве вновь засекретили) и др., в неопубликованных воспоминани-

⁸ Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. М.: Олма-Пресс, 2001.

⁹ РГАСПИ, ф. 3670, к.3, д. 89.

ях старших офицеров ГРУ, хранящихся в Фонде ветеранов советской военной разведки, а также оцифрованном архиве общенациональных газет Европы и Америки за первую половину XX в., в библиотеке Конгресса США.

На сегодняшний день достоверно известно следующее. В 1922 г. Реввоенсовет советской республики при непосредственном участии главы ВЧК Ф. Дзержинского по инициативе Я. Берзина и Я. Петерса создал МСКП, в которую наряду с уже существовавшими акционерными обществами «Амторг» и «Аркос» вошло вновь организованное в Германии акционерное общество «Востваг». Указанные общества имели свои штаб-квартиры соответственно в Нью-Йорке, Лондоне и Берлине, а также множество филиалов во всём мире.

В отличие от «Амторга», постоянно находившегося в центре внимания газет того времени, и «Аркоса», ставшего детонатором резкого ухудшения советско-британских экономических и дипломатических отношений в 1927 г., «Востваг», являвшийся центром и несущей конструкцией сети, никогда на протяжении своего более чем 15-летнего существования не привлекал ни малейшего внимания. Кроме руководителя Разведупра Я. Берзина и Я. Петерса и нескольких человек из высшего советского руководства о нём никому ничего не было известно.

Особенно активная работа «Воствага» развернулась с 1927 г., когда его руководителем стал советский представитель в консекционных проектах фон Зекта, блестяще знавший языки, а также глубоко разбиравшийся в перипетиях и хитросплетениях мирового бизнеса и финансов Стефан Мрочковский. В 1928 г. он был назначен руководителем всей МСКП. К началу 1930-х годов «Востваг», помимо Германии, действовал во Франции, Италии, Соединённых Штатах, странах Ближнего Востока, Монголии и Китае. Филиалы и дочерние фирмы «Воствага» функционировали в Нью-Йорке, Париже, Турине, Улан-Баторе, Кантоне, Нанкине, Тяньцзине, Уси и других городах. Подавляющая часть сотрудников «Воствага» были гражданами соответствующих стран, имевшими высокий уровень деловой и профессиональной квалификации и безупречную политическую репутацию. В Германии подавляющая часть работников «Воствага» была членами нацистской партии, а в Италии — фашистской партии. Практически никто, за исключением узкого круга руководства компании, не догадывался о подлинных задачах «Воствага».

По своему характеру «Востваг» был торговой компанией. В основном она производила закупки тех или иных товаров в Европе, а основным рынком сбыта был Китай. Чтобы представить себе масштаб бизнеса «Воствага» приведём только один факт. Достоверно известно, что к концу 1929 г. собственный оборотный капитал «Воствага» составлял 3 млн. 100 тыс. долларов США. Сегодня по паритету покупательной способности доллара по данным Федеральной Резервной системы США это составило бы примерно 50 млн. долларов. Однако эта оценка даже приблизительно не точна, поскольку индекс покупательной способности доллара формируется за счёт потребительских товаров и услуг. «Востваг» же имел дело не с товарами для населения, а, как это принято сегодня называть у экономистов, с инвестиционными товарами. По ним официальных индексов паритета покупательной способности доллара не существует. Однако экспертные оценки позволяют увеличить отмеченную выше сумму в 3–8 раз. 200–400 млн. долларов собственного капитала для торговой компании тех времен — это не просто большая, а огромная сумма, по-

звоявшая привлекать во много раз большие кредитные линии. (Чтобы понять покупательную способность доллара тех времён отметим, что новый, только что появившийся в небе Испании лучший истребитель в мире того времени Мессершмидт-109 стоил в полном комплекте с вооружением 34 тыс. долларов.) В ту эпоху соотношение между собственным капиталом и кредитными линиями было примерно 1:7. То есть компания могла постоянно проводить торговые сделки на сумму до 1,5–2 млрд. долларов.

В неопубликованных до сих пор воспоминаниях Натальи Звонарёвой, секретаря начальника Разведупра написано: «Я. Берзина окружали талантливые помощники и сотрудники. К каждому из них он относился по-отцовски внимательно и строго. Особенно бережно он относился к С.И. Мрочковскому — выдающемуся разведчику-нелегалу. Когда поступало сообщение о его приезде в Москву (примерно раз в год), Берзин вызывал меня и предупреждал: “Проследи, чтобы лишние люди не встречались с ним. В комнату, где он будет работать, пропускать только сотрудников, с которыми он связан по службе...”. Стефан Иосифович, приезжая рано утром, неизменно говорил мне: “Наташа, милая, здравствуйте”, — и проходил в комнату секретариата, в которой стояло два сейфа с его документами. Высокий, худощавый, с откинутыми назад прямыми волосами, в прекрасно сидящем на нём костюме, он выглядел истинным западным коммерсантом. Поздно вечером он обычно заходил в кабинет Павла Ивановича, где они ещё долго обсуждали служебные проблемы или просто беседовали. Мрочковский добывал ценнейшую информацию и снабжал управление крупными суммами валюты. Как-то, проводив его, Павел Иванович сказал: “Ты не представляешь, Наташа, какую помощь оказывает нам Стефан Иосифович. Не знаю, как бы мы обходились без него...”».

Воспоминания Звонарёвой подтверждаются сохранившимся в архиве документом — аттестацией на Стефана Мрочковского, датированная 1934–1935 гг. Её собственноручно написал начальник Разведупра Красной Армии Берзин:

«Мрочковский Стефан Иосифович — весьма способный, преданный делу работник-коммунист. Обладал солидной общей подготовкой (юрист-экономист) и большим опытом практической работы, он свои знания и опыт умеет прекрасно применять на деле. В течение ряда лет руководил крупным участком разведки, показал незаурядные способности организатора и администратора и добился крупных успехов.

Характер твёрдый, решительный, волевые качества хорошо развиты, хорошо разбирается в людях, умеет ими управлять и подчинять их своей воле. У подчинённых пользуется большим авторитетом и уважением. Быстро ориентируется в сложной обстановке и находит правильное решение. В трудных условиях проявляет большую выдержку, в то же время весьма осторожен, гибок и изворотлив.

Политическое развитие и подготовка прекрасные (старый партизано-подпольщик). От генеральной линии партии не отходил.

В личной жизни очень скромный, в общественной — хороший товарищ.

Общий вывод:

Занимаемой должности вполне соответствует. По своей подготовке, знаниям и способностям может руководить и более крупным участком работы. Может также быть использован на крупной работе по военно-хозяйственной линии».

Обобщая имеющиеся, но пока не введенные в общий оборот источники, с уверенностью можно говорить об основных направлениях деятельности МСКПв целом и системы «Воствага» в частности. К ним относятся:

во-первых, формирование нелегальной разведывательной сети в Европе, Америке и Китае из числа представителей научно-технических, деловых, военных и политических кругов;

во-вторых, получение от агентурной сети разведывательной информации, прежде всего, научно-технического, военного и в определенной степени политического характера. Из имеющихся в архивах сведений можно сделать однозначный вывод о том, что разведывательная сеть не представляла в Москву добытые ею в какой-то мере случайные материалы, как это имеет место в работе большинства агентурных сетей. Сеть «Воствага» действовала что называется — по заказу. В этом состояла её уникальность в истории разведки. То есть в Москве в соответствии с потребностями армии и промышленности формулировался заказ на конкретные изделия, технологические процессы, образцы вооружения, те или иные политические документы, а сеть добывала их и переправляла в Разведупр;

в-третьих, формирование сетей влияния и межэлитных взаимодействий, включающих создание интерфейса между руководством Разведупра и деловой, военной, разведывательной и в определенной степени политической верхушкой европейских стран, США и Китая. При этом в Европе упор делался на Германию, Францию и до известной степени Италию;

в-четвёртых, обеспечение не только самокупаемости сети и безусловного эффективного выполнения поставленных перед ней задач, но и мобилизация дополнительных ресурсов для нужд Наркомата обороны и развития военно-промышленного комплекса. Ежегодно сеть перечисляла в сегодняшнем исчислении как минимум десятки миллионов долларов свободных наличных денег.

Кроме того, есть серьёзные основания полагать, что «Востваг» выполнял функции головной структуры по ведению экономической войны с Западом, совмещённой с продлённой в будущее компрометацией крупных западных финансистов, представителей торгового капитала и правоохранителей.

В связи с этим хотелось бы отметить следующее. В конце 1960-х годов в Соединённых Штатах была введена в оборот часть архивов ФБР, касающаяся второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Наибольший интерес вызвали дела из этих архивов, которые касались так называемой темы «об уникальном фальшивомонетчестве». В материалах было отмечено, что ФБР подозревал Советский Союз в масштабной операции по забросу на мировые и американский рынок фальшивых долларов и фунтов в самом начале Великой депрессии, в конце 1920-х – начале 1930-х годов. При этом особо отмечалось, что стопроцентных доказательств причастности Советского Союза получить так и не удалось. Из рассекреченных материалов явствовало, что значительная часть фальшивых долларов и фунтов поступала либо из Китая, либо из уважаемых европейских финансовых институтов. Особо было отмечено, что никогда — ни до, ни после — такого совершенства фальшивой валюты достигнуто не было. В материалах было высказано предположение, что обнаружена была лишь малая часть от общего количества вброшенных на рынок финансовых средств. Следует подчеркнуть, что обнаружение фальшивой валюты

происходило либо в результате агентурной работы, либо технических ошибок в печати денежных знаков. Дополнительно отмечалось, что на судебных процессах обвиняемые лица, несмотря на вынесенные многолетние приговоры, виновными себя не признали и не дали никакой информации об источниках денег¹⁰.

Об этом же рассказывается в главе «Как Сталин подделал доллары» книги «Я был агентом Сталина» Вальтера Кривицкого. Кривицкий был резидентом-нелегалом советской разведки в странах Западной Европы, стал невозвращенцем и покончил жизнь самоубийством в 1941 г. Беспристрастный анализ книги показывает две её черты. Подавляющая часть фактов, сообщённых В. Кривицким, впоследствии была подтверждена документами, извлечёнными в конце 1980-х – начале 1990-х годов из Отдела специального хранения государственных и ведомственных архивов СССР. При этом сами по себе факты автором книги компоновались весьма произвольным образом и весьма тенденциозно истолковывались за счёт полного игнорирования контекста событий того времени и логики действий государственных руководителей СССР.

В упомянутой главе книги есть важные строки, корреспондирующие с материалами из архивов ФБР: «Фамилия Альфреда была Тильден. Он принадлежал к выходцам из Латвии в нашем управлении, во главе которого стоял генерал Ян Берзин.

– Вы ничего не понимаете, — сказал он. — Это же настоящие деньги. Они не имеют ничего общего с обычными поддельными дензнаками, они всё равно что настоящие. Я достал ту самую бумагу, на которой печатают деньги в США. Вся разница в том, что работа выполнена на наших печатных станках, а не на станках в Вашингтоне.

Берзин стал мне вновь объяснять, что весь план был разработан для Китая, где крупномасштабные операции такого рода возможны, но что он не подходил для Запада»¹¹.

В приведённом отрывке важно выделить несколько моментов. Во-первых, Я. Берзин был прямым руководителем С. Мрочковского, которому поручал особо конфиденциальные задания. Во-вторых, Альфред Тильден никогда не состоял в штате «Воствага», но по архивным документам упоминался в нескольких его сделках. В-третьих, ключевым моментом является тот факт, что для ведения финансовой войны Советский Союз использовал не поддельную, искусственно изготовленную бумагу, а настоящий материал, на котором печатались доллары, и возможно фунты. Таким материалом могли располагать лишь доверенные учреждения Федеральной резервной системы США, над которыми был установлен хозяевами системы жесточайший контроль. Более того, судя по воспоминаниям, мало того, что бумага была аутентичной, аутентичными были и клише. Достать клише можно было только через те же источники, что и бумагу, т.е. через ответственных работников, либо, возможно, хозяева ФРС в силу тех или иных причин обеспечивали МСКП оригинальной гербовой бумагой и клише для печатания долларов — на бесхозных

¹⁰ The Use and Counterfeiting of United States Currency. Final report to the Congress by the Secretary of the Treasury in consultation with the Advanced Counterfeits Deterrence Steering Committee, September 2006. <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/rptcongress/counterfeit/default.htm#toc8.2>

Krammer A. Russian Counterfeit Dollars: A Case of Early Soviet Espionage // *Slavic Review*. 30, no. 4 (1971). P.762–773. http://www.jstor.org/stable/2493847?seq=1#page_scan_tab_contents

¹¹ Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: Современник, 1996.

складах таких бумаги и клише просто не бывает. В этом смысле Альфред Тильден был совершенно прав, когда отмечал, что это — настоящие деньги. Обнаружения же происходили из-за небрежности, когда из набора клише выбирались клише старого образца, либо неправильно выбиралась логика печати номеров банкнот. Следует особо подчеркнуть, что подобные операции финансовой войны проходили в период резкого ухудшения советско-британских отношений, а также до того, как Советский Союз и Соединённые Штаты установили нормальные дипломатические и взаимовыгодные экономические отношения при президенте Ф.Д. Рузвельте. В то время действовал принцип «на войне как на войне».

Коротко о последующей судьбе выдающегося советского разведчика, талантливого предпринимателя и серьёзного учёного-химика Стефана Мрочковского. После прихода к власти Гитлера, чета Мрочковских переехала в Париж, куда был перемещён центр сети «Воствага». В Париже к работе активно привлекались не только французы, но и мигранты из Германии и Италии. Сеть продолжала функционировать, выполнять все свои задачи в полном объёме. В 1939 г. С. Мрочковского арестовали и посадили в концлагерь. Однако в 1940 г. его выпустили. Впоследствии по возвращении в Советский Союз этот факт был поставлен ему в вину. Между тем вполне очевидно, что, выполняя функции, перечисленные выше, Мрочковский несомненно имел не только серьёзные связи в германском генералитете, но и знакомства (назовём это так) с людьми, для которых арест Мрочковского грозил крахом карьеры, а то и кое-чем похуже.

В 1940 г. Мрочковские уехали в Соединённые Штаты. Перед отъездом Мрочковский ликвидировал все фирмы МСКП и перевёл в СССР все находящиеся на счетах остатки финансовых средств. Нельзя не отметить, что указанный приказ поступил ещё до ареста С. Мрочковского и носил совершенно беспрецедентный по своей бессмысленности характер. Своими руками высшее советское руководство уничтожило разветвлённую, не имеющую аналогов в истории разведки многофункциональную сеть. Как бы там ни было, в Вашингтоне С. Мрочковского посещает начальник Разведуправления генерал-лейтенант Филипп Голиков. Он трижды встречается с Мрочковским на квартире у исполняющего обязанности военного атташе, полковника И. Сароева. Окончательное закрытие МСКП подтверждается шифрограммой Голикова высшему руководству. В разгар катастрофических событий на фронте 31 августа 1941 г. он отправляет шифрограмму, которая сохранилась в архивах: «Я велел Томсону (псевдоним Мрочковского) дело кончать». В архивах не имеется документов, которые обосновывали бы это решение. В соответствии с указаниями центра в ноябре 1942 г. С. Мрочковский через Ближний Восток вернулся в СССР. Весной 1943 г. в Советский Союз прибыла его семья. Однако к этому времени Стефан Мрочковский уже находился в следственном изоляторе Лубянки.

В своей книге военный юрист и известный историк В. Звягинцев, проанализировав материалы, выяснил, что послужило основой обвинений корпусного комиссара Стефана Иосифовича Мрочковского, который оказался на Лубянке 18 января 1943 г. Он выяснил, что «показания о его шпионской деятельности в пользу немецкой и французской разведок были выбиты ещё до войны у осуждённых к расстрелу руководителей Разведупра Красной Армии Берзина, Никонова, бывшего заместителя начальника Третьего отдела ГУГБ НКВД СССР Валика, бывшего руководителя

отделения фирмы “Востваг” в Монголии Дайн Лундера и других. Суть обвинений сводилась к тому, что Мрочковский расшифровал сеть наших коммерческих предприятий за границей перед иностранными разведчиками, а возглавляемая им фирма “Востваг” оказалась “засорена шпионами”. Обвинение было основано на предположениях и бездоказательных общих фразах. В обвинительном заключении, например, отмечалось, что бывшие руководители разведывательного управления активно использовали руководимую Мрочковским сеть коммерческих предприятий в своих вражеских целях, что Мрочковского, арестованного в 1939 г. в Париже, выпустили из концлагеря при обстоятельствах, вызывающих подозрение и т.п.»¹².

Как пишет тот же Вячеслав Звягинцев, «...несколько недель интенсивных допросов, а затем, когда даже для следователей становилась очевидной беспочвенность обвинений, об арестованных напрочь забывали. Для них начиналась пытка ожиданием предстоящего суда, растягивающаяся на годы. Арестованные находились в полной изоляции, не зная, когда состоится и состоится ли вообще суд. Они не знали, что происходит на войне, живы ли их близкие. О судьбе арестованных родственникам тоже ничего не сообщалось»¹³. Мрочковский не признал ни одного предъявленного ему обвинения. Несмотря на все виды давления, он не сломался. В результате советский разведчик и западный миллионер просидел в подвалах Лубянки в ожидании суда 9 лет. 26 августа 1952 г. состоялся суд, где кроме обвинения в шпионской деятельности С. Мрочковскому вменили в вину антисоветскую агитацию и пропаганду. Суд, естественно, признал Мрочковского виновным и приговорил к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Через год после смерти И. Сталина С. Мрочковский по инициативе Л. Берии был освобождён, приговор в его отношении отменён, дело прекращено, и он вышел на свободу. Однако вскоре после освобождения Мрочковский тяжело заболел и больше не вставал с постели. В 1964 г., через 11 лет после освобождения к чете Мрочковских пришёл один из руководителей ГРУ, принёс извинения и, как он написал в пока не опубликованных воспоминаниях, ему «стыдно за то, что за все годы после освобождения никто из службы не пришёл к выдающемуся разведчику и не поинтересовался его делами и здоровьем. Вскоре после этого визита Мрочковский умер».

3

Обогащённые знаниями о МСКП и советско-германско-итальянском сотрудничестве в 1920-е – начале 1930-х годов вернёмся к Аурелио Печчеи, прибывшему на новое место своей работы — в Китай. В его автобиографической книге мы читаем: «Я прожил два года в центральных районах, в городе Наньчане, где итальянские компании строили тогда авиационный завод». Определённые сложности для исследователя составляет нахождение месторасположения завода. Дело в том, что города Наньчаня в Китае нет. Лишь вооружившись китайскими словарями и картами, удаётся установить, что речь идёт о городе Уси, где Наньчань — один из девя-

¹² Звягинцев В. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: Терра-Книжный клуб, 2006.

¹³ Звягинцев В. Ук. соч.

ти районов. Уси с 1920-х годов вплоть до настоящего времени остаётся центром китайского машиностроения, в том числе местом локации предприятий военной промышленности.

Второе, более удивительное открытие состоит в том, что итальянские компании никогда не строили в Китае вообще и в Уси, в частности, авиационного завода. Хотя авиационный завод там действительно строился. Главными подрядчиками выступали не итальянцы, а немцы, которые привлекали к этой работе европейские компании, включая такого гиганта, как «Фиат», а также небольшие европейские фирмы. Это, безусловно, весьма принципиальное различие. Чтобы оценить важность этой, казалось бы, второстепенной детали, необходимо более подробно разобраться, по чьей инициативе велось строительство авиационного завода в Уси.

В апреле 1934 г. в Китай по личному приглашению Чан Кайши приехал фон Зект. Он был легендарной личностью, его называли главным солдатом и военно-политическим теоретиком Германии. В 1920-е годы фон Зект был командующим рейхсвером. Наученный уроками Первой мировой войны, фон Зект был убеждённым сторонником тесного германо-советского сотрудничества. Он не устал повторять: «Если Германия начнёт войну против России, то она будет вести безнадежную войну». Эта оценка командующего рейхсвера исходила из трезвого анализа естественных, людских и социальных ресурсов Советской Республики. «Россия имеет за собой будущее. Она не может погибнуть», — таков был вывод фон Зекта.

В другом своём документе — письме на имя правительства от 15 июля 1922 г. — фон Зект обращал внимание на рост и укрепление авторитета Советского государства: «Видел ли мир большую катастрофу, чем испытала Россия в последней войне? И как быстро поднялось Советское правительство в своей внутренней и внешней политике! И разве первое проявление немецкой политической активности не заключалось в подписании договора в Рапалло, что привело к росту немецкого авторитета?». Эти мысли не оставляли фон Зекта долгие годы. Уже выйдя в отставку, он писал в книге «Германия между Востоком и Западом» (1932–1933) о том, что торговые отношения с Советским Союзом означают для Германии работу для тысяч безработных и сырьё. Он призывал не распространять враждебное отношение к коммунистической идеологии на «возможности сотрудничества в экономической области»¹⁴. Слова у генерала не расходились с делами. Именно фон Зект был основоположником советско-германского концессионного сотрудничества в военно-промышленной области, а затем научно-технологического, и кадрового Рейхсвера, и Красной Армии. В рамках этого сотрудничества и родился «Востваг» и в целом МСКП. С. Мрочковский хорошо знал фон Зекта и многократно встречался с ним.

Прибыв в Китай и ознакомившись с состоянием дел в армии, фон Зект порекомендовал Чан Кайши осуществить ускоренную программу строительства военных предприятий, производящих танки, самолёты, стрелковое оружие, артиллерию, амунисию. Чан Кайши полностью одобрил этот план и в том же 1934 г. под воздействием фон Зекта между Чан Кайши и главой частной компании HAPRO Г. Клейном был подписан «Договор по обмену китайских сырья и сельхозпродукции на германскую промышленную и другую продукцию». Важнейшее место в договоре

¹⁴ Цит. по: Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.

занимало оснащение имевшихся отсталых военных заводов в долине реки Янцзы, включая авиационный завод в Уси¹⁵.

С немецкой дотошностью в архивах сохранились не только тексты договора, но и приложения к нему. В них действительно указывался «Фиат», как участник строительства, а также большое число европейских фирм, ответственных за бартерные сделки. Согласно договору, Китай расплачивался не валютой, которой у него просто не было, а собственными товарами. Часть из них в Германию поступала напрямую, а другая реализовывалась в третьих странах, откуда валюта перечислялась уже в Германию. Фон Зект и Чан Кайши впервые разработали торгово-финансовый механизм так называемого военно-финансового бартера, который вот уже скоро столетие активно используется в сфере торговли вооружением.

К сожалению, не сохранился, или, по крайней мере, в настоящий момент недоступен перечень не филиалов, а многочисленных дочерних фирм «Воствага». Но поражает следующее. Список товаров, поставляемых из Китая в третьи страны по бартеру, для продажи их там за валюту в значительной мере текстуально совпадает с китайской экспортно-импортной номенклатурой «Воствага». С учётом того, что инициатором контракта был фон Сект, завод строился в регионе, где у «Воствага» был филиал, а продукция, которой расплачивался Китай, была очень близка к товарной номенклатуре «Воствага», то с весьма высокой степенью вероятности можно предположить, что «Востваг» был теневым участником германо-китайской сделки с итальянским участием.

Нельзя также забывать, что И.В. Сталин в Китае активно поддерживал одновременно и Чан Кайши, и Мао Цзэдуна, которые жёстко соперничали между собой. Более того, усилия советской дипломатии, разведки, а также Коминтерна были направлены на то, чтобы сплотить эти две силы перед лицом японского агрессора. Сталин имел огромные рычаги влияния на Чан Кайши, включая даже такой экзотический, как жену сына Чан Кайши — Цзян Цзинго, в последующем президента Тайваня, — Фаину Вахриеву. Они поженились в начале 1935 г.

Показательно, что, когда в августе 1937 г. японцы осуществили крупномасштабное вторжение в Китай и бомбили Нанкин, Шанхай и Уси, китайское небо защищали советские летчики на самолетах И-15, в которых была и лепта конструкторов «Фиата». Парадоксально, но факт: хотя Германия поддержала вторжение Японии, советские пилоты защищали немецкий и итальянский персонал от японцев — немецких союзников. К моменту вторжения японцев фон Зект уже покинул Китай, оставив вместо себя своего соратника и близкого друга, генерала Александра фон Фалькенхаузена. Последний часто бывал на заводе, контролируя ход работ. Генерал категорически отказался поддержать агрессию Японии против Китая и политику Гитлера. По этой причине в 1937 г. он был вызван в Германию и ему угрожали арестом его самого и его семьи. Характерно, что в дальнейшем он был возвращён на службу, служил на Западном фронте, а затем после покушения на Гитлера был заключён в концлагерь. Фон Фалькенхаузен выжил, вернулся к частной жизни и в 1951 г. был награждён Чан Кайши за ценные советы и помощь Китаю чеком на 1 млн. долларов.

¹⁵ Germany and Republican China. Stanford University Press, 1984.

Фон Зект и фон Фалькенхаузен, а также другие немецкие военные, курировавшие строительство завода, принадлежали к старой германской, прежде всего прусской, родовой аристократии. Знакомство с ними в дальнейшем сыграло немалую роль в жизни А. Печчеи. В серьёзных расследованиях действует принцип: множество взаимоперекрещивающихся косвенных свидетельств о чём-либо считается более надёжным доказательством события, характеристики, связей и т.п., чем даже прямое свидетельство или достоверный единичный факт. Следуя этому принципу, можно сказать, что в самом начале своей деловой карьеры А. Печчеи смог занять позицию интерлокера. Этот термин практически отсутствует в русскоязычной литературе, хотя активно используется за рубежом. В переводе он означает человека, который не только является связным между различными группами, но и в каком-то смысле координирует и даже активно влияет на взаимодействие между группами.

В связи с этим нужно сделать пояснение. В данном случае совершенно не имеется в виду, что А. Печчеи входил в агентурную сеть Разведупра. Отнюдь нет. Будучи работником специального подразделения «Фиата», а, соответственно, приближённым к руководству корпорации, он взаимодействовал с советской разведкой и конкретно с МСКП как партнёр в рамках программы налаживания межэлитных взаимодействий и различного рода обменов. По всей вероятности, в такой же роли он выступал по отношению к антигитлеровски настроенной части родовой германской аристократии, традиционно занимавшей серьёзные позиции в военной и разведывательной сферах, а также промышленности Германии. Обращает на себя внимание тот пассаж в книге Печчеи, где речь идёт о Британской империи. Подытоживая впечатления от года жизни в Гонконге, куда он прибыл после успешно проведённой эвакуации женщин и детей итальянского персонала строящегося авиазавода в Уси, А. Печчеи пишет: «Не трата лишних усилий и не делая лишних движений, Британская империя через посредство исключительно дееспособного корпуса гражданских служащих, эффективно поддерживаемых в случае необходимости Королевским флотом и несколькими батальонами сухопутных войск, умудрялась с лёгкостью править огромными территориями, поддерживая там необходимый порядок и следя за соблюдением коммерческих интересов Британской короны». Несомненно, месяцы, проведённые в Гонконге, позволили Печчеи установить новые связи в британском истеблишменте (город в те времена представлял собой военный, торгово-экономический, административный и финансовый форпост Британии в Азии, в городе концентрировалась британская колониальная, прежде всего, военная, административная и экономическая элита, контролировавшая ключевые посты в важнейших учреждениях и институтах города).

А. Печчеи не пишет о том, чем он занимался после возвращения в конце 1938 г. в Италию. В его книге можно найти только скупые строки: «Когда я возвратился в Европу, уже надвигалась Вторая мировая война, и я сразу же примкнул к антифашистскому фронту, а потом — к движению Сопротивления». Несомненно, так оно и было, но чтобы заниматься такого рода деятельностью в Италии, необходимо было где-то работать. Из книги его биографа Гюнтера Паули можно выяснить, что по возвращении в Италию Печчеи вновь стал работать в отделе специальных проектов «Фиата». Иначе быть и не могло, поскольку по совокупности А. Печчеи не только выполнил, но и, видимо, перевыполнил поставленные перед ним задачи.

Возникает закономерный вопрос: а как же можно было заниматься антифашистской деятельностью и при этом оставаться доверенным лицом семьи и работником специального подразделения? Чтобы ответить на него, следует чуть глубже погрузиться в итальянскую специфику того времени, связанную со взаимоотношениями крупного бизнеса, а конкретно «Фиата», с режимом Бенито Муссолини.

С одной стороны, Б. Муссолини предоставил «Фиату» огромные военные заказы. Фашистским режимом была создана уникальная финансовая система, стимулирующая промышленность. Суть её состояла в следующем. Крупные частные итальянские банки, в капитал которых вошло корпоративное государство, выдавали промышленности займы на пополнение оборотных средств сроком на один – два года, а вновь созданные специальные государственные структуры кредитовали инвестиционные проекты и перевооружение, выдавая займы под низкие проценты сроком на 10–20 лет. В значительной части эта система была сохранена в Италии и после краха фашистского режима и, пережив несколько метаморфоз, существует и по настоящее время. Наряду с этим Муссолини осуществил мощнейшую программу строительства шоссейных дорог по всей Италии и ввёл специальную программу сверхнизкопроцентного долгосрочного кредитования для покупки рядовыми итальянцами так называемых народных автомобилей, которые производил «Фиат»¹⁶. Вообще надо сказать, что разрекламированные социально-экономические достижения Гитлера в значительной мере являются жалким плагиатом гораздо более продуманной и целостной системы Дуче¹⁷.

С другой стороны, Муссолини, как никто другой, постоянно вмешивался не только в стратегическое, но и в оперативное управление крупными концернами, включая «Фиат», принудительно формировал номенклатуру выпускаемой ими продукции и, наконец, заставил «Фиат» отказаться от многих зарубежных проектов и инвестиций. И это при том, что «Фиат» под руководством Джованни Аньелли превращался в 1930-е годы в первую промышленную транснациональную корпорацию.

Имелось и ещё одно важное, особенно в контексте будущего А. Печчеи, обстоятельство. Несмотря на заключение Латеранских соглашений, у Папского престола были весьма натянутые отношения с Муссолини. Значительная часть кардиналов были явными или тайными врагами Дуче. Это важно по той причине, что у «Фиата» были крепкие и давние отношения с католической церковью. В акционерном капитале самого «Фиата» католическая церковь если и принимала, то очень небольшое участие. Однако в банках, с которыми всю первую половину века «Фиат» теснейшим образом взаимодействовал и частично владел — Банком Ди Рома и Кредито Италиано — Ватикан имел не только значительное влияние, но и заметную долю собственности¹⁸.

Семья Аньелли, вот уже 120 лет единолично контролирующая одну из крупнейших корпораций мира, относится к старой гвельфской итальянской аристократии и прослеживает свою родословную с XIV в. из города Равенна. В роду Аньелли было много военных и прелатов различных рангов. Исторически семья поддержива-

¹⁶ Муссолини Б. Третий путь без демократов и коммунистов. М.: Алгоритм, 2012.

¹⁷ Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Рай для немцев. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

¹⁸ Моравский З. Ватикан издали и вблизи. М.: Прогресс, 1981.

ла папский престол даже тогда, когда короли Пьемонта и Сардинии выступали против Рима. Кстати и сам Джованни Аньелли до того, как основал «Фиат», был офицером, а его партнёр, родовитый аристократ, играл заметную роль в итальянской армии. Интересно, что Джованни Аньелли, потомственный итальянский аристократ, быстро подружился с Генри Фордом, типичным селфмейдменом и выходцем из простой семьи. Они с удовольствием делились производственными секретами друг с другом, перенимали друг у друга самые передовые методы организации производства, а также методы социальной политики. В одной из немногих книг, посвящённых истории «Фиата» и семьи Аньелли¹⁹, описываются дружеские беседы Генри Форда и Джованни Аньелли, где они решительно противопоставляют себя как промышленников финансистам-банкирам, полагая, что цель последних — это поглотить их предприятия и установить власть над миром. Также Дж. Аньелли и Г. Форда сближало, мягко говоря, неоднозначное отношение к лицам еврейского происхождения.

По ходу войны руководители «Фиата», будучи мудрыми, осведомлёнными людьми всё более чётко понимали, что её итоги для Италии, а значит и для «Фиата» будут катастрофическими. Фактически в 1942 г. «Фиат», как и другие крупные концерны, оказался перед угрозой полной остановки производства из-за отсутствия экспортного топлива и сырья. С учётом этих сложных обстоятельств Джованни Аньелли и его консьюери, которого он готовил в преемники, профессор Витторио Валетта, что называется, играли в две руки. С одной стороны, они продолжали тесно сотрудничать с Муссолини, с другой — мягко говоря, не препятствовали деятельности А. Печчеи и других своих работников, вовлечённых в антифашистское движение.

В 1942 г. А. Печчеи, совместно с Феруччи Парри, а также Бруно Пинчерле, Джузеппе Ромита — в будущем руководителями и членами кабинета министров Италии, возродили движение «Справедливость и свобода». Первый раз это движение возникло в 1930 г. в Париже под руководством Карло Росселли. Там с участниками движения активно общался юный Печчеи во время своего пребывания в Сорбонне. Вслед за его отъездом движение было разгромлено, а его руководитель Карло Росселли убит. В возрождённое движение вошли в основном инженеры, техническая и гуманитарная интеллигенция, мелкие торговцы и деятели искусств. Это движение было далеко от коммунизма и носило скорее социал-демократический характер. Главным же требованием движения было не только свержение Муссолини, но и превращение Италии из монархии в республику, т.е. низложение Савойской династии. Ячейки движения базировались на промышленном севере. Самые мощные подразделения «Справедливости и свободы» имелись в Турине на заводах «Фиата».

По своей численности отряды «Справедливости и свободы» занимали второе место после коммунистов и намного превышали боевые подразделения социалистов и иных противников режима Муссолини. В условиях активной борьбы с фашистами и нацистами главным вопросом были не люди и организация, а оснащение оружием, боеприпасами, современными средствами связи и т.п. Всего этого хронически не хватало. В немалой степени это было связано с позицией британцев. В ходе Второй мировой войны Черчилль настаивал на первоочередном вторжении в Италию, а не на открытии второго фронта во Франции. Одновременно именно бри-

¹⁹ Bossi S., Spadolini G. Trent'anni di corse. Storia della Fiat. Roma: Editoriale Il Borgo, 1966.

танские части вели активные операции в Средиземном море и в Северной Африке. Соответственно, именно британцы взяли на себя поддержку групп сопротивления в Италии. Однако, в отличие от Франции и в какой-то мере Польши, руководящие органы итальянского сопротивления находились не в Лондоне, а на территории Италии. В результате британцы тормозили акции по поддержке отрядов сопротивления, причём не только коммунистов, но и движения «Справедливость и свобода».

Здесь историческое расследование сталкивается с очередной загадкой Аурелио Печчеи. Лидером движения «Справедливость и свобода» был Феруччи Парри, в последующем премьер первого после освобождения правительства Италии. Он до своей смерти в конце 1960-х годов имел репутацию кристально честного человека и символа Сопротивления. В своих письмах, изданных в 1962 г. в Милане²⁰, Ф. Парри пишет: «Первые контакты “Справедливость и свобода” в моём лице установила с представителями союзников в Швейцарии ещё в сентябре 1943 года». Между тем А. Печчеи пишет: «Однажды в 1942 году я дерзко воспользовался... возможностью и вместе с одним из моих друзей пробрался в расположенный в Берне центр американских разведывательных служб в Европе. Там мы заявили решительный протест командованию союзников и потребовали от них немедленных поставок снаряжения для наших боевых групп, действовавших в горных районах... Может быть, как раз благодаря дерзости миссия наша оказалась, в конечном счёте, успешной, ибо после этого не только значительно увеличилась помощь союзников боевым отрядам организации “Справедливость и свобода”, но и нам с другом удалось уцелеть и не угодить в тюрьму». Возникает когнитивный диссонанс. Как два человека, имеющих безупречную репутацию, принципиально расходятся относительно важнейшего эпизода в истории движения итальянского сопротивления?

Разгадка заключена в личности того, с кем контактировали в Швейцарии А. Печчеи и Ф. Парри. Не так давно были опубликованы материалы²¹, позволяющие сделать однозначный вывод о том, что А. Печчеи называет точные даты. В книге содержится один из докладов Даллеса за конец 1942 г., где он упоминает о молодых энергичных итальянцах, которые рассказали ему о текущем состоянии партизанских действий против режима Муссолини и немцев. По результатам встречи он принял решение рекомендовать американской стороне оказать им максимальную и быструю поддержку. В то же время в книге имеются документы, подтверждающие более позднюю встречу А. Даллеса и Ф. Парри.

Чтобы понять, в чём дело, нужно внимательно ознакомиться с личностью Аллена Ф. Даллеса, его биографией и ролью, которую он играл в Швейцарии. Семья Даллесов относится к своеобразной американской аристократии. Многие поколения семьи особенно преуспели на дипломатической и иной государственной службе. Старший брат Аллена Даллеса Джон Фостер Даллес после войны был госсекретарём, а сам Даллес вместе с Уильямом Донованом стал сначала создателем, а начиная с 1953 по 1961 г. — директором ЦРУ. Для исследования принципиально важно, что братья Даллесы занимали ответственные посты в одной из старейших и влиятельнейших международных адвокатских фирм Sullivan & Cromwell. Если Ал-

²⁰ Letter de I.Mc. Caffery a F.Parri – R. Secchia, F. Frassati, Lrga. Milano, 1962.

²¹ Petersen N.H. From Hitler's Doorstep: The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Penn State University Press, 2008.

лен Даллес в фирме занимался прежде всего лоббистскими функциями, то его старший брат входил в руководство.

Известные расследователи С. Данстейн и Д. Уильямс так описывают прибытие и первые дни Донована в Швейцарии: «Первоначально “Дикий Билл” Донован рекомендовал Даллесу отправиться в Лондон для координации взаимодействия Управления стратегических служб (прообраз ЦРУ. — *И.С.*) и британской разведки. Даллес запротестовал и взамен предложил создать отделение специальной разведки УСС в Швейцарии. Он руководствовался различными побуждениями. Разумеется, он хорошо знал эту страну и её столицу и вполне сносно говорил по-немецки. Но и на уровне личных предпочтений бонвивана, ценившего изысканную пищу, вина и общество прекрасных дам, Берн привлекал Даллеса гораздо больше, чем разрушенный бомбами Лондон. Кроме того, в оккупированной Европе Швейцария являлась центром нелегальных деловых и банковских операций. Как успешный юрист фирмы Sullivan & Cromwell Даллес был отлично подготовлен для отслеживания подобной деятельности, в интересах как правительства США, так и своих корпоративных клиентов. Но прежде всего Берн был идеальным местом для шпионажа...»²². В данной цитате и содержится разгадка. Она связана с особым отношением любого юриста к своим ценным корпоративным клиентам. В единственной фундаментальной истории адвокатской фирмы²³ можно прочесть о том, что одним из главных клиентов фирмы был Генри Форд. Когда Джованни Аньелли построил в Соединённых Штатах несколько своих предприятий, то Форд рекомендовал ему именно Sullivan & Cromwell, которые и стали юристами итальянского концерна на американской земле.

Отсюда становится понятным, что А. Печчеи прибыл буквально в первые дни пребывания в Швейцарии Аллена Даллеса в качестве резидента американских разведывательных служб, но не как один из лидеров «Справедливости и свободы», а как доверенное лицо семьи Аньелли. Естественно, что такой корпоративный статус гарантировал Печчеи безусловный приём и максимум внимания со стороны Аллена Даллеса. Вряд ли бы такая встреча произошла в столь сжатые сроки, если бы А. Печчеи действовал по мандату не уважаемого корпоративного клиента, а от имени одной не очень известной на тот момент американцам организации сопротивления. Тем более встреча не состоялась бы в первые дни существования американской резидентуры в г. Берн. Проведя секретную встречу, опять же по понятным причинам, Печчеи не мог раскрывать её детали и своим товарищам по руководству «Справедливости и свободы». Однако, так или иначе, благодаря помощи, пришедшей словно ниоткуда, «Справедливость и свобода» из небольшой локальной структуры превратилась во влиятельную вооружённую силу, вторую по масштабу после коммунистических отрядов, действующую не только в Турине, но и по всему северу и центру Италии.

В самом конце войны и в первые послевоенные месяцы произошли события, которые круто изменили положение Печчеи в компании «Фиат». До них он был ценным, быстрорастущим по карьерной лестнице сотрудником подразделения специальных проектов компании. После же этих событий Печчеи превратился в полноправного члена семьи Аньелли. В итальянские аристократические семьи мож-

²² Данстен С., Уильямс Д. Серый волк. Бегство Адольфа Гитлера. М.: Добрая книга, 2012.

²³ Dean A.H. William Nelson Cromwell 1854–1948: An American Pioneer in Corporation, Comparative and International Law. N.Y.: Ad Press, 1957.

но войти не только по праву рождения, но и по причине чрезвычайных заслуг перед старшими членами фамилии, безусловной преданности и самоотверженности. Именно таким образом А. Печчеи и стал полноправным членом одной из старейших гвельфских семей.

Итальянский бизнес имеет характерную черту, заметно отличающую его от компаний других стран мира. Она проявилась уже в XIX в. и продолжает накладывать свой отпечаток на структуры принятия решений и отношений внутри крупнейших компаний и небольших предприятий по сегодняшний день. В Италии как нигде велика роль семейных компаний. Забегая немного вперед, отметим, что «Фиат» до сих пор производит 3% ВВП Италии. Под семейным контролем продолжают находиться более 60% итальянских компаний, котирующихся на бирже. Крупные семейные компании отличаются от других несколько характерных черт:

во-первых, в семейных компаниях гораздо в большей степени, чем в обычных акционерных предприятиях, соединены права собственности, владения и повседневного управления;

во-вторых, для таких компаний свойственно наличие долговременной стратегии и её последовательное осуществление. Это связано с тем, что передача активов происходит из поколения в поколение, члены семьи являются не только владельцами, но и обязательно представлены среди топ-менеджмента, а соответственно, одно поколение заботится о деловых перспективах следующего;

в-третьих, такие компании характеризуются высокой адаптивностью к изменяющейся ситуации. Сосредоточение в одних руках функций владения и управления существенно облегчает принятие решений и позволяет эффективно преодолевать бюрократические препоны, свойственные любой крупной акционерной компании;

в-четвёртых, в наиболее эффективных семейных компаниях отлажен механизм принятия в члены семьи особо доверенных лиц из топ-менеджмента или руководителей функциональных подразделений.

Включение в члены семьи означает не только полноправное участие в принятии решений, допуск к подавляющему большинству, а иногда и всем секретам компании, наделение члена семьи не только управленческими функциями и собственностью, но и отношение к чужому по крови человеку как к близкому родственнику, полноправному члену семьи. В связи с этим до эпохи финансиализации, когда всё стали решать денежные ресурсы, которые семейным компаниям аккумулировать труднее, чем обычным акционерным структурам, именно такие компании не только показывали высокую эффективность и устойчивость, но и в Италии, частично в Германии, Нидерландах, и в меньшей степени в Великобритании и Франции, являлись столпами, своего рода несущими конструкциями национальных экономик²⁴.

Путь Печчеи в члены семьи Аньелли открыли события, развернувшиеся вокруг «Фиата» и его руководства с участием Комитета национального освобождения и военного правительства Италии, которое учредили союзники. А. Печчеи пишет: «Ещё шла война, когда Комитет национального освобождения назначил меня одним из комиссаров компании “Фиат”... Моей первой задачей была организация работ по восстановлению разрушенного промышленного оборудования и возобнов-

²⁴ The Crisis of Global Capitalism: Pope Benedict XVI's Social Encyclical and the Future of Political Economy / Ed. by A.Eu. Pabst. OR: Wipf & Stock Pub., 2011.

ление производственной деятельности... Союзники учредили тем временем в Италии военное правительство».

В первые месяцы после войны в Германии и в Италии шли процессы, связанные с люстрацией топ-менеджмента промышленных предприятий, сотрудничавших с нацистами и фашистами. Из многочисленных источников хорошо известно, что и в Германии, и в Италии практически весь крупный бизнес так или иначе сотрудничал с нацистским и фашистским режимами. При этом, правда, в реальной истории, в отличие от пропаганды, сотрудничество, а в Германии прямая организация прихода Гитлера к власти сопровождалась серьёзными разногласиями, противоречиями, спорами и даже участием в антигитлеровском движении в Германии и в антифашистском и особенно антинацистском движении в Италии.

Военная администрация союзников в Германии и Италии состояла из представителей США, Великобритании и Франции. При этом ситуации в Германии и Италии существенно различались. Это проявлялось и в отношении судьбы предприятий как материально-технических комплексов, и при решении вопросов о собственности и управлении заводами. В Италии американские представители, с одной стороны, и британские и французские — с другой, занимали в большинстве случаев диаметрально противоположные позиции. В полной мере это проявилось в случае с «Фиатом». Американцы исходили из необходимости разделения военного и гражданского производства компании с частичной ликвидацией первого и безусловным сохранением второго. Они также исходили из принципа незыблемости частной собственности и выступали за сохранение за семьёй Аньелли и мелкими собственниками всего капитала. Они были достаточно индифферентно настроены по отношению к топ-менеджменту. Британцы и французы предлагали применить к «Фиату» такие же нормы, как к IG Farben или концерну «Юнкерс». То есть попросту ликвидировать «Фиат» как производственно-технологический комплекс, часть оборудования уничтожить, а часть — вывезти в Британию и во Францию в счёт репараций. Владелец «Фиата» предлагалось наказать и лишить собственности, а главных руководителей заключить в тюрьму²⁵.

Различие в позициях было обусловлено отнюдь не последовательным антифашизмом британцев и французов и отсутствием такового у американцев. Здесь действовал универсальный принцип — «просто бизнес и ничего личного». Американские автомобильные корпорации и машиностроительные предприятия не видели в «Фиате» конкурента. Они производили автомобили и типы машиностроительной продукции совершенно иных классов. Что же до британского и французского бизнеса, который в результате Второй мировой войны, в отличие от американцев не заработал, а потерпел серьёзные убытки, то он рассматривал «Фиат» как опасного конкурента, которого следовало уничтожить. И здесь, несомненно, опять пригодились старые связи семьи Аньелли с Sullivan & Cromwell, выходцы из которого заняли серьёзные посты в госдепартаменте и разведке. Немалую роль, видимо, сыграло также много давнее обоим знакомство А. Печчеи с А. Даллесом.

А. Печчеи описал всё это предельно лаконично: «Мне позвонил представитель союзников и, поблагодарив меня за прекрасное исполнение возложенных обязан-

²⁵ Bossi S., Spadolini G. Op. cit.

ностей на «Фиате», объявил, что во мне более не нуждаются и я должен отстраниться от дел. При этом он добавил, что я могу сам выписать себе чек на сумму, в которую оцениваю свои исключительные услуги. Никогда прежде я не слышал такого чисто американского выражения». Мнение американцев решительно возобладало, и «Фиат», как производственную структуру было решено сохранить, за исключением военного производства. Однако оставалась ещё одна проблема. Комитет национального освобождения не хотел восстановления старой администрации на «Фиате». Между тем, это был ключевой вопрос. Проблема состояла в том, что Джованни Аньелли, понимая, что к нему могут быть серьёзные претензии в связи с сотрудничеством с Муссолини и предвидя неизбежный проигрыш войны, ещё в 1942 г. сложил свои полномочия в пользу полноправного члена семьи, профессора Витторио Валетта. Однако претензии после войны были предъявлены именно профессору.

После смерти Джованни Аньелли в 1945 г. главой семьи стал его внук Джанни Аньелли. Ему на тот момент было всего 24 года. Прервав обучение в Туринском университете, он отправился воевать танкистом в составе войск Муссолини сначала в Северную Африку, а потом в СССР. Получив на Восточном фронте ранение, он вернулся на родину. Несмотря на то, что в последующем Джанни Аньелли был признан одним из самых выдающихся менеджеров второй половины XX в., на тот момент он, по его словам, был совершенно не готов принять на себя управление компанией, поскольку не имел ни малейшего опыта. В этих условиях удаление Валетты с «Фиата» по сути означало переход контроля над заводами от семьи Аньелли в другие руки.

В течение второй половины 1945 – начала 1946 г. шли упорные переговоры между Комитетом национального спасения, а затем правительством Италии — с одной стороны, и представителями семьи Аньелли, которую формально представлял Джанни Аньелли. Решающую роль в этих переговорах сыграл А. Печчеи. Дело в том, что значительную часть правительства составляли либо его соратники по вооруженной борьбе, либо люди, которых он очень хорошо знал. В результате несмотря на сопротивление многих итальянских деловых кругов, очень влиятельной коммунистической партии Италии, британской разведки, сильно представленной на Апеннингах, Печчеи при поддержке некоммунистических левых, христианских демократов, связанных с Ватиканом и американской военной администрацией, удалось вернуть профессора Витторио Валетта на пост первого руководителя компании и предоставить ему карт-бланш по формированию топ-менеджмента и проведению корпоративной политики.

После завершения борьбы за «Фиат» А. Печчеи, как полномочный представитель правительства, а фактически лицо, представляющее «Фиат» и в значительной степени интересы Ватикана, возглавил работу по созданию национальной авиационной компании АлИталия, которая по сей день остается одним из крупнейших европейских авиаперевозчиков. В этой работе он тесно взаимодействовал с интеллектуальным партнером Джованни Аньелли, известным экономистом, к тому времени главой Центрального банка Италии Луиджи Эйнаути²⁶. Самолеты вновь образованной компании передавались за бесценок американцами. Поскольку план Маршалла к тому моменту ещё не был запущен, Центральному банку было необходимо придум-

²⁶ Agnelli G., Castronovo V. La FIAT dal 1899 al 1945. Torino: Einaudi, 1977.

мать необычные финансовые инструменты для проведения этой операции. Важность же этого знакомства состояла и в том, что буквально на следующий год Л. Эйнауди стал одним из основателей знаменитого общества «МонтПелерин», которому предстояло сыграть большую роль и в мировом развитии, и в судьбе нашей страны.

Попутно хотелось бы отметить ещё одно ранее неакцентированное обстоятельство. Подавляющая часть персонажей, сыгравших большую роль в жизни Печчеи, получили иезуитское образование. В частности, колледжи и школы иезуитов окончили Джованни Аньелли, Джанни Виторио Валетта и Луиджи Эйнауди. Печчеи учился в школе, которой покровительствовали иезуиты. Печчеи и Джанни Аньелли окончили Туринский университет. Племянник Аллена Даллеса был католическим кардиналом, который курировал все иезуитские университеты в США. Туринский университет был светским учебным заведением, и более столетия находился на государственном обеспечении. Правящая до 1945 г. в Италии Савойская династия ранее властвовала в королевстве Пьемонт и Савойя, столицей которого как раз и был Турин. Университет долгие годы спонсировался и опекался Савойской династией. На протяжении всей своей истории она находилась в крайне напряженных отношениях с папским престолом, и поэтому Ордену иезуитов было важно укрепить влияние Ватикана в Савойе, а потом и в Италии в целом. Кузницей же кадров для итальянской элиты как раз и был Туринский университет. В нём особенно сильны были кафедры, связанные с административным управлением, правом, экономикой и инженерными специальностями. В результате, хотя университет был светским и финансировался королевской властью, иезуиты со свойственным им умением обходить запреты и преграды, рекрутировали основную часть профессорско-преподавательского состава и формировали программы. Соответственно, многие выпускники университета, особенно наиболее талантливые, попадали под негласную опеку иезуитов и всю жизнь взаимодействовали с Ватиканом, даже в тех случаях, когда по убеждениям были далеки от традиционного католицизма²⁷.

4

После войны «Фиат», которому удалось выстоять в немалой степени благодаря стараниям А. Печчеи, считался вместе с американской резидентурой, Ватиканом и контролируемым христианскими демократами правительством четвертым столпом власти. В 1948 г. в Италии совместными усилиями крупного промышленного капитала, американской администрации и Ватикана удалось отстранить от власти левое правительство, находившееся под значительным влиянием коммунистической партии, и привести к власти христианских демократов. Им предстояло править долгие десятилетия. Вместе с коммунистами с первых ролей ушли и многие левоцентристы, представители других партий, в большинстве — друзья А. Печчеи. В Италии понадобились новые лица. А. Печчеи отправился покорять Латинскую Америку. Аньелли поставил ему задачу превратить «Фиат» в крупнейшую автомобильную компанию Латинской Америки. Плацдармом для завоевания была выбрана Арген-

²⁷ Prucha F.P. Brokers of Culture: Italian Jesuits in the American West, 1848–1919 // The Catholic Historical Review. Stanford, CA: Stanford University Press. 2010.

тина. Выбор страны диктовался целым рядом обстоятельств. Прежде всего, треть населения Аргентины, второй после Бразилии по численности страны Латинской Америки, составляют итальянцы. Отличительной особенностью итальянской диаспоры во всём мире является её сплочённость, сохранение национальной идентичности и тесная связь не только с метрополией, но и с отдельными регионами, например, Савойей, Сицилией и др.

Наряду с этим в Аргентине традиционно была сильна католическая церковь. К слову, нынешний папа Франциск — первый иезуит на папском престоле, всю жизнь жил и служил католической церкви именно в Аргентине. У «Фиата» же, как отмечалось выше, сложились устойчивые, в том числе взаимовыгодные, банковско-финансовые отношения с Ватиканом. Они ещё более упрочились с падением режима Муссолини. Однако этих двух обстоятельств, умноженных на административные таланты и неугасающую энергию Печчеи, было недостаточно для успешной реализации столь амбициозной миссии. Существовали дополнительные факторы, благоприятствовавшие миссии.

В Латинской Америке, в том числе в Аргентине, исторически было сильно влияние США. Особенно оно возросло после завершения Второй мировой войны. Без крепких связей с высшим американским истеблишментом успешно решить задачи реализации крупных инвестиционных проектов в Латинской Америке было просто невозможно. У «Фиата» было, по меньшей мере, два канала в высшие деловые круги Америки. Во-первых, юридическая компания «Фиата» Sullivan & Cromwell не просто обслуживала крупнейшие американские корпорации, но была сильнейшим лоббистом и поставщиком кадров в администрацию Гарри Трумэна. Достаточно сказать, что старший брат Аллена Даллеса Джон Фостер Даллес, так же, как и младший брат, работавший в этой фирме, стал госсекретарём Соединенных Штатов и по сути формировал всю внешнюю политику. Здесь лишний раз А. Печчеи пригодились знакомства и связи с Алленом Даллесом, стремительно выдвигавшемся на первые роли в американском разведывательном сообществе.

Во-вторых, Джованни Аньелли поддерживал на протяжении всей жизни дружеские отношения с Генри Фордом. «Форд» так же, как и «Фиат», хотя и в меньшей степени, являлся семейной компанией. Наследники Генри Форда продолжали поддерживать связи с семьёй Аньелли. «Форд» не рассматривал Латинскую Америку как сколько-нибудь перспективный рынок. Он делал американские машины для Америки — большие и дорогие. При этом у «Форда» были свои мощные связи и в дипломатической, и в военной, и в разведывательной элитах Америки. Соответственно, Печчеи в своей деятельности в Аргентине, а в последующем и в других странах Латинской Америки постоянно чувствовал за собой спину не только «Фиата», Италии и папского престола, но и Америки, включая не только корпорации, но и разведку, и дипкорпус. Этому в значительной степени способствовала семья Даллесов и корпорация «Форд».

Наконец, есть ещё одно весьма деликатное обстоятельство, которое напрочь игнорируется всеми книгами, посвящёнными истории «Фиата», включая его деятельность в Латинской Америке. Естественно, оно полностью отсутствует в книгах Печчеи, а также в работах его биографов и друзей, как например, Д. Гвишиани. Речь идёт вот о чём. В качестве плацдарма была выбрана именно Аргентина. Этот

выбор был обусловлен ещё и тем, что здесь третьей по численности национальной диаспорой были немцы. В связи с этим Аргентина стала одним из основных центров переброски финансовых средств и эвакуации научно-технического, военного и интеллектуального потенциала нацистской Германии. Наиболее полная информация на этот счёт содержится в книге Дж. Фаррелла «Нацистский интернационал»²⁸.

Не будет преувеличением сказать, что в 1940–1950-е годы ни один крупный проект в Аргентине не мог быть реализован без негласной поддержки нацистов, создавших целые колонии на территории страны. И без того немалое влияние белых нацистов, ставших добропорядочными городскими буржуа и латифундистами, превратилось в преобладающее с приходом к власти в 1948 г. Хуана Доминго Перона. Вновь избранный президент, который пробыл у власти на протяжении всего срока пребывания А. Печчеи в Аргентине, не скрывал своих пронацистских симпатий. Более того, его доктрина — хустиализм — являлась не чем иным, как калькой с корпоративного государства Муссолини. В этом смысле можно говорить об иронии деловой карьеры Печчеи. Убеденный антифашист и борец с Муссолини выбрал для своей деятельности страну, в которой на протяжении всего времени его работы правил человек, старавшийся реализовать доктрину Муссолини, может быть в более популистском варианте, на латиноамериканской почве.

Особенно сильным влияние немцев было в промышленном центре Аргентине — провинции Кордоба. Именно в ней под руководством Печчеи был в рекордные сроки спроектирован, построен и выведен на проектную мощность крупнейший в Латинской Америке автомобильный завод. Ясно, что Печчеи должен был обладать возможностями как минимум нейтрализовать, а скорее всего заинтересовать бывших нацистов в крупном амбициозном проекте. Это и было тщательно скрываемое обстоятельство. Без заинтересованности подобного рода Х.Д. Перон, несомненно, ставил бы палки в колёса проекту и его бы не удалось столь быстро и эффективно реализовать. Между тем, президент не только не препятствовал, а всячески помогал строительству завода «Фиат» в Кордобе. Более того, хроника того времени сохранила кадры с несколькими визитами Эвиты и Хуана Перон на итальянский завод.

Можно предположить, что Печчеи располагал тремя устойчивыми каналами работы с представителями нацистского интернационала и находившегося под их влиянием Х.Д. Перона. Первый канал, скорее всего, был предоставлен Ватиканом. Ватикан сыграл огромную роль в массовой эвакуации членов нацистской партии и СС, а также капиталов в Латинскую Америку²⁹.

Второй канал А. Печчеи мог получить от А. Даллеса. Канал связан не с тем, что Управление Стратегических Служб, а затем ЦРУ, которое Даллес возглавил в 1953 г., наследовали значительную часть нацистской агентуры по всему миру и аппарата нацистской внешней разведки во главе с генералом Геленом. Представляется, что Печчеи могли быть предоставлены более ценные связи. Известно, что Даллесы и до и после войны поддерживали тесные отношения с бароном Куртом фон Шрёдером. Он был владельцем банка J.H. Stein. В Третьем рейхе Шредер был из-

²⁸ Фаррелл Дж. Нацистский интернационал. Послевоенный план нацистов по контролю над миром. М.: ЭКСМО, 2011.

²⁹ Steinacher G. Nazis on the Run: How Hitler's Henchmen Fled Justice. Oxford: Oxford University Press, 2012; Goni U. The Real Odessa: How Peron Brought the Nazi War Criminals to Argentina. L.: Granta, 2003.

вестен как личный банкир Гитлера. При этом он представлял в Германии 30 компаний, включая пять американских, в том числе ИТТ и Ford. Кроме того, он поддерживал тесные отношения с Рокфеллерами и входил в совет директоров банка банков — Банка международных расчётов в Цюрихе. После войны барон фон Шрёдер по сути избежал какого-либо наказания, а большая часть его клиентов из числа офицеров СС оказалась в Аргентине и зажила новой жизнью³⁰. К. фон Шрёдера связывали к началу 1950-х годов более чем десятилетние деловые, а отчасти и политические отношения с семьёй Даллесов, сформировавшиеся в основном благодаря связям банковских кругов Германии с фирмой Sullivan & Cromwell. Вполне логично предположить, что этот канал сыграл свою роль.

В пользу данной гипотезы говорит тот факт, что в книгах по истории компании «Фиат», на которые даны ссылки ранее, подчеркивается, что в быстром пуске и эффективной работе автомобильного завода «Фиат» в Кордобе большую роль сыграла дружная работа интернационального коллектива топ-менеджеров, инженеров и техников из аргентинцев, итальянцев и немцев. Кстати попутно надо отметить, что в США не только Даллесы, но и другие вовлеченные в большую политику семьи теснейшим образом сотрудничали с нацистской Германией, фашистской Италией и сделали на этом серьёзные деньги. В качестве примеров можно привести отца президента Джона Кеннеди Джозефа и отца и деда двух президентов США Джорджей Бушей Прескотта Буша.

Наконец — третий канал — можно предположить, что не прошли даром и немецкие связи самого Аурелио Печчеи, наработанные в Китае. Многие из офицеров, работавших в то время в германско-китайской миссии, затем до последних дней служили в Вермахте, а часть из них оказались в Аргентине и даже опубликовали воспоминания о своей жизни.

Таким образом, Аурелио Печчеи как никто другой обладал уникальной комбинацией разнообразных связей, лоббистских возможностей и административных дарований. В совокупности они позволили не только запустить крупнейший автомобильный завод в Кордобе, но и заложить строительную площадку ещё более крупного завода в Бразилии, развернуть сбытовую сеть автомобилей «Фиат» по всей Латинской Америке, и открыть сеть филиалов других предприятий группы «Фиат». В течение 1950-х годов «Фиат» превратился в крупнейшую европейскую компанию в Южной Америке. Параллельно с этим Печчеи наработал собственные личные связи с ключевыми фигурами в политических, деловых и военных кругах таких ведущих стран Латинской Америки как Бразилия, Аргентина, Чили, Перу, Венесуэла и Колумбия.

В 1957 г. Печчеи возвращается в Италию. В своей книге он пишет: «Несколько представителей правительственных кругов, видных промышленников и финансистов предложили мне основать и возглавить инициативную группу, которая бы, обобщив итальянский опыт в области развития, могла в дальнейшем использовать его для помощи развивающимся странам, в особенности тем, которые расположены в Средиземноморье. Все предпринятые к тому времени попытки создать нечто в этом роде закончились неудачно.

³⁰ Данстен С., Уильямс Д. Ук. соч.

Я был абсолютно убежден, что для достижения этой похвальной, благородной цели необходимо, прежде всего, заложить прочные, солидные основы, обеспечить надежную стартовую площадку. И начать нужно с создания уже зарекомендовавшей себя в нынешней международной практике консультативной группы, которая бы состояла из опытных инженеров и экономистов, и была уполномочена в тех случаях, когда это окажется необходимым или целесообразным принимать непосредственное участие в осуществлении тех или иных проектов... Мои предложения были приняты и в соответствии с ними родилась новая консультативная фирма «Италконсалт», в которой принял участие ряд промышленных и финансовых групп Италии... «Италконсалт» действовал, начиная с 1957 г. более чем в 50 странах мира и стала одной из самых крупных и активных консультативных компаний... Я дал согласие возглавить её в качестве управляющего, наделенного всей полнотой власти, оговорив при этом право сохранить за собой все посты и связи с «Фиатом».

Ключевую роль в возвращении Печчеи в Европу и создании «Италконсалта» сыграл Джанни Аньелли. К тому времени он возглавлял семью Аньелли. В «Фиате» по-прежнему первым лицом оставался Витторио Валетта. Аньелли же постепенно брал на себя руководство неавтомобильной частью бизнеса «Фиата», а параллельно расширял круг тесных дружественных связей с политической, деловой, военной элитой мира. Надо сказать, что Д. Аньелли был не только одним из самых сильных управленцев второй половины XX века, проницательных, умных людей Италии, но и героем светских хроник, любовных историй и газетных репортажей. Чтобы нынешний читатель понял типаж Джанни Аньелли, можно привести мнение, бытующее в современных итальянских СМИ. Всем известного Сильвио Берлускони в Италии называют кто маленьким Джанни Аньелли, кто карикатурой на него. К числу даже не знакомых, а друзей Джанни Аньелли принадлежали такие известные и разные люди, как Джон и Роберт Кеннеди, Шарль Де Голль, князь Монако Ренье, Дэвид Рокфеллер, крупнейший германский промышленник Отто фон Америкен и принц Бернхард, кстати, инициатор создания Бильдербергского клуба³¹.

Прежде чем возвратиться к деятельности «Италконсалта» — несколько слов о принце Бернхарде, одном из инициаторов Бильдербергского клуба. Что до клуба, то речь о нем пойдет дальше, а пока — о принце, тем более что он сыграл достаточно большую роль в создании консорциума ADELA. Относительно принца существует множество мифов, часть которых создана им самим. Как следствие, неточно расставленные акценты в понимании личности оборачиваются серьёзными искажениями в понимании реальных целей деятельности различного рода организаций, куда он входил. Даже наиболее глубокие, проницательные историки пишут относительно Бернхарда: «Считают, с принца срисовал Джеймса Бонда его приятель, писатель-разведчик Ян Флеминг. Бернхард работал в разведке германского химического концерна IG Farben, по модели которой потом создавали спецслужбы Третьего рейха. Бернгард служил и в СС. Женился на принцессе Нидерландов Юлиане, будущей королеве. Во время Второй мировой выполнял деликатные поручения. В частности, несколько раз от имени Третьего рейха пытался навести мосты между гитлеровским режимом и британским истеблишментом».

³¹ Friedman A. Agnelli, Fiat and the Network of Italian Power. N.Y.: Dutton Adult, 1989.

До последнего времени информацию о Бернхарде ЦуЛиппе-Бестерфельде черпали из различного рода слухов, а также его официальной биографии, опубликованной при его жизни³². Однако не так давно известный голландский историк-расследователь Аннет Ван Дер Зул опубликовала книгу «Тайная история Бернхарда»³³. Как дотошный расследователь историк длительное время провела в архивах и пользовалась, что называется, первичной документацией. В соответствии со стандартами нормальной науки и личной порядочностью Зейл изложила в своей книге результаты изысканий, которые частично бросали тень, а частично, наоборот, вызывали симпатии к покойному принцу.

Как известно, в одном из последних интервью Бернхард, который никогда не отрицал, что короткое время сочувствовал режиму Адольфа Гитлера, сказал: «Могу поклясться на Библии, я никогда не был нацистом». В своей книге историк пишет, что, возможно, принц имел в виду духовную, а не фактическую сторону дела. Факты же говорят о другом. Ей удалось найти в архивах университета Гумбольдта в Берлине номер членского билета принца Бернхарда в НСДАП. Согласно этому документу, он вступил в партию в 1932 г. и пребывал там до окончания университета в 1934 г. Кроме того, она выяснила, что членом СС, согласно тем же обнаруженным документам, он никогда не был, но входил в отряды штурмовиков, приписанных к университету. Вполне очевидно, что между СС и штурмовиками имеется большая разница как по выполняемым функциям, так и по их исторической судьбе.

Что касается карьеры Бернхарда в IG Farben, то историк опять же развенчала слухи и мифы. В парижском филиале консорциума, куда после окончания университета отправился принц, он, в отличие от А. Печчеи, не имел никакого отношения ни к разведке, ни к спецпроектам. Он там работал в отделе внутренней логистики и департаменте продаж. Таким же мифическим оказалась разведывательная деятельность и посредничество между Третьим рейхом и Великобританией в годы Второй мировой войны. Применительно к этому периоду реальный Бернхард оказался гораздо более симпатичным, чем порожденный историческими слухами и мифами персонаж. В самом начале войны Бернхард создал из королевской гвардии, занимавшейся защитой семьи, отряд, который короткое время под его руководством участвовал в военных действиях против нацистов, вторгшихся в Голландию. Затем по требованию королевы Вильгельмины он вместе со всей королевской семьей эвакуировался в Великобританию, где возглавлял голландскую военную миссию при Объединенном командовании союзников. Более того, неоднократно в ходе войны, будучи опытным пилотом-любителем, он в качестве члена экипажа участвовал в полноценных боевых действиях — бомбил немецкие города.

Возвращаясь к «Италконсалту», нельзя не сказать, что идеи Печчеи намного опередили своё время и до сих пор в каком-то смысле являются ещё не освоенной бизнес-технологией. По сути «Италконсалт» являлся представителем сначала итальянских, а потом ряда зарубежных крупнейших компаний. В этом качестве компания выходила на ключевые фигуры и группы в деловых, административных и политических кругах многих (как следует из воспоминаний — пятидесяти) стран мира. С ними она прорабатывала сферы наиболее эффективных в дело-

³² Hatch A.H.R.H. Prince Bernhard of the Netherlands; an authorized biography. Subject: Bernhard Leopold, consort of Juliana, Queen of the Netherlands. London: Harrap, 1962.

³³ Zijl, van der A. Bernhard. Een verborgen geschiedenis. Amsterdam: Queridos, 2010.

вом плане — с одной стороны, и необходимых этим кругам — с другой стороны, направлений деятельности. При этом для повышения политической устойчивости и бизнес-привлекательности выбирались, как правило, проекты, которые имели явный и очевидный для населения страны социальный результат. Затем под эгидой компании разрабатывался инвестиционный проект. А на заключительной стадии соответствующие компании из числа учредителей «Италконсалта» реализовывали этот проект, получая экономические дивиденды, политическое признание и наращивая социальный капитал. В настоящее время учеником и секретарем А. Печчеи в последние годы его жизни, а ныне одним из самых успешных предпринимателей в мире Гюнтером Паули традиции «Италконсалта» были трансформированы в новое бизнес-направление под названием «синяя экономика»³⁴.

Сегодня по компаниям из стран Западной Европы доступны разнообразные сведения, как правило, начиная с послевоенного периода, а Великобритании — с начала века. Достаточно обратиться, например, к базе Lexis Nexis, чтобы выяснить учредителей любой официально зарегистрированной компании и их изменения за период её существования. Не составляет исключения и «Италконсалт». Исходно учредителями компании стали концерны «Фиат», «Пирелли», конгломерат «Ассенурацо централе», ведущие банки и оба главных государственных инвестиционных института. Не менее интересно, что затем в число учредителей «Италконсалта» вошли компании, принадлежащие богатейшим семьям Италии, включая Бенеттонов, Моратти, Геруццо, Бенедетти, Гаронна и Ферраро. Ещё в течение 3–5 лет в состав учредителей вошли компании, принадлежащие богатейшим семьям Испании, а именно Ортега, Рива и Алавесам, а в 1964 г. присоединилась компания Фольксваген, контролируемая опять же семьёй Пёч-Порше.

В итоге можно сделать вывод о том, что под крышей «Италконсалта» была сформирована мощнейшая лоббистско-инвестиционная структура, принадлежащая богатейшим европейским семьям исключительно из католических стран — Италии и Испании. Казалось бы, исключением является концерн Фольксваген, который расположил свои заводы на северо-западе Германии в традиционном протестантском районе. Однако нетрудно установить, что Пёч тоже придерживаются католического вероисповедания, также, как и другая ветвь семьи — Порше.

Несмотря на всю удивительность создания такой координационной и инвестиционной группы, включающей в себя компании, принадлежащие богатейшим семьям, данное образование, тем не менее, глубоко укоренено в традиции итальянского и шире — латинского — бизнеса. Как показали последние работы, ставшие результатом исследования огромных массивов статистической информации относительно владельцев, топ-менеджмента, хозяйственных связей между компаниями в различных странах, проведённого с использованием изощренного математического аппарата, Италия обладает наибольшим уровнем связанности бизнеса. В переводе с математического на общечеловеческий, это означает, что именно в Италии различные группы, семьи наиболее тесным образом связаны между собой³⁵. Не-

³⁴ Pauli G. Blue Economy: 10 Years, 100 Innovations, 100 Million Jobs. Brooklyn, N.Y.: Paradigm Pubns, 2010.

³⁵ Piccardia C., Calatronia L., Bertoni F. Communities in Italian corporate networks. Milano: Physica A, 2010. http://home.deib.polimi.it/dercole/csr/Piccardi_2010.pdf

сколько меньшая связанность характерна для Испании и Англии, затем идут Голландия и Шотландия. Наименьшей связанностью обладают семейные группы из Франции, Северной Германии и Скандинавии.

Об эффективности деятельности «Италконсалта», а соответственно — о кооперации усилий богатейших деловых католических семей Европы, свидетельствуют данные, опубликованные 29.05.2012 г. в газете FT в статье «Top 100 family businesses in Europe». В ней, помимо прочего, приведена уникальная таблица о состояниях и контроле над компаниями применительно к 100 богатейшим европейским бизнес-семьям. Подавляющая часть учредителей «Италконсалта», спустя 50 лет после начала его работы, продолжает входить в список топ-100, а семьи Печи-Порше и Аньелли занимают соответственно первое и второе места в списке.

Неоспоримые достижения А.Печчеи в Латинской Америке и успехи руководимого им «Италконсалта» в странах Средиземноморья побудили в начале 1960-х годов обратиться к нему американцев. В Латинской Америке в первые годы президентства Д. Кеннеди Америка испытывала колоссальные сложности и проблемы. К историческому недоверию и даже нелюбви к американцам со стороны латиноамериканцев в это время прибавился фактор Кубы. Куба в первые годы своего существования являлась, несомненно, источником надежды, вдохновения и примером для всей Латинской Америки. Причём, как сегодня уже ясно, это относилось не только к обездоленным латиноамериканцам, квалифицированному рабочему классу, инженерно-техническим работникам и всегда оппозиционной интеллигенции, но и к значительной части деловых, правящих и даже военных кругов. Надо иметь в виду, что помимо несомненных успехов кубинской революции и, как теперь принято говорить, неимоверной притягательности её бренда для латиноамериканской элиты значение имел персональный состав руководителей-революционеров. И Ф. Кастро, и Че Гевара были выходцы из верхних слоёв общества. Их родители входили в элиту своих стран, а сами они имели большие разветвленные связи на континенте. К тому же семья Кастро на протяжении XIX и XX вв. имела особые отношения с Ватиканом. Символично, что первая и пока единственная встреча папы Римского и патриарха Всея Руси Кирилла прошла в 2016 г. именно на Кубе.

Особенно обострились отношения Латинской Америки и США после провала авантюры с высадкой отрядов кубинских эмигрантов в заливе Кочинос, после чего А. Даллес был вынужден уйти в отставку с поста директора ЦРУ. Несмотря на всю озабоченность разворачивавшимся ракетным кризисом, который чуть не поставил мир на грань Третьей мировой войны, администрация Кеннеди и прежде всего её наиболее талантливые мыслители-организаторы, включая Макджорджа Банди, Роберта Кеннеди и Дина Раска, искали пути быстрой и эффективной контригры против СССР и Кубы в «мягком подбрюшьи» Соединенных Штатов — Латинской Америке. Эти идеи в итоге приобрели организационную форму, объявленную президентом Кеннеди как «Союз ради прогресса». Этот союз должен был стимулировать экономические и социальные реформы в Латинской Америке, направленные на модернизацию экономики и ослабление социального недовольства. Соответственно, имелось в виду снизить социальную напряженность в обществе и блокировать воздействие революционной Кубы и опосредованно — Советского Союза. Однако советники Кеннеди были реалистами, и отдавали себе отчет в том, что любая прави-

тельственная программа неизбежно связана с преодолением огромного числа бюрократических сложностей и вряд ли заработает быстро. В этих условиях Банди, который был специальным советником президента по национальной безопасности, решил заручиться поддержкой Конгресса, и обратился к влиятельным сенаторам от демократов и республиканцев, — Хуберту Хамфри и Джекобу Джавитсу.

Хамфри был едва ли не ключевым лицом в аппарате демократической партии, который не слишком любил Кеннеди, но подчинялся партийной и государственной дисциплине. Нелюбовь была связана с тем, что он сам был кандидатом в президенты в 1960 г., но его достаточно бесцеремонно убрал с дороги клан Кеннеди. Впоследствии Хамфри был вице-президентом у Л. Джонсона, проиграл президентские выборы Р. Никсону и до последних дней оставался одной из наиболее влиятельных фигур в демократической партии. В 1970-е годы М. Банди и Х. Хамфри сыграют очень большую роль в создании Международного института системного анализа в Вене, о котором вместе с Римским клубом речь впереди.

Что же касается Джавитса, то помимо того, что он был влиятельным сенатором-республиканцем и мог организовать на поддержку инициативы Джона Кеннеди в Конгрессе своих коллег-республиканцев. Сенатор лично хорошо относился к Джону Кеннеди и к тому же долгие годы дружил с семьёй Рокфеллеров, особенно с Уинтропом и Джоном Третьим.

Как вспоминает Хамфри³⁶, он высказал сомнения в возможности реализовать инициативу «Союза ради прогресса» чисто бюрократическими методами без поддержки бизнеса. Он также вызвался переговорить со своим хорошим знакомым, принцем Бернхардом, который глубоко знал деловых людей по всему миру, умевших работать в рамках государственных программ. Надо отметить, что Х. Хамфри в качестве одного из ключевых американских политиков несколько раз приглашался на заседания Бильдербергского клуба лично принцем Бернхардом.

В своей автобиографической книге А. Печчеи пишет: «Два прогрессивных американских сенатора Джекоб Джавитс и Хуберт Хамфри спросили меня, не соглашусь ли я стать во главе проекта по перестройке частного предпринимательства в Латинской Америке». Понятно, что, соединив воспоминания Хамфри со строками книги Печчеи, можно сделать вывод о том, что с подачи принца Бернхарда и по рекомендации его друга Джанни Аньелли Печчеи оказался в Вашингтоне.

Как мы уже убеждались, правильно отражая суть, А. Печчеи часто сознательно менял акценты. В воспоминаниях он утверждает, что два американских сенатора пригласили его организовать «частную компанию». Конечно, для тогдашних итальянских и тем более советских читателей автобиографии Печчеи в этом, возможно, не было ничего странного. Однако любой человек, хоть мало-мальски знакомый с Америкой, американской политической культурой и юридическими нормами никогда бы не поверил, что два действующих сенатора, да тем более являющиеся ключевыми людьми в своих партиях, обратятся к иностранцу с предложением создать частную компанию.

В реальности дело обстояло совершенно иначе. Джавитс и Хамфри убедили М. Банди и Р. Кеннеди, что чисто государственная инициатива нуждается в бизнес-

³⁶ Humphrey H. The Man and His Dream 1911–1978. L.: Methuen, 1978.

поддержке. Затем Джавитс, привлеченный в эту компанию в значительной степени благодаря дружбе с Джоном Рокфеллером Третьим, наверняка с ним посоветовался относительно новой идеи, тем более, что у Рокфеллеров в Латинской Америке были большие деловые интересы. Логично предположить, что Рокфеллер, зная негативное отношение к своей фамилии и крупнейшим бизнес-фамилиям США в Латинской Америке наотрез отказался персонально возглавить этот процесс. Но при этом, как политически лояльный участник команды и деловой человек, он, вполне возможно, обратился к своему бизнес-партнёру и личному другу — всё тому же Джанни Аньелли. Тот, понятно, переадресовал эту инициативу к специалисту по Латинской Америке и созданию политико-экономических консорциумов Аурелио Печчеи. Таким образом, Печчеи скорее всего получил не одну, а две рекомендации, и безальтернативно был предложен Хамфри и Джавитсом на пост разработчика проекта.

Об этом пишет и сам А. Печчеи, если уметь читать не только текст, но и понимать контекст: «Проект... вызвал у меня интерес главным образом по двум причинам. Во-первых, он мог стать пробным камнем для оценки наличного, внутреннего частного капитала в Латинской Америке, который мог быть использован для промышленных операций... Во-вторых, не менее соблазнительной казалась мне возможность изменить неконструктивное и недальновидное отношение многих представителей европейских и американских промышленных и финансовых кругов. Громогласно утверждая, что Латинская Америка совершенно необходима Западу, они тем не менее не решались вкладывать в нее свои деньги... По всем этим причинам я принял на себя руководство проектом, который был столь же североамериканским, сколь и латиноамериканским. Вместе с тем, я вовсе не собирался связывать себя с ним на долгие годы. Поэтому было заранее установлено, что мои функции ограничатся разработкой идеи проекта, предварительного общего плана его осуществления и изыскания необходимых для этого финансовых средств. После этого будет назначен директор, который и станет претворять проект в жизнь...

В результате было найдено совершенно новое, удивившее моих американских коллег решение — создать кооперативную инвестиционно-управленческую компанию, в которой были бы объединены корпорации из различных стран (практически полная копия «Италконсалта». — *И.С.*). Главная цель её деятельности заключалась в мобилизации доброй воли, финансовых ресурсов, инженерной культуры, организационных достижений и научно-технического патентного капитала промышленно развитых стран на развитие частного сектора латиноамериканской экономики... Основная новизна компании ADELA состояла в её корпоративной структуре и статусе коллективного предприятия. Её капитал состоял из относительно небольших вкладов множества крупнейших промышленных и финансовых компаний, которые представляли различные сектора экономики и разные страны — главным образом Западную Европу, США, Канаду и Японию, к которым позднее присоединилась и сама Латинская Америка».

Таким образом, Печчеи в рамках поддержки инициативы Кеннеди создал своеобразный всемирный «Италконсалт» с теми же лоббистско-инвестиционными и политико-социальными функциями, ориентированный на реализацию деловых проектов, приносящих наряду с прибылью и ощутимые социальные результаты.

В своих воспоминаниях Дж. Джавитс³⁷, который очень гордился инвестиционной компанией ADELA, подчёркивал, что за годы своего существования компания реализовала более тысячи инвестиционных проектов с участием и для поддержки частных предприятий в Латинской Америке и Карибском бассейне. Он также отметил, что в последующем клоны ADELA были созданы для инвестиций в Африке и Южной Азии. Всего в компании приняли участие 242 банка и компаний, включая все, входящие в список «Форчун 500». Главным консультантом ADELA по управлению, который реализовал организационные схемы практического воплощения идей А. Печчеи стал Питер Друкер. Как известно, это специалист номер один в менеджменте в течение последних семидесяти лет. За время своего существования ADELA профинансировала более тысячи частных компаний самых различных размеров — от маленьких семейных фирм до промышленных гигантов, практически во всех отраслях экономики³⁸.

В ходе разработки, обсуждения и запуска проекта ADELA А. Печчеи установил или укрепил связи с крупнейшими американскими транснациональными корпорациями, лоббистами, «думающими танками», представителями разведывательного сообщества в Вашингтоне, инвестиционными фондами на Уолл-стрит и в меньшей степени с крупнейшими банками. Из книги, посвящённой деятельности корпорации ADELA, ясно, что главными участниками в ней были инвестиционные, промышленные и торговые структуры. Что же до банков, они с неохотой работали с рискованым и политически неустойчивым регионом Латинской Америки. Поэтому главными финансовыми институтами, с которыми сотрудничала ADELA, были международные некоммерческие банки типа Всемирного банка, Межамериканского банка и проч.³⁹ Последнее крайне важно для понимания многих последующих идей и практических шагов А. Печчеи, связанных с основанием Римского клуба. По сути клуб задумывался Печчеи и стоящими за ними силами как своего рода площадка для обсуждения конвергенционных проектов и идей представителями элит Запада и Востока, капиталистической и социалистической систем. В связи с этим пришло время обратиться к биографии второй ключевой персоны этого клуба — Александра Кинга.

³⁷ Javits J.K., Steinberg R. Javits: The Autobiography of a Public Man. Boston: Houghton Mifflin, 1981.

³⁸ Boyle R., Ross R. Mission Abandoned: How Multinational Corporations Abandoned Their First Attempt to Eliminate Poverty. Why They Should Try Again. Ashland, OH: Robert Ross, 2009.

³⁹ Ibid.

Глава 2

Александр Кинг

1

Прежде чем погрузиться в биографию «второго отца» Римского клуба, британца Александра Кинга, нужно кратко охарактеризовать особенности британской мемуарной литературы. Необходимость эта связана с тем, что основными источниками информации о жизни, событиях, знакомствах и занятиях Александра Кинга являются его мемуары «Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека»⁴⁰ и мемуары его старшей дочери Джейн⁴¹.

Джейн, по мужу Синклер, до выхода в отставку была успешным карьерным дипломатом, специалистом по Советскому Союзу, известным политическим экспертом. Как можно заключить из её мемуаров, в период долгой работы в Москве в конце 1950-х – 1960-е годы она была также сотрудником МИ-6.

Без понимания отличительных черт британской мемуаристики невозможно провести подлинный исследовательский анализ воспоминаний Кинга. Лучшие образцы британской мемуарной литературы, особенно написанные либо аристократами, либо представителями британского истеблишмента, заметно отличаются от книг в подобном жанре, написанных американскими или советско-российскими авторами. Характерная черта американцев — эгоцентричность, сосредоточение изложения на себе любимых. Немалая часть подобных книг пронизана ключевой чертой американского менталитета — стремлением к рассказу о собственных успехах, свершениях и победах. Что касается советско-российских авторов, то здесь, наряду с присущей всем мемуаристам тягой к нарушению заповеди Станиславского относительно того, что нужно любить не себя в театре, а театр в себе, заметную часть мемуаров занимают различного рода оценочные суждения, переходящие зачастую в запоздалое сведение счётов.

Лучшая часть британских мемуаров совершенно иная. Первый план в них занимает описание внешней канвы жизни. Для неё характерно скрупулёзное внимание к атмосфере времени, к, казалось бы, на первый взгляд, малозначимым событиям и деталям, а также подчёркнутое стремление уйти от вынесения каких-либо

⁴⁰ Кинг А. Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека. М.: Институт экономических стратегий, 2012.

⁴¹ Sinclair D. Family memories written in La Negróni. L.: NUP, 2008.

приговоров или воскрешения фимиама. Ещё одной отличительной чертой британских мемуаров, написанных представителями истеблишмента, являются многочисленные лакуны и умолчания относительно важнейших событий времени, в котором жил мемуарист. Они могут страницами описывать подробности своих путешествий и при этом совершенно игнорировать то, чем они занимались не в отпуске, а во время работы в тот или иной период своей профессиональной жизни. Однако британцы — такие же люди, как и все. Соответственно, несмотря на воспитуемые со школы сдержанность и закрытость, в мемуарах, тем не менее, проскальзывают намеки, проговорки, знаки, которые при внимательном к ним отношении позволяют извлечь крайне важные для исторического расследования сведения. Именно под этим углом зрения мемуары А. Кинга и его дочери Джейн представляют огромный интерес для понимания того, что в действительности лежало в основе проекта Римского клуба и Международного института прикладных системных исследований в Вене.

Для судьбы, жизненной позиции и стиля мышления Александра Кинга большое значение имела его семья и даже более — его происхождение. Прежде всего хотя Кинг и являлся ярким и заметным представителем высшего британского истеблишмента, и по матери и по отцу был шотландцем. Шотландцы и англичане ментально — это два различных, иногда до противоположности народа с разной историей и разными национальными характерами. Для шотландского менталитета характерно, с одной стороны, стремление поддерживать слабую сторону против сильной, что соответствовало их исторической судьбе, а с другой — стремление к прагматичному улаживанию разнообразных противоречий и конфликтов, умение упорно преодолевать трудности. Последнее было связано с относительной скудностью ресурсов Шотландии, её открытости для морских набегов и сухопутной агрессии. Отсюда — необходимость воспитания изворотливости в сочетании с твёрдостью, прагматичности во взаимодействии с непреклонностью в достижении цели.

Отец Александра Кинга был типичным селфмейдменом. Он родился в бедной семье и своей блистательной карьерой обязан исключительно собственному трудолюбию, осторожности и недюжинным интеллектуальным способностям. В воспоминаниях Кинга отмечается, что в первые оставшиеся в его памяти годы семья жила более чем скудно. Однако уже к моменту завершения обучения в школе всё изменилось. Отцу в короткие сроки удалось пройти путь от посыльного до одного из топ-менеджеров концерна «Нобель», а затем, когда А. Кинг поступил в университет, отец стал одним из руководителей крупнейшего британского военно-химического концерна «Imperial Chemical Industries».

Мать А. Кинга происходила из аристократической семьи Дойлов. Дойлы принадлежали к клану Кинлохов и вели свою родословную от легендарного шотландского короля Брюса. Предки матери Кинга являлись одними из основателей промышленности Глазго, известными промышленниками, судовладельцами и государственными деятелями. Кстати, интересно, что один из предков Кинга создал первое действующее утопическое предприятие в Британии, в котором предприниматель заботился о рабочих, вплоть до предоставления им бесплатных медицинской помощи, образования и т.п. Учеником и наследником этого Дойла стал знаменитый Роберт Оуэн, на которого как на одного из предтеч коммунизма постоянно ссылался Карл Маркс. Несмотря на то, что родители первоначально не одобряли выбор дочери и рассматривали брак как

мезальянс, они были крайне внимательны к внуку и проводили с ним много времени. А. Кинг сформировался в большей степени в семье Дойлов, а не Кингов.

Александр Кинг получил редкий в то время в Англии, и не только, опыт жизни и общения в самых разных социальных слоях, что, несомненно, помогло ему в последующей жизни. Поскольку к моменту окончания школы семья переехала в Лондон и жила уже в достатке, то родители без колебаний одобрили выбор сына в пользу научных занятий. После окончания школы А. Кинг поступил не в престижный университет, с которыми связывались военная карьера, государственная служба, работа в Сити, т.е. не Кембридж или Оксфорд, а в Лондонский университет. Он славился Королевским научным колледжем с его самыми сильными в Британии кафедрами физики и химии.

Относительно обучения Кинга в университете отметим только, что в это же время и по той же специализации там обучались граф Солсбери, один из будущих руководителей британской разведки, и Генри Астор, представитель наиболее влиятельной аристократической семьи Великобритании тех лет. Кроме того, свой дипломный проект по химии, т.е. по специализации А. Кинга выполнял барон Виктор Ротшильд, с которым на протяжении большей части своей жизни будет взаимодействовать А. Кинг. После окончания университета Кинг, не слишком озабоченный вопросами текущего пропитания, выбрал не государственную или деловую карьеру, а науку и поступил работать лаборантом, а в последующем — преподавателем химического факультета в ведущем британском научном центре — Имперском колледже. Практически параллельно с началом научной карьеры А. Кинг женится на Саре Томпсон, с которой прожил в браке более 60 лет.

Жена Кинга Салли (Сара) происходила из одного из самых влиятельных богатых и древних шотландских родов — Стивенсонов. Помимо богатства её семья располагала связями практически во всех сферах тогдашнего британского общества. Связями род был обязан в значительной степени женщинам Стивенсонов. У матери Салли было шесть сестёр, а у самой Салли четыре сестры и двое братьев. Хотя сама она всю жизнь не работала и занималась семьёй, а также увлекавшими её музыкой, скульптурой и живописью, её тетушки и сестры были членами парламента от обеих ведущих британских партий, верховными судьями, женами премьер-министров и ведущих британских военачальников.

Сама Салли отлично знала и общалась, по воспоминаниям своей дочери, с такими колоритными женщинами, как Памела Черчилль-Гарриман, урождённая Дигби, известная как «рыжая ведьма», и Клэр Шеридан, племянница Черчилля, скульптор, подруга одного из руководителей советской разведки Я. Петерса, тесно связанная с французской, британской и советской разведками и др. Весьма необычным оказалось место знакомства молодых людей, а именно Мюнхен. А. Кинг отправился в Мюнхен продолжать своё образование после завершения обучения в Лондонском университете. Выбор места дальнейшей учёбы он объясняет так: «Во-первых, Германия тогда как нельзя лучше подходила для проведения научных исследований. Во-вторых, для меня было немаловажным, что неподалёку от Мюнхена находятся Баварские Альпы. И то, что Мюнхен прославлен своей оперой и музыкой...»

Что касается проведения научных исследований, то в этом отношении в Германии тогда безраздельно первенствовали Гёттинген и Берлин.⁴² Однако самой Гер-

⁴² Motrelli P. History of Chemical Research in Europe 1914–1939. San Francisco, 1963.

мании в ту пору было вообще не до науки и не до культуры. Страну сотрясала невиданная в Европе гиперинфляция и напряжённейшая борьба между сторонниками Веймарской республики, с одной стороны, социал-демократами — с другой, коммунистами — с третьей, и рвущимися к власти нацистами — с четвёртой. Причём Мюнхен как раз и был штаб-квартирой и колыбелью национал-социалистического движения в Германии. Так что вопреки тому, что пишет Кинг, в качестве места углубления научной специализации и приятного времяпрепровождения Германия вообще, и Мюнхен в особенности вряд ли были наилучшим местом Европы на переломе 1920–1930-х годов.

О знакомстве с женой А. Кинг пишет: «Мой шотландский коллега обнаружил исключительно хорошие, по его мнению, курсы разговорного немецкого и предложил мне дополнить свой технический словарь повседневной лексикой. Я согласился и пришёл в лекционный зал вместе со всеми. Рядом со мной сидела юная прелестная девушка с рыжевато-золотистыми волосами. Это и была Салли... Она была спокойной, но уверенной в себе и прекрасно образованной девушкой из хорошей семьи с дипломом музыканта. Она приехала в Германию якобы учить немецкий и слушать музыку. Но в действительности она бежала от жизни на нортумберлендских болотах, где водилась знаменитая собака Баскервилей⁴³ и было расположено поместье её семьи».

Продолжая обучаться в Мюнхене, вскоре после знакомства Кинг и Салли отправились в весьма экзотическое путешествие в Стамбул. Маршрут путешествия весьма странен, поскольку с 1931 г. у Великобритании были крайне напряжённые отношения с правительством Ататюрка, которое носило ярко выраженный националистический характер и почти поголовно состояло из масонов, относящихся не к британской, а к французской ветви, к так называемой ложе Великий Восток Франции. В итоге молодые люди оказались в числе немногих британцев, посетивших в то время Стамбул без определённой цели и без плотных контактов с турецкими коллегами.

Ещё более удивительным было свадебное путешествие молодой четы. Оно состоялось в 1933 г. вскоре после возвращения из Мюнхена. Молодожёны отправились с туристической поездкой не куда-нибудь, а в Советский Союз. Касаясь причин путешествия, А. Кинг пишет: «Я знал о политической эволюции Советского Союза. Я почитал Маркса немного, но с меня и этого хватило. Однако в начале 1930-х годов, когда всех интересовало, что происходит в этой стране, я лучше других понимал сложившуюся там политическую ситуацию и, безусловно, был захвачен теми событиями».

В Советском Союзе молодая чета две недели провела в Ленинграде. Вот что пишет относительно своей поездки Александр Кинг: «Официальная программа осмотра достопримечательностей заняла у нас немного времени. Мы бродили по городу в течение двух недель, и нам показалось, что Ленинград сохранил все черты Петербурга великих русских Романовых. В действительности, откровенных попыток следить за нашими перемещениями было крайне мало... Отдельной радостью в ленинградской поездке стало общение с людьми. Они приняли нас настолько тепло, насколько это возможно. Общий язык мы нашли без труда. Они не только пригла-

⁴³ Ошибка А. Кинга: события повести А. Конан Дойла «Собака Баскервилей» разворачиваются не в Нортумберленде — это север Англии, а на дартмурских болотах, на западе, в Девоншире. — *Прим. ред.*

шали нас к себе в гости, но и устраивали нам загородные экскурсии... Несмотря на все трудности, люди, с которыми мы общались, казалось, с оптимизмом и даже эйфорией смотрели в будущее. Они не заводили доктринёрских разговоров, но были преисполнены гордости первопроходцев и словно добровольно терпели все тяготы ради построения лучшего мира. У меня сложилось впечатление — и это самое удивительное впечатление, что у меня осталось — что этот дух был всеобщим, я ощущал его на улицах как нечто религиозное. С тех пор я только однажды вновь встретил это явление — в Израиле в первые дни его существования. Мы с сожалением уезжали из Ленинграда...».

Но на этом, однако, удивительные контакты молодой четы с Советским Союзом не завершились. В 1935 г. пара совершила путешествие в Лапландию. В ходе этого путешествия произошло удивительное событие: «Мы подошли к берегу так близко, как только было возможно, оказавшись вблизи только что обозначенной границы Советского Союза. Далее мы продолжили путь, естественно без виз, по русской территории, пока нам не показалось, что мы видим перед собой дымящиеся трубы Мурманска. После этого мы вернулись в деревушку Виролахти, откуда на лодке доплыли до Пестамо».

Конечно, по фактам туристических путешествий неправильно делать далеко идущие выводы, тем более что бытующий ныне стереотип, что в 1930-е годы СССР был «закрытой страной», опровергается многочисленными фактами. Как это ни покажется удивительным, в 1930-е годы люди, а не организации выписывали иностранные газеты, не обязательно издаваемые коммунистическими партиями, покупали зарубежные книги и слушали радио, выезжали в турпоездки за границу⁴⁴. В свою очередь в СССР приезжали десятки тысяч иностранных специалистов в рамках программы индустриализации страны. Поскольку Советской стране нужна была валюта на индустриализацию, активно развивался туристический бизнес с Западом. В 1935 г. только в Ленинграде побывало 9,5 тыс. иностранных туристов. Из них 26% финнов и 24% немцев. На британцев приходилось при этом менее 5%⁴⁵. Иными словами, за весь год Ленинград посетило около 450 англичан. Причём вполне очевидно, что представители британского истеблишмента, к которому принадлежали молодожёны, были единицы. Поэтому строки воспоминаний А. Кинга о том, что с ними спокойно общались ленинградцы и отсутствовало наблюдение, не могут не удивлять.

Кинги были далеко не самыми знаменитыми представителями британского истеблишмента, посетившими Советскую Россию. Таковых было немало. Возможно, частичная разгадка загадочных путешествий в СССР состоит в особых отношениях части британского истеблишмента с советской элитой. Хорошо известно, что, посетив Советский Союз в те же 1930-е годы, видные деятели Фабианского общества, на котором остановимся позже, Беатриса и Сидней Вебб оставили блистательные отзывы о стране Советов. В 1931 г. отмечать своё 75-летие в Москву приехал знаменитый британский драматург, писатель, лауреат Нобелевской премии и видный деятель Фабианского движения Бернард Шоу. В поездке его, как это ни удивительно, сопровождала знаменитая леди Нэнси Астор, хозяйка салона, вокруг которого груп-

⁴⁴ Голубев А.В. Если мир обрушится на нашу Республику. Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Наука, 2008.

⁴⁵ Там же.

пировались британские финансисты и политики, открывшие путь к власти национал-социалистической партии Германии Гитлера, а в последующем отстаивавшие необходимость подписания с ним договора о тесном сотрудничестве и мире⁴⁶.

Подробный отчёт о поездке Б. Шоу сделал писатель и журналист Генри Дан⁴⁷. В первый же день пребывания в Москве Шоу попросил отвести его в Мавзолей. Ни один иностранец до этого не проводил столько времени у гроба Ленина. Шоу прокомментировал черты, которые он рассматривал: «Чистейший интеллигент!». На это леди Астор ответила: «Он же не пролетарий, он — аристократ». Шоу тут же возразил: «Вы хотели сказать, интеллигент, а не аристократ». На что леди Астор ответила: «Это — одно и то же». И на этом спор закончился. От Мавзолея Шоу пожелал пройти в Кремль. Когда ему показали вид из Кремля на Храм Христа Спасителя, который в то время разбирался на части, Шоу воскликнул: «Вы, русские, совершенно непоследовательные революционеры. В Англии Генрих Восьмой и Кромвель в Ирландии сделали гораздо больше, разрушая монастыри и церкви. Вот мы, англичане, действительно, революционеры. А вы — полуреволюционеры».

В последний день перед отъездом Б. Шоу и Н. Астор были приглашены на встречу со Сталиным. Обычно иностранцам Сталин уделял не более 20 минут. Однако на этот раз беседа продолжалась почти два с половиной часа. Уже позднее Б. Шоу рассказывал: «Мы ожидали увидеть русского рабочего, а увидели грузинского джентльмена. Он не только сам был прост, но и сумел сделать так, чтобы и нам было с ним просто. У него хорошее чувство юмора, он вовсе не злой, но и не легковёрный». По возвращении домой Шоу попросили коротко изложить его впечатления. Он ответил: «Сталин — гигант, а остальные политики — пигмеи... Россия наводит в стране порядок, а другие страны лишь валяют дурака. Что касается России и Америки, то в обеих странах существует зло, но, если в России оно отсутствует, то в Америке оно наступает».

Несмотря на тесные контакты британского и советского истеблишмента, советско-британские отношения в конце 1920-х — начале 1930-х годов находились в весьма плачевном состоянии. Их стремительное ухудшение началось в конце 1927 г. после разгрома одной из ключевых компаний мобилизационной сети коммерческих предприятий Разведупра «Аркоса», базировавшегося в Лондоне. После этого на публичном политическом уровне отношения только ухудшались. Этот процесс достиг апогея как раз перед приездом супругов Кинг в Россию в связи с показательным процессом над сотрудниками британской корпорации «Метро-Виккерс». Вот как резюмирует этот процесс автор того времени: «Разгром шайки шпионов и вредителей из “Метро-Виккерс” нанёс английской разведке большой урон. Из состава агентов “Интеллидженс сервис”, орудовавших в СССР, было 27 человек. Немудрено, что вся английская буржуазная печать подняла в связи с этим неистовый вой. Английское правительство стало на путь угроз и нажима по отношению к СССР, стремясь заставить Советское правительство отказаться от суда над уличёнными и сознавшимися английскими шпионами. Но Советское правительство не испугалось этих угроз. В апреле 1933 г. английские шпионы предстали перед Особым при-

⁴⁶ Kershaw I. Making Friends with Hitler: Lord Londonderry, the Nazis, and the Road to War. L.: Penguin Books, 2005.

⁴⁷ Dana H.W.L. Shaw in Moscow. N.Y.: The American Mercury, 1932.

сутствием Верховного суда СССР и понесли заслуженное наказание».⁴⁸ Этот процесс лежал в русле широкомасштабной борьбы с иностранными шпионами и вредительством.

«Товарищ Сталин охарактеризовал вредительство как экономическую интервенцию в народном хозяйстве Советского Союза. Он указывал, что вредительство является неизбежным следствием обострения классовой борьбы внутри СССР, наступательной политики Советской власти в отношении капиталистических элементов города и деревни, сопротивления этих последних политике Советской власти, сложности международного положения.

“...Если активность боевой части вредителей, — говорил товарищ Сталин, — подкреплялась интервенционистскими затеями империалистов капиталистических стран и хлебными затруднениями внутри страны, то колебания другой части старой технической интеллигенции в сторону активных вредителей усиливались модными разговорами троцкистско-меньшевистских болтунов насчёт того, что “из колхозов и совхозов всё равно ничего не выйдет”, “Советская власть всё равно перерождается и должна в скором времени пасть”, “большевики своей политикой сами способствуют интервенции” и т.д. и т.п. В своей исторической речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. товарищ Сталин предупреждал: “...Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение”.

Разгром шайки шпионов и вредителей из “Метро-Виккерс” нанёс английской разведке большой урон. Из состава агентов “Интеллидженс сервис”, орудовавших в СССР, было 27 человек. Немудрено, что вся английская буржуазная печать подняла в связи с этим неистовый вой. Английское правительство стало на путь угроз и нажима по отношению к СССР, стремясь заставить Советское правительство отказаться от суда над уличёнными и сознавшимися английскими шпионами. Но Советское правительство не испугалось этих угроз. В апреле 1933 года английские шпионы предстали перед Особым присутствием Верховного суда СССР и понесли заслуженное наказание».⁴⁹

В дополнение ко всему в 1932–1933 гг. страну постигли неурожаи. А. Кинг пишет: «1933 год стал одним из самых страшных в советской истории — только пушки и никакого масла, всё приносилось в жертву обороне и экономическим задачам; неурожай в Украине и деспотичная политика Сталина вызвали голод и бесчисленные смерти».

С учётом всех изложенных обстоятельств поражает, что Александр Кинг, человек, как явствует из его собственных воспоминаний и воспоминаний дочери, крайне рассудительный, ответственный и серьёзно подходящий к жизни, в 1935 г. спокойно нарушал советскую границу, причём не в одиночку, а с молодой женой, которая только полгода назад родила их первую дочь. Заслуживает внимания и то, что на протяжении всей книги воспоминаний — с первой страницы до последней — А. Кинг называет свою жену Валькирией. Как известно, Валькирии в германосаксонской мифологии — это бесстрашные девы-воительницы. Естественно, возникает вопрос, чему обязана таким наименованием домохозяйка, мать троих детей,

⁴⁸ Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. (Часть первая). М.: Воениздат НКО СССР, 1940.

⁴⁹ Там же.

пианистка и скульптор. При этом их старшая дочь Джейн в своих мемуарах отмечает спокойный, мягкий и уравновешенный характер матери.

Возможную подсказку побудительных мотивов путешествий супругов Кинг в Советский Союз и близлежащие страны в период 1933–1938 гг. дают воспоминания их старшей дочери Джейн. В своей книге она упоминает, что, поступив в университет, на первом-втором курсах она сильно сомневалась в выборе будущей профессии и всерьёз подумывала, чтобы стать киноактрисой. Ей случалось частенько прогуливать занятия, проводя время на студии знаменитого британского продюсера Александра Корды⁵⁰. А. Корда, по воспоминаниям Джейн, знал её родителей и особенно был дружен с семьями двух её теток, сестёр Салли Кинг. Намёк состоит в том, что Александр Корда помимо того, что был едва ли не самым знаменитым, успешным кинопродюсером своего времени, вхожим в самые верха британского истеблишмента, являлся ещё участником, фронтменом, а при необходимости и источником легальных выплат для знаменитой организации «Z»⁵¹.

2

Организация «Z» была создана подполковником сэром Клодом Денси, которого многие историки разведки считают создателем самой необычной и одновременно успешной разведывательной сети XX в. Клод Денси не получил сколько-нибудь систематического образования, поскольку был выгнан из элитной школы по подозрению в гомосексуализме. После этого почти 10 лет он героически сражался в Африке, а затем, выйдя в отставку, отправился в США. Ещё во время службы в Африке он подружился с Уинстоном Черчиллем, а попав в Соединённые Штаты, близко сошёлся с одним из наиболее богатых и влиятельных людей в США Томасом Райаном. Про Райана пресса того времени писала, что «его волю в любой момент готовы были выполнить такие люди, как серый кардинал Белого дома, полковник Хауз или руководитель избирательных кампаний президента Вудро Вильсона В. МакКопс»⁵². Согласно единственной объёмной биографии, он был своего рода руководителем службы безопасности и советником по особым поручениям при Томасе Райане. В результате он стал одним из основателей знаменитого гольф-клуба на берегу Гудзона, где вместе с ним в совет директоров вошли Джон Джекоб Астор, Перси и Уильям Рокфеллеры, Корнилиус и Франклин Вандерлипы, Оливер Гарриман, сыгравший огромную роль в советско-американских отношениях, и другие столь же знаменитые люди.

Биографы утверждают, что в момент биржевого краха, положившего начало Великой депрессии в США в 1929 г., Денси потерял свои деньги и был вынужден вернуться в Европу и вновь поступить на службу в МИ-6. Однако рассекреченные относительно недавно документы⁵³, касающиеся встреч и финансовых дел К. Денси, заставляют по-

⁵⁰ Drazin Ch. Korda: Britain's Movie Mogul. L.: I.B. Tauris, 2011.

⁵¹ Read A. Colonel Z.: The Life and Times of a Master of Spies. L.: Hodder & Stoughton, 1984.

⁵² Цит. по: Багаев А.В. Презумпция лжи. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017.

⁵³ Aftel O. Organization Z New Materials // Intelligence and National Security. 1995. Vol. 10. No 2. <https://www.tandfonline.com/action/journalInformation?show=aimsScope&journalCode=fint20>

другому взглянуть на официальную версию. В материалах приведены купчие на оплаченные в 1930–1931 гг., т.е. уже после биржевого краха дома, купленные К. Денси для своего друга в фешенебельном пригороде Нью-Йорка, а также виллу в Ницце и дом в Лондоне, оформленные на родственницу К. Денси. Очевидно, что столь дорогостоящие покупки недвижимости в те времена, когда кредиты на недвижимость ещё не стали нормой, могли себе позволить только богатые, а не разорившиеся люди.

Возможный ответ, зачем понадобилась такая легенда, содержится в записях секретаря Уильяма Рокфеллера. Согласно этой записи, в 1911 г. Уильям Рокфеллер, брат президента и основателя знаменитых Standard Oil и Citibank, поручил Клоду Денси создать для него частную разведывательную службу. В 1926 г., согласно записям, состоялась встреча Денси с семьёй Рокфеллеров. На ней они выразили благодарность за эффективную постановку системы корпоративной разведки и попросили приложить усилия к созданию частной разведывательной сети, которая бы охватила Америку, Европу и Азию.

Как бы то ни было, вернувшись на службу в МИ-6, Клод Денси имел продолжительные встречи с Уинстоном Черчиллем и Хью Синклером, главой МИ-6. В ходе встреч Хью Синклер сетовал на то, что после разразившегося кризиса правительство резко сократило расходы и на внешнюю и на внутреннюю разведку, т.е. на МИ-5 и МИ-6. Сокращения имели по словам руководителя службы такой характер, что по сути парализовали всю активность британской разведки на континенте, а также резко снизили качество специалистов, привлекаемых к разведывательной работе. По результатам этих бесед и, видимо, памятуя о поручении семьи Рокфеллеров, К. Денси создал в течение 1930–1933 гг. уникальную частную неформальную разведывательную организацию. В последующие годы она только разрасталась. С началом Второй мировой войны, совпавшей с провалом собственной сети МИ-6 в Западной Европе, она влилась в МИ-6, собственно и сформировав всю британскую разведку периода Второй мировой войны и после неё.

Организация «Z»⁵⁴ от других разведок мира отличалась:

- во-первых, абсолютно неформальным характером. Деятельность организации, включая членство в ней, уровни руководства, функции, задания нигде письменно официально не фиксировалась;

- во-вторых, к работе в сети привлекались, за редким исключением, представители британского истеблишмента и состоятельные люди, способные полностью финансировать не только собственную разведывательную деятельность, но и деятельность различного рода вспомогательного разведывательного персонала, технических работников, а также выделять ресурсы на осуществление различного рода лоббистских и иных функций, необходимых организации;

- в-третьих, в организацию активно включались молодые люди из хороших семей, учащиеся в британских и европейских университетах и имеющие возможность без подозрений посещать страны с относительно закрытыми режимами типа Германии, Советского Союза, Италии и проч.;

- в-четвёртых, организация вела активную лоббистскую деятельность и осуществляла финансовую поддержку политиков, общественных деятелей, деловых

⁵⁴ Read A. Op. cit.

людей, противостоящих угрозам британским интересам в Европе и Америке, а также тех британских политиков, кто выступал против примирения с Германией;

– в-пятых, разведывательная сеть была развёрнута не только против потенциальных врагов и нейтральных стран, но и против союзников. Крупнейший фрагмент сети был создан на американском континенте сэром Уильямом Стефенсоном, изобретателем, миллионером и разведчиком. Помимо Соединённых Штатов и Канады сеть охватывала Бразилию, Аргентину, Чили, Мексику и другие страны. В ней действовало более 100 человек. Кстати, штаб-квартира сети Стефенсона была расположена в Рокфеллер-Центре.

Через Александра Корду организация «Z» частично привлекала новых членов, а частично проводила различного рода финансовые выплаты лоббистского и иного характера, а также оказывала поддержку тем членам организации, которые в ней по тем или иным причинам нуждались. Нетрудно заметить, что поездки четы Кинг пришлись как раз на период начала активного действия организации «Z». Вдобавок они отлично подходили под требуемые организацией характеристики с точки зрения как принадлежности к истеблишменту и наличия качественного образования, так и возможностей совершать разнообразные путешествия — сначала в силу своего студенческого, а потом и научного статуса.

Разумеется, однозначно утверждать о принадлежности Александра Кинга и его супруги к организации «Z» нельзя, хотя бы потому, что в ней не велось абсолютно никакой документации. Но, как показывает опыт, несколько косвенных признаков ценнее для распознавания неизвестного, чем один прямой.

3

Вернёмся, однако, к А. Кингу и летописи его жизни. Следующим заметным событием в ней стало его вступление в 1937 г. в новое Фабианское общество. Поскольку данное событие сыграло значительную, если не определяющую роль в судьбе Кинга, есть смысл подробнее остановиться на том, что представляло собой фабианское движение вообще и новое Фабианское общество в частности.

За рубежом и в России многочисленная псевдоконспирологическая литература, рассчитанная на необразованного и маловзыскательного читателя, традиционно связывает фабианцев с мировым правительством, новым мировым порядком, Федеральной резервной системой и даже рептилоидами. Однако в реальности фабианское движение представляет собой серьёзное интеллектуальное, политическое и социально-экономическое явление. Оно начало активно оказывать своё воздействие на мир в начале прошлого века и продолжает это делать по сегодняшний день.

В число наиболее известных представителей фабианства входили британские премьер-министры К. Эттли, Р. Макдональд, Т. Блэр, лорд-канцлер Г. Моррисон, лидеры лейбористской партии Э. и Д. Миллибенды. У истоков движения стояли министр британского правительства Сидней Вебб и его жена Беатриса, министр во многих правительствах У. Беверидж, всемирно известные писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс. Фабианцами были великий экономист Джон Мейнард Кейнс, выдающиеся ученые Б. Рассел и Э. Резерфорд, организатор науки Г. Тизард и др. Фаби-

анцам сочувствовали такие представители британской финансовой и аристократической элиты, как лорд В. Ротшильд, графы Солсбери и Тоуни и т.п.⁵⁵

Фабианское движение было основано в 1883–1884 гг. Е. Несбитом, Х. Бланденом, Е. Пизом и др. Исходно они полагали «что социализм создал несправедливое и неэффективное общество, и британская элита должна его реконструировать в соответствии с высшими нравственными возможностями. Для этого необходимо помочь обществу безболезненно, максимально бесконфликтно двигаться к социалистическому обществу».⁵⁶ Однако подлинный толчок фабианству дало сближение фабианцев с кругом знаменитого лорда А. Милнера. Он широко известен как основатель общества Круглого стола. Оно было создано на деньги знаменитого Сесила Родса, в него входили представители британского истеблишмента. Лорд Милнер, тесно взаимодействовавший с семейством Ротшильдов, с первых дней существования Фабианского общества поддерживал тесные отношения с Беатрисой Вебб и её мужем, в последующем министром колоний Сиднеем Веббом. Ещё до основания Фабианского общества он под патронажем супругов Вебб проводил занятия для рабочих на тему «Сущность социализма». В последующем, уже став одним из самых влиятельных государственных деятелей, в публичных выступлениях он следующим образом характеризовал себя: «Я не только империалист до мозга костей, я ещё и не могу стать на сторону тех, кто огульно хает социализм. Признаю при этом, что социализм возможен и в подлой форме, когда против богатства ополчаются просто потому, что ненавидят его, а само учение живёт за счёт разжигания классовой ненависти. Но... есть и благородный социализм. Он рождается не из зависти, не из ненависти, не из милосердия, а из искреннего, прочувствованного, благородного и мудрого понимания того, что такое жизнь всей нации в целом».⁵⁷

Лорд Милнер на протяжении десятилетий состоял в клубе, своего рода интеллектуальном центре и ядре пропаганды фабианского социализма среди британской элиты — Co-Efficients. В число участников клуба входили представители высшей британской аристократии и молодые отпрыски наиболее богатых семей Квадратной мили (месторасположение наиболее богатых банков и финансовых компаний Сити)⁵⁸.

На первом этапе своего существования Фабианское общество выступало за:

- во-первых, введение общественной собственности на землю и недра;
- во-вторых, постепенный выкуп государством крупнейших инфраструктурных предприятий, таких как железные дороги, почта, телеграф, основные морские линии и судо-пароходные компании и т.д.;
- в-третьих, за последовательное улучшение социально-экономических условий трудящихся и повышение их культурного уровня⁵⁹.

⁵⁵ MacKenzie N. The Fabians. N.Y.: Simon & Schuster, 1977.

⁵⁶ См.: Pease E.R. History of the Fabian Society; The Origins of English Socialism. L.: Red and Black Publishers, 2008.

⁵⁷ Цит. по: Багаев А.В. Ук. соч.

⁵⁸ Pease E.R. Op. cit.

⁵⁹ Родионова Н.А. Фабианство как феномен общественно-политической жизни Англии: 1884 – середина XX в. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. Волгоград, 2008.

С первых дней существования и до настоящего времени фабианство строго следует стратегии римского полководца Квинта Фабия Максима, в честь которого и названо общество. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы не ввязываться в генеральные сражения, не ставить всё на одну карту, а действовать в расчёте на постоянные маленькие победы, которые в итоге обеспечат конечный успех. Такая стратегия Фабия позволила победить превосходящие римлян численно и профессионально силы Ганнибала и нанести ему поражение. Фабианцы были уверены, что подобная же стратегия позволит в конечном итоге создать общество благоденствия, или фабианский социализм. Недаром гербом фабианского общества является черепаха. Правда, исключительно умный и не менее саркастичный Бернард Шоу уже в начале прошлого века предложил заменить герб на изображение волка в овечьей шкуре, однако остальные фабианцы его не поддержали.

С первых же дней своего существования фабианцы, признавая научную ценность экономических трудов Карла Маркса, категорически отвергали его концепцию коммунизма, связанную с классовой борьбой и насильственными революциями. Они утверждали, что кроме беды и горя самим же трудящимся этот путь ничего не принесёт. Поэтому долгие годы фабианцы не поддерживали отношения не только с появившимся после Великой Октябрьской революции Третьим интернационалом, но и с социал-демократическим Вторым. Лейбористская партия, по сути, созданная фабианцами, вошла в Социнтерн лишь в 1960-е годы. При этом фабианцы лояльно относились ко многим соратникам К. Маркса. Более того, его дочь Элеонора и её муж, профессор Эвелинг, были активными деятелями фабианского движения⁶⁰.

Заслуживает внимания и тот факт, что при неприятии коммунистической идеологии и практики фабианцы не просто сочувственно, а с поддержкой относились к Советскому Союзу. В определённой степени это связано с тем, что с фабианцами поддерживали тесные отношения видные деятели большевистской партии во время своего проживания в Великобритании. Например, нарком иностранных дел Максим Литвинов познакомился со своей будущей женой — англичанкой — на одном из фабианских семинаров. Фабианкой была и дочь одного из крупнейших банкиров Сити Мей Фриман — жена чекиста Яна Петерса. К руководству фабианского движения, включая супругов Вебб, был близок многолетний близкий друг В.И. Ленина и Л.Б. Красина Ф. Ротштейн, хорошо известный в кругах лондонского Сити. Следует также отметить, что последней книгой, написанной подлинными гуру Фабианского движения супругами Вебб уже в весьма преклонном возрасте стала «Правда о Советской России».

Непосредственно перед Первой мировой войной и после её окончания фабианскому движению удалось достичь первых крупных ощутимых результатов. В их число входят создание национальной службы бесплатного здравоохранения, введение минимальной заработной платы и её индексация в зависимости от роста цен, создание системы государственных бесплатных школ и предоставление стипендий в платные высшие учебные заведения для малоимущих слоёв населения и выходцев из рабочего класса и т.п.

⁶⁰ MacKenzie N. Op. cit.

Несмотря на видимые общественные успехи, внутри фабианского общества наблюдался кризис, связанный с отсутствием новых идей. Такую идею выдвинул Герберт Уэллс. Под воздействием бесед с супругами Вебб и лордом Милнером в 1905 г. он опубликовал книгу «Современная утопия», идеи которой писатель углубил и расширил в другой своей работе «Новый Макиавелли», написанной десятью годами позже. Задолго до Джеймса Бернхема он, по сути, провозгласил революцию менеджеров. При этом понимание революции менеджеров Уэлса было существенно шире, чем у Бернхема. Оно стало основанием для концепции меритократии, т.е. власти достойных.

Г. Уэллс писал, что капитализм скидывает личностную оболочку и превращается в самодовлеющую сущность. Капиталист, собственник с развитием акционерного капитала и фондового рынка, становится больше не нужным капиталу. Главными для эффективного производственного процесса становятся люди нового класса — класса администраторов, высококомпетентных в государственном и корпоративном управлении. Именно от них, по мысли Г. Уэллса, в решающей степени начинает зависеть экономический и технологический процессы, решение социальных проблем общества и, в конечном счёте, переход от капитализма к социализму. К подлинному социализму, считал Уэллс, общество поведут не боевики-революционеры, а меритократы-администраторы.

Базируясь на концепции административного класса, посвятившего себя организации эффективного производства, устройению справедливого общества и поддержки государственного порядка, Уэллс предложил изменить суть Фабианского общества. При всех достижениях этого общества Уэллс назвал его «полусалонным, квартирующим в апартаментах при одном секретаре и одном ассистенте». Вместо этого он предложил создать массовую социалистическую партию среднего класса, ядро которой составят эффективные и нравственные администраторы, а массовую базу — продвинутые специалисты, конструкторы, инженеры из любых отраслей и слои рабочего класса, связанные с техникой и технологиями.

Идеи Г. Уэллса были отвергнуты и тогда он вышел из состава общества. Однако к началу 1930-х годов руководящее ядро молодой лейбористской партии взяло, по крайней мере частично, их на вооружение и создало внутри партии новое фабианское движение⁶¹.

Завершая экскурс в историю Фабианского движения, отметим, что в 1945 г., когда в Британии к власти пришло правительство Эттли – Моррисона, более 200 новых фабианцев получили назначения на министерские, руководящие и иные ключевые должности в государственной администрации. В их числе был и Александр Кинг.

Присоединившись к новому Фабианскому движению, А. Кинг вскоре получил предложение баллотироваться в Парламент от лейбористской партии в округе, где он был обречён на победу. Однако, по словам Кинга, «политическая карьера меня не привлекала... Меня интересовало продолжение научной деятельности и участие в экспедициях». Данная аргументация лишней раз подтверждает гипотезу о том, что А. Кинг участвовал в организации «Z».

⁶¹Родионова Н.А. Ук. соч.

В 1938 г. под его руководством осуществляется крупная британская экспедиция в северные районы Норвегии на остров Ян-Майен, недалеко от Шпицбергена. Следует отметить, что руководителем формально климатологическо-зоологической экспедицией был назначен специалист в области химии. При этом остров постоянно посещали германские туристические суда. В их скрытую задачу входила подготовка к созданию на острове германской радиометеорологической станции. Как стало в последующем известно, станция должна была наблюдать за передвижениями британского военно-морского флота.

4

Буквально за два месяца перед войной, летом 1939 г. А. Кинг, преуспевающий исследователь, лектор, автор англо-немецкого словаря по химии, ставшего бестселлером научной литературы, предпринимает неожиданную поездку в Париж для встречи с одним из наиболее загадочных и неординарных людей XX века — Г.И. Гурджиевым. Сам А. Кинг объясняет поездку таким образом: «От своего белорусского друга Николая Губского я был наслышан об интересном и эксцентричном человеке по имени Г.И. Гурджиев — мистике, философе, маге или шарлатане; возможно, он сочетал в себе всё перечисленное. Некоторые из его идей в пересказе Губского показались мне интересными и смелыми. Поэтому... я решил с ним побеседовать, если будет возможно». Самое любопытное в этом фрагменте то, что в данный период времени Г. Гурджиев встречался только со своими ближайшими соратниками из элиты общества и игнорировал любые приглашения, а также письма соискателей встречи с ним. Как пишут газеты того времени и подтверждают биографы, постороннему человеку договориться с ним о встрече было практически невозможно. Однако А. Кинга Гурджиев принял буквально через несколько дней после получения его письма.

В книге Кинг пишет: «Он был очень словоохотлив, разглагольствовал о всевозможных мелочах, произносил общие фразы, хвастался, как быстро добрался из Виши накануне... Это представление... произвело на меня неблагоприятное впечатление, как, без сомнения, и было им задумано. У меня к нему было несколько вопросов, и я хотел получить на них ответы... В конце концов я выпалил: “Всё это очень интересно, но я пришёл сюда не о ерунде говорить”. Он улыбнулся и изменил тактику, начал говорить серьёзно и ответил на некоторые мои вопросы, прежде чем я успел их задать. Словно прочитал мои мысли... Я получил столько впечатлений, что больше не мог их воспринимать и был не в состоянии обсуждать другие вопросы».

В отличие от большинства эзотериков, Георгий Гурджиев и его ученик и продолжатель Пётр Успенский обладали блестящими естественнонаучными знаниями и смогли пройти подготовку в действующих в Центральной Азии и на Ближнем Востоке суфийских школах. При этом оба категорически отвергали поверхностную мистику и спекуляции на эзотерике, подчёркивая, что занимаются не модным в ту пору спиритизмом, а разрабатывают иной тип науки и технологий.

Что касается впечатления, которое производил Гурджиев, то лучше всего на этот счёт написал Пётр Успенский: «Он производил странное, неожиданное и поч-

ти пугающее впечатление плохо переодетого человека, вид которого смущал вас, потому что вы понимаете, что он — не тот, за которого себя выдаёт. А между тем вам приходится общаться с ним и вести себя так, как если бы вы это не замечали»⁶². Современная литература о Гурджиеве и Успенском насчитывает сотни томов. Наиболее коротко и точно о Гурджиеве высказался известный российский писатель, предприниматель и антрополог, главный редактор интернет-журнала «Перемены» Глеб Давыдов: «О том, кто такой Георгий Гурджиев и откуда он взялся, ходило множество разнообразных слухов. А он сам не только не опровергал их, но напротив, пользовался любым удобным случаем, чтобы подпустить ещё больше тумана. При этом в отличие от авантюристов всех времён и народов он никогда не делал ставки на эти мистификации. Скорее, подобно Дону Хуану (Кастанеде), просто практиковал стирание личной истории».

Несмотря на то, что А. Кинг не упоминает о сути заданных им вопросов, тем не менее, с высокой степенью вероятности можно предположить, о чём шла речь. Со второй половины 1930-х годов А. Кинг тесно общался с ректором Имперского научного колледжа, в котором он преподавал, Генри Тизардом, одним из ведущих британских учёных, членом Фабианского общества, другом Уинстона Черчилля. Научные интересы Г. Тизарда простирались далеко за пределы физики и химии. В частности, по поручению У. Черчилля он прорабатывал технологии борьбы с промыванием мозгов, которые, по мнению члена семьи Мальборо, показали свою высокую эффективность в Германии и СССР.

С 1890 по 1915 г. Гурджиев объездил Закавказье, Египет и Ближний Восток, Среднюю Азию, Афганистан, Индию и Тибет. Помимо обучения в суфийских школах и тибетских монастырях он ухитрялся часто оказываться в зонах конфликтов и военных действий и внимательно наблюдал за поведением людей. Успенский в книге «В поисках чудесного»⁶³ пишет: «О школах, о том, где он нашёл знания, которым, без сомнения обладал, он говорил мало и всегда как-то вскользь. Он упоминал тибетские монастыри, Читрал, гору Афон, школы суфиев в Персии, Бухаре и Восточном Туркестане, а также дервишей различных орденов; но обо всём этом говорилось очень неопределённо... Он упоминал, что, по убеждению его учителей и личным наблюдениям, кровавым и жестоким военным конфликтам и столкновениям с применением оружия дотоле мирных жителей всегда предшествовала своего рода психическая эпидемия массового умопомешательства и озлобления. Однако, по мнению Г. Гурджиева, это была не какая-то случайная эпидемия, а намеренно вызванный целенаправленным внушением, своего рода массовым гипнозом процесс».

В той же работе П. Успенский пишет, что после серьёзной болезни, связанной с военными действиями, Георгий Иванович Гурджиев принял решение «прекратить всякое применение исключительной силы». В разгар Первой мировой войны он прибыл в Россию, чтобы «любой ценой разрушить в людях склонность к внушаемости, которая заставляет их легко подпадать под влияние массового гипноза».⁶⁴ Как впоследствии говорил Гурджиев своим ученикам, к сожалению, попал он в

⁶² Успенский П.Д. Письма из России. <http://fway.org/onlinelib/78-1919-/467-1919-1.html>

⁶³ Ouspensky P.D. In Search of Miraculous: Fragments of an Unknown Teaching. N.Y., 1949.

⁶⁴ Ibid.

Россию слишком поздно и в силу ряда непреодолимых жизненных обстоятельств не смог быстро встретиться с нужными людьми.

Сопоставляя круг интересов Г. Тизарда и психотехники Г. Гурджиева по противодействию наведённому эффекту толпы и массовому внушению не будет большим преувеличением утверждать, что одной из задач встречи было получение от Г. Гурджиева либо устных рекомендаций, либо, возможно, даже материалов, связанных с противодействием массовому промыванию мозгов гипнозу, базирующемуся на предварительной целенаправленной внушаемости населения. Кроме того, а возможно, и в первую очередь, Г. Гурджиев был интересен британской правящей элите в грозные предвоенные годы своей едва ли не главной разработкой. Как пишет один из наиболее непредубеждённых и в то же время образованных и интеллектуальных исследователей учения Гурджиева Г. Давыдов: «В принципе, то, что делал Гурджиев с учениками, это универсальный метод лечения болезней (социальных, психических и любых других). А именно — создание управляемого кризиса. Этим средством пользуется, например, экзорцист: изгоняя беса, для начала вызывает его, провоцирует его проявление в пациенте. После того, как “бес” вызван, пациента начинает ломать. И вот в этот момент с ним (с “бесом”, с болезнью) уже можно работать, изгонять его. Так было в Средние века, и по сути тем же методом пользуются современные психоаналитики: искусственно провоцируют психическое обострение, в ходе которого анализируют проблемы пациента, и в условиях этого управляемого кризиса пытаются перестроить больную психику. Точно так же можно вызывать и использовать социально-политические кризисы»⁶⁵.

Несомненно, технология управляемого кризиса, детально разработанная Г. Гурджиевым как для отдельных людей и небольших групп, так и для значительных коллективов и массового поведения, задолго до дилетантских упражнений недоучки Стивена Манна не могла не вызвать пристального внимания со стороны британской разведки и высших политических кругов. Исходя из текста автобиографии А. Кинга, можно сделать вывод о том, что ответы на главные вопросы он получил и довольный отбыл в Лондон.

Началась Вторая мировая война и А. Кинг, как оказалось в последующем, навсегда покончил с академической карьерой. Однако, в отличие от большинства своих коллег по работе, он не был призван в армию. Как пишет сам А. Кинг: «Я тут же записался на обязательную военную службу. Я думал, что мне, как учёному, выдадут униформу, винтовку и отправят охранять склад с химикатами». Однако оказался он совершенно в другом месте, а именно в организации под названием «Военные, разведывательные исследования», которая являлась одним из подразделений британской контрразведки МИ-5. Его начальником стал хорошо знакомый Кингу по научной работе, участию в фабианском обществе и, видимо, по совместной деятельности в организации «Z», барон Виктор Ротшильд.

Несмотря на столь обтекаемое и в каком-то смысле вполне безобидное название, данное подразделение МИ-5, согласно недавно рассекреченным архивам, по которым написаны получившие хорошую прессу и высокую оценку профессионалов книги⁶⁶, занималось широким кругом жизненно важных для Британии вопросов. Главной её

⁶⁵ Давыдов Г. Гурджиев: танцующий провокатор. <http://www.peremeny.ru/column/view/924/>

⁶⁶ Hennessey T., Thomas C. *Spooks the Unofficial History of MI5*. L.: Amberley Publishing, 2009; Andrew C. *The Defence of the Realm: The Authorized History of MI5*. L.: Allen Lane, 2009.

задачей была борьба с саботажем и выявление германских агентов в военной промышленности, на транспорте, предприятиях связи, в сфере военных, научных исследований и разработок. Кроме того, это подразделение отвечало, как это ни удивительно, за личную безопасность Уинстона Черчилля и ключевых членов его кабинета. Поэтому Натаниэль Виктор Ротшильд был не просто одним из руководителей подразделения МИ-5, а по сути стал ключевым человеком в этой организации.

5

С учётом длительных и плодотворных отношений А. Кинга с В. Ротшильдом есть смысл несколько подробнее остановиться на личности последнего и его семье. При этом мы пока оставим в стороне вопрос относительно обвинений со стороны не только журналистов, но и бывших высокопоставленных сотрудников британской разведки в том, что Виктор Ротшильд был советским шпионом.

Прежде всего надо отметить, что Виктор Ротшильд был не просто близким другом У. Черчилля, но и одним из главных финансистов его избирательных кампаний на протяжении всей долгой политической карьеры⁶⁷. Кроме того, Ротшильд даже по мнению недругов выделялся глубокой эрудицией, острым умом и умением находить общий язык с людьми из самых различных социальных слоёв, представителей разных национальностей и людей, исповедующих различные политические взгляды. При этом так же, как и У. Черчилль, исходно он был весьма негативно настроен к германской военно-политической элите, а сразу же после прихода к власти Гитлера стал его яростным противником. В немалой степени это было связано с тем, что с первых дней прихода к власти Гитлера он начал осуществлять репрессивные действия по отношению к немецкой, а затем и австрийской ветвям семьи Ротшильдов. Вдобавок ко всему Виктор Ротшильд был убеждённым сионистом, т.е. сторонником возврата евреев на исконные земли и создания государства Израиль.

Близкие отношения В. Ротшильда с Черчиллем привели в частности к тому, что именно его подразделению было поручено обеспечивать безопасность премьера, включая такую, казалось бы, мелочь, как проверку пищи, которую подавали главе правительства. Первая жена В. Ротшильда на протяжении второй половины 1930-х годов и в течение войны входила в узкую политическую команду премьер-министра. Во время войны Ротшильд в рамках МИ-5 руководил охраной научно-технических секретов Великобритании и контактами со спецслужбами США по научно-технической линии, включая атомную программу. По этому направлению работы в течение всей войны он в ежедневном режиме взаимодействовал с А. Кингом.

С приходом к власти в 1945 г. лейбористов Ротшильд из начальника А. Кинга в административном плане превратился в его подчинённого, возглавив Научный совет в сфере сельского хозяйства и пищевой промышленности. Казалось бы, на первый взгляд это была малозначительная должность. Однако на самом деле дело обстояло ровно противоположным образом. Великобритании Вторая мировая война, несмотря на победу, далась крайне тяжело во всех смыслах. Наряду с други-

⁶⁷ Rose K. *Elusive Rothschild: The Life of Victor, Third Baron*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2003.

ми сложностями в стране оказались разрушенными логистические цепи и системы производства продовольствия. В результате карточная система в стране была отменена значительно позже, чем в подвергшемся ужасающим разрушениям Советском Союзе. Поэтому Научный совет Ротшильда отвечал за поиск внутренних резервов производительности и скорейшее восстановление довоенного уровня производства продуктов питания в стране. Из-за тяжёлого финансового положения Великобритании не могла после войны импортировать продовольствие даже из своих колоний в привычных довоенных размерах. Кроме того, значительная часть продовольствия по бросовым ценам уходила американским ТНК в счёт оплаты поставок по ленд-лизу, которым Британия, как и СССР, пользовалась в широких масштабах.

Вслед за Научным советом Ротшильд наряду с работой в руководстве крупнейшей нефтяной компании Royal Dutch Shell, долгие годы и даже десятилетия выступал ключевым советником по науке британских правительств независимо от их партийной принадлежности. На этом посту он также взаимодействовал с А. Кингом. Более того, после ухода последнего в структуры плана Маршалла, Ротшильд руководил осуществлением реформы британской прикладной науки и приближением её к потребностям бизнеса. Не порывал он и тесных связей с разведкой. В частности, Ротшильд возглавлял комиссии по расследованиям ряда крупных внешнеполитических инцидентов, а также координировал работу британских спецслужб и Мосссада по поимке нацистских преступников по всему миру и особенно в Латинской Америке. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что, будучи убеждённым атеистом, Виктор Ротшильд, как уже указывалось, на протяжении всей жизни активно выступал за создание государства Израиль. По данному вопросу серьёзно расходился во мнениях не только со значительной частью британского истеблишмента и высшей аристократии, но и с членами своей семьи. Традиционно британские Ротшильды поддерживали идею максимальной ассимиляции евреев в стране проживания. В рамках этой позиции они всемерно спонсировали, например, американский Джойнт, который с момента образования и вплоть до завершения арабо-израильской войны 1947 г. достаточно явно и последовательно выступал за ассимиляцию евреев в странах проживания и конкретно США, странах Британского содружества наций и др., и против образования Израиля и сионистского движения.

Следует отметить, что ещё до войны Виктор Ротшильд унаследовал место в Палате лордов британского парламента от своего дяди Уильяма. В Палате он являлся одним из немногих лордов-лейбористов. Вместе с местом в палате лордов он унаследовал роль негласного главы семьи Ротшильдов. Во время войны наряду, а более точно сказать — в рамках своей разведывательной деятельности — он осуществлял эвакуацию французских, германских и частично австрийских Ротшильдов в Канаду и Соединённые Штаты Америки. Вместе с ролью главы семьи Виктор унаследовал и роль теневого руководителя финансовой империи Ротшильдов, прежде всего — их лондонского банка. Вследствие нацистской оккупации австрийский банк Ротшильдов был обанкрочен, а деятельность французских финансовых структур приостановлена. Впоследствии Виктор Ротшильд выступал арбитром в спорах внутри семьи между следующими поколениями молодых Ротшильдов, отстаивая необходимость новой консолидации различных её ветвей. В немалой степени именно под его влиянием в настоящее время лидирующие позиции в семье Ротшильдов

занимают представители не британской, а французской ветви семьи, а её лидер Дэвид Рене Ротшильд является главой дома Ротшильдов.

Поскольку сквозной темой данной работы является анализ межэлитного взаимодействия, нельзя на примере Ротшильдов не рассмотреть некоторые глубоко укоренившиеся не только в общественном мнении, но даже в экспертном сообществе убеждения и позиции. Как это ни удивительно, место той или иной семьи или клана в мировых иерархо-сетевых структурах связывают главным образом с размерами состояний. Поэтому вопрос об активах, находящихся в распоряжении известных всем элитных кланов, относится к числу наиболее обсуждаемых не только на уровне «пикейных жилетов», но и в среде профессиональных аналитиков и научных конспирологов.

Особенно достаётся в этом плане, естественно, Рокфеллерам и Ротшильдам, как наиболее известным, активно действующим семьям мировой элиты. Относительно активов, находящихся в собственности семьи Ротшильдов, высказываются различные мнения. Например, Г. Росс, бывший офицер военной разведки, промышленный консультант международных проектов и писатель в своей весьма популярной в Америке книге написал, что «по имеющимся у него сведениям в 1998 году богатство семьи Рокфеллеров составляло 11 трлн. долларов, а Ротшильдов — 100 трлн. долларов»⁶⁸. Эти цифры с лёгкой руки американских конспирологов стали восприниматься в англоязычном интернете как данность и были широко и некритически растиражированы. Гораздо более сдержанны и основательны российские исследователи. Например, А.И. Фурсов высказывает такую точку зрения: «Рейтинги мировых супербогачей “Форбса”, Блумберга и прочие — “Это, рыжий, всё на публику!”, как пел Галич. Ну что такое 60–70 миллиардов Гейтса, Баффета? Главные богатства — семейные, копившиеся веками. Совокупное состояние Ротшильдов, по самым скромным оценкам экспертов, зашкаливает за 3,2 триллиона долларов. Но точно никто не знает. Не для того они столетиями наживали состояние, чтобы его светить. В 1818 году банкиры Ротшильды впервые нагнули европейские правительства. Весь XIX в. считались самой богатой семьёй планеты.

У Рокфеллеров вроде бы на триллион поменьше. Основатель династии Джон — первый официальный долларовый миллиардер планеты. И самый богатый человек, живший на земле. Журнал “Форбс” оценил его тогдашнее состояние в \$ 318 миллиардов по курсу доллара на конец 2007 года. Сравните с Гейтсом, Баффетом, Слимом... Нищета. Заявления, что богатства, влияние Ротшильдов и Рокфеллеров остались в прошлом — чистая наивность или сознательная ложь. Однако не будем демонизировать оба семейства»⁶⁹.

Внимательнейший анализ открытых и закрытых публикаций, касающихся размеров состояния семьи Ротшильдов, авторами которых являются признанные, авторитетные и известные консультативные, финансовые и иные компании, позволил выйти на небольшую консультативно-аутсорсинговую компанию Capgemini. Компания известна тем, что является своего рода зонтичным юридическим лицом для нескольких коллективов, включающих бывших высокопоставленных офицеров спецслужб различных

⁶⁸ Gaylon R., Sr. Ross. Who's Who of the Elite: Members of the Bilderbergs. Council on Foreign Relations & Trilateral Commission. Texas: R I E. 2000.

⁶⁹ Фурсов А. Ротшильды и Рокфеллеры — застрельщики мировой антилиберальной революции // Комсомольская правда. М., 3.06.2013.

стран, известных международных юристов, специализирующихся на фондах и трастах, аудиторов со сходной направленностью и т.п. По заказам различного рода банков, инвестиционных институтов и международных правительственных и неправительственных организаций компания выполняет различного рода исследования, связанные, как правило, с размерами богатства верхнего 1% населения различных стран.

В частности, ежегодно она подготавливает и выпускает «доклады о мировом богатстве». В 2011 г. по заказу компания подготовила закрытый доклад о старых семейных состояниях, включая клан Ротшильдов⁷⁰, с некоторыми фрагментами которого удалось ознакомиться. Согласно докладу совокупные чистые активы, принадлежащие в настоящий момент семье Ротшильдов, находятся в диапазоне между 300 и 400 млрд. долларов. Достаточно внушительный размер диапазона, согласно авторам доклада, связан с тем, что практически все конечные холдинговые компании расположены в юрисдикциях, которые хотя и не относятся к оффшорным, но предполагают особый режим отчётности и раскрытия бенефициаров для трастов и фондов.

Такую же оценку состояния даёт и известный историк, общественный деятель и политик Нил Фергюсон, автор популярного двухтомника о семье Ротшильдов⁷¹. Дополнительную весомость его мнению придаёт дружба Фергюсона с Дэвидом Ротшильдом-младшим, известным экологом, путешественником, инициатором проекта применения криптовалют для нужд сельских общин Бразилии, будущим вероятным главой клана Ротшильдов.

Как это ни покажется странным, определённую оценку благосостояния Ротшильдов и других ключевых кланов можно дать исходя из открытых публичных данных. С одной стороны, такая возможность обусловлена включением в оборот огромных массивов сведений, удобно агрегированных для анализа. С другой стороны, в экономике в течение последних примерно 100–150 лет действуют, что называется, «железные» эмпирические закономерности. Их следует отличать от экономических законов, поскольку они не пытаются объяснить то или иное экономическое явление, а лишь фиксируют его в количественной форме.

Для анализа элитных групп ключевое значение имеет степенной характер распределения доходов, прослеживаемый на протяжении чрезвычайно длительных периодов времени. Ещё более удивительно, что практически не меняется и количественные показатели этого степенного распределения, что позволяет относить его к классу квазиустойчивых. Если формулировать эту мысль на понятном языке, то данная закономерность получила название Закона Матфея, по имени одного из евангелистов, который написал, что «деньги стремятся к деньгам». Следует отметить, что в отличие от природных, физических явлений, для которых характерно нормальное гауссово распределение, для социально-экономических процессов и явлений в подавляющем большинстве случаев действуют законы степенного или негауссова распределения с так называемыми «длинными» хвостами⁷². Что же ка-

⁷⁰ Aldrich N. *Old Money: The Mythology of Wealth in America*. N.Y.: Alworth Press, 1997; Tennant Chr. *The Official Filthy Rich Handbook*. N.Y.: Workman, 2008.

⁷¹ Ferguson N. *The House of Rothschild*. L.: Penguin, 1999. Vol. 1: *Money's Prophets: 1798–1848*; Ferguson N. *The House of Rothschild*. L.: Penguin, 2000. Vol. 2: *The World's Banker: 1849–1999*.

⁷² Хайтун С.Д. Количественный анализ социальных явлений: проблемы и перспективы. М.: КомКнига, 2010.

сается условной устойчивости коэффициентов распределения доходов, то это блестяще показал на поистине необозримом документальном материале автор едва ли не главного экономического бестселлера 2014 г. Тома Пикети⁷³.

Базируясь на изложенных выше исходных принципах, рассмотрим несколько агрегированных показателей, полученных из достоверных источников. Согласно журналу *Forbes*, совокупные показатели 2000 крупнейших компаний составляют \$36 трлн. выручки и \$2,64 трлн. прибыли. Они управляют активами в \$140–150 трлн. и оцениваются рынком в \$30–40 трлн.⁷⁴ Для наших расчётов важны несколько цифр: капитализация компаний — \$ 40 трлн., доля компаний в мировом ВВП — чуть меньше 50%, коэффициент контроля, рассчитываемый как соотношение капитализации к сумме управляемых активов для всей совокупности компаний составляет 1:4, а для финансовых компаний и банков этот коэффициент или мультипликатор достигает в настоящее время 1:10 – 1:12 (без учёта деривативов).

Далее, пользуясь результатами ставшего знаменитым исследования швейцарских учёных из Цюрихского технологического университета⁷⁵, можно сделать вывод о том, что внутри этих 2000 компаний существует группа связанных между собой взаимодействием и взаимозависимостью различной степени 147 юридических лиц, в первую очередь банков и других финансовых институтов, контролирующих в значительной степени все эти компании. Это так называемое суперъядро мировой экономики. На суперъядро приходится 90% управляемых активов и 60% мировой выручки. Логично предположить, что господствующие семейные кланы как раз и являются мажоритарными владельцами и миноритарными акционерами именно этих 147 юридических лиц.

При этом необходимо иметь в виду, что старые семейные кланы являются отнюдь не единственными консолидированными экономически господствующими элитными субъектами. Наряду с ними к таковым можно отнести молодые семейные группы, консолидированные предпринимательские группы, образовавшиеся на иной, нежели семейной или родовой основе, а также профессиональные управленческие компании, оперирующие различного типа консолидированными мелкими распределёнными капиталами и частными сбережениями.

Наконец, для наших расчётов необходимо понимание размеров совокупного богатства. По данным отчёта *Global Wealth Report* от швейцарского банка *Credit Suisse*, всё мировое богатство по состоянию на середину 2013 г. составляло около \$ 241 трлн. Эта сумма складывается из стоимости недвижимости, всех материальных, финансовых, интеллектуальных активов и другого ценного или оцениваемого имущества за вычетом долгов и кредитов⁷⁶.

Что же касается верхушки мировой пирамиды богатства, то она характеризуется следующими данными. Число миллионеров в мире за 2013 г. увеличилось на 8–10% и достигло 12 млн. человек, при этом их совокупное состояние составило \$ 46,2 трлн. Первое место по количеству миллионеров занимает Северная Аме-

⁷³ Piketty Th. *Capital in the Twenty-First Century*. L.: Belknap Press, 2014.

⁷⁴ Рейтинг *Forbes*: 2000 крупнейших компаний мира. *Forbes*. 19.04.2012. <http://www.forbes.ru/stil-zhizni-slideshow/81417-reiting-forbes-2000-krupneishih-kompanii-mira>

⁷⁵ Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. <https://arxiv.org/pdf/1107.5728.pdf>

⁷⁶ <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=BCDB1364-A105-0560-1332EC9100FF5C83>

рика. Об этом сообщается в новом ежегодном докладе о мировом благосостоянии «World Wealth Report 2013», подготовленном консалтинговой компанией Capgemini для финансовой компании RBC Wealth Management⁷⁷.

Наконец, при расчётах нельзя не учитывать тот прискорбный факт, что, судя по множеству свидетельств, по крайней мере, некая часть мировой элиты причастна к наиболее высокодоходным видам преступного бизнеса, включая наркоторговлю, торговлю оружием, работорговлю, бизнес, связанный с запрещёнными биотехнологиями, производством фармакологического контрафакта и т.п.

Чтобы оценить совокупные масштабы «чёрного» бизнеса, можно опереться на доклад директора ФСКН России В.И. Иванова, сделанный в одном из главных мозговых центров Американского разведывательного сообщества и Госдепартамента Center for Strategic and International Studies (CSIS). На конференции он сказал: «В период глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. в крупнейшие банки мира для устранения критического дефицита ликвидности было вброшено около 352 млрд. наркодолларов, которые затем пошли на межбанковские заимствования. И дело здесь не в отдельных банках, а в устройстве всей финансовой системы в целом. Она уже не может обходиться без вкачивания в неё „грязных“ денег». В ходе обсуждения доклада на конференции объёмы мирового наркотрафика были оценены в 800 млрд. долларов ежегодно. По сути это рынок, который по своим денежным объёмам равен ежегодному обороту нефти». Общий же объём элитного грязного бизнеса, который так или иначе проходит через ведущие мировые банки, оценен на конференции с участием В.И. Иванова в 3,5–4 трлн. долларов в год. Следует иметь в виду, что это чистые наличные деньги, которые по отношению к налогооблагаемому безналичному обороту обладают значительным мультипликативным эффектом, оцениваемым разными экономистами и экспертами в диапазоне от 1:5 до 1:9.

Принимая во внимание приведённые выше данные, используя итоговые расчёты Пикетти и исходя из квазиустойчивого степенного распределения богатства, можно с высокой степенью вероятности сделать вывод о том, что в настоящее время в мире существует от 25 до 50 семейных кланов с активами от 100 до 700 млрд. долларов, причём у 5–12 семей активы близки к 500–700 млрд. долларов.

В заключение математических упражнений в области элитного благосостояния необходимо сделать две чрезвычайно важных ремарки. Во-первых, в эпоху финансовализации более значительную роль, чем собственность, играет контроль. Сообразно с этим даже собственность в \$ 100 млрд. позволяет в конечном счёте в той или иной степени контролировать финансовые активы близкие к \$ 900 млрд., и иные виды активов, близкие к \$400 млрд. Соответственно, для семейных состояний порядка \$ 500 млрд. получается оценка контроля соответственно на уровне \$ 4,5 трлн. для финансовых средств или примерно \$ 2 трлн. для иных видов активов. Учитывая, что, без сомнения, Ротшильды входят в число искомых 5–12 семей и, исходя из того, что их богатство примерно поровну поделено между финансовыми и иными видами активов, полученная в результате расчётов оценка, в размере примерно \$ 3,1–3,4 трлн. контролируемых Ротшильдами активов практически совпадает с точкой зрения, высказанной А.И. Фурсовым.

⁷⁷ <https://www.worldwealthreport.com/>

Во-вторых, только при исследовательской деятельности и аналитической работе экономика, политика, социальная сфера и повседневная личная жизнь являются чем-то отдельным и обособленным. В реальности имеет место одна единственная человеческая жизнь, заполненная деятельностью⁷⁸. Поэтому для элитного анализа важны не сами по себе размеры чьего-либо состояния, а гораздо более широкие вещи, связанные с практической деятельностью элитных групп. Пользуясь наиболее результативным на сегодняшний день подходом к человеческой деятельности, базирующимся на теории целесообразных функциональных систем, разработанной школой К. Анохина⁷⁹, можно выделить три ключевых блока любой деятельности. Прежде всего это правильная постановка цели, опирающаяся на опережающее прогнозирование, по возможности полный учёт направленности процессов и потенциала ситуации, и трезвое понимание собственных возможностей и ограничений. Затем решающее значение имеет эффективность самой активности, зависящая от согласованности и чёткости работы всех компонентов системы, вовлечённых в ту или иную деятельность. Наконец, кристально понятно, что при прочих равных условиях достижение цели тем проще и тем возможнее, чем большими ресурсами располагает система.

Если перевести изложенное с языка функциональных систем на язык элитного анализа, то обнаружится, что могущество элитных групп и их коалиций зависит от трёх ключевых компонентов:

- ресурсной базы в виде собственных и контролируемых сторонних активов;
- имплицитных, латентных, т.е. неотчуждаемых, неотделимых от субъекта знаний, навыков, опыта и т.п.;
- и наконец, власти, которая является своеобразным аналогом функциональной системы. Причём, власть понимается не только в виде привычного иерархического господства, но и всей гаммы властного инструментария — от, что называется, голы силы или насилия, до мягкого, зачастую незаметного, базирующегося на неуловимых нюансах и связях, влияния.

В этом смысле уникальной особенностью семейно-клановых старых элитных групп, типа Барухов, Ротшильдов, Валленбергов, Турн-и-Таксисов, Рокфеллеров и т.п., отличающая их от других элитных субъектов, типа молодых семейных групп, предпринимательских паттернов и структур управления распределёнными активами, является органическое сочетание всех трёх важнейших компонентов эффективной деятельности во всём её разнообразии и непредсказуемости.

6

Теперь после длительного, но совершенно необходимого экскурса в математику элитного богатства, вернёмся к судьбе Александра Кинга. В 1942 г. Виктор Ротшильд получил дополнительную нагрузку — взять на себя руководство борьбой с саботажем в Великобритании и доминионах, а Александру Кингу позвонил сэр Генри Тизард, который был его руководителем в качестве ректора Имперского на-

⁷⁸ Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

⁷⁹ Судаков К.В., Кузичев И.А., Николаев А.Б., Щелканов В.И. Эволюция терминологии и схем функциональных систем в научной школе П.К. Анохина. М.: URSS, 2010.

учного колледжа, где А. Кинг работал преподавателем, а также по Фабианскому обществу. Будучи не только одним из наиболее известных в мире британских учёных, но и профессиональным коммуникаторщиком, Тизард был уполномочен Черчиллем посетить Соединённые Штаты с миссией по передаче американцам наиболее передовых британских военных технологий. Надо сказать, что для британцев это был вынужденный шаг, поскольку, будучи наряду с Германией несомненным лидером научно-технического прогресса того времени, они из-за полной мобилизации экономики на военные нужды были лишены возможности проводить полноценный НИОКР, и тем более организовать промышленный выпуск новой военной продукции. По этим причинам Г. Тизард посетил Соединённые Штаты с тем, что в последующем вошло в учебники и энциклопедии под названием «Миссия Тизарда». В ходе визита он передал американцам всю необходимую документацию по наиболее передовым в мире радиолокационным системам, лампам и аналоговым устройствам, без которых было невозможно создание появившихся в годы войны первых компьютеров, уникальные прицелы для бомбардировщиков, а также сообщил о том, что у британцев имеются большие наработки по атомному оружию. Американцы, естественно, с удовольствием приняли полученные ноу-хау и решили направить в Великобританию собственную делегацию. Перед ней была поставлена задача — провести инвентаризацию всех британских военных ноу-хау и отобрать те из них, которые наиболее интересны Соединённым Штатам.

Выбирая между различными кандидатурами, которые могли бы возглавить работу с британской стороны, Г. Тизард остановился на кандидатуре Александра Кинга. Кинг вспоминает, что в ходе разговора Г. Тизард сказал: «Если возьмёшься показать им все испытательные центры, то лучше всех будешь представлять масштаб и объём наших национальных военных и технологических программ». А. Кинг с успехом справился с порученной ему задачей и в конце 1943 г. был направлен в США в качестве руководителя так называемого Центрального научного управления по взаимодействию Великобритании и США в области военных научно-технических разработок.

Наряду с передачей американцам британских ноу-хау и максимальной помощи им кадрами, особенно в части Манхэттенского проекта, на организацию была возложена и функция научно-технической разведки. А. Кинг вспоминает: «В наши функции входил сбор информации обо всех военно-экономических мероприятиях, новых американских разработках и изменениях политического курса. Мы должны были вовремя, т.е. как можно скорее сигнализировать о них в Лондон и сообщать информацию соответствующим правительственным ведомствам или людям».

В процессе работы А. Кингу удалось установить доверительные личные отношения с такими влиятельными в американской администрации людьми, как главный советник Рузвельта по науке Вэннивар Буш, руководитель Управления стратегических служб (предшественник ЦРУ) Билл Donovan, Кэрил Хэскинс, впоследствии многолетний президент фонда Карнеги, Уоррен Уивер, директор Рокфеллерского фонда, человек, входящий в узкий внутренний круг семьи Рокфеллеров, руководители многих американских промышленных корпораций и др. Практически со всеми А. Кингу удалось наладить доверительное личное взаимодействие, которое поддерживалось долгие годы. В своих воспоминаниях дочь А. Кинга Джейн упо-

минает, что много лет у них в Британии, а затем во Франции, в Провансе, в их доме в Ля Мегрони, гостила и отдыхала семья знаменитого физика Джона Уилера, инициатора создания самой мощной научной консультативной группы американского правительства, из которой в последующем выросли знаменитые DARPA и IARPA, а также Институт сложности в Санта-Фе.

Нельзя не подчеркнуть, что деятельность в Соединённых Штатах позволила А. Кингу получить признание умелого администратора, высококлассного аналитика и превосходного коммуникатора, умеющего сводить в единое целое столь разнородных по менталитету и интересам людей, как государственные чиновники, военные, разведчики, промышленники и исследователи. В ходе работы в Америке А. Кинг взаимодействовал с Дональдом Макклином, одним из членов так называемой Кембриджской пятёрки. В своих воспоминаниях он пишет: «Мы даже поддерживали с Дональдом и его женой отношения и пару раз ужинали с ними». Этой теме он посвятил два абзаца мемуаров, сделав следующий вывод: «Я уверен, что им руководил идеализм, перешедший в идеологию. Можно сочувствовать тем, кто порицает порочность и несправедливость нашего общества, но при этом выражать сомнения в их здравомыслии при выборе советской модели, как лучше». В воспоминаниях указывается, что никого больше из Кембриджской пятёрки он не знал. Однако британские журналисты при выходе в свет воспоминаний А. Кинга отметили, что, по крайней мере, ещё двоих — Бёрджеса и Кернкрасса — не мог не знать, поскольку оба занимались вопросами, прямо пересекающимися с деятельностью А. Кинга на его посту в Соединённых Штатах, а Бёрджес кроме того являлся близким другом барона Ротшильда и, помимо прочего, часто бывал у барона на работе.

Непосредственно к теме первой психоисторической войны и основания Римского клуба деятельность Кембриджской пятёрки не имеет прямого отношения. Так же для них неважны и умолчания в мемуарах А. Кинга. Однако для понимания механики взаимодействия внутри наднациональной мировой элиты и контактов между различными группами мировой элиты эта тема имеет просто первостепенное значение. Кембриджская группа даёт прямо-таки уникальный и абсолютно бесценный материал для вскрытия подобных механизмов и опознания способов такого рода взаимодействий. Поэтому, несомненно, целесообразно сделать экскурс в тему Кембриджской группы под интересующим нас углом зрения.

7

Ни одна разведывательная группа в истории не удостоилась такого количества печатных работ, фильмов и телепередач. Только исследовательских трудов, посвящённых Кембриджской группе, без учёта переизданий, насчитывается в настоящее время более 1200 на самых различных языках. Это парадоксально, поскольку архивных документов на этот счёт имеется крайне мало. Как отметил Н. Долгополов в своей книге о К. Филби, написанной на основе архивов СВР России и бесед с бывшими сотрудниками внешней разведки: «Высокие чины и прославленные наши разведчики не раз говорили мне, что практически все дела, особенно касающиеся иностранных источников, уничтожены. Если я правильно понимаю, часть их сгину-

ла ещё во время сталинских “чисток” в 1936–1938 годах. Затем наступил черёд Великой Отечественной, и многое было предано огню осенью 1941-го, когда фашисты стояли под Москвой. Затем пришёл период смены сталинского строя и приход к власти людей, заклеивших его культ личности. Значительнейшая часть досье, касающаяся источников из Кембриджа, была уничтожена в 1953-м. Оставшееся и, возможно, не самое главное вывезли, как я слышал, в далёкий город. И, наконец, ещё часть документов влилась в поток сознательно “канувших в Лету” в период смены формаций в 1991-м. Тогда некоторые близорукие оптимисты верили во всемирное примирение и вечную дружбу со всеми прежними оппонентами и подстёгивали разведку поделиться со всем светом своими секретами. Они рвались в архивы только созданной СВР России, но, к счастью, глупостей удалось избежать. А вот архивы в очередной раз понесли потери».

Соответственно, в определённой степени в качестве достоверных источников могут быть выделены книга Н. Долгополова, воспоминания Ю. Модина — связника Кернкрасса, Бланта и Маклина, хорошо знавшего в Москве Бёрджеса и помогавшего в написании книги К. Филби, а также книги М. Картер, которая представляет собой литературную обработку собственноручно написанных воспоминаний Э. Бланта, книга известного историка разведки Ф. Найтли и собственные воспоминания К. Филби, написанные с участием Ю. Модина⁸⁰.

Рассматривая тему под интересующим нас углом зрения, необходимо выделить несколько на первый взгляд совершенно необъяснимых, в каком-то смысле даже загадочных сюжетов, связанных с Кембриджской группой. Прежде всего, достоверно неизвестно, кто занимался вербовкой участников Кембриджской группы. Назывались фамилии Малле, Дейча, Орлова и др. При этом Ю. Модин, который отлично знал и длительное время в разные периоды жизни общался со всеми членами Кембриджской группы, написал, что как таковой вербовки не было вообще, а указанные выше люди всего лишь работали с теми или иными членами Кембриджской пятёрки в тот или иной период времени.

Далее, практически все исследователи едины в том, что участники группы работали не за деньги и категорически отказывались от материального вознаграждения. Так Долгополов, базируясь на материалах СВР России, пишет: «В 1945 году советская сторона установила всей “пятёрке” пожизненную пенсию. Теперь уже можно сказать, что для каждого она была “персональной”, согласно заслугам. Для Бланта — 1200 фунтов в год, немного больше по сравнению с Кернкрассом. Но каждый из пятерых отказался. Блант под предлогом того, что совсем не нуждается в деньгах. И хотя ему было предложено обращаться к связнику в случае возникновения любых материальных осложнений, Блант этим предложением никогда, даже в труднейшие моменты своей жизни, не воспользовался. Работал, как и его товарищи, за идею». Ю. Модин к этому делает лишь две поправки. Он отмечает, что лично передал крупную по тем временам сумму 3 тыс. фунтов Кернкрассу, когда над последним сгустились тучи, и было принято решение о том, что советская разведка прекращает работу с ним.

⁸⁰ Долгополов Н. Ким Филби. М.: Молодая гвардия, 2012; Найтли Ф. Ким Филби — супершпион КГБ. М.: Республика, 1992; Филби К. Моя тайная война. М.: Восениздат, 1980; Модин Ю.И. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М.: Олма-Пресс, 1997; West N. Triplex: Secrets from the Cambridge Spies. Yale: Yale University Press, 2009; Carter M. Anthony Blunt: His Lives. L.: Pan Books, 2002.

При этом следует отметить, что Кернкросс был единственным из Кембриджской пятёрки, кто не принадлежал к высшему британскому истеблишменту и не имел иных источников доходов, кроме тех, которых он лишился из-за подозрения в сотрудничестве с советской разведкой. Второй случай — это передача небольшой суммы денег К. Филби, когда он уже не работал в британской разведке и находился в крайне затруднительной финансовой ситуации, живя на Ближнем Востоке. При этом о передаче денег Модина просил не сам Филби, а Э. Блант, который без риска для себя и Филби не мог встретиться с ним лично, чтобы помочь другу. Практически все авторы, занимавшиеся Кембриджской группой, отмечали, что это были идейные люди, которые работали не ради материальных благ.

Обзор загадок Кембриджской группы можно продолжить тем фактом, что британской контрразведке были отлично известны биографии всех участников Кембриджской группы. Британская контрразведка была отлично осведомлена, что некоторые из них состояли в коммунистической партии и были близки к Коминтерну. Тем не менее, все участники группы с конца 1930-х годов занимали высокие посты в самых различных ведомствах, а К. Филби в течение определённого периода времени рассматривался как едва ли не основная кандидатура на пост руководителя МИ-6.

При внимательном изучении всего массива документальных данных по группе складывается парадоксальное ощущение. Высшие представители британского истеблишмента делали всё возможное, чтобы члены группы занимали посты, которые позволяли бы им иметь максимум информации по наиболее актуальным для СССР темам в тот или иной период времени. Например, в годы Второй мировой войны в качестве таковых был доступ не только и не столько к вопросам военных технологий и разработок, но прежде всего к информации о военных планах американцев и британцев, реакции их высшего политического руководства на события на фронтах, а главное, вся возможная информация, имевшаяся у британцев о планах германского командования на Восточном фронте. Начиная с конца войны, кембриджцы переместились на должности, позволявшие им иметь максимум информации об атомном проекте, различного рода проектах американцев, самых свежих данных по военным ноу-хау и технологиям. Иными словами, на протяжении всей своей деятельности члены Кембриджской группы оказывались ровно на тех должностях, которые в данный конкретный момент могли обеспечить максимально полезную для Советского Союза информацию.

К числу загадок нельзя не отнести и то обстоятельство, что вся цепочка событий, связанных с раскрытием Кембриджской пятёрки, а точнее четвёрки, а сначала тройки, была полностью делом рук американцев. Когда же британцы встали перед необходимостью пресечения деятельности группы и ареста её участников, они, как ясно любому непредубеждённому исследователю из анализа фактического положения дел, изложенного в самых различных источниках, сделали всё, чтобы трое участников группы, относительно которых имелись веские и неопровержимые доказательства, смогли оказаться в Советском Союзе. Что касается Э. Бланта и Д. Кернкросса, то с ними британские службы достигли соглашения. Суть его состояла в том, что в обмен на молчание британская сторона решила не прибегать к каким-либо санкциям и сохранить всё в тайне. Например, Э. Блант в течение поч-

ти 30 лет после того, как с ним было достигнуто соглашение, продолжал оставаться смотрителем Королевской коллекции картин, личным консультантом Елизаветы Второй по вопросам искусства и преподавателем многих высших учебных заведений. Кернкросса просто оставили в покое и ему было разрешено покинуть Британию, чтобы жить с молодой женой на юге Франции. При этом согласно материалам, предоставленным СВР Н. Долгополову, воспоминаниям Ю. Модина, автобиографии Э. Бланта, а также британским и американским публикациям, написанным на основе открытых архивов западных спецслужб, ни Блант, ни Кернкросс не сообщили чего-либо, что могло бы причинить ущерб Кембриджской группе и советской разведке.

Нельзя не упомянуть в числе удивительных событий, связанных с Кембриджской группой и некоторые особенности пребывания её членов в Москве. В самые напряжённые моменты Холодной войны к членам Кембриджской группы беспрепятственно приезжали, уезжали, а потом опять возвращались жёны и дети. Когда в конце 1970-х годов выросшие сыновья Маклина захотели вернуться на родину, в Британию, им не чинилось каких-либо препятствий, а в Британии они, впрочем, как и дети К. Филби, сделали карьеры и живут весьма благополучно по сегодняшний день. К Э. Бёрджесу приезжала мать. Ещё более поражает воображение тот факт, что Бёрджес, один из признанных законодателей вкуса в Лондоне в годы Холодной войны заказывал из Москвы у своего знаменитого лондонского портного костюмы, которые тот шил по новым, доставленным из Москвы меркам и благополучно отправлял всё назад. Не менее поразительным является и следующее свидетельство Ю. Модина: «В числе сослуживцев Филби по Брикендонбери Холл был некто Томми Харрис, сотрудник МИ-6. Они крепко подружились. Харрис был богатым человеком, владевшим магазином, в котором продавал картины и антикварные вещи. В 70-х годах, когда Филби жил уже в Москве, Харрис прислал ему в подарок великолепный мозаичный инкрустированный стол — настоящее сокровище. Филби показывал его мне с величайшей гордостью. Харрис не питал к Киму неприязни за его шпионскую деятельность, хотя именно он помог Филби продвинуться по служебной лестнице в английской разведке».

Весьма загадочными, если не учитывать общий контекст истории Кембриджской группы, что называется более глубинного плана, представляются ещё два случая. В первом речь пойдёт о Питере Райте. Он был одним из руководителей британской контрразведки и после побега Бёрджеса и Маклина в Москву настаивал на аресте Филби, Кернкросса и требовал задержать для допросов и заключения в тюрьму ещё целую группу высокопоставленных представителей британской разведки и правительственной администрации, включая барона Виктора Ротшильда. Вот что пишет по этому поводу Ю. Модин: «Питер Райт необычайно гордился своими методами расследования. Несколько позже он хвастливо заявлял, что их контрразведка раскинула такую частую сеть на русских шпионов в Англии, что гарантировала максимальный улов всех подозрительных деятелей. На деле, однако, такие методы обернулись преступной глупостью, потому что единственным их результатом явилось уничтожение ни в чём не повинных людей. Десятки агентов МИ-5 и других подобных служб были уволены с работы, опозорены и оскорблены. Одни из них признавались в ошибках, которых вовсе не совер-

шали, а другие, доведённые до предела, покончили жизнь самоубийством. Я считаю, что Питер Райт питал неприязнь не только к советским агентам, что вполне закономерно, но также и ко всем интеллектуалам и профессорам в придачу, особенно к выпускникам Кембриджа. А если выразиться точнее, он проявил презрение ко всему британскому истеблишменту». Достаточно оперативно П. Райт был выгнан с работы, лишён по дисциплинарным условиям полагавшейся ему пенсии и ему было рекомендовано покинуть пределы Великобритании. Когда он, спустя несколько лет собрался издать книгу⁸¹, ему это было строжайшим образом запрещено. Уже написанная работа была отвергнута всеми британскими издательствами и в итоге была издана находящимся в Нью-Йорке австралийским подразделением лондонского издательства Penguin запрещением продавать её на территории Великобритании.

Красноречив следующий пример, приводимый Долгополовым. «“Санди таймс”, начавшая в 1968 году собирать материалы о Филби, столкнулась с немалыми сложностями. Один из руководителей Форин-офис лорд Чалфонт внушал репортерам: “Вы должны закончить ваши расследования. Здесь таится чудовищная угроза. Этим вы поможете врагу”. Потом Форин-офис убеждал газету, что “она теряет время, потому что никогда не сможет опубликовать свою статью”. Издание пу- гали тем, что руководство спецслужбы обратится к королеве».

Не менее показателен ещё один факт. В 1979 г. Маргарет Тэтчер, несмотря на противодействие британского королевского двора, нарушила обязательства МИ-6 и придала гласности в качестве четвёртого члена Кембриджской группы имя Энтони Бланта. Надо пояснить, что помимо участия в Кембриджской группе и всемирной известности в качестве одного из лучших искусствоведов мира Блант выполнял доверенные поручения двора Её Величества. В частности, в 1947 г. он проводил сверхсекретную операцию по вывозу архивов германских правящих династий из Гессена в Лондон. Уже в 1950-е годы, т.е. после того, как стало известно, что он являлся членом Кембриджской группы, Блант с конфиденциальными поручениями общался с правящими королевскими домами Европы. Хотя он и официально являлся родственником Елизаветы Второй, по упорно ходившим среди высшей лондонской аристократии слухам, которые, кстати, не опровергались, он был внебрачным сыном Георга V, т.е. дядей Елизаветы Второй.

В результате выступления Тэтчер Блант был вынужден отказаться от рыцарского звания, уйти в отставку с поста хранителя Королевской картинной галереи, а также подать в отставку из наблюдательных советов нескольких крупнейших галерей. Показательно, что подавляющая часть галерей его просьбы об отставке не удовлетворила. Привилегированный Колледж искусств, где учились и учатся дети британской аристократии, потребовал, чтобы он продолжил преподавание⁸². А вот Тэтчер её акция с рук не сошла. Хотя она получила титул баронессы, через определённое время наиболее известные британские издания, близкие к королевскому двору, развернули мощную разоблачительную кампанию по поводу сомнительных сделок её сына Марка, использовавшего для них имя премьер-министра, вынудив Мар-

⁸¹ Wright P. Spy Catcher: The Candid Autobiography of a Senior Intelligence Officer. N.Y.: Viking, 1987.

⁸² Carter M. Op. cit.

ка Тэтчер покинуть Великобританию и переселиться в ЮАР. На этом злоключения Тэтчер не закончились. Умеющая выжидать и терпеть Виндзорская династия в итоге улучила удобный момент и окончательно свела счёты с М. Тэтчер, подтолкнув значительную часть членов консервативной партии, близкой к британской аристократии, к смещению Тэтчер с поста лидера консерваторов. Это автоматически привело и к её отставке с поста премьер-министра. Ким Филби прокомментировал всю эту историю следующим образом: «Единственное, что доказала Тэтчер, это то, что она — не леди, а мещанка».

Чтобы завершить обзор загадок, отметим ещё два существенных факта. Советская сторона не препятствовала контактам прежде всего К. Филби с британскими журналистами, включая знаменитого историка спецслужб Ф. Найтли. Что касается британцев, то когда ряд средств массовой информации сообщил, что Г. Бёрджесс и, возможно, Д. Маклин подумывают о том, чтобы в конце 1960-х — начале 1970-х годов вернуться в Великобританию, то, как пишет Ю. Модин и свидетельствуют материалы британской прессы, официальные власти и разведка пришли в настоящий ужас и по неофициальным каналам довели до советской стороны о категорической нежелательности возвращения Бёрджесса и Маклина в Британию в любом качестве.

Завершив краткое рассмотрение поистине невероятных обстоятельств, сопровождавших жизнь и деятельность Кембриджской группы, нельзя не остановиться ещё на одном чрезвычайно важном вопросе. Это вопрос об отношении участников Кембриджской пятёрки к СССР. Наиболее достоверным источником сведений об этом являются мемуары Ю. Модина — ветерана КГБ, единственного человека, который непосредственно и долгое время общался со всеми участниками Кембриджской пятёрки на определённых этапах их жизни. Позволю себе привести несколько цитат. В 1934 г. Э. Блант и Г. Бёрджесс посетили Советский Союз. Когда Ю. Модин спросил Г. Бёрджесса о впечатлениях, он ответил: «По приезду я каждому встречному и поперечному говорил, что возмущён всем увиденным в России. Конечно, я врал, но признаюсь, что всё в вашей стране и отдалённо не походило на ту Россию, которую я себе воображал. И всё же впечатление было сильное. Та энергия и энтузиазм народа, с которыми я столкнулся, заставляют меня верить в огромный потенциал советской страны». При этом «Гай Бёрджесс считал мировую революцию неизбежной. Как и его кембриджские друзья, он рассматривал Россию в качестве форпоста этой революции. Альтернативы для него не было. Возможно, у Бёрджесса и имелись какие-либо сомнения в связи с внутренней и внешней политикой России. Я часто слышал, как он критикует наших вождей, но при всём том Гай считал Советский Союз надеждой всего мира. Он и его друзья были уверены, что скоро настанет такое время, когда наша страна найдёт честных вождей, для которых принципиально важные вопросы будут иметь большее значение, чем зарплата и привилегии».

Что касается Э. Бланта, то однажды Ю. Модин стал объяснять ему проблемы, с которыми сталкивается советская внешняя политика в послевоенные годы. В ответ на это Э. Блант, как вспоминает Ю. Модин, «сказал, что ему хорошо известно всё мною сказанное. И ничто из моих слов ни на йоту не изменит его твёрдого убеждения, что политика России имеет откровенно империалистический характер. Он привёл в пример Турцию, которой Сталин помогал в 1947 г., чтобы получить до-

ступ через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Он дал мне понять, что я даю время, убеждая его в обратном. Блант считал нашу внешнюю политику грязной и вредной для коммунизма, такой же империалистической, какую проводили наши предшественники в России. Он, Блант, сотрудничает с нами не потому, что солидарен с советской политикой, а потому, что, как и его друзья из Кембриджа, верит в одну непреложную правду — счастье человечества может быть достигнуто только после всемирной революции».

Относительно Кима Филби Н. Долгополов в своей книге пишет: «Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества, — так писал Ким в книге “Я шёл своим путем. — В моей Англии, на моей родине, я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашёл в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этим я служил и моему английскому народу”. Быть может, звучит несколько наивно, идеалистически. Но он и был идеалистом, романтиком, искренне верящим в новое и чистое будущее. В первые годы жизни в СССР он был разочарован, но не сломлен. Оставалась вера, которая и помогла».

А вот ещё один фрагмент из воспоминаний Ю. Модина: «Я твёрдо знал, что Ким Филби останется верен своим идеалам. Он никогда не нарушал клятвы, которую дал в молодости. Ким часто говорил мне, что Сталин, Хрущёв и Брежнев канули в Лету, а яркая звезда коммунизма никогда не погаснет. — Пусть с первых же дней революции к нему пошли не той дорогой, — говорил он, — но всё же коммунизм выражает лучшие чаяния человечества».

Что касается Д. Маклина, то, в совершенстве овладев русским, долгие годы он работал в Институте мировой экономики и международных отношений, где значительная часть подразделений в то время была аффилирована с Первым главным разведывательным управлением КГБ. Он опубликовал несколько блестящих книг, переведённых в том числе и на иностранные языки, и вёл семинарские занятия. Ветераны разведки и те люди, кто в то время работал в ИМЭМО, хорошо знают, что вокруг Д. Маклина сложился кружок молодых людей, которые достаточно жёстко критиковали тогдашний внутривластный курс Л.И. Брежнева, причём с позиций не либерализма, а социализма, в чём-то близким к идеям фабианского общества. Более того, молодые друзья Д. Маклина попали в серьёзные неприятности.

Подытоживая, обратимся ещё раз к воспоминаниям Ю. Модина: «Теперь я считаю, что Кембриджская пятёрка — это действительно выдающиеся люди. Мне до сих пор трудно осознать, что я работал с людьми такой непревзойдённо высокой культуры, образования и убеждений, которые предсказывали упадок СССР в то время, когда нам казалось, что дела наши идут прекрасно. И всё же они продолжали служить ДЕЛУ».

Представляется, можно сделать следующий вывод. Известные члены Кембриджской группы были искренними приверженцами коммунистической идеи в том её понимании, как идеи построения общества, где каждый отдаёт по способностям и получает по потребностям, где у всех равные возможности и в основании лежит справедливость в разных её аспектах. Такое понимание социализма или коммунизма, строго говоря, не являлось и не является монополией ни Первого, ни Вто-

рого, ни Третьего, ни какого-либо иного интернационалов. Не было оно монополией и Советского Союза. Хотя его руководство искренне полагало, что это именно так. Члены Кембриджской группы считали, что в конкретной исторической обстановке 1930–1950-х годов Советский Союз нуждался в максимальной поддержке и являлся гарантом того, что рано или поздно социализм победит во всём мире. Как пишет Н. Долгополов, Д. Маклин мечтал стать преподавателем английского языка в Советском Союзе. На вопрос, с чем связана его мечта, он отвечал, что, хотя первые, самые сложные шаги по направлению к коммунизму делает Россия, но, в конечном счёте, вопрос о реальном построении подлинного общества социальной справедливости будет зависеть от положительного его решения в англоязычных странах. И поэтому международным коммунистическим языком станет английский.

8

Прежде чем непосредственно заняться разгадкой кембриджской загадки, важно обратить самое пристальное внимание на ещё одно обстоятельство. На Западе опубликовано довольно много работ, в которых ведутся розыски остальных членов Кембриджской группы. В их число включаются и тогдашние руководители английской разведки, и представители элиты Уолл-стрит, обучавшиеся в Кембридже, и даже барон Виктор Ротшильд⁸³. В посвящённой этому книге автор, известный американский журналист Рональд Перри ссылается в том числе на Юрия Ивановича Модина, а также отмечает, что только В. Ротшильд, который с 1942 по 1945 г. руководил подразделением МИ-5 (британской контрразведки) по обеспечению режима секретности в военно-промышленных и оборонных научно-исследовательских лабораториях Британии, имел доступ ко многим документам, которые, согласно опубликованным архивным данным и фрагментам, оказались в распоряжении Советского Союза. Кроме того, ему удалось выяснить, что в этих архивах были некоторые сообщения, известные только руководителям разведки и У. Черчиллю, близким другом которого был Ротшильд.

По вполне понятным причинам советская внешняя разведка никогда не комментировала подобные публикации. В связи с этим особый интерес представляет книга Н. Долгополова о Киме Филби, написанная при поддержке российской внешней разведки, представившей в распоряжении автора не публиковавшиеся ранее уникальные архивные материалы и разрешившей отставным офицерам внешней разведки, связанным с Кембриджской группой, провести доверительные беседы с автором книги. Особый интерес представляет высказанное Н. Долгополовым в книге мнение: «Не претендуя на роль первооткрывателя, выскажу своё сугубо личное мнение. Никто и никогда не узнает, сколько действительно человек было в группе преданных Советскому Союзу англичан, поддержавших чужую страну в борьбе с фашизмом, а потом и в Холодной войне. В этом не заинтересована ни одна из двух наиболее затронутых деятельностью «пятёрки» держав — Англия и Россия. Англичанам, имею в виду не журналистов и фанатиков, а спецслужбы и бри-

⁸³ Perry R. The Fifth Man: The Soviet Super Spy. L.: Sidgwick & Jackson, 1994.

танский истеблишмент, не нужны новые скандалы и разоблачения. Ничего хорошего тщательно оберегаемому имиджу они не принесут. Верная собственным неизменным принципам российская Служба внешней разведки, тщательно оберегающая покой родных и близких своих агентов в любом поколении, ни разу за всю свою историю не пошла на излишние откровения».

В книге Н. Долгополова фигурирует высокопоставленный работник СВР, выступающий под псевдонимом Собеседник. В частности, он высказывает такое мнение: «Собеседник: — Я немного о другом: как-то, ещё, когда он (Филби) работал в Англии, зашёл с ним разговор про пенсию для него, для семьи, и Ким, это есть и в документах, ответил: “Мне пока не надо. Когда будет нужно, я сам скажу, попрошу”. Он столько сделал. Знаете, чтобы вы поняли, я ещё раз повторюсь: дело до сих пор работает. Многое закрыто. Тут многое касается не только лично Кима. И снова несколько об ином. Как он, к примеру, относился к своим коллегам по “пятёрке”. Или, может, была не “пятёрка”, может, “семёрка” — кто его знает. Филби настолько за них переживал...»

В качестве введения в наше небольшое исследование могут быть использованы слова Кернкрасса, которые он высказал корреспонденту одной французской газеты. Согласно Ю. Модину, он сказал: «Может быть, настанет день, когда мы сумеем попытаться понять правду, скрывающуюся за фактами, и объяснить те сложные процессы, в результате которых молодой интеллектuala оказывается замешанным в такие дела».

Для того чтобы попытаться понять природу кембриджского феномена, необходимо обратиться к последним достижениям сетевой науки, изучающей устойчивые структурные характеристики взаимодействия людей и их групп. Сама по себе сетевая наука зародилась в конце XIX – начале XX в. и впервые, как отдельная часть человеческого знания была представлена в книгах Я. Морено⁸⁴. Последнюю четверть века, а особенно в период с 2000 г., сетевая наука, получившая в распоряжение поистине необозримый океан социальных данных и новые математические методы обработки Больших Данных, смогла осуществить подлинный прорыв.

Сегодня экспериментальные данные сетевой науки позволяют достаточно точно описать устойчивые социальные сети различной размерности. Поскольку совершенно очевидно, что наднациональные и национальные элитные группы сами являются фрагментами сетей средней размерности, то несомненно, что эти сети просто обязаны обладать всеми признаками устойчивости. В случае разрыва устойчивости элитных сетей драматические и трагические события в жизни человеческой цивилизации типа мировых войн привели бы в частности не к послевоенному восстановлению, а к деградации мировой цивилизации и одичанию человечества. Иными словами, пока элитные сети являются устойчивыми или хотя бы квазиустойчивыми (устойчивыми на протяжении достаточно длительного периода времени), у человеческой цивилизации есть большие шансы существовать без глобального катастрофического коллапса. В этом смысле даже глубокий системный кризис при сохранении элитных сетей может разрешиться выходом на некую новую траекторию без цивилизационного одичания.

⁸⁴ Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический Проект, 2001.

Наиболее продвинутые работы⁸⁵ в области сетевой науки позволяют сформулировать несколько ключевых требований к устойчивым и квазиустойчивым сетям. В их число входят:

- элитные сети, имеющие характеристику устойчивости или квазиустойчивости, представляют собой среднеразмерные открытые сети. Открытость сетей выражается в том, что в их состав могут включаться новые индивидуумы, блоки, а также устанавливаться ранее не существовавшие связи. По своему характеру и свойствам среднеразмерные открытые сети идентичны так называемым безразмерным сетям А.-Л. Барабаши;

- безразмерные сети образуют внутри себя устойчивые паттерны или блоки, обеспечивающие наиболее оперативную и эффективную адаптивную реакцию на внешние средовые и субъектные возмущения. Блок представляет собой совокупность элементов и связей сети, характеризующихся более высоким, чем сеть в среднем, уровнем силы, интенсивности и частоты связей внутри блока или паттерна;

- внутри блока, как правило, присутствует иерархо-сетевая структура взаимодействий, где связи характеризуются не только по критериям силы (степени воздействия), интенсивности (частоты) и густоты (наличие пересечения) связей, но и их доминантности. Внутри каждого паттерна или блока имеются узлы сети, характеризующиеся высокой доминантностью. Доминантность проявляется в том, что остальные узлы сети в своих действиях и мнениях зависят от действий, мнений и решений доминантных узлов;

- доминантность в паттернах безразмерных сетей, погружённых в динамичную, турбулентную среду, реализуется через принцип гетерархии. Гетерархия предполагает, что на позиции главного доминанта или иерархического узла с максимальным рангом в разные моменты времени или в разных ситуациях, связанных с характеристиками внешней по отношению к сети среде, выступают различные узлы. Иными словами, иерархия является постоянным свойством структуры сетевого паттерна. Но сами по себе доминанты иерархии не являются постоянными, а меняются в зависимости от истории паттерна и внешних обстоятельств;

- выживание среднеразмерной открытой сети, или безразмерных сетей Барабаши при наличии внешней турбулентной, динамичной среды в решающей степени зависит от существования так называемого «скелета сети». Скелет сети включает в себя узлы сети, которые одновременно принадлежат к различным паттернам и в решающей степени обеспечивают связность и тем самым сохранение сети как целостности. При этом указанные узлы должны обладать в рамках каждого из паттернов или блоков, к которым они принадлежат, достаточно высокой степенью авто-

⁸⁵ Sawyer R.K. *Social Emergence: Societies as Complex Systems*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Barabasi A.-L. *Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life*. N.Y.: Plume, 2003; Ларуп Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014; Shnol S. *Complete Biological determinism of Evolutionary Trajectories or limit Perfection is Achieved through Natural selection for the actual duration of time Small. (According to the Recollections of the discussions with Scientific Sat. Transport)*. Moscow: Nauka, 1989; Stark D. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. Princeton: Princeton University Press, 2011; Wasserman S., Faust K. *Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences)*. Cambridge University Press, 1994.

номии. Они категорически не должны являться так называемыми алгоритмическими агентами одного паттерна в другом. Согласно сетевой науке, последнее означает, что узлы, относящиеся к скелету сети, не являются слепыми исполнителями и проводниками интересов одного паттерна по отношению к другому, а скорее представляют собой относительно независимых агентов, чьи интересы и действия позволяют существовать им одновременно не в одном, а как минимум в двух паттернах или блоках.

Применительно к нашей теме указанные закономерности сетевой науки, полученные на обработке огромных массивов эмпирического материала, позволяют говорить о следующем. Наличие структур, подобных Кембриджской группе, являлось, является и будет являться важнейшим условием выживания человеческой цивилизации как целостности, разделённой внутри себя на определённые паттерны и блоки. Соответственно в первую очередь это относится к лицам, принимающим решения, т.е. к элите, включающей как наднациональные, так и национальные элитные иерархосетевые или гетерархические⁸⁶ группы.

В соответствии с этим можно сделать следующий вывод. В рамках британской элитной сети существовал паттерн, связанный, но не ограниченный обществом Апостолов⁸⁷, фабианством и проч. Этот паттерн выделил из себя более ограниченную группу, которая должна была выступать в качестве связующего звена с советской элитой. Собственно, эта группа и стала известна миру под названием Кембриджской пятёрки.

Этот вывод подтверждается в частности тем обстоятельством, что подобный паттерн имелся и в Соединённых Штатах Америки. Частично он был также порождён американской разновидностью фабианства, получившей название коммуитаризма. К этому паттерну, несомненно, принадлежал Ф.Д. Рузвельт. Американский паттерн также выдвинул свою группу, тесно взаимодействовавшую с советской элитой. В её число входили такие выдающиеся американские деятели, как Элджер Хисс — известный американский дипломат, ключевой участник проектирования послевоенной судьбы Германии, главный советник Рузвельта в Ялте, первый Генеральный секретарь ООН; Гарри Декстер Уайт — выдающийся американский экономист, видный чиновник Министерства финансов США, разработчик концепции Бреттон-Вудской системы, Международного валютного фонда и Всемирного Банка; Гарри Гопкинс — главный советник Ф.Д. Рузвельта и целый ряд других, не менее заметных фигур американской политики и науки. Все эти люди в США в эпоху «охоты на ведьм» были названы агентами КГБ на основании реальных свидетельств их взаимодействия с советской разведкой.⁸⁸ В последующем дополнительные данные на этот счёт были получены из так называемых блокнотов Васильева и архивов Митрохина.

⁸⁶ Stark D. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. Princeton: Princeton University Press, 2011.

⁸⁷ Bourdieu R. *Apôtres de Cambridge, la Fabian Society et les Frères de Plymouth*. Paris: Cambridge University Press, 1997.

⁸⁸ Steil B. *The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order*. Princeton: Princeton University Press, 2013; Evans M.S. *Herbert Romerstein, Stalin's Secret Agents: The Subversion of Roosevelt's Government*. N.Y.: Threshold Editions, 2013.

Теперь настало время разобраться в одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Традиционно граждан тех или иных стран, взаимодействующих с разведывательными структурами, относят либо к тайным агентам, либо к агентам влияния. И в том, и в другом случае они действуют в интересах чужой страны против своей. В этом смысле Кембриджская пятёрка, так же как и их коллеги в США, хотя и являлись в строгом профессиональном смысле слова разведчиками, ни в коем случае не представляли собой агентов. Они как раз являлись тем самым скелетом элитной сети, без которой она бы рухнула, утянув вслед за собой и цивилизацию в целом.

В связи с этим правильнее для таких людей использовать в элитном анализе особый термин. Представляется, что наиболее подходящее название ввёл философ и методолог П. Щедровицкий. «В 1993 году философ и методолог Петр Щедровицкий (младший) высказал предположение, что мировая экономика потихоньку завоёвывается новыми фигурами: интерлокерами. То есть, теми, кто выступает стратегическими посредниками между разными типами знаний и сферами деятельности. Они комбинируют из них предпринимательские схемы, они уже известны как “аналитики ресурсов”». ⁸⁹ Имеет смысл несколько расширить термин «интерлокер» и не ограничивать его экономической тематикой. По сути, в элитном анализе интерлокерами являются стратегические коммуникаторы, которые в своих действиях руководствуются интересами обоих паттернов или блоков, в которые они входят и которые они соединяют в рамках собственной деятельности.

Этот, казалось бы, неочевидный вывод, несомненно, можно подкрепить многочисленными примерами из деятельности Кембриджской группы. Ю. Модин в своих воспоминаниях писал: «Но я могу понять поведение этих людей, которое на Западе может показаться непостижимым. Прежде всего, я преклоняюсь перед их патриотизмом. Все они, а Гай Бёрджесс в особенности, питали глубокую и страстную любовь к Англии. Многие считают их предателями, но только не я. Я не преувеличиваю, когда говорю, что знаю больше, чем кто-либо, насколько ценные для нас материалы они нам давали, но при этом утверждаю: ни один из них не собирался принести вред своей стране. Они работали против американцев, это точно. Они передавали нам всё, что попадало им в руки, даже иногда и много лишнего. Но ни разу не выдали нам ни одного секрета, который мог бы повредить Великобритании». Об этом же говорит в книге Н. Долгополова о К. Филби неназванный высокопоставленный работник внешней разведки и любимый ученик К. Филби. В специально выделенном разделе под не оставляющем сомнений заголовком «Прямой канал» читаем следующее: «Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества, — так писал Ким в книге “Я шёл своим путем”. — В моей Англии, на моей родине, я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашёл в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этим я служил и моему английскому народу”».

В этом высказывании Кима Филби — целая философия разведки, её главный постулат. Так считали и мы, в этой области человеческой деятельности занятые, преданно в ней работающие. Вот общаются дипломат с дипломатом. Но информа-

⁸⁹ Чернышев С. Корпоративное предпринимательство. От смысла к предмету. Цикл лекций. Электронная публикация. М., Центр гуманитарных технологий, 2001.

ция, получаемая представителями двух разных стран, всё равно не та, что идёт через разведку. Она приукрашена, в ней немало чисто дипломатических экивоков. Поэтому с незапамятных российских, потом советских, а сегодня вновь российских времён посла слушали с меньшим вниманием, чем резидента. Разведка — более прямой канал для доведения куда требуется необходимых твоей стране сведений. И наиболее умные англичане, включая видных политиков, в первую очередь лейбористской, да и консервативной партий, порой сознательно шли на контакты нашим резидентом или оперативным работником. То, что они хотели, и то, что им надо было побыстрее довести до нашего руководства, доводилось именно так. Это — первый момент.

Момент второй: разведка способствует прозрачности. Если кто-то что-то друг от друга скрывает, если разведка узнает нечто о переговорах, ведущихся не совсем так или совсем не так, как сообщают чужие дипломаты, то разведка помогает донести правду до высшего руководства. И тогда уже лидеры стран, получившие информацию от разведки, обращаются к своим зарубежным оппонентам: мол, что же мы тут друг другу морочим голову. Таким образом, разведка способствует и прозрачности, и откровенности в отношениях».

В заключение необходимо остановиться на одном чрезвычайно деликатном и не менее важном моменте. Может возникнуть вопрос, где проходит грань между интерлокерами и людьми, работающими на иностранную разведку. Если Кембриджская пятёрка были интерлокерами, то не являлись ли ими такие, например, персонажи, как Олег Пеньковский, Дмитрий Поляков или Олег Гордиевский? Без всякой натяжки на этот вопрос следует ответить отрицательно. Причём, подобный ответ является не оценочным суждением, а имеет под собой, с одной стороны, вполне содержательное, а с другой, даже формально-математическое обоснование.

С позиции содержательного анализа нельзя не отметить, что по меньшей мере о фабианских убеждениях членов Кембриджской пятёрки и более того об их участии в работе Коминтерна британской контрразведке было прекрасно известно из разных источников, включая самих участников «пятёрки». Поэтому в полном и строгом значении термина «тайной» их деятельность назвать было нельзя. Но даже не это главное. Существует формальный критерий, позволяющий чётко различать предателей и интерлокеров. Современная теория и прагматика конфликтов⁹⁰ базируется в значительной степени на такой развитой ветви математического знания, как теория игр. В этой теории чётко с точки зрения строгих формальных критериев различаются кооперативные игры и игры с нулевой суммой.

Если говорить не вполне точно, но зато понятно, то кооперативными играми являются такие взаимодействия сторон, при которых обе стороны оказываются в выигрыше, хотя возможно и не в одинаковой степени. Соответственно, возникает взаимная заинтересованность и открывается возможность для создания коалиции. В играх с нулевой суммой выигрыш одной стороны может быть достигнут лишь за счёт и пропорционально проигрышу другой. Соответственно, стороны неизбежно находятся в состоянии антагонистического противоречия и конфликта. Тем самым различие между интерлокерами и предателями (алгоритмическими агентами) со-

⁹⁰ Светлов В.А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов. М.: Либроком, 2011.

стоит в том, что деятельность интерлокеров позволяет сторонам или паттернам, в которые они входят, играть в кооперативные игры, а в случае с деятельностью предателей мы всегда имеем дело с игрой с нулевой суммой.

Подтвердим сделанный вывод одним конкретным примером и единичным фактическим суждением. Как известно, в 1946 г. с подачи «капитанов британской индустрии» лейбористское правительство во главе с премьер-министром фабианцем К. Эттли при участии лорда-канцлера фабианца Г. Моррисона и его научного советника, опять же фабианца, А. Кинга без всякого участия Кембриджской пятёрки (это прослеживается по доступным документам) продало в Советский Союз не только самые совершенные в мире на тот момент двигатели для реактивных истребителей, но и всю конструкторскую, инженерную и даже технологическую документацию. В итоге, в небе Кореи во время войны советские Ми-15, оснащенные лучшими в мире британскими двигателями, получившими советскую аббревиатуру, десятками сбивали американские летающие крепости, считавшиеся до того момента абсолютно неуязвимыми.

В международном бестселлере «Империя», возможно далеко не самый глубокий, но тем не менее весьма влиятельный человек, британский историк Нил Фергюсон пишет: «В ноябре 1942 года Черчилль заявил, что стал премьер-министром его Величества не для того, чтобы возглавить ликвидацию Британской империи. Даже министр внутренних дел, лейборист Герберт Моррисон сравнил идею предоставления независимости некоторым британским колониям с “разрешением ребёнку десяти лет иметь отмычку, счёт в банке и дробовик”. Проблема, однако, заключалась в том, что собственный английский счёт в банке был пуст. Некогда Британия была всемирным банкиром. Теперь она задолжала иностранным кредиторам более 40 млрд. долларов. Основания Империи были экономическими, и теперь они были разведены войной... Когда фирма начинает переворачиваться верх брюхом, очевидный выход для кредиторов, конечно, заключается в том, чтобы взять под контроль её активы. Британия задолжала США миллиарды... Рузвельт полушутя предложил “унаследовать Британскую империю после разорившихся владельцев”. Но могли ли британцы выставить себя на продажу?».

9

Выяснив важнейшие принципы и сформулировав элементы понятийного аппарата анализа элитных взаимодействий, можно с чистой совестью возвращаться к повествованию о дальнейшей карьере А. Кинга. Практически сразу после окончания Второй мировой войны Кинг получил приглашение переехать в Лондон, чтобы окончательно превратиться в высокопоставленного правительственного чиновника. В 1945 г. в Великобритании прошли очередные парламентские выборы, и консервативная партия во главе со своим лидером У. Черчиллем прогнозируемо потерпела поражение. Черчилль рассматривался британцами прежде всего как военный лидер. В то же время в лейбористах они видели партию, которая способна воплотить новые, свежие идеи, которые смогут предотвратить упадок Британии.

Из Второй мировой войны Британия вышла по существу банкротом. Валютные резервы не превышали одного миллиарда долларов, тогда как долги составляли бо-

лее \$ 10 млрд.⁹¹ Несмотря на то, что формально Британия в ходе войны получила от Соединённых Штатов по ленд-лизу помощи примерно на 45 млрд. долларов, фактически все эти средства представляли собой не безвозмездную помощь. Они компенсировались за счёт передачи уникальной интеллектуальной собственности на различные виды вооружения, включая атомное, и передовые технологии, поставками из британских колоний нужного американской индустрии сырья по ценам существенно ниже довоенных, а также полным открытием рынков колоний и особенно доминионов для американских товаров. Несмотря на то, что территория Британии не подвергалась оккупации, часть промышленного потенциала была разрушена, а часть переведена на военные рельсы. При этом реальные доходы населения, в первую очередь, рабочего класса, служащих, инженерно-технических работников упали по сравнению с довоенным уровнем на 17–23%. Нельзя также не отметить, что в нарушение военных договорённостей сразу же после войны Соединённые Штаты отказались предоставить Британии законченные технологии производства атомной бомбы, а также трофейные технологии из Германии, полученные американцами в результате операции «Скрепка».

Таким образом, лейбористскому правительству досталось весьма незавидное наследство. В поисках путей решения проблем, поставивших Британию на грань выживания как великой державы, британские правящие круги привычно обратились к науке. Следует отметить, что одной из отличительных черт британской элиты была, начиная с XVI, а особенно с XVII–XVIII вв. теснейшая интеграция политического и финансово-экономического руководства с научной элитой. Достаточно сказать, что политику Банка Англии разрабатывал Исаак Ньютон, а одним из виднейших политических деятелей своего времени был знаменитый Джон Локк. И такие примеры можно множить и множить.

Лейбористское правительство не распустило Научный совет, существовавший при Черчилле, который ведал, в том числе, вопросами научно-технической разведки, а напротив, расширило и укрепило его. Был введён специальный пост главного советника по науке при правительстве Его Величества, создан Консультационный совет по научной политике и Оборонный научный совет, и наконец, учрежден пост советника по науке при министре внутренних дел и лорде-канцлере. Перечисляя указанные структуры важно подчеркнуть, что они занимались не только и не столько государственным руководством научными исследованиями, хотя такая функция на них и была возложена, сколько созданием исследовательских коллективов для проработки различного рода правительственных решений практически по всей гамме вопросов.

Главным советником по науке лейбористского правительства и ключевой фигурой в правительственном научном истеблишменте стал давний знакомый и руководитель А. Кинга, его коллега по новому Фабианскому обществу Г. Тизард. Получив назначение, он практически сразу же предложил А. Кингу возглавить свой секретариат на правах заместителя, а также стать советником по науке второго человека в лейбористской партии, лорда-канцлера и министра внутренних дел Герберта Моррисона.

⁹¹ Позднеева Л.В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны 1941–1945 гг. М.: Наука, 1969.

Генри Тизард мало известен за пределами Великобритании и частично США. В то же время в учебнике для высшего командного состава стран НАТО, подготовленном силами британских вооружённых сил, Тизард включён в число 100 ведущих научных мыслителей всех времён и народов. Такой чести он удостоился по нескольким причинам. Прежде всего, он был первым человеком, который предсказал, что атомное оружие неизбежно окажется в распоряжении нескольких, потенциально враждующих стран и станет важнейшим фактором сдерживания, который на обозримый для него период времени покончит с мировыми войнами и переведёт государственное противостояние на уровень периферийных, локальных войн. Кроме того, Тизард известен тем, что впервые предложил провести чёткую разницу между военной пропагандой, которая опирается на достижения рекламы и обычной политической пропаганды, и целенаправленными информационными войнами. В информационных войнах, по его мнению, должны использоваться особые виды оружия, не сводимые исключительно к передаче текстовой информации при помощи тех или иных средств. Он впервые среди военных всерьёз рассматривал различные виды пси-оружия, базирующиеся на выявленных наукой принципиально новых психофизиологических феноменах и эффектах.

В частности, в 1947–1948 гг. он организовывал большие совещания в Канаде, в которых принимали участие военные чины и научные эксперты из Великобритании, Канады, Австралии, Соединённых Штатов, а также немецкие специалисты, бывшие как в оппозиции к нацистскому режиму, так и работавшие в ведомстве И. Геббельса. В ходе этих совещаний, в которых принимал участие и А. Кинг, Г. Тизард отстаивал ту точку зрения, что традиционные методы «промыывания мозгов» при помощи технологий тотальной пропаганды, разработанных в ведомстве Геббельса, эффективны лишь на небольшом промежутке времени, а далее не только теряют свою эффективность, но и разрушительно сказываются на собственных вооружённых силах. Фактически он выступил против идей Пентагона и американской разведки использовать программы промывания мозгов в первую очередь для внутреннего потребления. Однако это не говорит о том, что Г. Тизард был пацифистом и гуманистом. Его точка зрения состояла в том, что невербальные методы психофизиологического воздействия, базирующиеся на феноменах сенсорного и субсенсорного восприятия, гораздо более перспективны для ведения как наступательной информационной, а точнее психологической войны, так и для решения внутренних задач повышения убеждённости и лояльности состава элитных подразделений вооружённых сил.

В качестве зав. секретариата Г. Тизарда и советника по науке министра внутренних дел Г. Моррисона А. Кинг в течение 1946–1952 гг. занимался прежде всего гражданскими вопросами, связанными с реконструкцией и повышением эффективности британской промышленности. Также на него в полном объёме легли все международные контакты Великобритании по линии науки, что позволило установить ему теснейшие отношения с правительственными чиновниками, руководителями крупных корпораций и старшими офицерами разведки по обе стороны океана — как в США, так и в Западной Европе.

Для окончательной выработки жизненной позиции и взгляда на развитие общества А. Кинга огромную роль сыграло его участие в процессах национализации

и создания системы целевого планирования в Великобритании. В соответствии с учением нового Фабианского общества и программными установками лейбористской партии, а главное — жизненными потребностями страны, в Великобритании в 1946–1948 гг. была осуществлена масштабная программа национализации. Были национализированы основные инфраструктурные отрасли, включая железные дороги, управление транспортом, связь, авиасообщение. Государство резко увеличило свою долю в нефтяных компаниях, компаниях, производящих различного рода вооружения, в некоторых банках. Следует отметить, что национализация осуществлялась на основе выкупа. Однако прежние владельцы не получали живых денег. Дело в том, что значительная часть национализированных предприятий были ранее убыточны и, соответственно, национализировались убытки, которые лишь частично покрывала стоимость национализированной собственности. Что же до прибыльных предприятий, например, Англо-иранской нефтяной компании (в настоящее время *British Petroleum*), то там увеличение доли государства сопровождалось передачей прежним владельцам облигаций с правом получения по ним доходов в будущем.

Кроме того, в условиях, когда страна вплоть до первой половины 1950-х годов жила по карточкам и испытывала недостаток во многих видах сырья для машиностроительной продукции, не только государственным, но и частным предприятиям, в первую очередь металлургии, угледобыче, химической промышленности устанавливались своего рода плановые задания. Как уже отмечалось, А. Кинг принимал самое активное участие в этой работе. В 1952 г. лейбористское правительство, осуществившее болезненную реконструкцию британской индустрии и в основном расплатившееся с долгами, но не преодолевшее зависимость от всё более усиливавшихся Соединённых Штатов, проиграло очередные парламентские выборы и к власти вновь пришли консерваторы во главе всё с тем же У. Черчиллем. Против ожиданий они отнюдь не стали проводить политику ренационализации. При этом, как это обычно бывает в Великобритании, с приходом нового правительства изменилось руководство всеми ключевыми учреждениями и подразделениями. Однако, что касается А. Кинга, то к этому времени он зарекомендовал себя как незаменимый мастер внутренних и международных коммуникаций и умелый создатель исследовательских групп быстрого реагирования, обеспечивающих научную проработку тех или иных правительственных решений. В итоге, как пишет А. Кинг: «Вместо того чтобы отправить меня в отставку, к моему удивлению, меня назначили заместителем руководителя УНПИ, директором по науке и попросили возглавить вновь созданный разведывательный отдел».

Необходимо пояснить, что УНПИ в структуре британского правительства являлось своеобразным аналогом министерства по науке в других государствах. Оно отвечало за определение направлений научных и технологических исследований, финансируемых из британского бюджета, распределением грантов и ресурсов. Кроме того, на эту структуру была возложена функция научно-технической разведки, которую должен был выполнять разведывательный отдел, — его и возглавил А. Кинг. Последнее было связано с тем, что У. Черчилль чрезвычайно высоко оценивал роль британской научно-технической разведки, возглавляемой профессором Г. Линдеманом в период Второй мировой войны. Вернувшись в правительство, он стремился создать аналогичное подразделение.

На своём посту А. Кинг сосредоточился на трёх основных направлениях деятельности. Первое было связано с вопросами повышения эффективности производства и производительности труда не только в Великобритании, но и в странах континентальной Европы. Ещё в период правления лейбористов выяснилось, что британская и европейская промышленность заметно уступает американцам как в части производительности живого труда, так и по показателям эффективности основных производственных фондов, которые по своим качественным параметрам были вполне сопоставимы с американскими. Достаточно быстро был сделан вывод, что причины коренятся в двух группах факторов. Первая лежала в плоскости организации управления производством и научной организации труда. Были сделаны выводы о том, что у американцев в этом плане гораздо более эффективные методики, которые они с успехом применяют, в то время, как британцы и европейцы действуют по старинке.

Кроме того, по мнению Кинга и возглавляемых им комиссий, существовало и второе важное обстоятельство. Оно было связано с психологическими факторами. В Соединённых Штатах, по оценке британцев, даже для работника на конвейере роль мобилизующего фактора играла американская мечта, если не о миллионе долларов, то о собственном доме с лужайкой и машине. В Британии и тем более в разрушенной войной континентальной Европе ничего подобного не было. Памятуя о взглядах Тизарда, А. Кинг обратился за помощью в решении этой проблемы к Тавистокскому институту. Работа велась этим институтом длительное время и была завершена, когда уже А. Кинг ушёл из УНПИ. Весьма интересно, что созданной по лекалам Тавистокского института индустриальной психологией активно занимался барон Виктор Ротшильд. Он приложил много усилий к распространению методик, рекомендованных Тавистокским институтом, в Британии и, потерпев неудачу, безвозмездно передал их Израилю, где они сразу же стали внедряться на предприятиях военной промышленности страны.

Вторым направлением работы А. Кинга стала консолидация научного потенциала не только Британии, но и таких стран, как Канада, Австралия, Новая Зеландия и ряда других. К началу 1950-х годов в Британии стало окончательно ясно, что империя в ускоренном порядке будет ликвидирована в результате односторонних, хотя и не совместных усилий Соединённых Штатов и Советского Союза, которые, тем не менее, в ряде случаев действовали рука об руку. В этих условиях высший британский истеблишмент принял решение, что бессмысленно цепляться за отжившие государственные формы и гораздо более важно сохранить финансовое, интеллектуальное и культурное единство в рамках нового образования под название Британское Содружество наций. Участок А. Кинга был связан с созданием рабочих механизмов интеллектуального сотрудничества в рамках Британского Содружества наций с опорой на страны, с преобладающей долей населения — выходцев из Британии и Ирландии. В качестве таковых были выделены Канада, Австралия, Новая Зеландия.

Третье направление деятельности Кинга составляла научно-техническая разведка. Достаточно быстро А. Кинг пришёл к выводу о том, что в условиях рушащейся империи и тотальной нехватки средств традиционная агентурная научно-техническая разведка не является наилучшим выходом из положения. Для её эф-

фективной работы требовались значительные средства и длительное время. Ни первого, ни второго в 1950-е годы не было. Кроме того, следует иметь в виду, что это был период полной и окончательной утраты Великобританией роли равного партнёра с Соединёнными Штатами. Американцы крайне ревниво следили, с одной стороны, за малейшими поползновениями их младших союзников осуществлять разведку внутри самих Соединённых Штатов и очень не приветствовали самостоятельные разведывательные операции британцев в отношении Советского Союза. По мнению встававшего к тому моменту на ноги ЦРУ, Соединённые Штаты с помощью доставшегося в наследство от нацистской Германии аппарата Р. Гелена и его агентуры вполне могли удовлетворить свои разведпотребности самостоятельно, не прибегая к помощи британской разведки. Если же в поле зрения младших союзников попадал либо какой-либо интересный материал, либо интересные люди в СССР и странах Восточной Европы, они должны были, по мнению американцев, не разрабатываться самостоятельно, а немедленно передаваться Соединённым Штатам.

В этих условиях А. Кинг и его команда предприняли детальную ревизию различных источников поступления разведывательной информации и оценку их с точки зрения эффективности. К своему удивлению они обнаружили, что преобладающая часть наиболее ценной с точки зрения политиков и военных научно-технической информации содержится в открытых источниках и прежде всего в публикуемых на разных языках мира открытых научных журналах. Вскоре А. Кинг сделал ещё одно удивительное для себя открытие. Выяснилось, что в Британии, континентальной Европе и США издаётся множество первоклассных реферативных журналов, в которых высокопрофессиональные эксперты реферировали первичную научную переводку и составляют краткие выжимки из статей. Самым же большим открытием А. Кинга стал тот факт, что никто в британском разведывательном сообществе, а также в правительственном аппарате и тем более в промышленности эти журналы не читает. Тем самым выяснилось, что огромный пласт первоклассной разведывательной информации оказывается никому не нужен и не используется для дела. Окольными путями он выяснил, что аналогичная картина наблюдается и в Соединённых Штатах. Единственными, кто получал практически все без исключения реферативные журналы по всем отраслям науки, техники и технологий, были в 1950–1960-е годы Советский Союз и Израиль.

Начав детальную работу по созданию целостной системы максимально полного извлечения информации из открытых источников через реферативные журналы, А. Кинг вышел на Международную федерацию документации и существующую при ней Комиссию по научно-технической информации. Эта Федерация первоначально представляла собой объединение энтузиастов научного реферирования и включала в свой состав подавляющую часть издателей реферативных журналов. Достаточно быстро А. Кингу удалось не просто установить тесные контакты с этой организацией, но и стать одним из её руководителей. Он развернул активную работу по переводу организации с любительского уровня в статус полноценной неправительственной международной организации. На этой почве он познакомился с одним из уникальных людей XX в., издателем, политиком, разведчиком Робертом Максвеллом. Вскоре после знакомства один из высоких чинов ФБР, хороший знакомый А. Кинга, сообщил ему интригующую информацию. Он сказал: «Нам извест-

но, что Роберт Максвелл пригласил Вас к себе в отель. Должен Вас предупредить. Будьте осторожны. Его комната оклеена жучками, и мы запишем разговор. Мы в ФБР подозреваем, что он — двойной агент — англичан и русских».

А. Кинг в своих воспоминаниях пишет о том, что Максвелл взялся издавать его книгу и ряд книг его знакомых. В результате были выплачены большие гонорары, получены сигнальные экземпляры в чудесном полиграфическом исполнении, но, несмотря на все напоминания, ни А. Кинг, ни его друзья не увидели своих книг на прилавках магазинов. Когда Кинг задал прямой вопрос, изданы вообще-то книги или нет, Максвелл, абсолютно не стесняясь, ответил, что изданы и разошлись достаточно большим для подобного рода изданий тиражом. Всё дело в том, объяснил он, что такого рода книги бессмысленно продавать в книжных магазинах, они сразу рассылаются по имеющейся у него широкой сети подписчиков, каждого из которых интересует определённая научная тематика, а иногда и конкретные авторы.

Представляют интерес следующие строки воспоминаний А. Кинга: «В начале 70-х годов Максвелл познакомился с Аурелио Печчеи... Он заинтересовался деятельностью Клуба (Римского) и предложил предоставить финансовую помощь и основать британскую ассоциацию. Я предупреждал Аурелио не поддаваться на обещания Максвелла, и что его общественный образ не совместим с образом Клуба. Но он был настолько захвачен энтузиазмом Максвелла, что не слушал меня». Для человека, прочитавшего автобиографию А. Кинга, вполне очевидно, что познакомиться А. Печчеи с Максвеллом мог только один человек. А именно сам Кинг, который на протяжении долгих лет, отнюдь не стесняясь общественного облика Максвелла, поддерживал с ним тесные отношения, не вняв даже предупреждениям друзей из ФБР. Что же до общественного облика, то в годы знакомства Р. Максвелла с А. Кингом и позднее с А. Печчеи, он был более чем respectable. Разгадка такого отношения к Максвеллу заключается в его загадочной смерти 5 ноября 1991 г. на собственной яхте в результате невыясненных событий.

10

Здесь самое время сказать несколько слов о Роберте Максвелле. Абрахам Гох — подлинное имя и фамилия Роберта Максвелла — родился в маленькой чехословацкой деревушке, ныне принадлежащей Украине, в бедной еврейской семье. С началом Второй мировой войны родители успели отправить сына во Францию. Сами они впоследствии погибли в концлагерях, что многое объясняет в поступках и деятельности Р. Максвелла. Сам Максвелл оказался во Франции, где сразу же связался с подпольной сионистской боевой организацией Иргун, возглавляемой Ицхаком Шамиром, в будущем министром обороны и премьер-министром Израиля. После короткой боевой подготовки в Тель-Авиве он вернулся во Францию и вступил в Иностраннный легион, где стал одним из лучших бойцов. После разгрома французской армии Максвелл короткий период времени участвовал в Движении Сопротивления, а затем перебрался в Великобританию и вступил в британскую армию. В армии Максвелл служил в десантных войсках, участвовал в первой линии высадки в Нормандии, за что был отмечен одной из высших британских военных наград.

В конце войны и сразу же после неё стал сотрудником британской военной разведки и служил в подразделениях МИ-9 (организация по поиску и спасению военнопленных) и МИ-14 (организация по допросам и определению дальнейшей судьбы старших офицеров Абвера и гестапо). Также он работал в британской информационной службе, одном из подразделений МИ-6 в Германии, и договорился там о распространении новой постнацистской прессы в Британии и Европе.

Получив финансовую поддержку от еврейской диаспоры, Максвелл занялся издательским бизнесом, в итоге превратившись в одного из крупнейших газетно-журнальных магнатов мира. Фактически он стал монополистом издания научной литературы в Британии. К марту 1991 г. Р. Максвеллу принадлежали крупнейшие лондонские газеты «Дейли Миррор» и «Санди Миррор», «Нью-Йорк Дейли Ньюс», журнал «Пипл», крупнейшее издательство художественной и деловой литературы «Макмиллан» и созданный им первый в мире развлекательный молодёжный музыкальный канал MTV. Помимо этого, Р. Максвелл активно инвестировал деньги в информационные технологии и стал владельцем компании, которая производила опередивший на десятки лет своё время игровой компьютер «Спектрум»; в его игры, переписанные под новые системы, играют и в настоящее время.

Максвелл был избран членом парламента от лейбористской партии. В Советском Союзе он сумел установить доверительные отношения с высшим советским руководством. Его издательство издавало труды Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.А. Суслова, А.А. Громыко, Т. Живкова, Э. Хонеккера и др.; он имел более чем тесные отношения с Академией наук СССР и издавал за рубежом труды советских учёных, в основном по естественным наукам. Причём в отличие от работ А. Кинга и его друзей, все указанные книги красовались в витринах книжных магазинов по всему миру.

Определённый интерес представляет следующий факт. Размеры гонораров, выплачиваемых руководителям партии и правительства, были смешными даже по отношению к рядовым авторам. Например, согласно контракту № 101-89440-15 от 14 апреля 1978 г., Всесоюзное Агентство по авторским правам предоставляет «Пергамон пресс» права на издание и распространение во всём мире на английском языке книги Л.И. Брежнева «Мир — бесценное достояние народа». «Пергамон» обязуется издать и предложить в продажу указанное произведение тиражом 7 тыс. экземпляров как минимум. Продажная цена в контракте не указана. «Пергамон» обязуется выплатить автору, т.е. Л.И. Брежневу, аванс в размере 250 фунтов стерлингов, а также потиражные, в зависимости от проданного тиража. Ю.В. Андропов удостоился аванса в 400 фунтов стерлингов. Однако в 1990-е годы выяснилось, что французский филиал издательства Максвелла получал значительные суммы денег в соответствии с закрытым решением ЦК КПСС⁹². Данную информацию подтверждает в своих пока ещё неопубликованных воспоминаниях министр внешней торговли в правительстве Б.Н. Ельцина Виктор Ярошенко, который 21–22 августа 1991 г. отвечал за приёмку документации в Международном отделе ЦК КПСС.

На вопрос являлся ли Максвелл тайным агентом или агентом влияния КГБ, Михаил Любимов отвечает отрицательно. Следует отметить, что Любимов в пери-

⁹² Был ли Максвелл агентом КГБ? Интервью с бывшим руководителем британского направления советской разведки Михаилом Любимовым. <http://fb.ru/material.phtml?id=4894>

од отставки либо категорически отказывался от интервью, в тех случаях, когда он не хотел говорить, либо сообщал сведения, которые затем подтверждались из независимых источников и в обязательном порядке не могли нанести какого-либо вреда Службе внешней разведки. В то же время, по его мнению, Максвелл выполнял функцию интерлокера и обеспечивал прямой канал связи между верхушкой британского истеблишмента и Кремлём. В частности, он говорил: «Мы в разведке считали, что англичане создают своего доктора Хаммера, прямой канал или неофициальный мост между Лондоном и Москвой, между британским и советским руководством. Ничего нового тут нет. Такая форма контактов используется многими странами. Скажем, Максвелл собирается в Москву. Представители достаточно высокопоставленных британских кругов просят его во время встреч с советскими товарищами прозондировать те или иные вопросы. В свою очередь, сообщая определённую, подлинную информацию, которая может заинтересовать Москву. По приезде с ним встречаются и за обедом или ужином происходит обмен информацией.

– Чем же Максвелл так приглянулся нашим?

– Думаю, он сыграл на тщеславии Брежнева и окружения. Не надо забывать, что многие карьеры в Москве состоялись благодаря максвелловским изданиям вождей на английском. Он издал Черненко и Андропова. Так или иначе Максвелл ногой открывал в Москве те двери, куда другим англичанам вход был заказан.

– Крючков встречался с Максвеллом? Да... Максвелл даже собирался печатать в Лондоне какой-то журнал КГБ»⁹³.

После смерти Максвелла вышло немало бульварных книг, где утверждалось, что он был агентом КГБ. Одним из косвенных доказательств данной точки зрения считался тот факт, что уже после смерти Максвелла британские и американские спецслужбы выяснили, что в компании, управляемой его сыновьями, выявилась значительная недостача, измеряемая десятками миллионов фунтов стерлингов. В связи с этим смерть Максвелла стала трактоваться как самоубийство, а два его сына на короткий период времени сели в тюрьму. Однако не так давно на основании рассекреченных архивов опубликована документальная книга, из которой следует, что Максвелл на протяжении всей своей жизни никогда не был агентом КГБ, хотя являлся прямым каналом связи британского и частично французского истеблишмента с Кремлём. Всю жизнь, начиная с 17-летнего возраста, он работал сначала на нелегальную разведку сионистского движения, а потом на государственную разведку Израиля⁹⁴.

Что же касается смерти Максвелла, то автор книги полагает, что она стала результатом глубокой осведомлённости Роберта Максвелла относительно судьбы части денег, экспортированных в последние месяцы перед крушением Советского Союза по решению высшего советского политического руководства. По мнению полковника КГБ в отставке, в последующем известного историка и писателя, недавно умершего Станислава Лекарева, есть серьёзные основания полагать, что медийная империя Максвелла так или иначе использовалась для вывода на Запад партийных денег. В частности, С. Лекарев пишет: «С конца 80-х гг. с помощью Максвелла начинаются операции по “отмыванию” денег КПСС за границей. В этот период по

⁹³ Там же.

⁹⁴ Gordon T., Dillon M. Robert Maxwell, Israel's Superspy: The Life and Murder of a Media Mogul. Boston: DaCapo Press, 2003.

линии идеологической контрразведки с Максвеллом поддерживал контакт полковник Владимир Головин. Вскоре он неожиданно умер. Работал с Максвеллом и бывший сотрудник внешней контрразведки лондонской резидентуры, полковник Виктор Бредихин. И он скоропостижно скончался на работе. Ещё одним оперативным контактом Максвелла был контрразведчик полковник Вадим Бирюков, регулярно выезжавший в европейские страны для встречи с иностранной агентурой. Вскоре после гибели Максвелла Бирюков при невыясненных обстоятельствах был убит неизвестными лицами в московском гараже»⁹⁵.

Если сложить кусочки смальты в мозаику, то складывается твёрдое убеждение, что Максвелл поддерживал контакт не только между британским и советским истеблишментом, но и между советским истеблишментом и руководством государства Израиль, которое формально считалось врагом СССР и с которым, начиная с Шестидневной войны 1967 г. и вплоть до конца 1980-х годов, Советский Союз не поддерживал ни дипломатических, ни даже торговых или гуманитарных отношений.

Версию об убийстве Максвелла как спецоперации по зачистке ненужного свидетеля подтверждают эксперты Института судебной медицины Тель-Авива, где состоялось повторное вскрытие Максвелла после его загадочной смерти в открытом море. Согласно вердикту экспертов, смерть наступила вследствие насилия, причём характер множественных ранений, приведших к смерти, чётко указывал на почерк морского спецназа британского Адмиралтейства. Роберт Максвелл похоронен в Иерусалиме на кладбище для самых почётных героев нации. На его похоронах премьер-министр Израиля Ицхак Шамир сказал: «Он сделал для Израиля больше, чем можно сегодня, завтра и послезавтра сказать».

Вполне естественно, что в таких обстоятельствах Роберт Максвелл из делового партнёра для Александра Кинга быстро превратился в личность с сомнительной репутацией. Эта личность неизвестно как познакомилась с Кингом, непонятно как близко сошлась с Печчеи и предлагала им услуги сомнительного характера. Чего не напишешь на склоне лет, будучи настоящим британским джентльменом из высших кругов политико-разведывательного сообщества. В то же время некоторые весьма интересные эпизоды карьеры А. Кинга оказались вообще не упомянуты в его книге «Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека». Например, он ни словом не обмолвился о своей длительной вовлечённости в иранские дела в начале 1950-х годов. Об этой вовлечённости упоминается в книге мемуаров дочери А. Кинга Джейн. Упоминание носит скорее повествовательно-бытовой, а не содержательный характер. Однако благодаря описанным деталям можно сделать вывод о том, что А. Кинг впервые активно включился в дела Ирана в момент появления реальной угрозы национализации Англо-Иранской нефтяной компании. Завершился этот период свержением доктора Мосаддыка и переделом иранского нефтяного рынка. Можно предположить, что эта вовлечённость была обусловлена рядом уникальных компетенций А. Кинга:

– во-первых, наличием богатого и разностороннего опыта создания мультипредметных, межпрофессиональных, исследовательско-экспертных групп для анализа различного рода кризисных ситуаций и оказания поддержки в выработке ре-

⁹⁵ Лекарев С. Загадка смерти лорда Роберта Максвелла. Ликвидация агента четырёх разведок // Аргументы недели. М., 28.06.2007. <http://argumenti.ru/print/espionage/n71/34859>

шений правительству Её Величества. Эта функция прямо относилась к числу важнейших задач, которые решало министерство промышленности, где первым заместителем долгое время работал А. Кинг и где он возглавлял разведывательное подразделение;

– во-вторых, прочными формальными и неформальными связями в энергетическом секторе вообще и нефтяной промышленности в частности, охватывающем не только Великобританию, но и Соединённые Штаты и континентальную Европу. Эти связи были наработаны А. Кингом главным образом уже в послевоенный период и связаны с его активной вовлечённостью в работу комиссии по производительности и эффективности как рабочего органа Координационного совета плана Маршалла, где он представлял Великобританию;

– в-третьих, начиная с военных лет, во многом благодаря как собственным уникальным коммуникационным дарованиям, так и наследству агентурной сети Стивенсона как паттерна частной разведывательной сети Дарси, А. Кинг имел плотные доверительные отношения с руководителями американской военной и политической разведки. Причём в силу ментального склада гораздо более тесные отношения у А. Кинга сложились не с Диким Биллом — Уильямом Донованом, основателем УСС и первым директором ЦРУ, а с его преемником, человеком, который поставил разведку в Америке на профессиональную основу, Беделлом Смитом;

– и наконец, в-четвёртых, А. Кинг как правая рука Г. Тизарда и личный советник Г. Моррисона не мог не сыграть самой активной роли в решении вопроса о продаже СССР самых передовых на тот момент реактивных двигателей для истребителей, а также других уникальных ноу-хау в первые послевоенные годы. Вполне очевидно, что в роли главного научного советника, в том числе по вопросам ноу-хау и технологий промышленности, он не мог не участвовать в деликатных переговорах с советскими высокопоставленными деятелями, включая А. Микояна.

С учётом уникальности иранских событий 1951–1953 гг., которые в каком-то смысле задали матрицу структуры явных и скрытых межгосударственных и межэлитных взаимодействий на годы вперёд, в рамках данной работы имеет прямой смысл остановиться на внутренней подоплёке свержения Мосаддыка поподробнее. Тем более что открывшиеся в последние годы архивы позволяют не замыкаться на ставшей уже привычной точке зрения, а исследовать второе и даже третье дно этой судьбоносной ситуации.

Глава 3

Александр Кинг. Персидский опыт

1

Свержение правительства Мосаддыка в 1953 г. стало одной из рубежных точек мировой истории. Это событие многое высветило в системе взаимодействия наднациональных и национальных элитных групп. Поскольку к иранской ситуации на протяжении всего периода её развития имел прямое отношение Александр Кинг, имеет смысл детально разобраться в этом вопросе. Тем более, что до сегодняшнего дня, несмотря на всё многообразие оценок, остались не затронуты многие ключевые темы. Без их понимания невозможно адекватно оценить значение этого события и понять его историческую механику.

При всей неоднозначности оценок свержения правительства Мосаддыка можно выделить несколько принципиальных позиций. Первая из них принадлежит руководителю операции «Аякс», одному из ключевых работников ЦРУ того времени Кермиту Киму Рузвельту. В своей книге он писал, что «главной целью переворота было воспрепятствовать установлению советского господства в Иране. Мы останавливали коммунистов. Что же касается вопросов нефти, то они были, несомненно, важны, но второстепенны»⁹⁶.

В значительной степени сходную позицию занял и автор всемирного бестселлера «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть», лауреат Пулитцеровской премии Д. Ергин. В качестве важнейшей причины событий в Иране в начале 1950-х годов он выделил следующую: «В начале апреля 1946 года, когда Советы наконец начали выводить свои войска, американский посол в Москве поздно вечером отправился в Кремль на личную встречу со Сталиным. “Чего хочет Советский Союз, и как далеко собирается идти Россия?” — спросил посол. “Мы дальше не пойдём”, — был не вполне утешительный ответ советского диктатора. Затем он описал попытки Советов расширить влияние в Иране как шаг по защите собственного нефтяного положения. “Нефтяные месторождения в Баку являются нашим основным источником снабжения, — сказал он, — они находятся рядом с иранской границей и совсем не защищены”. Сталин, ставший революционером в Баку за четыре десятилетия до этого, добавил, что “саботажники, даже человек с коробкой спичек, могут нанести нам серьёзный урон. Мы не собираемся подвергать ри-

⁹⁶ Roosevelt K. Counter coup: Struggle for the Control of Iran. N.Y.: McGraw Hill Higher Education, 1981.

ску наше нефтяное снабжение”. Фактически Сталин интересовался иранской нефтью. Советское производство нефти в 1945 году составляло только 60 процентов от уровня 1941 года. Во время войны страна в отчаянии мобилизовала ряд заменителей — от нефтяного импорта из Соединённых Штатов до работающих на древесине двигателей для грузовиков. Вскоре после войны Сталин беседовал со своим министром нефтяной промышленности Николаем Байбаковым (который впоследствии в течение двадцати лет отвечал за советскую экономику вплоть до 1985 года, когда Михаил Горбачёв снял его). Как всегда неправильно произнося его имя, Сталин спросил, что Советский Союз собирается предпринять для выправления положения с нефтью. Его нефтяные месторождения серьёзно пострадали и были истощены, и перспективы вряд ли предвиделись. Как можно перестроить экономику без нефти? Усилия должны быть удвоены, сказал диктатор»⁹⁷.

Прямо противоположную оценку свержению Мосаддыка давали советские историки-востоковеды. Так, в наиболее полной и адекватной книге по новейшей истории Ирана они сделали вывод о том, что «свержение Мосаддыка стало результатом неприкрытой агрессии США и Великобритании против иранского народа с целью подавить левые, демократические и национально-освободительные силы народа и лишить Иран его природных богатств»⁹⁸.

Автор наиболее популярной работы, посвящённой свержению правительства Мосаддыка, Стивен Кинзер, оценивает свержение Мосаддыка как результат столкновения восточного, традиционного ресурсного государства, пронизанного родовыми, клановыми и религиозными связями, построенного на клиентских отношениях, с западными транснациональными корпорациями, за спиной которых стояли наиболее могущественные организации тогдашнего мира⁹⁹.

В последние годы появилась принципиально новая трактовка событий в Иране, связывающая их с корпоратократией. Так, русский историк А.И. Фурсов пишет: «После Второй мировой войны на свет вышла молодая и очень хищная фракция мирового капиталистического класса — корпоратократия. Её первое явление миру — свержение правительства Мосаддыка в Иране в 1953 году, проведённое в угоду не государственным, а корпорационным интересам»¹⁰⁰.

Как это ни парадоксально, все приведённые выше точки зрения, хотя и в различной степени, базируются на фактах, характеризующих события, произошедшие в начале 1950-х годов в Иране. Для того чтобы за калейдоскопом фактов увидеть геополитические тенденции и прагматику конкретных действий элитных групп и держав, необходимо сделать небольшой экскурс в художественный бизнес.

Хорошо известно, что с появлением после Второй мировой войны эффективных средств неразрушающего анализа живописных полотен, обязательным стандартом при приобретении того или иного произведения искусства стала его магниторезонансная экспертиза.

⁹⁷ Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2013.

⁹⁸ Иран. Очерки новейшей истории. М.: Наука, 1976.

⁹⁹ Kinzer S. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. Hoboken, New Jersey. Wiley, 2008.

¹⁰⁰ Крушение СССР в контексте мировой борьбы за власть. Интервью А.И. Фурсова // КМ-ТВ 04.08. 2011.

Дело в том, что в XIV–XVIII вв. хорошие холсты и грунтовка в Европе были очень дороги. Поэтому художники средней руки зачастую использовали для своих полотен картины более ранних художников. Они наскоро обрабатывали написанные на старых холстах картины и использовали их как грунтовку для собственных полотен. Причём это происходило зачастую не раз, а два и даже три раза. В итоге зачастую под одним слоем живописи оказывалось ещё два–три. Причём, как правило, каждый следующий художник обладал меньшим дарованием, чем предыдущий, и использовал в качестве холста и грунтовки гораздо более ценные и с художественной, и с финансовой точки зрения произведения искусства. Сегодня насчитываются уже не десятки, а сотни случаев, когда под полотнами второ- и третьесортных художников обнаруживались картины не только малых голландцев, но и таких корифеев как Ван Эйк, Кранах, Брейгель и др.

Нечто похожее складывается и при анализе исторических источников. При должном внимании, наличии времени и незашоренном взгляде под слоем фактов первого порядка можно обнаружить объясняющие их факты второго и даже третьего порядка. Именно подобной исторической реставрацией мы и займёмся дальше.

Практически все авторы работ о свержении Мосаддыка, даже стоящие на диаметрально противоположных точках зрения относительно сути события, едины в оценке позиции и роли Советского Союза как антагониста западных держав и элитных группировок. Однако так ли это было на самом деле? Итог переворота 1953 г. в немалой степени был предопределён событиями, произошедшими семью годами ранее, в конце 1946 – начале 1947 гг. Из всего многообразия событий того времени необходимо выделить применительно к нашей теме три ключевых.

Прежде всего, в условиях катастрофического положения в британской экономике вновь избранное лейбористское правительство К. Эттли лихорадочно искало пути быстрого и стабильного пополнения государственной казны, не связанные с повышением налогов на и без того обескровленный войной британский бизнес. Естественным взор был обращён на Англо-Иранскую нефтяную компанию (АИНК). Британское правительство потребовало увеличить от компании размеры поступающих в казну налогов и резко ограничить дивиденды, выплачиваемые частным акционерам. В результате, например, в 1948 г. Иран получил от АИНК концессионных платежей в сумме 9,2 млн. ф. ст., из них в качестве подоходного налога 1,3 млн. ф. ст. Британская же казна получила в качестве подоходного налога более 28 млн. ф. ст., а с учётом дивидендных платежей, приходившихся на государственные акции, более 40 млн. ф. ст. Иными словами, Британия получала от нефтяной компании средств в более чем четыре раза больше, чем Иран¹⁰¹. Но и это ещё не всё. АИНК была обязана снабжать британскую армию и флот нефтью и нефтепродуктами по льготным ценам, а также по аналогичным ценам передавать нефтепродукты американскому флоту в счёт расчётов по ленд-лизу. С учётом этих факторов сумма доходов Британии от АИНК была примерно в 6 раз больше, чем Ирана, и это различие продолжало нарастать в период с 1947 по 1952 г.¹⁰²

Вторым судьбоносным событием стало разрешение так называемого южно-азербайджанского кризиса 1945–1946 гг. Как известно, во время Великой Отече-

¹⁰¹ Иран. Очерки...

¹⁰² Ергин Д. Ук. соч.

ственной войны территория Ирана была поделена на зоны советской и британской оккупации. Это произошло в результате необходимости противодействия чрезвычайно сильному влиянию Германии в Иране и пресечению пронацистского мятежа в этой стране с переходом Ирана на сторону стран Оси. Хорошо известно, что в советской оккупационной зоне была создана автономная, а фактически независимая республика Южного Азербайджана. Этнически эти районы населены не персами, как центральная и южная части Ирана, а в основном азербайджанцами, т.е. тюркским народом, а также курдскими племенами. Автономная республика имела собственное, ориентировавшееся на Советский Союз правительство, армию, военизированные и полицейские формирования, органы государственной власти, суды и т.п. В республике была фактически начата коллективизация, а также национализация построенных в основном немцами предприятий. В качестве расчётной единицы на территории Южного Азербайджана со столицей в Тебризе использовался советский рубль.

После окончания Второй мировой войны и вывода британских войск из Ирана Британия и главным образом Соединённые Штаты достаточно жёстко поставили вопрос о выводе советских войск, как это предусматривалось Ялтинскими Потсдамскими соглашениями. В результате сложных дипломатических манёвров и взаимных уступок Советский Союз сначала вывел свои войска, а потом дал указание просоветским элементам в Южном Азербайджане прекратить сопротивление и согласиться на оккупацию с ликвидацией автономии. Хотя значительная часть лидеров Южного Азербайджана и руководителей курдских племён отказались капитулировать, их нерегулярные формирования и лишённые советской поддержки воинские единицы были быстро разбиты иранской армией, и Южный Азербайджан плотно интегрирован в Иран¹⁰³.

Касаясь итогов азербайджанского кризиса, Дж.П. Гасанлы, со ссылкой на документы КГБ СССР, отметил: «Иранский кризис привёл к необратимым геополитическим изменениям в этом регионе: традиционное место Великобритании постепенно занимали США. Следующий конфликт в регионе между СССР, Англией и США в связи с турецким вопросом проходил под знаком заметного обострения советско-американских отношений и вызвал к жизни «доктрину Трумэна», корни которой лежали в иранском опыте»¹⁰⁴.

Теперь относительно третьего ключевого обстоятельства. Практически ни одна исследовательская работа по Ирану не содержит анализа поистине тектонического значения привлечения в Иран в 1940-е годы американских консультантов по планированию. Более того, единственной серьёзной работой, в которой этот факт вообще отмечен в качестве существенного обстоятельства, является советская работа «Иран. Очерки новейшей истории»¹⁰⁵. Что касается западных и прежде всего американских работ, то этот факт упоминается в числе прочих, что называется, через запятую. Между тем, появление американских планировщиков в Иране сыграло роль своеобразно-

¹⁰³ Гасанлы Дж.П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М.: Герои Отечества, 2006. Автор книги Дж.П. Гасанлы — известный азербайджанский исследователь, имеющий родственные связи с высшим руководством республики, написал свою работу на основе впервые рассекреченных документов различных советских архивов.

¹⁰⁴ Гасанлы Дж.П. Ук. соч.

¹⁰⁵ Иран. Очерки...

го триггера. Он привёл в действие цепь событий, разрешившихся свержением Мосаддыка и переделом рынка иранской нефти. Ещё в 1944 г. приезжавший в Иран Герберт Гувер-младший, сын бывшего президента США, встречался с шахом Ирана Мохаммадом Резой Пехлеви. В ходе встречи он рекомендовал, как это ни парадоксально, воспользоваться опытом не только администрации Ф.Д. Рузвельта, но и Советского Союза и разработать семилетний план развития Ирана.

После завершения Второй мировой войны шах вернулся к этой теме и по рекомендации Гувера-младшего пригласил в качестве разработчиков семилетнего плана американскую фирму «Оверсиз Консалтантс», тесно связанную с нефтяной корпорацией «Стандарт Ойл оф Нью Джерси» и принадлежащую семье Рокфеллеров¹⁰⁶. Нельзя не отметить, что эта же компания активно консультировала советских нефтяников фактически с первых дней основания этой отрасли в СССР, а затем принимала участие в разработке планов первой и второй пятилеток в СССР¹⁰⁷.

По прямому указанию шаха и при участии премьер-министра Ахмада Кавама «Оверсиз Консалтантс Инк» с привлечением ещё одной американской компании, тесно связанной со знаменитым американским промышленным проектировщиком А. Каном, «Моррисон Надсон Интернешнл Инжиниринг», в 1946–1947 гг. разработала семилетний план реконструкции и развития иранской экономики. Представляя его шаху и премьер-министру, руководитель рокфеллеровской компании Макс Торнберг подчеркнул, что единственным реальным источником финансирования необходимых Ирану объектов портового хозяйства, инфраструктуры и промышленных предприятий являются доходы от нефти. А это, по его мнению, требует восстановления справедливости и увеличения доли Ирана в доходах, получаемых от АИНК.

Масла в огонь иранского недовольства подлила и намеренная утечка, осуществлённая американцами относительно условий раздела доходов в другой крупнейшей нефтяной компании мира, базирующейся в Саудовской Аравии «Арамко». Там в результате напряжённых переговоров американцев во главе с одним из руководителей Госдепартамента Д. МакГи с королём Саудовской Аравии, главным советником которого был отец Кима Филби Г. Сент-Джон Филби, было достигнуто соглашение о распределении доходов между американцами и саудовцами по принципу «50 на 50». В результате, как пишет Д. Ергин, сложилось положение, при котором «никогда ещё державе, столь стремительно закатывающейся, не приписывалось столько злого умысла. Англичан считали какими-то сверхъестественными дьяволами, контролирующими и управляющими всей страной. Каждый иранский политик, независимо от политической окраски, нападал на своих врагов и противников, утверждал, что они британские агенты. Даже засуха, неурожай, нашествия саранчи приписывались коварным замыслам умных англичан. Объектом, на котором, казалось, сконцентрировалась вся ненависть, было самое большое промышленное предприятие Ирана, главный источник валютных поступлений страны и вместе с

¹⁰⁶ Элвелл-Саттон, Лоренс Пол. Иранская нефть: К истории «политики силы». М.: Изд-во иностр. лит., 1956.

¹⁰⁷ Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930. Stanford: Stanford University Press, 1970; его же: Western Technology and Soviet Economic Development 1930 to 1945. Stanford: Stanford University Press, 1970.

тем чересчур заметный символ вторжения современного мира — “Англо-иранская нефтяная компания”»¹⁰⁸.

На волне, объединившей все слои общества ненависти к британцам и конкретно к АИНК, новым премьер-министром 28 апреля 1951 г. был избран враг № 1 АИНК доктор Мохаммад Мосаддык. Главным пунктом его программы была скорейшая национализация АИНК. Последовавшие за тем перипетии детально описаны в упомянутых книгах. Нам же важно отметить несколько обстоятельств. Прежде всего, сам Мохаммад Мосаддык хотя и был короткое время очень популярен в иранском обществе и по своему происхождению относился к высшей иранской аристократии, по воспитанию был типичным космополитом, «человеком мира». Он получил блестящее образование во Франции и Швейцарии. Многие члены его семьи после смерти Мосаддыка переехали жить во Францию, Великобританию и США. Кстати, практически все западные мемуаристы, включая таких известных личностей как Аверрел Гарриман и Дин Ачесон, отмечали светскость, обаяние Мосаддыка и его умение вести беседу. Черчилль в своих воспоминаниях называл его «блистательным доктором Моззи».

Взаимодействие с народными массами Мосаддыку обеспечивала очень могущественная фигура, длительное время поддерживавшая доктора — аятолла Кавани, лидер Фронта освобождения ислама. К личности аятоллы мы вернёмся позднее. Весьма часто и западные, и советские исследователи писали о том, что в своей деятельности Мосаддык опирался, прежде всего, на народно-демократические и даже левые круги, вплоть до партии коммунистической ориентации «Туде». Однако это не так. Причин тому было две. Одна из них лежала на поверхности. Мосаддык был националистом и интеллектуалом, тесно связанным со старой персидской аристократией. Его и любые левые движения разделяла просто непроходимая пропасть. Не Мосаддык искал поддержку у левых, а левые в начале 1950-х пытались использовать в своих интересах имя Мосаддыка. Вторая причина связана с тем, что Мосаддык рассчитывал балансировать на противоречиях интересов великих держав, прежде всего США, СССР и Великобритании. Потому ни в коей мере он не мог позволить себе сколько-нибудь заметное движение в сторону левых, а тем более прокоммунистической «Туде».

Наконец, чтобы закончить разговор о «Туде», нужно иметь в виду следующее важное обстоятельство. Начиная с 1950 г., все руководители этой партии находились в Советском Союзе. Более того, лишь благодаря определённым внешнеполитическим планам Л. Берии, которым не суждено было осуществиться, они оказались под его защитой и не были казнены как множество руководителей коммунистических и рабочих партий Восточной Европы в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Степень изоляции руководителей «Туде» от партии и от ситуации в мире была столь велика, что уже после кончины И.В. Сталина они направили ему телеграмму с пожеланием крепкого здоровья и скорейшего возвращения к активной деятельности на благо советского и иранского народов¹⁰⁹.

Прежде чем коснуться взаимоотношений правительства Мосаддыка с Советским Союзом, необходимо несколько слов сказать о причине иранского кризиса. Представляется, что наиболее верно указал на неё А.И. Фурсов, выделив принципиально нового актора на геοэкономическом театре политических действий — кор-

¹⁰⁸ Ергин Д. Ук. соч.

¹⁰⁹ Гасанлы Дж.П. Ук. соч.

поратократию. Однако беспристрастный анализ не может не внести в данный подход определённую поправку. Наряду с поединком корпоратократии с национальным государством — Ираном, в Персидском кризисе без сомнения имела место борьба имперских образований — США и Великобритании.

Эту подоплёку Персидского конфликта изначально, с момента прибытия в Тегеран Герберта Гувера-младшего как специального посланника Ф.Д. Рузвельта, понимали британцы. Вот что пишет по этому поводу Д. Ергин: «Но другие члены британского правительства настаивали на попытках разработать план вместе с американцами. 18 февраля 1944 года британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс почти два часа спорил с заместителем государственного секретаря Самнером Уэллсом о нефти и её будущем. Позже Галифакс в телеграмме, посланной в Лондон, сообщил, что “отношение американцев к нам шокирует”. Галифакс был так расстроен дискуссией в Государственном департаменте, что немедленно потребовал личной встречи с президентом. Рузвельт принял его в тот же самый вечер в Белом доме. Их беседа сосредоточилась на Ближнем Востоке. Пытаясь смягчить опасения и недовольствие Галифакса, Рузвельт показал послу схему раздела по Ближнему Востоку. “Персидская нефть ваша, — сказал он послу. — Нефть Ирака и Кувейта мы поделим. Что касается нефти Саудовской Аравии, она наша”.

Набросок Рузвельта был недостаточен для снятия напряжения, ведь события предыдущих недель привели к обмену резкими посланиями между президентом и премьер-министром. 20 февраля 1944 года, всего лишь через час после ознакомления с докладами Галифакса о его встречах, Черчилль написал Рузвельту, что он с “возрастающим опасением” следит за телеграммами о нефти. “Стычка из-за нефти будет плохой прелюдией к тому потрясающему совместному предприятию, которое мы планируем начать и которое потребует и самопожертвования, — заявил он. — В наших определённых кругах есть опасение, что Соединённые Штаты стремятся отнять все наши нефтяные активы на Ближнем Востоке, от которых зависит в том числе и снабжение всего нашего военно-морского флота”. “Откровенно говоря, — писал он, — некоторые считают, что “нас выгоняют”»¹¹⁰.

Теперь настало время, базируясь на архивных материалах, выяснить реальную роль СССР в свержении М. Мосаддыка и попробовать разобраться в причинах позиции, занятой Советским Союзом.

2

Став премьер-министром, Мосаддык заявил: «Доходами от нефти мы сможем удовлетворить все наши нужды и положить конец бедности. Невежеству и болезням, охватившим миллионы трудящихся страны. С ликвидацией компании будет уничтожен центр интриг, провокаций и вмешательства во внутренние дела, что позволит стране добиться экономической и политической независимости»¹¹¹.

¹¹⁰ Ергин Д. Ук. соч.

¹¹¹ Оришев А.Б. Иран в политике нацистской Германии на Среднем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны: 1933–1943 гг. Дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2007.

Премьер-министр был не полевым командиром или народным трибуном, а европейски образованным человеком, хорошо понимающим хитросплетения мировой экономики. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что меры по национализации АИНК приведут к мощному противодействию, прежде всего, со стороны Великобритании. Она постарается отрезать Иран от финансирования, технического содействия, а главное — рынков сбыта нефти.

Чтобы предотвратить это, у Мосаддыка, вероятно, имелись план А и план Б. План А был связан с Советским Союзом. Памятуя о послевоенном интересе И. Сталина к иранской нефти, Мосаддык полагал, что сможет выдвинуть инициативы, которые заинтересуют Москву. Ещё в 1946 г. шахский режим предлагал в качестве своеобразной компенсации за решение южноазербайджанского кризиса предоставить СССР концессии по добыче нефти в Северном Иране. В немалой степени из-за нажима Великобритании и стоящими за ними США этому проекту не было суждено реализоваться в то время. Поэтому одним из первых предложений Мосаддыка стало предложение о предоставлении СССР нефтяной концессии в северных районах Ирана. Оно было сделано Мосаддыком сразу же после прихода к власти. Спустя короткое время он получил ответ от советского правительства. Ответ гласил: «Идя навстречу пожеланиям иранского правительства, советское правительство считает возможным своё предложение о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии в северных районах Ирана заменить предложением о создании советско-иранского смешанного общества по разведке, добыче и переработке нефти в Северном Иране с предоставлением советской стороне — 51% акций, а 49% — иранской стороне»¹¹².

Мы видим, что фактически на своё предложение иранцы получили отказ. При этом, прямо скажем, не в самой вежливой для них форме. Любой документ надо понимать в контексте исторической эпохи. Если рассмотреть советский ответ на иранское предложение в контексте американо-саудовского соглашения и документов по национализации АИНК, то станет понятна вся неприемлемость советского предложения, заранее направленного на отказ иранской стороны. Американо-саудовское соглашение по «Арамко» предполагало строгое следование принципу «фифти-фифти». Или, как говорят американцы, «ни хозяин, ни слуга». Этот же подход американцы предлагали иранцам и для урегулирования кризиса вокруг АИНК. Однако их предложения натолкнулись на противодействие, аргументированное тем, что в любом случае иранцы должны контролировать компанию. С учётом данных обстоятельств очевидно, что советская сторона не собиралась создавать никакого смешанного общества с правительством доктора Мосаддыка. Иранцам также было отказано в направлении в их страну инженерно-технических работников нефтяной промышленности СССР. Мотивировалось это — в значительной степени справедливо — неустойчивой политической и экономической обстановкой в стране, создающей угрозу жизни советских специалистов, а также невозможностью для советских специалистов взять на себя решение каких-либо технологических функций без урегулирования вопросов относительно структуры собственности и организационного строения компании.

¹¹² Гасанлы Дж.П. Ук. соч.

В условиях стремительно ухудшающегося финансово-экономического положения Ирана кабинет Мосаддыка встал на путь самостоятельного выхода на мировой рынок нефти, однако совершенно не преуспел в этом. Мировой нефтяной картель, в состав которого входила и «Бритиш Петролеум» — хозяин АИНК, фактически заблокировал не только финансовые расчёты по иранской нефти, но и возможности фрахта танкеров. Лишь три так называемых независимых компании из Италии, Греции и Нидерландов с 1951 по 1952 г. закупали относительно небольшие объёмы иранской нефти. Как впоследствии выяснилось, все три эти компании входили в большую сеть подставных коммерческих компаний ЦРУ. Смысл небольших закупок нефти состоял единственно в том, что полученные от продажи средства позволяли проводить текущий ремонт скважин и нефтеперерабатывающего оборудования. Иными словами, американцы обеспечивали сохранение ресурсной базы АИНК в работоспособном состоянии и не допускали техногенных катастроф, которые бы затруднили эксплуатацию после разрешения кризиса. В этих условиях иранское правительство опять же обратилось к Советскому Союзу. Как пишет видный отечественный ирановед С. Алиев: «Иранское правительство вступило в переговоры с СССР, Чехословакией, Венгрией и Афганистаном о поставках в эти страны иранской нефти. Однако в переговорах с представителями социалистических стран успехов достигнуть не удалось, прежде всего, из-за слишком осторожной политики Мосаддыка, который опасался вызвать новый конфликт с США и Англией»¹¹³.

В реальности дело было не в Мосаддыке. Вот что мы читаем в недавно рассекреченных архивных документах: «Весной 1952 года между И. Садчиковым (послом СССР в Иране) и ближайшим сподвижником М. Мосаддыка аятоллой А. Кашани начались секретные переговоры по поводу советских закупок иранской нефти. 6 апреля 1952 года И. Садчиков встретился с Ш. Каземи — секретарём активного участника движения за национализацию нефтяной промышленности, позднее председателя иранского меджлиса А. Кашани. При этом Ш. Каземи сообщил министру иностранных дел Багиру Каземи ответы СССР по закупке иранской нефти. Кашани просил министра принять И. Садчикова и начать переговоры по продаже нефти Советскому Союзу. Б. Каземи ответил согласием. В то же время А. Кашани просил И. Садчикова при встрече с Б. Каземи подтвердить намерения СССР покупать иранскую нефть. А. Вышинский 11 апреля 1952 года информировал И. Сталина: “Кашани через своего секретаря передал И. Садчикову, чтобы в случае благополучного окончания переговоров о продаже нефти мы заверили иранское правительство, что эта покупка не будет использована как средство или повод к вмешательству во внутренние дела Ирана, и что если Иран в связи с продажей нам нефти подвергнется внешнему нажиму, то мы не оставим его без поддержки и окажем ему необходимую финансовую помощь”»¹¹⁴.

После оценки этой информации из Тегерана МИД СССР подготовил для Садчикова конспект его ответов на переговорах с Б. Каземи и направил их для утверждения в ЦК ВКП(б). В этом конспекте значилось: «Первое. Если министр иностранных дел Каземи поставит перед Вами вопрос о продаже Советскому Союзу нефти

¹¹³ Иран. Очерки....

¹¹⁴ А. Вышинский – И. Сталину. 11.04.1952 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 95.

и нефтепродуктов, Вам следует дать ему ответ, аналогичный ответу, который Вы дали Кашани в соответствии с нашими указаниями в телеграмме № 106 от 23 марта, заявив, что мы сочувствуем положению, в котором находится в настоящее время Иран, и готовы купить иранскую нефть, но мы хотели бы получить конкретные предложения: какая имеется в виду к продаже нефть — сырая или переработанная в нефтепродукты и в какие именно и т. д. Скажите также, что с нефтеналивным флотом мы испытываем затруднения.

По вопросу о финансовой помощи Вам следует руководствоваться ранее данными указаниями (телеграмма № 74 от 9 марта), разъяснив, что этот вопрос связан с урегулированием взаимных финансовых претензий и что с советской стороны было сделано всё возможное, чтобы договориться с иранским правительством по этому вопросу. Если соглашение до сих пор не состоялось, то не по вине советской стороны.

Второе. Если Каземи также затронет вопрос о заверении с нашей стороны, что закупка иранской нефти не будет использована для вмешательства во внутренние дела Ирана, то Вам следует категорически отвести обсуждение этого вопроса, заявив, что предложение о таком заверении лишено всякого основания»¹¹⁵.

Когда же иранцы в соответствии с пожеланиями передали спецификацию по предлагаемой поставке сырой нефти и нефтепродуктов, а также транспортные условия поставки, то послу И. Садчикову были даны указания не соглашаться с предлагаемыми вариантами, а требовать новых, ещё более льготных. Кроме того, советская сторона категорически отказывалась связываться с танкерным флотом и требовала поставки в порт на побережье Каспийского моря¹¹⁶. Такой транспортной логистики в то время у Ирана просто не было. Поэтому сколько-нибудь крупных поставок иранской нефти в СССР, решавших финансовые проблемы страны, осуществить на таких условиях было невозможно. Что же касается поставок в Венгрию, Чехословакию и Польшу, то их предлагалось осуществлять не при помощи танкеров, а через пункт на Каспийском море с последующей перегрузкой в нефтеналивные баржи. Иными словами, советская сторона вполне сознательно отказывалась от покупки у Ирана нефти и нефтепродуктов, и боязнь Мосаддыка США и Великобритании была совершенно ни при чём.

Оказавшись в финансово безвыходном положении, правительство Мосаддыка искало внешние источники получения финансовых средств. Так, Мосаддык обращался лично к Гарри Трумэну с просьбой предоставить либо напрямую, либо через Международный валютный фонд заём в размере 120 млн. долларов, который позволил бы стране продержаться на плаву. Трумэн прямо не отверг это предложение, но обусловил предоставление займа разрешением кризиса вокруг АИНК.

И здесь мы прикасаемся к одному из самых поразительных сюжетов, связанных с Персидским кризисом. Дело в том, что в ходе оккупации советскими войсками Ирана ими был захвачен, а впоследствии перевезён на территорию СССР иранский государственный золотой запас в размере 11,2 тонн золота и 8,6 млн. долларов. Сразу после окончания Второй мировой войны шахские правительства неоднократно пред-

¹¹⁵ Постановление ЦК ВКП(б) «Об указании послу СССР в Иране». Апрель, 1952 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 98.

¹¹⁶ Из дневника И. Садчикова. АВП РФ, ф. 094, оп. 55, п. 388, д. 8.

принимали попытки по возврату иранских золотовалютных ресурсов. Однако они наталкивались на стойкое неприятие Советского Союза, аргументировавшего свою позицию наличием многочисленных неурегулированных финансовых вопросов в ирано-советских отношениях. Естественно, одним из первых шагов правительства М. Мосаддыка стали усилия по возврату столь необходимого ему золотовалютного резерва. Реакция советской стороны на активность Мосаддыка была следующей: «Иранцы настаивают на передаче им золота в натуре и не соглашаются на компенсацию его стоимости товарными поставками, указывая, что золото по соглашению 1943 года является собственностью иранского государства, находится лишь на хранении в Госбанке СССР и составляет часть золотого обеспечения иранской валюты»¹¹⁷. 29 сентября 1951 г. А. Вышинский, А. Зверев и М. Меншиков в очередном отчёте на имя И. Сталина отмечали, что на завершившемся втором этапе переговоров «иранская сторона никаких серьёзных дополнительных уступок не сделала»¹¹⁸. На этом основании соответствующие советские министерства выступили против подписания заключительного протокола в противовес тому, что предлагали Садчиков и Чечулин. В решении ЦК ВКП(б), направленном Садчикову, Чечулину и Кузнецову, указывалось: «Переговоры показали, что в настоящее время нет оснований рассчитывать на достижение соглашения с иранцами на приемлемой для нас основе. Что же касается ваших рассуждений относительно целесообразности некоторых уступок иранской стороне в отступление от данных вам директив, то мы считаем их неправильными и совершенно неприемлемыми. Мы не собираемся идти ни на какие уступки сверх предусмотренных этими директивами. Ввиду занятой иранцами позиции продолжение переговоров считаем нецелесообразным. Однако, прекращение переговоров надо провести в соответствующей тактичной форме»¹¹⁹.

Первое время Мосаддык был склонен к сближению с СССР. Через Ф. Ипекчиана, который был близок и к нему, и к СССР, он пытался дать это почувствовать И. Садчикову. Однако советское руководство не верило в искренность Мосаддыка. Ознакомившись с материалами переговоров с иранским премьером и его посредниками, Политбюро обсудило этот вопрос 26 сентября 1951 г. и поручило Советскому послу в Тегеране быть осмотрительным в отношении Мосаддыка. В указаниях Политбюро И. Садчикову читаем: «Из Ваших бесед с Мосаддыком и его посредниками видно, что Вы всерьёз принимаете разговоры Мосаддыка о его якобы стремлении договориться с нами по финансовым претензиям и улучшить отношения с Советским Союзом. Вы, видимо, не поняли того, что Мосаддык, засылая к Вам своих посредников, вроде Ипекчиана, с советами воспользоваться создавшимся у Мосаддыка положением и пойти с ним на сближение, просто шантажирует американцев и пытается использовать Вас в своей игре с англичанами и американцами»¹²⁰.

¹¹⁷ А. Вышинский, А. Зверев, М. Меншиков – И. Сталину. 14.09.1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 10.

¹¹⁸ А. Вышинский, А. Зверев, М. Меншиков – И. Сталину. 29.09.1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 21.

¹¹⁹ Постановление ЦК ВКП(б) «Об утверждении указания тт. Садчикову и Чечулину. Сентябрь, 1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 25.

¹²⁰ Решение Политбюро об указаниях Садчикову в связи с его беседами с Мосаддыком и Ипекчианом. 25.10.1951 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 46, л. 195–196.

В связи с этим весьма показательна дальнейшая судьба иранских золотовалютных резервов. Спустя очень короткое время после свержения М. Мосаддыка, возвращения в страну шаха Реза Пехлеви и заключения соглашения между правительством, возглавлявшимся бывшим нацистским агентом генералом Фазллой Захе-ди, и международным нефтяным картелем о возобновлении деятельности АИНК, Советский Союз передал правительству Захе-ди иранские золотовалютные резервы.

Представляется, что приведённые архивные документы позволяют без излишнего упрощения посмотреть на движущие силы свержения правительства Мосаддыка. Вполне очевидно, что Мосаддыка свергла не только корпоратократия, а коалиционные силы, явно включающие в себя наряду с корпоратократией, американскую и британскую бюрократию, а в неявном, но оттого не менее важном виде, и советскую партийную номенклатуру. Причём произошло это отнюдь не во время Брежнева и Горбачёва, а тогда, когда у руля государства ещё находился И.В. Сталин. При этом, несомненно, ошибочным будет вывод о том, что СССР выполнял роль подручного западных держав и корпоратократии. Это отнюдь не так. Вполне очевидно, что СССР в лице его правящей номенклатуры преследовал собственные интересы, которые в конкретное время и в конкретном геополитическом месте совпали с интересами англосаксонских держав и нефтяной корпоратократии.

В качестве прямой иллюстрации данного вывода можно привести крайнюю осторожность, если не сказать больше, прежде всего американцев, а в значительной степени и британцев в отношении восстания летом 1953 г. в ГДР, которое, кстати, по мнению многих бывших офицеров Штази, было спровоцировано в значительной степени высшим руководством СЕПГ во главе с В. Ульбрихтом. Не считая радиопередач, которые быстро приобрели достаточно сдержанную форму, американцы не сделали ничего, что помешало бы советским войскам подавить мятеж в Берлине и в провинциях¹²¹.

В более широком плане необходимо подчеркнуть, что с первых дней пребывания у власти И.В. Сталин показал себя в международных отношениях, а также в межэлитных взаимодействиях как системный актор, строго придерживающийся подписанных соглашений, неформальных договорённостей и неписаных норм элитного взаимодействия. Лучшим доказательством данного вывода является предельная сдержанность И.В. Сталина и уважение им писаных и неписаных договорённостей, включая тайные, никогда не оформленные соглашения с элитными группами, прежде всего США, и, возможно, Германии. Наиболее ярко, подробно, с множеством деталей и скрупулёзной фактографией описал это известный противник И.В. Сталина, один из самых популярных не только в СССР, но и в мире публицистов своего времени, без сомнения конфиденгент определённой части советских разведывательных кругов, Эрнст Генри в своей работе «К вопросу о внешней политике Сталина»¹²². В частности, в книге описывается сдержанность и более того, прямое воздействие Сталина на руководство коммунистических партий Франции и Италии с целью блокировки их попыток прихода к власти самостоятельно или в составе широких коалиций. В этой же работе подробно описываются перипетии вокруг трагического греческого восстания и т.п.

¹²¹ Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 года в Германии. М.: Олма, 2004.

¹²² К вопросу о внешней политике Сталина (записка) // Прометей. М.: Русский раритет, 2007.

Иными словами, несмотря на появившиеся в последнее время бездоказательные работы об имевшем место якобы стремлении Сталина перекроить политическую карту послевоенного мироустройства, согласованную в Ялте и Потсдаме, и приписать ему агрессивные намерения вплоть до идеи развязывания Третьей мировой войны, И.В. Сталин в своей послевоенной политике строго, можно даже сказать, скрупулёзно, придерживался открытых и тайных договоренностей, прежде всего с США, достигнутых в конце войны и первый послевоенный год.

Может возникнуть вопрос, а как же с этим согласуется Корейская война с прямым участием советских лётчиков в боях с американской авиацией над Корейским полуостровом. Ещё в 1990-е годы китайские историки рассказывали автору о том, что якобы И.В. Сталин неоднократно писал Мао Цзэдуну о желании выйти из Ялтинских договорённостей и перейти к отбрасыванию мирового империализма по всем фронтам, не боясь горячих войн. В последние годы в Китае опубликован ряд работ, где излагается подобная точка зрения. Однако ни в устных беседах, ни в опубликованных работах никто не привёл ни одной ссылки на какой-либо документ. Более того, в опубликованных фундаментальных работах, посвящённых предыстории Корейской войны¹²³, указывается, что главными интересантами горячей войны на Корейском полуострове были именно китайские товарищи, которые фактически дали гарантии Ким Ир Сёну в том, что не только обеспечат полную военную поддержку, включая посылку войск, но и гарантируют в случае необходимости вовлечение в конфликт Советского Союза, вплоть до применения им тактического ядерного оружия.

Сходной точки зрения придерживаются и американские авторы, анализирующие взаимоотношения в российской партийной элите в послевоенный период. Скрупулёзно сравнивая осуществление тех или иных шагов по эскалации корейского конфликта с известными из архивных источников сводками и другими косвенными документами о здоровье И.В. Сталина, они делают вывод о том, что решение о вовлечении СССР в военный конфликт было сделано в период тяжёлой болезни Сталина предположительно Булганиным, Маленковым и Хрущёвым при поддержке военных и при противодействии Л. Берии и А. Микояна.

Учитывая, что сразу же после Корейской войны Мао Цзэдун неоднократно обращался с личной просьбой к советскому руководству предоставить Китаю ядерное оружие и документацию по его производству, можно с чрезвычайно высокой степенью вероятности утверждать, что как сам И.В. Сталин, так и часть группировок в высшем партийном руководстве в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов исходили из принципа необходимости соблюдения системных договорённостей как на межгосударственном, так и на межэлитном уровнях вне зависимости от письменной фиксации.

¹²³ Стьюк У. Корейская война. М.: АСТ, 2002; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Росспэн, 2011.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что с первых дней деятельности правительства Мосаддыка Советский Союз занял по форме осторожно-нейтральную, а по содержанию враждебную позицию к этому режиму. Соответственно, возникает вопрос, а не было ли у правительства Мосаддыка наряду с планом А плана Б? Представляется, что такой план существовал или по крайней мере мог существовать. Подходя к анализу этого плана, необходимо отдавать себе отчёт в следующем. Если сведения относительно плана А задокументированы и выдерживают жёсткую перекрёстную проверку на основе привлечения материалов государственных архивов различных стран, то с планом Б ситуация во много раз сложнее. Положа руку на сердце, можно сказать, что излагаемый план Б — не более чем гипотеза, не имеющая прямых подтверждений. Однако в её пользу говорит множество появившихся относительно недавно совершенно поразительных документов, которые в своей совокупности заставляют по-новому посмотреть на историю послевоенного мира.

Системообразующим событием иранской драмы стала, без сомнения, национализация АИНК. Именно в её контексте и следует искать следы плана Б. При этом, как скоро поймёт читатель ни одной из сторон, участвующих в кризисе, который произошёл более 60 лет назад, до сих пор нет нужды в обнаружении этих следов по вполне очевидным причинам.

XX век видел множество национализаций. Большая часть из них осуществлялась под благородными лозунгами, как правило, связанными с социальной справедливостью и заботой о народных интересах. Однако в большинстве случаев эти национализации заканчивались сначала резким снижением эффективности соответствующих предприятий и компаний, а затем их банкротством с последующей экономической неразберихой, а иногда и крахом экономики целых стран. Данные факты ни в коей мере не свидетельствуют о том, что частная собственность более эффективна, чем государственная, а предпринимательское управление всегда лучше административного. На самом деле в экономике и политике, как и в обыденной жизни, нет панацеи и то, что для русского хорошо, для немца — смерть. Иными словами, продуктивность национализации, так же, как и любых политико-экономических решений, зависит от контекста, в который они вписаны, от времени и места, от определённых тенденций национальной, региональной и мировой динамики. В то же время приходится констатировать, что в большинстве случаев национализации проводились людьми, мало смыслящими в экономике, управлении и стратегической политике. Поэтому и в Африке, и в Азии, и в Латинской Америке национализации, осуществлённые дилетантами, в итоге превращались в очередную иллюстрацию известной максимы: дорога в ад вымощена благими намерениями.

В случае Ирана, однако, несмотря на губительные последствия национализации АИНК, мы имеем дело с принципиально другой ситуацией. Персидскую национализацию задумали и осуществляли грамотные, умные и высокообразованные люди, детально разбирающиеся в предмете. Иное было бы удивительным, поскольку Иран — это отнюдь не Того или Габон, где 25-летний сержант, не окончивший даже средней школы и силами одной роты осуществивший государственный переворот, национализировал нефтяные поля, принадлежащие «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси». Пер-

сия — это страна с культурой и интеллектуальными традициями, насчитывающими даже не столетия, а тысячелетия, чья элита совмещала глубокое знание исламской логики и математики с персидской традицией административного управления и европейским образованием, полученным в лучших университетах Франции, Великобритании и Германии. Уж в чём в чём, а в хитрости, осмотрительности и умении играть в политэкономические шахматы персам никогда никто не отказывал.

В связи с этим встаёт вопрос: на что же рассчитывали доктор Мосаддык, стоящий за его спиной аятолла, шейх и муджтахид Сеид Абдул Касем Кашани, сильный человек Ирана генерал Захеда и молодой шах Мохаммад Реза Пехлеви? Следует констатировать, что все они в силу разных причин буквально ненавидели Великобританию, плохо относились к СССР и не испытывали особых иллюзий по поводу Соединённых Штатов Америки, считая их неразрывно связанными с Великобританией. Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к иранской истории конца 1920-х — начала 1950-х годов. В конце 1920-х годов в Иран, так же как в СССР и чуть позднее в Китай, пришли люди «чёрного рейхсвера», а также немецкие промышленники, для которых после Версаля были закрыты рынки Западной Европы, Соединённых Штатов и колониальных владений великих держав. Инfiltrация военного, экономического, а затем и политического влияния Германии, взявшая старт в 1920-е годы, резко активизировалась с приходом к власти Гитлера. Иран фактически с первых месяцев прихода нацистов к власти стал одной из ключевых зон их экспансии на Восток.

Это объяснялось рядом обстоятельств. В первую очередь речь должна идти об экономике, когда германское государство стало максимально поддерживать укрепляющие свои позиции в Иране немецкие фирмы. Другим направлением были геополитические соображения. В соответствии с доктриной Хаусхофера¹²⁴, которая при помощи второго человека в партии того времени Р. Гесса стала по существу основой внешней политики нацизма, Иран и Афганистан рассматривались как ключ к Хартленду и к победе над Британской империей. Наконец, свою роль играли и технологические соображения. В Иране, вдалеке от глаз европейских и американских конкурентов, немецкие компании, в первую очередь специализирующиеся в области химии, нефтехимии и проч., могли опробовать разработанные в Германии новые решения¹²⁵. К середине 1930-х годов германская политика в Иране приобрела системный, даже своего рода тотальный характер.

Неоценимое значение для структурирования основных направлений германской активности в Иране имеет недавно изданная монография А.Б. Оришева, написанная на основе ранее секретных документов из Архива Службы внешней разведки России, Архива внешней политики Российской Федерации и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации¹²⁶.

Основными составляющими системы долговременной политики нацистской Германии в Иране стали:

¹²⁴ Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001; Васильченко А. Сумрачный гений III рейха. Карл Хаусхофер. Человек, стоявший за Гитлером. М.: Вече, 2013.

¹²⁵ Оришев А.Б. Иран в политике нацистской Германии...

¹²⁶ Оришев А.Б. Тайные миссии Абвера и СД в Иране: из секретных досье разведки. М.: Московский институт юриспруденции, 2006.

– во-первых, то что решающий вклад в первичную индустриализацию Ирана прежде всего в отраслях, обслуживающих армию, производство продукции для нефтяной промышленности, нефтехимию и т.п. внесли немецкие фирмы. Особенно этот процесс активизировался с 1936 г., когда Иран посетил министр экономики Германии Ялмар Шахт. В течение трёх недель, пока длился визит, он имел многочисленные встречи с шахом, его сыном-подростком (будущим шахом Мохаммадом Резой Пехлеви), которому подарил многочисленные модели кораблей и самолётов, с представителями богатейших торговых и финансовых семей Ирана. После визита особую активность на иранском рынке стали проявлять такие структуры, как IG Farben, Krupp, MVGi т.п.;

– во-вторых, тот факт, что Германия взяла на себя содействие в повышении эффективности шахской администрации и подготовке управленческих кадров в Иране. Это стало результатом многочисленных бесед между Реза-шахом и германским посланником в Тегеране В. Блюхером. В 1935 г. шах, в частности, заявил: «Авторитарная форма правления в настоящее время является единственно возможной. В противном случае народы погрузятся в коммунизм. Прежние германские правительства не удовлетворяли обоснованные персидские желания. Из-за этого страдали наши отношения. Но нынешнее германское правительство понимает интересы Персии. С тех пор, как она находится у власти, началось благоприятное развитие персидско-германских отношений. Особенно для нас важно участие германской промышленности в модернизации Ирана, помощь первоклассных германских специалистов в налаживании государственного управления Персии, преодолении процветающей пока у нас коррупции и некомпетентности»¹²⁷;

– в-третьих, Германия в период с 1935 по 1941 г. направила десятки учителей и преподавателей высших учебных заведений в Иран. В результате директорами лучших школ Ирана, где учились дети элиты, а также заведующими кафедрами по естественным и общественным наукам лучших светских учебных заведений Ирана стали немцы. Кроме того, Германия ежегодно выделяла значительные средства на приём преподавателей, других представителей интеллектуальной элиты Ирана, а также студентов в германских университетах. В рамках профессорско-преподавательского обмена Германию дважды в тридцатые годы посещал доктор Мосаддык;

– в-четвёртых, издание в 1936 г. Гитлером специального акта, согласно которому персы признавались арийцами. Более того, в документе содержались указания на то, что немецкий народ и его предки — готы — являются выходцами из Ирана. В рамках реализации этого решения было создано германское общество Ближнего и Среднего Востока, финансируемое ведущими германскими корпорациями и прежде всего IG Farben. Геополитики из команды Хаусхофера в поисках мощного идеологического оружия разработали и инкорпорировали в Иран принципиально новую концептуальную конструкцию. Суть её состояла в том, что шиитское направление ислама было объявлено истинно арийской религией, адаптирующей арийские ценности к конкретным персидским условиям и противостоящей арабскому — суннитскому исламу семитского толка. В рамках этого подхода в сотрудничестве с шиитским духовенством немцы открыли в Германии сеть хорошо оснащённых больниц

¹²⁷ Blucher W., von. Zeitwende in Iran: Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach an der Riss. Leipzig: Koehler & Voigtlander, 1949.

для бедных, где немецкие врачи бесплатно лечили представителей неимущих слоёв городского и сельского населения.

Дополнительно к этому немецкие фирмы, ведущие строительство своих предприятий в Иране через шиитские мечети, раздавали денежные подарки верующим от братского арийского народа Германии. Соответственно, немцам удалось установить теснейшие взаимоотношения с шиитским духовенством. Это было особенно важно в конкретных условиях Ирана того времени, поскольку сам Реза-шах занимал достаточно жёсткую антиклерикальную политику и опасался шиитского духовенства. Однако он ничего не имел против деятельности немецких компаний и благотворительных немецких организаций, поддержанных крупным бизнесом. Более того, он достаточно быстро понял выгоды такого революционного подхода к шиизму как способу адаптации традиционных мусульманских обычаев к персидской специфике. В итоге он настолько проникся предложенной ему идеологией, что в середине 1930-х годов переименовал Персию в Иран, что буквально означает — «страна ариев»;

– в-пятых, германская разведка, внешнеполитические структуры и идеологи особое внимание в соответствии с пожеланиями шаха уделили молодёжи. В 1937 г. Иран посетил Бальдур фон Ширах, глава Гитлерюгенда. После его визита было принято решение о разворачивании в Иране ячеек движения, скопированного с немецкого идеолого-спортивного движения «Радость через силу». Германия как по государственной линии, так и по линии крупных корпораций, работающих в Иране, сначала создала, а потом взяла на дотацию спортивные, прежде всего борцовские и гимнастические клубы в Тегеране и других крупных городах страны.

Иными словами, к началу Второй мировой войны нацистской Германии удалось проникнуть буквально во все сферы и слои иранского общества. Причём, надо признать, в результате системной, многообразной и, без сомнения, изобретательной, учитывающей особенности Ирана работы, немцам удалось сформировать в самых различных слоях иранского общества устойчивые прогерманские симпатии, которые не изменились даже в ходе войны и сохранились после поражения нацистской Германии. В ситуации сильных прогерманских настроений в подавляющем большинстве слоёв иранского общества и глубокой инфильтрации нацистских разведывательных служб в персидскую элиту неудивительными были тесные связи основных участников иранской драмы с послевоенным Нацистским интернационалом.

При всей важности Мосаддыка для судеб Ирана и событий, связанных с национализацией АИНК, он в немалой степени был фронтменом мощного движения, с одной стороны, выражавшего интересы светско-религиозной элиты Ирана, а с другой — пользовавшегося поддержкой иранской бедноты, находящейся под определяющим влиянием шиитского духовенства. Что касается самого Мосаддыка, то по своему складу он, как уже говорилось, несомненно являлся космополитом, «человеком мира»; в этом смысле он был и идеологически, и прагматически противоположен нацистско-ориентированным кругам. Однако, как истинный перс, он руководствовался общемировым правилом: враг моего врага — мой друг. Поскольку Мосаддык ещё с 1920-х годов, когда он впервые стал министром, видел своим главным врагом Великобританию, то в политической деятельности он ориентировался, прежде всего, на врагов Великобритании. Причём, как настоящий перс, уста-

навливал контакты и взаимодействовал с ними не напрямую, а через своё доверенное ближайшее окружение, которое не менялось у него десятилетиями¹²⁸. Например, одну из ключевых ролей в разработке экономической политики правительства Мосаддыка играл его многолетний советник по экономическим вопросам Т. Ферюзи. Ферюзи, по данным партии «Туде», ещё до войны начал тесно сотрудничать с германской разведкой, а после поражения нацистской Германии продолжал активно взаимодействовать с германскими фирмами, для чего неоднократно выезжал в Европу. Согласно расследованиям Дэвида Престона, базирующимся на рассекреченных документах Управления стратегических служб и американского Казначейства относительно Франсуа Жёну, Ферюзи входил в состав международной шпионской сети «ZEFIC», созданной IG Farben и после окончания войны обслуживающей нужды Нацистского интернационала.

Ключевой фигурой в движении «Национальный фронт», приведшим Мосаддыка к посту премьер-министра, и в борьбе за национализацию АИНК был, без сомнения, аятолла Кашани. Именно с организованного аятоллой Кашани и его фронтом «За освобождение ислама» митинга в мечети «Шах» 26 января 1951 г., ставшего самым массовым митингом в истории Ирана, события, приведшие к национализации АИНК, приобрели необратимый характер. Именно Кашани был серым кардиналом режима Мосаддыка. Именно он обеспечивал правительству контакты с высшей религиозно-светской элитой Ирана и одновременно беспрекословную мобилизацию городской бедноты и среднего класса, для которых шиитское духовенство было главным и единственным авторитетом в жизни.

В отношении Кашани нельзя не отметить, что во время Второй мировой войны, уже после введения в Иран советских и английских войск, он теснейшим образом сотрудничал с резидентом Абвера Францем Майером. Кашани стал ключевой фигурой созданного Ф. Майером подпольного прогерманского движения «Меллиун-е Иран» — «Националисты Ирана». Кстати, члены именно этого движения составили ядро движения «Национальный фронт», приведшего к власти М. Мосаддыка. Кроме того, Кашани вошёл в состав сформированного всё тем же Ф. Майером «Комитета ислама»¹²⁹. Комитет ставил перед собой следующие задачи:

- создание «регулярных» организаций во всех провинциях страны;
- установление связей с центрами мусульманского духовенства соседних стран;
- уведомление о новом правительстве, противопоставляемом центральному правительству, через духовенство страны, призыв к священной войне и создание недовольства политикой большевиков и англичан.

Теснейшие связи с нацистами имел и генерал Фазлолла Захе́ди. Вот как характеризует его Д. Ергин: «Генерал Фозаллах¹³⁰ Захе́ди, которого ЦРУ избрало для замены Мосаддыка, был тоже персонажем, достойным занять место в детективном романе. Высокий ростом, красавец и дамский угодник, он сражался с большевика-

¹²⁸ De Bellaigue C. Patriot of Persia: Muhammad Mossadegh and a Tragic Anglo-American Coup. N.Y.: Harper Perennial, 2013.

¹²⁹ Победит тот, кто будет владеть Востоком. Из дневника немецкого разведчика Ф. Майера. Иран. 1941–1942 гг. // Отечественные архивы. 2003. № 3. (Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Б. Оришева.)

¹³⁰ Так у Д. Ергина.

ми, был захвачен курдами и в 1942 году выкраден англичанами, которые подозревали, что он замешан в связях с немецкими фашистами. Во время Второй мировой войны англичане и русские совместно оккупировали Иран. Английские агенты, захватившие генерала, утверждали, что в его спальне нашли следующее: коллекцию немецкого автоматического оружия, шёлковое нательное бельё, немного опиума, письма от немецких парашютистов, действовавших в горах, и иллюстрированный каталог самых шикарных проституток Тегерана»¹³¹. К приведённой характеристике можно добавить, что, по мнению как сторонников, так и непримиримых противников Захеда, он отличался личной храбростью, недюжинным умом и редкостной изворотливостью.

Наконец, нельзя не сказать несколько слов о шахине Сорейе. По мнению автора секретного доклада «Свержение премьер-министра Ирана Мосаддыка», написанного в 1954 г. сотрудником ЦРУ Доналдом Уилбером и преданного гласности лишь в 1969 г., именно шахиня Сорейя обеспечила для Кермита Кима Рузвельта необходимые успешные взаимодействия с шахом во время подготовки и осуществления переворота. Мать молодой шахини была немкой, попавшей в Иран по контракту с одной из германских фирм. По мнению осведомлённых источников, она на протяжении всей своей жизни поддерживала тесные связи с Германией и по мере своих возможностей оказывала услуги специальным службам как на государственном, так и на корпоративном уровне. Сорейя, согласно воспоминаниям, была весьма близка к матери как во время брака с шахом, так и после развода, произошедшего по династическим причинам¹³².

Это отнюдь не все и даже не главные доказательства нацистского следа в иранских событиях. Есть и более серьёзные аргументы. Начнём с того, что постараемся ответить на вопрос, почему именно на Кермита Кима Рузвельта пал выбор американской политико-разведывательной элиты, почему именно ему была доверена миссия по свержению Мосаддыка.

Если мы откроем авторитетное издание — Энциклопедию спецслужб — и конкретно том, посвящённый ЦРУ и другим спецслужбам США, то обнаружим следующее: «Кермит Рузвельт. 16 февраля 1916 – 8 июня 2000. Внук президента США Теодора Рузвельта. Преподавал историю в Гарвардском университете. Одновременно состоял в «Комнате» — основанной в 1927 г. Винсентом Астором, тайной организации состоятельных американцев, занимавшихся тем, что добывали по неофициальным каналам разведанные и передавали их высокопоставленным представителям государства. После начала 2-й мировой войны был принят на службу в УСС и направлен на Средний Восток. После создания ЦРУ стал его сотрудником. Являлся признанным специалистом по Среднему Востоку. В 1953 г. разработал и возглавил операцию по свержению правительства иранского премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка. За её успешное выполнение был тайно награждён «Медалью национальной безопасности». Позднее после увольнения из ЦРУ был вице-президентом нефтяной компании «Галф ойл»»¹³³.

¹³¹ Ергин Д. Ук. соч.

¹³² Soraya Esfandiary Bakhtiary. Le palais des solitudes. Neuilly-sur-Seine: Lafon, 1991.

¹³³ Пыхалов И.В. ЦРУ и другие спецслужбы США. М.: Эксмо, Яуза, 2010.

Приведённая выдержка из энциклопедии имеет две очень серьёзных неточности. Первая неточность заключается в том, что Кермит Ким был специалистом прежде всего по Ближнему Востоку. Автор же энциклопедической статьи, решив, что коль скоро Рузвельт был направлен руководить операцией «Аякс», то специалистом он должен быть именно по Среднему Востоку, где расположен Иран, а отнюдь не по Ближнему Востоку, где он работал определённый период своей карьеры.

Ещё более забавна вторая ошибка. Кермит Ким не был участником «Комнаты», которая собственно не являлась чисто разведывательной организацией и не передавала сведения каким-то высокопоставленным представителям государства. В 1927 г. Кермиту Киму было 16 лет и он благополучно завершал обучение в элитной американской школе, а затем, как справедливо указывает автор, преподавал историю в университете.

Теперь настало время ответить на поставленный вопрос относительно выбора Кермита Кима. Он был действительно в значительной мере связан с «Комнатой». Однако не просто участником, а основателем «Комнаты» был не Кермит Ким Рузвельт, а его отец Кермит Рузвельт. Кермит Ким Рузвельт на протяжении всей своей жизни находился под огромным интеллектуальным и человеческим влиянием своего отца, являвшимся одним из наиболее ярких людей первой половины XX века в Америке. Кроме того, Кермит Ким с юных лет теснейшим образом общался с друзьями отца и в значительной степени унаследовал отцовские связи не только в США, но и что более важно, в Великобритании. Чтобы был понятен характер этих связей и то, почему они предопределили назначение Кима в Тегеран, надо коротко остановиться на теме «Комнаты». Наиболее подробно её разработал профессор университета Рутгерса Джеффри Дорварт в своей статье «Шпионское кольцо Рузвельта-Астора»¹³⁴.

Прежде всего организацию Астора нельзя назвать исключительно частной разведывательной организацией. Её функции были несколько шире. Наряду с получением для Рузвельта эксклюзивной информации относительно наиболее важных внешнеполитических событий эта неформальная организация выполняла функции по мобилизации денежных средств в пользу Ф.Д. Рузвельта и оказывала ему лоббистские услуги. Основателем организации был представитель одной из самых могущественных семей Европы и Великобритании того времени Винсент Астор. Формально большую часть своей жизни он занимался различного рода, как теперь принято говорить, социальными и благотворительными программами, а также поощрением наук и искусств. Фактически же, будучи одним из ближайших старинных друзей Ф.Д. Рузвельта, он создал для него частную политико-разведывательную структуру. В финансово-разведывательную организацию он привлёк таких чрезвычайно влиятельных людей, как банкира Уинтропа Элдрича, Эндрю Меллона-младшего, одного из самых популярных в то время врачей Е. Хилхауза, спортивного кумира 1920–1930 гг., многократного победителя Уимблдона Р. Финка, управляющего банком Варбургов Джорджа Фишера Бейкера-младшего, адвоката Ялмара Шахта, Фредерика Калвера и ряд других не менее известных или даже знаменитых людей. Обращает внимание на себя тот факт, что в число участников «Комнаты» входил Уин-

¹³⁴ Dorwart J.M. The Roosevelt-Astor Espionage Ring // New York History Quarterly Journal of New York State Historical Association. N.Y., 1981. Vol. 62, No. 3.

троп Эдрич, человек, который вместе с Полем Варбургом и полковником Хаусом сыграл решающую роль в создании Федеральной резервной системы США.

На протяжении конца 1920-х и всех 1930-х годов «Комната» не только мобилизовывала в пользу Рузвельта значительные денежные фонды, но и снабжала его первоклассной разведывательной информацией. Причём очевидно, что делалось всё это за собственный счёт, в качестве своего рода дружеских услуг многообещающему политику, а затем президенту США. Особенно большой поток достоверной, можно даже сказать эксклюзивной информации поступал от участников «Комнаты» относительно германских дел, планов А. Гитлера и ситуации в нацистской партии. С одной стороны, этому способствовали такие люди, как Ф. Карвер, Э. Меллон и т.п., а с другой — Винсент Астор был очень близок со своей родственницей, знаменитой Леди Нэнси Астор, которая была центром группы пронацистски настроенных британских политиков. Её усадьба Клайвден стала центром британских германофилов и сторонников Гитлера. Именно там устанавливались теснейшие связи представителей британского и американского истеблишмента с высшими чиновниками и функционерами нацистской партии.

Как отмечал в своих воспоминаниях Кермит Ким Рузвельт, именно отцу и его друзьям он обязан не только выбором профессиональной карьеры, но и многочисленными связями, которые помогли ему в будущем. Поскольку эти строки написаны в книге, посвящённой главным образом операции «Аякс», то вполне очевидно, что речь шла о связях, которые помогли Киму именно в Иране при свержении Мохаммада Мосаддыка. В связи с этим весьма интересно следующее: большинство американских учёных в своих работах указывают, что выбор Захеи в качестве альтернативы Мосаддыку и его обработка осуществлялась генералом Шварцкопфом, который командовал полицейскими силами Ирана во время Второй мировой войны, а до этого был руководителем полиции в штате Нью-Джерси. Однако в многочисленных интервью Захеи, которые он давал американским, французским, английским изданиям в 1950-е годы, Шварцкопф нигде не упоминается, зато отмечается человеческий и профессиональный контакт, который сразу же установился у него именно с Кермитом Кимом Рузвельтом.

Также все исследователи едины в том, что именно Кермит Ким сумел установить доверительные отношения с Сорейей, которая буквально за несколько месяцев до событий, связанных со свержением Мосаддыка, стала шахиней и имела просто завораживающее влияние на своего мужа. Кстати, в воспоминаниях Кермит Ким Рузвельт отмечает, что ему удалось установить вполне рабочие отношения и с аятоллой Кашани, который с первых месяцев 1953 г. стал всё больше и больше дистанцироваться от доктора Мосаддыка, а с июля 1953 г. занял по отношению к нему откровенно враждебную позицию.

Ну и напоследок: абсолютно все авторы, описывающие свержение Мосаддыка, отмечают весьма необычный приём, использованный Кермитом Кимом для организации демонстрации, которая в конечном счёте превратилась в массовый марш, приведший в итоге к многочисленным столкновениям, вмешательству армии во главе с Захеи и свержению правительства М. Мосаддыка. Вот как это описывает Д. Ергин: «18 августа заместитель государственного секретаря Уолтер Беделл Смит объяснил Эйзенхауэру, что операция “Аякс” провалилась, грустно добавив: “Нам

придётся по-новому взглянуть на ситуацию в Иране и приютиться под крылом Мосаддыка, если мы хотим хоть что-нибудь там сохранить. Осмелюсь сказать, что это несколько осложнит наши отношения с Великобританией”. Но на следующее утро в Тегеране вспыхнуло восстание. Генерал Захе́ди провёл пресс-конференцию, на которой раздавал фотокопии приказа шаха об освобождении Мосаддыка с поста премьер-министра. Небольшая демонстрация в поддержку шаха вдруг переросла в огромную орущую толпу, во главе которой акробаты прыгали на руках, борцы демонстрировали свои бицепсы, а огромные тяжелоатлеты вертели железные гантели. Всё возрастая, толпа хлынула в центр города, возвещая о своей ненависти к Мосаддыку и поддержке шаха. Внезапно повсюду появились портреты шаха. Машины зажгли фары, что тоже означало поддержку монарха. Начались столкновения, но преимущество явно было на стороне прошахских сил. Указ об отставке Мосаддыка и назначении Захе́ди его преемником стал широко известен. Большинство офицеров сплотились вокруг шаха, а солдаты и полиция, посланные на разгон демонстрантов, присоединились к ним. Мосаддык бежал через заднюю стену сада, и Тегеран теперь принадлежал сторонникам шаха»¹³⁵.

Начало массовым беспорядкам положила хорошо организованная, поражающая воображение иранских обывателей демонстрация-представление, в котором участвовало большое число борцов, спортсменов и гимнастов из спортивных клубов города Тегерана. Именно это ноу-хау ставится в большую заслугу Кермиту Киму, который на тот момент утратил связи со многими своими ключевыми агентами. В связи с этим нельзя не вспомнить, что Бальдур фон Ширах, его Гитлерюгенд и спортивное движение «Радость через силу» вложили большие деньги, чтобы создать в крупнейших городах Ирана и прежде всего в Тегеране борцовские, спортивные и гимнастические клубы, которые даже после войны спонсировались Атлетической федерацией, за которой стояли бывшие нацисты.

Таким образом, не подлежит сомнению, что выбор Кермита Кима Рузвельта в качестве руководителя спецоперации по свержению доктора Мосаддыка был связан не только и не столько с его достижениями, как разведчика, сколько с уникальными связями, которыми он располагал в среде Нацистского интернационала, чьё влияние не только сохранилось, но во многих компонентах даже усилилось в Иране после завершения Второй мировой войны и разгрома Третьего рейха. Иными словами, американская, а скорее всего в большей степени британская разведка прекрасно отдавали себе отчёт в том, что у сил, стоящих за доктором Мосаддыком, был не только план А, но и план Б.

Перед тем, как попытаться восстановить план Б, необходимо сделать одно принципиальное замечание. Безусловно, ни доктор Мосаддык, ни большая часть его кабинета, ни шах Мохаммад Реза Пехлеви не были нацистами. Они, а в большей степени люди и силы, стоящие за ними, собирались использовать нацистов, их возможности и ресурсы для решения собственных задач. При этом они учитывали чрезвычайно высокий уровень инфильтрации «чёрного интернационала» в экономику, политику и социальную жизнь Ирана. С другой стороны, люди, стоявшие во главе «чёрного интернационала», также намеревались использовать правительство Мосаддыка, шаха, и в целом ситуацию в Иране для достижения собственных целей. В этом смысле план Б

¹³⁵ Ергин Д. Ук. соч.

являлся своего рода результатом неформальных, возможно, даже непроговорённых, а подразумеваемых договорённостей и соглашений между этими двумя силами.

Чтобы перейти к существу плана Б, воспользуемся уникальной книгой «Досье Сарагоса»¹³⁶. Автор книги, представитель французской аристократической элиты, офицер в седьмом поколении, участник Сопротивления, один из создателей послевоенной французской разведки, близкий знакомый генерала Де Голля Пьер Феллан де Вильмаре, был одним из немногих людей, кто видел Мартина Бормана после войны. После своего выхода в свет в 2002 г. работа получила высокие оценки ведущих специалистов по истории разведки, а также специалистов, профессионально занимающихся расследованиями. В книге помимо западных архивов широко использованы архивы Штази, предоставленные автору президентом Германии Й. Гауком, а также архивы чехословацкой разведки.

4

Для того чтобы понять берлинские и иранские события лета 1953 г., необходимо перенестись на 9 лет назад, в 1944 г. «2 июля 1944 года Шмитц в сопровождении своего компаньона Георга фон Шницлера, задачей которых всегда было всемирное расширение концерна “И.Г. Фарбен”, обсуждают с Борманом и Мюллером этот проект выживания. В этот день они назначают на 10–12 августа встречу в Страсбурге, для того, чтобы мобилизовать вокруг себя большинство промышленников и банкиров, которые, впрочем, как и они сами, очень заинтересованы в том, чтобы вероятные победители Германии не отобрали у них их вклады.

Герман Шмитц все военные годы вместе со своими друзьями Куртом фон Шрёдером, Вальтером Функом, Эмилем Пулем, и английскими, французскими, американскими, нидерландскими и японскими управляющими, заседает в БМР, Банке по международным расчётам. Постоянная штаб-квартира этого БМР, созданного в 1930 году по инициативе доктора Шахта, размещается в швейцарском Базеле, под предлогом регулирования денежных потоков.

Эти люди собирались на протяжении всей войны, в количестве минимум шестнадцати, максимум двадцати четырёх человек, и на их заседаниях председательствовал американец Томас Харрингтон Маккитрик. В марте 1945 года уже этим путём около шести тонн немецкого золота должны были проследовать транзитом в Швейцарию, из которых полторы тонны были предназначены для того, чтобы оплатить Банку по международным расчётам просроченные Берлином проценты. Оставшееся золото исчезает в неизвестном направлении за пределами Швейцарии.

Герман Шмитц, которого в его среде с последней войны называют “королём маскировки” — знаток в данном вопросе. Мы увидим, как в 1948 году он предстанет перед судьями в Нюрнберге, и как он выпутается из всего этого, отделавшись приговором всего к четырём годам тюрьмы, да и то почти сразу же будет освобождён. Дело в том, что он смог наметнуть на взаимопроникновение дюжины американских транснациональных корпораций и их немецких корпоративных “сестёр” на

¹³⁶ De Villemarest P. Le dossier Saragosse. Martin Bormann et Gestapo – Muller après 1945. Paris: Lavauzelle, 2002.

протяжении дюжины лет, до и даже во время нацизма и войны, и дать понять, что они все были причастны к рождению и развитию нацизма... Советские судьи тоже не стали настаивать: ведь Шмитц мог бы разоблачить соглашения, которые Москва подписала с этими компаниями с 1922 по 1939 годы, среди которых поставки вооружений Гитлеру ещё в 1937 году, и снова с 1939 по 1941.

Гений бизнеса, Герман Шмитц был человеком, который с начала тридцатых годов буквально изобрёл промышленный шпионаж, о чём даже и не подозревали западные разведывательные службы, направлявшие свои усилия на расследование деятельности шпионов Абвера, затем СД, но никогда не обращавшие внимание на паутину, сотканную Шмитцем по всему миру.

Его план состоял в том, чтобы внедрить в представительства “И.Г. Фарбен” за границей доверенных лиц, названных “Zefis”, которые не имели никакого отношения к техническим или коммерческим вопросам, но принимали участие во всех коллоквиумах и всех светских мероприятиях, куда приглашались представители “И.Г. Фарбен”. Их задачей было только предоставлять отчёты о своих собеседниках: психологический портрет, квалификация, уязвимость, и собирать любые другие сведения, полезные для головной конторы фирмы.

Герман Шмитц и его напарник Георг фон Шницлер централизовали сведения, затем отбирали то, что казалось полезным для Абвера, для их коллег в промышленности, для Гестапо и, во всех случаях, для Бормана, как только тот возглавил партийную канцелярию вместо Рудольфа Гесса. Иначе говоря, Шмитц делал точно ту же работу, какую делали шпионы НКВД и ГРУ для Москвы, с той лишь разницей, что Кремль — за исключением разве что в некоторых банках — не располагал такой плотной паутиной осведомителей, как всемирная сеть “И.Г. Фарбен”.

В десять часов утра семьдесят семь человек были приглашены в отель “Мезон руж” (“Красный дом”) в Страсбурге, по инициативе Германа Шмитца и Георга фон Шницлера. Борман и Мюллер договорились с ними, чтобы конференция выглядела просто как частная встреча важных деятелей немецкой промышленности и крупных банкиров.

Одним из ведущих заседания был обергруппенфюрер СС (генерал рода войск) доктор Шайд, директор компании “Hermannsdorffwerke und Schenburger” (в других источниках указано название “Hermsdorf-Schönburg GmbH”. — *Прим. перев.*). Перед подиумом сидели руководители концернов “Messerschmitt” (“Мессершмитт”), “Röchling” (“Рёхлинг”), “Volkswagen” (“Фольксваген”), “Siemens” (“Сименс”), “Krupp” (“Крупп”), “Kirdorf” (“Кирдорф”) и других фирм, дотации и взносы которых Борман и Вильгельм Кепплер (генеральный директор “Dresdner Bank” — “Дрезднер Банк”, филиала “И.Г. Фарбен”) собирали для нацистской партии на протяжении тридцатых годов. Курт фон Шрёдер, Карл Раше (директор “Дрезднер Банк”), Карл Линдеман, президент Торговой палаты тоже были там. Некоторые присутствовали только 11 августа. Руководители Гестапо и СД их прикрывали и защищали...»

«Германия уже проиграла кампанию во Франции. Решение, которое мы собираемся тут принять, определит будущее Германии, которая с этого момента уже должна готовиться к экономическому сражению, которое последует за концом войны, так, чтобы обеспечить возрождение нашей страны. Нужно, чтобы мы усилили наши контакты с иностранными обществами, но каждая фирма в индивидуальном порядке, не привлекая внимания.

Должна быть подготовлена почва, чтобы мы после войны могли заимствовать за границей значительные суммы...». И Шайд подчеркнул, что многие немецкие промышленные патенты уже разделены с различными американскими транснациональными корпорациями, среди которых «Chemical Foundation», «United States Steel Corporation», «National Tube», «Carnegie» (в Иллинойсе), и т.д. Он предлагает тем, у кого нет адресов за границей, предоставить им их, чтобы инициировать сления, которые могли бы быть предметом их скрытного обсуждения.

Именно доктор Боссе, один из помощников Альберта Шпеера (доверенное лицо Ялмара Шахта), берёт слово во второй половине дня 10 августа, перед более узким составом публики, чем утром. Он упоминает французских «маки» (партизан), чтобы сказать, что в определённое время, возможно, возникнет необходимость, чтобы некоторые руководители финансов или промышленности сбежали или затаились в ожидании развития политических процессов на Востоке, на Западе, и между Востоком и Западом.

«Отныне нужно, говорил он, чтобы большие фирмы создавали конструкторские бюро и исследовательские лаборатории с сокращённым персоналом, чтобы нельзя было понять, что в них происходит. Авторы плана предусмотрели финансовые средства для их создания или обеспечения. У каждого из этих бюро будет своя связь с одним из партийных руководителей и, через него, с рейхслайтером Мартином Борманом».

(Все цитаты взяты из документов, хранившихся с 1945 года в архивах американского Казначейства. Никто, кроме американского автора Пола Мэннинга, за всё прошедшее с той поры время ими не воспользовался.)

В отличие от доктора Шайда, Боссе демонстративно подчёркивал свои нацистские убеждения. Он неоднократно упоминает о необходимости своих руководящих кадров, в то время, когда будет организовываться невидимая экономика побеждённой Германии:

«Финансовые резервы, собранные за границей, должны быть в распоряжении партии, чтобы из послевоенного времени появилась могущественная Германская империя. Все наши руководители промышленности должны с настоящего времени эвакуировать свои капиталы из страны. Партия примет любые меры, чтобы защитить их как здесь, так и за границей». Он уточняет: «Впредь два важных банка могут быть использованы для экспорта капиталов фирм, которые не предусмотрели эту операцию: “Basler Handelsbank” (Базельский торговый банк) и “Schweizerische Kreditanstalt Zürich” (Швейцарский кредитный банк в Цюрихе)... Но существует также много отделений банков в Швейцарии, которые за 5% комиссии, смогут обеспечить швейцарским прикрытием некоторое количество наших фирм»¹³⁷.

Планы вывода капиталов, разработанные на встрече в Страсбурге, получили название Операций «Капли дождя» и «Полет орла». По мнению Бормана: «Результатами этой встречи должны были стать шаги, которые определяют послевоенное будущее Германии»¹³⁸.

На встрече в Страсбурге было также принято решение, что «немецкая промышленность должна предпринимать шаги для подготовки послевоенной коммерческой

¹³⁷ De Villemarest P. Op. cit.

¹³⁸ Manning P. Martin Bormann: Nazi in Exile. N.Y.: Create Space Independent Publishing Platform, 2003.

компании — каждой фирме необходимо устанавливать новые связи и заключать соглашения с иностранными фирмами. Это должно делаться в индивидуальном порядке, чтобы не навлечь подозрения. Тем не менее партия и Третий рейх будут стоять за каждой фирмой, обеспечивая государственную и финансовую поддержку»¹³⁹.

Летом 1944 г. были определены основные маршруты вывоза капитала, научно технических разработок и патентов, а также специалистов, обладающих уникальными знаниями и навыками. Значительная часть финансовых средств была направлена в Аргентину на счета семьи Перон, в Испанию и Португалию, а также оставлены в Швейцарии и Лихтенштейне. Патенты и ноу-хау были закреплены за вновь купленными маленькими фирмами в нейтральных странах, прежде всего в Швеции и Швейцарии и легализованы в Соединённых Штатах как вклад шведских и швейцарских фирм в капитал крупнейших американских корпораций.

Лучшим косвенным доказательством для тех или иных версий политических событий являются финансовые следы. Политическая деятельность, публичная или конспиративная, всегда предполагает расходование ресурсов. Расходование ресурсов неразрывно связано с финансовыми потоками. Соответственно, отслеживание финансовых потоков, определение их хозяев, контролёров, исходных пунктов и мест назначения позволяет сделать тайное явным, а скрытое — доступным для анализа и понимания. Закономерно возникает вопрос: а существуют ли какие-либо свидетельства, доказывающие переток крупных финансовых потоков от структур, контролируемых «чёрным интернационалом», в Иран и конкретно — организациям и группам, стоявшим за правительством доктора Мосаддыка?

Исходную зацепку для поиска финансовых потоков даёт нам уже упоминавшаяся книга П. де Вильмаре. Базируясь на документах, полученных от высокопоставленных сотрудников ЦРУ, а также из архивов Штази и французских специальных служб, он пишет: «Этот невероятный вихрь Эвиты Перон, которую считали хрупкой, какой она и была на самом деле, между тем скрывал некую более тайную миссию. Нужно было переместить или разместить, смотря по обстоятельствам, суммы в десятки миллионов долларов в Италии, что охотно взял на себя её дорогой друг аргентино-итальянский банкир Додеро; в Швейцарии, где Жену знал, как взяться за дело; в Лиссабоне и в Мадриде. Поездка заканчивается апофеозом 7 августа 1947 года в Швейцарии, приёмом для 200 персон в ресторане цюрихского отеля “Баур о Лак”. На приём поспешили банкиры, среди которых был и Франсуа Жену, отвечавший до своей смерти за финансовые интересы Бормана и нескольких других нацистских руководителей»¹⁴⁰.

В 1997 г. отставной высокопоставленный работник ЦРУ, а в последующем один из самых известных журналистов-расследователей Дэвид Ли Престон опубликовал обширное расследование о швейцарских конфидентах и банкирах Третьего рейха¹⁴¹. Часть этого расследования, посвящённая Франсуа Жену, была опубликована Престоном в газете «Philadelphia Inquirer» в январе 1997 г. В результате расследования Престон выяснил, что в 1932 г. в отеле в городе Бад-Годесберг Франсуа Жену познако-

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ De Villemarest P. Op. cit.

¹⁴¹ Preston D.L. Hitler's Swiss Connection. Philadelphia: Philadelphia University Press, 1997.

мился с А. Гитлером. В ходе встречи он попросил у Гитлера разрешения на два года остаться в Германии для стажировки в молодёжных отрядах нацистской партии. После завершения стажировки он вернулся в Швейцарию, где поступил на работу в один из крупнейших и уважаемых частных банков страны, в число акционеров которого входил его отец. Следует отметить, что на протяжении всей жизни Жёну не скрывал пронацистских симпатий. Давая в 1992 г. интервью британской «Таймс», он сказал: «Мои взгляды не изменились с тех пор, как я был молодым человеком. Гитлер был великим вождем, и если бы он выиграл войну, мир был бы лучше».

В середине 1930-х годов по поручению банка он отправился на Ближний Восток, в Ливан, который в те годы назывался ближневосточной Швейцарией и был центром банковского мира Ближнего и Среднего Востока. Там он установил контакты с владельцами и управляющими крупнейшего и старейшего ливанского банка Fransabank, контрольный пакет в котором принадлежал в те годы французским ультраправым. Там же он познакомился и установил дружеские отношения со сторонником Гитлера, одним из наиболее влиятельных политических и религиозных лидеров палестинских мусульман муфтием Амином аль-Хусейни. До самой смерти последнего Жёну оставался его доверенным лицом, управляющим гигантскими средствами, которые оказались у муфтия с конца 1950-х годов. Следует отметить, что воспитанником, наследником, а, по мнению осведомлённых источников, и племянником аль-Хусейни, был многолетний лидер палестинских арабов, руководитель ФАТХ, распорядитель гигантских палестинских фондов Ясир Арафат.

Перед войной и в годы войны Жёну выполнял тайные операции для Абвера. Кроме того, он подружился с генералом Карлом Вольфом, личным адъютантом Г. Гимmlера, познакомился с М. Борманом и Г. Мюллером, для которых выполнял специальные финансовые поручения. Любопытно, что в годы войны его куратором по линии Абвера был офицер по фамилии Диккопф, который в последующем стал крупным чиновником, а с 1968 по 1972 г. был руководителем Интерпола. После войны Жёну действовал на основе доверенностей, которые ему оставили Гитлер, Борман и Геббельс. Сразу после окончания войны Жёну выступал посредником в контактах между скрывающимися нацистами и представителями швейцарской и французской разведок. Начиная с 1948 г., он создаёт целый ряд крупных компаний в Швейцарии, включая Марокканский финансовый институт, Ливано-арабскую экспортно-импортную компанию, Институт инвестирования в модернизацию Востока и ряд других. Эти компании использовали как средства нацистов, находящиеся на швейцарских счетах, так и переданные Эвитой Перон многомиллионные ресурсы, первоначально размещённые на счетах семьи Перон в Латинской Америке.

Во всех этих институтах и компаниях партнёром Жёну был главный финансист и банкир Третьего рейха, по сути избежавший сколько-нибудь серьёзного наказания в Нюрнберге, Ялмар Шахт. В сирийских филиалах компании Жёну – Шахта третьим партнёром выступает заместитель Эйхмана, старший эсэсовский офицер Алоиз Бруннер, долгие годы отвечавший за службу собственной безопасности Хафеза Асада. В Египте предприятия Жёну спонсировали Движение молодых офицеров во главе с Гамалем Абдель Насером и Анваром Садатом. Кстати, Ялмар Шахт выступал финансовым советником Движения, а затем и правительства Насера и организовывал для него международное финансирование. Кроме того, Жёну и Шахт были

тесно связаны с королевской семьёй Марокко, правительством Туниса и военными режимами Алжира, особенно в период прихода к власти Бен Беллы.

Известно, что в начале 1952 г. по решению Жёну – Шахта их Институт инвестирования в модернизацию Востока, который держал свои счета в лихтенштейнском частном банке «Kaiser Partner Privatbank», перечислил 34 млн долларов через американские корреспондентские счета в итальянский банк, контролируемый папским престолом, — «Кредито Италяно», а оттуда — в дружественный Жёну «Fransabank» в Бейруте¹⁴².

В начале 1952 г. Мосаддык выдвинул тезис: «Экономика без нефти». Суть этого тезиса заключалась в том, чтобы стабилизировать государственный бюджет без доходов от нефти. Поэтому были подготовлены законы и постановления, содействовавшие развитию хозяйственной деятельности страны. Программа «Экономика без нефти» была разработана экономическим советником Мосаддыка Ферюзи и известным иранским интеллектуалом Хосейном Макки, человеком Кашани. Следует также подчеркнуть, что, так же, как и Кашани, Макки активно участвовал в организациях, созданных Абвером в годы Второй мировой войны.

Изданные правительством постановления стимулировали развитие частного сектора. Это были законы, поддерживающие экспорт, освобождающие от таможенных сборов импорта машин и оборудования, необходимых для развития промышленности и др. Для расширения экспорта в 1952 г. открылся коммерческий Банк по добыче и экспорту ископаемых, а в 1953 г. — Банк развития экспорта. Известно, что каждому из этих банков бейрутский «Fransabank» открыл кредитные линии за счёт средств, размещённых Франсуа Жёну и Ялмаром Шахтом¹⁴³. Более того, известно, что Жёну и Шахт обеспечили оборотными средствами независимую итальянскую компанию «Супер», осуществившую самую большую закупку нефти у Ирана для удовлетворения энергетических нужд Марокко. Известно также, что Ялмар Шахт в течение первой половины 1953 г. вёл переговоры с правительством Ирана о постройке для Ирана на немецких верфях флота танкеров, которые могли бы поставлять персидскую нефть по всему миру. В последующем этот договор был повторен для Саудовской Аравии и получил название «договора Джидды». Кстати, интересно, что по обоим договорам финансовое обеспечение помимо персидских и саудовских денег должен был предоставить знаменитый греческий магнат Аристотель Онассис. Он же должен был отвечать за эксплуатацию танкерных флотов¹⁴⁴.

Полагаю, что приведённых сведений и фактов с лихвой хватает для того, чтобы с достаточно высокой степенью вероятности выдвинуть гипотезу о наличии плана Б. Осталось только разобраться, в чём же было существо плана Б как для иранцев, так и для руководителей «чёрного интернационала». Представляется, что понять это невозможно, если не увязать события в Иране лета 1953 г. с синхронно проходившим Берлинским кризисом. Однако прежде чем выдвинуть предположение, необходимо несколько слов сказать о крайне деликатной, щепетильной теме.

¹⁴² Racey R. Levantine Harbor Nazi Money. http://elibrary.bsu.az/books_400/N_387.pdf

¹⁴³ Racey R. Op. cit.

¹⁴⁴ Michael G. The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2006.

Во введении к настоящей работе уже отмечалось принципиальное различие пропагандистского и аналитического методов. Ни один из них не лучше другого. Они просто предполагают различные цели и задачи. И коль скоро данный тезис верен, то с необходимостью следует сделать вывод о том, что при аналитическом рассмотрении тех или иных событий они должны браться во всей своей полноте, противоречивости и неоднозначности. Исследователь, решающий аналитическую задачу, не может позволить себе работать с привлечением критериев этичности, моральности и т.п. Его задача — вскрыть механизмы и понять алгоритмы исторических действий, а не оценивать различных участников событий, исходя из той или иной ценностной системы координат. Последнее относится к сфере пропаганды и выполняет иные функции, нежели аналитика.

Дополнительно следует сказать, что реальная разведка и спецоперации не имеют ничего общего не только с их художественным отражением, но и с описанием в подавляющем большинстве различного рода мемуарной и документальной литературы. Так или иначе, большинство этих работ рассчитано на читателя, профессионально не занимающегося разведывательной деятельностью, а потому смотрящего на мир глазами человека, далёкого от повседневной деятельности по решению экстремальных задач. Соответственно, у читателя имеется вполне сформировавшаяся система морально-этических координат, через которую он пропускает всю поступающую информацию. Совершенно ясно, что без крайней надобности деформировать эту систему не стоит. Между тем, разведывательная деятельность по своему характеру предполагает достижение целей любой ценой. Здесь зачастую оказывается не просто верной, а единственно возможной доктрина иезуитов относительно того, что цель оправдывает средства. Соответственно, в значительной мере реальная деятельность в сфере разведки и спецопераций лежит за рамками традиционных нормативных морально-этических систем и является воплощением известной максимы Ф. Ницше о деятельности «по ту сторону добра и зла». В «диком зеркале», как назвал разведку человек, профессионально занимавшийся этой деятельностью, Джон Ле Карре, этические и прочие нормы носят ситуативный и целесообразный характер.

Данное предупреждение понадобилось для того, чтобы сделать весьма неоднозначное утверждение. Речь о том, что на сегодняшний день имеется уже критическая масса материалов, позволяющих говорить не как о гипотезе, а как о доказанном факте относительно сотрудничества советской разведки с отдельными руководителями Третьего рейха и «чёрного интернационала», в первую очередь — с М. Борманом, Гестапо-Мюллером и целым рядом других. Если от свидетельства Р. Гелена в его книге «Служба» можно было отмахнуться¹⁴⁵, то масштаб собранных и опубликованных П. де Вильмаре материалов, включая архивы Штази, чехословацкой разведки и т.п., заставляет посмотреть на всё это иначе. В связи с этим также нельзя не отметить работу Теннета «Пита» Бэгли «Мастер шпионажа»¹⁴⁶. Книга написана в основном по результатам бесед Бэгли — одного из руководителей со-

¹⁴⁵ Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М.: Центрполиграф, 2004.

¹⁴⁶ Bagley T.H. Spymaster. Startling Cold War Revelations of a Soviet KGB Chief. L.: Skyhorse Publishing, 2013.

ветского подразделения ЦРУ — Сергеем Александровичем Кондрашовым, легендарным советским разведчиком, длительное время руководившим нелегальной разведкой ПГУ КГБ СССР.

В принципе можно было бы выразить некоторые сомнения относительно этой публикации, поскольку автор — цэрэушник, да и вышла книга через шесть лет после смерти Кондрашова. Однако Бэгли — автор нескольких книг, где ни один эксперт в области разведки не обнаружил ляпов или документальных фальсификаций. Кроме того, и это самое главное, основной материал, связанный с взаимодействием советской разведки с М. Борманом, Гестапо-Мюллером, и другими приводится в книге не по беседам с Сергеем Александровичем Кондрашовым, хотя он и упоминает об этих контактах, а по воспоминаниям бывшего главы государственной безопасности Чехословакии, министра внутренних дел Рудольфа Барака, который до самой своей смерти придерживался коммунистических убеждений. Воспоминания Рудольфа Барака хранятся в архивах, и к ним имел доступ не только Бэгли, но и несколько ранее де Вильмаре, который беседовал с Бараксом лично. При этом оба автора отмечали, что с нацистской верхушкой взаимодействовала не только советская разведка, но и в первую очередь сами американцы, французы и в несколько меньшей степени — британцы. Это взаимодействие было обусловлено конкретной ситуацией послевоенного мира и государственными интересами каждой из стран бывшей антигитлеровской коалиции. В полном объёме эта тема далеко выходит за рамки настоящей работы, поэтому мы остановимся лишь на аспекте, имеющем отношение к тесно связанным друг с другом с германским и иранским кризисами 1953 г.

Весьма вероятно, что ситуация складывалась примерно следующим образом. Сам по себе Мосаддык, будучи космополитом и «человеком мира», видел выход из кризиса в традиционной персидской политике балансирования между различными центрами силы и организации сознательных кризисов во взаимоотношениях между ними, заставлявших их рассматривать Иран как важного партнёра. Такая политика использовалась задолго до Мосаддыка и применяется после. Однако в большинстве случаев не завершается успехом для тех, кто оказывается между молотом и наковальней. Поэтому можно сделать вывод о том, что Мосаддык был не столько активным действующим лицом в большой геополитической игре, сколько, хотя и весьма важной, но всего лишь фигурой — одной из — на шахматной доске Среднего Востока. Реальными игроками с иранской стороны выступали аятолла Кашани, его зять, крупный землевладелец Каномобазы, ведущий иранский специалист по нефтяному бизнесу Хосейн Макки — доверенное лицо Кашани — и Мозаффар Багаи, обеспечивающий наряду с шиитским духовенством массовую поддержку движению против АИНК. Хорошо известно, что по крайней мере трое из указанных деятелей были тесно связаны с германской разведкой в годы Второй мировой войны и с «чёрным интернационалом» после неё.

Представляется, что до июня 1953 г. их надежды были связаны с созданием советско-германской коалиции, которая убедит Черчилля пойти на компромисс в Иране относительно судеб АИНК. Если Мосаддык весьма тепло относился к американцам и многократно демонстрировал это, то Кашани и его люди использовали в отношении Америки примерно ту же лексику, что и в последующем аятолла Хомейни. Подтверждением именно такого расклада в иранских верхах являются не-

давно рассекреченные документы из советских архивов. Уже в августе 1951 г. в сообщении советского посольства из Тегерана, подписанного послом И. Садчиковым, говорилось: «Мосаддык не оправдал надежд. Он до сих пор не смог да и вряд ли сможет добиться разрешения нефтяного вопроса, ради чего и пришёл к власти... Правительство Мосаддыка падёт и в том случае, если нефтяной вопрос будет разрешён, и в том случае, если он не будет разрешён»¹⁴⁷.

Здесь уместно кратко охарактеризовать посла И. Садчикова. Он имел богатый дипломатический опыт и был близок к главе высшего органа управления советской дипломатией после Великой Отечественной войны, внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) — КПСС В.Г. Григорьяну. В свою очередь Григорьян был полностью «человеком Л.П. Берии». Соответственно однозначная оценка Мосаддыка Садчиковым, весьма ценимого в Москве как человека, который успешно решил проблемы, возникшие в Чехословакии в послевоенные годы, имела чрезвычайно большое значение не только для Берии и мало что значащего Вышинского, но и для И.В. Сталина. Особенно впечатляет телеграмма Садчикова на фоне негодования Москвы в отношении советской резидентуры в Тегеране. 10 августа 1951 г. резидентура в Тегеране получает оценку своей работы из Москвы: «Вы не сумели своевременно разобраться в нарастающем движении за национализацию нефти и использовать его в целях ослабления американского и английского влияния»¹⁴⁸. Но критикой дело не ограничилось. Резидентура получает конкретные указания: «Безотлагательно и в самые короткие сроки изучите возможности использования в интересах СССР, — указывалось в письме в резидентуру, — националистически настроенных кругов Ирана, группирующихся вокруг Мосаддыка, Кашани, Багаи и других находящихся в оппозиции к шаху противников англо-американского засилья в стране»¹⁴⁹.

Приведённая телеграмма показывает, что в тот период советская сторона и прежде всего Л.П. Берия, сохранивший огромное влияние на разведывательный аппарат, по всей вероятности, была вполне готова к совместной советско-германской игре в Иране против англосаксов. Данный вывод можно сделать из анализа политических деятелей, упомянутых в тексте. М. Мосаддыка не упомянуть было нельзя. Чрезвычайно характерна рекомендация наладить тесный контакт с аятоллой Кашани и его окружением. Ещё более интересно упоминание Мозаффара Багаи. В этот период он возглавлял Партию трудящихся Ирана, противостоящую коммунистической и промосковской «Туде». Партия трудящихся Ирана по всем основным вопросам блокировалась с откровенно неонацистской партией СОМКА. Сам М. Багаи в 1930-е годы неоднократно посещал Германию и изучал там опыт работы НСДАП среди рабочих, а в военный период сотрудничал с Абвером. Учитывая чрезвычайно высокий уровень насыщенности советской агентурой иранского общества в военный период, в Москве не могли не знать о контактах и связях Кашани, Багаи и других деятелей, с которыми рекомендовано было наиболее тесно работать.

¹⁴⁷ Из дневника И. Садчикова. Из беседы с бывшим послом Ирана в Москве Гамидом Сайяхом. 16.08.1951 г. АВП РФ, ф. 094, оп. 55, п. 388, д. 8, л. 36.

¹⁴⁸ Очерки истории российской внешней разведки. Т.5. М.: Международные отношения, 2003.

¹⁴⁹ Там же.

Нельзя не упомянуть, что выдающийся советский востоковед Григорий Львович Бондаревский, сам в годы войны служивший в системе ГРУ в Иране, в последние годы жизни разрабатывал тему взаимодействия советской разведки и «чёрного интернационала» на Ближнем и Среднем Востоке. Понятно, что в силу своих знаний, многолетней работы в системе военной и политической разведок Бондаревский детально владел предметом своих исследований и мог бы внести ясность по многим вопросам. Однако от огромного архива, посвящённого этой теме, после его смерти осталась лишь небольшая рукопись «Гитлер и Ближний Восток», опубликованная в книге «Профессор Григорий Бондаревский и его научная школа востоковедов-международников»¹⁵⁰. Согласно официальной версии, профессор Бондаревский, до последних дней своей жизни активно разрабатывавший, в том числе с Шиллеровским институтом Линдона Ларуша и в первую очередь с группой супругов Либег весьма острые и актуальные темы, был убит соседом-наркоманом, понадеявшимся получить от профессора денег. Однако интересно, что после убийства наряду с папками, посвящёнными нацистскому интернационалу на Ближнем и Среднем Востоке, пропал ещё целый ряд материалов, которые он в последние дни своей жизни показывал коллегам и ученикам.

5

Поскольку реализация плана Б тесно увязывала динамику ситуации в Иране с событиями вокруг Германии, необходимо глубже погрузиться в перипетии Германского кризиса лета 1953 г. Его корни лежали в послевоенных событиях, складывавшихся вокруг дальнейших судеб Германии. Фактически проявилось два принципиально разных взгляда на будущее побеждённой Германии. Один был связан с так называемой «национальной линией И.В. Сталина», второй — с концепцией членения и подчинения Германии, отстаиваемой в первую очередь администрацией Трумэна.

Подход Советского Союза предполагал создание единой миролюбивой, демилитаризованной Германии. Поскольку создание такой Германии было невозможно без поддержки национальных сил, И.В. Сталин исходил из необходимости формирования максимальной широкой коалиции самых различных идеологических течений, организационных структур и социальных слоёв и групп, заинтересованных в единой Германии. В эту коалицию он был готов включить и бывших нацистов. Недавно были рассекречены различные архивы и историкам стали доступны документы, позволяющие сделать однозначный вывод о предельном прагматизме И.В. Сталина в подходе к единой Германии. Так, на встрече с руководством СЕПГ он высказал целый ряд важных оценок, предложений и мыслей относительно реализации национальной линии в конкретных послевоенных условиях.

¹⁵⁰ Профессор Григорий Бондаревский и его научная школа востоковедов-международников. М.: Издатель Воробьев А.В., 2011.

«31 января 1947 г.

Сов. секретно

Запись беседы тов. И.В. Сталина

с руководителями Социалистической единой партии Германии

В. Пиком, О. Гротеволем, В. Ульбрихтом, М. Фехнером и Ф. Эльснером

31 января 1947 г. в 21 час. 00 мин.

Во время беседы присутствуют: тт. В.М. Молотов, М.А. Суслов (зав. Отделом внешней политики ЦК ВКП(б)), В.С. Семёнов (политический советник по делам Германии), Н.Н. Волков (переводчик).

Тов. Сталин спрашивает: «Много ли в Германии фашистских элементов? В процентном отношении? Какую силу они представляют? Приблизительно можно сказать? В частности, в западных зонах?».

Гротеволь отвечает, что он затрудняется ответить на эти вопросы, но он может дать тов. Сталину длинный список фашистов, находящихся на руководящих постах в западных зонах.

Тов. Сталин спрашивает, будет ли большим удельный вес голосов бывших фашистов при плебисците.

Гротеволь отвечает, что это зависит от того, по какому вопросу будет проводиться плебисцит. При плебисците о единстве Германии фашистские голоса не будут иметь большого значения. При общих выборах их значение больше, поскольку они выступают под прикрытием буржуазных партий.

Тов. Сталин спрашивает, есть ли среди бывших фашистов толковые люди, хорошие организаторы.

Гротеволь отвечает, что все они реакционеры.

Тов. Сталин спрашивает: «Расколоть их нельзя?».

Гротеволь отвечает, что это можно сделать на базе плебисцита.

Тов. Сталин замечает: «До голосования?! Например, в советской зоне есть свои фашисты. Нельзя ли им позволить организовать свою партию под другим названием? Чтобы не толкать всех к американцам». Тов. Сталин говорит, что по отношению к фашистам они (руководители СЕПГ) имели курс на уничтожение. Может быть, надо дополнить этот курс другим курсом на привлечение, чтобы не всех бывших фашистов толкать в лагерь противников?

Гротеволь возражает, что пока нацисты сидят на руководящих постах в западных зонах, такой курс СЕПГ был бы непонятен массам трудящихся на западе.

Тов. Сталин говорит, что это следовало бы сделать у себя, в советской зоне, чтобы в западных зонах фашисты поняли, что не всех их будут уничтожать.

Пик возражает, что это невозможно.

Тов. Сталин замечает: «Невозможно? Мне казалось, что возможно».

Пик говорит, что до сих пор СЕПГ отличала номинальных нацистов от активных нацистов. Против активных нацистов велась борьба.

Тов. Сталин спрашивает: «Не очень активных нацистов от очень активных нацистов?!»

Пик говорит, что такой подход был бы очень трудным для СЕПГ.

Тов. Сталин говорит, что это было бы неплохо. Были же в фашистской партии патриотические элементы. Их надо завербовать на свою сторону. Может быть,

взять кого-либо из средних деятелей бывшей нацистской партии или из бывших лидеров. Такие люди, вероятно, есть.

По мнению Ульбрихта, этим можно будет заняться после Московской конференции. Налицо возможность расколоть бывших нацистов, особенно молодёжь, по вопросам о национализме и о социализме. Многие из молодых нацистов искренне верили тому, что фашистская партия была национальной и социалистической. До Московской конференции этого сделать невозможно.

Тов. Сталин разъясняет, что он не имел в виду привлечь бывших фашистов на сторону СЕПГ. Они на это не пойдут. Он, тов. Сталин, говорил о том, чтобы дать им поощрение, позволить организовать свою партию с тем, чтобы эта партия работала в блоке с СЕПГ.

Пик указывает, что многие бывшие нацисты уже входят в существующие в советской зоне оккупации буржуазные партии — ХДС и ЛДП.

Тов. Сталин говорит, что надо создать для бывших нацистов какую-то партию, которая притянула бы к себе патриотов и неактивные элементы из бывшей национал-социалистической партии. Тогда они не стали бы бояться, что социалисты их уничтожат. В бывших фашистах живёт страх. Надо их нейтрализовать. Это проблема тактики. Ничего непринципиального или беспринципного в этом нет. И если в отношениях с бывшими фашистами взять другую линию, то она даст хорошие результаты.

Пик говорит, что в советской зоне нацисты голосовали за буржуазные партии.

Тов. Сталин отвечает, что это — безусловно. Нацисты боятся, что вы их будете уничтожать. Но их уже достаточно уничтожали. Следует дать облегчение тем, которые не продавались и которых можно повернуть на коалицию. Нельзя забывать, что элементы нацизма живы не только в буржуазных слоях, но также среди рабочего класса и мелкой буржуазии.

Пик выражает сомнение, как может разрешить такую партию Советская военная администрация в Германии.

Тов. Сталин смеется. Он, тов. Сталин, постарается, чтобы такую партию разрешили. Её можно назвать «национал-демократической партией» или как-нибудь иначе, дело не в названии. Но старое название давать не стоит. Так можно будет разложить тот лагерь, который собирается вокруг англичан и американцев. Теперь они всех пугают, дескать, в советской зоне все сидят и всех уничтожают. А мы скажем, неверно это. Вот они даже организовали собственную партию! Может быть, это можно устроить. Ничего недопустимого в этом нет.

Гротеволь замечает, что с идеологической точки зрения СЕПГ осуждает нацистскую партию, которая была носителем агрессии.

Тов. Сталин возражает, что это будет миролюбивая партия.

Гротеволь говорит, что у нацистов до сих пор жива теория «жизненного пространства» (лебенсraum).

Тов. Сталин возражает: «Нет. Германия побеждена, какая может быть теория о жизненном пространстве?».

Эльснер говорит, что Гротеволь имел в виду фашистскую идеологию, которая ещё осталась в Германии.

Тов. Сталин спрашивает: «Ничего больше не осталось?».

Гротеволь говорит, что СЕПГ борется против нацистских теорий и всего нацистского наследства.

Тов. Сталин говорит: «Правильно. Но они (бывшие фашисты. — *И.С.*) должны сами бороться. Лучше это делать их руками».

Гротеволь соглашается, но указывает, что для этого ещё не созрело время. Кроме того, прикрываясь лозунгом жизненного пространства, фашисты выступают за ревизию восточной границы.

Тов. Сталин отвечает, что это означает войну. Воевать они не захотят. Восточная граница — это совсем другой вопрос. Он не имеет отношения к вопросу о бывших фашистах. Такой вопрос могут ставить только те, кто забывает, что германская армия уничтожена и что её не существует больше. Постановка вопроса о восточной границе означает войну. По мнению тов. Сталина, для таких элементов из бывшей фашистской партии, о которых он говорил, главное — это вопрос о существовании. Они пойдут туда, где их не убивают, не арестовывают. Не жизненное пространство, а вопрос об их собственной жизни — это для них главное.

Пик говорит, что такая установка представляет очень серьёзную дилемму для СЕПГ, поскольку СЕПГ выступает за строгую денацификацию на западе, где злейшие реакционеры из бывшей нацистской партии сидят на руководящих постах.

Тов. Сталин говорит, что речь идёт не о реакционерах. Реакционеров нельзя пускать в новую партию, но только патриотов и неактивных фашистов. Речь идёт о рабочих, интеллигенции, крестьянах. Тогда они оживут и воспрянут духом. Надо, чтобы бывшие фашисты не пошли по другому пути. Этот вопрос надо решить. Вопрос интересный. В фашистской партии было много людей из народа. Конечно, если СЕПГ считает, что этот вопрос ещё не назрел, то СЕПГ лучше знать об этом. Тогда он, тов. Сталин, молчит и снимает этот вопрос. Но, может быть, всё-таки вопрос назрел? Надо подумать. Тов. Сталин уверяет, что он, Сталин, не стоит за реакцию. Ничего тут страшного нет. Надо их пустить в новую партию. А в отношении западных зон позиция СЕПГ правильная.

Гротеволь замечает: «После Московской конференции...».

Тов. Сталин говорит, что это нужно обдумать».¹⁵¹

Основные положения этой беседы были реализованы на практике. В 1948 г. для бывших членов НСДАП в Восточной Германии была создана «Национал-демократическая партия Германии», которая вошла в правящую коалицию и на протяжении всего периода существования ГДР была представлена в парламенте. Кроме того, к 1953 г. в СЕПГ насчитывалось около 100 тыс. бывших членов НСДАП (чуть меньше 9% от общей численности), а в руководящем звене этот процент достигал даже 14%. Особенно широко бывшие члены НСДАП были представлены в руководстве Национальной народной армии, в Штази, а также на радио и телевидении.

Несмотря на значительные усилия, предпринимавшиеся Советским Союзом по сохранению единой Германии, к концу 1940-х годов произошёл раскол на Западную и Восточную Германию, соответственно — на ФРГ и ГДР. В значительной сте-

¹⁵¹ СССР и Германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2003. Т.3. С. 244–253. http://www.idd.mid.ru/doc/germania_page_1-143.pdf

пени это стало результатом негибкости И.В. Сталина именно в германском вопросе. Политика единой Германии реализовывалась в рамках планов советизации западной части Германии. Как отмечал И.В. Сталин, «вся Германия должна быть наша, т.е. советская, коммунистическая». Такая позиция существенно облегчила американцам раскол Германии на две части, нейтрализацию сильных национальных настроений в западной части Германии, и, в конечном счёте, способствовала созданию ФРГ, во главе с Конрадом Аденауэром.

Несмотря на фактический раскол Германии, сразу после смерти И.В. Сталина заметно активизировались усилия значительной части высшего советского руководства по созданию объединённой Германии, включающей в себя и ГДР, и ФРГ. Этому в значительной степени способствовал и приход к власти в Британии правительства консерваторов во главе с У. Черчиллем. «11 мая 1953 года Черчилль выступил с большой внешнеполитической речью в палате общин и в который раз призвал к немедленному созыву встречи в верхах “большой четвёрки”, чтобы умиротворить Европу “новым Локарно”. Хотя Черчилль конкретно не назвал повестку дня будущей конференции великих держав, всем было ясно, что речь в первую очередь пойдёт о Германии, так как германский вопрос был основным в мировой политике 1953 года. Аденауэр был потрясён тем, что Черчилль отводил русскому народу видное место в мировой политике и был готов учитывать легитимные интересы безопасности Москвы в Европе. Правительство Великобритании устами Черчилля недвусмысленно приветствовало позитивные тенденции во внешней политике СССР.

В начале мая 1953 года Аденауэр с ужасом узнал, что британский премьер готов в одиночку и без всяких условий ехать в Москву. Эйзенхауэр выразил резкое несогласие с такими планами, но смог добиться от упрямого англичанина только одного — обещания не совершать визита в СССР до конца июня (запомним этот немаловажный факт)»¹⁵².

Н.Н. Платошкин связывает коренные изменения в подходе к германскому вопросу с именем Л.П. Берии. Он пишет: «В отличие от Маленкова и особенно Молотова, у Берии были столь радикальные планы во внешней и внутренней политике, что он сразу стал укреплять и реформировать “под себя” силовые структуры СССР, так как предчувствовал сопротивление своим реформам. МГБ было включено в МВД, в котором ближайший соратник Берии и бывший шеф Управления советским имуществом в Германии (УСИГ) Богдан Кобулов стал куратором внешней разведки в ранге первого заместителя министра.

Берия внимательно следил за разногласиями в западном лагере по германскому вопросу. Так, 19 марта 1953 года он получил сообщение внешней разведки МВД об “ультиматуме США Франции” с целью скорейшей ратификации Парижского договора. Интересно, что другие члены Президиума ЦК КПСС (так тогда называлось Политбюро) этой информации не получили.

Почти сразу после смерти Сталина Берия и Маленков предложили вывести советские войска из Австрии без всяких предварительных условий, чтобы продемонстрировать Западу решимость СССР разрешить все спорные вопросы, включая германский. Однако Молотов, имевший ещё очень большой авторитет в послесталин-

¹⁵² Платошкин Н.Н. Ук. соч.

ском руководстве СССР, высказался против столь смелого шага, настаивая на необходимости получить от Запада какие-нибудь уступки.

Что касается непосредственно Германии, то Берия выступал за немедленное объединение страны на капиталистической основе. Удивительным образом его логика совпадала здесь с опасениями британского Форин-офис. Если Германия воссоединится благодаря СССР, полагал Берия, то она будет чувствовать признательность и поможет Советскому Союзу в экономическом плане (именно роста советско-германской торговли в случае объединения всерьёз опасались английские дипломаты). Маленков был склонен поддержать Берия. Но Хрущёв и Молотов, как и в случае с Австрией, были против односторонней сдачи ГДР. Позднее, после ареста Берии, Хрущёв именно так и описывал планы Берии: «Он (то есть Берия) предложил отказаться от строительства социализма в ГДР и сделать уступки Западу. Это всё равно, что сдать американской империалистической гегемонии восемнадцать миллионов немцев»¹⁵³.

Инициативы Берии получили неоднозначную оценку у мемуаристов, значительная часть которых так или иначе была задействована в этих событиях. Как пишет один из ведущих российских германистов А.Н. Филитов в статье «СССР и ГДР, год 1953»: «Ещё в 60-е годы Н.С. Хрущёв публично обвинил Л.П. Берия и Г.М. Маленкова в том, что в период непосредственно после смерти Сталина они были готовы договориться об объединении Германии на западных условиях — путем “сдачи” ГДР; лишь арест Берии положил конец этим планам. В последнее время достоверность этой версии, казалось бы, лишь возросла: свидетельства в её пользу содержатся в воспоминаниях как политических противников Хрущёва, в первую очередь В.М. Молотова, так и менее ангажированных свидетелей — дипломатов типа А.А. Громыко или В.С. Семёнова; в наиболее полном виде её развил в своих мемуарах ветеран советских спецслужб П.А. Судоплатов. Различия лишь в деталях и эмоциях: большинство мемуаристов пишут о “плане Берии по Германии” с возмущением и негодованием, тогда как, положим, тот же Судоплатов — с явным одобрением, к которому добавляется сожаление по поводу того, что его не удалось реализовать из-за того, что “бериевское междуцарствие” оказалось слишком кратким. Последняя точка зрения господствует и среди историков Запада»¹⁵⁴.

В этой же статье А.Н. Филитов приводит подробные архивные данные относительно обсуждения вопроса о ГДР в мае 1953 г. представителями высшего советского руководства. Согласно найденным им в архивах материалам, в руководстве сложилась примерно следующая ситуация. Л.П. Берия поддержал Г.М. Маленков, категорически против выступили Н.С. Хрущёв, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович и высшие военные. Что же до хозяйственников, то они заняли уклончивую позицию. В итоге обсуждение не сформировало какой-то законченной позиции, и вопрос было решено перенести на более поздние сроки.

Рассматривая предложение Л.П. Берии в исторической ретроспективе, многие неангажированные исследователи, основываящие свои выводы в том числе на результатах крупномасштабных математико-имитационных экспериментов, моделирующих различные пути развития Германии и СССР, приходят к заключению

¹⁵³ Платошкин Н.Н. Ук. соч.

¹⁵⁴ Филитов А.Н. СССР и ГДР, год 1953 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 123–135.

о практической реализуемости и предпочтительности для СССР предложений Берии. При их реализации открылись бы принципиально новые возможности для социально-экономического развития СССР и значительно укрепилось бы его положение на международной арене, в том числе за счёт создания принципиально новых международных коалиций и конфигураций. Что же касается Германии, то с учётом конкретной расстановки социально-политических сил в стране к власти с чрезвычайно высокой степенью вероятности пришла бы позитивно настроенная к СССР левоцентристская коалиция социал-демократического типа.

Бросается в глаза, что при рассмотрении германского вопроса в советском руководстве по сути сформировались две противостоящие друг другу коалиции. Одна включала представителей государственного аппарата, спецслужбы и значительную часть хозяйственников, а другая — партийцев, старую сталинскую гвардию, пережившую чистки, и военных. Первую коалицию олицетворял собой Л.П. Берия, вторую — Н.С. Хрущёв. Формирование именно таких коалиций неудивительно, поскольку их конфигурация предопределена в значительной степени объективными интересами различных групп в советской правящей элите. Первая коалиция фактически базировалась на советском варианте так называемой международной школы *Realpolitik*. Вторая же стала результатом консолидации партноменклатуры с корпоративными интересами военной элиты, заинтересованной в обострении международной обстановки и бесконтрольном наращивании низкотехнологичных военных расходов. На последнее хотелось бы обратить особое внимание. Советская военная элита той поры была сформирована Великой Отечественной войной и, как показывает анализ трудов военных теоретиков, а также книг, написанных советскими маршалами, они, вплоть до катастрофы СССР, за редкими исключениями, типа С.Ф. Ахромеева, мыслили новую войну, как продолжение старой, с учётом атомного оружия, как фактора сдерживания. Иными словами, значительная часть военной советской элиты в период с 1945 по 1991 г. последовательно выступала за экстенсивное развитие Вооружённых Сил и создание количественного превосходства по любым типам вооружения перед потенциальным противником. В итоге сложившийся антибереевский блок партноменклатуры и военной элиты, в конечном счёте, привёл к обескровливанию советской экономики и в значительной степени преопределил крах СССР.

Несмотря на нерешённость вопроса о германской политике на уровне высшего советского партийно-политического руководства, Л.П. Берия и его сторонники продолжали активно действовать. «В принципе Берия действовал вполне в духе “ноты Сталина” от 10 марта 1952 года. Но только в отличие от уже престарелого в 1952 году вождя, он проводил свои планы в жизнь со свойственным ему напором и энергией. Если бы Черчилль всё-таки вырвался в Москву в мае — начале июня 1953 года и провёл переговоры с советской делегацией, в которой, несомненно, тогда участвовал бы и Берия, в германском вопросе, по всей вероятности, был бы достигнут исторический прорыв.

Одновременно Берия направил в Вену известную советскую разведчицу и специалиста по Германии Зою Рыбкину. Она должна была восстановить оперативный контакт с работавшей раньше на советскую разведку актрисой Ольгой Чеховой, постоянно проживавшей в ФРГ. Через неё Берия хотел прозондировать готовность

Аденауэра к компромиссу по германскому вопросу (сам Берия полагал, что ГДР должна была пользоваться в составе единой Германии определённой автономией, чтобы сохранить хотя бы некоторые свои социальные завоевания). С миссией в Ватикан был послан другой ас советской разведки — Григулевич, который должен был выйти на католика-канцлера через папский престол. Берии очень нужна была позитивная реакция Запада на свои внешнеполитические инициативы, так как её отсутствие было основным аргументом его противников в руководстве СССР»¹⁵⁵.

Вполне очевидно, что восстановление оперативных контактов с Ольгой Чеховой и выход на ключевые фигуры в Ватикане были связаны не только и не столько, как пишет Н. Платошкин, со стремлением установить прямые отношения с Конрадом Аденауэром, сколько с необходимостью заручиться поддержкой наиболее мощных финансово-промышленных и военных кругов Германии, связанных с «чёрным интернационалом». Политическая реальность того времени была такова, что именно эти круги за кулисами не только оказывали серьёзное воздействие на решения кабинета Аденауэра, но и, что гораздо более важно, тесно взаимодействовали с реальными хозяевами Америки. Л.П. Берия был слишком искушённым политиком, чтобы не понимать, что подлинные ключи к решению германской проблемы лежат не в Бонне, а в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Любому человеку, интересующемуся историей Третьего рейха, хорошо известна роль Ольги Чеховой и её близость не только к А. Гитлеру, но и к Г. Герингу и тем финансово-промышленным кругам, которые стояли за ним и за Мартином Борманом. Что же до миссии Григулевича, то опять же понятно, что Рим был интересен и ценен не только и не столько связями с Конрадом Аденауэром, сколько контактами с «чёрным интернационалом», а также военным крылом Ордена мальтийских рыцарей, чьи члены занимали ключевые позиции в разведывательных и военных структурах администрации Д. Эйзенхауэра.

Есть основания полагать, что миссии Рыбкиной и Григулевича достигли успеха. В результате этого В. Ульбрихт и его группа, полностью ориентировавшиеся на Хрущёва и советскую военную администрацию, с одной стороны, и Конрад Аденауэр, и значительная часть американских военных — с другой, оказались перед лицом крупномасштабной катастрофы. В ходе интервью Серго Берии Дмитрию Гордону он указал, что к июню 1953 г. у отца всё было готово для того, чтобы объявить о создании единой Германии и нормализовать советско-американские и советско-британские отношения. Единственное, что могло помешать этому плану, это форс-мажорные обстоятельства. Такой форс-мажор случился. В историю он вошёл под названием Берлинского восстания рабочих 1953 г.¹⁵⁶

Сегодня, когда рассекречена большая часть архивов того времени, можно с чрезвычайно высокой степенью вероятности утверждать, что восстание носило не стихийный характер и было инспирировано не американским империализмом и его британскими прислужниками, а организовано по плану, разработанному для Н.С. Хрущёва советниками советско-американской неформальной военной группировки, а на практике реализовано правительством В. Ульбрихта. Доказать данное обстоятельство весьма несложно. Сегодня имеются многочисленные статисти-

¹⁵⁵ Платошкин Н.Н. Ук. соч.

¹⁵⁶ Платошкин Н.Н. Ук. соч.

ческие материалы, показывающие, что к лету 1953 г. в ГДР наблюдались перебои со снабжением целым рядом продуктов питания, не говоря уже о товарах народного потребления. Жиры, мясо, кондитерские изделия и сахар по-прежнему распределялись по карточкам. Что же касается цен в коммерческих магазинах, то они были недоступны для подавляющей части работающих немцев. Кроме того, наблюдался скрытый рост цен. Вполне понятно, что в такой ситуации о какой-либо удовлетворённости трудящихся уровнем своей жизни речи идти не могло и люди голосовали ногами. В 1951 г. ГДР покинуло более 165 тыс. человек. В 1952 г. — более 182 тыс. человек. А за первое полугодие 1953 г. — уже 120 тыс. человек.

Что делает в этих условиях близкий личный друг Н.С. Хрущёва В. Ульбрихт и его правительство? В самом конце апреля они резко повышают цены на общественный транспорт, одежду, обувь, хлебопродукты, мясо и содержащие сахар продукты. Чтобы действовать уже наверняка, В. Ульбрихт организует ещё одну провокацию. 28 мая распоряжением правительства были повсеместно резко повышены производственные нормы на предприятиях промышленности. Фактически это означало значительное уменьшение заработной платы, которое вместе с повышением цен и перебоями в поставках продуктов питания ставило подавляющую часть рабочих, включая высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников даже не на грань, а за грань нищеты.

Эффект был ожидаемым. В ГДР, сначала в Берлине, а потом в других городах страны вспыхнули забастовки. «Так, в берлинском районе Митте (Центр), где находились основные правительственные учреждения ГДР, из занятых на четырёх предприятиях 4413 человек бастовали около 3300, в районе Фридрихсхайн из 10 815 рабочих на 10 заводах — 10 484, в Кепенике из 24 073 рабочих на 13 предприятиях — 12 598. Забастовки охватили и заводы советских акционерных обществ. По данным аппарата советского Верховного комиссара, 17 июня в Берлине бастовали 80 тысяч из 200 тысяч рабочих города, причём забастовками были охвачены крупнейшие предприятия. Повсеместно были организованы забастовочные комитеты. Выдвигались пока ещё, в основном, экономические лозунги: снижение цен в госторговле на 40%, перевыборы профсоюзного руководства и другие. Однако буквально с каждым часом на первый план всё больше и больше выдвигались политические требования: отставка правительства, проведение свободных выборов, воссоединение Германии»¹⁵⁷. В итоге забастовка, перешедшая в восстание, была подавлена советскими войсками. При этом силы полиции ГДР по указанию Ульбрихта покинули города ГДР и укрылись в своих казармах.

Дополнительными аргументами в пользу спровоцированности Берлинского восстания, организованного В. Ульбрихтом по указанию Хрущёва, являются свидетельства, приводимые в работе Филитова. «Имеющиеся свидетельства (правда, опять-таки пока лишь мемуарные) позволяют ответить на этот вопрос в том плане, что у Ульбрихта были, видимо, достаточно сильные покровители в Москве, которые как раз и “прикрывали” его саботаж. В.И. Мазаев, бывший в 1953 г. сотрудником СКК, а затем аппарата Верховного комиссара, сообщает, например, что ему и его коллегам поступило категорическое указание — в своих докладах не упоминать о каких-либо фактах бедствий или недовольства среди рабочего класса ГДР.

¹⁵⁷ Платошкин Н.Н. Ук. соч.

В.И. Фалин, со своей стороны, упоминает о распространённом среди советских “друзей” мнении, что рабочие в ГДР и так живут слишком хорошо и не мешало бы их слегка “поприжать”. Более того, он считает, что между этим мнением и отсутствием пункта об улучшении положения рабочих в “новом курсе” была прямая связь»¹⁵⁸. Для анализа важен тот факт, что В.И. Мазаев в тот период был полковником Советской Армии и, соответственно, подчинён министру обороны СССР, а В.И. Фалин трудился в аппарате ЦК КПСС.

Не является ли голословным утверждение о том, что заговор Хрущёва – Ульбрихта был скоординирован, а весьма вероятно и разработан с участием американских политиков и военных? О том, что оно не голословно свидетельствуют непреклонные факты. «В ночь с 15 на 16 июня 1953 года на западноберлинский аэродром Темпельхоф (американский сектор) каждые 30 минут приземлялись транспортные самолёты с боеприпасами. 16 июня английские и американские войска в городе были приведены в состояние повышенной боевой готовности, а утром 17 июня здание американской военной администрации в Берлине было взято под охрану танками. С 15 июня с американских самолётов над столицей ГДР периодически сбрасывались листовки с призывами выступить против правительства ГДР»¹⁵⁹.

С того же 15 июня ко всеобщей забастовке начала призывать расположенная в Западном Берлине правительственная американская радиостанция РИАС. Казалось бы, с началом массовой забастовки и стихийных выступлений сначала рабочих, а затем студентов и торговцев американцам самое время было бы активно участвовать в этих событиях, открыв Западный Берлин для жителей ГДР и т.п. Однако, как показывает анализ, задумка была в другом. Главная цель была в организации и максимальном расширении забастовочного движения. Как только это произошло, США, Великобритания и Франция не предприняли никаких мер для поддержки забастовщиков. Более того, в то время обер-бургомистром Западного Берлина был представитель СДПГ Ройтер, который отличался радикальным антикоммунизмом и неоднократно говорил, что готов практически всеми имеющимися ресурсами поддержать возможные выступления берлинцев против коммунистической диктатуры. Всеобщая забастовка в Восточном Берлине началась именно тогда, когда Ройтер отсутствовал в городе. Позднее он утверждал, что Соединённые Штаты сделали всё, чтобы он не мог вернуться в Берлин и организовать практическую помощь забастовщикам до тех пор, пока советские войска не стали хозяевами положения¹⁶⁰.

Одновременно в первые же часы забастовки в западном секторе Берлина американскими военными было решено поддерживать жёсткий порядок и категорически, вплоть до стрельбы на поражение, не допускать перелива демонстрантов из Восточного Берлина. Митинги солидарности с восточными берлинцами было разрешено проводить лишь на окраинах Западного Берлина в максимальном удалении от границы с советским сектором. Когда же советские войска начали предпринимать меры против забастовщиков, западные коменданты выпустили пресс-релиз, в котором отмечалась необходимость нормализации ситуации и подчёркивалось, что западные

¹⁵⁸ Филитов А.Н. Ук. соч.

¹⁵⁹ Платошкин Н.Н. Ук. соч.

¹⁶⁰ Платошкин Н.Н. Ук. соч.

вооружённые силы никак не будут участвовать в событиях в ГДР, а также отмечалось, что поведение советских властей в ГДР является осторожным и адекватным.

Понятно, что в Берлине имела место классическая провокация с заранее предусмотренным итогом. Можно предположить, что координация западной стороны и группы Хрущёва и военных в СССР осуществлялась именно через военных. Советские архивы содержат огромное количество документов, представляющих собой отчёты встреч советских высокопоставленных военных со своими американскими и реже — британскими коллегами. Как правило, встречались командиры, имевшие опыт взаимодействия или человеческих контактов в ходе Великой Отечественной войны. Темы контактов были самые разнообразные. Анализ такого рода материалов, содержащихся в советских и американских архивах, осуществлённый американскими исследователями, позволил им сделать вывод о том, что данный канал связи использовался для прямых неформальных, доверительных контактов между высшим советским и американским руководством в различного рода конфликтных ситуациях¹⁶¹.

Мало сомнений в том, что такие контакты сработали и в случае Берлинской провокации. Итог этой провокации хорошо известен — арест в начале июля 1953 г. (и, весьма вероятно, убийство в то же время Л.П. Берии) и многих высокопоставленных представителей советского разведывательного сообщества, включая тех, кто, как П. Судоплатов, был связан с атомным проектом.

После ареста, а скорее всего убийства Л.П. Берии в июле 1953 г. ни о каких совместных советско-германских действиях в Иране речи идти не могло. Поэтому план Б, имевшийся у сил, стоящих за Мосаддыком, был вслед за планом А отложен в сторону. По необходимости в действие вступил план С.

Кермиту Киму Рузвельту уже не надо было противодействовать подполью «чёрного интернационала» в Иране. Наоборот, в сложившейся ситуации противники стали друзьями. Буквально в считанные дни он, согласно его собственным воспоминаниям, установил контакты с армейскими офицерами, активизировал взаимодействие с генералом Захеи и, главное, получил заверение от аятоллы Кашани и других прогерманских симпатизантов, до июня 1953 г. поддерживавших Мосаддыка, что они не только не будут мешать перевороту, но и окажут ему необходимое содействие.

19 августа 1953 г. Мосаддык, как это и предсказывал И. Садчиков, был свергнут. Шах со своей женой-полунемкой вернулся в страну. Бывший агент Абвера генерал Захеи стал премьер-министром. Британское нефтяное наследство было разделено между британцами, американцами и вездесущей «Ройял Датч Шелл», за которой стояла и стоит Оранская династия. Все иранцы, связанные с «чёрным интернационалом», не претерпели никаких репрессий, не только оставшись на своих местах, но и укрепив позиции в иранском обществе. «Чёрный интернационал» получил свои преференции через инжиниринговые компании, поставку химреактивов и других компонентов реорганизованной международной нефтяной компании в Иране. Что до СССР, то Никита Сергеевич Хрущёв вскоре стал лучшим другом опекаемых нацистским интернационалом режимов Гамаль Абдель Насера, Хафиза Асада и пришедших в 1957 г. к власти в Ираке военных и баасистов, возглавляемых Хасаном аль-Бакром и Саддамом Хусейном.

¹⁶¹Ball K. The Direct Line. US – Soviet Military Personal Contacts in the 1944–1960. Sydney: HarperCollins Publishers Australia, 2013.

Глава 4

Александр Кинг: на пути к Римскому клубу

1

Бесценный опыт, полученный Александром Кингом как консультантом Британского правительства в ходе кризиса с Англо-иранской нефтяной компанией, окончательно убедил его, что времена британского владычества миновали и наступил момент, когда необходимы экстраординарные усилия, чтобы страна осталась в ряду великих держав. В ту пору с подобными убеждениями А. Кинг выглядел белой вороной среди британского истеблишмента, цеплявшегося за иллюзии бывшего имперского величия. Кстати, одним из немногих людей в высших кругах правящей элиты, солидарных с мнением А. Кинга, был его давний знакомый, коллега по разведывательной работе и участию в Фабианском обществе барон Виктор Ротшильд.

Поиск новых нетривиальных решений подтолкнул А. Кинга к тесному знакомству с известным американским журналистом, главой европейского бюро газеты «Нью-Йорк Таймс» Кларенсом Стрейтом — человеком, поддерживавшим близкие, если не сказать дружеские отношения с Уинстоном Черчиллем и Франклином Рузвельтом. Эти отношения привели к тому, что в 1955 г., ещё продолжая занимать ключевые позиции в британском правительственном кабинете, А. Кинг вступил в комитет Атлантического Союза. В этом комитете А. Кинг продолжал оставаться до 1960-х годов и тесно работал с такими известными людьми, как Ричард Никсон, Хьюберт Хамфри, Джекоб Джавитс, Джон Фостер Даллес, Генри Киссинджер, а также со своими друзьями — британскими политиками и бизнесменами, членами Фабианского общества.

При анализе приведённого перечня имён в глаза бросается, что большинство упомянутых в нём людей самым тесным образом взаимодействовали и осуществляли совместные проекты с Аурелио Печчеи. Ещё более интересна суть работы комитета Атлантического Союза. Комитет, действовавший по обе стороны Атлантики, ставил своей задачей создание политической организации, которая объединит сначала Соединённые Штаты и Великобританию, затем страны Западной Европы и на финальной стадии — советского блока.

Первые идея Атлантического Союза как трансатлантической надгосударственной структуры была сформулирована Стрейтом в опубликованной перед войной книге «Союз сейчас» в дословном переводе, или «Основание Союза» в смыс-

ловом эквиваленте¹⁶². До написания книги Стрейт учился в университете в США. С началом Первой мировой войны он прервал обучение в штате Монтана, добровольно поступил на военную службу и служил в военной разведке во Франции. Там был замечен за выдающиеся аналитические способности и в юном для аналитика-дипломата возрасте был включён в состав американской делегации на Версальскую конференцию. В ходе конференции он познакомился с крупным американским юристом, знатоком военного права, одним из видных деятелей сионистского и левого движения США, Францем Франкфуртером, в последующем — многолетним близким другом Ф.Д. Рузвельта и членом Верховного суда США.

Вскоре после окончания Первой мировой войны Стрейт получил грант фонда Сесила Родса и продолжил обучение в Оксфорде. Стрейт тесно работал с лордом Милнером, душеприказчиком и продолжателем дела Родса, а также с супругами Вебб. Естественно, он вступил в Фабианское общество и в 1920-е — начале 1930-х годов несколько раз посещал СССР¹⁶³. Следуя идеям Сесила Родса, основанного им общества Круглого стола, а также Фабианского общества, Стрейт в своей книге показывал бессмысленность и бесперспективность структур типа Лиги наций и подобных консультативно-дискуссионных образований. Он доказывал необходимость создания всемирного союза демократий. Этот союз должен был обеспечить решение наиболее острых задач, стоящих перед каждой из входящих в него стран, и одновременно предотвратить новые, ещё более разрушительные, чем Первая мировая война, вооружённые конфликты.

Надо сказать, что после своего возвращения из Британии в Соединённые Штаты, Стрейт поддерживал теснейшие отношения не только с американской политической, финансовой и интеллектуальной элитой, но и с различного рода левыми движениями, начиная от Лиги за производственную демократию и заканчивая коммунистической партией, прогрессистами и троцкистами¹⁶⁴.

В книге Стрейт придерживается принципа разнообразия демократии. Под демократией он понимает социально-политическое устройство, которое позволяет тому или иному обществу выбрать между капитализмом и различными моделями социализма. В этом смысле, по его мнению, коль скоро «социалистические и иные коллективистские общества, возглавляемые марксистскими правительствами, готовы войти в Атлантический Союз, они не только могут считаться, но и по сути являются демократическими. Способ республиканского самоуправления и организации хозяйственной жизни не является определяющим для вхождения в Атлантический Союз, который может и должен объединять различные страны. Более того, по мере развития индустриализма, корпоративной организации экономической жизни и техники, различия между так называемыми социализмом и капитализмом будут стираться. Главными станут культурные различия, связанные с соотношением свободы и солидарности, инициативы и справедливости и т.п.»¹⁶⁵.

Начало Второй мировой войны сделало книгу Стрейта всемирным бестселлером. За 20 лет с момента своего издания она была переведена на 17 языков и издана

¹⁶² Streit C.K. Freedom's Frontier – Atlantic Union Now. <http://www.constitution.org/aun/aun0--00.htm>

¹⁶³ Allen G. The Rockefeller File. N.Y.: Buccaneer Books, 1998.

¹⁶⁴ Allen G. Op. cit.

¹⁶⁵ Streit C.K. Op. cit.

тиражом более полумиллиона экземпляров. В Соединённых Штатах, Великобритании, а после 1949 г. — во Франции, ФРГ, Италии создавались ячейки комитета Атлантического Союза, как для элиты, так и для представителей в основном среднего класса. С 1945 по 1965 г. в Америке и Великобритании собирались десятки голосов членов высшей законодательной власти о внесении вопроса об основании Атлантического Союза на референдум.

Интересно, что Атлантический Союз мыслился Стрейтом как метасоударственная структура, чьи конституционные принципы являются чем-то средним между конституциями США и СССР. В конечном счёте обе эти конституции предусматривали образование союза государств. Советские, а теперь российские читатели не вполне понимают, что не только в момент образования, но и до настоящего времени штаты собственно и представляют собой государства, которые часть своих полномочий делегировали федеральному правительству Соединённых Штатов Америки. В связи с этим неудивительно, что Стрейт для наименования своего метасоударственного образования выбрал слово «союз».

Идеи Стрейта имели мощную поддержку в высшем политическом и экономическом истеблишменте США и преимущественно промышленных кругах Великобритании. Основное финансирование комитетов Атлантического Союза и пропаганды идей Кларенса Стрейта, который умер почти в 90-летнем возрасте в 1987 г., взял на себя благотворительный фонд братьев Рокфеллеров¹⁶⁶.

Работая в свободное от служебных занятий время в комитете Атлантического Союза, А. Кинг актуализировал и расширил свои и без того обширные связи в высшем американском истеблишменте, которые он приобрёл в ходе Второй мировой войны. Поэтому неудивительно, что когда американцы всерьёз озаботились эффективностью расходования средств по плану Маршалла и занялись переструктурированием Организации Европейского Экономического Сотрудничества, они предложили на один из ключевых постов Александра Кинга. В структуре организации было решено создать Комитет по вопросам производительности и прикладным исследованиям и в качестве его рабочего органа — Европейское агентство по увеличению промышленного производства.

В конце 1956 г. А. Кинг, как кандидатура, согласованная американской администрацией, британским правительством и правительствами, входящими в состав ОЕЭР, был предложен на пост соруководителя Европейского агентства по увеличению промышленного производства (ЕПА). Финансирование работы агентства на первых порах взяли на себя благотворительные фонды братьев Рокфеллеров и Форда. 1 января 1957 г. Александр Кинг завершил карьеру государственного служащего в Великобритании и начал работать высокопоставленным международным чиновником.

Перед ЕПА было поставлено несколько задач, главным образом связанных с повышением эффективности производства и ускорением внедрения инноваций в промышленности. Это было обусловлено двумя основными обстоятельствами. Первое и главное — вызовом со стороны Советского Союза, чья экономика в 1950-е годы стремительно прогрессировала. Второе обстоятельство коренилось в том, что, по мнению американцев, европейцы не слишком эффективно использовали средства,

¹⁶⁶ Allen G. Op. cit.

выделяемые по плану Маршалла. Значительная часть этих средств уходила не на создание новых институтов и повышение эффективности производства, а на повышение бюрократических издержек управления, а также нецелевое использование средств на различные социальные программы.

Как пишет Александр Кинг: «В качестве первоочередной задачи необходимо было разработать предпосылки для роста производительности всех факторов производства и прежде всего труда в промышленном, сельскохозяйственном и обслуживающем секторах экономики, обеспечить разработку и установить контроль за реализацией национальных программ в этой сфере»¹⁶⁷. Столь большое внимание, уделяемое членами ОЕЭР производительности, конечно же, было связано в то время с фактором Советского Союза. В 1950–1960-е и даже в начале 1970-х годов к экономическим научным и технологическим перспективам Советского Союза на Западе относились гораздо серьёзнее, чем сегодня к Китаю. В настоящий момент сложно поверить, но факт остаётся фактом, что главное расхождение между виднейшими экспертами-экономистами того времени, включая практически всех Нобелевских лауреатов, заключались не в том, обгонит ли СССР США и кто победит в соревновании двух систем, а в обсуждении срока, когда это произойдёт и, что называется, на каких условиях социалистическая система поглотит капиталистическую.

Причём, если сегодня у серьёзных западных аналитиков нет иллюзий относительно природы китайской мощи, реального уровня научно-технологического развития этой страны, глубины процессов деструкции правящей элиты и запредельной степени фальсификации государственной китайской статистики, то с Советским Союзом в те времена дело обстояло по-другому. Достаточно привести несколько цифр. Причём цифры приводятся не по государственной статистике СССР, а по исследованиям межотраслевых балансов, которые осуществил один из крупнейших мировых статистиков, специалист номер один по советско-российской статистике в мире, Г. Ханин. В своей статье «Десятилетие триумфа советской экономики» он приводит данные, объясняющие тогдашний прогрессирующий пессимизм американских, британских и европейских политиков и экспертов в отношении западных шансов в соревновании двух систем.

Согласно существенно более низким, чем официальные данные, оценкам Ханина экономического роста в 1950-е годы, получается следующая картина. За 1951–1960 гг. ВВП в СССР вырос на 244%, в США — на 133%, в Великобритании — на 127%, во Франции — на 158%. И только в ФРГ, где производственный потенциал был разрушен до основания и фактический рост так же, как и в Японии начинался не то что с нулевой, а даже с отрицательной величины, темпы роста составили 217%.

Объём промышленного производства в СССР вырос на 228%, в США — на 145%, в Великобритании — на 135%, во Франции — на 180%. Даже по темпам роста производительности труда — важнейшему показателю эффективности, СССР опережал западные страны. В нашей стране он вырос в 1951–1960 гг. на 146%, в США — на 134%, в Великобритании — на 122%. Неизмеримо более высокими темпами росли реальные доходы населения СССР в 1950-е годы по сравнению с США, Великобританией и всеми европейскими странами¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Кинг А. Ук. соч.

¹⁶⁸ Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые. <http://saint-juste.narod.ru/hanin.htm>

Следует подчеркнуть, что приведённые выше оценки, сделанные на основании данных межотраслевого баланса и статистики Госплана СССР Г. Ханиным относительно динамики советских показателей, не только значительно ниже, чем данные официальной статистики, но и существенно уступают оценкам советской экономической динамики, которые делались в то время ЦРУ США и привлечёнными им западными экономистами. В глазах западного истеблишмента того времени картина была ещё более плачевной, чем дело обстояло в действительности. Отсюда понятно, что американская правящая элита и её европейские сателлиты были как никогда озабочены вопросами повышения эффективности производства.

Пресса того времени и анализ выступлений ведущих политиков и промышленников как на публичных мероприятиях, так и на закрытых конференциях свидетельствуют, что алармистские настроения в отношении СССР сменились подлинной паникой после запуска в 1957 г. первого в мире орбитального непилотируемого космического корабля, знаменитого «Спутника». С этого момента даже самым упёртым аналитикам стало понятно, что эффективность советской экономики связана не только и не столько с ГУЛАГом и тотальным принуждением и даже не с умелой пропагандой, породившей долговременный массовый энтузиазм, а с реальным технологическим превосходством, по крайней мере, в некоторых решающих научно-технических отраслях, сферах, а также бесспорным первенством советского среднего и высшего образования и системы организации массового технического творчества и реализации крупномасштабных научно-технических программ.

Сразу после запуска советского спутника ЕПА по предложению А. Кинга и его коллег за океаном из организации «Язоны», прародителя знаменитой DARPA, был сориентирован на проведение сравнительного анализа научно-технических достижений в основных критических для экономики и безопасности сферах в СССР, США и Европе. Для этих целей ЕПА были разрешены тесные контакты с разведывательными сообществами США, Великобритании и Франции. При этом, как это уже повелось на Западе, срочные ключевые программы не ждали там одобрения и финансирования в многочисленных комитетах законодательной власти и прохождения бумаг в бюрократических лабиринтах исполнительной власти, а быстро и в полном объёме финансировались из специальных частных источников. Финансирование указанной программы полностью взял на себя благотворительный фонд братьев Рокфеллеров. Тогда же состоялось личное знакомство Джона Рокфеллера Третьего с Александром Кингом. Именно Дж. Рокфеллер являлся не только главной фигурой среди пяти братьев, но и отвечал в братском разделении труда за международную политику, благотворительность и взаимодействие с государственными органами власти. Программа разрабатывалась ЕПА в течение трёх лет вплоть до середины 1961 г., когда западный мир получил ещё более сокрушительный удар, чем «Спутник», увидев над планетой уже не собак и прочую живность, а первого в мире человека, запущенного в космос. Сегодня даже сложно себе представить политико-психологическое воздействие запуска в космос Юрия Гагарина и по-настоящему кардинальные перемены, к которым привёл этот запуск в отношении к Советскому Союзу со стороны западной правящей элиты, отличавшейся в те времена адекватностью, образованностью и умением трезво смотреть на вещи.

В ходе работы над программой ЕПА были разработаны уникальные методики сопоставления уровня развития фундаментальной, прикладной науки, опытно-

конструкторских разработок, массовости и эффективности их внедрения на технологический уровень и, наконец, эффективность технологий в уже действующих производственных паттернах. Необходимо отметить, что подобного уровня исследований в мире до того момента достигнуто не было. Под руководством А. Кинга была создана поистине бесценная система научно-технического прогнозирования и сопоставления в привязке к конкретным производственно-экономическим задачам. В последующем эта технология, переданная благотворительному фонду Рокфеллеров, послужила основой для разработки под руководством полковника М. Секоры проекта «Сократ». Этот проект был инициирован в первые годы администрации Рейгана для выяснения реального уровня конкурентоспособности Америки в сфере военных технологий, технологий двойного назначения и технологий гражданского сектора. Базируясь на разработках ЕПА, группа Секоры, созданная в рамках разведывательного сообщества США создала постоянно действующую систему тотального всеобъемлющего мониторинга технологий. В конце правления Дж. Буша-старшего в 1992 г. проект «Сократ» был свёрнут и реанимирован под другим названием в рамках Агентства IARPA в 2013 г. Сегодня этот проект реализуется как частно-государственное партнёрство, где вместе с IARPA как координатором участвуют другие разведывательные агентства и исследовательские центры 32 крупнейших американских высокотехнологических корпораций¹⁶⁹.

Трёхлетняя титаническая работа ЕПА была востребована в первую очередь американцами и французами. Другие страны в силу самых разных причин оказались в стороне. Кроме того, практической реализации выводов, полученных в результате работы, помешала реорганизация ОЕЭР. Поскольку к 1961 г. план Маршалла был завершён, то возникла идея несколько изменить функции организации, превратив её из инструмента реализации плана Маршалла в координационную структуру ведущих стран Запада. В соответствии с этой идеей ОЕЭР был реструктуризирован в Организацию Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), в которую наряду с США и странами-получателями помощи по плану Маршалла вошли Австралия, Канада, Новая Зеландия и Япония. В процессе реорганизации А. Кинг расширил сферы своих полномочий, став из сопредседателя единоличным директором Совета по производительности, который сменил ЕПА.

В 1963 г. руководящий Комитет ОЭСР, состоящий из министров экономики и финансов, поставил перед командой А. Кинга задачу разработки мер по повышению эффективности управления крупными национальными и транснациональными корпорациями в связи со снижением нормы их прибыли. На заседании Комитета, инициированном прежде всего американской стороной, были озвучены данные, поразившие как высших государственных чиновников, так и руководителей корпораций. Выяснилось, что за период с 1935 по 1961 г. норма прибыли в корпорациях обрабатывающей промышленности в странах ОЭСР снизилась почти в два раза — с 14,8 до 7,5%¹⁷⁰. Падение нормы прибыли сужало возможности самофинансирования корпораций, сокращало поступление в государственные бюджеты, вело к затруднениям финансирования научно-исследовательских и опытно-

¹⁶⁹ Ackman E. President Reagan's Program to Secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates. <http://projectsocrates.us/>

¹⁷⁰ UN Trends and Issues in Foreign Direct Investment and Related Flows. L., N.Y.: United Nations, 1962.

конструкторских работ. По решению Комитета была создана комиссия по повышению эффективности работы национальных и транснациональных корпораций, в которую наряду с командой А. Кинга вошли представители 27 крупнейших транснациональных корпораций по обе стороны океана. В качестве своего заместителя А. Кинг пригласил знаменитого американского экономиста, специалиста по корпоративной эффективности и собственности Альфреда Бёрли.

Сегодня экономическая мысль того периода связывается прежде всего с влиянием Дж. Кейнса. Однако в 1930–1960-е годы считалось, что наиболее влиятельной экономической книгой, идеи которой воплощаются в реальность правительствами и корпорациями многих стран, являлась не только знаменитая и по сей день работа Д.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», но и книга А. Бёрли и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность»¹⁷¹. А. Бёрли и Г. Минз в своей книге впервые выдвинули ставшую в последующем широко известной теорию управленческой или менеджерской революции. Работа была написана на основе огромных массивов статистического материала с привлечением обширных юридических данных. Детальный анализ фактических данных как количественного, так и качественного характера позволил авторам сделать несколько основополагающих выводов.

Авторы смогли выделить несколько ключевых тенденций развития капитализма. В их числе:

- во-первых, два параллельно идущих процесса в американской экономике: с одной стороны, происходил рост экономической концентрации богатства, а с другой — увеличение числа акционеров. Эти процессы впервые были описаны в книге А. Бёрли и Дж. Минза и в последующем находились под пристальным вниманием экономистов и статистиков в США и Западной Европе. В результате многочисленных исследований выяснилось, что впервые обнаруженные в начале 1930-х годов параллельные процессы формирования суперэлиты и размыwania собственности в крупнейших корпорациях продолжались в 1940-е, 1950-е и 1960-е годы;

- во-вторых, возрастание роли в акционерном капитале институтов, аккумулирующих деньги мелких и средних инвесторов, включая пенсионные фонды, профсоюзные фонды, страховые организации, фонды доверительного управления и т.п.;

- в-третьих, постоянное увеличение разнообразия форм и методов контроля над корпорациями, которые в своей совокупности ведут к уменьшению процента акций, необходимого для господства над корпорацией;

- в-четвёртых, значительное влияние на структуру собственности в корпорациях, государственных юридических норм и политики, направленной против картелей, концентрации собственности в руках немногих юридических лиц и т.п. В совокупности эти меры, по мнению авторов книги, выдержавшей более девяти изданий, объективно вели к запутыванию и распылению собственности крупных корпораций;

- наконец, в-пятых, под воздействием указанных выше тенденций авторы выделяли такое важнейшее направление в практике корпораций, как прогрессирующее усиление контроля высшего топ-менеджмента над корпорациями. Фактически авторы подвели статистическую и юридическую базу под высказанное ещё

¹⁷¹ Berle A.A., Means G.C. Modern Corporation and Private Property. N.Y.: Macmillan, 1932.

К. Марксом предвидение об отделении капитала-собственности от капитала управленческой функции в монополистических структурах. По мнению Бёрли и Минза, топ-менеджеры становились, по сути, ключевыми людьми, определяющими решения, политику и эффективность в современных корпорациях.

Книга Бёрли и Минза оказала огромное влияние на кабинет Рузвельта, была уже в 1933 г. переведена на немецкий язык в Германии и пропагандировалась Ялмаром Шахтом как основа для построения германской корпоративной экономики. Однако поскольку книга была написана в академической манере и требовала высокого уровня профессиональных знаний, понадобился другой человек, а именно Джеймс Бернхем с его «Революцией менеджеров», для того, чтобы идея, что называется, пошла в политические и деловые массы, стала господствующей практической парадигмой.

А. Кинг привлёк Бёрли в свою комиссию не только из-за его всемирной известности и авторитета, но и вследствие его совершенно уникальных тесных связей и доверительных отношений с руководством крупнейших транснациональных корпораций.

2

В ходе исследования, проведённого командой А. Кинга в период с 1963 по 1966 г., удалось установить несколько ключевых параметров, определяющих как развитие капитализма того времени, так и возможности и ограничения повышения эффективности крупнейших корпораций, господствующих в экономике своих стран и мировой экономике. Прежде всего выяснилось, что в послевоенный период происходило ослабление контроля финансового капитала над крупнейшими корпорациями в промышленности, на транспорте, в торговле.

Авторы исследования и их консультанты из крупнейших транснациональных корпораций пришли к выводу, что это происходило в силу трёх основных причин. Во-первых, увеличение объёмов производства, послевоенное оживление экономики расширило возможности промышленного капитала для самофинансирования, изыскания собственных средств. Во-вторых, ещё в довоенный период в США и в послевоенный период в Европе правительства целенаправленно проводили политику ограничения возможностей экспансии финансового капитала в другие отрасли в виде владения банками и другими финансовыми институтами крупными пакетами акций. Образцом для подражания стал принятый администрацией Ф.Д. Рузвельта в конце 1930-х годов знаменитый закон Стигола – Гласса. Он был подготовлен при непосредственном участии Бёрли и Стюарта Чейза, руководителя мозгового центра при президенте и одного из ведущих деятелей американского Фабианского движения. В-третьих, в послевоенный период прежде всего в Европе и чуть в меньшей степени — в США всё большую роль в обеспечении финансирования отраслей и корпораций стали играть различного рода пенсионные, страховые, профсоюзные фонды.

Наряду с повышением независимости промышленного и торгового капитала вообще и ТНК в частности от финансового капитала группа пришла к выводу о том, что несмотря на жёсткую антитрестовскую политику, проводимую начиная с 1930-х годов в США и после Второй мировой войны в Европе, ТНК склонны к созданию различного рода альянсов неформальных, а потому не преследуемых по закону карте-

лей, синдикатов и других форм согласованного раздела рынков сбыта капиталов и т.п. Наряду с отрицательными последствиями этого процесса группа А. Кинга увидела и положительные, состоящие в том, что корпорации создавали своего рода пулы для финансирования тех или иных разработок. При этом было отмечено, что государство, особенно в США, борясь в сбытовой сфере с картелями, фактически поощряет создание надмонополистических групп в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, подчас само организует такие группы.

Наконец, в докладе был сделан вывод о том, что заметное повышение эффективности и нормы прибыли ТНК видят в снижении неопределённости внешней среды и на этой основе в развитии программно-целевых методов управления. За 30 лет до появления современного маркетинга в исследовании впервые был сделан вывод о том, что магистральным направлением деятельности ТНК является создание программируемых ими рынков сбыта, где реализация продукции будет заранее гарантированной. Фактически речь шла о том, что ТНК не только на неформальной основе производят раздел рынков сбыта и фактически уничтожают конкурентную среду и рынки в их классическом понимании, но и практически переходят к целенаправленному формированию потребностей потенциальных покупателей как на рынках товаров народного потребления, так и на рынках производственной продукции. Едва ли не единственную возможность повышения эффективности в долгосрочном периоде ТНК видели в то время в решительном отказе от режима свободной конкуренции и переходе к различного рода формам так называемого активного планирования. Характерно, что в ходе написания доклада А. Кинг неоднократно встречался с Д. Гэлбрейтом, одним из ключевых советников администраций Д. Кеннеди и Л. Джонсона, автором знаменитого «Нового индустриального общества»¹⁷², лауреатом Нобелевской премии и одним из гуру теории конвергенции.

Поскольку финальная шлифовка доклада перед представлением правительствам стран ОЭСР проходила в небольшом курортном итальянском городке Фраскати, работа получила название «Меморандум Фраскати». Меморандум был высоко оценен руководителями крупнейших ТНК, но крайне неоднозначно воспринят министрами, представлявшими страны ОЭСР. Эта неоднозначность достигла такой степени, что в отличие от всех других работ ЕПА доклад был засекречен и было принято решение не распространять его от имени ОЭСР и не предоставлять средства массовой информации. Лишь спустя 40 лет он был официально рассекречен ОЭСР.

Поскольку в «Меморандуме Фраскати» тщательно рассматривались основополагающие для анализа наднациональных внутриэлитных взаимоотношений вопросы, представляется целесообразным несколько забежать вперёд и оценить, насколько выводы меморандума подтвердились результатами более поздних исследований, основывавшихся на достоверной фактологической базе.

Из небольшого числа первоклассных работ, осуществлённых в 1970-е годы, заметно выделяется своей документальной основой и тщательностью аналитической проработки серия докладов, выполненных авторским коллективом Е. Хермана, Ф. Берча, Ж. Шевалье и Д. Котца. Этот коллектив представлял собой специальную экспертную группу, созданную в рамках темы «Корпоративная собственность

¹⁷² Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.

и контроль» по решению Конгресса США в 1969 г. и проработавшую до 1978 г. Группа имела беспрецедентный доступ ко всем, включая засекреченные, документам и к отчётности Комиссии по ценным бумагам и Налоговой службы США, а также к документации регистрационных служб всех 50 штатов. Нельзя не подчеркнуть, что ни до, ни после этой работы подобного доступа к публичным и засекреченным документам профессиональным исследователям, экономистам и юристам в США не предоставлялось.

Сами по себе доклады были засекречены Конгрессом США и использовались для рассмотрения на закрытых заседаниях соответствующих комитетов Сената и Палаты представителей. Однако участникам созданной группы было разрешено опубликовать фрагменты этих докладов в качестве авторских монографических исследований. Это сделало материалы доступными для внешних экспертов. В ходе работы над докладами группе удалось сделать несколько документально обоснованных выводов, которые почти полностью переплетались с основными идеями «Меморандума Фраскати», подготовленного группой А. Кинга.

Во-первых, был сделан вывод о том, что в 1960–1970-е годы произошло радикальное изменение функционала богатейших семей американского корпоративного мира. Если с конца XIX до 1930-х годов в американской деловой элите преобладали империи, которые структурно были характерны для Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов, Диллонов и т.п., то в 1960–1970-е годы на их место пришли холдинги и трасты, управляющие портфелями ценных бумаг, зачастую принадлежащих относительно старому для Америки семейному капиталу. Если первоначальники, своеобразные «разбойники-предприниматели» создавали свои империи, как правило привязанные к определённым, конкретным отраслям и секторам экономики, и непосредственно руководили и контролировали корпорации, входящие в состав империи, то их наследники превратились в основном в миллиардеров-инвесторов, устранившихся от непосредственного руководства и стратегического управления корпорациями. Их перестал интересовать бизнес как таковой, а главное внимание стало уделяться доходности портфелей ценных бумаг, которые постоянно изменяются и диверсифицируются»¹⁷³.

Во-вторых, был сделан вывод о том, что в американском корпоративном мире снижается фактор персонифицированного контроля и управления со стороны собственников. В работе участника группы Ф. Бёрча «Переоценка управленческой революции» указывается, что в результате анализа «500 крупнейших промышленных корпораций США, а также 50 крупнейших корпораций в таких отраслях, как финансы и банковское дело, транспорт, предприятия общественного пользования, типа электроэнергетики и связи, а также торговли, сложилась следующая картина в отношении персонифицированного контроля. При этом под персонифицированным контролем и управлением корпорации понимается ситуация, когда в руках одной или нескольких семей, связанных юридически закреплёнными отношениями, находится не менее 10% пакета акций, а также семьи представлены своими участниками в совете директоров или менеджменте соответствующих корпораций. Этот критерий выполняется для 31% крупнейших промышленных, транспортных и торговых корпораций, для 12% крупнейших корпораций в сфере связи и электро-

¹⁷³ Herman E. Corporate Control, Corporate Power. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1981.

снабжения и 17% банков и финансовых институтов»¹⁷⁴. В итоге Комиссия сделала вывод о том, что, хотя семейный клановый контроль в корпорациях — как в промышленном, так и в финансовом секторах — сдал свои позиции по отношению к довоенному периоду, сократившись в количественном выражении почти в два раза, тем не менее семейно-клановые собственники по-прежнему оставались, по крайней мере в 1970-е годы, одними из ключевых акторов американской корпоративной, а соответственно, и политической жизни.

Исследования группы подтвердили вывод «Меморандума Фраскати» о том, что в послевоенный период, вплоть до конца 1970-х годов, наблюдался своего рода реванш промышленного капитала как в лице собственно корпоративных капиталистов, так и топ-менеджмента над финансовым капиталом, фактически безраздельно господствующим в период классического империализма как высшей стадии капитализма, особенно вплоть до Великой депрессии.

Крупнейший специалист по банкам, включённый в состав группы, Д. Котц опубликовал на основе материалов докладов книгу «Банковский контроль в крупных корпорациях США». В книге он пишет: «83 корпорации из числа 300 крупнейших, или 26,7%, находятся под контролем банков, входящих в список топ-25. В 1935 г. таковых было 62,4%. При этом, следует отметить, что лишь треть крупнейших корпораций не имеет чётко выраженных центров внешнего контроля со стороны банков, иных финансовых институтов или другого типа институциональных инвесторов. В этих корпорациях власть действительно в значительной степени принадлежит их топ-менеджменту, который в реальности осуществляет контроль, зачастую в своих интересах и в ущерб распылённым частным собственникам»¹⁷⁵.

В работе Д. Котц пишет, что «при значительном сужении сферы банковского контроля над корпорациями старым династиям — Рокфеллерам, Дюпонам, Меллонам, Кунам, Леебам, Барухам и Гарриманам — удалось не только сохранить, но и в некоторых отраслях, например, в авиакосмическом и химическом бизнесе, даже упрочить свои позиции. В этом смысле плутократия, несмотря на все предпринятые против неё меры, сохраняет такое же влияние не только на экономику, но и на политику и общественную жизнь, что и 100 лет назад»¹⁷⁶.

Поскольку одним из финансовых спонсоров работы над «Меморандумом Фраскати» был фонд братьев Рокфеллеров, А. Кинг в 1962 г. возобновил достаточно частые встречи с Джоном Рокфеллером Третьим. В ходе этих встреч он познакомил А. Кинга со своим братом, который, по его мнению, хотя и не занимался благотворительностью, по своему складу гораздо больше подходил для участия в подобных исследовательских проектах. Речь шла о Дэвиде Рокфеллере. Американская пресса того времени называла его самым образованным, контактным и скрупулёзным из Рокфеллеров. В семье его прозвали «исследователь». Д. Рокфеллер и А. Кинг быстро установили между собой доверительные отношения и поддерживали тесные взаимоотношения до последних дней жизни А. Кинга.

¹⁷⁴ Burch Rh.I. The Managerial Revolution Reassessed. Family control in Americas Large Corporations. Lexington: D.C. Heath a. Co., 1979.

¹⁷⁵ Kotz D. Bank Control of Large Corporations in the United States. Berkeley: University of California Press, 1978.

¹⁷⁶ Ibid.

Этому в немалой степени способствовали три обстоятельства. Прежде всего Д. Рокфеллер получил блестящее образование, много общался и непосредственно учился у лучших экономистов своего времени, занимавших зачастую диаметрально противоположные научные и политические позиции. На разных этапах обучения и подготовки диссертации научными руководителями Д. Рокфеллера были Нобелевские лауреаты Й. Шумпетер, Ф. Хайек, О. Норт и О. Ланге. Таким образом, Д. Рокфеллер познакомился из первых уст с основоположниками наиболее влиятельных школ экономической мысли: создателем теории экономического роста Й. Шумпетером, представителем австрийской экономической школой и убеждённым антикоммунистом — Ф. Хайеком; создателем неоинституционализма О. Нортом и марксистом и звездой математической экономики и планирования О. Ланге. Если добавить, что при написании диссертации «Неиспользованные ресурсы и экономические потери в промышленности» Д. Рокфеллера консультировал Дж. Кейнс, не трудно понять, что он был интересен А. Кингу не только как представитель могущественнейшей финансовой семьи, но и как самостоятельно и оригинально мыслящая личность, чьи научные и практические интересы были близки А. Кингу.

Сближению А. Кинга с Д. Рокфеллером весьма помог их военный опыт. Оба в годы Второй мировой войны служили в разведывательных структурах: А. Кинг — в научно-технической разведке Великобритании, а Д. Рокфеллер — в военной разведке США. Наконец, немаловажную роль, по всей видимости, имел и тот факт, что, как и А. Кинг, Д. Рокфеллер был связан с Фабианским движением и, более того, активно помогал ему финансово.

При всём этом, конечно же, А. Кинг видел в Дэвиде Рокфеллере прежде всего представителя клана Рокфеллеров с его поистине безграничным влиянием в мировой правящей элите. В связи с этим он с удовольствием откликнулся на предложение Д. Рокфеллера поучаствовать в работе сначала неформального, а затем и официального Международного консультативного комитета (МКК) при «Чейз Манхэттен Бэнк», который возглавлял Д. Рокфеллер. Этот комитет был создан для анализа важнейших глобальных проблем, изучения новых тенденций в экономике, политике, социальной жизни и стал своего рода предшественником знаменитой Трёхсторонней комиссии. Как пишет в своих воспоминаниях Д. Рокфеллер: «Он должен был состоять из выдающихся и уважаемых бизнесменов, многие из которых были моими личными друзьями в странах, считавшихся нами наиболее важными для успеха нашей работы»¹⁷⁷.

В состав комитета входили такие представители мировой элиты, как Д. Лоу-ден — председатель правления «Ройял Датч Шел» Дж. Аньелли — председатель правления «Фиата», У. Баумгартен — президент компании «Рон-Пуленк», Т. Исидзака — руководитель объединения крупнейших компаний Японии, крупнейший индийский магнат Дж. Тата, Дэвид Паккард из «Хьюлет-Паккарда», Генри Форд Второй, лорд Каррингтон, Сайрус Вэнс, Генри Киссинджер и др.

МКК поручил А. Кингу разработку методологии анализа и прогнозирования глобальных проблем и, что ещё более важно, выявления кризисных тенденций и наиболее опасных процессов как в международном, так и в региональном разви-

¹⁷⁷ Рокфеллер Д. Клуб банкиров. М.: Алгоритм, 2013.

тии. Вот что пишет сам А. Кинг: «В 1968 году мы организовали симпозиум, посвящённый долгосрочным планированию и прогнозированию, проводившийся на вилле Д. Рокфеллера в Белладжио, и собравший выдающуюся группу аналитиков планирования. В своей “Декларации Белладжио” эксперты предупредили, что социальные и технологические разработки могут обострять вопросы вне политического контроля. Они выступили в поддержку гуманитарной системы планирования, учитывающей последствия для отдельных людей и общества с максимальным участием общественности. Отличительной чертой этого собрания стали противоположные и часто взаимно враждебные взгляды двух участников — Хасана Озбекхана с его философским подходом и Дж. Форрестера из Массачусетского Технологического Института, строгого технократа и практика... Спустя пару лет эти два человека вновь противостояли, на этот раз на советах Римского Клуба»¹⁷⁸.

Совещание на вилле Д. Рокфеллера инициировало создание «думающего танка», т.е. «фабрики мысли» принципиально нового типа. Необходимость в нём обуславливалась тем, что традиционные «фабрики мысли» того времени не были сориентированы на глобальные проблемы, не позволяли собрать под одной крышей экспертов и исследователей, не только работающих на разные элитные группы на Западе, но и представляющих основные политические силы того времени антикапиталистической направленности, включая Советский Союз. Важнейшим итогом встреч на Вилле Белладжио стало решение Д. Рокфеллера и его братьев приступить к созданию неформальной организации нового типа. В итоге это решение вместе с планами европейской промышленно-аристократической элиты, создавшей «Италконсульт» А. Печчеи и, наконец, мыслями различных групп в высшем советском руководстве, привели к началу практической работы по организации Римского клуба.

¹⁷⁸ Кинг А. Ук. соч.

Глава 5

Джермен Гвишиани: на пути к Римскому клубу

1

В последние годы благодаря усилиям телепроповедников — гипнотизёров, а по совместительству политехнологов, а также различных исследователей с остервенением, но малым пониманием, разоблачающих мифы «устойчивого развития», Д.М. Гвишиани вместе с его тестем А.Н. Косыгиным стали располагать где-то между вампирами и людоедами. «Патриотам на окладе» кажется, что, занимаясь такой горе-аналитикой, они делают что-то полезное для Отечества. Все их построения сводятся к простой незатейливой формуле, которая особую популярность получила с началом нынешнего века. Суть её в том, что все проблемы, неудачи и исторические катастрофы страны связаны исключительно с внешним врагом, его происками против самого древнего, умного и деятельного, обладающего единственно правильным миропониманием народа-богоносца. Однако уроки истории показывают, что такой подход не только не патриотичен, но и преступен по отношению к собственной стране. Подобного рода авторы оказываются весьма в специфической компании исторических персонажей, включая тех, кто оказался на скамье подсудимых в Нюрнберге. Это отнюдь не голословное суждение. Из числа многочисленных аргументов и примеров его подтверждающих, достаточно выбрать фрагмент выступления Германа Геринга на Нюрнбергском процессе. «Разумеется, народу не нужна война... Однако, политику всегда определяют лидеры, а им втянуть страну в войну проще простого: демократия ли это, парламентская республика, фашистская или коммунистическая диктатура. С голосованием или без него, народ всегда можно заставить делать то, что выгодно властителям. Это дело нехитрое. Всё, что нужно сделать, — так это сказать людям, что на них напали и обличить пацифистов в отсутствии патриотизма, а также в том, что они подвергают страну опасности и предают её интересы...»¹⁷⁹.

Что же касается Д. Гвишиани, то люди, долгое время работавшие либо общавшиеся с ним, практически единодушно отмечали редкую для руководителей того времени воспитанность, образованность, корректное отношение не только к равным по должности или влиянию, но и к подчинённым, подчеркнутую доброжелательность к молодым сотрудникам и т.п. Однако, как любой человек, занятый прак-

¹⁷⁹ Нюрнбергский процесс. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.

тической политикой, Д. Гвишиани не был «ни белым, ни пушистым». Он являлся одним из лучших мастеров политической интриги своего времени. Несомненно, в межэлитных взаимоотношениях он был не только верным партнёром для узкого круга людей, но и предельно циничным, хитрым и безжалостным функционером, без зазрения совести использовавшим людей в качестве строительного материала или инструмента для достижения целей.

Не только в рассчитанных на оболваненные массы книжках, заполненных масонами, бильдербержцами и прочей нечистью, но и в работах, претендующих на аналитичность, типа труда В. Павленко «Мифы устойчивого развития», М. Гвишиани называется космополитом и одновременно грузинским националистом типа Э. Шеварднадзе. Здесь мы имеем дело с наличием у авторов подобных работ феномена двоемыслия, детально описанного в романе «1984» Дж. Оруэллом. Такое двоемыслие неудивительно, поскольку подобного рода работы не написаны на основе обработки документального материала и прошедших проверку на достоверность источников, а используют в качестве таковых книги своих же единомышленников, заполненные оценочными суждениями.

Будучи воспитанным в семье генерала госбезопасности, Д. Гвишиани всю жизнь был убеждённым сторонником социализма. При этом он, так же как и его тесть, исходил из реалий, а не доктринёрских фантазий и прекрасно отдавал себе отчёт в том, что советский вариант социализма в его классическом понимании не является и не может являться единственным. Что касается грузинского национализма, то подобный вывод показывает вопиющую безграмотность тех, кто его сделал, и отсутствие каких-либо знаний в области этнопсихологии. Дело в том, что мать Джермена, Ирма Христофоровна, была чистокровной армянкой. Более того, родители Джермена претерпели в молодости множество неприятностей от своих родственников вследствие их межнационального брака. Как пишет Д. Гвишиани в своих весьма откровенных мемуарах «Мосты в будущее»: «Хотя мои родители ничего своего не имели, кроме радужных надежд на будущее, молодая и красивая пара привлекала к себе внимание самым фактом своего союза: чистокровный грузин женился на девушке армянского происхождения. Поэтому националистически настроенные кланы отнеслись к этому не вполне дружелюбно»¹⁸⁰. В силу этого, а также того, что всё свое детство Д. Гвишиани провёл в русской и частично корейской среде Владивостока, он был типичным советским человеком, интернационалистом и совершенно не обращал внимания на вопросы первенства той или иной национальности.

Кем Д. Гвишиани однозначно не был, так это одномерной личностью и однозначным политическим деятелем. Впрочем, это неудивительно, поскольку не менее сложным человеком был его отец Михаил Максимович Гвишиани. Он окончил два класса фабричной школы, на протяжении всей своей жизни не только сам тянулся к знаниям, но и сделал всё, чтобы дать наилучшее образование своим детям — Джермену и его младшей сестре Лауре, впоследствии — жене Е.М. Примакова. Практически вся трудовая деятельность М. Гвишиани была связана с госбезопасностью. Он не только был начальником личной охраны Л.П. Берии, но и длительное время, в том числе всю войну, возглавлял управление НКВД по Примор-

¹⁸⁰ Гвишиани Д.М. Мосты в будущее. М.: URSS, 2004. С. 17–18.

скому краю, а в послевоенный период — по Куйбышевской области. С его именем, с одной стороны, прочно связывается массовое убийство населения в ауле Гайбах во время депортации чеченцев и ингушей, в которой он принимал самое активное участие в качестве одного из ключевых руководителей. С другой стороны, в период реабилитации и массового освобождения из лагерей после смерти Сталина выяснилось, что М. Гвишиани не только способствовал выживанию немалого числа людей, обеспечив им вынесение мягких приговоров, но и более того, не передал в Москву сообщения о проживании в Приморском крае нескольких разыскиваемых по политическим обвинениям граждан. Нельзя не согласиться, что такое поведение для начальника НКВД области было весьма нетипичным для того времени. Кстати, в этом факте, возможно, кроется одно из объяснений того, что в отличие от практически всех соратников Л.П. Берии он не был ни расстрелян, ни заключён подобно П. Судоплатову на долгие годы в тюрьму. М. Гвишиани был всего лишь уволен из органов МВД СССР с лишением воинского звания генерал-лейтенанта. Более того, ему было разрешено работать после этого в Совете народного хозяйства Грузии.

Что касается судьбы и роли Джермена Гвишиани, то видимо и для людей иногда оказывается справедливой известная примета: как яхту назовёшь, так она и поплывёт. Имя Джермен образовано из первых слогов фамилий известных чекистов — Дзержинского и Менжинского. Сегодня не без основания говорится о том, что В. Менжинский был слабым руководителем, не избежавшим редкого для того времени пагубного пристрастия к наркотикам. Это было связано с тем, что он страдал тяжёлым неизлечимым заболеванием, сопровождавшимся время от времени сильнейшими болями, с чем, собственно, и было связано употребление морфия. Однако надо иметь в виду, что данное обстоятельство справедливо лишь для последних лет жизни Менжинского. До этого Менжинский был известен не только как один из наиболее образованных и эффективных руководителей ЧК, но и как дока в финансовых вопросах, имевший обширнейшие связи среди банковского мира Лондона, Парижа и Берлина.

Оказавшись руководителем НКВД на Дальнем Востоке, М.М. Гвишиани, естественно, обладал немалыми возможностями. Когда Джермен и приёмная дочь Михаила Максимовича Лаура пошли в школу, он нашёл им среди заключённых лагерей преподавателей по основным школьным предметам и, что особенно пригодились в последующей жизни, преподавателей — носителей английского и немецкого языков. Поэтому к окончанию школы Д. Гвишиани помимо солидной общеобразовательной подготовки бегло говорил и практически безупречно писал по-английски и по-немецки, а также знал многие, казалось бы, бесполезные в СССР нормы и навыки публичного поведения в англо-саксонских странах и Германии.

После окончания с отличием в 1946 г. школы Д. Гвишиани первоначально хотел поступать в военно-морское училище. Однако именно в тот год начал принимать в качестве абитуриентов школьников Московский институт международных отношений. Вполне очевидно, что, обладая отличным знанием английского и немецкого языков, золотой медалью, да вдобавок отцом — руководителем управления НКВД, Д. Гвишиани без труда поступил в этот институт.

В качестве важнейшего события институтской жизни Д. Гвишиани выделяет жёнитьбу на Людмиле Косыгиной. Сам Гвишиани пишет об этом так: «Там я встретил-

ся с необычайно милой синеглазой русской девушкой — Людмилой Косыгиной — и эта встреча во всех отношениях сказала на моей дальнейшей жизни и судьбе. В январе 1948 года мы поженились. Мы жили с самого начала самостоятельной семьёй, но все выходные дни и отпускное время проводили с семьёй Косыгиных, где Людмила была единственной дочерью. Большая часть моей жизни прошла в кругу этой семьи, ставшей мне родной, с мамой Людмилы, Клавдией Андреевной, и отцом, Алексеем Николаевичем, благодаря тесному общению с которым я оказался свидетелем многих событий, связанных с деятельностью высшего руководства нашей страны»¹⁸¹.

В рамках столь популярной борьбы с космополитизмом и прочими «измами», развернувшимися в рунете в последние годы, брак Д. Гвишиани и Л. Косыгиной рассматривается как один из железобетонных аргументов в пользу низких нравственных качеств Д. Гвишиани, его беспринципности и стремления любой ценой сделать карьеру. Поскольку авторами такого рода публикаций являются, как правило, профессиональные историки, которые издают не только публицистические, а вполне традиционные исторические работы, есть смысл заострить внимание на следующем обстоятельстве. Подобная аргументация говорит о резком падении уровня российской исторической школы и деградации профессиональных исследовательских навыков у многих представителей этой профессии. Основой для приведённых выше суждений является достаточно распространённая в житейской среде привычка анализировать прошлое исходя из ситуации, сложившейся в настоящем. Однако то, что позволено обычным, не обременённым специальной исторической подготовкой людям, совершенно не позволительно представителям этой профессии — историкам.

Внимательно посмотрев на ситуацию, сложившуюся в Советском Союзе в 1930–1940-е годы, мы поймём, что вариант с женитьбой на дочери или замужестве за сыном представителя тогдашней советской элиты ни в коем случае не мог рассматриваться как верный способ устроить жизнь. Если в отдельных случаях такой план мог появиться у мало смыслящих в тогдашних реалиях представителей советских низов, то уж категорически это было невозможно для людей из элитной группы. Коренным отличием тогдашней ситуации от сегодняшней являлся тот факт, что в те времена советская элита вне зависимости от принадлежности её к партийной, хозяйственной или военной группам представляла собой группу не с минимальной, как сейчас, а с максимальной степенью риска. Именно на элиту в первую очередь обрушивались различного рода репрессии, исключительно её касались знаменитые дела и процессы того времени. Кроме того, сначала де-юре, а затем де-факто последствия низвержения с верхов советского государства в лагерь или в расстрельную камеру касались не только самого представителя советской элиты, но и членов его семьи, вплоть до детей и ближних, а иногда и дальних родственников.

Д. Гвишиани, будучи умным молодым человеком и сыном высокопоставленного руководителя НКВД, как никто другой отлично знал эту истину. Поэтому женитьба на Людмиле Косыгиной, особенно в 1948 г., во времена позднего сталинского правления, для которого были свойственны непрогнозируемые элитные чистки, категорически не способствовала спокойной, уверенной и благополучной жизни в будущем. Она не снижала, а увеличивала и без того немалые риски принадлеж-

¹⁸¹ Гвишиани Д. Ук. соч. С.21–22.

ности к советской элите того времени. А вот если кому женитьба в январе 1948 г. Джермена на Людмиле и принесла вполне ощутимую практическую пользу — совершенно парадоксальным образом — так это Алексею Николаевичу Косыгину.

В 1948–1950 гг. в стране были организованы знаменитые «Ленинградское» и «Госплановское» дела, закончившиеся уничтожением нескольких десятков крупных советских партийных и хозяйственных руководителей. Не касаясь существа, целей и причин «Ленинградского дела», что заслуживает отдельного рассмотрения, отметим в контексте нашего исследования лишь одно обстоятельство.

В рамках обоих дел чрезвычайно важно было создать впечатление максимально разветвлённого, проникшего во все поры советского руководства заговора. Соответственно, использовались, а когда надо фабриковались, доказательства причастности к антипартийной и антигосударственной деятельности руководителей ленинградской партийной организации по возможности большего числа высших советских руководителей, чья судьба когда-либо была связана с городом на Неве. В этом плане большой интерес представлял А.Н. Косыгин. В тот период времени он был министром финансов СССР и успешно подготовил и проводил денежную реформу, связанную с восстановлением нормального монетарного обращения после Великой Отечественной войны. За его плечами было руководство беспрецедентной эвакуацией промышленности в 1941–1942 гг., организация знаменитой Дороги жизни в Ленинграде, осуществление кризисных миссий на различные участки фронта, как правило, в составе бригад с участием Г.М. Маленкова и Л.П. Берии. К тому же супруга А.Н. Косыгина Клавдия Андреевна была родственницей семьи одного из главных фигурантов «Ленинградского дела» — руководителя Ленинградской партийной организации А.А. Кузнецова.

В связи с этим до сих пор идут споры, кто же тогда спас А.Н. Косыгина. Среди историков, придерживающихся профессионального, т.е. базирующегося на источниках подхода к исследованиям, в основном высказывались две точки зрения. Согласно первой, Косыгина спас весьма влиятельный и близкий к Сталину Л.З. Мехлис, который возглавлял партийную комиссию по рассмотрению деятельности Минфина СССР на предмет кражи золота. Высказывается также мнение, что А.Н. Косыгина спас А.И. Микоян, который в самое горячее время отправил его в длительную командировку на Алтай¹⁸². На это другая часть историков резонно отвечает, что в те времена в Советском Союзе отъезд в сколь угодно дальнюю командировку ничего не менял, поскольку людей успешно доставали не то что с Алтая, а из Европы и Америки. Поэтому вторая группа историков отмечает, что Косыгина спас И.В. Сталин, который сам и был инициатором «Ленинградского дела»¹⁸³. Они ссылаются на воспоминания партийных деятелей того времени, которые отмечают, что после возвращения из командировки на Алтай Косыгин в качестве министра финансов присутствовал на заседании правительства. Во время заседания к нему подошёл Сталин и сказал: «Ничего, Косыга, ещё поработаешь»¹⁸⁴.

¹⁸² Гвишиани А. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004. С. 75–76.

¹⁸³ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.

¹⁸⁴ Гвишиани А. Ук. соч. С. 80.

Относительно данной позиции можно высказать следующее соображение. Вполне очевидно, что без решения Сталина судьба ни одного видного советского руководителя не решалась. Разговоры о том, что Сталин чего-то не знал или кто-то из видных фигур того времени был заключён в тюрьму, расстрелян или сослан в лагерь без его ведома, является глупостью, которую серьёзным исследователям просто обсуждать неудобно. Поэтому мемуаристы, безусловно, зафиксировали имевший место факт, показывающий, что в какой-то момент времени Сталин изменил первоначальное решение под воздействием одному ему ведомых обстоятельств. Такое тоже было достаточно характерно для поведения этого без сомнения великого мастера политической борьбы и государственного управления.

Нет оснований не доверять и перекрёстным свидетельствам мемуаристов, подтверждённых данными из партийных архивов о том, что именно А.И. Микоян отправил в достаточно спонтанную командировку А. Косыгина. Что в связи с этим историки не объяснили, так это то, зачем этот чрезвычайно осторожный, лишённый собственных амбиций и преданный Сталину партийный функционер, лично не относящийся к числу друзей Косыгина, сделал этот шаг. Правда, по мнению заместителя председателя Совета Министров СССР В.Н. Новикова, «Микоян всегда хорошо относился к Алексею Николаевичу... И вот Анастас Иванович, видимо, решил как-то обезопасить Косыгина, хотя прекрасно понимал, что от Берии не скроешься»¹⁸⁵. Самое смешное в этом воспоминании — это упоминание Л.П. Берии. Уж кто-кто, а А.Н. Новиков прекрасно знал, что в то время Л.П. Берия не только был в опале у И.В. Сталина, но и не имел никакого отношения к силовым структурам и занимался атомным проектом в его решающей стадии, а не погоней за Косыгиным. Впрочем, чего не напишешь, когда это нужно руководящим товарищам. Кстати, подобным же подходом грешат и воспоминания самого А.И. Микояна «Так было»¹⁸⁶. Они написаны в непростой период, когда многие члены его семьи так или иначе имели прямое отношение к власти. Соответственно, пенсионер союзного значения Микоян в своих воспоминаниях не столько повествовал о прошлом, вспоминая минувшие дни, сколько решал текущие задачи клана.

Иными словами, и первая, и вторая группа сведений подтверждены документально. Однако ни одна из точек зрения не может объяснить, почему произошло спасение Косыгина, и кто в этом был заинтересован. Возникает вопрос, а при чём здесь М.М. Гвишиани? Его в стабилизовавшейся советской иерархии послевоенного периода отделяла пропасть от уровня тех людей, которые могли принять решение относительно судьбы высших советских руководителей, к числу которых без сомнения относился А.Н. Косыгин.

Не так давно С.Е. Кургинян постарался объяснить ситуацию со спасением Косыгина следующим образом: «Этот Гвишиани очень долгое время работал на Дальнем Востоке. Он руководил там госбезопасностью. Партийным руководителем при нём был Пегов — тоже знаковая фигура внутри партийной обоймы того времени. Затем Гвишиани-старший переехал в Ленинград, где ему, наряду с другими, было поручено разбираться с “Ленинградским делом” знаменитым. Он и разбирался. И, как тогда это делали все, действовал по инструкциям и достаточно жёстко.

¹⁸⁵ Там же. С. 79.

¹⁸⁶ Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999.

Потом в ходе “Ленинградского дела” этому Гвишиани-старшему попался на глаза, в виде подследственного, молодой Косыгин — будущий советский Председатель Совета Министров, премьер. Косыгин был убеждённым сталинистом, и по каким-то непонятным причинам Гвишиани-старший его пожалел. Поскольку в сталинские времена это было не принято и даже механизмов-то реализации этой жалости не было, то речь могла идти только о достаточно экзотических вещах. Но “из песни слов не выкинешь”. Это было»¹⁸⁷.

Нельзя не отметить, что С.Е. Кургинян весьма вольно относится к историческим фактам и особенно к их интерпретации. В этом, в частности, проявляется режиссёрская натура нынешнего политаналитика. Любой режиссёр не исследует реальность, а создаёт свою собственную из подручных средств и материалов. В приведённом фрагменте вольностью является вывод о том, что М.М. Гвишиани мог спасти А.Н. Косыгина. Как отмечалось выше, он не обладал возможностями и статусом, позволявшим сделать это. Однако нельзя не отметить, что С.Е. Кургинян действительно обладал и обладает в последние 20 лет весьма эксклюзивным набором информаторов, позволяющим в ряде случаев получать достаточно редкую, недоступную другим информацию. К свидетельству С. Кургиняна об участии М.М. Гвишиани в судьбе Косыгина следует подойти максимально серьёзно не только в силу обладания Кургиняном эксклюзивными источниками. Главное состоит в том, что данное свидетельство подтверждается ещё одним достоверным и совершенно независимым источником.

В число участников узкого «мозгового треста» Л.И. Брежнева, подготавливавшего его доклады и книги, входил наряду с Г. Арбатовым, Е. Бовиным, А. Аграновским и зампред Госкомтруда СССР Б.М. Сухаревский. Важно отметить, что Б.М. Сухаревский был любимым учеником и ближайшим сотрудником А. Вознесенского и одним из немногих людей ленинградской команды, не только выжившим, но и не попавшим в заключение по результатам «Ленинградского» и «Госплановского» дел. В значительной степени поэтому отношения Б.М. Сухаревского со многими людьми, причастными прямо или косвенно к «Ленинградскому делу», типа А. Вознесенского были весьма неоднозначны. В 1970-е годы, после одного из совместных заседаний с Д.М. Гвишиани, Сухаревский сказал своим сотрудникам, что отец Д.М. Гвишиани неоднократно его (Сухаревского) допрашивал и играл не последнюю роль в бригаде следователей по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. При этом на протяжении конца 1970-х – начала 1980-х годов Б.М. Сухаревский поддерживал тесные рабочие и дружеские отношения с Д.М. Гвишиани.

Чем важно свидетельство Б.М. Сухаревского? Не только тем, что оно получено, что называется, из первых уст, от человека — непосредственного участника «Ленинградского» и прежде всего «Госплановского» дела, но и тем, что позволяет с высокой степенью вероятности разобраться, что же тогда происходило, и кому А.Н. Косыгин обязан своим спасением. Но перед этим необходимо расставить точки над «i» применительно к мнению внука А.Н. Косыгина А. Гвишиани относительно роли Л.П. Берии. В своей книге он пишет, что «Берия и Маленков начали кампанию по компрометации “Ленинградской группы”. Одна из их целей — член

¹⁸⁷ <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=2&id=93>

Политбюро Косыгин»¹⁸⁸. Из текста книги очевидно, что данное мнение высказано не на основе бесед с дедом, а сформировалось под воздействием бесед с ответственными советскими работниками брежневской эпохи, когда на Л.П. Берия было принято «вешать всех собак».

Главным же аргументом для А. Гвишиани является попавший в его распоряжение проект закрытого письма Политбюро, подготовленный Г. Маленковым и Л. Берия 12 октября 1949 г. В своей книге он приводит значительные фрагменты этого письма¹⁸⁹. В частности, в проекте документа, подготовленного Маленковым и Берия, говорится: «Следует указать на неправильное поведение Косыгина А.Н., который оказался как член Политбюро не на высоте своих обязанностей... Он не разглядел антипартийного вражеского характера группы Кузнецова, не проявил необходимой политической бдительности и не сообщил в ЦК ВКП(б) о непартийных разговорах Кузнецова и др.»¹⁹⁰.

Относительно приведённого проекта письма возникает целый ряд вопросов, на которые нет ответов. Прежде всего, копия письма отсутствует в Сборнике документов «Политбюро ЦА ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953» (М.: РОССПЭН, 2002), в разделе, посвящённом «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. Из архивных документов выяснилось, что данный проект существует в виде машинописной копии, без аутентичных подписей. Сама по себе машинописная копия не может считаться достоверным документом, тем более в условиях тотальной фальсификации, которой подвергались советские архивы, начиная с времён правления Н.С. Хрущёва. Мало того, в документе упоминается о политических просчётах, допущенных А.А. Ждановым. Хорошо зная аппаратный стиль Берии и тогдашнюю его ситуацию во взаимоотношениях со Сталиным, невозможно себе представить, что он в отличие от Маленкова мог подписать какой-либо документ, бросающий тень не просто на близкого И.В. Сталину, хотя и умершего человека, но главное, его родственника. Ведь в момент якобы подписания письма Светлана Аллилуева только что вышла замуж за сына А. Жданова Юрия. К тому же именно в момент якобы подписания письма Л.П. Берия отнюдь не охотился за Косыгиным, а с блеском завершил первую стадию Атомного проекта. Иными словами, практически нет ни малейших сомнений, что мы имеем дело с очередным историческим фейком, которых в последние годы появилось огромное множество. Чтобы разобраться в событиях свинцового времени послевоенного Советского Союза, необходимо осмыслить несколько фактов. В своей совокупности они и позволяют разгадать загадку спасения А. Косыгина.

Факт первый. «Ленинградское дело» было направлено против всех ключевых выдвиженцев А. Жданова — второго человека в СССР послевоенного периода. Началось «Ленинградское дело» практически сразу же после его скоропостижной смерти. Смерть Жданова в корне изменила баланс сил в околосталинской верхушке советского руководства и, соответственно, стимулировала зачистку команды, которая, будь ей дано время, могла консолидироваться и не только сохранить, но и упрочить свои позиции.

¹⁸⁸ Гвишиани А. Ук. соч. С. 76.

¹⁸⁹ Там же. С. 76–77.

¹⁹⁰ Там же. С. 76.

Факт второй. Документально установлено, что вся работа по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам велась В. Абакумовым, тогдашним руководителем МГБ СССР. Что до Л.П. Берии, то он в это время был полностью отодвинут Сталиным от органов государственной безопасности и сосредоточился на реализации Атомного и, в значительной мере, Ракетного проектов, за который формально, но не фактически, отвечал Маленков. Объективно в деле против Вознесенского, Кузнецова и других в наибольшей мере был заинтересован именно Маленков. Суть в том, что именно Маленков, а не Берия и тем более не другие члены «узкого» руководства, рассматривался в то время в качестве потенциального преемника И. Сталина. Кроме того, в период начального развертывания «Ленинградского дела» И.В. Сталин, судя по анализу врачебной и партийной документации, был тяжело болен и редко принимал участие в решении практических вопросов¹⁹¹.

Факт третий. Л. Берия как выдающийся аналитик и человек, изначально сориентировавший себя на роль не первого руководителя, а «серого кардинала», естественно, был заинтересован иметь полную информацию о ходе «Ленинградского» и «Госплановского» дел, причём не на уровне бесед с ответственными работниками, а на уровне возможности ознакомления с первичными материалами и знания о ходе следствия изнутри. Для этого ему необходим был человек, который участвовал бы в основной следственной бригаде по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам, причём в качестве одного из её ключевых членов.

Факт четвёртый. М. Гвишиани, без сомнения, входил в круг наиболее доверенных людей Берии. В то же время, будучи руководителем самого дальнего от Москвы управления НКВД, он не относился к числу приближённых к Берии людей. Кроме того, хорошо известно из многочисленных мемуаров чекистов, а также от исследователей жизни и деятельности Абакумова¹⁹², что у него были хорошие рабочие отношения с М. Гвишиани. Также известно, что он привлекал Гвишиани к решению ряда важных задач, непосредственно не связанных с деятельностью управления Приморского края. Делал он это в значительной степени вследствие того, что М. Гвишиани хорошо показал себя в качестве члена оперативных бригад, например, осуществлявшей депортацию чеченцев и ингушей.

Факт пятый. Достоверно известно, что М. Гвишиани удалось обеспечить своё включение в состав оперативной бригады, работающей по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. Это помимо оспоримого свидетельства Кургиняна подтверждает неоспоримый рассказ Б.М. Сухаревского, относимый к концу 1970-х годов.

Факт шестой. Не подлежит сомнению, что М. Гвишиани прекрасно отдавал себе отчёт, что попадание А. Косыгина в число основных фигурантов «Ленинградского дела» с неизбежным его расстрелом в качестве такового, будет иметь трагические последствия не только для Людмилы Косыгиной, но и для её мужа Джермена. Располагая всей полнотой материалов (а технология работы оперативных следственных групп особой важности состояла в том, что каждый из её участников допросы проводил самостоятельно, но аналитическая работа велась сообща), он никак не мог повлиять на конечные выводы. То есть всё зная и располагая полной кар-

¹⁹¹ Политбюро ЦА ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. Сборник документов / Составители: О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002. <http://tfolk.ru/?p=15473>

¹⁹² Смыслов О.С. Генерал Абакумов. Палач или жертва? М.: Вече, 2012.

тиной, а, следовательно, и возможностью разработать способы выведения А.Н. Косыгина из-под удара, М. Гвишиани ни в коем случае не мог практически реализовать свои задумки.

Факт седьмой. Вполне понятно, что, будучи доверенным лицом Л.П. Берии и неся немалые риски, в том числе для своей личной судьбы, исполняя данную роль, он не только был обязан докладывать Берии о ходе «Ленинградского» и «Госплановского» дел, но и имел право на проведение с ним доверительных бесед. О таком принципе взаимоотношений Л.П. Берии с его личными доверенными людьми свидетельствуют многочисленные опубликованные и неопубликованные воспоминания ближнего круга Л.П. Берии, начиная с широко известных мемуаров П. Судоплатова¹⁹³.

Факт восьмой. Л.П. Берия никогда не отличался сентиментальностью и вполне понятно, факт угрозы Д. Гвишиани — сыну его доверенного сотрудника, вследствие попадания А.Н. Косыгина в число основных фигурантов дела, ни в коей мере не мог выступить побудительным мотивом для каких-либо практических его действий. Однако Берия как никто другой умел использовать имевшуюся у него информацию для решения тех или иных задач. Отлично понимая, что в результате «Ленинградского» и «Госплановского» дел произойдёт усиление Г. Маленкова и сработавшегося с ним В. Абакумова, он, вполне очевидно, был весьма заинтересован в наличии запасных вариантов противодействия Г. Маленкову и дискредитации В. Абакумова. А.Н. Косыгин как нельзя лучше подходил для решения этих задач. Маленков позиционировал себя не только в качестве партийного руководителя, но и как специалиста в области организации и управления экономикой. Поэтому его первоочередной целью и был Вознесенский. А.Н. Косыгин вообще никогда принципиально не рассматривал себя как партийного деятеля, а исключительно как организатора и, как тогда принято было говорить, — хозяйственника. Вывода Косыгина из-под удара, Л. Берия одним махом решал две задачи. С одной стороны, он получал лично обязанного ему человека, который потенциально в нужный момент мог заменить Г. Маленкова. С другой стороны, А.Н. Косыгин всегда мог выполнить роль наиболее квалифицированного из имеющихся в Советском Союзе консультантов по вопросам экономики, финансов и управления хозяйством. Одновременно, Косыгин, хорошо осведомлённый не только о формальных, но и о неформальных отношениях внутри Ленинградской группы, в нужный момент мог много рассказать о В. Абакумове и методах его работы. Кстати, такой момент вскоре и настал.

Факт девятый. Л. Берия на протяжении длительного периода времени имел достаточно устойчивые, хорошие отношения с Л. Мехлисом и А. Микояном. Внимательное изучение личного почерка Л. Берии в процессах внутриэлитной борьбы в советском руководстве указывает на то, что в наиболее деликатных случаях он предпочитал на начальной стадии той или иной комбинации действовать чужими руками и лишь в решающий момент, когда дело уже сделано, подключаться к нему лично, в качестве фронтмена. Поэтому вполне логично подтверждённое архивными данными участие Л. Мехлиса и А. Микояна в судьбе Косыгина. Кроме того, весьма вероятно, что именно Л. Берия как лицо, лично никак не заинтересованное и не поддерживающее каких-либо близких, дружеских отношений с А. Косыгиным,

¹⁹³ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.

мог самостоятельно или вместе с Л. Мехлисом подсказать стареющему и больному вождю мысль о том, что полезно сохранить А.Н. Косыгина в руководстве. Он как никто другой подходил для использования столь любимой Сталиным комбинации, когда текущему любимцу из правящей элиты, занимающему господствующие позиции, создаётся своего рода двойник. Именно в роли фаворита тогда выступал Г. Маленков. Поэтому идея о том, что «Косыге надо дать поработать» с чрезвычайно высокой степенью вероятности могла быть донесена до Сталина исключительно или при решающем участии Л. Берии.

2

Почему мы столь подробно разобрали ситуацию со спасением А.Н. Косыгина от, казалось бы, неизбежных трагических последствий? Дело в том, что по своей личной характеристике Косыгин, по свидетельству абсолютно всех людей, знавших его, включая даже его идеологических противников, отличался высокими человеческими качествами. В их число входили исключительно редкие для политика качества человеческой благодарности, порядочности и верности. Будучи умным человеком, из имеющихся в его распоряжении сведений он не мог не сделать вывод о том, кто и как его спас. При этом совершенно исключено, что об этом когда-либо мог ему рассказать, Д. Гвишиани.

О понимании Косыгиным того, что он своей политической послевоенной судьбой в значительной степени обязан семье Гвишиани, свидетельствует близкий круг его знакомств, хорошо известный благодаря мемуаристам¹⁹⁴. К числу весьма немногих людей, с которыми дружил и общался дома А.Н. Косыгин, относились, например, Л. Ойзерман — философ, научный руководитель Д. Гвишиани, В. Кириллин — академик АН СССР, председатель Госкомитета по науке и технике, непосредственный начальник Д. Гвишиани, и ещё несколько человек, тесно связанных с последним. Причём со всеми этими людьми до начала работы с ними своего зятя Косыгин никогда тесно не общался, не говоря уже о вхождении в чрезвычайно узкий круг его друзей¹⁹⁵. Тесные и доверительные отношения между Д.М. Гвишиани и А.Н. Косыгиным сыграли огромную роль в событиях, связанных с Римским клубом, Международным институтом прикладного системного анализа в Вене, оказали серьёзное воздействие на ключевые процессы в поздней истории Советского Союза.

После завершения обучения в МГИМО Д.М. Гвишиани стал офицером Советской Армии, а точнее, как он пишет в своих воспоминаниях, Военно-морского флота. Вероятно, реальным местом его службы было Главное разведывательное управление Министерства обороны СССР. Хотя прямо в своих воспоминаниях он об этом не пишет, тем не менее, в них рассказывается, например, о командировке в Австрию, где вряд ли дислоцировался Военно-морской флот СССР.

Любопытно, что после смерти И.В. Сталина и убийства Л. Берии, несмотря на увольнение и лишение воинского звания его отца, Д. Гвишиани не пострадал, а про-

¹⁹⁴ Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по <http://padaread.com/?book=57442>

¹⁹⁵ Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. Сост. Т.И. Фетисов. М.: Республика, 1977; Андриянов В.И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003.

должал служить, одновременно начав работать над кандидатской диссертацией на философском факультете МГУ. Тема диссертации по тем временам была совершенно немыслима не то что для философа, но и тем более для офицера Советской Армии. Речь шла о «Социологии американского менеджмента». Д. Гвишиани пишет: «В годы службы я наладил научные контакты с философским факультетом МГУ и начал изучать основные направления развития американской прикладной социологии, прежде всего социологии индустрии, а также знакомился с некоторыми теоретическими трудами по организации и управлению вооружёнными силами США»¹⁹⁶.

Попутно нельзя не отметить, что А.Н. Косыгин в то время вряд ли мог защитить Д. Гвишиани и тем более его отца от возможных репрессий. Дело в том, что в то непростое время места его работы и, соответственно, аппаратный вес постоянно менялись, хотя он неизменно оставался в обойме высших хозяйственных руководителей. Однако Косыгин был бесконечно далёк от тех лиц, которые принимали решения в отношении офицеров МГБ СССР и ГРУ МО СССР. Единственно, можно предположить, что старший Гвишиани оказался чем-то полезен новым хозяевам страны, располагая, вероятно, некоей эксклюзивной информацией, полученной за счёт его близости к Л. Берии.

В 1955 г. Д. Гвишиани демобилизуется из Вооружённых сил страны и поступает на работу в Государственный комитет по внедрению новой техники — будущий ГКНТ. В воспоминаниях Д. Гвишиани пишет: «...в структуре комитета, куда я поступил на работу, был специальный отдел изучения зарубежной науки и техники. Большинство работников отдела были дипломированными инженерами, и я вначале испытывал некий комплекс неполноценности, не имея формального инженерного диплома, и лишь некоторую военно-техническую подготовку»¹⁹⁷.

Обращает на себя внимание, что при формировании комитета отставной офицер Военно-морского флота был сразу назначен начальником отдела изучения зарубежной науки и техники. По своей направленности до 1965 г. комитет занимался практически исключительно военно-промышленной тематикой и возглавлялся такими крупнейшими руководителями военной промышленности, как В.А. Малышев, М.В. Хруничев и К.Н. Рудник. Жёсткая военно-промышленная ориентация комитета и жёсткий принцип формирования кадров исключительно из прикомандированных офицеров ГРУ и представителей военно-промышленной комиссии Совмина СССР изменились только в 1965 г., когда его возглавил многолетний друг сначала Д.М. Гвишиани, а затем и А.Н. Косыгина академик Владимир Кириллин.

Начиная с 1956 г. Д. Гвишиани в качестве руководителя отдела и, вероятно, прикомандированного офицера ГРУ или действующего резерва ГРУ фактически полностью берёт на себя все внешнеэкономические контакты Комитета и в ходе осуществления визитов его руководства в большинство европейских стран и США завязывает необходимые контакты и взаимоотношения с ведущими западными чиновниками, занятыми схожей тематикой, а также представителями бизнеса. Например, Д. Гвишиани устанавливает дружеские отношения с президентом «Фонда Круппа» Бертольдом Байтцем и знаменитым руководителем Ассоциации крупнейших западногерман-

¹⁹⁶ Гвишиани Д. Ук. соч. С. 26.

¹⁹⁷ Там же. С. 31.

ских промышленных корпораций Отто Вольфом фон Амеронгеном. В первый же год своей работы Д. Гвишиани устанавливает тесные административные контакты, сопровождающиеся личными дружескими отношениями с Пьеро Саворетти — руководителем довольно необычной фирмы из Турина «Новасидер». «Долгие годы знакомства и совместной работы дают мне право с полным основанием отметить его выдающуюся роль в развитии советско-итальянского сотрудничества в области науки, техники и экономики. Часто ему приходилось нелегко. Надо было преодолевать трудности. Бороться с необоснованной подозрительностью как наших, так и итальянских официальных и неофициальных органов, препятствующих его деятельности. Постоянно показывать своей работой важность и эффективность его миссии»¹⁹⁸.

В прежние времена даже профессиональный аналитик пробежал бы эти строчки быстрым взглядом и перешёл к дальнейшему тексту. Еще 5–10 лет назад узнать, что такое «Новасидер», было либо просто невозможно, либо настолько хлопотно, что потребовало бы подключения специальных государственных структур. Однако в современном мире оцифровано всё и вся, особенно что касается сферы бизнеса. Поэтому при наличии желания, времени, навыков и некоторых возможностей не представляется затруднительным выяснить информацию не только о существующих, но и об уже закрытых фирмах.

В нашем случае для этого достаточно обратиться к услугам Info Camere di Commercio Italiane. Поработав в электронном архиве, несложно выяснить, что фирма «Новасидер» была создана в 1954 г., а закрыта в 1993 г. В современном мире информационной и юридической корпоративной прозрачности не составило труда установить и учредителей компании. Ими были её руководитель Пьеро Саворетти с 9% акций и две структуры, обладавшие по 45,5% акций. Одна из них называется РНС — зарегистрирована в Люксембурге и существует до сих пор; другая — IFI-IFIL — теперь она преобразована в холдинг Exorc регистрацией в Италии. Касательно последней структуры, дальше ничего искать не требовалось, поскольку хорошо известно, что это холдинговая компания семьи Аньелли. Что же до РНС, то здесь пришлось повозиться с электронными архивами *Registre de commerce et des sociétés de Luxembourg*. Однако длительные поиски были вознаграждены фантастически интересной информацией. Выяснилось, что эта организация полностью принадлежит семье итальянских промышленно-строительных магнатов Писенти. С 1950 по 1982 г. холдинговую компанию возглавлял сын одного из шести братьев — основателей династии Писенти — Карло Писенти.

Семьи Аньелли и Писенти находились на протяжении всего XX в. в достаточно неоднозначных отношениях. В сферах, связанных прежде всего с политикой, владением средствами массовой информации, а также предприятиями пищевой промышленности они выступали как партнёры и совладельцы, а в промышленности строительных материалов выступали как жёсткие конкуренты, и, более того, Аньелли отняли у Писенти их кирпичный бизнес, оставив им только монополию в цементной промышленности Италии. Кстати, с Карло Писенти через Личо Джелли и Роберто Кальви был хорошо знаком Аурелио Печчеи¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Там же. С. 42–43.

¹⁹⁹ Naylor R.T. *Hot Money and the Politics of Debt*. Montreal: Black Rose Books, 1994. P.81–91, 113, 195, 140.

Наш интерес, однако, связан не с их бизнес-взаимоотношениями, а с персонею Карло Писенти. Не только рассчитанные на массового читателя, но и серьёзные профессиональные исследования полны материалов о Бильдербергском клубе, Трёхсторонней комиссии, Богемской роще, обществе «Череп и кости» и проч. Между тем российскому читателю вообще неизвестна неформальная организация «Круг», или *Le Cercle*. Немногим больше осведомлены о ней не только широкая публика, но и большинство профессиональных исследователей на Западе. Причина состоит в том, что в отличие от Бильдерберга, носящего характер статусных посиделок, и практически почивших в бозе Трёхсторонней комиссии, Богемской рощи и сообщества «Череп и кости», *Le Cercle* остаётся и в настоящее время активно действующей наднациональной структурой, объединяющей элитные группы в Европе, Америке и Азии. Подробнее речь об этой уникальной организации пойдёт позже.

В рамках данного фрагмента отметим три важных корпуса фактов, известных частично из единственной книги, посвящённой этой организации, — работе «*Rogue Agents. The Cercle Pina Complex 1951–1991*»²⁰⁰, а частично из рассеянных по университетским архивам, включая Архив национальной безопасности Университета Вашингтона, отрывочных материалов, а также материалов ISGP.

Первый корпус фактов связан с теми, кто основал эту организацию в 1951 г. Двумя людьми, которые сформулировали идею «Круга» и стали её продвигать среди представителей европейской католической элиты, были Жан Виоле и Карло Писенти. Что касается Виоле, то перед Второй мировой войной он был одним из руководителей CSAR — секретной, ориентированной на финансово-промышленную группу в Национал-социалистической партии Германии, и Кливденский круг Великобритании организации, тесно связанной с французским движением «Аксьон Франсез». Во время войны Жан Виоле переехал в Швейцарию, в Женеву, где взаимодействовал одновременно с доверенными людьми М. Бормана, ближним кругом Я. Шахта и представителями В. Шелленберга. Наряду с нацистами Виоле тесно работал с руководством известного католического Ордена *Opus Dei* легендарным тайным европейским французским обществом «Синархия», с которым после Второй мировой войны враждовал и взаимодействовал генерал де Голль. Кроме того, Ж. Виоле был близким другом известного французского политика, который стал в 1951 г. премьер-министром Франции, Антонио Пине. Именно Ж. Виоле и людьми, стоящими за ним, Пине был обязан своей карьерой и должностями.

Что касается Карло Писенти, то помимо принадлежности к итальянскому олигархическому семейству по линии матери он принадлежал к фамилии Пачелли. Его мать была сестрой Пия XII, который занимал папский престол с 1939 по 1967 г., а также родственницей других крупных ватиканских чиновников, включая главного юриста Ватикана Филиппа Пачелли, и финансового советника пап Эрнесто Пачелли. Есть все основания полагать, что первоначальный план создания «Круга» был разработан высшими кардиналами Ватикана, а его доработка и практическая реализация была поручена Карло Писенти и Жану Виоле.

²⁰⁰ Teacher D. *Rogue Agents. The Cercle Pina complex 1951–1991*. Geneva: Christie Books. 2003.

В число основателей Le Cercle после проведённой с ними работы вошли Антонио Пине — выбранный первым председателем неформальной организации; Жан Монне — французский политический деятель, в последующем получивший титул отца Евросоюза, принц Отто фон Габсбург — неформальный глава католической германской аристократии, Конрад Аденауэр — действующий канцлер ФРГ и сэр Джон Синклер — представитель одной из самых родовитых семей британской аристократии, втайне исповедующий католичество и ведущий родословную от шотландских тамплиеров.

Второй корпус фактов связан с целями организации и информацией о различных течениях, образовавшихся в ней. Le Cercle был создан Ватиканом и католической старой аристократией для реализации идеи создания Европы от Лиссабона до Владивостока. Эта идея была оформлена как панъевропейский проект. В рамках этого проекта «Круг» максимально способствовал созданию сначала европейских органов различного типа, например, Европейского союза угля и стали, затем Общего рынка и, наконец, ЕЭС. Также совет приложил большие усилия для вступления в ЕЭС Великобритании и установления тесных взаимоотношений с США. В настоящее время члены «Круга» активно лоббируют создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского торгового партнёрства, а также максимально глубокую интеграцию Китая с европейской экономикой.

С первых дней в рамках Le Cercle образовалось два течения. Преобладающее течение просто патологически ненавидело Советский Союз и прилагало усилия к максимальному его ослаблению, а затем и разрушению. Наиболее яркими представителями этого течения среди отцов-основателей организации были Ж. Виоле, А. Пине, К. Аденауэр, Й. Штраус и вошедший в состав организации в 1956 г. А. Даллес. И, конечно же, один из высокопоставленных сотрудников французский спецслужб, «серый кардинал» «Круга» Б. Крозье.

Была и другая, хотя и более слабая, но влиятельная группировка в организации, которая видела перспективы в налаживании сотрудничества с Советским Союзом и его постепенной интеграции в единую Европу. Эту группировку возглавляли Отто фон Габсбург и влиятельнейший деятель Христианско-демократической партии, близкий к Ватикану Джулио Андреотти. К ней же принадлежал и близкий к де Голлю Жан Монне. К. Писенти относился к нейтральной группе, которая старалась не вмешиваться в политику, а обеспечивала связь высших кругов Ватикана с наиболее высокопоставленными членами Le Cercle.

Третий корпус фактов связан с судьбой Le Cercle. На протяжении всего периода деятельности организации она по сути представляла собой структуру взаимодействия между Ватиканом, старой католической аристократией, католически ориентированными ведущими политиками и элитой европейской и англо-американской разведки.

В деятельности организации можно выделить два этапа. Первый — когда основная активность была сосредоточена в Европе, а штаб-квартирой организации являлся отель «Негреско» в Ницце. Этот период охватывает 1951–1991 гг. Второй этап — американский. Он начался в 1994 г. и продолжается по настоящее время. Сегодня рабочий орган «Круга» расположен предположительно в католическом Бостоне, а организация сменила неформальный статус на статут неприбыльной корпорации или НКО — «Atlantic Cercle, Inc.».

В настоящее время документально подтверждено членство в «Круге» в разные периоды времени примерно 200 человек. Список поражает воображение и даёт возможность однозначно квалифицировать организацию не как элитную тусовку, подобную Давосу, или собрание элитного, в чём-то показушного клуба, как Бильдерберг, а как эффективную дееспособную и активную наднациональную структуру.

Подробно о «Круге», как уже говорилось, речь пойдёт позже, однако для придания интриги, приведём несколько фамилий людей, которые являлись членами Le Cercle на момент знакомства Д. Гвишиани с директором компании «Навосидер» Пьеро Саворетти, а также несколько фамилий, относящихся к более позднему периоду деятельности «Круга», начиная с 1970-х годов.

Помимо упомянутых выше основателей в число примерно 70 человек, активно работавших в Le Cercle в 1956 г., входили, например, А. Даллес; генерал-майор сэр Джон Синклер — руководитель МИ-6; вездесущий Дэвид Рокфеллер; молодой Хуан Карлос Бурбон, будущий король Испании; Мишель Дебре, будущий министр обороны Франции, ближайший сподвижник генерала де Голля; Отто фон Амеронген и т.п. В более поздний период в «Круг» входили до и после своего назначения французский премьер-министр Лоран Фабиус, Сильвио Берлускони, директора ЦРУ в разные периоды времени Уильям Колби, Уильям Кейси, Дж. Бреннан.

Возникает вопрос, а мог ли быть Д. Гвишиани в курсе относительно учредителей столь понравившейся ему маленькой энергичной итальянской компании? На первый взгляд ответ, учитывая сегодняшнюю точку зрения на период 1950–1960-х годов, должен быть отрицательным. Не только в общественном мнении, но и среди весьма квалифицированных историков бытует точка зрения, что чиновники-функционеры того времени плохо ориентировались в западных реалиях и были бесконечно далеки от понимания элитных расстановок за рубежом. Однако данная точка зрения представляется ошибочной. Прежде всего она игнорирует просто огромное количество достоверных, перекрестно подтверждённых фактов, позволяющих с уверенностью сделать вывод о том, что высшая советская элита с первого до последнего дня советской власти тесно взаимодействовала с западными элитными группами. Причём данный вывод верен для всего периода советской истории, включая время реального господства И.В. Сталина. Более того, существует много оснований утверждать, что именно Сталину удалось установить совершенно уникальные по своей разветвлённости и, если можно так сказать, экзотичности и необычности, а также эффективности связи с различными группами мировой элиты. Однако развёрнутое фактологическое доказательство этого тезиса выходит далеко за рамки данного текста и требует написания специальной обширной работы. Пока же обратим внимание на следующее.

В нынешнем не только общественном, но и коллективном сознании Н.С. Хрущёв представляется кем-то вроде деревенского безграмотного дурачка с социопатическим психотипом. Однако факты говорят о том, что «дорогой Никита Сергеевич» при всей своей необразованности не только отличался цепким и раскованным умом, но и, подобно некоторым представителям высшей советской элиты, хорошо понимал, что к чему на Западе. Вместо того чтобы приводить многочисленные факты, подтверждающие сделанный вывод, позволим себе выдержку из книги весьма осведомлённого инсайдера А. Виноградова «Тайные битвы XX столетия». «В 1958 году, при-

нимая итальянскую делегацию, он внезапно прервал беседу с двумя ключевыми министрами и подошёл к президенту “Фиата” Джованни Аньелли: “Вот с Вами я хочу поговорить. Эти клоуны исчезнут, а Вы будете всегда. Вы — настоящая власть”»²⁰¹.

Принимая во внимание, что, согласно второму тому «Архивов Митрохина»²⁰², Италия периода 1950–1970-х годов была просто напичкана высокопоставленными политиками, бизнесменами, военными, которые контактировали с итальянской коммунистической партией и через неё — с Советским Союзом, можно с уверенностью сказать, что Д. Гвишиани с чрезвычайно высокой степенью вероятности был отлично осведомлён, кто стоит за его новым итальянским знакомым и его консультативной фирмой. Здесь возникает вопрос, почему в таком случае Д. Гвишиани не просто установил рабочие и дружеские отношения с Пьеро Саворетти, и, кстати, Отто Вольфом фон Амеронгеном, входившим в Le Cercle, но и заключил с маленькой фирмой «Новасидер» поистине уникальное соглашение, о чём речь впереди. Конечно, как это сегодня принято, легче всего объяснить данное обстоятельство изощрённым долговременным и коварным планом Д. Гвишиани и, конечно же, А.Н. Косыгина по подрыву великого и могучего Советского Союза. Сегодня подобные бредни стали общим местом в так называемой псевдопатриотической исторической, с позволения сказать, литературе.

Представляется, однако, что дело обстояло прямо противоположным образом. Разведывательное обеспечение деятельности высшего советского руководства во второй половине 1950-х годов пребывало в крайне плачевной ситуации. Суть в том, что к 1955 г. были полностью разгромлены советские разведывательные сети в Великобритании и США, о чём писалось ранее применительно к так называемой Кембриджской пятёрке. С учётом того, что эти разведчики были в значительной степени интерлокерами, соответственно оказались безвозвратно утерянными связи с теми элитными группами Великобритании и США, которые были готовы к взаимодействию с высшим советским руководством.

С расстрелом Л.П. Берии, гибелью или заключением в тюрьмы и лагеря наиболее осведомлённых и эффективных членов его команды были порушены связи с высшей элитой Германии, других центральноевропейских стран, Франции и в значительной степени, если не считать контакта Григулевича, в Италии и с католическими кругами. Плюс на всё это наложилась чехарда, интриги, бесконечные реорганизации в конце 1940-х – начале 1950-х годов органов советской политической и в несколько меньшей степени военной разведок. В общем и целом, политическая и концептуальная разведка, в чьи функции входит организация межэлитных контактов и взаимодействий, пребывала в самом начале 1960-х годов в крайне запущенном и плачевном состоянии.

В связи с этим назначение одного из ближайших соратников Н.С. Хрущёва В. Серова руководителем сначала КГБ СССР, а впоследствии ГРУ МО СССР никак не могло улучшить ситуацию. Между тем осуществление политического, военного и экономического руководства было невозможно без устойчивого межэлитного взаимодействия. В условиях развала работы в официальных разведывательных структурах

²⁰¹ Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 265.

²⁰² Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West. L.: Gardners Books, 2000.

практическую монополию на осуществление межэлитных взаимодействий получил «серый кардинал», в значительной степени обеспечивший победу Н.С. Хрущёва в схватках сначала с Л.П. Берией, а в последующем с Г. Маленковым и Н. Булганиным, Анастас Ованесович Микоян. В советской литературе, посвящённой истории разведки, неформальным разведывательным структурам, существовавшим в советское время, не принято уделять какого-либо внимания. Прямо противоположная картина сложилась за рубежом. В частности, на конференции по национальной безопасности, проводимой совместно с Джорджтаунским университетом и ЦРУ, был сделан доклад о неформальной разведывательной структуре, созданной и контролируемой А. Микояном на базе армянской диаспоры, оперировавшей во Франции, США, Бельгии, Великобритании и некоторых странах Южной Америки.²⁰³

Вполне очевидно, что Н.С. Хрущёв, не терпевший попадания в полную зависимость от кого-либо, стремился разнообразить не только источники получаемой им информации, но и иметь иные, нежели те, что обеспечивал ему А. Микоян, каналы межэлитного взаимодействия. В этом смысле А.Н. Косыгин, который с конца 1953 г. плотно вошёл в команду Н.С. Хрущёва, без сомнения, был заинтересован в предоставлении ему таких возможностей. Это, с одной стороны, соответствовало интересам дела, а с другой стороны, укрепляло позиции А.Н. Косыгина внутри команды Хрущёва. Поэтому нет больших сомнений, что Д. Гвишиани, которому по должности было положено взаимодействовать с научными, промышленными, деловыми и в какой-то степени политическими кругами западных стран, являлся как раз тем самым человеком, который должен был наработать такого рода связи. И с этой задачей Д. Гвишиани, без сомнения, справился.

Лучшим подтверждением высказанных соображений является ещё одна цитата из воспоминаний Д.М. Гвишиани: «Нелёгким делом стала организация итальянской выставки 1962 года, проведённой по личной инициативе Саворетти. Трудности возникли прежде всего в связи с негативным отношением к СССР на Западе после Карибского кризиса. Представители итальянского правительства ответили отказом на просьбу Саворетти выступить на открытии, и Италию представлял посол Карло Странес. Присутствовали на открытии и крупнейшие итальянские бизнесмены. Руководители советского государства — Н.С. Хрущёв и А.Н. Косыгин присутствовали на церемонии открытия»²⁰⁴.

Любой человек, знакомый со строжайшим дипломатическим официальным этикетом, легко сделает вывод, что в данном случае имело место грубейшее, можно сказать, недопустимое нарушение канонов, когда ранг советских руководителей даже близко не соответствовал рангу государственного итальянского открывающего лица. Тем не менее, глава СССР Н.С. Хрущёв не только посетил выставку и провёл много времени с крупнейшими итальянскими промышленниками, финансистами и владельцами газетно-журнальных корпораций, но и, как вспоминает Гвишиани в своей книге, остался крайне довольным этой выставкой. Более того, сразу после завершения выставки он разрешил Гвишиани начать подготовку беспрецедентного соглашения между государственным органом ГКНТ и небольшой

²⁰³ Lieberman M., Pogosyan M. The Armenian Diaspora and Soviet intelligence 1921–1991. Washington, DC: Georgetown University Center for Security Studies, 2003.

²⁰⁴ Гвишиани Д. Ук. соч. С. 43.

частной итальянской компанией о научно-техническом сотрудничестве. Как пишет Гвишиани, «это было первое соглашение такого рода, что стало важным событием и для нас. За ним последовали другие подобные соглашения с компаниями из иных западных стран.

Принципиальная новизна этих соглашений в те годы заключалась в том, что в них, с одной стороны, субъектом выступал государственный орган, представляющий правительство, а с другой — частное или национализированное западное предприятие... Соглашение закрепляли принцип наибольшего благоприятствования во взаимоотношениях партнёров. В целом более 300 фирм и корпораций из всех стран Запада подписали подобные соглашения с ГКНТ»²⁰⁵. Интересно, что фактически соглашение с маленькой, но чрезвычайно важной компанией «Новасидер», было подписано сразу же после смены советского руководства. Одним из первых решений, принятых на Политбюро под руководством Л.И. Брежнева, было принципиальное разрешение ГКНТ заключать подобного рода соглашения. Архивы ГКНТ СССР позволяют сделать выборку по компаниям, с которыми были подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве, предусматривающими статус наибольшего благоприятствования. Из общего числа 321 компаний 215 входили в список Форчун 500. Ещё шесть компаний входили в список 20 наиболее крупных и серьёзных юридических, консультативных и аудиторских компаний. Львиную долю остальных компаний, по всей вероятности, представляли собой структуры, похожие на приснопамятный «Новасидер». Фактически ГКНТ в лице Д. Гвишиани удалось установить доверительные отношения с элитой мирового бизнеса.

В связи с этим важно отметить несколько любопытных обстоятельств, сопряжённых с подписанием и реализацией столь обширной сети межэлитных соглашений. Прежде всего, нельзя не сказать, что подписание подобных соглашений было абсолютной новацией для советской послевоенной системы, но главное всё же состояло в другом. Предоставление конкретным компаниям статуса наибольшего благоприятствования несомненно предполагало интенсивный информационный и человеческий обмен, благоприятствовало и создавало необходимые формальные основания для интенсификации межэлитных контактов. Нельзя также не отметить тот факт, что подобные соглашения взламывали сложившуюся практику распределения контрактов между зарубежными фирмами, сложившуюся в Советском Союзе к началу 1960-х годов. Как правило, всю необходимую информацию, шлифовку контрактов и подготовку решений для ЦК и Политбюро осуществляли экономический и международный отделы ЦК, МВТ, МВС и соответствующие подразделения Госплана при участии КГБ СССР. С широкой практикой подписания эксклюзивных соглашений с зарубежными фирмами ГКНТ создавал параллельный, по многим параметрам гораздо более мощный канал организации реальных финансовых, товарных, патентных и иных потоков между СССР и Западом.

Понятно, что пробить такую брешь в окостеневшей, в значительной мере неэффективной и с каждым годом всё более отстававшей от изменившейся действительности системе советской внешней торговли и научно-технического сотрудничества одному Д. Гвишиани было не по силам. Это было возможно только для председа-

²⁰⁵ Там же. С. 43–44.

теля Совета министров А.Н. Косыгина, который к тому же до 1971–1972 гг. играл главную роль в представительстве СССР на мировой арене.

В исследовательской литературе, посвящённой истории позднего Советского Союза, а также в специальных работах по вопросам конвергенции, феномена Римского клуба и Международного института системного анализа в Вене, часто утверждается, что изначально проект Римского клуба был проектом КГБ СССР, а ГКНТ был его филиалом. Однако подобная точка зрения, особенно что касается периода до 1973–1974 гг., практически не имеет под собой сколько-нибудь серьёзных фактологических оснований. Начнём с того, что до своей реорганизации в 1965 г., когда собственно и появилась аббревиатура ГКНТ СССР и роль первого руководителя занял академик В. Кириллин, а Д. Гвишиани был назначен его замом по международным вопросам, Комитет был полностью подчинён Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и курировался не КГБ СССР, а ГРУ МО СССР. После реорганизации и вплоть до середины 1970-х годов ГКНТ в значительной части своих функций, в первую очередь касающихся международного сотрудничества, которую курировал Д. Гвишиани, по сути представлял собой автономную, относительно независимую от КГБ СССР и ГРУ МО СССР разведывательную структуру, напрямую подотчётную А.Н. Косыгину и через него — Л.И. Брежневу.

Понятно, что в ГКНТ СССР, так же как в других центральных министерствах и ведомствах, существовали должности, которые заполнялись прикомандированными офицерами или офицерами действующего резерва КГБ СССР и ГРУ. Однако максимальным рангом этих должностей был начальник отдела и они не имели сколько-нибудь заметного влияния внутри ведомства. К тому же большинство нынешних историков, не говоря уже о производителях псевдоаналитических сочинений, не очень знакомы с неформальными и формальными реалиями взаимоотношений между КГБ СССР и ЦК КПСС, не варились во внутренней кухне КГБ. В связи с этим надо иметь в виду, что на практике до последних дней советской власти действовал введённый ещё во времена правления триумvirата Маленкова – Булганина – Хрущёва, категорический формальный запрет КГБ СССР не только проводить вербовку руководящих работников центрального аппарата министерств и ведомств, но и осуществлять различные формы наблюдения за ними, а также устанавливать какие-либо формальные или неформальные контакты, не регламентированные специальными строгими правилами, с членами семей работников центрального аппарата ЦК КПСС и уж тем более членов ЦК КПСС, не говоря уже о небожителях из Политбюро. Вследствие этого запрета руки советской контрразведки были в значительной степени связаны. Именно из-за этого возникли дела О. Пеньковского, А. Шевченко и проч. Однако, несмотря на эти дела, запрет никто и не думал не то что отменять, но даже ослаблять.

В этом смысле в противоположность многим нынешним писаниям Д. Гвишиани, по крайней мере до конца 1970-х годов, не мог работать на КГБ СССР. Более того, любые его контакты с этой организацией носили чрезвычайно регламентированный характер и могли осуществляться только по инициативе самого Д. Гвишиани, а не каких-либо работников КГБ СССР независимо от их статуса. Как зять члена Политбюро А.Н. Косыгина Д. Гвишиани был личностью неприкасаемой с точки зрения контактов с КГБ СССР и абсолютно свободной от их возможного влия-

ния. Поэтому всё, что происходило и делалось в ГКНТ СССР в рамках международных формальных и неформальных связей Гвишиани, по крайней мере, до периода 1974–1975 гг., было внутренними операциями отдельной, находящейся внутри ГКНТ своеобразной неформальной разведывательной службы, подотчётной высшему советскому партийному руководству в лице А.Н. Косыгина и Л.И. Брежнева.

С начала 1960-х годов именно Д. Гвишиани, как правило, представлял Советский Союз в наиболее интересных с точки зрения завязывания контактов и получения информации международных организациях. К их числу, несомненно, относился Консультативный комитет по применению науки и техники в целях развития, созданный в системе ООН в 1964 г. Д. Гвишиани в своих воспоминаниях отмечает: «...предполагалось, что одобренные правительством своих стран члены комитета будут работать в комитете не как представители своих правительств, а в своём личном качестве, что обеспечивало некоторую независимость, давало определённую свободу действий и позволяло новому комитету избежать политизации и постоянной конфронтации, осложнявшей работу многих других учреждений ООН»²⁰⁶.

В число участников комитета наряду с другими входили, например, член наблюдательного совета Массачусетского технологического института, Стэнфордского университета, а впоследствии Института сложности в Санта-Фе, профессор Кэрролл Уилсон; секретарь Британской научной ассоциации сэр Норман Райт; руководитель ЕПА Александр Кинг; один из руководителей корпорации РЭНД, он же — один из основателей группы «Язоны», о которой речь впереди, он же — один из инициаторов создания DARPA Левис Брамскомб; президент Вейцмановского института, будущий министр иностранных дел и один из самых влиятельных политиков Израиля Абба Эбан и другие не менее влиятельные в международных политических, чиновничьих и научных кругах люди. Собственно, благодаря знакомству в комитете с К. Уилсоном и А. Кингом именно Д. Гвишиани сыграл, можно сказать, ключевую роль в создании Римского клуба. Подавляющее большинство исследователей и поголовно все специалисты в России, кто занимается этим вопросом, искренне полагают, что Римский клуб был создан по инициативе либо Аурелио Печчеи, либо, в крайнем случае, Александра Кинга. Но настало время внимательно, базируясь строго на фактах, а не на мнениях, оценочных суждениях и собственных желаниях, рассмотреть реальную историю создания Римского клуба. И далее, опираясь на достоверные факты истории создания, постараться реконструировать побудительные мотивы, цели, возможный профит ключевых акторов, участвовавших в этом известном на весь мир международном проекте.

²⁰⁶ Там же. С. 58.

Глава 6

Римский клуб. Основание

1

Исследование межэлитных взаимодействий на примере деятельности Римского клуба или, например, Международного института прикладного системного анализа с экскурсами в сопутствующие темы мы, наконец, добрались до движущих мотивов основания Римского клуба и связанных с ним ожиданий у его организаторов. Далее есть два пути. Один продемонстрировал В. Павленко в своём объёмистом труде «Мифы устойчивого развития», где пользуясь, к сожалению, некоторыми недостоверными, а то и фейковыми источниками, с одной стороны, и ссылками на работы собственных единомышленников, с другой, в качестве аргументов последней инстанции, заклеил «мондиалистов», «диджитал номадов» и прочих злостных конвергентов. Однако в практическом плане от такого рода трудов нет никакой пользы, если только не рассматривать за таковую разжигание ксенофобских настроений и искоренение привычки самостоятельно думать и критически анализировать массивы материалов. Поэтому лучше выбрать второй путь. Он предполагает внимательное вчитывание в первоисточники. Благо все три главных действующих лица — основатели Римского клуба — Аурелио Печчеи, Александр Кинг и Джермен Гвишиани — оставили мемуары. Есть прямой резон заняться анализом текстов этих мемуаров, их критическим изучением и сопоставлением. А уж затем, на основании полученных в ходе интеллектуального расследования сведений постараться прийти к каким-либо более-менее обоснованным выводам.

В различного рода спорных случаях, возникающих в ходе не только интеллектуальных, но и уголовных расследований, принято сначала знакомиться с самым ранним источником. В нашем случае это — книга Аурелио Печчеи «История моей жизни», написанная и вышедшая в свет до опубликования мемуаров Александра Кинга и Джермена Гвишиани. На данном этапе анализа текстов главная задача — выяснить, кто же был подлинным инициатором создания Римского клуба и сыграл решающую роль в той его конкретной конфигурации, которая дала миру знаменитые доклады. Итак, обратимся к тексту А. Печчеи. Вот что он пишет: «Я считаю, что создание Римского клуба, основной целью которого стало изучение и выявление нового положения, в котором оказался человек в век своей глобальной империи, явилось волнующим событием в духовной жизни человечества... Я всё искал

подходящих сподвижников, с которыми мог бы приступить к осуществлению донкихотского проекта, как вдруг случай неожиданно свёл меня с ним. В 1967 году я окольными путями вышел на генерального директора по Вопросам науки ОЭСР Александра Кинга. «Всё началось с того, — рассказывал мне потом Кинг, — что один мой коллега, учёный из Советского Союза, листая журнал в ожидании самолёта в зале ожидания одного из аэропортов, случайно наткнулся на статью о выступлении Аурелио Печчеи на конференции промышленников Буэнос-Айреса. Заинтересовавшись прочитанным, он послал мне в ОЭСР этот номер журнала с краткой припиской “над этим стоит поразмышлять”, тогда я впервые услышал имя Печчеи и оно мне ничего не говорило. Я навёл о нём справки и немедленно написал, предложив встретиться. Сразу же, примерно через неделю, состоялся наш первый разговор”. Мы с Александром Кингом поняли друг друга с первого слова... Вслед за этим я, заручившись финансовой поддержкой Фонда Аньелли, выбрал вместе с Кингом около 30 европейских учёных — естественников, социологов, экономистов, специалистов в области планирования и написал им, предложив всем приехать 6–7 апреля 1968 года в Рим для обсуждения многих вопросов. Надеюсь, что эта встреча станет знаменательным событием, я обратился к президенту основанной в 1603 году и, следовательно, старейшей из ныне существующих академий — Национальной академии деи Линчеи — с просьбой предоставить нам своё помещение, которое, как я считал, было бы достойным местом для нашего совещания. Он любезно отдал в наше распоряжение виллу Фарнезина... По окончании встречи под сводами Академии мы собрались в моём доме и сформировали “постоянный комитет”, в состав которого вошли Эрих Янч, Александр Кинг, Макс Констам (правая рука Жана Монне), Жан Сен-Жур, Гуго Тимман и я (негласным членом Клуба стал Джермен Гвишиани). Так родился Римский клуб, получивший имя своё от города, где появился на свет»²⁰⁷.

В этом фрагменте важно всё, включая не только составы основателей и первого рабочего комитета Римского клуба, но и место первого его заседания — вилла Фарнезина Академии деи Линчеи («Академия рысьеглазых»). Оно столь же символично, как и место расположения Международного института прикладного системного анализа, который организовали всё те же Аурелио Печчеи, Александр Кинг и Джермен Гвишиани в Лаксенбургском дворце в Вене, принадлежавшем долгое время Габсбургам. О смысле этого символизма речь пойдёт позднее, пока лишь отметим, что вилла Фарнезина принадлежала знаменитому средневековому монарху Рене Анжуйскому, происходящему из рода герцогов Лузиньяна, потомку принцессы Мелузины. Более того, одним из трёх основателей академии был прямой потомок Рене Анжуйского. О значении выбора виллы Фарнезина и дворца в Лаксенбурге речь пойдёт, когда мы подробно посмотрим, кто стоял за спиной Аурелио Печчеи.

Теперь обратимся к воспоминаниям Александра Кинга. Вот что он пишет о тех событиях: «В сентябре 1965 года АДЕЛА (финансируемая выдающимися американскими деятелями, включая Дэвида Рокфеллера) организовала встречу латиноамериканских банкиров и предпринимателей в Буэнос-Айресе, пригласив Печчеи для произнесения программной речи, что он и сделал на беглом испанском. Его речь под

207 Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. С.117–121.

названием “Проблемы современного мира в 70-е годы”, охватывала очень широкий спектр тем и поднимала вопросы резкого увеличения численности населения, ухудшения окружающей среды, разделения на Север и Юг и потребности в долгосрочном глобальном планировании и управлении. По-видимому, копия речи на английском была передана в Государственный Департамент в Вашингтоне и попала на глаза госсекретарю, Дину Раску, на которого она произвела впечатление и, говорят, он заметил, что она была особенно полезной, поскольку её автором был не янки.

Вместе с другими бумагами и брошюрами она была выложена на приставных столиках заседания комитета по экономическим и социальным вопросам и консультативного совета по прикладным наукам и технологиям (АКАСТ). В конце одного заседания АКАСТ советский делегат, академик Джермен Гвишиани, взял экземпляр этого доклада и внимательно проштудировал его в Москве. Гвишиани с восторгом принял идеи Печчеи и решил пригласить его для переговоров в Советский Союз. Но кто такой Аурелио Печчеи и где его искать? Доклад здесь никак не помогал. Заголовка у него не было... Гвишиани отправил экземпляр своему американскому коллеге в АКАСТ, моему старому другу Кэроллу Уилсону (Кэролл Уилсон долгие годы был ректором Стэнфордского университета. В этом качестве он ещё в начале 1930-х годов принял активное участие в работе спонсированного семьёй Рокфеллеров, семьёй Карнеги, Фредериком Вандербильдом и семьёй Вертаймов Института Тихоокеанских исследований. В Институте работали резидент ГРУ Джон Шерман, Озаки Козуми — член группы Р. Зорге, советские разведчики Оуэн Латтимор и Гюнтер Штайн. — *И.С.*), попросив его выяснить, кто такой этот Печчеи, и познакомить их. Кэрол также ничего не слышал о Печчеи, поэтому он переслал документ мне с просьбой сделать всё от меня зависящее, чтобы найти его и связать с Гвишиани. Я тоже представления не имел, кто такой Печчеи, но быстро это выяснил и нашёл его.

Вскоре Гвишиани пригласил Аурелио в Россию, и интересно, что они встретились в Академгородке под Новосибирском, далеко от политических интриг Москвы, насколько это было возможно, и где Гвишиани мог в относительной безопасности говорить и слушать... переговоры были крайне плодотворны и привели к основанию Римского клуба и долгому сотрудничеству Гвишиани с ним. В письме к Печчеи я упоминал, что читал его работу и разделяю с ним беспокойство относительно того, куда мы идем; я предложил ему, если он когда-либо окажется в Париже, пообедать со мной и обсудить ситуацию. Через дней 10 после возвращения Печчеи из России в моём кабинете раздался звонок: “Это Аурелио Печчеи. Я сегодня в городе. Можем мы вместе пообедать?”...

Хотя озабоченность у нас вызывали прежде всего глобальные проблемы, мы не могли не обсуждать глобальные проблемы Европы, включая актуальный в то время вопрос её отставания от Америки... Поэтому мы сели однажды в моём кабинете в ОЭСР и набросали списки людей, которых мы могли бы пригласить. Аурелио надеялся убедить Фонд Аньелли спонсировать мероприятие... Оно состоялось в апреле 1968 года на красивой вилле Фарнезина в Риме, где располагалась Академия Линчеи»²⁰⁸.

²⁰⁸ Кинг А. Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека. М.: Институт Экономических Стратегий, 2012. С. 326–328 (с правками неточностей перевода).

Со всей очевидностью истории создания Римского клуба, представленные Печчеи и Кингом, заметно разнятся. Поэтому теперь обратимся к мемуарам ещё одного отца-основателя клуба, Д. Гвишиани. В них содержится самый оригинальный рассказ об этих событиях: «В 1967 году Печчеи встретил человека, который был ему нужен... Уолтер Клеменс, автор книги “Мученик во имя будущего”, посвящённой Печчеи, считает, что Кинга вывел на Печчеи никто иной, как я, и пишет об этом следующее: “В 1967 году Гвишиани участвовал в проходившем в Нью-Йорке заседании комитета ООН по науке и технике в целях развития. Там обнаружил экземпляр речи Аурелио Печчеи, которую разложили по столам для всех участников члены американской делегации, посчитавшие замечания Печчеи интересными. Это была лекция, прочитанная в военной академии в Аргентине, где Печчеи одно время возглавлял отделение фирмы Fiat. Вернувшись в Москву, Гвишиани ознакомился с лекцией Печчеи и захотел встретиться с ним, но не знал, как это сделать, так как в американском источнике не содержалось никаких сведений. Тогда Гвишиани написал своему коллеге по АКАСТ, профессору МТИ Кэроллу Уилсону, спрашивая, как найти Печчеи. Уилсон, тоже не знавший Печчеи, отослал запрос Гвишиани доктору Александру Кингу, в то время возглавлявшему отделение ЮНЕСКО в Париже, снабдив письмо выразительным замечанием “об этом надо было бы подумать”. Кинг установил связь с Печчеи и они несколько раз встретились в Париже и в других местах”. Эти сведения Клеменс почерпнул из интервью с Кингом, данным им в Вашингтоне 4 февраля 1987 года и его статье “Оглядываясь в будущее”»²⁰⁹.

Достаточно экзотично, когда мемуарист вспоминает о случившемся с ним, приводя цитату из статьи автора, описывающего события из вторых уст, но подобная экзотика отражает общую нетривиальность ситуации. Прежде всего, надо ещё раз вернуться к биографиям А. Печчеи и А. Кинга. Их изучение позволяет понять, что не зная друг друга они просто не могли. Прежде всего А. Кинг был генеральным директором ЕПА — Совета по повышению промышленного производства ОЭСР. А Печчеи в самом начале 1967 г., т.е. до описываемых событий, был назначен руководителем экономической комиссии Атлантического института мировых проблем при ОЭСР в том же Париже. При этом ОЭСР — это был совсем не Совет Министров СССР с десятками министерств. У ОЭСР на тот момент в Париже было только четыре организации, причём две — специализированные, экономические. Вполне понятно, что руководитель экономической комиссии главного мозгового центра ОЭСР просто не мог не знать генерального директора ключевого экономического органа ОЭСР.

Однако и это не всё. Аурелио Печчеи теснейшим образом взаимодействовал с сенатором Соединённых Штатов Джекобом Джавитсом и Дэвидом Рокфеллером при создании венчурной инвестиционной компании ADELA, ориентированной на деятельность в Латинской Америке. Печчеи, согласно его воспоминаниям, достаточно долго уговаривали взяться в первой половине 1960-х годов за создание этой корпорации именно как крупнейшего специалиста по Латинской Америке. С другой стороны, Александр Кинг находился в дружеских и деловых отношениях с Дэвидом Рокфеллером и входил в состав международного консультативного комитета Чейз Манхеттен Банк, во главе которого стоял Д. Рокфеллер. Причём, согласно воспоминаниям

²⁰⁹ Гвишиани Д.М. Ук. соч. С. 154–155.

Рокфеллера, которые приведены в других частях данного текста, в этот период Совет ключевое внимание уделял именно Латинской Америке как наиболее перспективному региону развития сети банка. Таким образом и в этой сфере А. Кинг и А. Печчеи были обречены не просто на знакомство, но и на совместную работу. Есть и другие, менее очевидные общие связи по линии Бильдербергской группы и группы «Язоны».

Ещё смешнее обстоит дело с Д. Гвишиани и А. Печчеи. Гвишиани в своей книге пишет: «Я впервые встретился с Аурелио Печчеи в начале 60-х годов, когда он возглавлял компанию “Оливетти”. По делам фирмы он приехал в Москву, где мы и познакомились. Этим было положено начало нашим регулярным контактам, продолжавшимся на протяжении более 20 лет»²¹⁰. Но и это не всё. Джермен Михайлович отмечает: «О деятельности фирмы “Италконсалт” в нашей стране, к сожалению, было мало известно. Но она, безусловно, представляла большой интерес и для нас. Я несколько раз встречался с Печчеи и ведущими сотрудниками этой фирмы в Москве, познакомился с её работой на месте — в Италии»²¹¹. Наконец, как мы выяснили, необычная фирма «Новосидер» во главе с Пьеро Саворотти, которая сыграла большую роль в жизни Гвишиани, также была совсем непростой компанией, прямые следы от которой вели не только к LeCercle, но и к группе Аньелли. Чтобы как-то связать концы с концами, Д. Гвишиани пишет следующее: «Замечу... я уже был знаком с Печчеи как с руководителем фирмы “Оливетти”, однако мне не приходило в голову, что он и автор доклада, полученного мной в Нью-Йорке на заседании АКАСТ, — это одно и то же лицо. Я решил, что это просто однофамилец, специалист по Аргентине, поэтому и обратился за разъяснениями к Уилсону»²¹².

В этом фрагменте Д. Гвишиани несколько изменила память. Хорошо известно, что при приёме любых иностранных делегаций государственными чиновниками в СССР, начиная с ранга члена коллегии министерства СССР, а уж тем более заместителей министров и приравненных к ним руководителей, обязательным было представление от соответствующих спецслужб детальной справки на персону и представляемую им компанию. Такие справки содержали биографию, основные данные по компании, а также, когда было необходимо, более детальную закрытую информацию. Таким образом, при первой же встрече с А. Печчеи как руководителем «Оливетти» или «Италконсалта» Гвишиани, несомненно, получил соответствующую справку, в которой был отражён латиноамериканский период деятельности Печчеи. В этом периоде не было ничего секретного. Деятельность его на посту руководителя латиноамериканской сети «Fiat» широко освещалась. Кроме того, как пишет сам Д. Гвишиани, он многократно встречался с А. Печчеи в первой половине 1960-х годов не только в СССР, но и в Италии, и понятно, что между ними не могли не состояться беседы по самым разным вопросам, включая Латинскую Америку, к которой в то время СССР испытывал особый интерес, а также по вопросам, касающимся глобальной повестки дня. Не менее интригующим является тот факт, что у всех мемуаристов, за исключением А. Кинга, совершенно выпала многозначительная поездка А. Печчеи в Новосибирск, где ему надо было поговорить с Д. Гвишиани без посторонних ушей и глаз.

²¹⁰ Гвишиани Д.М. Ук. соч. С. 77.

²¹¹ Там же. С. 78.

²¹² Там же. С. 155.

Любой непредубеждённый человек может сделать вывод о том, что все три основателя Римского клуба отлично друг друга знали, но прямо об этом говорить не хотели. Это первое. Второе, что обращает на себя внимание, — это подчёркивание как Александром Кингом, так и Аурелио Печчеи роли Джермена Гвишиани в том, чтобы разрозненные усилия были объединены, сложились в единое целое и привели к созданию Римского клуба. Отсюда, если не пытаться искать масонов, розенкрейцеров и адептов культа Тота, а просто и буднично сопоставлять факты, придётся сделать с чрезвычайно высокой степенью вероятности вывод о том, что фактически Римский клуб был создан в значительной мере по инициативе, как это принято нынче говорить, при помощи методов рефлексивного управления, именно советской стороны. Именно советская сторона, как минимум, выступила триггером этого процесса, а как максимум — инициировала его в той неформальной организационной форме, в которой Римский клуб и появился на свет.

Естественно, не подлежит сомнению, что фронтменом и стратегом этого процесса был Д.М. Гвишиани. Однако вполне понятно, что в советских реалиях он не мог выступить ни идеологом, ни инициатором этой программы. Таковым безусловно, и это не требует каких-либо дополнительных доказательств, являлся А.Н. Косыгин. Однако также понятно, что он не мог в одиночку поднять такую программу, хотя бы потому, что на всех её стадиях были необходимы комплексные проверки контрагентов, с одной стороны, и сложные официально-протокольные процедуры, с другой. Поэтому есть смысл постараться очертить круг людей, так или иначе вовлечённых на первом этапе в программу создания Римского клуба. Одновременно следует особо тщательно осуществить временную привязку этих событий. Такая привязка, как станет понятно позднее, позволит решить одну из главных загадок, связанную с тем, что фактические инициаторы, а тем более кураторы с советской стороны проектов Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа в Вене различались не только персонально, но и командно. Справедливым будет даже ещё более сильное утверждение. Несмотря на то, что многими участниками и даже главными действующими лицами этих программ являлись одни и те же люди, это, по сути, два отдельных проекта, имевшие разнонаправленные последствия как для мировой динамики, так и для судеб СССР. Но об этом позже. Пока же сосредоточим внимание на лицах, вовлечённых в проект по созданию Римского клуба. По служебной необходимости автор текста имел возможность беседовать с рядом активных участников этого процесса ещё в начале 1980-х годов. В силу этого их свидетельства свободны от ангажированности, обусловленной нынешней политической конъюнктурой.

2

В то время Римский клуб в СССР не демонизировался, а собеседования носили скорее характер не расследования, а изучения, как тогда было принято выражаться, передового опыта. При этом, следуя традициям наиболее взвешенной и благородной английской мемуаристики, в данном тексте будет использоваться британский принцип упоминания фамилий и имен только ушедших из жизни людей, либо ссылки на мемуары наших современников.

Принципиально важно, что вопрос об использовании итальянских наработок Д. Гвишиани для создания некоей организации, которая могла бы стать деловым аналогом широко признанного и весьма ценимого в Советском Союзе Пагуошского движения, созданного виднейшими западными и советскими учёными, был сформулирован перед Д. Гвишиани А. Косыгиным уже в конце 1964 г. То есть фактически сразу же после смещения Н.С. Хрущёва и занятия А.Н. Косыгиным поста председателя Совета Министров СССР. При этом работа велась максимально осторожно, скрытно от посторонних глаз и непублично. В рамках ГКНТ к ней были привлечены лишь двое ближайших подчинённых и, более того, в какой-то степени друзей Д.М. Гвишиани, которые затем долгие годы работали на ключевых должностях во ВНИИСИ ГКНТ СССР, а позднее РАН.

Постановка задачи по созданию некоей неформальной структуры, которая объединяла бы ведущих промышленников и специалистов в области экономических наук, однозначно не выходила за пределы компетенций А.Н. Косыгина. Хотя сегодня это и забылось, фактически до начала 1970-х годов именно А.Н. Косыгин являлся главным внешнеполитическим лицом Советского Союза. Л.И. Брежнев не обладал в тот период ни необходимым внешнеэкономическим опытом, ни соответствующими навыками, да и в значительной мере международным авторитетом. Соответственно, по негласному и впоследствии нарушенному Л.И. Брежневым соглашению между ним и А.Н. Косыгиным именно на последнего ложилась главная нагрузка, связанная с поддержанием международных контактов на высшем уровне.²¹³

Ключевая внешнеполитическая роль А.Н. Косыгина в 1960-е годы была обусловлена и ещё одним обстоятельством. После некорректного по международным дипломатическим стандартам поведения А.А. Громыко во время Карибского кризиса, его авторитет в ведущих мировых столицах был близок к нулю. Поэтому в течение долгого времени, вплоть до середины 1970-х годов, министры иностранных дел, не говоря уже о главах государств, встречаясь с А.А. Громыко, старались ограничиться обсуждением официальных, протокольных вопросов, не выходящих за рамки дипломатической рутины.

С кем же ещё на этапе разворачивания программы по созданию Римского клуба работал А.Н. Косыгин среди высшего советского руководства? Прежде всего, с председателем КГБ СССР Владимиром Ефимовичем Семичастным. Автору текста Владимир Ефимович подтвердил этот факт, будучи уже в глубокой опале в середине 1980-х годов и являясь заместителем председателя правления всесоюзного общества «Знание». При всех возможностях внутренней разведки Д. Гвишиани он не мог без нарушения регламента и риска скомпрометировать своего тестя, проводить многие мероприятия, монополия на которые принадлежали ПГУ КГБ СССР. Именно оно могло в те годы проводить глубокие проверки не только персоналий, но и компаний, используя как собственные материалы, так и сведения, получаемые от резидентов в стране локализации и из международного отдела ЦК КПСС.

У А.Н. Косыгина и В.Е. Семичастного сразу же сложились добрые, деловые и доверительные отношения. Этому в значительной степени способствовало почти-

²¹³ Стукалин Б. и др. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004; Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: Республика, 1997; Андриянов В.И. Косыгин. Молодая гвардия, 2003; Кирпиченко В.А., Гришин В.В., Байбаков Н.К. и др. Косыгин. Вызов премьера. М.: Алгоритм, 2014.

тельное отношение председателя КГБ СССР, который не достиг в то время ещё возраста сорока лет, к А.Н. Косыгину, имевшему за плечами два десятилетия пребывания на высших государственных постах, включая период работы непосредственно с И.В. Сталиным. Более того, В.Е. Семичастный был лично весьма благодарен А.Н. Косыгину за то, что он решил одну, по-настоящему ключевую для КГБ СССР задачу. Семичастный, оказавшись во главе КГБ СССР, который был беспредельно далёк от его комсомольско-партийной карьеры, поступил очень умно. Он отдал всю профессиональную деятельность на откуп выдающимся советским разведчикам, в том числе генералам О. Грибанову и П. Ивашутину, а сам сосредоточился на политических, организационных и хозяйственно-материальных вопросах. Во многом благодаря этому ему после Серова, заметно уронившего уровень советской разведки, удалось нормализовать работу КГБ СССР, создать в организации хорошую внутреннюю обстановку и добиться перелома как в разведывательно-агентурной и аналитической работе, так и в сфере технической и организационной оснащённости разведки.

Во времена Серова ассигнования на КГБ СССР были резко снижены. Н.С. Хрущёв, также с подозрением относившийся к Лубянке, отказывал в просьбах А. Шелепину изменить ситуацию даже по самому животрепещущему вопросу, связанному с увеличением фонда вознаграждения разведчикам, агентам, информаторам. Сразу же после смещения Н.С. Хрущёва Семичастный обратился к Л.И. Брежневу с аналогичной просьбой. Дело было в том, что «хотя Комитет государственной безопасности формально был подчинён Совету Министров СССР, а его председатель находился официально на одном уровне с остальными министрами, тем не менее, моим непосредственным и, по сути, единственным шефом был первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. В 1961–1964 годах им был Никита Сергеевич Хрущёв, позже его сменил Леонид Ильич Брежнев»²¹⁴.

Л.И. Брежнев сказал, что у него нет времени решать хозяйственные вопросы. В итоге со своей бедой Семичастный отправился к Косыгину. Алексей Николаевич нашёл, как помочь делу подведомственных Совету Министров СССР. Он предложил, чтобы Комитет начал помимо своих прямых обязанностей собирать информацию по заказам министерств. Соответственно, министерства, имевшие значительные финансовые фонды, связанные с научно-технической информацией и научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, могли из своих средств пополнять фонд вознаграждений КГБ. Получив радостное согласие Семичастного, А.Н. Косыгин убедил Л.И. Брежнева в необходимости повышения народнохозяйственной эффективности КГБ СССР и закрепил это закрытым постановлением Совета Министров СССР. В результате «материальное вознаграждение рядовых информаторов находилось в компетенции резидента конкретной страны. Однако, чем выше в общественной иерархии находился источник информации, тем и в системе КГБ смещалось вверх право на определение его ценности. Ни размеры гонораров, ни подлинные имена наиболее значительных агентов КГБ за границами страны не были известны даже заместителям председателя КГБ, не говоря уже

²¹⁴ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце (Биографии и Мемуары). М.: Вагриус, 2013.

о людях из других государственных органов. Отдельные промышленные министерства брали на себя расходы по научно-технической разведке, и мы отчитывались перед ними конкретными материалами по интересующим их вопросам»²¹⁵.

В том числе, благодаря втягиванию аппарата КГБ в практическую повседневную работу ключевых министерств и ведомств и самого Совета Министров СССР, у Семичастного и Косыгина сложились не только дружеские, но и деловые повседневные отношения, в рамках которых, что называется, хорошо легендировалась и работа по созданию новой неформальной организации. Для этой работы огромное значение имел факт возможности прямого участия в ней председателя КГБ СССР. Люди, не посвящённые в тонкости разведки, полагают, что агентурной работой, работой с источниками занимаются в лучшем случае руководители структурных подразделений. В большинстве случаев именно так дело обстоит и на практике. Однако есть и исключения. Уверен, мало кто из читателей мемуаров Семичастного оценил несколько экстраординарных строк. «Чекист грибановского уровня не подвергался риску ради того, чтобы добыть второстепенную информацию и поддерживать связь с людьми второго плана. Для этого у него достаточно было оперативных работников. Но если уж он принимался за дело лично, можно было со стопроцентной уверенностью делать вывод, что оно касается очень важного контакта. Объектом его интереса мог быть известный журналист, посол, резидент иностранной разведки или серьёзный предприниматель, торгующий с Советским Союзом.

И у меня как председателя КГБ были на связи некоторые агенты. Но их было немного, как говорится, для поддержания квалификации. Если мне приходилось принимать важные решения по делам контрразведки, то мне самому следовало знать, что эта оперативная работа собой представляет»²¹⁶.

Поскольку Владимир Ефимович писал мемуары в расчете на обычных читателей, то он не счёл необходимым уточнить разницу между агентом и конфиденциальным источником. Первый работает на разведку, а, следовательно, подписывает определённые письменные документы. Второй же сотрудничает с разведслужбой в силу тех или иных причин. Он не подписывает никаких письменных документов и в формальном плане не несёт никаких обязательств перед разведслужбой, с которой осуществляет контакты. Причём подобное сотрудничество зачастую сводится к некоему обмену информацией или совершению неопределённых действий. По характеру работы председатели КГБ СССР имели дело именно с источниками, а не с агентами. Поэтому Семичастный мог встречаться, например, с ведущими политиками, деловыми людьми, ведущими журналистами, раскрывая или не раскрывая своё подлинное лицо и должность и при этом не требуя от них принятия на себя каких-либо обязательств. Как правило, такие встречи и контакты, согласно установленным правилам, осуществлялись без информирования о конкретной встрече высшего государственного руководства.

У Семичастного сложились очень хорошие отношения с П. Ивашутиным, выдающимся руководителем разведки XX века, по масштабам и длительности работы на посту руководителя крупнейшей разведывательной структуры сравнимым разве только с

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же.

Э. Гувером. После успешной операции, проведённой О. Грибановым под руководством В. Семичастного по раскрытию О. Пеньковского, последовали суровые меры против советских руководителей самого высокого ранга, в том числе был отправлен в отставку начальник ГРУ И. Серов. На его место по рекомендациям В. Семичастного и Р. Малиновского Политбюро ЦК КПСС назначило заместителя В. Семичастного, Петра Ивашутина, который успешно руководил ГРУ на протяжении 25 лет.

В начале 1965 г. параллельно с КГБ СССР и ГРУ ГШ МО СССР тоже было решено выполнять работы по добыче научно-технической информации для так называемой «Девятки» — министерств, курируемых Военно-промышленной комиссией Совета Министров СССР с получением вознаграждения за добытые материалы. До последних дней своей жизни А.Н. Косыгин поддерживал добрые отношения с П. Ивашутиным.

Кстати, во время разработки О. Пеньковского и определения степени виновности различных должностных лиц в связи с этим, В. Семичастный и курировавший его секретарь ЦК КПСС и одновременно лучший друг и старший товарищ А.Н. Шелепин максимально объективно подошли к делу и не стали применять санкции к Д.М. Гвишиани. При другом раскладе с его государственной карьерой и членством в партии было бы покончено. Подобное событие, без сомнения, наложило бы крайне негативный отпечаток на репутацию самого А.Н. Косыгина и его перспективы в высшем советском руководстве. Дело в том, что в большую часть своих зарубежных поездок О. Пеньковский выезжал от лица Госкомитета СССР по науке и технике. Д.М. Гвишиани в то время не был зампредом, т.е. прямым руководителем международного направления, но возглавлял международный отдел этой организации, а, следовательно, по негласным правилам, существовавшим в Советском Союзе в ту пору, нес прямую ответственность за работу с кадрами по международному направлению. В начале 1960-х годов даже за меньшую халатность в работе с кадрами по международной линии было принято снимать с должности начальника международного отдела организации и либо исключать его из партии, либо выносить выговор с занесением в личное дело с понижением в должности как минимум на два ранга. Однако в данном случае ничего подобного не произошло. Более того, в конечном счёте именно по итогам дела О. Пеньковского Госкомитет был реорганизован, а в новый комитет был назначен председателем товарищ Гвишиани и близкий знакомый А.Н. Косыгина академик В. Кириллин, а Гвишиани стал его замом по международной линии.

Протоколно-дипломатическая часть работы по программе легла на плечи Василия Васильевича Кузнецова, первого заместителя министра иностранных дел, с которым Косыгин близко сошёлся во время своих международных визитов и особенно в рамках работы, связанной с конечным урегулированием Карибского кризиса. Необходимо особо отметить, что в противоположность мнению, высказываемому во множестве нынешней публицистической и околосторической литературы, ключевую роль в окончательном урегулировании Карибского кризиса сыграли отнюдь не А.Н. Микоян и тем более не Н.С. Хрущёв. Такое мнение сложилось благодаря мемуарам самого А.Н. Микояна «Так было». Если же вникнуть в мемуары ведущих американских участников процесса урегулирования той поры, а также коллективные монографии, изданные на этот счёт серьёзными, профессиональными

историками²¹⁷, то становится ясна ключевая роль именно В.В. Кузнецова в окончательном урегулировании Карибского кризиса.

Это совершенно не удивительно. В своих воспоминаниях один из самых известных и информированных советских дипломатов Виктор Левонович Исраэлян пишет: «История была такая: в феврале 1957 года Хрущёв более не захотел терпеть на посту Министра иностранных дел Дмитрия Шепилова, который за несколько месяце встал для остального мира на редкость привлекательным “лицом Москвы”». Хрущёв к этому моменту решил, что звездой внешней политики должен стать он сам. Оставалось только найти нового министра. Вопрос Шепилову, кого он рекомендует на своё место, хотя бы для проформы, нельзя было не задать. Ответ был таков: у меня есть два зама, один — Василий Кузнецов — гений, виртуоз, может всё (кстати, примерно так же — точнее “дипломатом-чародеем” — называли Кузнецова вице-президент США Никсон, его британский коллега лорд Карадон и другие), другой — Андрей Громыко. Не виртуоз, служака. Но если ему что-то поручить, то он разобьётся, а выполнит именно Ваше поручение, причём в точности, по инструкции. Больше любит Громыко давать отпор западной дипломатии, а не улаживать двусмысленные ситуации. После чего судьба Кузнецова была решена. И судьба Громыко — в другом смысле — тоже»²¹⁸.

Известно, что в научном плане А.Н. Косыгин по стратегическим вопросам консультировался с М. Келдышем, а предметное научное обеспечение проекта в части западной корпоративной экономики возлагалось на замечательного российского экономиста, доктора экономических наук, профессора ИМЭМО Станислава Михайловича Меншикова. Кстати, любопытно, что позднее, на рубеже 1970-х, пользуясь в том числе разработками, сделанными на предварительной стадии программы подготовки того, что впоследствии превратилось в Римский клуб, он создал уникальную модель американской экономики. Эту модель Меншиков дорабатывал вместе с лауреатом Нобелевской премии Лоуренсом Клейном в Принстоне. Там же он подружился с Генри Киссинджером. Но об этом речь впереди.

Как таковой команды по подготовке программы не существовало. Скорее можно говорить о группе людей, осведомлённых об этом проекте и принимавших в меру своих должностных возможностей и личных способностей участие в этой работе. Причин тому было много. Едва ли не главная из них состояла в том, что по своим личным качествам А.Н. Косыгин был человеком некомандным. Жизнь в верхах советского руководства научила его осторожности, недоверчивости и необходимости избегать любых потенциальных конфликтов. Уроки «Ленинградского дела» были усвоены А.Н. Косыгиным раз и навсегда и наложили неизгладимый отпечаток на его поведение. Стиль его отношений с людьми базировался на примате деловых контактов над личными взаимоотношениями.

Восприятие такого стиля было весьма различным. Как правило, люди из партийной среды, привыкшие снимать проблемы при помощи личных взаимоотноше-

²¹⁷ Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года. М.: URSS, 2012; Феклисов А. Рузвельт, Кеннеди, советская агентура. М.: Алгоритм, 2011; Фурсенко А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958–1964. М.: Гея этерум, 2001.

²¹⁸ Исраэлян В. Дипломатия — моя жизнь. Из личного архива российского дипломата. М.: МБА, 2006.

ний, отторгали такой стиль и считали А.Н. Косыгина сухим, малообщительным и бездушным человеком, который к тому же ничего не смыслил в охоте, рыбалке и других серьёзных мужских занятиях.

Хозяйственные руководители всех уровней — от директоров заводов до министров — в подавляющем большинстве ценили такой стиль, поскольку он, с одной стороны, позволял решать сложные задачи, а с другой, гарантировал объективность и способствовал устранению различного рода привходящих внешних обстоятельств. Именно поэтому по прошествии времени ключевые министры СССР с теплотой отзывались о А.Н. Косыгине. Например, Б. Гостев, министр финансов СССР, в своих воспоминаниях пишет так: «За время моей работы в Центральном Комитете партии мне часто приходилось встречаться с А.Н. Косыгиным — на заседаниях Политбюро и Совета Министров, на совещаниях в более узком составе по рассмотрению экономических проблем, решению социальных задач. Могу сказать, что А.Н. Косыгин был крупным политиком, подлинным государственным деятелем, выделялся среди тогдашних руководителей глубокими знаниями в области отраслей народного хозяйства, экономики в целом, планирования и финансов, социальных проблем, территориального развития и внешних связей. По многим вопросам имел свою точку зрения, умел её отстаивать и проводить в жизнь. В то же время он умел выслушивать мнения других, соглашаться с ними, если они были обоснованными и полезными для общего дела. Неоценимый вклад внёс А.Н. Косыгин в совершенствование управления народным хозяйством. С его именем связана экономическая реформа 1965 года, давшая толчок развитию инициативы трудовых коллективов, повышению их заинтересованности в результатах труда и росте эффективности»²¹⁹.

Подобно министрам, прочные деловые отношения сложились у Косыгина и с первыми секретарями партийных организаций крупнейших промышленных городов. Например, Виталий Сырокомский, многолетний первый зам. главного редактора «Литературной газеты», человек, который, собственно, её и сделал, вспоминает: «Конечно, очень важной была поддержка Косыгина. Надо сказать, что у первого секретаря МГК и Предсовмина сложились очень хорошие деловые отношения. Правительство всегда помогало Москве, но и Москва не оставалась в долгу: она всё заметнее превращалась в крупнейший промышленный, транспортный и научный центр»²²⁰.

Сознательное и подчёркнутое дистанцирование А.Н. Косыгина от любых команд и группировок в составе высшего партийного руководства сыграло судьбоносную роль в истории Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа. В итоге они появились и существовали совершенно в иной роли, нежели задумывались А.Н. Косыгиным. В силу каких причин и вследствие каких событий это произошло — отдельный вопрос. Пока же важно разобраться, в чём состоял первоначальный замысел А.Н. Косыгина и какие побудительные мотивы вызвали к жизни столь нетривиальные и неоднозначные проекты Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа.

²¹⁹ <http://www.minister.su/article/1242.html>

²²⁰ Сырокомский В. Загадка патриарха. Воспоминания старого газетчика. М.: Эксмо, 2011.

Однако перед этим позволим себе короткое отвлечение. Если отбросить фолк-историю и замаскированную под историю пропаганду, то тексты, посвящённые прошлому, можно подразделить на мемуарные и исследовательские. Вполне понятно, что мемуарные тексты просто обречены на известную, а подчас и чрезмерную необъективность. Этот практически неотъемлемый недостаток мемуарной литературы является вполне объяснимым и, более того, извинительным не только в общежитейском, но и в научном смысле. Мемуары — это весьма парадоксальный жанр, обязанный своим существованием невозможности для мемуаристов участвовать в привычной им деятельностной жизни. Иными словами, любой мемуарист до некоторой степени занят не своим делом. Занимаясь не своим делом, он фактически использует литературу даже не столько для самооправдания и самовозвеличивания, хотя такое нередко присутствует даже в самых интересных воспоминаниях, но, прежде всего, для своего рода переписывания уже произошедших событий, создания реальности заново. Понятно, что, зная действительное прошлое и в глубине души понимая сделанные ошибки, практически любой мемуарист воспроизводит в своих текстах не то, что было на самом деле, а то, что должно было бы быть, но не случилось. Если понимать, спокойно относиться и уметь элиминировать данное обстоятельство, то качественная мемуаристика является неоценимым источником для исследовательской работы.

Однако то, что допустимо и простительно для мемуаристов, категорически неприемлемо для исследовательских работ. Между тем, многие, даже глубокие, без сомнения, значительные по любым меркам исследователи не свободны в своих работах от ярко выраженной пристрастности. Пристрастность эта имеет основанием как минимум два свойства исследовательской натуры. Во-первых, любой исследователь смотрит на материал сквозь призму сложившихся у него и дорогих именно ему, особенно в том случае, если разработаны самим, теоретических концептов. Однако любой теоретический концепт в сфере познания общества — не более чем инструмент, который либо работает, либо нет, на вполне определённом промежутке времени. Поэтому подчинение материала концепту означает примерно то, что описывалось греками как укладывание «в прокрустово ложе». Иными словами, исследованию подвергается не реальность как таковая, а лишь её фрагмент, ограниченный тем тоннелем восприятия, который сложился под воздействием используемых исследователем концептов. Полностью освободиться от этого, конечно, не дано никому, но необходимо понимать наличие этого недостатка у себя и стараться по возможности его устранить или свести к минимуму.

Что касается второго обстоятельства, то оно ещё более распространено. К сожалению, в последнее время не только в России, но и в мире вообще исследователи оказываются во всё возрастающей мере ангажированными и вынужденными в силу самых различных обстоятельств не занимать позицию наблюдателя, а принимать ту или иную сторону в различного рода тянущихся десятилетиями, а иногда и столетиями конфликтов. Как только исследователь отходит от позиции наблюдателя, привычной любому специалисту в естественных науках, он так или иначе вынужден асимметрично воспринимать реальность. Проще говоря, те, кто в силу

осознаваемой или неосознаваемой ангажированности воспринимаются как свои, должны наделяться достоинствами, а их недостатки должны находить убедительное оправдание и извинение. Ну а противная сторона по возможности должна состоять из мерзавцев и жуликов, а в случае, если неумолимые факты и совесть исследователя заставляют признать, что в их ряды по недоразумению затесались различные персонажи, то важнейшей задачей становится нахождение различного рода объяснений — как же так могло произойти, а также поиск обязательного негатива у позитивных с виду персонажей. В различные времена менялись лишь обоснования такой ангажированности. Если в советский период главной выступала преданность идеям мирового коммунизма, социализма и мира, то теперь на их место заступили историософские концепты превосходства той или иной цивилизации, страны, народа и т.п.

Особенно сложно с таким подходом приходится исследователям, которые занимаются страновыми и мировыми элитами, что называется, «разреженными высотами» власти. Здесь исследователи оказываются сразу перед двумя проблемами: во-первых, перед проблемой ангажированности и связанностью собственными концептами, а во-вторых, перед невозможностью полностью понять людей на вершинах власти, не имея опыта нахождения внутри её. Природа власти такова, что главная её задача — это собственное расширенное воспроизводство. Власть рождает власть, укрепляет власть и стремится, прежде всего, продлить существование власти. Решить такую задачу отдельным людям или их группам невозможно. Для её решения необходимы организованности. Любая же сложная организованность имеет собственную внутреннюю логику, своего рода поведение, которые с неизбежностью подчиняют входящих в организованности людей.

Таким образом, любой человек на вершинах власти или человек, тесно связанный по роду своей деятельности с этими людьми, оказывается обречённым на двойную деформацию собственной личности. С одной стороны, любая власть в конечном счёте — это прямое, скрытое или латентное принуждение, внешнее управление людьми. Понятно, что принуждение, даже в тех случаях, когда оно добровольно принимается, а подчас и остро желается принуждаемыми, не может не трансформировать личность человека во власти. На это искажение накладываются деформации, связанные с принадлежностью к властительным организованностям, имеющим свою логику и требующим вполне определённую цену не только за присутствие, но и за попадание в эти самые организованности. Высокий уровень власти, будь то в политике, военном деле, разведке или бизнесе — это всегда королевство двойных кривых зеркал, или, как говорил Уильям Донован, «мутное двойное зазеркалье».

В этом смысле аристократический и тем более монархический тип правления в определённом смысле оправдан и целесообразен, поскольку при этих типах правления резко снижается цена за вхождение в организованности для определённой, ограниченной группы людей. Соответственно, при наличии продуманных механизмов, обеспечивающих поступление новой крови и дозированный приток со стороны в верхние элитные слои, деформации человеческой личности людей во власти при таком типе правления существенно меньшие, чем при тех типах, которые установились повсеместно в современном мире и связываются с так называемой демократией.

Может возникнуть справедливый вопрос: а как же народное благо и всё, что с этим связано? Можно со всей определённой ответить, что власть как феномен, неотъемлемо присущий организации человеческого общества, сама по себе является благом для народа. При отсутствии власти народные бедствия и лишения увеличиваются в геометрической прогрессии. Поскольку, как показала история всех известных цивилизаций, в конечном счёте за любые властные перемены и формирование новых организованностей во вторую очередь платит элита, а в первую — сам народ. Причём плата не сводится только к снижению уровня жизни, а, как правило, предполагает массовые беспорядки, гражданские войны, убийства мирного населения и т.п. Что касается других народных благ, связанных с властью, то это не более чем бонусы, которые могут быть, а могут и не быть. Их наличие зависит не только и не столько от личных качеств властителей и людей, входящих в организованности, сколько от различного рода долговременных факторов неравновесной социальной динамики и подчас случайных обстоятельств.

Одним из следствий такого положения дел является неприменимость к людям во власти или около неё обычных, вполне оправданных и более того, необходимых в общежитийском плане шкал оценки, построенных на дихотомиях нравственного и безнравственного, плохого и хорошего, доброго и злого и т.п. В каком-то смысле власть лежит по другую сторону добра и зла, а соответственно, люди в ней должны оцениваться несколько по иным критериям. Поскольку любой критерий, по своей сути более или менее субъективен и, более того, привязан к конкретной временной шкале (в том смысле, что что-то хорошее в одном временном интервале может оказаться губительным в другом), а оценивать всё-таки необходимо, то едва ли не единственным общепотребительным критерием может служить элементарный принцип выживаемости, но не властителя или властителей, а подвластных, т.е. народа, этноса, государства или, что более точно, некоей цивилизационной или культурной общности в длительной перспективе.

Данное отступление потребовалось, чтобы прояснить позицию относительно А.Н. Косыгина. В контексте исследований незачем оценивать его человеческие качества, тщательно анализировать, где и за кого он не заступился и т.п. Гораздо важнее понять его побудительные мотивы и цели, а также то, какие последствия могли бы иметь реально его поступки и к каким результатам привела блокировка действий А.Н. Косыгина.

4

Как уже отмечалось, начало работы над программой, которая затем вылилась в создание Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа, датируется началом 1965 г., т.е. первыми месяцами пребывания А.Н. Косыгина на посту председателя Совета Министров СССР. Что же побудило или вынудило его приступить к столь опасной и неоднозначной работе? Ни в зарубежной, ни тем более в российской аналитике нет исследований, посвящённых данному вопросу. Попробуем заполнить лакуну, базируясь на анализе известных автору документов и поручений А.Н. Косыгина, зарегистрированных в соответствующих архивах.

На взгляд автора данного текста, можно выделить несколько ключевых причин. Прежде всего, как едва ли не самый осведомлённый в экономическом плане человек в советском руководстве, А.Н. Косыгин понимал, что с начала 1960-х годов с экономикой СССР начало что-то происходить. Метания Н.С. Хрущёва лишь по конкретному их выражению были следствием экономической безграмотности и известной доли авантюризма «дорогого Никиты Сергеевича», а в своей основе являлись результатом его реакции на не столько осознание, сколько чувствование буквально кожей надвигающихся проблем. При всех известных недостатках Н.С. Хрущёв, по свидетельствам знавших его людей, обладал развитой интуицией и буквально звериным чутьём на опасность, что, кстати, роднит его с Б.Н. Ельциным.

Будучи высоко эрудированным, культурным и интеллигентным человеком, А.Н. Косыгин, подобно многим представителям сталинской школы хозяйственного руководства, испытывал большое доверие к науке. Поэтому на протяжении всей своей деятельности, начиная ещё со времён руководства кооперацией в Сибири, он всегда обращался к лично знакомым представителям науки, обладавшим высоким научным авторитетом среди коллег и одновременно свободным от начётничества и склонности прятаться за цитатами из классиков марксизма-ленинизма. В этом плане он выглядел «белой вороной» среди высших советских руководителей той поры. Вот как вспоминает о них выдающийся российский экономист мирового масштаба Станислав Меншиков: «Впрочем, истинное отношение Хрущёва к классикам марксизма было совсем не библейским. Рассказывают, что секретарь ЦК и академик Пётр Николаевич Поспелов как-то зашёл к Никите Сергеевичу напомнить, что тот опаздывает на торжественное открытие Музея Маркса и Энгельса. Вождь был сильно занят и встретил Поспелова следующей тирадой:

– Да пошёл ты подальше со своими евреями.

Оглушённый академик буквально выкатился из кабинета Хрущёва и ещё долго не мог прийти в себя, причитая: “Как он мог? Как же это он мог?”.

Что касается Л.И. Брежнева, то он теории не только не любил, но и даже активно сопротивлялся, когда ему пытались, особенно на первых порах, вставлять сложные, по его понятиям, теоретические формулы. Помню, как были потрясены сочинители одного из его докладов, когда в возвращённом им варианте против слов “государственно-монополистический капитализм” стояла его пометка: “К чему здесь эта наукообразная галиматья?”. Сделать из этого генсека теоретика марксизма при всём желании было невозможно»²²¹.

А.Н. Косыгин решил задать исследователям два вопроса, которые его волновали: какова прогнозируемая ими вероятная динамика развития народного хозяйства СССР и каковы перспективы капиталистической экономики на ближайшие 10–15 лет? При этом понятно, что, задавая вопросы, Косыгин отнюдь не предполагал получить ответы о том, что перспективы советской экономики плачевны, а западной — замечательны. Во-первых, он сам был иного мнения, а, во-вторых, получить такой ответ в те годы в СССР было просто невозможно не только по политическим и идеологическим соображениям, но и по настрою исследователей. Более того, в те годы ведущие западные экономисты, включая лауреатов Нобелевской

²²¹ Меншиков С.М. О времени и о себе. М.: Международные отношения, 2007.

премии и даже спецов из экономической службы ЦРУ расходились лишь в определении сроков, когда СССР догонит по объёмам производства и другим ключевым показателям Соединённые Штаты Америки. Сегодня подобные иллюзии обужали мировых экономистов и представителей разведывательного сообщества относительно перспектив Китая.

Прежде всего А.Н. Косыгин адресовал просьбу подготовить в короткие сроки доклад о тенденциях эффективности советской экономики ведущим экономистам той поры В. Красовскому и Я. Кваше. Они в 1964 г. опубликовали знаменитую работу «Темпы воспроизводства и структура капитальных вложений»²²². По просьбе А.Н. Косыгина к исследователям подключились специалисты сводного отдела капитальных вложений и сводного отдела народнохозяйственного планирования Госплана СССР. Перед ними была поставлена задача рассчитать прогноз динамики роста национального дохода и производительности общественного труда в СССР и США в период 1966–1975 гг. К концу 1965 г. доклад был подготовлен. Из материалов доклада было понятно, что задача догнать и перегнать США к 1970 г. была невыполнимой. Однако темпы экономического роста СССР, по мнению авторов, на протяжении десятилетия должны были устойчиво опережать соответствующие темпы Соединённых Штатов по всем трём расчетным вариантам (оптимистический, усредненный и пессимистический). При этом важно отметить, что авторы доклада были известны как весьма добросовестные исследователи, чьи статьи в журнале «Вопросы экономики» перепечатывали ведущие американские экономические журналы и чьиими оценками без стеснения пользовались в Государственном департаменте и других государственных учреждениях США, о чём сообщала советская разведка в Америке.

С просьбой сделать ещё один прогнозный доклад по экономике США и капиталистическому миру в целом А.Н. Косыгин обратился к молодому, но весьма известному в то время экономисту, одному из немногих специалистов по экономике США, стажировавшемуся в этой стране, С.М. Меньшикову. Интересно, что, вспоминая в деталях о многих других, гораздо менее значительных работах, этот выдающийся экономист, которому довелось работать с такими звёздами первой величины, как Д. Гэлбрейт, В. Леонтьев, Р. Эрроу, Д. Клейн и другие, в своих воспоминаниях ни словом не обмолвился об этом задании Косыгина. Тому есть вполне объективные причины.

А.Н. Косыгин входил в узкий круг людей, посвящённых в действительную научную специализацию С. Меньшикова. Она была связана с уникальными особенностями его биографии. Станислав Михайлович был сыном советского министра, который в годы войны работал советским представителем в Соединённых Штатах Америки и был связан с советской разведкой. Сын навещал его там, поступив в 16 лет в МГИМО. При этом надо отметить, что С.М. Меньшиков ещё во время работы отца в Лондоне советским разведчиком под крышей акционерного общества «Аркос» в совершенстве выучил английский язык и мог читать литературу, недоступную для подавляющего большинства советских людей не столько в силу цензуры, сколько в силу незнания

²²² Кваша Я., Красовский В. Темпы воспроизводства и структура капитальных вложений в СССР и США. Доклад для служебного пользования редакционной коллегии журнала «Вопросы экономики», 1964 г.

ими иностранных языков. Из Соединённых Штатов он, благодаря отцу, по работе связанному с влиятельным в военные годы в США Питиримом Сорокиным, едва ли не первый в России получил работы Н. Кондратьева. Дело в том, что П. Сорокин с детства дружил с Н. Кондратьевым, помогал ему, как мог и в итоге стал обладателем многих работ Кондратьева, своеобразным хранителем его научного наследства.

Исследования Кондратьева в значительной мере определили на долгие десятилетия научную специализацию С. Меншикова. Несмотря на то, что в последующем работы по экономической динамике и среднесрочному и долгосрочному прогнозированию принесли ему мировую славу, в начале изучение работ Кондратьева едва ли не стоило юному студенту свободы или жизни. В 17-летнем возрасте он рассказал сверстникам о том, что готовит анализ капиталистической экономики, базируясь на теории длинных волн Кондратьева. Он мечтал повторить карьеру знаменитого в те годы советского экономиста Е. Варги. Бдительные студенты МГИМО тут же донесли об этом в инстанцию. Вопрос быстро дошёл чуть ли не до уровня самого В. Абакумова, который как руководитель СМЕРШа — а шли последние месяцы войны — представил, какие перспективы открываются перед раскрытием шпионской сети, использующей глубоко законспирированные ячейки Промпартии, по делу которой в своё время Н. Кондратьев и получил свой срок, закончившийся смертью.

В результате Меншикова арестовали и отправили на Лубянку. Однако просидел он там, согласно его собственным воспоминаниям, недолго. О произошедшем событии стало тут же известно отцу, который по работе был связан и поддерживал хорошие отношения с Л.П. Берия. Берия вмешался, С. Меншикова не только освободили, но и не исключили из комсомола, восстановили в институте, где он продолжил работу над кондратьевскими циклами. Ещё раз аукнулась эта история уже в 1953 г. В своих воспоминаниях Меншиков пишет об этом так: «В 26 лет был исключён из партии за те же старые грехи, о которых кто-то внезапно вспомнил». Теперь С. Меншиков уже проходил по делу Берии как спасённый Л. Берией то ли британский, то ли американский агент. На этот раз С. Меншикова спас В. Молотов, который очень хорошо относился к его отцу, только что назначенному на ключевую в то время должность посла в Индию. Понятно, что о такой истории, связанной с научной специализацией, многократно битый Станислав Михайлович даже в 2007 г. лишний раз вспоминать не захотел.

С. Меншиковым и группой приданных ему специалистов в течение 1965 г. был подготовлен уникальный доклад, в котором впервые подход длинных технологических волн Кондратьева был увязан с динамикой изменения укрупнённого межотраслевого баланса по разработкам Василия Леонтьева. В последующем эта работа стала основой для разработки знаменитого экономического доклада ООН «Будущее мировой экономики». Этой работой С. Меншиков руководил уже в качестве заместителя директора Центра планирования и развития Секретариата ООН. Согласно докладу, безальтернативной перспективой для мировой капиталистической экономики на ближайшие 15–20 лет должно было стать снижение темпов её роста и уменьшение продолжительности периодов между фазами спадов в рамках следующих друг за другом экономических циклов. Коротко говоря, согласно модели С. Меншикова, у капитализма были весьма туманные экономические перспективы, обусловленные безальтернативностью затухания темпов экономического раз-

вития (разумеется, при условии сохранения тех тенденций мирового развития, которые сложились в послевоенный период).

Несколько отвлекаясь, следует отметить, что прогнозная модель С. Меншикова сработала на 100%. Начиная с 1965 по 1990 г., а затем с 1995 г. по настоящее время неуклонно происходит падение темпов экономической динамики развитых капиталистических стран – членов ОЭСР и уменьшение периодичности между циклическими спадами. Как отмечают лауреаты Нобелевской премии в области эконометрики, работа Меншикова, опубликованная в открытой печати на английском языке на 12 лет позднее, чем она была представлена Косыгину, явилась лучшим экономическим прогнозом второй половины XX века²²³.

Сопоставление двух ключевых докладов дало А.Н. Косыгину, как рассказывали его помощники и советники автору текста, серьёзный материал для размышлений. Согласно расчётам в докладах, при всех проблемах Советского Союза проблемы США и капиталистической системы оказывались ещё более значительными. И, соответственно, в длительной перспективе позиции социалистической экономики оказывались всё более и более предпочтительными. Причём эта предпочтительность чем дальше, тем более становилась очевидной. Однако сделанные выводы вряд ли обрадовали А.Н. Косыгина. Дело вот в чём. Одним из ближайших соратников А.Н. Косыгина был В.В. Кузнецов, первый заместитель министра иностранных дел СССР, главный участник финального урегулирования Карибского кризиса. А.Н. Косыгин к этой теме проявлял огромный и неослабевающий интерес. Автору текста со слов старшего офицера А.С. Феклистова, сыгравшего ключевую роль в установлении неформального контакта через Роберта Кеннеди между высшим американским и советским руководством, известно, что в 1965 г. Косыгин приглашал его к себе на дачу и расспрашивал о мельчайших деталях событий, происходивших в дни и месяцы Карибского кризиса, а также о семействе Кеннеди, о погибшем президенте, о Роберте Кеннеди, которого в то время рассматривали как наиболее вероятного кандидата на победу на президентских выборах 1968 г.

У А. Феклистова сложилось впечатление, что А.Н. Косыгин полагал, что мир находился буквально в нескольких часах, а возможно, и минутах от полномасштабной ядерной войны и, более того, что в значительной степени заслуга в её предотвращении принадлежит не советской стороне в лице Н.С. Хрущёва, а Джону и Роберту Кеннеди. В связи с этим весьма интересно, что всё в том же 1965 г. статистическая школа великого советского математика А.Н. Колмогорова получила секретное распоряжение министра обороны СССР Р.Я. Малиновского создать совместно со специалистами Министерства обороны СССР и его институтов модель для расчёта рисков возникновения ядерной войны. Здесь, кстати, нельзя не отметить, что с давних пор А.Н. Косыгина и Р.Я. Малиновского связывали взаимоуважительные рабочие отношения.

Р. Малиновский среди советских министров обороны был совершенно уникальным человеком. В отличие от любителя охоты и футбола, принципиально мало читавшего А. Гречко, Р. Малиновский в совершенстве знал французский язык, имел огромную библиотеку, постоянно общался с ведущими учёными, артистами. Он был дважды Георгиевским кавалером и кавалером одной из высших французских

²²³ Histories of Econometrics (History of Political Economy Annual Supplement) / Ed. M. Boumans. Durham: Duke University Press, 2012.

военных наград за героизм на полях Первой мировой войны. По мнению понимавшего толк в стратегии Г. Гудериана, Р. Малиновский был одним из сильнейших полководцев Второй мировой войны.

Приведённые данные, а также вышедшие в США к 50-летию Карибского кризиса книги, построенные на анализе не только государственных, но и личных архивов участников тех событий, позволяют с высокой степенью вероятности говорить о том, что воздействие Карибского кризиса на высшее руководство и США и Советского Союза было поистине шоковым. Кризис показал наиболее умным и осмотрительным людям, к числу которых в СССР, несомненно, относился А.Н. Косыгин, что мир в условиях жёсткого противоборства СССР и США является крайне хрупким. А наименование «холодная война» — не что иное, как успокоительный миф. Из рассказов Н.Н. Моисеева, одного из наиболее активных участников решения задачи, которую Р. Малиновский поручил А. Колмогорову, следует, что созданная математическая модель рисков возможности ядерной войны не только не внушала оптимизма, но формировала устойчивый пессимизм.

Согласно результатам математического моделирования в СССР и, как позднее выяснилось, в США, основные и практически неустранимые в условиях сохранения состояния Холодной, норовящей перейти в локальную горячую войну, причины ядерного конфликта лежали не в плоскости реализации сознательной стратегии нанесения превентивного ядерного удара, а были связаны с реакцией на случайный отказ тех или иных систем у противников, с несанкционированным запуском ядерных носителей, а также с неконтролируемой эскалацией местных локальных конфликтов, в которых на первой стадии СССР и США даже не участвовали. Как выяснилось спустя почти 20 лет, и советская, и американская модели, использовавшие примерно одинаковый математико-статистический аппарат и сопоставимые массивы разведывательных данных, оценивали риск прямой ядерной войны между СССР и США в период до 1985 г., почти в 100%²²⁴. Вполне понятно, что личные впечатления А.Н. Косыгина от Карибского кризиса, подробные беседы с В. Кузнецовым, А. Феклистовым и другими участниками Карибского кризиса, а также сообщённые ему данные по математическому моделированию рисков ядерного конфликта не могли не побудить председателя Совмина к отнюдь не весёлым размышлениям.

5

Ещё одним эксклюзивным фрагментом пазла, позволяющем судить о побудительных причинах А.Н. Косыгина и о его задумках, положивших начало программе, вылившейся в отнюдь не запланированные изначально Римский клуб и Международный институт прикладного системного анализа, являются впечатления, вынесенные автором от разговоров с Ароном Кацеленбогеном, состоявшимися в первой половине 1990-х годов в Америке.

²²⁴ Martel M., Savage P.L. Strategic Nuclear War: What the Superpowers Target and Why (Contributions in Military Studies). Westport: Praeger, 1986; Arms Race Modeling: Problems and Prospects // Journal of Conflict resolution. Anderton, 1989. Vol. 33, No. 2; Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008.

Сегодня в России фамилия Кацеленбогена мало кому что говорит. С одной стороны, это связано с провинциализмом сегодняшних российских макроэкономистов и финансистов, а также специалистов в области военной экономики, а с другой — с особенностями биографии самого Кацеленбогена. Между тем, в мире А. Кацеленбоген широко известен сразу в нескольких ипостасях. Прежде всего он — один из признанных авторитетов в своё время еретического, а ныне мейнстримного течения в теоретической и практической макроэкономике, связанного с неравновесной динамикой. Традиционно экономисты привыкли иметь дело с равновесными и сбалансированными процессами. Это повелось ещё от Адама Смита и продолжается по сегодняшний день в рамках подавляющего большинства направлений, разрабатывающих экономическую и монетарную политику. А. Кацеленбоген вслед за В. Парето утверждал, что любая динамика принципиально неравновесна и потому практический смысл имеет не разработка утопических мер по достижению равновесия, а поиск инструментов, которые могли бы обеспечить контролируемое неравновесие.

Наряду с разработкой общей теории экономического неравновесия, ещё живя в СССР, А. Кацеленбоген, создал трёхмерную модель экономики с учётом военно-промышленного сектора. Эта модель после его эмиграции в США была использована с подачи Эдварда Люттвака и Уильяма Кейси при разработке и реализации финансово-экономической войны против СССР во времена президентства Р. Рейгана. Кроме того, уже будучи в США, А. Кацеленбоген создал оригинальную теорию неантагонистических игр, которая в настоящее время лежит в основе стандартных процедур по модерации жёстких конфликтов и перевода их из военной в мирную фазу.

По своему образованию Кацеленбоген был математиком. В силу борьбы в СССР в 1950-е годы математических и физических школ, разделившихся по этническому признаку, Кацеленбоген не стал продолжать математическую или физическую карьеру, а занялся экономикой. В это время в СССР была реабилитирована кибернетика, и люди, разбиравшиеся в математике, стали цениться в экономических институтах Академии наук СССР буквально на вес золота. На этой же волне в 1963 г. был создан Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) во главе с академиком Н. Федоренко. А. Кацеленбоген возглавил в институте один из ведущих научных отделов, занимавшихся разработкой моделей экономической динамики или, как тогда было принято говорить, социалистического расширенного воспроизводства.

Впервые в мировой практике почти за год А. Кацеленбоген разработал достаточно простую, но имеющую большой эвристический и прогностический потенциал, модель. Как в классической, так и в марксистской политэкономии и даже в буржуазной неоклассике было принято делить весь производительный сектор экономики на две части: первое и второе подразделения. Революционной инновацией А. Кацеленбогена стала идея о том, что существует и третье производительное подразделение — военно-промышленный комплекс. До Кацеленбогена традиционно ВПК относили к части экономики, не участвующей в расширенном воспроизводстве. При этом, в отличие от первого и второго подразделения, третье подразделение являлось, согласно Кацеленбогену, производительным лишь при определённых условиях. Эти условия получили в мировой литературе наименование «условий Кацеленбогена».

Собственно, ничего сверхъестественного в этих условиях не было — они лишь фиксировали выводы здравого смысла, но для экономической науки и практики оказались открытием. Первое условие было связано с фактическим использованием конверсионных возможностей ВПК. Иными словами, в том случае, если технологии, появившиеся в ВПК, находили применение в гражданском секторе, первом и втором подразделениях, то и третье подразделение оказывалось производительным. Второе условие фиксировало тот очевидный факт, что в случае, если расходы на подготовку и ведение войны превышали прямые и косвенные доходы, полученные в результате победного завершения войны, то, опять же, третье подразделение оказывалось производительным. Наконец, третье условие было наименее очевидным. Оно состояло в том, что коль скоро страна на протяжении минимум 15-летнего периода имела незатухающую динамику темпов экономического роста, то третье подразделение опять же признавалось производительным. В основе третьего условия лежало соображение, что существование третьего подразделения обеспечивало жизнеспособность экономики и выживание страны в условиях агрессивного внешнего мира. Столь подробное описание модели Кацеленбогена потребовалось для того, чтобы понять смысл его бесед с А.Н. Косыгиным и причины, побудившие премьера неоднократно приглашать к себе академика Н. Федоренко и А. Кацеленбогена.

Как рассказывал Кацеленбоген, премьера в ходе бесед интересовали два вопроса. Первый — это предельный уровень третьего подразделения, при котором оно будет оставаться производительным. Иными словами, А.Н. Косыгин пытался понять для себя, какова граница доли военных расходов в государственном бюджете и ресурсах на воспроизводство, которые без ущерба, а лучше и с пользой для себя, может нести Советский Союз. Согласно Кацеленбогену, по результатам бесед у них с академиком сложилось впечатление, что А.Н. Косыгин по состоянию на 1965 г. считал наиболее вероятным навязывание Советскому Союзу гонки неядерных либо ядерных тактических вооружений. По его мнению, американцы вряд ли и далее будут рисковать, балансируя на грани возникновения тотальной атомной войны и скорее всего начнут переговоры по замораживанию либо даже сокращению стратегических ядерных вооружений. Но при этом, определённые круги в их руководстве постараются использовать гонку вооружений как экономическое оружие против СССР.

Поскольку ЦЭМИ с момента своего создания и вплоть до последних дней существования Советского Союза имел прерогативу высказывать любые, даже категорически недопустимые для других институтов Академии наук мнения, которые можно было списать в крайнем случае на свойственную математикам идеологическую безграмотность, то руководство страны вызывало директора института только в тех случаях, когда хотело получить ответы, выходящие за пределы традиционных точек зрения. Понимая это обстоятельство, как вспоминал Кацеленбоген, они попросили у А.Н. Косыгина несколько месяцев на детальную проработку и просчёт вариантов и в декабре 1965 г. представили ему свои соображения. Суть их сводилась к следующему. В силу определённых особенностей Советского Союза, по мнению А. Кацеленбогена, конверсионная составляющая ВПК неизмеримо слабее, чем на Западе. Соответственно, и общепроизводительный потенциал ВПК в обыч-

ных условиях уступает западному. При этом, поскольку общий экономический потенциал СССР заметно меньше, чем у США и их союзников, то длительную гонку вооружений в интервале 12–15 лет он просто не сможет выдержать. С другой стороны, по мнению разработчиков ЦЭМИ, советская экономика несоизмеримо превосходила западную, особенно в её американском варианте, по своему мобилизационному потенциалу. А потому и военно-промышленный комплекс по своей технологической динамике превосходил западный, несмотря, а во многом и благодаря общему технологическому отставанию экономики СССР. Отсюда авторы доклада делали вывод о том, что парадоксальным образом в краткосрочном плане пяти, максимум десяти лет, гонка вооружений может оказаться выгодной для СССР, так как усиливает его позиции. В долгосрочном же плане, начиная от 15 лет, она будет иметь просто катастрофические последствия для советской экономики. По воспоминаниям Каценленбогена, Косыгин внимательно изучил их доклад, однако больше к нему не возвращался. На очередной встрече, состоявшейся уже в феврале – марте 1966 г., вопреки ожиданиям учёных, разговор зашёл не об их докладе, а об экономической реформе.

Одним из самых устойчивых мифов сегодняшнего времени, который сформировался ещё во времена М.С. Горбачёва, является миф о А.Н. Косыгине как главном инициаторе реформы по Евсею Григорьевичу Либерману. Эта реформа и в народе, и в научной литературе получила название «косыгинская экономическая реформа». Безусловно, у этого мифа есть рациональная основа. По факту идеи статей Е. Либермана в «Правде», а также его разработки действительно легли в основу экономической реформы 1965 г., а он сам получил статус консультанта А.Н. Косыгина. Соответствует реальности и то, что именно на Косыгина была возложена ответственность за перевод теоретических положений на язык нормативных документов, а затем реализация этих документов в хозяйственной практике. Также объективной реальностью является факт, что торможение, а затем и сворачивание реформы уже на рубеже 1970-х означало резкое ослабление позиций А.Н. Косыгина и понижение его статуса с фигуры, практически равной Л.И. Брежневу, до как максимум третьего человека после Л.И. Брежнева и М.А. Суслова.

Анализ столь сложного и неоднозначного процесса, как экономическая реформа конца 1960-х, выходит за рамки данного исследования. В контексте последнего важно отметить лишь несколько обстоятельств. Впервые в целостном виде принципиальные положения реформы, ошибочно получившей название «косыгинской», были сформулированы в 1962 г. в статье Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия», напечатанной в «Правде». В статье впервые предлагалось сделать критерием эффективности работы предприятия прибыль и рентабельность и увязать с ними вознаграждение за труд. В Польше и Венгрии это было уже реализовано. Однако в СССР такие мысли были опубликованы впервые, тем более в партийной газете.

Сразу после выхода статьи А. Микоян и тогдашний главный редактор «Правды» Павел Сатюков подробно рассказали о статье Н.С. Хрущёву и рекомендовали ему попробовать идеи Либермана на практике. В 1962 г. Хрущёв дал добро на проведение хозяйственного эксперимента по Либерману. Он проводился на предприятиях швейной промышленности, на шахтах, а также в ряде транспортных предприятий. Косыгин, будучи в то время заместителем председателя Совета Министров

СССР и председателем Госплана в официальных документах выступал против реформы по Либерману, считая её непродуманной и неприменимой в отраслях тяжёлой промышленности и машиностроения. Однако после Октябрьского 1964 г. пленума ЦК КПСС в «Правде» появился новый главный редактор, академик А. Румянцев, который опубликовал новую статью Либермана «Откройте сейф с алмазами».

Как в 1980-е – начале 1990-х годов автору текста рассказывали независимо друг от друга Валерий Аграновский и Александр Бовин, Евсею Либерману в наибольшей степени покровительствовали главный редактор «Правды» академик А. Румянцев, тогдашний начальник отдела ЦК КПСС А.Н. Яковлев и, как это ни удивительно, М.А. Суслов. Именно Суслов после того, как Л.И. Брежнев был избран генеральным секретарём, при подготовке одного из докладов в Завидово посоветовал Л.И. Брежневу обратить внимание на талантливого экономиста из Харькова, который сформулировал дельные предложения. Как вспоминал А.Е. Бовин, Брежневу упрощённый пересказ идей Либермана в изложении Суслова запал в душу, и он часто повторял своим спичрайтерам: «Мы, товарищи, должны дать людям заработать и отдохнуть. Народ и так уже натерпелся. Теперь ему пожить надо». Сегодня мало кто помнит, что начало экономической реформы совпало по времени с переходом на пятидневную рабочую неделю. Эти меры, прочно увязанные в народном сознании с новым партийным руководством, заметно повысили авторитет Л.И. Брежнева как руководителя страны, заботящегося о жизни простых людей.

А. Кацеленбоген вспоминает, что Косыгина особенно интересовал следующий момент. Он пытался получить от руководства Госплана СССР и учёных ответ на вполне конкретный вопрос: какие необходимо принять меры к тому, чтобы увязать стимулы экономической реформы с воспроизводственной структурой экономики. Как практический экономист, начавший свою карьеру с руководства кооперативом во времена НЭПа, а затем курировавший крупнейшую советскую концессию «Лена Голдсмит», он прекрасно понимал, что замена вала показателем прибыли к рынку никакого отношения не имеет. Она лишь увязывает вознаграждение не только с объёмами произведенной продукции, но и со снижением себестоимости, т.е. экономией ресурсов. При этом, опять же, как практик и хозяйственный руководитель высочайшего уровня, он прекрасно отдавал себе отчёт в заложенной внутри реформы бомбе. Она заключалась в том, что экономия достигалась и в первом, и во втором и в третьем — по Кацеленбогену — подразделениях экономики.

Пропорционально достигнутой экономии и увеличивающейся прибыли выплачивалось в возросших размерах вознаграждение. Однако вся проблема состояла в том, что фонды заработной платы и материального поощрения росли и в первом и во втором, и в третьем подразделении, или, если говорить привычным языком, и в группе А, и в группе Б — промышленности. А вот увеличивающуюся товарную массу создавало только второе подразделение, входящая в неё соответственно группа Б, а также сфера услуг. Взрыв бомбы становился неизбежным в том случае, если в первом подразделении и в военно-промышленном комплексе, а им в то время придавалось определяющее значение, трудовые коллективы добивались впечатляющих успехов. Это вело к нарастающему объёму необеспеченных денежных средств населения и, как следствие, очередям, дефициту и т.п. То есть к тому, что активно начало входить в советскую жизнь уже в 1970-е годы.

По впечатлениям Кацеленбогена, А.Н. Косыгин прекрасно видел эту проблему и пытался получить количественную оценку её масштабов и темпов нарастания. Однако ответственные работники Госплана уходили от ответа, указывая, что они не располагают полной оперативной статистикой, позволяющей в динамике отслеживать процессы. Они утверждали, что могут достаточно точно нарисовать картину лишь в статике. Ориентируясь на директора института академика Н. Федоренко, А. Кацеленбоген решил не рисковать и не браться за задачу разработки подобной методики. Это могло бы заметно ухудшить отношения руководства института с руководством Госплана (а формально именно Госплан выступал главным работодателем ЦЭМИ). После этого А.Н. Косыгин А. Кацеленбогена не вызывал.

Из подробных рассказов А. Кацеленбогена можно сделать два вывода. Во-первых, А.Н. Косыгин ясно видел сильные и слабые стороны советской экономики и получил важную для него информацию относительно имеющихся возможностей и грядущих угроз. Кроме того, он прекрасно понимал ограниченность, а в перспективе и потенциальную опасность экономической реформы 1965 г. По некоторым косвенным признакам можно сделать вывод, что в реформе он видел способ обеспечения высоких темпов экономического роста на ближайшие пять лет, которые были необходимы для проведения переговоров с Западом с позиций силы или, по крайней мере, на равных. Кроме того, он рассматривал реформу как своего рода полевые испытания корпуса хозяйственных руководителей на их готовность к подлинным переменам.

Завершая тему Арона Кацеленбогена, нельзя совсем коротко не остановиться на парадоксе его эмиграции. В первой половине и середине 1970-х годов, во второй волне еврейской эмиграции, неожиданно разрешение на выезд в Израиль, а фактически, как все понимали, в Америку, получил целый ряд уникальных специалистов, чьи разработки имели прямое отношение к военной и разведывательной сферам. Наряду с уже упомянутым А. Кацеленбогеном, к ним можно отнести, например, разработчика уникального метода рефлексивного управления Владимира Лефевра, лучшую в мире группу математиков — специалистов по поиску скрытых уязвимостей в сложных системах различного рода, а также целый ряд других лиц и коллективов. Нельзя не отметить, что кураторы КГБ соответствующих научных учреждений, а также руководители среднего уровня на Площади Дзержинского категорически возражали против возможности предоставления такого рода разрешений. Однако эти разрешения были даны из самых высоких кабинетов на Лубянке.

В связи с этим любопытным представляется обсуждение вопроса об эмиграции на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС.

«Брежнев. Закон не надо отменять. Мы условились не менять закона. Но на данном этапе, когда сионисты разожгли кампанию вокруг поправки Джексона и вокруг законопроекта о предоставлении нам режима, надо отпускать. Дело не в режиме, им надо вообще посорить Советский Союз с Америкой. Есть группа республиканцев, которая поставила целью сорвать улучшение отношений Советского Союза с США. Никсон — за, администрация — за, а многие сенаторы против только из-за того, что у нас с евреями взимают плату (за обучение в вузах).

Косыгин. А кого мы не хотим выпускать, мы не должны выпускать.

Андропов. С понедельника едут не 600 человек, а полторы тысячи.

Брежнев. Отпусти 500 второстепенных лиц, а не академиков. Пусть они говорят, что с них ничего не взяли. Возьмите пару инженеров с высшим образованием, не имеющих никакого отношения к секретам, например, из пищевой промышленности — пусть едут. Но не с оборонной промышленности. Пускай и инженеры едут бесплатно. Это временный тактический манёвр.

Щёлоков. Леонид Ильич, я ещё хотел сказать, что может быть в связи с тем, что опубликованы данные о желающих возвратиться, использовать их здесь для пропаганды по телевидению, в печати и т.д.

Андропов. Было такое поручение, вчера мы получили телеграмму. 10 семей мы возвращаем.

Косыгин. Наш народ очень плохо реагирует на возвращение. Говорят, раз уехали, то их обратно не принимать»²²⁵.

6

Приведённые выше воспоминания и фрагменты текстов, как представляется, дают возможность реконструировать воззрения А.Н. Косыгина в тот период, и сделать предположения относительно задач, решение которых он связывал с осуществлением программы, позднее вылившейся в Римский клуб и Международный институт прикладного системного анализа. Прежде всего, А.Н. Косыгин был убеждён, что, несмотря на наличие двух мировых систем, мировая экономика является единым целым. Выступая в июле 1964 года с лекцией в Институте общественных проблем, Косыгин говорил, что Советский Союз не намерен, не может, и не будет создавать замкнутую экономику. В записных книжках А.Н. Косыгина, которые хранятся у его внучки Татьяны Джерменовны, имеется запись, относящаяся к тезисам этой лекции: «Мы против замкнутой экономики и стоим за широкий научно-технический обмен между странами. Советский Союз хорошо понимает преимущества международного разделения труда, развитие экономических отношений между государствами». Несколькими страницами далее в записной книжке можно прочесть: «Международная экономика организована и действует по-капиталистически, и мы должны научиться использовать возможности этой экономики себе на благо».

Представляется, что в статическом плане на коротком историческом промежутке времени, около 10–20 лет, А.Н. Косыгин считал, что СССР является частью мировой экономики, организованной именно по-капиталистически. Поэтому, коль скоро СССР хочет участвовать в международном разделении труда, он не может игнорировать капиталистический характер мировой экономики и должен ему соответствовать.

В динамическом плане, с точки зрения долговременных тенденций А.Н. Косыгин полагал, что будущее принадлежит социализму как строю, соответствующему тенденциям развития производительных сил. Как рассказывал автору текста известный советский и российский экономист и государственный деятель Л.И. Абалкин, в производительные силы Косыгин был склонен включать и организацию производства и труда. Данная точка зрения у него исходила из практического опыта.

²²⁵ Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 1996. № 1. С. 157.

В то же время виднейший экономист Д. Гэлбрейт в своих знаменитых работах «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества» называл эти отношения «организационными». А сам Л.И. Абалкин под воздействием бесед с Косыгиным вынес их в отдельный слой хозяйственного механизма социализма под названием «организационно-экономических отношений». Так или иначе, А.Н. Косыгин полагал, что будущее принадлежит социализму. При этом, по свидетельству самых различных людей, включая его зятя Д. Гвишиани²²⁶, близкого друга, философа Л. Ойзермана²²⁷ и известного чешского политика О. Черника²²⁸, он отнюдь не был склонен считать, что советский вариант социализма — это единственный или лучший.

Касаясь множественности вариантов социализма, нельзя не привести выдержки из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС 19 июля 1968 г. относительно событий в Чехословакии. «Я считаю, — говорил Андропов, — что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступайте на меня. Они сейчас борются за свою шкуру и борются с остервенением. Правые во главе с Дубчеком стоят твёрдо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Всё идет против нас». На этот выпад Косыгин ответил так: «Я хотел бы также ответить т. Андропову, я на вас не наступаю, наоборот, наступайте вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию»²²⁹.

Поскольку, по мнению А.Н. Косыгина, будущее принадлежит социализму с обобществлённым характером труда и производства, планомерной, программной и другими внерыночными формами организации деятельности, а в настоящем господствует капитализм, то время, потребное на переход настоящего в будущее, будет временем компромиссов и переходных форм, к которым СССР должен быть готов. В силу особенностей своей биографии А.Н. Косыгин видел такого рода переходные формы в кооперации и привлечении западного капитала для решения задач развития СССР. Как известно, А.Н. Косыгин окончил кооперативный техникум, где учились прежде всего по книгам Карла Каутского и Александра Чаянова. Поскольку первое систематическое образование в большинстве случаев формирует концептуальный взгляд человека, то А.Н. Косыгин, естественно, не стал исключением. И идеи Карла Каутского о многообразии форм социализма и постепенности его строительства не могли не сформировать его личное хозяйственное мировосприятие.

Свою взрослую жизнь будущий премьер начал как руководитель кооперации в Сибири. Причём там наиболее активными кооператорами были меньшевики и эсеры, которые в отличие от большевиков кооперацией занимались ещё с конца XIX в., и притом весьма успешно. Понятно, что работа с этими людьми также сформирова-

²²⁶ Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по <http://padaread.com/?book=57442>

²²⁷ Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: Республика, 1997.

²²⁸ Млечин Л. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008.

²²⁹ Независимая газета. М., 14 декабря 2000 г.

ла взгляд на кооперацию как на вполне социалистический способ организации хозяйства, широко использующий, а точнее построенный на комбинации общественного труда с рыночным способом экономического функционирования. На протяжении всего периода пребывания на посту предсовмина А.Н. Косыгин не оставлял попыток реанимировать систему не только потребительской, но и производственной кооперации в СССР, однако в этом деле он наталкивался на стойкое противодействие других членов Политбюро.

В связи с этим любопытным представляется выдержка из глянцево-парадной биографии А.Н. Косыгина, написанной многолетним корреспондентом «Комсомольской правды» В. Андриановым в серии ЖЗЛ. Несмотря на сусально-иконописный стиль изложения, автор использовал множество интересных и даже уникальных первичных источников, в которых содержится ценная информация. Это в полной мере относится к фрагменту, характеризующему деятельность позднего А.Н. Косыгина. «Как вспоминал Борис Терентьевич Бацанов, начальник секретариата Председателя Совмина СССР, уже будучи тяжело больным, Косыгин вынашивал идею о том, чтобы вдохнуть новую жизнь в деформированные остатки кооперации в Советском Союзе. Он часто бывал за границей, пытливый взгляд его примечал не только высокую организацию крупного производства, быстрый научно-технический прогресс, но и всепроникающую сферу услуг, доступность её простому человеку, который может хорошо отдохнуть не только по профсоюзной путёвке раз в год, но и просто расслабиться за кружкой пива в уютной и дешёвой пивной или придорожном кафе. А наш унылый и неопрятный общепит навевал на него воспоминания о работе в сибирской кооперации в годы нэпа. Он часто рассказывал, как хорошо и сытно кормили в придорожных трактирах на Ленском тракте, как чисто и уютно было на постоянных дворах. Одно удовольствие проехать на перекладных несколько сотен километров... Он вспоминал об этом с какой-то ностальгией, ведь это было тоже при советской власти, было, но ушло.

Уже в больнице, в 1980 году, он дал поручение председателю правления Центросоюза Смирнову подготовить предложения о расширении и перестройке деятельности потребительской кооперации, в руках которой находилось до 40% розничного товарооборота в стране. Суть его замысла состояла в том, чтобы на кооперативных началах коренным образом (он говорил: «до европейских стандартов») поднять качество торгового и бытового обслуживания не только сельского, но и городского населения. Он стал перечитывать ленинские работы о кооперации, выделяя в них мысль о ней как имманентном элементе социализма, а также то, что «кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом»²³⁰.

Относительно сотрудничества с капиталистами в деле развития СССР не нужно забывать, что именно А.Н. Косыгин курировал знаменитую концессию «Лена Голдсмит», принадлежащую крупнейшему британскому магнату Л. Уркварту. В противоположность сведениям, содержащимся в исторически безграмотных и политэкономически дилетантских писаниях пропагандиста Н. Старикова, работа концессии в реальности принесла большую пользу Советскому Союзу как в финансовом, так и в техно-

²³⁰ Андрианов В. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2004.

логическом плане. Что же касается её ликвидации, то это был известный в те времена способ закрытия такого рода сделок, когда «на поверхности ковра» бескомпромиссные большевики-ленинцы боролись с акулами империализма, а «под ковром» подсчитывали взаимные прибыли и намечали новые дела. При этом в отличие от нынешних времён, прибыли относились к народнохозяйственному бюджету, а не частным счетам.

Концессионный опыт был переосмыслен А.Н. Косыгиным и сделал его устойчивым сторонником экономических связей, прежде всего, с крупнейшим западным бизнесом, принадлежащим в основном подлинной мировой элите. Он рассматривал эти связи одновременно и как важный инструмент решения актуальных народнохозяйственных задач, и как метод усиления взаимозависимости мира, улучшения отношения к Советскому Союзу в мировой элите и, в конечном счёте, ослабление изматывающей гонки вооружений. Не случайно в первые же дни своего премьерства в своей записной книжке он оставил следующую запись: «Передо мной, — пишет В. Андрианов, — рукописный проект рабочей записки Косыгина вот с каким заголовком “Обратиться к США, Англии, Франции, Италии и ФРГ”. Говорится в ней о том, что советское правительство «поставило задачу резко увеличить в ближайшие годы производство тканей, одежды, обуви». Мы, конечно, могли бы решить эту проблему и сами, пишет Алексей Николаевич, «не прибегая к помощи других государств, но это потребует несколько большего времени, что мы считаем нежелательным. А у вас, господа капиталисты, есть большой опыт в деле развития этих отраслей». В общем, последовало деловое предложение о сотрудничестве.

«Какие вопросы мы считаем нужным решить:

1. Контакты в научных проблемах. Взаимный обмен опытом.
2. Приглашение к нам ваших отдельных специалистов.
3. Содействие со стороны правительства в размещении у вас (заказов на) оборудования для этих отраслей промышленности.

Для ведения переговоров по этим вопросам в случае благоприятного вашего отношения мы могли бы командировать специальную комиссию на высоком уровне»²³¹.

В разработке вопросов сотрудничества с Западом А.Н. Косыгин следовал традициям не только советской хозяйственной практики, но и русской экономической мысли. В архиве А.Н. Косыгина сохранились его выписки и подчёркивания в книгах выдающихся российских экономистов и государственных деятелей. А.Н. Косыгин тщательно штудировал работы С.Ю. Витте. Например, Косыгин подчеркнул следующий фрагмент, касающийся протекционизма: «Необходимость введения протекционизма С. Витте обосновывал следующим образом: “Достаточно самого поверхностного наблюдения, чтобы убедиться, что различные страны мира находятся на разной степени экономического развития. Одни успели достигнуть высшей степени развития — обосновать прочно свою промышленность, выработать высокую технику торговли, накопить капиталы, которые уже не находят применения дома и ищут выгодного помещения за границей; другие только развивают у себя промышленную деятельность, но не имеют еще достаточных капиталов, чтобы разрабатывать в потребной мере свои природные богатства и поднять до насто-

²³¹ Там же.

ящей высоты свою торговую технику; третьи, наконец, вырабатывают почти одно сырьё, следовательно, очень бедны ещё капиталами и находятся вообще на весьма низкой степени культурного развития.

Если допустить, что повсюду одновременно установлено господство полной свободы торговли, как это желали бы её сторонники, то каждой стране пришлось бы оставаться почти в том же положении, в каком её застало возникновение подобного режима. Действительно, страны с высокой торговой техникой, с развитой промышленностью и крупными капиталами имели бы в странах с бедными капиталами — земледельческих или со слабо развитой промышленностью — свой естественный рынок сбыта и своих постоянных поставщиков сырья. Стоило бы стране со слабо развитой промышленностью сделать попытку для развития какой-нибудь отрасли промышленности, уже хорошо поставленной в стране с развитой промышленностью, как эта последняя страна, чтобы не потерять рынка, немедленно выбросила бы туда массу товара по убыточной даже для себя временно ценам и убила бы новое дело.

Бороться с этим стране, бедной капиталами, было бы невозможно, ибо на первых порах, без подготовленного рабочего персонала, без налаженной организации дела, без капиталов, которые можно привлечь к делу в этих условиях лишь большими барышами, конкуренция оказалась бы совершенно непосильной. Не было бы возможно и накопление капиталов, потому что накопление это шло бы только за счёт производства сырья, которое предназначалось бы исключительно для стран с развитой промышленностью, а эти последние, являясь единственными покупателями и хозяевами положения, приобретали бы сырьё, которое в самой стране имело бы незначительный спрос, лишь по самой низкой расценке, продавая наоборот, выделанный продукт дорого и беря сверх того в свою пользу за доставку. Другими словами, страна с развитой промышленностью и высокой торговой техникой выгадывала бы и на покупке сырья, и на продаже изделий, и на провозе того и другого, а бедная страна на всём этом неизбежно теряла»».

«Цель покровительственной политики, — пояснял С. Витте, — не допускать притока благ потребительских, вырабатываемых странами с развитой уже промышленностью, а привлечь производительные капиталы предоставлением им преимущественных выгод... Чтобы усилить производительность обильного у нас труда, не находящего применения, и тем ускорить процесс накопления богатства и народного благосостояния в стране, наиболее действенное средство — привлечь иностранные капиталы». С. Витте в период российского промышленного бума начала XX в. приходил к выводу, что: «вообще вопрос о значении промышленности в России ещё не оценён и не понят». «Для России необходимо, прежде всего, ускорить темпы «индустриализации»... В мире ничего не дается даром, и, чтобы создать свою промышленность, страна должна нести известные жертвы, но эти жертвы временные и, во всяком случае, ниже... выгод».

«В то время, как Франция увеличила свою выплавку чугуна за 1890–1900 годы на 58%, Великобритания на 13%, С. Штаты на 76%, Германия на 61%, в России она возросла на 220%... Прилив иностранных капиталов и иностранной предприимчивости явился могучим стимулом нашего промышленного развития последнего времени», — отмечал известный экономист того времени М. Туган-Барановский.

М. Горький летом 1917 г. писал: «Велика и обильна Россия, но её промышленность находится в зачаточном состоянии. Несмотря на неисчислимое количество даров природы... мы не можем жить продуктами своей страны, своего труда. Промышленно развитые страны смотрят на Россию, как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбывать разный товар и откуда дешево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых... не считается зазорным». Непримируемый оппонент М. Горького философ И. Ильин приходил, тем не менее, к аналогичным выводам: «Запад бил нас нашею отсталостью, а мы считали, что наша отсталость — есть нечто правоверное, православное и священно-обязательное...»

Принимая во внимание все изложенные выше обстоятельства, можно сделать вывод о том, что А.Н. Косыгин, благословляя Д.М. Гвишиани на его тесную работу с А. Печчей и А. Кингом, имел в виду достичь сразу нескольких целей. Прежде всего он собирался максимально активно вовлечь крупный западный капитал в реализацию проектов, связанных с развитием советской экономики и, в первую очередь, её потребительской сферы. Как говорил автору многолетний помощник А.Н. Косыгина Игорь Простяков, А.Н. Косыгин в узком кругу любил повторять: «Космический корабль мы сделаем лучше всех в мире, наш сложный станок будет выигрывать тендеры у американцев и немцев, отечественный телевизор будет весьма пристоеен и его даже может быть удастся продать куда-нибудь в Латинскую Америку. Но как только дело дойдёт до машин, штанов и мебели, то даже уважающий себя негр подумает, можно ли это использовать».

В плане укрепления международного разделения труда и упрочения связей с крупнейшими корпорациями А.Н. Косыгин всерьез размышлял и даже кое-что сделал с точки зрения кооперации советских и зарубежных фирм в строительстве крупных промышленных объектов в странах Третьего мира. Думается, что в рамках программы сближения на негосударственном уровне с собственниками крупнейших корпораций он предполагал серьёзное продвижение и в этом направлении, т.е. совместную работу на рынках третьих стран вообще и Третьего мира, в частности. Базируясь на привлечении западного капитала к реконструкции второго подразделения советской экономики и совместным проектам в странах Третьего мира, он полагал возможным снизить для Запада напряжённость действия закона Розы Люксембург, а соответственно, ослабить те силы на Западе, которые были заинтересованы в навязывании СССР опасной в среднесрочной перспективе гонки вооружений. Наконец, поддерживая крупнейшие производственные корпорации, А.Н. Косыгин полагал, что будет ускорять процесс движения позднего капиталистического общества к различного рода вариантам социализма, понимаемого как строй, базирующийся на всё возрастающем обобществлении средств производства и труда и усилении не рыночных, а плановых и программных методов организации общественной жизни.

Этим планам не суждено было осуществиться. Римский клуб, а в ещё большей степени Международный институт прикладного системного анализа стали проектами, реализованными с советской стороны совершенно иными людьми, имеющими совершенно иное видение мира и диаметрально противоположные взгляды на

будущее. Частично это было связано с конкретными, в определённой мере непредсказуемыми историческими обстоятельствами. Свою роль сыграли и определённые черты личности и мировоззрения А.Н. Косыгина. В данном случае полностью справедливо известное наблюдение, что недостатки человека являются продолжением его достоинств и наоборот. Наконец, роковую роль сыграли и процессы социальной динамики, которые носили, по всей вероятности, неумолимый характер. Однако прежде чем разобраться в обстоятельствах, почему произошло отстранение А.Н. Косыгина от его детища, кто стал держателем и выгодоприобретателем от проектов «Римский клуб» и «Международный институт прикладного системного анализа», необходимо разобраться ещё с одним вопросом. А именно: какие надежды западные партнёры связывали с этими проектами в их первоначальной редакции, пока за проектами стоял А.Н. Косыгин, а его зять частично под влиянием объективной логики событий, а частично вследствие специфических черт своего характера, не перешёл на другую сторону? Короче говоря: кто стоял за спиной Печчеи и Кинга?

Глава 7

Кто стоял за спиной Печчеи и Кинга?

1

Те же вопросы, что в отношении состава, побудительных мотивов и намерений были рассмотрены применительно к группе А.Н. Косыгина, логично проработать и в отношении паттерна Аурелио Печчеи. В предыдущих частях работы мы выяснили, что непосредственно за Аурелио Печчеи из формальных структур стояли промышленно-финансовая группа «Фиат», корпорация «Оливетти», консалтинговая компания «Италконсалт», коммуникативная фирма «Новосидер» и консорциум «ADELA». К числу важнейших структур, относимых к третьему углу магического треугольника мировой капиталистической системы, стоявших за программой Аньелли, как мы уже выяснили, были мощнейшие закрытое объединение Le Cercle («Круг»), Бильдербергский клуб в его ранней, дееспособной стадии, неформальные структуры Ватикана и в определённой степени гетерархии «чёрного интернационала».

Без ответа, однако, пока остаётся вопрос: какой слой, какую общественную группу представляли люди, инициировавшие проект Аньелли, и каковы были их конкретные социальные, в широком смысле этого слова, характеристики? Не требует особых доказательств суждение о том, что ядро этой группы составляли семьи, либо владевшие крупнейшими итальянскими предприятиями и компаниями, либо контролировавшие их. Для дополнительного подтверждения этого тезиса достаточно обратиться к перечню учредителей «Италконсалта» и «Новосидера», подробно разобранных в предыдущих частях работы. Там же детально анализировалась такая ключевая черта итальянского и — шире — центральноевропейского бизнеса как его родовой характер.

Касательно маркера «родовой» применительно к бизнесу нужно сделать оговорку. В современном русском языке прилагательное «родовой» чаще всего означает «семейный». Однако в Италии, на юге и в некоторых районах центра Германии, на юге Франции и на севере Балкан под семьёй понимают нечто иное, нежели в России. В этих регионах сохранилось исходное понимание семьи как рода, т.е. как нескольких связанных между собой крепкими узами семей. Иными словами, семейный бизнес в Италии — это бизнес, который принадлежит, управляется и контролируется членами одной или нескольких, связанных узами кровного род-

ства или насчитывающих десятилетия непрерывного, тесного, делового взаимодействия фамилий.

Что касается семьи, то наиболее ярко понимание семьи в южноевропейском смысле слова передано в романах Марио Пьюзо о мафии и Джан Батисто Амбруазино о каморре. Хотя материал в романах этих авторов имеет весьма экзотический характер и прямо связан с сицилийско-американским и неаполитано-германским преступным миром, понимание семьи, представленное книгами Пьюзо и Амбруазино, имеет универсальный для южной и частично центральной, приальпийской Европы характер. Под семьёй понимается достаточно замкнутая, хотя и потенциально открытая к приёму новых членов общность, внутри которой имеются устойчивые связи, члены которой обладают достаточно жёстко закреплёнными ролями и функциями, а отношения между ними регулируются неформальным институциональным кодексом поведения и взаимоотношений.

Некоторые исследователи полагают, что такого рода семейный характер является пережитком архаики. Они исходят из того, что корни мафии лежат в наиболее отсталой итальянской провинции Сицилии, а каморра базируется в наиболее бедных районах Неаполя, населённых выходцами из южной оконечности полуострова, где также преобладает отсталое аграрное население. Однако данная точка зрения представляется неверной, поскольку такие же семейные группы обнаруживаются на территории всей Италии, а также не только Южной, но и Северной Германии, Пруссии и Голландии. Вряд ли можно считать архаичными Милан, Геную, Турин, Венецию, Флоренцию, Кёльн, Берлин, Гамбург и т.п. Вероятно, данная характеристика семьи связана не с аграрной архаикой, а с некоей традицией, идущей ещё из раннего средневековья и обусловленной глубинными психоисторическими процессами.

Зафиксируем тот факт, что определяющей характеристикой крупного итальянского бизнеса был и остаётся его семейно-родовой характер. Чтобы разобраться в данной проблематике, необходимо оперировать историческими и статистическими данными, а не различного рода легендами о «чёрной венецианской аристократии», которая с лёгкой руки команды Л. Ларуша заполнила англо- и русскоязычную литературу. Между тем сегодня, когда открыто и оцифровано подавляющее большинство бизнес-архивов, начиная с XVIII, а в некоторых странах и с XVI в., становится возможным переход от описательной аналитики к истории как точной науке. Конечно, нельзя недооценивать и препятствий, стоящих на пути исторических расчётов. Например, при анализе европейского богатства вообще и итальянского в частности, ещё нередко оперируют данными журнала «Forbes» и подобными ему источниками. Между тем, исторический анализ, как точная наука, предполагает не только точность в расчётах, но и корректность в критериях и формулировках. При использовании данного критерия «Forbes» и другие источники, базирующиеся на публичных бесплатных данных о формально принадлежащей собственности, ни в коей мере не могут выступать как первичные источники для анализа богатства.

Такие данные можно найти в материалах Бюро Ван Дьюка и Дан Брандстрит. Не так давно вышла фундаментальная монография Лучано Скартини, посвящённая анализу семейно-родовых связей 100 богатейших семей Италии²³². Согласно скрупулёзному

²³² Skartini L. Parentela e la ricchezza in Italia. Trieste: ABC, 2008.

исследованию автора, из 100 богатейших семей Италии 67 имеют аристократические корни или прямые семейные связи с владетельной аристократией. Данные расчёты сделаны применительно к списку 100 богатейших семей по критерию собственности на все виды активов, а также решающего контроля бизнеса, выражающегося через преобладание в советах директоров и участии в топ-менеджменте компаний.

Критерий «аристократические корни» определялся по наличию среди членов фамилий, т.е. прямых и близких (не менее второй степени родства) предков и родственников, принадлежащих к фамилиям, представленным в Готском альманахе и альманахе аристократических родов Италии не позднее, чем с начала XVIII в. Для определения наличия прямых семейных связей с владетельной аристократией использовался итальянский критерий семьи, где под семейными связями понимались не только кровно-родственные связи, а устойчивые, торговые, промышленные и особенно финансовые связи с продолжительностью не менее 25 лет до начала XX в. и не менее 10 лет — начиная с XX в.

Полученные данные были проверены автором текста с использованием сведений, содержащихся в платной версии Отчёта банка CreditSuisse о мировом богатстве²³³. Для выделения богатейших семей Италии были использованы те же критерии, что и в работе Л. Скартини. Учитывая трудоёмкость расчётов, была использована меньшая совокупность — 25 богатейших семей. Выделенная совокупность семей была проанализирована, исходя из данных наиболее достоверных европейских и итальянских генеалогических ресурсов с использованием наиболее продвинутых аналитических генеалогических веб-сервисов²³⁴.

В результате анализа выяснилось, что 18 из 25 богатейших семей по состоянию на 2013 г. имеют аристократические родовые корни или семейные связи. К ним относятся семьи Рокко, Залески-Дорио, Драго, Моратти, Кальтаджироне, Гамбио, Аньелли, Буцци, Мараскотти, Перелли, Энцио, Пессино, Тройелли, Фацио, Натуччи-Спинола, Бартелли, Бенедетти, Коланнино. Любопытно, что для владетельных итальянских семей во второй половине XIX–XX вв. была характерна ситуация, когда преуспевающие предприниматели — выходцы из городских низов, а иногда даже крестьян, женились на девушках из аристократических родов. Однако, в отличие, например, от России конца XIX – начала XX в. и Великобритании второй половины XX в., где такого рода женитьба означала лишь приобретение титула, в Италии дела обстояли иначе. Если в России и Великобритании у старых родов не оставалось ничего, кроме убыточных поместий или замков, а также грамот об аристократическом происхождении и древности рода, то в Италии и в других приальпийских странах наиболее знатные аристократические семейства сохраняли значительные массивы земельной собственности, либо активно участвовали в банковском и финансовом капитале. Более того, в подавляющем большинстве случаев именно в Италии установление родственных связей закрепляло семейные — в итальянском понимании этого слова — отношения. Таким образом, среди богатейших семей доля семей, связанных со старой аристократией, в проведённых расчётах оказалась примерно такой же — 72%, как и полученной в исследовании Скартини — 67%.

²³³ Credit Suisse Research Institute: Global Wealth Report. 2013. <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=BCDB1364-A105-0560-1332EC9100FF5C83>

²³⁴ <http://www.italywgw.org/http://www.zillman.us/subject-tracers/genealogy-resources/>

Едва ли не самым интригующим стал тот факт, что из 18 семей у 11, т.е. почти у двух третей, нашлись либо родственные, либо семейные связи с тремя фамилиями, принадлежащими к элите генуэзской аристократии и международного финансового дела, а именно семьями Гримальди, Дорио и Спинола. Все три семьи, помимо того, что столетиями были представлены в руководящих органах Генуэзской республики, стали основателями знаменитого банка Сан-Джорджо. Иными словами, итальянский бизнес XX и даже начала XXI в. оказался прямо связан на своём высшем уровне именно с генуэзскими владетельными фамилиями, занявшими своё положение в торгово-финансовой республике ещё в XVI в. Более того, можно констатировать, что именно генуэзцы, а не флорентийцы или венецианцы определили в немалой степени капиталистическое лицо Италии.

Связано это с рядом обстоятельств. Флорентийские аристократические фамилии в значительной мере израсходовали свой не только силовой и военный, но и финансовый капитал на противодействие и Риму, и императорам Священной Римской империи германской нации. Венецианцы, с одной стороны, пали жертвой ожесточённой внутренней борьбы, аналогов которой не было в Генуе, а с другой — постарались инфильтрироваться в Нидерланды, а затем в Англию (впрочем, вопрос о реальной роли венецианского капитала, знаниевого и политического ресурсов в жизни раннекапиталистических Нидерландов и Британии времён Славной революции представляется несколько преувеличенным, о чём речь пойдёт в одной из следующих частей работы). Наконец, нельзя не отметить, что ресурсы венецианцев оказались сильно истощены в результате своеобразной экологической катастрофы в XVII в. Эти ресурсы были привлечены на преодоление её последствий. Дело в том, что в конце XVI в. произошло «высыхание рек Пьяве, Brenta и Силе, что заставило принять решение о закрытии дельт, возведении дамбы, каменных стен и прокладки множества небольших каналов, препятствующих размыву земли. Однако все эти меры, принимаемые правительством республики по сохранению бывшего величия Венеции, не могли радикально изменить положение вещей, а Венеция не смогла избавиться от наводнений и оказалась отрезанной от наиболее удобных морских гаваней»²³⁵.

В итоге в XVII в., когда Нидерланды сделали, а Англия начала готовиться к рывку, а торгово-финансовый капитал этих стран вложился во внешнюю экспансию и установление господства на морях и океанах, венецианский капитал ушёл на спасение города от стихии. В гораздо более благоприятной ситуации оказались генуэзские олигархи. Как пишет В. Рутенбург: «Генуя как ведущий финансовый центр Италии действует в годы процветания так называемых безансонских ярмарок, фактически выполнявших роль международной финансовой биржи. Генуэзцы в XVI веке стали банкирами Испании... Они способствовали географическим открытиям, извлекая из них пользу... Финансовое своеобразие Генуи заключалось в сложном переплетении капитала богатейших семей, банка Сан-Джорджо и собственно республики... Банк Сан-Джорджо контролировали семьи Гримальди, Дорио, Чентуриони и Спинола... Во второй половине XVII века генуэзские инвестиции в Испанию сокращаются в результате обесценивания денег и роста налогов

²³⁵ Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто. Италия в 17–18 веках. Л.: Наука, 1980. С. 23–24.

на собственность иностранцев... К середине XVII века генуэзские капиталы уходят в своей массе из Испании и с юга Италии... и направляются в северные и центральные государства Италии. Этот процент перераспределения денежных потоков длится до конца XVIII века»²³⁶. В XVIII в. «генуэзские банкиры снова развернули активную кредитную деятельность... Банкирские дома Генуи предоставили государям Австрии, Дании, Швеции, Франции, Германии и России займы, общая сумма которых превысила 100 млн. лир»²³⁷.

Следствием этих активных кредитных операций стал тот факт, что генуэзский капитал основывает либо прямо, либо через контролируемых лиц банки в Швеции, Германии, Австрии. Некоторые из них существуют по настоящее время. Особую активность генуэзские банкиры проявляют в Швейцарии, где создают сеть частных банков, послуживших наряду с другими костяком для формирования швейцарской и лихтенштейнской частной банковской системы²³⁸.

В связи с этим позволительно сделать небольшое отступление. В настоящее время не только в России, но и в Америке роль капитала генуэзцев сознательно или несознательно преуменьшается в пользу преувеличения значимости их исторических противников, а иногда и партнёров — венецианцев. В немалой степени это связано с влиянием большого и производящего сильное впечатление текста коллектива авторов, выпустившего доклад «“Зоопарк народов” лорда Пальмерстона» под маркой Шиллеровского института науки и техники Линдона Ларуша²³⁹. Когда автор текста в 1994 г. познакомился с только что опубликованным докладом, он обратил внимание на целый ряд внутренних нестыковок, а также определённых фактологических искажений, содержащихся в этой, без сомнения, яркой и в идеологическом смысле выдающейся работе. Соответственно, возникло желание в меру имеющихся возможностей проверить некоторые утверждения авторов, что называется, пользуясь данными из первоисточников.

В 1990-е годы автор по делам поддерживал тесные взаимоотношения с партнёрами из Базеля. Это один из самых удивительных городов Европы. Знаменит он не только Банком Международных Расчётов и множеством частных банков, которые с учётом их многообразных международных связей не уступают финансовым институтам банковской столицы Швейцарии — Цюриха, но и другими, в том числе географическими особенностями. Это единственный город мира, в котором большая часть городского железнодорожного вокзала расположена на территории другой страны — Франции, а тренировочная база футбольного клуба размещена в третьем государстве — Германии. Ещё с давних пор город, расположенный на пересечении границ трёх государств, был не только финансовым центром, но и сосредоточением внутришвейцарских организаций, поскольку в силу своего многоязычия позволял найти компромиссы в сложных межкантональных взаимоотношениях. Ещё одной удивительной особенностью города было то, что многие всемир-

²³⁶ Там же. С.53–56.

²³⁷ Там же. С. 56.

²³⁸ Carpenter J., Staufen F. *Genoese Capital and Swiss Banking Confederation*. Chicago: Index Publishing Corporation, 1957.

²³⁹ <http://www.larouchepub.com/russian/bulletins/sib4/sib4a.html>

но известные частные банки, насчитывающие столетнюю историю, расположены в арендуемых десятилетиями помещениях. Связано это с тем, что для частного банка критически важен в репутационном и ином смыслах постоянный, как можно более старый адрес. Собственность же, в том числе земельная в Базеле, в отличие от России, передаётся не только из поколения в поколение, но и от семьи к семье. Поэтому аренда становится единственным способом для существования банка по одному адресу долгие десятилетия, а иногда и столетия.

Данная, хотя и короткая преамбула потребовалась для того, чтобы объяснить влияние базельских партнёров автора. Их компания, существующая с XVIII в., одним из своих направлений имела скупку земельных участков в Базеле. В итоге к концу XX в., как, впрочем, и сегодня, этому предприятию принадлежат земельные участки и выстроенные на них здания, в которых расположены влиятельнейшие частные банки. В связи с этим у швейцарских партнёров автора текста сложились особые доверительные, дружеские отношения со многими швейцарскими банкирами, а также с исполнительной дирекцией Швейцарской банковской ассоциации. Швейцарская банковская ассоциация, объединяющая наиболее уважаемые и респектабельные банки, была основана в начале XX в. и стала преемником нескольких более старых организаций.

Партнёры познакомили автора текста с Куно Иннгольбахом, одним из исполнительных директоров ассоциации. Во время одной из встреч ему был задан вопрос относительно роли генуэзцев и венецианцев в становлении швейцарской банковской системы. Г-н Иннгольбах в ответ высказался в том смысле, что корни швейцарской банковской системы значительно различаются от кантона к кантону и что вообще-то Швейцария как единое государство, воспринимаемое с привычной международной точки зрения, в реальности таковым не является. Она представляет собой конфедерацию кантонов, у каждого из которых своя история, законодательство, свои проблемы и своё отношение к банкам. В ходе последующих бесед он, тем не менее, познакомил автора с внутренним исследованием, которое провела ассоциация к своей 80-летней годовщине в начале 1990-х годов. Исследование было посвящено как раз истории швейцарских банков.

Согласно данным, полученным в ходе исследования, у чуть более 10% частных швейцарских банков имеются венецианские корни по критерию первоначальных учредителей. Как помнится, то ли у 15, то ли у 17% — генуэзские корни. И более чем у четверти учредители принадлежали к владельческим семьям аристократии Священной Римской империи германской нации. В ответ на вопрос, а не содержались ли в исследовании цифры, связанные не с количеством, а с объёмом учредительного капитала банков, г-н Иннгольбах ответил отрицательно, уточнив, что исходно в Швейцарии респектабельные частные банки учреждались примерно со сходными размерами капитала. Поэтому, по его мнению, количественная оценка по числу является наиболее корректной.

Приведённые данные первоисточника убедительно показывают, что никакой решающей роли венецианцев в формировании швейцарской банковской системы не было. Генуэзцы сыграли чуть более важную роль, а преобладающее значение имели, как это ни удивительно, аристократические семьи. При этом интересно, что по данным, сообщённым г-ном Иннгольбахом, банки с собственно швейцарскими

кантональными корнями, т.е. основанные коренными гражданами Швейцарии, появились позднее банков, учреждённых генуэзцами, венецианцами и частично германскими аристократами. На вопрос автора относительно присутствия еврейского компонента в генезисе швейцарской банковской системы был получен отрицательный ответ. Г-н Иннгольбах сказал, что по негласным правилам, чтобы не повторять печального опыта других стран, людям иудейского вероисповедания в большинстве кантонов Швейцарии, включая Базель, Цюрих, Люцерн, Цуг и ряд других, было просто запрещено заниматься банковской деятельностью.

Вернёмся, однако, к генуэзцам. Пережив в тихой швейцарской гавани бурные времена французской революции и последовавших за этим наполеоновских войн, а также неурядиц и беспорядков начала и середины XIX в. в Европе, во второй половине XIX в. генуэзский капитал, став швейцарским, возвращается в единую Италию, основывая целую сеть банков на севере и в центре Италии. Здесь надо сказать несколько слов об особенностях североитальянских банков и их коренном отличии от более известных в России британских, германских или американских банков. Если последние в подавляющем большинстве случаев представляют собой универсальные розничные банки, работающие с широким кругом клиентуры, включая население и бизнес, то североитальянские банки действовали и действуют, как правило, по-другому. Типичный североитальянский банк имеет относительно небольшие размеры, частных хозяев, отвергает акционерную форму собственности и ориентирует свою деятельность на строго определённую нишу. В качестве таких ниш могут быть конкретные промышленные группы, отрасли, подотрасли промышленности, торговли, сельского хозяйства, регионы или даже виды конкретных финансовых операций. Кроме того, североитальянские банки, в отличие от англо-саксонских, гораздо шире практикуют так называемые прямые инвестиции, когда банк не кредитует бизнес, а входит в долю. Это, как ни странно, сближает североитальянские банки с генуэзской родословной и с современным исламским банкингом, который густо замешан не только на Коране, но и на всё той же генуэзской банковской традиции.

Возвращению генуэзского капитала в Италию транзитом через Швейцарию способствовало то обстоятельство, что объединение Италии осуществилось под эгидой Савойского дома, который правил в королевстве Пьемонт и Сардинии со столицей в Турине. Его главным кредитором были всё те же генуэзцы. Именно это объясняет тот факт, что крупнейшие бизнес-династии XX и начала XXI в. в Италии тесно связаны с генуэзскими семьями. Кстати, для дальнейшего анализа важен тот факт, что сами генуэзские аристократические семьи старались породниться с европейской аристократией, так или иначе связанной с Лотарингской династией и аквитанской аристократией. Например, семья Гримальди по сути является семьёй графов Полиньяков. А графы Полиньяки — это одна из ветвей рода Лузиньянов, наследников Мелюзины.

В заключение данного экскурса в перипетии родственно-семейных связей итальянской аристократии и бизнеса отметим, что, например, семья Аньелли плюс к отмеченным выше аристократическим корням имела многократные семейные пересечения всё с теми же Гримальди и вдобавок ещё и со Спинола. В итоге можно сделать вывод о том, что за спиной Аурелио Печчеи, который был членом се-

мьи Аньелли в итальянском понимании семьи, несомненно, стояли старые аристократические роды, в значительной мере инкорпорировавшие в себя новую деловую элиту Италии. Однако Италией дело не исчерпывалось.

2

Среди учредителей «Италконсалта», участников Круга и Бильдербергского клуба было много представителей немецкой элиты и, в первую очередь, немецкого бизнеса. В этом плане далеко не случайно, что основными финансовыми спонсорами Римского клуба стали фонды «Фиата», «Фольксвагена» и «Порше». Неудивительно, что фонды принадлежали крупнейшим автомобильным компаниям. Дело в том, что на протяжении всего XX в. все указанные автомобильные корпорации, строго говоря, были не специализированными, а многоотраслевыми конгломератами. В них в рамках единой финансово-промышленной группы сосуществовали предприятия самых различных отраслей — от авиастроения до производства сельхозмашин, объединённых общей широкой машиностроительной специализацией.

Интересно, что, когда советское правительство поставило перед Аньелли задачу модернизации модельной серии «Фиат-124», получившей в СССР название «копейка», он предложил осуществить это с помощью конструкторов «Порше» во главе с сыном знаменитого Фердинанда Порше. Как вспоминает министр автомобильной промышленности СССР В.Н. Поляков: «За проработку технологии взялась компания UTS (“дочка” концерна Fiat), а помогать конструкторам взялась Porsche. С последней вазовцы уже успели поработать над менее масштабными проектами и остались крайне довольны. Так что прозвища “русский Порше” и “Порше для бедных” вазовская “восьмёрка” получила не случайно: инженеры из Штутгарта действительно работали над первым вазовским переднеприводником. Немцы помогли тщательно проработать конструкцию кузова, создать новое семейство двигателей и коробку передач. А как поршевцы учили советскую машину ездить и проходить неровности...

Даже по современным меркам график создания ВАЗ-2108 выглядит стремительным. В 1978-м создан первый прототип, а под занавес 1984-го выпущена партия из 2000 товарных автомобилей. По меркам нерасторопного советского автопрома — ненаучная фантастика. Особенно учитывая следующий факт: из 3500 узлов и деталей от классических “Жигулей” “восьмёрка” получила всего одну — поршневой палец двигателя. И то, укороченный. Спасибо немцам, которые смогли доказать советским коллегам очевидное: не нужно изобретать велосипед, если существуют готовые проверенные решения»²⁴⁰.

По многим своим определяющим чертам германская элита походила, как это ни покажется удивительным, на итальянскую. В 1977 г. в СССР была издана книга экономиста, историка и аналитика из ФРГ Б. Энгельмана, тесно сотрудничавшего со Штази и консультировавшего советскую разведку. Книга о господствующей финансовой элите в ФРГ называлась «Рейх распался. Олигархия жива». Русское издание

²⁴⁰ Советские министры вспоминают. М.: Алгоритм, 2011.

стало сокращённой версией книги, переведённой на русский язык еще 1974 г. для служебного пользования с немецкого издания, опубликованного в 1972 г. Вплоть до сегодняшнего дня книга остаётся одной из лучших аналитических работ по германской элите. Содержание книги базируется на сотнях архивных и документальных источников и представляет собой итог исследования истоков происхождения путей формирования и современной структуры западногерманской деловой элиты. Как написал в предисловии к работе известный советский германист, доктор исторических наук, профессор, консультант советской разведки Д. Мельников: «Результаты исследования автора ошеломляющие. Список старых состояний, истоки которых иногда уходят в глубокое средневековье, охватывает 526 имён. На протяжении веков они олицетворяли земельную, промышленную и финансовую олигархию в Германии. Теперь им принадлежит в ФРГ подавляющее большинство земель, крупных заводов и фабрик, судоверфей, крупных универсальных магазинов, отелей и ресторанов, транспортных предприятий. 226 имён из списка Энгельмана — крупные аграрии, которые обладают земельной собственностью в 755 тыс. гектаров. Остальные — промышленные и финансовые магнаты; им принадлежит две трети всех крупных предприятий ФРГ, и число их подданных, т.е. граждан ФРГ, находящихся в прямой зависимости от них, превышает 7,5 млн. человек»²⁴¹.

Б. Энгельман внимательно рассматривает фамильные корни крупнейших западногерманских состояний и выделяет несколько основных промышленно-финансовых группировок, связанных давними деловыми и фамильными связями. Так же как и в Италии, эти группировки в момент своего основания имели чёткую локализацию, а затем распространяли свою деятельность сначала на территорию Священной Римской империи германской нации, затем в пределы Германской и Австро-Венгерской империй, а потом и на другие регионы мира. Энгельман ещё в докомпьютерную эру осуществил поистине титаническую работу, проведя анализ документации множества промышленных, торговых, транспортных фирм и банков. Например, в промышленности он выделил 25 фирм, в своей совокупности репрезентативно отражающих общую структуру владения 230 крупнейшими промышленными компаниями ФРГ. Энгельман пишет: «Полученные результаты ошеломляют: из рассмотренных 25 крупных фирм иностранцам принадлежит... всего одна; лишь пять из них целиком или в основном являются собственностью государства или множества мелких акционеров; 19 же компаний (иными словами, 76%) в большей или значительной степени находятся либо в руках частных предпринимателей, либо семей крупных акционеров, с родословной, насчитывающей нередко более века, а в нескольких случаях более полутора, а то и двух веков. На долю 21 династии — Верхан, фон Опель, фон Штум, Вольф, Хенкель, Рейтер, Тиссен, фон Финк, Фойт, Квандт и др. приходится контроль над более чем половиной немецкой промышленности»²⁴².

В нынешней ситуации всеобщей деловой документированности не составило труда выяснить современную структуру собственности этих 25 фирм. Прежде всего следует отметить, что по прошествии 40 лет с момента публикации немецкого

²⁴¹ Энгельман Б. Рейх распался. Олигархия жива. (О господствующей финансовой элите ФРГ). М.: Прогресс, 1977.

²⁴² Там же. С. 120–126.

издания книги все компании остались в списке 250 крупнейших промышленных корпораций. Сегодня иностранный контроль увеличился с одной до двух компаний, а мелкие акционеры владеют не пятью, а шестью компаниями. Таким образом, семейная собственность за 40 лет уменьшилась с 19 до всего 17 компаний. Иными словами, общепризнанное мнение относительно коренного изменения структуры собственности, владения и радикальных перемен в механизмах контроля применительно к Германии несправедливо.

Ключевым итогом исследований Б. Энгельмана является вывод о том, что в германской модели капитализма даже в условиях социального государства основными собственниками являются старые аристократические роды. В частности, он посчитал: «Если распространить наше изучение преемственности власти и богатства в Пруссии и Германской империи на 300 самых богатых семей этого королевства в 1913 году, то итог окажется удивительным: в 221 случаях сохранения наследниками этих семей в ФРГ прежних богатств и влияния, если не считать изгнанных, физически уничтоженных или, самое меньшее, до нитки обобранных еврейских семей, такая преемственность прослеживается почти в 90% всех случаев!»²⁴³. Иными словами, 221 семья из 300 самых богатых семей Германии продолжала входить в этот список в 1972 г. Автор произвёл расчёты по состоянию на 2004 г. На этот момент в список 300 по-прежнему входило 194 семьи.

Особый интерес представляет переплетение старой владетельной аристократии и новых предпринимателей в рамках европейской элиты. Процессы, которые отмечались для Италии, с не меньшей интенсивностью происходили в Германии и других государствах — наследниках империи Габсбургов, в Бенилюксе и Скандинавии. Владетельные аристократические роды сохранили в этих странах финансовое богатство, земельную собственность и политическое влияние. Практически повсеместно они охотно выдавали замуж дочерей за новых предпринимателей, принимая их в состав владетельных фамилий, или, что происходило реже, брали дочерей новых богатых в жёны своим наследникам.

Не так давно в Голландии и Ирландии вышли две любопытные работы «Старые деньги в новом веке» и «Европейская аристократия и собственность», которые позволяют в числах понять глубину указанного выше процесса трансформации аристократии по крови в господствующий владетельный класс современного позднего капитализма²⁴⁴. Данные, приведённые в книгах, позволяют выяснить долю аристократических семей, к которой относятся семьи, упомянутые в Готском Альманахе и аналогичных региональных изданиях, не позднее, чем в середине XVIII в. — в 200–300 богатейших семей в зависимости от конкретной страны.

	Германия	Италия	Ирландия	Великобритания	Франция	Нидерланды
1914	84	78	81	54	37	52
1970	73	67	78	43	29	43
2005	62	59	71	21	19	39

²⁴³ Там же. С. 61.

²⁴⁴ De Boor C. Oud geld in de nieuwe eeuw. Rotterdam: University of Rotterdam Press, 2011; O'Brien C. Aristocracyna Eorpaghas maoin. 1900–2000. Dublin: The O'Brien Press. 2004.

Несложно заметить, что чётко выделяются две группы стран. К первой принадлежат Германия, Италия, Ирландия; ко второй — в чистом виде Великобритания и Франция, и близко к ним — Нидерланды. Если в первой группе стран, к которым также, по другим сведениям, относятся Австрия, Испания, Португалия и Бельгия, аристократия сохранила свои позиции и ассимилировала в себе новых предпринимателей, то британская, французская и до некоторой степени голландская история пошла по-другому.

Работы Б. Энгельмана, а также книги де Бура и О'Брайена позволяют выделить ключевые отличительные черты, свойственные фамилиям господствующей элиты в Германии, Северной Италии и католических латинских странах. Именно элита этих стран составила костяк «Круга», стала первоначальными инициаторами создания Бильдербергского клуба и занимает господствующие позиции в Опус Деи.

К числу важнейших черт этих элитных семей следует отнести:

- наличие аристократических корней, предполагающих присутствие в числе родоначальников династии, либо семей, с которыми фамилию связывает кровное родство правящих родов в различных образованиях, входивших, как правило, в состав или Священной Римской империи германской нации, или территорий, так или иначе связанных с Лотарингской династией;

- условно открытый характер рода, когда в семью принимаются преимущественно молодые люди, прошедшие жёсткий отбор и добившиеся успеха на деловом поприще, выходцы из средних и даже бедных слоёв населения;

- как правило, многоотраслевая деловая деятельность, охватывающая не только одну сферу, а распространяющаяся на промышленность, торговлю, финансы и т.п.;

- обязательное наличие значительной земельной собственности и активов в виде недвижимости;

- ориентация на внешнюю экспансию первоначально в рамках Западной Европы, а затем — преимущественно для германских и итальянских семей — в Россию и на Ближний Восток; итальянских семей — в Латинскую Америку и США; испанских и португальских семей — в Латинскую Америку;

- стремление к формированию устойчивых, продолжительностью нередко в несколько десятилетий, а иногда и столетий, паттернов делового взаимодействия, включающих замкнутые контуры клиентов, контрагентов, финансистов, промышленников, торговцев и т.п.;

- жёсткая ориентация на сохранение закрытого семейного характера собственности и управления над базисными хозяйственными структурами в сочетании с активным вложением средств и практическим участием в новых акционерных и иных корпорациях и структурах;

- активное представительство в политических структурах власти, занятие постов в её исполнительных и законодательных ветвях;

- обязательное наличие в составе группы частного банка, а также настороженное отношение к универсальным, крупным и крупнейшим розничным банкам Европы и Америки.

Важнейшим обстоятельством, без которого невозможно понять не только генезис правящей аристократо-предпринимательской элиты Центральной Европы, но и её планы, связанные с проектом Аурелио Печчеи, является вопрос о частных центральноевропейских банках. Принято считать, что банковское дело в Германии

практически полностью контролировали евреи. Однако в реальности дело обстояло, мягко говоря, несколько иначе. Например, известно, что одним из старейших, действующих до сих пор частных банков мира является основанный в 1789 г. банк «Сал. Оппенгейм-младший и Ко». Сегодня он входит в головную группу частных европейских банков. Традиционно семейство Оппенгейм или Оппенгеймеров принято относить к ашкенази. Более того, как многолетние партнёры Ротшильдов они прочно связываются с еврейским банковским сообществом. Однако если обратиться к архивам Прусского королевства, то мы можем обнаружить запись о том, что ещё в конце XVII в. Курту фон Оппенгейму протестантского вероисповедания был прусским королем пожалован титул барона. В последующем потомки барона, действуя по указанию семейства Гогенцоллернов, основали в 1789 г. указанный банк.

В качестве другого примера можно привести графскую семью Вернхаймов. Они находились в родстве с известным княжеским родом Шаффочей. Причём различные члены семьи принадлежали как к протестантскому, так и к католическому вероисповеданию. Известно, что традицией рода Вернхаймов было получение образования в иезуитских университетах. В связи с этим представляется не только любопытным, но и многозначительным тот факт, что, переехав в Америку, семья стала общаться исключительно с еврейской общиной. Американец в первом поколении Морис Вернхайм стал центром притяжения золотой финансовой еврейской молодёжи Уолл-стрит, в состав которой входили во второй половине XIX в. Голдманы, Саксы, Селегмены, Куны, Лейбы, Шифы, Лемоны и т.п. Это неформальное объединение описано в известном американском бестселлере «Толпа», хотя если бы книга переводилась на русский язык, ее следовало бы назвать «Тусовка»²⁴⁵.

Морис Вернхайм не участвовал в жизни Манхэттенской синагоги и вообще не был замечен в отправлении каких-либо религиозных обрядов. В то же время в начале 1920-х годов он активно взаимодействовал с первым советским представителем в США Л. Мартенсом и внёс заметный вклад в развитие советско-американских шахматных связей. Его дочь, Барбара Такман, стала не только единственным дважды лауреатом Пулитцеровской премии, но и на заре биографии успела поработать в Институте Тихоокеанских исследований, созданным Рокфеллерами и Карнеги и буквально напичканном советскими разведчиками и их агентурой. Бароны Оппенгеймеры и графы Вернхаймы были не исключением. В прусских архивах можно найти документы, связанные с дворянским родом Барухов, который затем благополучно переселился в Соединённые Штаты и сыграл столь большую роль в истории США XX в.

Внимательный анализ германских банков позволяет разделить их на две группы. Первая — это банки, созданные владетельной высшей германской аристократией и переданные в управление еврейским факторам. В немалой части подобных банков управляющим факторам в итоге удалось из топ-менеджеров стать собственниками, не затратив при этом ни талера. Наиболее яркий пример такого рода факторов, первоначально управлявших чужими банками — это семья Ротшильдов. Об этом подробно с обилием документов написано в фундаментальном двухтомнике Н. Фергюсона²⁴⁶.

²⁴⁵ Birmingham St. Sociology. Our Crowd: The Great Jewish Families of New York. N.Y.: Harper and Row, 1967.

²⁴⁶ Ferguson N. The House of Rothschild. L.; N.Y.: Penguin Books, 1999. Vol. 1–2.

Вторую группу составляют банки, созданные германским дворянством при участии представителей высшей аристократии Священной Римской империи германской нации. Если для Прусского королевства, а также государств – союзников Пруссии и других государств, позднее вошедших в состав Германской империи, было характерно создание собственных банков с назначением в качестве их руководителей и владельцев бесправных, полностью зависящих от сюзеренов, еврейских факторов, то высшая аристократия Священной Римской империи германской нации, в значительной мере исповедующая католичество, выбирало в качестве учредителей и управляющих либо единоверцев, либо протестантов, имеющих те или иные связи с иезуитским орденом.

Характерным и, возможно, самым ярким примером такого рода банков является Кёльнский банкирский дом «И.Г. Штайн». Он был основан в 1790 г. Со дня основания и по сегодняшний день он расположен на улице Унтер-Заксенхаузен в Кёльне по одному и тому же адресу. За весь период существования банк не работал только три года с 1945 по 1948 г., пока разрушенное здание отстраивалось заново, а семьи Штайнов и фон Шрёдеров решали вопросы с союзной оккупационной администрацией Германии. Процитируем ещё раз книгу Б. Энгельмана: «В приложении к ежегоднику миллионеров находим биографическую справку по фрау Марии фон Штайн: «...вдова одного из богатейших родовитых людей Кёльна, покойного тайного коммерции советника Генриха фон Штайна... пожалованного 6 июля 1908 года званием прусского дворянина». Далее говорится: «Дед тайного коммерции советника, Иоганн Генрих Штейн, родившийся в 1773 году, основал в 1790 году (это в 17-то лет!) банкирский дом «И.Г. Штейн» в Кельне... (в книге Г. фон Равенберга «Банкиры и финансовые советники Габсбургов» упомянуто, что банк был основан на деньги Габсбургов, и Штайн, а также его потомки и их правопреемники действуют по доверенности от семьи Габсбургов. — И.С.)²⁴⁷. Его внук, возведённый в дворянство, тайный советник И.Г. фон Штайн женился на Марии, старшей дочери тайного советника доктора Густава фон Мёвиссена, члена верхней прусской палаты... Тайный советник фон Штайн был также близким родственником банкиров Херштатов, Мумм фон Шварценштайнов и Бетманов...». Тут уместно отметить следующее. Банкирский дом братьев Бетман существует и поныне, точно так же, как существует кёльнский банкирский дом И.Д. Херштадт, которые являются родственниками кайзеровского рейхсканцлера фон Бетман-Гольвега...

Вернёмся, однако, к фон Штайнам, чьими ближайшими родственниками и деловыми партнёрами были семьи фон Рат и фон Шрёдер. Члены семейства фон Шрёдер породнились с семьёй фон Штайнов и основали в 1732 г. банкирский дом «Братья Шрёдер и К^о», тоже существующий до сих пор. Незадолго до Первой мировой войны два шрёдеровских сына Курт и Карл женились на наследницах банка «И.Г. Штайн». В результате один из двух братьев, барон Курт фон Шрёдер, стал в 1930-х годах главой кёльнского банкирского дома «И.Г. Штайн».

Теперь о бароне Курте фон Шрёдере, главе банкирского дома «И.Г. Штайн» в 1930-е и 1940-е годы. Именно он 4 января 1933 г. устроил на своей кёльнской вилле тайную встречу Гитлера и Папена²⁴⁸. Барон фон Шрёдер вошёл в историю как лич-

²⁴⁷ Ravenberg P. Bankers and Financial Advisors von Habsburg. San Francisco: Finance Books, 1994.

²⁴⁸ Энгельман Б. Ук. соч. С. 57–63.

ный банкир и друг Гитлера, а также деловой партнёр Ялмара Шахта. Его интересы в Америке представляли братья Даллесы. Сам он в предвоенный и военный периоды входил в правление знаменитого Банка Международных Расчётов в Базеле, и, наконец, с ним сотрудничал уже хорошо знакомый нам Джованни Аньелли. Впрочем, и это ещё не всё. В 1970-е годы в банке «И.Г. Штайн» держал свои расчётные счета ряд советских внешнеэкономических объединений, связанных с осуществлением сделки «Газ-Трубы». Более того, когда в 1994 г. автор текста встречался с внуком барона Куртом фон Шрёдером, названным в честь деда и являвшимся ключевым членом совета директоров этого банка, он с гордостью отмечал, что банк через своих британских партнёров осуществлял операции с получением для Советского Союза неконтролируемых долларов США. О том, какие последствия это имело, речь пойдёт впереди. Пока же можно сказать, что банк «И.Г. Штайн» стал одним из основоположников рынка евро- и нефтедолларов, сыгравших роковую роль в истории не только Советского Союза, но и мировой финансовой системы.

3

За Александром Кингом в плане институционализированных юридических или публичных неформальных структур в рамках проекта Римского клуба и Международного института системного анализа в Вене стояли как минимум три организации. Это фактические инициаторы проекта — Международный консультативный комитет председателя совета директоров Чейз Манхэттен Бэнка (ныне Морган Чейз) Дэвида Рокфеллера, Европейский совет по производительности — ЕРАпри ОЭСР и Международная ассоциация документалистики, архивного дела и информации, являющаяся аккредитованной организацией при ООН и ЮНЕСКО.

Распределение ролей всех трёх организаций было вполне понятным и очевидным. Рокфеллеровский совет выступал инициатором, драйвером и организационным оформителем группы, хэдлайнером которой был Александр Кинг. ЕРА обеспечивал, что называется, институциональную глубину и легализацию проекта, связывая его с надгосударственными и государственными структурами всех ключевых стран Запада. Ассоциация обеспечивала способ мобилизации западных информационных ресурсов на нужды проекта и «интеллектуальную пехоту» для выполнения разнообразных вспомогательных функций, которых требуют работы подобного размаха и масштаба.

В неформальном плане уникальность ситуации состояла в том, что А. Кинг, без сомнения, в силу особенностей своей уникальной биографии выражал интересы двух наиболее медийных семей делового мира, а именно Ротшильдов и Рокфеллеров. К сожалению, а, возможно, и к счастью для представителей двух этих семей, представление об их роли, реальном влиянии и могуществе давно уже переключалось из сферы глубокого фактологического анализа в сферу медийно-коммуникационных технологий. Фамилии превратились в своего рода симулякров по Ж. Бодриару и зажили своей независимой от реальных семей жизнью в общественном сознании и коллективном бессознательном. В связи с этим любопытно, что современный медийный мир — это не только сфера самосбывающихся прогнозов, но и пространства са-

моподтверждающихся фактов. Говоря простыми словами, если широкие, причём не только народные, но и властные массы считают что-то существующим, то оно вне зависимости от фактического состояния дел существует. Верно и обратное. Таким образом, коль скоро достаточно широко, по крайней мере, во множестве слоёв, за исключением наиболее элитных, признано, что Ротшильды и Рокфеллеры являются самыми могущественными семьями, то в каком-то смысле это действительно так. Что же до элитного уровня, то наработанный медийный капитал является сегодня дополнительным и важным компонентом других видов капитала, представляющих собой совокупный интегральный капитал в нынешнем полном смысле этого слова. А он и без медийной составляющей, как было показано в предыдущей части работы на примере анализа финансового капитала семей Ротшильдов и Рокфеллеров, позволяет им входить в первые 100, а возможно и 25 богатейших семей планеты.

Касаясь неформальных структур наиболее влиятельных семей планеты, важно избежать как переоценки, так и недооценки их влияния, равно как и адекватно понять систему их ценностей и интересов. К сожалению, даже многие глубокие серьёзные исследователи не свободны от некоторой демонизации и упрощённого взгляда на жизнь такого рода семей. Даже в лучших исторических работах высказывается точка зрения, что их господствующим интересом является сохранение мнимого мирового господства, а также стремление к власти любой ценой. Особенно это характерно для российских историков и аналитиков. Вероятно, сопряжено оно с особенностями российской жизни и характерными чертами российской элиты, которые непроизвольно транслируются даже самыми глубокими исследователями на систему ценностей и приоритетов всех мировых элитных семей и паттернов.

Чтобы не быть голословным, обратимся к фактам. Возьмём для примера семью Ротшильдов. В настоящее время семья Ротшильдов, понимая под этим родство не далее, чем третьей степени (например, троюродные братья либо двоюродные племянники и т.п.) по состоянию на 2010 г., включает более 280 человек. Из них только 57 человек активно участвуют в бизнесе как самостоятельные фигуры либо как топ-менеджеры в различного рода структурах. Характерно, что всего 12 человек из 183 в трудоспособном возрасте, исчислённом по британскому законодательству, ведут жизнь рантье в строгом смысле этого слова, т.е. не занимаются никакой профессиональной деятельностью. Остальные выбрали другие, не связанные с руководством различного рода финансовыми, предпринимательскими или иными деловыми институтами, виды деятельности. Сегодня семейный бизнес возглавляет Александр Ротшильд — сын Дэвида Ротшильда. Он является ключевым руководителем финансового холдинга Rothschild and Co. Дэвид Майер де Ротшильд, будущий глава фамилии, является крупным экологом, известным автором книг по выживанию специалистов различных профессий, а также путешественников в экстремальных условиях, преимущественно в северных широтах. Надин де Ротшильд — популярная французская писательница и драматическая актриса. Эмма Ротшильд — известный специалист по истории экономических учений, профессор Гарвардского и Кембриджского университетов, директор архива семьи Ротшильдов в Лондоне. Шарлотта Ротшильд — одна из лучших в мире сопрано, оперная певица, пользующаяся особым признанием в Японии, солистка Токийской оперы. Джон Ротшильд — руководитель центра нечёткой логики и генетических алгоритмов Стэн-

фордского университета. Этот список можно было бы продолжать и далее, но вместо этого автор считает более полезным с точки зрения исследовательской цели работы коротко рассказать о своем знакомстве с одним из Ротшильдов.

Он представлял американскую ветвь Ротшильдов и в начале 70-х гг. переселился в Вену. Мой знакомый был известен как один из лучших в мире специалистов по проведению сложных экспертиз по определению авторства произведений художников из германоязычного мира, Скандинавии и России. Общаясь с Ротшильдом в течение почти трёх лет (с перерывами), автор с уверенностью может сказать, что он является одним из наиболее доброжелательных, воспитанных, интеллигентных людей, с кем ему приходилось встречаться в жизни. Поскольку встречи проходили почти исключительно в доме Ротшильда в Вене, была возможность наблюдать за его повседневным поведением и общением с другими участниками встреч, членами семьи и даже домашним персоналом.

Характерно, что со всеми Ротшильд общался одинаково доброжелательно, не делая различий в статусном, имущественном или ином положении своих собеседников. В принципе в этом нет ничего удивительного, поскольку, если внимательно почитать воспоминания о лучших представителях подлинной элиты, например, Российской империи, то там содержатся аналогичные наблюдения. Кстати, подобное автор наблюдал, общаясь и с людьми из американской деловой элиты.

Вообще идея о том, что представители так называемой мировой элиты — это результат отрицательного отбора, крайне далека от фактического положения вещей. В данном случае мы имеем дело с сознательным или бессознательным переносом нынешних российских реалий на другую почву. Кстати, такой перенос, порождённый частично пропагандистскими, а частично, психологическими обстоятельствами, весьма, вреден не только в аналитическом, но и в практическом плане. Дело в том, что мы приписываем шкалу ценностей и структуру мотивов, свойственных представителям элиты одной конкретной страны в строго определённый период её истории, всем без исключения представителям мировой элиты. А это опасно в плане практической политики. Хотелось бы особо подчеркнуть, что Ротшильд не являлся какой-то «белой вороной» в семье. Он поддерживал тесные отношения со многими другими членами семьи, например, Дэвидом Рене де Ротшильдом.

Изложенное выше отнюдь не означает, что Ротшильды, так же как и представители многих других семей правящей мировой элиты, все сплошь «белые и пушистые» и тем более свободны от человеческих недостатков. Люди всегда остаются людьми, какие бы фамилии они ни носили. Проблема заключается в том, что, если люди избавлены от изматывающей заботы о хлебе насущном, получили достойное воспитание и имеют мощную семейную поддержку, они скорее склонны по своим жизненным устремлениям заниматься не делами, связанными с личной выгодой, а, как это ни удивительно, в большей мере ориентированы на творчество или занятия, связанные с общественным благом — безусловно так, как именно они их понимают. Поэтому подозревать всех сильных мира сего в том, что они решают проблемы бедняков или жертвуют свои состояния лишь для того, чтобы создать тайный общак для финансирования всемирного геноцида, является, по меньшей мере, несправедливым и может быть извинено лишь необходимостью решать конкретные, вполне оправданные и нужные пропагандистские задачи.

При этом нельзя не отметить, что любая элитная семья, и может быть прежде всего Ротшильды, ни на секунду не перестают заботиться о сохранении своих позиций, защите привычного жизненного уклада, возможностей и безопасности семьи. Соответственно, любая инициатива, в которой они участвуют, даже если она направлена на общественное благо, в конечном счете либо в качестве цели, либо в качестве обязательного условия должна включать как минимум сохранение семейного влияния, жизнеспособности и безопасности. Здесь иллюзий также быть не может. Также как не может быть иллюзий относительно того, что, несмотря на всю свою многочисленность, внутреннюю неоднородность и даже противоречия, а случается и неприязнь, между различными членами семьи, внутри неё действуют жёсткие механизмы координации, согласования интересов и принцип иерархии. Все члены семьи знают, что в семье есть первое лицо, которое в любых случаях выступает как конечный арбитр при самых серьёзных разногласиях и спорах и решение которого обязательно и непреложно. Есть основания полагать, что подобные системы действуют внутри любых элитных семей, принадлежащих как минимум ко второму поколению после основателей.

Касаясь семей Ротшильдов и Рокфеллеров, как участников проекта Римского клуба, чьи интересы так или иначе представлял А. Кинг, нельзя не отметить ещё одно известное, но редко упоминаемое обстоятельство. Обе семьи к середине 1960-х годов имели примерно 40-летний успешный опыт взаимодействия с Советским Союзом. «Стандарт Ойл» Рокфеллеров была первой крупной нефтяной компанией, которая пришла в Советский Союз ещё в 1922 г. и взяла на себя оказание инженерной поддержки по восстановлению Бакинских нефтепромыслов и прямо участвовала в реконструкции нефтепровода из Закавказья в тогдашний главный нефтяной порт в Потти и реконструкции его терминалов²⁴⁹. В последующие годы нефтяные компании Рокфеллера осуществляли постоянные, на протяжении десятилетий закупки советской нефти для экспорта в Западную Европу.

В свою очередь Ротшильды оказали заметную помощь в предоставлении британским правительством лицензии на банковскую деятельность Московскому народному банку в Лондоне, поддерживали корреспондентские счета этого банка, а также проводили через этот банк сделки, связанные с реализацией золота на биржевом и внебиржевом рынках. Кроме того, с открытием крупнейших месторождений алмазов в Якутии и началом их крупномасштабной добычи СССР быстро заключил с «Де Бирс», контролируемой Оппенхаймерами и Ротшильдами, картельный договор по мировому рынку алмазов²⁵⁰.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что характеристики различных членов семьи Ротшильдов отнюдь не являются апологией семьи. Это лишь скромная попытка дать их объективную характеристику. Особенно это важно для России. Постсоветская аналитика подчас страдает одним весьма серьёзным недостатком. Она, особенно в последние годы, излишне идеологизирована. Вместо отстранённых, а потому стремящихся к объективности текстов она часто походит на романы со свойственным имен-

²⁴⁹ Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945*. Stanford: Hoover Institution Press, 1971.

²⁵⁰ Горяинов С.А. Криптоэкономика мирового алмазного рынка // А.И. Фурсов (сост.). *De Conspiratione / О Заговоре*. Сборник монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013.

но им разделением на плохих и хороших, добрых и злых. Причём, как в правильных романах о разведчиках, свои всегда оказываются хорошими и добрыми, а чужие, естественно, злыми, неприятными и вынашивающими самые чудовищные планы. Дополнительные штрихи в российскую аналитику привнёс кинематограф в своей блокбастерной кризисной стадии. Отсюда многие даже первоклассные исследования пишутся как сценарии для фильмов о поединках «чужих против хищников».

Отчасти, думается, это связано с общим падением образовательного и интеллектуального уровня общества и необходимостью упаковки аналитики в занимательные и привлекательные обёртки. Отчасти же — с подчинением аналитики поставленным извне задачам. Зачастую это объясняется необходимостью оказания целенаправленного идеологического воздействия в целях правильного воспитания читателя. В этом, безусловно, есть свой смысл. Однако проблема состоит в том, что аналитиков читают не только неокрепшие умы, которые надо воспитывать, но и люди, которым приходится принимать решения. Будучи дезориентированы аналитикой, которая искажена фабульными упаковками и сюжетными обёртками, люди, принимающие решения, начинают теряться в реальности и перемещаются в иллюзорный мир. Соответственно, и решения принимаются такие, которые верны только для иллюзорного, виртуального мира, тогда как в мире реальном ведут к тяжёлым последствиям. И немалая вина за эти решения лежит не на людях, их принимающих, а на аналитиках, создающих из благих побуждений искажённую картину мира.

Вероятно, единственно верным для современной жёсткой аналитики является следование принципу апостола Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их».

Богословы столь диаметрально противоположных конфессий, как англиканство и старообрядчество, сходятся на том, что апостол Матфей указывает на необходимость судить не по происхождению, не по словам, а по конкретным делам и поступкам. Поэтому в реальной жизни и в аналитике необходимо опираться не на оценки того, что кто-то что-то сделал десятки или сотни лет назад, не каково вероисповедание, фамилия, а тем более этническое происхождение тех или иных акторов, а на их конкретные действия в контексте ситуации и влияние на длительные исторические линии.

Семьями Ротшильдов и Рокфеллеров не исчерпывается перечень неформализованных структур, чьим лицом выступал Александр Кинг. В части, посвящённой биографии А. Кинга, подробно описывалось его участие в формально частной разведывательной «Организации Z», возглавляемой К. Дарси, и контакты с сетью Стефенсона, которая была американским сегментом организации К. Дарси. В этом пла-

не важно упомянуть: отличительная черта британских спецслужб — неформализованный характер многих из них. Эта традиция коренится в XVII или даже в XVI в. и сохранилась, как это ни парадоксально, до сегодняшних дней. Даже после того, как существование МИ-6 было официально признано и она получила строку в государственном бюджете, по мнению ветеранов американских (и не только) спецслужб, в Британии и сегодня сохраняются действующие от имени и по воле государства неформализованные по своему характеру частные разведывательные организации. В рамках этой традиции и действовала сеть Дарси со своим американским сегментом, руководимым изобретателем и мультимиллионером Стефенсоном.

В Британии, пожалуй, как нигде, кроме, возможно, Израиля, сильна не просто клановость, а корпоративность ветеранов спецслужб. На туманном Альбионе бывшие работники спецслужб вне зависимости от того, принадлежали ли они к формально существующей военной разведке, либо неформализованным разведывательным организациям, представляли и представляют в прямом смысле корпорацию. Как для каждой корпорации, для спецслужбистской корпорации характерны определённые формы существования, организация общения, способы согласования интересов, методы сглаживания противоречий и институты разрешения споров.

Одной из форм постоянного общения в Британии традиционно являются клубы. Клуб спецслужб в значительной степени имевших, а частично и имеющих неформализованный характер, сам по себе в отличие от большинства британских клубов не имел и не имеет юридической институционализации. Нормативное оформление ему заменяет наличие определённых ритуалов и постоянство места и времени сборов. В 1990-е — начале нулевых годов автор имел честь несколько раз общаться с бывшим работником британских спецслужб Д.К., особенно известным миру своей второй профессией — литератора. Однажды Д.К. пригласил пообедать в один из старейших лондонских пабов, расположенных недалеко от его дома в Хемпстэде — «Паб Холли Буш». Во время обеда он упомянул, что в этом месте примерно раз в полгода собираются PeatHunters («болотные охотники»). Среди членов этого сообщества, наряду с другими известными по мемуарной литературе о британских спецслужбах фамилиях, он упомянул и Александра Кинга, пользовавшегося большим уважением в этой среде.

О спецслужбистском сообществе, стоящем за спиной А. Кинга, необходимо сделать одну важную оговорку. Известно, что в Британии существует несколько подобных клубов. «Болотные охотники» относятся в основном к людям, которые занимались аналитической, научно-технической разведкой, а также по долгу службы работали в западных подразделениях британской разведки, т.е. против Западной Европы и США. Кроме того, особенно широко в этом сообществе были представлены люди, связанные именно с неформализованными структурами британского разведывательного сообщества. По своим политическим симпатиям они относились в своём большинстве либо к британскому аристократическому центру, ориентированному на районы так называемой «доброй старой Англии», Манчестерско-Ливерпульский индустриальный узел и Шотландию. В связи с этим их позиция очень часто, особенно начиная с середины 1960-х годов, входила в противоречие с официальной политикой правящего британского истеблишмента, включая как лейбористскую эпоху Гарольда Вильсона, так и консервативную по форме, но подчинённую Сити и Уолл-стриту по существу, эпоху Маргарет Тэтчер.

При всём значении институтов, где был формализован А. Кинг, и могущественных неформализованных, а в чём-то и теневых сил, стоящих за ним, ключевое значение, бесспорно, имели экономические структуры, чьи интересы выражал А. Кинг, стремясь вместе с А. Печчеи и своими советскими партнёрами создать новую, невиданную ранее фабрику мысли. Большой загадки, что это за структуры и где они расположены, в случае А. Кинга нет. Это стремительно набравшие в 1960-е годы мощь и влияние транснациональные производственные корпорации.

Чтобы составить объективную картину главных черт и особенностей ТНК того времени, а также стоявших перед ними острых проблем в экономической, политической и социальной сферах, достаточно обратиться к советской научной литературе того времени. В противоположность господствующей сегодня точке зрения на 1970–1980-е годы это был период, когда советская экономическая наука и аналитика, занимавшиеся капиталистической экономикой, преодолела начётничество и апологетику 1950-х – начала 1960-х годов и не уступала, а по ряду направлений превосходила свои аналоги на Западе. Казалось бы, как можно сравнивать достижения в экономических науках? Понятны критерии для естественных наук, технических разработок. Но возможно ли дать сколько-нибудь объективный сравнительный анализ в сфере экономических исследований? Как это ни удивительно, вероятно, что ответ положителен. Если критерием истины является практика, то критерием сравнения достижения различных научных школ является прогностическая сила их аналитических разработок. Если они позволяют строить достоверные прогнозы, то в общем и целом можно говорить о высоком уровне. Если нет, то разработки либо выполнены не вполне профессионально, либо имеют не научный, а какой-либо другой характер.

Детальный анализ лучших работ советских экономистов, посвящённых мировому капиталистическому хозяйству и опубликованных в 1970–1980-е годы, позволяет с позиции сегодняшнего дня говорить, что в своём большинстве они были точнее и справедливее в своих прогнозах, чем оценки их зарубежных коллег относительно Советского Союза и западной системы. При этом, опять же в противоположность бытующим ныне воззрениям, в 1970–1980-е годы лучшие исследователи капиталистической экономики отнюдь не предсказывали немедленный крах капитализма, но с уверенностью писали о его пределах, которые должны быть достигнуты в ближайшие 30–50 лет. Ещё одним достоинством советской литературы той поры является, как это ни удивительно, привлечение широчайшего круга как статистических, так и теоретических источников, которые непредубеждённому читателю позволяли нарисовать реальную картину процессов и явлений, происходивших в западной экономике. В связи с этим последующее изложение будет построено с использованием материалов нескольких лучших исследований ТНК, содержащих обилие проверенной, как установил автор, статистической информации²⁵¹.

К середине 1960-х годов ТНК демонстрировали завидную динамику и находились на восходящей линии развития. Им удалось преодолеть кризис монополисти-

²⁵¹ Жарков В. Клуб 200. Транснациональные монополии: структура и эволюция. М.: Международные отношения. 1974; Империи финансовых магнатов (Транснациональные корпорации в экономике и политике империализма). М.: Мысль, 1988; Медведков С.Ю. Транснациональные корпорации и обострение капиталистических противоречий. М.: Мысль, 1982.

ческого капитала 30–40-х годов XX в. В значительной степени этот кризис был связан с различного рода последствиями Великой депрессии по обе стороны океана, а для европейских монополий — также ходом и итогами Второй мировой войны. В 1967 г. на 20 тыс. международно оперирующих корпораций приходилось более половины внутреннего национального продукта стран ОЭСР, т.е. наиболее развитых капиталистических стран. На их фоне выделялись 450 крупнейших производственных ТНК-мультимиллиардеров, представлявших своего рода ядро мировой капиталистической системы. Структура капиталистической экономики 1960-х годов подтверждала оценку В.И. Ленина о том, что «самая глубокая экономическая основа капитализма есть монополия... До какой степени выросли капиталистические монополии, говорит о зрелости этого строя»²⁵².

Любопытно, что, согласно архивам Министерства внешней торговли СССР, хранящимся в Российском государственном архиве экономики, из этих 450 корпораций более 230 имели подписанные кратко-, средне- и долгосрочные договоры с Советским Союзом, а 137 заключали в течение 1960–1970-х годов торговые, инвестиционные, патентные и иные сделки. Характерно, что в числе этих корпораций находились не только монополии, занятые в гражданском секторе, но и крупнейшие производители продукции двойного и военного назначения. Как это ни покажется удивительным, в годы Холодной войны и разрядки международной напряжённости, сопровождавшихся военным противостоянием двух систем, международные монополии активно поставляли в Советский Союз передовые технологии двойного назначения в виде патентов, образцов или поставки целых технологических линий. Наиболее подробные данные на этот счёт приводятся в книгах Энтони Саттона. В своих работах²⁵³ он приводит копии многочисленных контрактов, документы Министерства торговли США, ЭКСИМ Банка США, доклады Конгрессу, документы ОЭСР и проч. на этот счёт.

В течение 1960-х годов ТНК окончательно и бесповоротно утвердились как доминирующая сила в наиболее высокотехнологичных отраслях. Они контролировали 90% рынка электроники, тонкой химии, более 80% рынка тяжёлого машиностроения, 75% автомобилестроения, более 60% станкостроения и т.п. Несмотря на переток капитала в технологические и высокотехнологические отрасли того времени, монополии сохраняли господствующие позиции и в сырьевой сфере. На рубеже 1960–1970-х годов они, по оценкам экспертов ЮНКТАД, контролировали более 70% мирового экспорта нефти, олова, каучука, риса и бананов, свыше 85% меди, бокситов, редких металлов, кукурузы, табака, кофе и какао. На долю ТНК в 1960–1980-е годы приходилось от 70 до 85% объёма научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и лицензионной торговли. При этом степень монополизации НИОКР последовательно возрастала от года к году. Кстати, интересно, что из общего числа ТНК, осуществивших реальные крупномасштабные сделки с Советским Союзом, более двух третей включали в эти сделки передачу лицензий и патентов, оказание технической помощи, а также осуществление совместных научно-исследовательских работ.

Нельзя не отметить, что, начиная с 1950-х годов в рамках мирового капиталистического хозяйства вместе с повышением удельного веса монополий, воз-

²⁵² Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // ПСС. 5-е изд. Т.27. С.299–426.

²⁵³ Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 to 1930. Stanford: Hoover Institution Press, 1968. Vol. 1, 3; Sutton A.C. The Best Enemy Money Can Buy. L.: Liberty House Press, 1986.

растанием их роли в воспроизводственном процессе последовательно уменьшалась сфера стихийного рыночного регулирования и возрастало значение и сфера господства различного рода целевых программных и даже государственно-административных методов управления и организации производства и воспроизводства. Связано это было с рядом обстоятельств. Прежде всего, в 1950–1960-е и последующие годы продолжало углубляться международное разделение труда. Спецификой послевоенного периода явилось то, что это разделение осуществлялось в рамках транснациональной корпоративной формы организации хозяйствования. В результате один производственный процесс в ТНК охватывал, например в автомобильных производствах до 9–12 стран. Поэтому внутри ТНК стихия рынка не действовала и они, по сути, ничем не отличались с точки зрения технологии организации управления и планирования от сверхкрупных советских объединений и даже министерств²⁵⁴.

Усилению программно-целевых и даже плановых начал в деятельности ТНК способствовали увеличение доли НИОКР в общей себестоимости продукции и повышение технологического уровня изделий, предназначенных как для корпоративного, так и для потребительского рынка. ТНК в условиях всё возрастающих расходов на прикладную науку, испытательные работы, инженерно-конструкторскую деятельность просто не могли позволить себе убытков, связанных с непрогнозируемой стихией рынка. Эту задачу они решали в двух направлениях. С одной стороны, с 1960-х годов вновь активизировались процессы картелизации и раздела рынков. При этом проходили они не в явной, нарушающей законодательства большинства капиталистических стран форме, а на основе соглашений в сфере научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, взаимных патентных уступок и т.п., иными словами, в сферах, в то время мало регулируемых антимонопольным законодательством, позволявших переходить от конкурентной к согласительной, т.е. по сути к планируемой экономике. С другой стороны, именно в 1960-е годы родился маркетинг как таковой в сегодняшнем его понимании — как комплекс мер, нацеленных на программирование и фактически принуждение корпоративных и индивидуальных потенциальных потребителей к покупке того или иного изделия. Фактически маркетинг представлял собой неявное проникновение плановых методов в рыночную экономику. При этом в данном случае, плановые методы базировались не на административно-властном принуждении, а на психологическом программировании.

В совокупности расширение сферы целевого управления производством вместе со скрытой картелизацией и появлением эффективного маркетинга вели к тому, что ТНК внедряли в мировое капиталистическое хозяйство относительно новый для него плано-согласительный уклад. В 1950–1960-е годы происходило последовательное усиление позиций производственного капитала по отношению к финансовому. Этот процесс начал активно развиваться после окончания Второй мировой войны, когда конверсию военной промышленности США и восстановление производства в Западной Европе финансировали в основном не частные банки, а государственные органы. В дальнейшем государственные финансовые источники

²⁵⁴ Курс политической экономии / Н.А. Цаголов (ред.). М.: Экономика, 1973–1974.

в основном и оборотном капитале ТНК начинают последовательно замещаться не банковскими, а собственными средствами производственных монополий. Если в 1951–1955 гг. собственные источники финансирования, включающие в себя нераспределённую прибыль, средства, мобилизованные на рынке акций, а в последующем корпоративных облигаций составляли 45% от совокупных денежных средств корпораций, расходуемых на расширенное воспроизводство, то в 1956–1960 гг. — уже 52%, в 1961–1965 гг. — 55%, а в 1966–1970 гг. — все 61%, т.е. почти две трети.

Ко второй половине 1960-х годов ТНК наряду с успехами столкнулись с целым рядом острых проблем, которые накапливались длительные годы и обозначились сразу после завершения периода первоначального послевоенного восстановления. Прежде всего происходило последовательное затухание темпов роста развитых капиталистических стран, особенно заметное на фоне ускорения экономического роста в СССР. Так, за 1950-е годы среднегодовые темпы роста стран ОЭСР, исчисленные по динамике внутреннего национального продукта в сопоставимых ценах, составляли 4,1%, а в 1960-е упали до 3,5%. Параллельно снижалась норма прибыли. Так, в книге «Капитализм на исходе столетия», вышедшей в Москве в 1987 г. под редакцией А.Н. Яковлева, можно прочитать: «В секторе нефинансовых корпораций среднегодовая норма прибыли до вычета налогов составляла в 1961–1970 гг. 9,1%, в 1970–1974 гг. — 7,6%, а в 1974–1982 гг. — лишь 7,3%». Представляется, что, хотя сама по себе тенденция в книге указана правильно, расчёты были проведены не слишком корректно.

Наиболее корректный способ исчисления нормы прибыли состоит в отнесении чистой, после уплаты налогов прибыли к полной стоимости продукции. Все необходимые цифры для этого легко получить из справочного материала к ежегодным посланиям президента США Конгрессу. Расчёты, осуществлённые по указанной выше методологии, дают следующий ряд. Норма прибыли в корпоративном нефинансовом секторе в США в 1951–1955 гг. составляла 9,3%, в 1956–1960 гг. — 7,1%, в 1961–1965 гг. — 6,5%, 1966–1970 гг. — 6,1%. Согласно данным за 2013 г. она составляет 2,2%.

Значительные проблемы у ТНК возникли во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов в так называемых развивающихся странах. Обычно эти проблемы связываются с национализацией целым рядом развивающихся стран, особенно провозгласивших социалистическую ориентацию, предприятий, принадлежащих ТНК. Однако детальный анализ реального исторического материала показывает, что таких случаев было мало. Более того, как ни парадоксально, реальная национализация либо передача значительной доли собственности правительствам развивающихся стран происходили не в государствах, которые традиционно относились к советской сфере влияния, а напротив, в государствах — устойчивых союзниках Запада и, прежде всего, Великобритании и США. В качестве наиболее ярких примеров можно привести соглашение между американскими нефтяными монополиями и саудовской династией по поводу нефтяного гиганта АРАМКО или аналогичное соглашение в Кувейте. Более того, даже в этих случаях де-факто контроль за финансовыми и товарными потоками оставался в руках ТНК, которые продолжали безраздельно господствовать в сфере логистики, инженерного обеспечения и финансирования производств, перешедших в собственность правительств развива-

ющихся стран. В странах же, решивших противостоять британцам или американцам, например, в Иране, попытки национализации завершались крахом. При этом, как было показано в соответствующей части работы, это произошло при косвенном участии СССР.

Главная проблема ТНК в развивающихся странах носила несколько иной характер. Какой именно, подсказывает статистика. Так, норма прибыли на прямые инвестиции американских ТНК в развивающихся странах за период с 1960 по 1970 г. сократилась с 24,3 до 10%, а в обрабатывающих отраслях промышленности этих стран с 16,3 до 2,4%. В итоге, например, ТНК США только в 1967–1971 гг. ликвидировали 557 своих зарубежных предприятий, филиалов или списали в убытки прямые инвестиции в развивающиеся страны. Для Великобритании эта цифра в период 1963–1970 гг. составила 487. Главной причиной падения нормы прибыли и убытков от прямых инвестиций в развивающихся странах была обстановка хаоса, насилия и анархии, воцарившаяся в этих странах после ухода колониальных властей и прихода к власти псевдонационально-освободительных движений, руководство которых в своей массе составляли, с одной стороны, искренние патриоты, не имевшие никаких навыков гражданского, а тем более производственного управления, с другой — различного рода авантюристы и коррупционеры. Любопытно, что в тех странах, где к власти пришли национально ориентированные силы, в своём большинстве поддерживавшие тесные отношения с Советским Союзом, международные ТНК не терпели убытков или их потери были значительно меньше. Во многих из этих стран ТНК оставляли или расширяли своё представительство и увеличивали прямые инвестиции.

В 1960–1970-е годы ярким примером такого совместного инвестирования со стороны Советского Союза и ТНК были Египет, Алжир и, конечно же, Индия. Кстати, в Индии и Алжире субподрядчиками советских внешнеторговых объединений, осуществлявших сооружение ключевых промышленных, энергетических, транспортных объектов, были крупнейшие ТНК. В 1970–1980-е годы лучшим примером взаимовыгодного сотрудничества между СССР и ТНК стала Ангола, где после прихода к власти при решающей помощи кубинских войск просоветского режима ФРЕЛИМО американские нефтяные компании резко нарастили инвестиции и увеличили нефтедобычу на месторождениях Кабинды. Приведённые примеры являются не более чем иллюстрацией и могут быть дополнены длинным рядом других совместных или комплиментарных проектов.

В 1960–1970-е годы западные аналитики опубликовали немало основательных работ, анализирующих серьёзные противоречия между преимущественно производственными и преимущественно банковскими ТНК в странах Третьего мира и прежде всего в Латинской Америке. Банковские ТНК в конце 1950-х и особенно в 1960-е годы решительно взяли курс на целенаправленное финансовое разорение ключевых стран Латинской Америки путём затягивания их в безвыходную долговую кабалу. После того как объём государственных задолженностей превышал возможности обслуживания не только тела основного долга, но и процентов по нему, подключался Международный валютный фонд. Последний был готов предоставлять реабилитационные кредиты при условии денационализации промышленности, которую осуществляли банки-кредиторы. Соответственно, частные

банки-кредиторы, получив за бесценок инфраструктурные и добывающие предприятия в таких ключевых странах Латинской Америки, как Бразилия, Аргентина, Перу, Колумбия, в последующем стремились втридорога продать и продали эти предприятия производственным ТНК. Кроме того, при банкротстве стран происходило массовое обнищание их населения и в итоге схлопывался внутренний рынок, на котором к концу 1950-х годов, опять же, безраздельно господствовали производственно-торговые ТНК. В несколько меньших масштабах, чем в Латинской Америке, этот процесс шёл в странах Южной Азии. Таким образом, в 1960-е годы в полной мере проявился зародившийся ещё в конце XIX в., с момента принятия антимонопольного Акта Д. Шермана, процесс нарастания противоречий между банковскими и производственными ТНК²⁵⁵.

Безусловно, все неангажированные исследования показывают, что, хотя международные банки и производственные ТНК взаимодействовали и были связаны между собой, в послевоенный период произошло размежевание реальных собственников и акционеров этих групп ТНК, и они с каждым годом всё в большей степени стали представлять собой не единое целое, а враждующие группировки.

Наконец, в 1950–1960-е годы все возрастающие проблемы для ТНК в США и особенно в Западной Европе создавали профсоюзы. И дело здесь было не только в том, что за период с 1954 по 1967 г. в 1,9 раза выросло число потерь рабочих человеко-дней вследствие проведения юридически зафиксированных забастовок в промышленности стран ОЭСР, но и в том, что профсоюзы стали претендовать на участие в управлении производством. Особенно сильно это направление проявляло себя в Великобритании, Франции и Италии.

В общем и целом, к моменту, когда Александр Кинг вместе с Аурелио Печчеи начали предпринимать активные шаги по установлению рабочих контактов с советской стороной, стоящим за ними силам было ясно, какие проблемы можно и нужно решать и урегулировать с СССР и в экономическом, и в политическом, и в социальном плане.

5

Отсчёт времени, когда у всё большего числа людей, входящих в мировые элиты, стало появляться сначала смутное предчувствие, а затем всё более ясное понимание того, что мировая динамика развивается в неправильном или, как минимум, в непредсказуемом направлении, можно, пожалуй, начинать с выхода в свет знаменитого двухтомника Освальда Шпенглера «Закат Европы». Однако понадобились две мировых войны, не имеющие аналогов в мировой истории по кровопролитности, жертвам и степени сокрушения привычных устоев жизни и начал цивилизации, чтобы это понимание трансформировалось у весьма влиятельных групп в желание как-то исправить ситуацию. Потребовалось ещё несколько десятилетий, ушедших на совершенствование вычислительных мощностей и методов моделирования, для того, чтобы предчувствия, ощущение и понимание трансформировать в расчёты. В начале 1960-х

²⁵⁵ Lee W. TNC vs TNB. L.: HarperCollins, 1988; Clifford S. International Markets and International Banks. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.

годов в знаменитой корпорации RAND двумя группами — одной, под руководством Г. Кана, второй, во главе с Х. Озбекханом — были осуществлены крупномасштабные расчёты, связанные с анализом разнообразных угрожающих тенденций не в масштабе отдельных стран и даже противостоящих в то время друг другу блоков, но в размерности всего мира²⁵⁶. Такие же работы были проведены, базируясь на вычислительных мощностях Европейского атомного центра группой будущего Нобелевского лауреата Х. Тьеманна²⁵⁷. Примерно в том же направлении вели работу две группы выдающихся математиков и специалистов в области социальных наук в Советском Союзе под руководством Н. Моисеева и В. Глушкова²⁵⁸.

Все расчёты, независимо от применяемых методологий, используемых вычислительных методов и даже идеологических заказов, которые, естественно, у каждой из групп были свои, получили, как теперь выяснилось для экспертов и общественности, сходные результаты. Что же касается правительств, то основные акторы тогдашней политики позаботились, используя собственные разведки, чтобы результаты работы каждой из групп стали известны и противной стороне. Иными словами, почва для совместной работы в сфере анализа и прогнозирования мировых проблем была подготовлена, желание совместно работать у каждой из сторон имелось. Дело оставалось за малым — найти конкретный повод для организации такой работы.

На основе беспристрастного анализа фактов автор текста постарался показать, что в значительной мере инициатива в подобной совместной работе исходила от советской стороны, которая, используя методы скрытного рефлексивного управления, постаралась активизировать эту деятельность и на Западе. Это, безусловно, удалось.

Чтобы, опираясь на свидетельства главных участников — фронтменов этих событий, вскрыть цели западных групп мировых элит, обратимся к воспоминаниям А. Печчеи и А. Кинга. Вот что пишет А. Кинг о тех, кто стимулировал его усилия в области организации Римского клуба и до некоторой степени Международного института системного анализа в Вене: «Мы обнаружили, что разделяем многие опасения и одинаково смотрим на глобальные проблемы, такие как перенаселение, ухудшение состояния окружающей среды, бедность и злоупотребление технологиями. Нам казалось, что значение этих проблем, в виду всех прочих, было недооценено и не было организации, способной проанализировать их, не говоря уже о том, чтобы предпринять какие-то серьёзные действия. Ни ООН, ни какая-либо другая официальная международная организация были не в состоянии быстро отреагировать на потребность в решении обостряющихся проблем...»²⁵⁹.

По мнению Дэвида Рокфеллера и членов его Международного консультативного совета, Виктора Ротшильда и части членов семьи Ротшильдов, а также политиков, ключевых собственников и руководителей транснациональных корпораций и

²⁵⁶ Radzicki M.J., Taylor R.A. Introduction to System Dynamics. A Systems Approach to Understanding Complex Policy Issues. Albany, NY: U.S. Department of Energy, Office of Policy and International Affairs, 1997.

²⁵⁷ Zacharias G.L., MacMillan J., Hemel S.B., van. Behavioral Modeling and Simulation: From Individuals to Societies. Washington, D.C.: National Academies Press, 2008.

²⁵⁸ Пихорович В.Д. Очерки истории кибернетики в СССР: На пути к развенчанию мифов. М.: URSS, 2014.

²⁵⁹ Кинг А. Ук. соч. С. 328.

остававшихся в тени представителей некоторых групп разведывательного сообщества по обе стороны океана и участников группы «Язоны» (о которых речь пойдёт в других частях работы): «Потенциальная опасность лавинообразного и каскадного нарастания мировых проблем была совершенно реальной, и если не предпринимать никаких мер, то они могут даже угрожать выживанию человечества как вида. Требовались срочные меры, но на правительства в этом отношении нельзя было полагаться; они не в полной мере понимали, что стоит на кону, а их избиратели, от которых они зависели, были ещё менее информированы»²⁶⁰.

В этом плане характерно, что определённая, возможно, и не господствующая, но чрезвычайно влиятельная группа наднациональной мировой элиты обратилась к Советскому Союзу как к партнёру по решению нарастающих проблем. Это неудивительно, поскольку советское правительство, как знали представители элит, кое-что в этих проблемах понимало, а главное, совершенно не зависело от каких-либо выборов, избирателей и прочих демократических издержек, мешающих заниматься серьёзными делами. Подобную точку зрения подтверждает в своих воспоминаниях А. Печчеи. Он пишет: «Напряжённая ситуация, в которой оказались ныне живущие на земле, является прямым следствием того, что делали и чего не делали в предшествующие годы наши предки и даже мы сами. В исторической перспективе не так уж важно, как распространены среди людей те или иные достоинства и недостатки. И даже если кто-то когда-то в будущем понесёт ответственность за что-то, сделанное или несделанное в прошлом, от этого будет не много пользы. Девятнадцать столетий назад римский писатель Колумелла справедливо заметил, что земля нуждается в человеке, который знает, который хочет и который может. Современный человек, решивший в наши дни взяться за беспрецедентные мероприятия — создание глобальной империи, опрометчиво опрокинул эту логическую последовательность, ибо он может, но пока что не хочет, потому что не знает»²⁶¹.

Основные надежды с решением мирового переустройства А. Печчеи и А. Кинг, а точнее люди, стоящие за ними, связывали с деятельностью производственных ТНК и повышением их социальной ответственности. На этот счёт А. Печчеи пишет: «Они за нечастыми исключениями не только ещё не осознали, но и не желают пока задумываться над глубокими, поистине драматическими изменениями, которые происходят сейчас во всей человеческой системе. Вместе с тем они обладают редкими способностями восприятия и приспособления к новому. Разумно использовать свои возможности они могли бы в трудный для человечества час, внести положительный вклад в диалектику социальных преобразований... Первым логическим этапом этой эволюции станет превращение многонациональных компаний в ненациональные или наднациональные»²⁶².

Здесь мы подходим ко второму слою целей реальных держателей проекта. Помимо прочего, Римский проект должен был помочь превращению ТНК в своего рода МК — мировые корпорации. Из понимания данного обстоятельства делаются два противоположных вывода относительно намерений тех кругов мировой элиты,

²⁶⁰ Там же. С. 325.

²⁶¹ Печчеи А. Ук. соч.

²⁶² Там же.

которая стояла за А. Печчеи и А. Кингом в отношении Советского Союза. Сначала изложим свою версию, а затем подробно рассмотрим другой подход, наиболее аргументировано представленный А. Фурсовым.

Чтобы разобраться с ролью СССР, за отправную точку можно взять опять же мемуары А. Печчеи. В них он пишет следующее: «Сложившаяся в мире политическая система не только сознательно игнорирует требования глобального развития, но и стала абсолютно нечувствительной к каким бы то ни было мотивациям долгосрочного характера. Как заметил известный экономист Питер Ф. Дракер, “впервые создалось такое положение... при котором политическая единица, т.е. территория, и экономическая единица не соответствуют друг другу, что представляет определённую угрозу национальным правительствам”, и, как показали многочисленные нынешние споры, конфликты между всё ещё национальным государством и многонациональной корпорацией совершенно неминуемы.

Итак, что же делать? Для того, чтобы разрядить обстановку и открыть новый этап развития отношений между транснациональным предприятием и национальным государством, необходима здоровая инициатива... Чтобы избежать острых проблем, можно было бы предложить ввести не национальный или наднациональный статус для компаний, ведущих дела в международных масштабах. Например, передать их под эгиду ООН, либо неких иных структур... Возможно, государства с сильной рыночной экономикой, например, Великобритания, Западная Германия, Франция, Швейцария, Япония, Нидерланды, Швеция и в особенности США, будут возражать против такой меры, которая ограничивала бы их влияние на страны, зависящие от них экономически»²⁶³.

Возникает вопрос, а при чём здесь СССР? Прежде чем ответить на него, надо понимать, что А. Печчеи, А. Кинг и стоящие за ними представители мировой элиты ещё в 1960-е годы отмечали, что советские внешнеторговые организации за рубежом действуют как своего рода филиалы сверхкорпорации. Более того, о безальтернативности появления при социализме огромных корпораций писали в своих работах 1960-х годов А. Кинг и А. Печчеи. Иными словами, когда речь идёт о ТНК, фактически обсуждались крупнейшие хозяйственные структуры вне зависимости от принадлежности к той или иной стране. И даже тому или иному лагерю. Однако главное даже не в этом. Из на удивление откровенных воспоминаний А. Кинга и А. Печчеи, не вынужденных ради хлеба насущного либо соображений карьеры угождать требованиям текущей политической конъюнктуры, становится ясной одна поразительная вещь. В лице СССР определённая часть собственников и высших руководителей немалого числа крупнейших производственных ТНК видела не противника и не только союзника, но и в перспективе даже своего рода защитника перед своими собственными национальными правительствами. Безусловно, с позиций сегодняшнего дня подобная точка зрения может показаться дикой. Однако то, что случилось с СССР, не было предопределено в 1960-е годы на 100%. Более того, вероятность такого исхода в 1960-е годы была ещё крайне мала и резко нарастала по мере разворачивания определённых событий и процессов, о которых речь впереди.

²⁶³ Там же.

В то время Советский Союз не только находился в конфронтации с правительствами развитых капиталистических стран, но и до некоторой степени находился от них в экономической и технологической зависимости. Если вспомнить тезис А. Печчеи, приведённый выше, СССР попадал в категорию стран, страдавших от диктата национальных правительств над ТНК. Соответственно, освобождение от диктата давало СССР как минимум тактические, а, возможно, и определённые стратегические выгоды.

Далее. Указание на ООН у Печчеи неслучайно. Стоящая за будущим Римским клубом часть мировой элиты понимала, что без правительств проблему противоречия между национальными государствами и ТНК не решить. Нужна некая согласительная структура. Из существовавших в то время единственной подобного рода уже пригодной структурой была ООН. Характерно, что механизм принятия решений в ООН таков, что только постоянный член Совета Безопасности ООН мог заблокировать то или иное решение. Опять же, размышляя строго и жёстко логически, приходится прийти к выводу, что в ООН в условиях противоречий между ТНК и национальными правительствами единственной надеждой корпораций был Советский Союз. Ведь все остальные постоянные члены Совета Безопасности ООН являлись представителями тех стран «с сильной рыночной экономикой», от диктата которых хотели уйти производственные ТНК при помощи арбитража ООН. То есть их единственным представителем с решающим правом голоса был Советский Союз.

Но и это ещё не всё. Достаточно ознакомиться с чрезвычайно обширной литературой, посвящённой национальным государствам, опубликованной на Западе в период до 1970-х годов (хотя, впрочем, и после), чтобы понять: ни один серьёзный, действительно влиятельный в мировом истеблишменте учёный не причислял СССР к разряду национальных государств. Собственно говоря, и официальная советская точка зрения состояла в том, что СССР — это особое наднациональное образование, открытое для вступления в него других стран. Западная элита никогда не считала Советский Союз национальным государством. Если быть совсем точным, значительная часть элиты под влиянием своих интеллектуальных советников не считала его в полном смысле и государством. СССР представлялся скорее некоей государствовподобной структурой, в экономическом плане близкой к уникальной форме корпорации-государства в противовес итальянскому фашизму и германскому национализму — классическим типам корпоративных государств.

Взгляд на хозяйство СССР как на одну большую корпорацию красной нитью проходил через все учебники и серьёзные официально признанные советские работы по политэкономии социализма²⁶⁴. У истоков такой позиции, хотя прямо это никогда не признавалось, лежала работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»²⁶⁵. Некоторые исследователи высказывают точку зрения, что на Западе никогда не относили СССР к корпоративному государству в силу его социально ориентированной политики. Однако такую позицию высказывают, как правило, российские исследователи. Западные же аналитики, опирающиеся на фактический анализ социальной политики производственных корпораций в развитых капи-

²⁶⁴ Курс политической экономии / Н.А. Цаголов (ред.). М.: Экономика, 1973–1974.

²⁶⁵ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. http://datis.pro/upload/c91/stalin_problems_of_economy.pdf

талистических странах, всегда отмечали, что внутри корпорации их собственники и топ-менеджмент проводили активную социальную политику и осуществляли разнообразные мероприятия по развитию так называемого «человеческого капитала».

Нельзя не упомянуть один практически неизвестный, но любопытный факт. Огромное влияние на развитие корпоративизма в широких «элитных массах» имела книга троцкиста, знаменитого Джеймса Бернхема «Революция менеджеров». Помимо прочего в книге говорится о фактической неизбежности перехода ко всемирному плановому хозяйству и прогрессирующему падению роли собственников. В современной России практически никому не известно, что в 1948 г. в ходе следствия над Г.А. Вознесенским всплыл номерной экземпляр переведённой на русский язык книги Бернхема с пометками товарища И.В. Сталина. Как водилось, с 1930-х годов в СССР наиболее интересные, актуальные западные книги быстро переводились на русский язык для высшего руководства и рассылались по номерным спискам. В данном же случае эта книга была столь важна, что экземпляр со своими пометками И.В. Сталин передал Г. Вознесенскому для работы. Интересно, что единственный официальный перевод книги Д. Бернхема до сегодняшнего дня на русский язык был сделан в 1953 г. главным антагонистом советской власти Народно-трудовым союзом солидаристов под типично советским названием «Диктатура директоров».

Таким образом, объективные исторические факты, в том числе и приведённые ранее примеры всё возрастающего сотрудничества и взаимодействия между производственными ТНК и СССР, а также простые логические, лишённые какой-либо предвзятости и конъюнктурности выводы из доступных, написанных в основном ещё во времена Советского Союза работ говорят о том, что немалая часть собственников и топ-менеджеров производственных ТНК были готовы идти на взаимодействие и совместную работу с Советским Союзом и видели его, по меньшей мере, своим тактическим союзником. Безусловно, речь идёт не о всех производственных ТНК, не о всех собственниках и не о всех топ-менеджерах, а лишь о некоторой, но крайне влиятельной, включающей представителей таких фамилий как Ротшильды, Рокфеллеры и т.п., части мировой элиты.

Цели третьего уровня западной стороны были связаны с решениями острых проблем, в полный рост вставших перед производственными ТНК к концу 1960-х годов, о которых речь шла ранее. Вполне очевидно, что в решении всех этих проблем Советский Союз мог играть и, более того, как показала практика, играл положительную для ТНК и для себя роль. Чтобы не приводить общеизвестные факты и не повторять избитые суждения, ограничимся лишь указаниями на наиболее очевидные свидетельства. Наиболее активные и серьёзные держатели проекта Римского клуба получили в СССР крупнейшие контракты: Аньелли – «Фиат»; Дэвид Ротшильд напрямую и через родственные структуры получил выгодный контракт, связанный с участием в сооружении КАМАЗа; немецкие участники и финансовый дом Ротшильдов активнейшим образом присутствовали в реконструкции трубной промышленности СССР, особенно в части создания новых производственных мощностей по изготовлению труб большого диаметра для нефте- и газопроводов. Как говорится, идеи идеями, мировые проблемы мировыми проблемами, а денежки счёт любят. Советские партнёры в те времена это отлично понимали.

Однако существует и прямо противоположная точка зрения. В своём расси-танном на не слишком подготовленных читателей виде она представлена в огром-ном, многократно цитировавшемся ранее труде Павленко. Совершенно на ином ин-теллектуальном уровне изложения и аргументации данная точка зрения представ-лена в целом ряде фундаментальных работ А.И. Фурсова.

В наиболее сконцентрированном виде А.И. Фурсов изложил свою точку зре-ния следующим образом: «После Второй мировой войны на свет вышла молодая и очень хищная фракция мирового капиталистического класса — корпоратокра-тия. Её первое явление миру — свержение правительства Мосаддыка в Иране в 1953 году, проведённое в угоду не государственным, а корпорационным интере-сам. Именно корпоратократия разгромила Советский Союз в три пятилетки, создав у нас свою “пятую колонну” и сумев внедрить в сознание многих советских обще-ствоведов характерный для западных политологии и социологии язык»²⁶⁶.

В контексте данной точки зрения не только Международный институт при-кладного системного анализа в Вене, но и Римский клуб рассматриваются как тща-тельно спланированные и искусно осуществлённые заговоры по растлению выс-шей советской элиты, вербовке агентов влияния и прямых агентов с целью нанесе-ния исторического поражения Советскому Союзу. В некотором смысле данная точ-ка зрения имеет фактические подтверждения в отношении Международного инсти-тута прикладного системного анализа. Однако сюжет с Институтом — совершен-но отдельная история и речь о ней впереди. Более того, сами по себе обстоятель-ства произошедшего, субъекты и их мотивация в случае Международного институ-та прикладного системного анализа заметно отличались от Римского клуба и, более того, заметно модифицировались с течением времени. Пока же речь идёт собственно о корпоратократии, понимаемой в соответствии с общепринятой интеллектуаль-ной традицией, как сеть преодолевших и подчинивших себе государства акционе-ров крупнейших, в известной мере взаимоувязанных между собой производствен-ных корпораций. Как уже было показано ранее на основе фактов, в свержении Мо-саддыка рука об руку участвовали, частично в собственных интересах, а частично из-за обстоятельств непреодолимой силы, несколько субъектов действия, включая и советское руководство. Так что сваливать всё на корпоратократию в случае Ира-на в строгом аналитическом плане не вполне корректно.

Ныне всё более популярные в России термины про пятые, шестые и прочие колонны являются скорее данью публицистике, чем холодной, скальпелеподоб-ной мысли. В каждом конкретном случае принадлежность к колонне требует не-опровержимых доказательств. Более того, сама по себе точка зрения, что Совет-ский Союз прекратил существование из-за поражения от внешних сил, при всей общепринятости нуждается в развёрнутом документальном подтверждении, ка-кового на сегодняшний день никем не представлено. Азы системного анализа го-ворят о том, что гибель любой сложной системы, а СССР, несомненно, являлась таковой, происходит всегда в силу внутренних причин, усугубленных внешними обстоятельствами.

²⁶⁶ Фурсов А.И. Русский интерес. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.

В связи с этим важно обратить особое внимание на специфический аспект истории как науки. В этом тексте уже многократно говорилось об объективных трудностях, стоящих перед любым беспристрастным исследователем, связанных не с внешними факторами, а с самим характером исторического материала. На протяжении десятилетий не только в нашей стране, но и во всём мире любые исторические споры и дискуссии велись либо путём предоставления различных выборочных массивов материалов, либо с использованием в качестве аргументов ссылок на суждения, мнения современников тех или иных исторических событий или, что ещё более часто, отсылок к свидетельствам более ранних историков. Любому представителю естественных наук, а тем более математики подобная аргументация покажется дикой. Фактически речь идёт не об объяснении эмпирически выявленных закономерностей, а о спорах интеллектуальных моделей, опирающихся на специальным образом сконструированные, выборочно извлечённые из беспредельной совокупности данных сведения. В итоге победителями оказываются те исторические концепции, которые либо в данный момент в наибольшей мере соответствуют текущим задачам власть имущих, либо, так же как в мире товаров, имеют лучшую, наиболее привлекательную литературную, а теперь и визуальную упаковку, делающую лёгким, доступным и приятным их потребление.

Однако с появлением в середине 2000-х («нулевых») годов технологий и вычислительных мощностей Больших Данных, осуществлением глобальной и зачастую сплошной оцифровки исторических архивов и данных, прогресса методов классифицирования и распознавания появилось такое направление как количественная история. Она ни в коем случае не подменяет и не отменяет гуманитарную и описывающую (описательную) истории, но по широкому и всё возрастающему кругу вопросов количественная история позволяет переходить от обоснования при помощи ссылки на источник или мнения к обоснованию на основе интеллектуальной обработки данных. К тому же прелесть исторических данных состоит в том, что крупные совокупности практически невозможно подделать и отдельные, обязательно имеющиеся в данных сознательные и несознательные ошибки, неточности и пробелы ликвидируются в ходе специальных процедур, называемых «очисткой данных». В этом смысле корректное применение математико-статистических методов к данным позволяет дать ответ на многие дискуссионные вопросы.

Определённый ответ может дать количественная история и на вопрос о взаимосвязях корпоратократии и Советского Союза. Продемонстрируем это всего на одном, но крайне впечатляющем примере. В 2008 г. группа исследователей опубликовала работу «Перевероты, корпорации и закрытая информация» («Coups, Corporations, and Classified Information»)²⁶⁷. Работая с большими массивами информации, исследователи постарались обнаружить связи между осуществлением непосредственно либо при участии ЦРУ переворотов и инсайдерскими операциями крупнейших американских финансовых институтов на мировых финансовых, в первую очередь, биржевых, сырьевых и фондовых рынках. Авторы книги, используя различные методы интеллек-

²⁶⁷ Dube A., Kaplan E., Naidu S. Coups, Corporations, and Classified Information. <http://econweb.umd.edu/~kaplan/coups.pdf>

туального математико-статистического анализа, поставили перед собой задачу подтвердить или опровергнуть гипотезу о наличии у финансовых институтов, а точнее, у руководства или брокерских подразделений некоей закрытой информации о будущем перевороте и проведении в соответствии с инсайдерской информацией сделок в расчёте на то, что переворот завершится успехом.

В результате анализа больших массивов данных были получены убедительные математико-статистические результаты, позволяющие с высокой степенью вероятности в строгом смысле этого слова утверждать, что такие случаи не просто были, но являлись скорее нормой, чем исключением. Иными словами, перевороты, осуществляемые ЦРУ или при его участии, решали не только политические задачи государства, но и вполне конкретные финансовые задачи банковских и инвестиционных институтов. Более того, эффективность от таких операций через соотношение прибылей и убытков от инсайдерских сделок просчитана в ходе исследования.

Ещё одним часто приводимым аргументом применительно к побудительным мотивам корпоратократии уничтожить СССР является тезис Розы Люксембург о необходимости наличия для капитала внешних по отношению к капитализму зон и постоянной экспансии в них мировой капиталистической системы. Несомненно, данный тезис справедлив. Его отрицание советской экономической мыслью на уровне ведущих представителей элиты после Ленина носило не концептуальный, а идеологическо-ситуативный характер. Например, есть свидетельство, что те же Бухарин и Сталин отлично понимали, что к чему в логике развития капитализма, однако официально критиковали данный тезис в связи с нуждами практической внешней политики СССР.

На первый взгляд, наличие Советского Союза, его укрепление и активная внешняя политика, особенно в послевоенный период связанная с крушением мировой колониальной системы и выбором достаточно большим числом стран, располагающих мощной ресурсной базой и достаточно ёмким внутренним рынком, пути так называемой социалистической ориентации противоречило интересам производственных ТНК. Однако, если опираться на факты, а не на оценки, то выяснятся достаточно удивительные для людей со сложившейся чёрно-белой картиной мира факты. Ещё в 1990 г. вышел фундаментальный труд, посвящённый не столько анализу, сколько описанию деятельности производственных, транснациональных корпораций в странах Третьего мира, выбравших так называемый путь социалистического развития²⁶⁸. Книга сразу же после опубликования в Америке оказалась в СССР. Была проведена работа по проверке содержащихся в ней фактов. В тот период и несколько позднее автору довелось в связи с этим беседовать с ответственными работниками ГКЭС, МВС и ГКНТ СССР. Они не только подтвердили подавляющее большинство сведений, содержащихся в книге, но и добавили дополнительные, весьма любопытные детали. Поскольку детальное рассмотрение этой книги уходит далеко за рамки темы взаимодействия определённых паттернов советской и западной элит, ограничимся лишь некоторыми общими выводами.

Прежде всего, в значительной мере демонтаж Британской, Французской, а позднее Португальской колониальных империй был своеобразным совместным предпри-

²⁶⁸ Saar, van der, Gilson F. The Joint Venture. Western Corporations in the Construction of Communism in the Third world. Cambridge: MIT, 1990.

ятием элит, разведывательных сообществ и неформальных политических структур Советского Союза и США. Более того, можно добавить, что, согласно опубликованным в 2013 г. сведениям в ходе этого демонтажа Соединённые Штаты впервые в своей истории на практике применили финансовое оружие для достижения своих внешнеполитических целей. Объектом применения финансового оружия Соединённых Штатов была Великобритания, а поводом стал Суэцкий кризис 1956 г.²⁶⁹

Собранный в книге обширный фактический материал свидетельствует, что в тех странах социалистической ориентации, где у власти стояли адекватные, заинтересованные в перспективе, заботящиеся о развитии потенциала страны лидеры, выступавшие на международной арене как союзники СССР и поддерживавшие с ним разнообразные и объёмные отношения, у западных производственных ТНК дела складывались более чем хорошо. В качестве примеров таких стран (и, соответственно, лидеров), где ТНК не только сохранили, но и нарастили свою активность, выступали Ангола Нету и душ Сантуша; Демократическое Конго Нгуабе; Алжир Бумедьена; Сирия Асада; Индия семьи Неру — Ганди; Мозамбик Чиссано; Ирак Хусейна и т.п. В тех же случаях, когда лидеры прокламировали социалистическую ориентацию, но реально не делали никаких шагов по развитию страны, проблемы возникали не только у западных корпораций, но и у самого Советского Союза, который на первом этапе поддерживал этих лидеров. Наиболее яркими примерами являлись Уганда Амина, Центральнаяафриканская Республика людоёда Бокасс, Южный Йемен Мухаммада и т.п.

Наконец, в американской работе особое внимание уделено совместным операциям Советского Союза и сил, поддерживаемых производственными ТНК, в странах Третьего мира. Так, в книге анализируется одна из наиболее кровопролитных африканских гражданских войн XX в. Речь идёт о Нигерии и Республике Биафра. Как известно, Республика Биафра, отделившаяся от Нигерии и включавшая в себя наиболее богатые нефтью районы страны, в ходе гражданской войны поставила федеральную власть на порог полной катастрофы. Спасение пришло в виде срочных поставок вооружения федеральному правительству из Советского Союза и американского вооружения через Великобританию. Одновременно в страну прибыли советские, американские и британские советники и инструкторы по обучению. В результате нигерийская армия перешла в контрнаступление и в конечном счёте уничтожила Биафру, поддерживаемую правительствами Китая, Израиля, Франции, ЮАР и пользующуюся негласной поддержкой американского правительства. Интересно, что Великобритания, в которой в то время у власти находились лейбористы, поставляла оружие, которое оплачивалось американскими нефтяными ТНК.

В книге также рассмотрены события гражданской войны в Анголе в 1975–1977 гг. Формально на одной стороне конфликта были также массированные поставки советских вооружений правительству А. Нету, поддерживавшие его кубинские войска и советские военные советники. С другой же стороны выступали подразделения двух соперничающих группировок, за которыми стояло американское правительство и регулярные войска ЮАР. Однако любопытно следующее. В ходе военных действий в первую очередь кубинские войска, возглавляемые советски-

²⁶⁹ Parameters. 2012/2013. Vol. 42, No. 4. <https://ssi.armywarcollege.edu/pubs/parameters/>

ми военными советниками, обеспечили мгновенный захват и очистку от противоположной стороны нефтепромыслов в Кабинде. В этом районе американские нефтяные компании к началу гражданской войны только что закончили обустройство крупных нефтяных месторождений и начали добычу нефти. После перехода провинции Кабинда в руки правительства, поддержанного Москвой, нефтедобыча не останавливалась ни на час. Более того, американские нефтяные компании получили продление лицензий на долгие годы и дополнительные преференции, которых у них не было при португальской администрации Анголы. Подобные примеры можно множить и множить. Однако представляется, что уже приведённых фактов вполне достаточно для вывода о совместимости интересов СССР и немалой части производственных ТНК в странах Третьего мира.

Завершая анализ взаимоотношений производственных ТНК и советской элиты, по крайней мере, весьма значительной её части, нельзя не отметить следующее. Бесспорно, группировки и персоналии из западного истеблишмента, стоявшие за спиной А. Кинга и А. Печчеи в рамках проекта Римского клуба не были ни добрыми волшебниками, ни Санта-Клаусами, ни горячими друзьями Советского Союза. Это были умные, волевые, отлично информированные, внешне доброжелательные, но внутренне очень жёсткие, а часто и жестокие люди, рассматривавшие все варианты событий. Их девизом было: победа при любых условиях и любых раскладах.

Если вспомнить 1960-е годы, то это были годы серьёзных и неоспоримых успехов СССР практически во всех областях — от космоса до балета, от экономики до военной сферы. В то же время Америка переживала глубочайший кризис, который выплёскивался на поверхность миллионными демонстрациями не только противников войны во Вьетнаме, но и молодёжи, отвергающей традиционный западный образ жизни. Эти марши и компании сопровождалась в буквальном смысле вооружёнными мятежами на улицах в негритянских районах американских городов. В Европе последовательно усиливались левые, а в таких странах, как Франция, Италия, Швеция — коммунистические партии. Между итальянскими коммунистами, христианской демократической партией и высшими иерархами Ватикана вовсю шли переговоры о формировании новой левохристианской коалиции. Причём она должна была не только изменить расклад сил в Италии и других католических странах Европы, но и коренным образом поменять политическую реальность Латинской Америки и Филиппин. В Британии к власти пришли лейбористы Вильсона, которые были ширмой для нового фабианского движения. В ФРГ все понимали, что дни коалиции ХДС/ХСС сочтены и к руководству страны придут социал-демократы В. Брандта со своим сильным левым крылом.

Эти процессы являлись продолжением тенденций, которые на Западе начали чётко проследиваться практически с начала XX в. Эти тенденции прекрасно видели и понимали не только наиболее дальновидные, но и часть наиболее могущественных представителей западной политической и деловой элиты. В этих условиях они считали необходимым идти на сотрудничество с Советским Союзом, который для них в каком-то смысле олицетворял будущее. При этом они были убеждены, что сам Советский Союз, в свою очередь, будет эволюционировать в рамках концепции конвергенции. Эту концепцию именно в первой половине 1960-х годов детально разработали, обосновали и довели до сведения западного истеблиш-

мента по обе стороны океана такие виднейшие представители западной мысли, как Д. Гэлбрейт, Д. Белл, Р. Арон, Д. Кейнс и др. При этом нельзя не отметить, что в значительной степени разработка этой концепции была «не самостоятельным творчеством масс», а выполнением прямого заказа производственных транснациональных корпораций и прежде всего семьи Рокфеллеров.

При этом, реализуя проект Римского клуба, часть западной элиты создавала благоприятные предпосылки для действий в ситуации, когда с Советским Союзом начнут случаться те или иные неприятности. В качестве неосновного, но возможного варианта Дэвид Рокфеллер и близкие к нему люди рассматривали возникновение ситуации серьёзных экономических сложностей реального социализма. Этот вариант предполагал глубочайший системный кризис СССР и превращение его из государства реального социализма во главе с КПСС в солидаристское, по сути, корпоративное в прямом смысле слова государство. Известно, что по поручению Д. Рокфеллера знаменитый американский дипломат, стратег, один из архитекторов Холодной войны Джордж Кеннан написал предисловие к книге, в которой, насколько известно, впервые была высказана сугубо пессимистическая точка зрения на перспективы советской экономики и предсказан грядущий коллапс коммунизма, который, по мысли авторов, должен был завершаться созданием в России солидаристского общества²⁷⁰. (Как это ни удивительно, в 2014 г. патриарх Кирилл заявил о том, что официальной доктриной РПЦ является солидаризм.)

Любопытно, что книга была написана бывшим французским разведчиком, известным аналитиком, теневым политиком и членом «Круга» Б. Крозье и племянником одного из лидеров НТС Аркадия Петровича Столыпина, сына знаменитого российского премьера — Д. Столыпина. Книга вышла ограниченным тиражом и была разослана Д. Рокфеллером определённым кругу лиц. Однако данный вариант в целом рассматривался «римской группировкой» как резервный. Основным был вариант прогресса и усиления Советского Союза и, соответственно, создания конвергентного мира.

Возникает вопрос: что же случилось во второй половине 1960-х — начале 70-х годов? Почему исходная концепция, а тем более последующая деятельность Международного института прикладного системного анализа в Вене столь отличались от проекта и деятельности Римского клуба? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, какая Аннушка и когда пролила свое масло, что это было за масло, и кто же оказался Воландом, из-за которого началась история на Патриарших прудах, закончившаяся столь плачевно для СССР и, весьма вероятно, для всего мирового сообщества. Но это тема отдельного исследования.

²⁷⁰ Crozier B., Stolypin D. Economic Preconditions of Collapse of the Communist Russia. N.Y., 1964.

Глава 8

В стране невыученных уроков.

Москва

1

Воспоминания Д. Гвишиани, А. Кинга и А. Печчеи позволяют точно установить таймлайн проектов «Римский клуб» и «Международный институт прикладного системного анализа» (МИПСА). Не подлежит сомнению, что первые контакты относительно организации Римского клуба произошли у А. Кинга и Д. Гвишиани поздней зимой 1967 г. Весной того же года имела место встреча А. Печчеи и Д. Гвишиани в Академгородке под Новосибирском. Несколько недель спустя состоялась встреча А. Кинга и А. Печчеи в Париже. Старт проекту МИПСА дала встреча А.Н. Косыгина и Л. Джонсона в Нью-Джерси летом 1968 г. Однако фактически первый прогремевший доклад Римского клуба датируется лишь мартом 1972 г. В том же году открыл свои двери в замке в предместье Вены и МИПСА.

Между стартом и практической активной реализацией проектов прошло долгих пять лет. Для динамичных 1960–1970-х годов пять лет — очень большой промежуток времени, что прямо отметили в своих воспоминаниях все три главных действующих лица. Эти пять лет потребовались отнюдь не для организационных усилий, как иногда пытаются представить те или иные авторы. Проблема заключалась в ином. За эти пять лет необратимо изменился мир. Проекты, задуманные в одной реальности для материализации вполне определённых идей и создания конкретных структур, в итоге были реализованы в иной реальности в весьма отличных от первоначальных целей и привели к совершенно иным, нежели мыслилось, последствиям.

Что же произошло за эти пять лет? В силу каких факторов и в каком направлении изменилась реальность? Где лежал основной источник изменений? Ответы надо искать в стране — фактическом инициаторе проектов, а именно в СССР. Более 180 лет назад великий русский мыслитель, религиозный философ, прообраз многих героев классической русской литературы и друг А.С. Пушкина Пётр Чаадаев опубликовал своё первое знаменитое философское письмо. В нём были такие строки: «Удивительное дело! Даже в области той науки, которая всё охватывает, наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает. Если бы орды варваров, потрясших мир, не прошли прежде нашествия на Запад по нашей стране, мы едва были бы главой для всемирной истории. Чтобы заставить себя за-

метить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх, приобщая нас к своему славному назначению, провёл нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещённым странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и гибельные заблуждения, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека. В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас ещё живём для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдалённым потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробы в интеллектуальном порядке. Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна наша непостижимая судьба. Но есть здесь ещё, без сомнения, и доля человеческого участия, как во всём, что происходит в нравственном мире. Спросим снова историю: именно она объясняет народы»²⁷¹.

Как хорошо известно тем, кто нашёл время и труд обратиться к историческим источникам, за это и последующие письма один из самых светлых умов своего времени был объявлен сумасшедшим и посажен под домашний арест. Однако, как провидел ещё один великий русский мыслитель М.Е. Салтыков-Щедрин: «В России нет ничего невозможного». Практика позднего СССР последних 25 лет его существования и новой России доказала, что П.Я. Чаадаев был ещё большим оптимистом: у него ещё была надежда. Однако недаром одна из известных советских детских писательниц и сценарист Лия Геранькина опубликовала в 1965 г. детскую повесть с пророческим названием «В стране невыученных уроков», которая в последующем была издана тиражом более миллиона экземпляров и превратилась в сценарий одного из самых популярных советских мультфильмов.

Поздний СССР и Россия как будто нарочно решили стать иллюстрацией несправедливости общечеловеческой житейской мудрости: «Что бы в жизни не делалось, всё делается к лучшему». Наша история убедительно свидетельствует, что страна прожила последние 50 лет под девизом: «Что бы ни делалось, всё делается к худшему».

Чтобы не быть обвинёнными в пасквиле на замечательную действительность и голословных утверждениях, давайте беспристрастно, отбросив необходимость угождать текущей политической конъюнктуре, рассмотрим ключевые события 1967–1972 гг., в результате которых советские лидеры по сути сделали всё, чтобы разрушить собственную страну, а заодно и спровоцировали приближение системного кризиса мировой хозяйственной, социальной и политической системы.

Среди множества событий пяти роковых лет для нашей страны есть смысл выделить ключевые, важные для темы повествования. Ключевыми из этих событий стали назначение на пост председателя КБГ Ю.В. Андропова, разгром группировки «комсомольцев» и изгнание со всех властных постов А.Н. Шелепина и его соратников, скручивание в «бараний рог» косыгинской реформы, нетривиальное завершение «лунной гонки» и малообъяснимое приостановление энергетической про-

²⁷¹ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. М.: Наука, 1991. С.330.

граммы Советского Союза в области альтернативной физики. При всей своей разнородности эти события, как мы увидим в дальнейшем, тесно связаны между собой и имеют общую причину.

18 мая 1967 г. Ю.В. Андропов в значительной мере неожиданно для себя был назначен председателем КГБ СССР. «Назначение в КГБ было для Андропова сюрпризом, — утверждал тогдашний брежневский помощник по международным делам Александр Михайлович Александров-Агентов. После разговора о новой должности Андропов вышел из кабинета Леонида Ильича совершенно ошарашенный.

Александров-Агентов, находившийся в приёмной генерального секретаря, спросил:

— Ну что, Юрий Владимирович, поздравить вас? Или как?

— Не знаю, — обречённо ответил он. — Знаю только, что меня ещё раз переехало колесо истории»²⁷².

Без сомнения, Ю.В. Андропов является одним из наиболее неоднозначных, в каком-то смысле загадочных деятелей позднего Советского Союза. В последние годы стараниями целого ряда историков и публицистов он превращён в архитектора перестройки и автора плана развала СССР. Основанием для подобных выводов являются, как правило, две группы обстоятельств. Первая связана с именами М.С. Горбачёва, Э.А. Шеварднадзе и в какой-то степени А.Н. Яковлева, которые, согласно общепринятой точке зрения, были выдвинутыми именно Ю.В. Андропова. Наиболее последовательно этой точки зрения придерживаются серьёзный российский историк, славящийся умением работать с документами А. Островский,²⁷³ и публицист-компилятор А. Шевякин²⁷⁴. В своё время и в своём месте мы остановимся на отнюдь не простых отношениях Ю.В. Андропова с М.С. Горбачёвым и Э.А. Шеварднадзе.

Гораздо большее влияние на представление Андропова как предтечи перестройки и либеральных преобразований в стране имеют мемуары советников, работавших у него в ЦК КПСС. Поскольку эти воспоминания соответствуют реалиям, ибо значительная часть из них широко рассказывалась авторами своим знакомым ещё в конце 1970–1980-х годов, есть смысл привести наиболее характерные выдержки. Однако перед этим необходимо коротко прокомментировать историю возникновения группы советников Ю.В. Андропова.

2 января 1964 г. секретариат ЦК принял решение создать в составе отдела ЦК КПСС по работе с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран группу консультантов. Ю.В. Андропову был дан карт-бланш на самостоятельный подбор консультантов, что само по себе по тем временам было большой редкостью. В течение трёх месяцев в отдел были приняты такие известные в последующем люди как политолог Фёдор Бурлацкий, ставшие впоследствии академиками Георгий Арбатов и Олег Богомолов, будущий помощник Горбачёва Георгий Шахназаров, будущий наиболее известный международный обозреватель советского телевидения и первый посол СССР в Израиле Александр Бовин и другие. Вот их отзывы.

²⁷² Млечин Л. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2013. Цит. по <https://7lafa.com/book.php?id=85077&page=27>

²⁷³ Островский А. Кто поставил Горбачёва? М.: Эксмо, 2013.

²⁷⁴ Шевякин А. КГБ против СССР. 17 мгновений измены. М.: Яуза, 2011.

«С Андроповым было интересно работать, — вспоминал Александр Бовин. — Он умел и любил думать. Любил фехтовать аргументами. Его не смущали неожиданные, нетрафаретные ходы мысли»²⁷⁵.

«В нём была какая-то притягательная сила», — вспоминал главный редактор «Правды» Виктор Григорьевич Афанасьев. Ему запомнились строгий, цепкий, изумительный и завораживающий взгляд тёмных глаз со светлыми искорками, шикарные волосы.

«Юрий Владимирович, конечно, сильно отличался от коллег по секретариату ЦК — жёстких и малограмотных партийных секретарей, которые привыкли брать нахрапистостью и глоткой. Андропову, по мнению Арбатова, общение со своими консультантами помогало пополнять знания, притом не только академические. Это общение было и источником информации о повседневной жизни, неортодоксальных оценок и мнений»²⁷⁶.

«Я был приглашён консультантом в отдел Ю.В. Андропова в мае 1964 года, — писал в своих воспоминаниях Георгий Арбатов. — Могу сказать, что собранная им группа консультантов была одним из самых выдающихся “оазисов” творческой мысли того времени... Очень существенным было то, что такую группу собрал вокруг себя секретарь ЦК КПСС. Он действительно испытывал в ней потребность, постоянно и много работал с консультантами. И работал, не только давая поручения. В сложных ситуациях (а их было много), да и вообще на завершающем этапе работы все “задействованные” в ней собирались у Андропова в кабинете, снимали пиджаки, он брал ручку — и начиналось коллективное творчество, часто очень интересное для участников и, как правило, плодотворное для дела. По ходу работы разгорались дискуссии, они нередко перебрасывались на другие, посторонние, но также всегда важные темы. Словом, если говорить академическим языком, работа превращалась в увлекательный теоретический и политический семинар. Очень интересный для нас, консультантов, и, я уверен, для Андропова, иначе он от такого метода работы просто отказался бы. И не только интересный, но и полезный... Андропов был умным, неординарным человеком, с которым было интересно работать. Он не имел систематического формального образования, но очень много читал, знал и в смысле эрудиции был, конечно, выше своих коллег по руководству. Кроме того, он был талантлив. И не только в политике. Например, Юрий Владимирович легко и, на мой непросвещённый взгляд, хорошо писал стихи, был музыкален, неплохо пел, играл на фортепьяно и гитаре. В ходе общения с консультантами он пополнял свои знания, и не только академические. Такая работа и общение служили для Андропова дополнительным источником информации, неортодоксальных оценок и мнений, то есть как раз того, чего нашим руководителям больше всего и недоставало. Он всё это в полной мере получал, тем более что с самого начала установил (и время от времени повторял) правило: “В этой комнате разговор начистоту, абсолютно открытый, никто своих мнений не скрывает. Другое дело... когда выходишь за дверь, тогда уж води себя по общепризнанным правилам”»²⁷⁷.

²⁷⁵ Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. http://www.telenir.net/istorija/yurii_andropov_poslednjaja_nadezhda_rezhima/p6.php

²⁷⁶ Млечин Л. Ук. соч. Цит. по <http://indbooks.in/mirror3.ru/?p=218219>

²⁷⁷ Арбатов Г. Человек Системы. М.: Варгиус, 2003. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=236598&p=9>

«Я очень быстро убедился, — свидетельствует Фёдор Бурлацкий, — что, какой бы ты ни принёс текст, он всё равно будет переписывать его с начала и до конца собственной рукой, пропуская каждое слово через себя. Всё, что ему требовалось, — это добротный первичный материал, содержащий набор всех необходимых компонентов, как смысловых, так и словесных. После этого Андропов вызывал несколько человек к себе в кабинет, сажал нас за удлинённый стол, снимал пиджак, садился сам на председательское место и брал стило в руки. Он читал документ вслух, пробуя на зуб каждое слово, приглашая каждого из нас участвовать в редактировании, а точнее, в переписывании текста. Делалось это коллективно и довольно хаотично, как на аукционе. Каждый мог предложить своё слово, новую фразу или мысль. Ю.В. принимал или отвергал предложенное... Он любил интеллектуальную политическую работу. Ему просто нравилось участвовать самолично в писании речей и руководить процессом созревания политической мысли и слова. Кроме того, это были очень весёлые застолья, хотя подавали там только традиционный чай с сушками или бутербродами. “Аристократы духа” (так называл нас Ю.В.) к концу вечерних бдений часто отвлекались на посторонние сюжеты: перебрасывались шутками, стихотворными эпиграммами, рисовали карикатуры. Ю.В. разрешал всё это, но только до определённого предела. Когда это мешало ему, он обычно восклицал: “Работай сюда!” — и показывал на текст, переписываемый его большими, округлыми и отчётливыми буквами»²⁷⁸.

«Тогда ещё продолжалась инерция XX съезда, — писал Бовин, — и Юрий Владимирович собирал вокруг себя сведущих людей.

Во время первой беседы с Андроповым произошёл один любопытный эпизод. Тогда наши отношения с китайцами только начинали портиться. И полемика шла в завуалированной форме. Например, в “Коммунисте” появилась серия редакционных статей с рассуждениями, является ли вторая половина XX века эпохой революций и бурь или эпохой мирного сосуществования, возможен мирный переход к социализму или невозможен.

Андропов спрашивает:

- Вы читали статьи?
- Конечно.
- Как вы их находите?

А поскольку я никак их не “находил”, то стал говорить об отсутствии логики, слабой аргументации и рыхлой композиции этих публикаций. Мой товарищ, сидевший рядом, наступил мне на ногу. И я умолк.

Оказывается, я устроил разнос переложённым для журнала речам Суслова, Пономарёва и самого Андропова. Тем не менее, на работу в ЦК меня взяли, и проработал я там девять лет...»²⁷⁹.

Вне зависимости от, мягко говоря, неоднозначной роли, которую сыграли межуаристы в истории нашей страны, нельзя не отметить, что в общем и целом их оценки интеллектуального уровня, способности воспринимать чужое мнение и из-

²⁷⁸ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущёве, Андропове и не только о них. М.: Политиздат, 1990. Цит. по https://www.e-reading.club/chapter.php/51211/5/Semantov_-_Andropov._7_taiin_genseka_s_Lubyanki.html

²⁷⁹ Бовин А.Е. Ук. соч. Цит. по https://dom-knig.com/read_184691-9

влекать пользу для себя из неортодоксальных точек зрения совпадают с мнением большинства работников КГБ, которых судьба сталкивала с высшим начальством в 1970–1980-е годы.

Касаясь оценок подчинённых Ю.В. Андропова, важно отметить нюанс, либо сознательно скрываемый, либо игнорируемый в нынешней мемуарной литературе. Даже в конце 1970-х годов внутреннее отношение многих сотрудников КГБ СССР к своему первому руководителю было далеко неоднозначно. С одной стороны, он сделал чрезвычайно много для Комитета и его работников в материально-бытовом плане. Во времена позднего СССР это особо ценилось. С другой стороны, наиболее информированные и внимательные сотрудники не могли не видеть явного фаворитизма, который оказывался Ю.В. Андроповым Первому главному управлению (ПГУ) и вновь образованному Пятому управлению. Они не могли также не замечать, что, несмотря на неуклонное возрастание численности работников Комитета и его полномочий, деятельность организации становилась всё более рутинной и менее эффективной. Возникало ощущение, что реальное дело подменяется имитацией. В последующем беспристрастный анализ позволил установить, что на 1970–1980-е годы пришлось резкое снижение результативности как внешних, так и внутренних операций, сопровождающееся к тому же случаями массового предательства, особенно среди работников ПГУ. Да и потом, судя по конечному результату, несмотря на все дифирамбы и оправдательные мемуары, всегда следует помнить, что в 1991 г. СССР прекратил своё существование, а соответственно, КГБ СССР справился со своей работой на «двойку».

Однако в конце 1970-х – начале 1980-х годов Ю.В. Андропов производил на своих работников, включая автора, неизгладимое впечатление. Одни отмечали некий гипнотический взор и умение подчинить собеседника своей воле, другие же, к числу которых относится автор, выделяли уникальную память, умение как губка впитывать и сопоставлять информацию и работать с людьми независимо от их званий и положения в иерархии Комитета. Безусловно, Ю.В. Андропов относился к числу наиболее умных, информированных и деятельных работников в высшем советском руководстве. До сих пор идут споры о том, много ли он читал книг, как часто он ходил в театр или в кино и т.п. Применительно к политической и разведывательной деятельности это второстепенные вопросы. Многие выдающиеся лидеры читали минимум текстовых материалов и обладали при этом уникальной эрудицией и умением работать с данными. Располагая практически неограниченным кругом подчинённых и помощников, они использовали последних как своего рода обработчиков, концентраторов и интерпретаторов информации. Иными словами, первые руководители такого типа, а к ним, безусловно, принадлежал и Ю.В. Андропов, выстраивали своего рода пищевую цепь по поглощению информации, на вершине которой находились они сами.

Что же касается часто ставимых в вину Ю.В. Андропову последующих карьер помощников, ставших в 1980-е годы «прорабами перестройки», то нельзя не обратить внимание на одно ускользающее от внимания аналитиков обстоятельство. Как правило, последующие карьеры этих людей были связаны не только с Ю.В. Андроповым, но в основном, как это ни удивительно и парадоксально звучит, с М.А. Сусловым. В своё время по крайней мере два человека высказывали автору мнение о

том, что группа консультантов была создана Андроповым именно в таком составе, в котором она функционировала вплоть до его ухода в КГБ СССР, частично по собственной инициативе, но главным образом по рекомендации всё того же М.А. Суслова для аппаратного противодействия А.Н. Косыгину. Данное мнение было высказано Евгением Петровичем Питоврановым, одним из самых осведомлённых людей в КГБ СССР, и выдающимся советским хозяйственником, знавшим все нюансы партийных карьер советских вождей с 1950-х по 1980-е годы Николаем Семёновичем Патоличевым.

Либерализм и прозападная ориентация практически всей группы советников Андропова — это, если так можно выразиться, самая маленькая загадка. Гораздо более странным представляется несоответствие неуверенности и нестойкости перед лицом вышестоящего начальства Ю.В. Андропова с безжалостными и безошибочными действиями в отношении всё того же высшего начальства Ю.В. Андропова в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Об этих действиях и их подоплёке будет подробно рассказано позже. Пока же развеем сомнения относительно реально существовавшей внутренней неуверенности Ю.В. Андропова.

Едва ли не самым адекватным, критически мыслящим среди советников высшего советского руководства был Георгий Шахназаров. Он оставил весьма откровенные и одновременно взвешенные и объективные мемуары, выдержки из которых приводятся ниже.

«Вот как состоялось наше знакомство, — писал Г. Шахназаров. — Когда меня пригласили в большой светлый кабинет с окнами на Старую площадь, Юрий Владимирович вышел из-за стола, поздоровался и предложил сесть лицом к лицу в кресла. Его большие голубые глаза светились дружелюбием. В крупной, чуть полноватой фигуре ощущалась своеобразная “медвежья” элегантность... Он расспросил меня о работе журнала “Проблемы мира и социализма”, поинтересовался семейными обстоятельствами, проявил заботу об устройстве быта и одобрительно отозвался о последней моей статье. Затем переменял тему, заговорил о том, что происходит у нас в искусстве, проявив неплохое знание предмета.

— Знаешь, — сказал Андропов (у него, как и у Горбачёва, была манера почти сразу же переходить со всеми на “ты”), — я стараюсь просматривать “Октябрь”, “Знамя”, другие журналы, но всё же главную пищу для ума нахожу в “Новом мире”, он мне близок.

Поскольку наши вкусы совпали, мы с энтузиазмом продолжали развивать эту тему, обсуждая последние журнальные публикации... Мы живо беседовали, пока нас не прервал грозный телефонный звонок. Я говорю грозный, потому что он исходил из большого белого аппарата с гербом, который соединял секретаря ЦК непосредственно с “небесной канцелярией”, то есть с Н.С. Хрущёвым. И я стал свидетелем поразительного перевоплощения, какое, скажу честно, почти не доводилось наблюдать на сцене. Буквально на моих глазах этот живой, яркий, интересный человек преобразился в солдата, готового выполнять любой приказ командира. В голосе появились нотки покорности и послушания. Впрочем, подобные метаморфозы мне пришлось наблюдать позднее много раз. В Андропове непостижимым образом уживались два разных человека — русский интеллигент в нормальном значении этого понятия и чиновник, видящий жизненное предназначе-

ние в служении партии. Я подчёркиваю: не делу коммунизма, не отвлечённым понятиям о благе народа, страны, государства, а именно партии как организации самодостаточной, не требующей для своего оправдания каких-то иных, более возвышенных целей»²⁸⁰.

Воспоминания Г. Шахназарова не были преувеличением. Например, лечащий врач В.С. Черномырдина, трагически погибший Д. Нечаев, рассказывал автору, что в конце 1966 – начале 1967 г. Ю.В. Андропова чуть не отправили на инвалидность вследствие тяжёлого сердечно-сосудистого заболевания. Это заболевание обострилось осенью 1966 г. Его причина не была секретом для кремлёвских врачей. А. Кириленко, один из ближайших личных друзей и соратников Л.И. Брежнева, отличавшийся крайним хамством и спесивостью, опоздал из-за ряда непредвиденных обстоятельств на встречу с кем-то из руководителей Чехословакии. Поскольку в качестве секретаря ЦК за Чехословакию в те времена отвечал Ю.В. Андропов, то А. Кириленко прямо на лётном поле устроил ему разнос. Этого хватило, чтобы у Ю.В. Андропова от переживаний резко ухудшилось состояние сердечно-сосудистой системы и он на несколько месяцев слёг. Стоял даже вопрос о его отправке на пенсию по инвалидности. Однако вызванный в качестве эксперта А. Чазов убедил, что дела обстоят не так плохо. В результате Андропов вскоре стал руководителем КГБ, а А. Чазов — руководителем четвёртого управления Минздрава СССР.

О стремлении Ю.В. Андропова и во время работы в ЦК и в первые годы в КГБ неукоснительно и полностью следовать любым указаниям сначала Н.С. Хрущёва, а потом Л.И. Брежнева, а также склонности к перестраховкам рассказывал в своих мемуарах Г. Арбатов²⁸¹.

Несложно заметить, что свидетельства мемуаристов с трудом укладываются в образ железного, непреклонного руководителя КГБ, который сумел осуществить многоходовую интригу в условиях чрезвычайной неустойчивости, имевшей место в советском руководстве того времени, и стать в итоге генеральным секретарём ЦК КПСС.

Чтобы разгадать эту загадку, необходимо пристальнее приглядеться к карьере Ю.В. Андропова. Она началась в ноябре 1936 г., когда 22-летний Андропов стал комсоргом ЦК ВЛКСМ на Рыбинской судовой верфи им. Володарского. С 1940 по 1951 г. он занимал различные комсомольские, а затем партийные должности в Карелии, где попал под покровительство одного из самых необычных партийных руководителей того времени Отто Куусинена. В 1951 г. по протекции Куусинена Ю.В. Андропова переводят инспектором в ЦК, а в 1953 г. повышают до должности начальника подотдела. Удивительный характер последнего назначения состояла в том, что назначение Ю.В. Андропов получил, а штатной единицы начальника подотдела для него предусмотрено не было. И он несколько месяцев являлся, пожалуй, единственным работником ЦК КПСС, который получал зарплату, но не имел конкретного рабочего места и определённого участка деятельности.

²⁸⁰ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. М.: Россия, Зевс, 1993. С. 22–23.

²⁸¹ Арбатов Г. Ук. соч.

Здесь настал момент временно прервать жизнеописание Ю.В. Андропова и установить, что не по слухам, а по документам либо заслуживающим доверия свидетельствам известно о его покровителе О. Куусинене. Согласно архивам Коминтерна, О. Куусинен входил в число основателей организации и на протяжении десятилетий был участником руководящих органов Коминтерна, включая так называемые «узкие» комиссии, ведавшие коминтерновской разведкой и безопасностью, а также имел прямое отношение к кассе Коминтерна.

Кроме того, Куусинен стал инициатором создания учебных центров Коминтерна, из которых вышли не только руководители зарубежных компартий периода 1930–1970-х годов, но и многие выдающиеся разведчики. Вот как описывает это направление деятельности его жена Айно Куусинен: «Ленин верил, что со временем в странах, где создаётся революционная ситуация, способные руководители сами собой выдвинутся из народа. Но Куусинен в конце 1924 года пришёл к выводу, что надежды эти не соответствуют действительности: способных коммунистов надо приглашать в Советский Союз, обучать руководству партией и посылать их потом обратно в свою или другую страну. Это было главное, что Куусинен понял в результате неудавшихся революций в Финляндии, Венгрии, Германии, Польше и Болгарии. Он считал, что хорошие руководители не могут появиться как по волшебству на пустом месте, их надо готовить в СССР из лучших людей, которых можно найти за границей! Не думаю, что один только Куусинен придерживался этого вполне верного взгляда. Незаметно, но очень настойчиво он добивался поддержки советского руководства»²⁸².

О. Куусинен стал едва ли не единственным членом первоначального руководства Коминтерна, который не только не был расстрелян или заключён в лагерь, но и занимал ответственные посты перед, во время и после Великой Отечественной войны. Более того, незадолго до своей смерти, в 1952 г. И.В. Сталин сделал О. Куусинена секретарём ЦК. Некоторые публицисты типа Л. Млечина ничтоже сумняшеся полагают, что И.В. Сталин случайно вспомнил про старого коммуниста и включил его в состав ЦК, что называется «для заполнения вакуума». Однако уже приведённые сведения, а также те, о которых будет рассказано далее, позволяют говорить о том, что это было вполне продуманное назначение. Более того, Н.С. Хрущёв, в отличие от многих других вновь назначенных секретарей и членов ЦК, не только не вывел Куусинена из состава высшего партийного органа, но и поручил ему возглавить работу над подготовкой новой программы партии совместно с М.А. Сусловым. На посту секретаря ЦК Куусинен пребывал до самой смерти в 1964 г.

В какой-то мере политическое долгожительство Куусинена объясняется его абсолютной отстранённостью и безразличием к судьбам не только товарищей, но и близких родственников. Практически все члены его семьи, за исключением одной из дочерей, вовремя покинувшей СССР, оказались в лагерях, а некоторые из них там погибли. Однако следует отметить, что в этом плане Куусинен отнюдь не был исключением. Достаточно вспомнить В. Молотова, Л. Кагановича и других. Так что

²⁸² Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания. 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. Цит. по <https://7lafa.com/book.php?id=296252&page=13>

указанное обстоятельство было лишь необходимым, но отнюдь не достаточным для политического и человеческого выживания.

Свой ответ на вопрос о политическом долголетии Куусинена дала его жена Айно, сама долгие годы проработавшая в Коминтерне, затем — в советской военной разведке под непосредственным руководством Яна Берзина в качестве руководителя сети Р. Зорге и дважды просидевшая длительные сроки в советских лагерях. Любопытно, что как среди врагов, так и друзей, как среди близких знакомых, так и недоброжелателей Айно Куусинен была известна как женщина, которая не врёт. Вот её характеристика мужа: «Скромность? Нет. Он был крайне честолюбив, ревниво следил, как осуществляются его планы. Но после, когда дело было сделано, он легко позволял другим присваивать себе славу. В глубине души Отто был самоуверен до циничности, он никогда бы не склонился ни перед кем. Он был непоколебим в своей уверенности, что в мире нет человека способнее его, особенно низко ценил данные Сталина. Но умел так ловко изложить Сталину свои предложения, что тот принимал мысли Отто за свои собственные.

Возможно, успех Отто объясняется и тем, что его как иностранца многие вещи в России не трогали, и он давал это понять. Он безразлично относился к строительству коммунизма в России, к вопросам экономики и политики: трагедия коллективизации, террор, аресты невинных — всё прошло мимо него. Он немного очнулся, лишь когда чистки затронули Коминтерн.

На официальных приёмах и торжествах он почти не бывал, ордена не надевал. Стремление к популярности среди народа, выступления — всё это было ему чуждо. Мудрая осторожность, сильное чувство самосохранения были его главными качествами.

Он был всегда нужен тем, кому принадлежала власть, точно знал, как надо обращаться с новым господином. Поэтому он и выжил в годы террора.

Однажды Куусинен хвалился мне, что за свою жизнь “менял шкуру, как змея, семь раз”.

Он был как бы окутан тайной. С годами качество это усиливалось: в любой компании он казался посторонним. Во многих соратниках он вызывал страх, хотя часто казался робким, был даже скромн.

Как странно, что этот человек, сыгравший такую роль в политике огромной страны, был иностранцем, чужаком. Его ведь, в сущности, мало интересовал Советский Союз. Строя свои тайные планы, он не думал о благе России. И даже не мечтал о победе коммунизма. Нет, этот чужак имел лишь одну цель: пройти победным маршем по земле своей Родины»²⁸³.

В качестве заметок на полях оставим два соображения. Г. Шахназаров отмечает, что главное в Ю.В. Андропове — это преданность не народу или идеям коммунизма, а партии. Практически дословно, только намного раньше, те же слова пишет А. Куусинен о своём муже. Вторая заметка связана с практически одинаковыми характеристиками Ю.В. Андропова и О. Куусинена соответственно В. Бурлацким и Г. Арбатовым, с одной стороны, и А. Куусинен — с другой. Все они говорили о том, что Андропов и Куусинен были, прежде всего, политиками, а уж потом госу-

²⁸³ Куусинен А. Ук. соч. Цит. по <https://www.rulit.me/books/gospod-nizvergaet-svoih-angelov-vospomaniya-1919-1965-read-252075-94.html>

дарственными деятелями, коммунистами и т.п. Политик, как известно, это человек, которого больше всего волнует власть как таковая.

Теперь пришло время поговорить о странностях биографии Куусинена. Согласно воспоминаниям А. Куусинен, он в совершенстве знал шведский, немецкий и французский. Английского языка в списке языков, которыми владел Куусинен, не было. В архивах Коминтерна также имеются документы, написанные рукой Куусинена на шведском и немецком языках. Однако первая странность состоит в том, что Куусинен входил в состав Американской комиссии Коминтерна и тесно взаимодействовал с Б. Рейнштейном. Во время пребывания в России нескольких миссий Красного Креста, в состав которого входили представители американских и английских банков, крупных промышленных компаний и разведслужб, эту комиссию сопровождал Борис Рейнштейн, а О. Куусинен в 1920-е годы неоднократно встречался с ключевыми лицами этой комиссии. В предыдущих частях работы подробно описывался визит известного фабианца и знаменитого драматурга Б. Шоу, который он нанёс в СССР в сопровождении знаменитой леди Н. Астор. Согласно документам, О. Куусинен, по крайней мере, в Москве и Ленинграде опять же сопровождал Б. Шоу и леди Астор, являвшуюся хозяйкой знаменитого салона, вокруг которого сформировался Кливлендский круг²⁸⁴.

Однако и это ещё не все странности. Можно было предположить, что А. Куусинен была арестована в ходе разгрома советской оперативной и стратегической разведки, который был осуществлён в 1937 г. Также можно было предположить, что её арест связан с делом Яна Берзина и созданной им Мобилизационной сети коммерческих предприятий. Однако, как выяснилось с первых дней ареста, от Айно постоянно требовали показаний на мужа, с которым она к тому времени уже долгое время фактически не жила. Её принуждали подписать письменные показания, что О. Куусинен — английский шпион, а главное — рассказать о малейших деталях, которые ей известны. Характерно, что вплоть до отправки на этап её дело вели высокопоставленные сотрудники НКВД, которые постоянно подчёркивали, что И.В. Сталин в курсе происходящих событий.

Следует отметить, что никаких показаний против мужа от Айно получить не удалось, ни о каких деталях она не рассказала. Самым интригующим в этой истории является следующий факт. В 1930–1950-е годы в подавляющем большинстве случаев, а точнее во всех случаях, когда на то было указание, для объявления кого-либо шпионом, заговорщиком или даже людоедом не требовалось никаких дополнительных показаний. Достаточно было принятия решения о политической целесообразности ареста той или иной фигуры. В этом контексте длительные допросы А. Куусинен скорее можно понять в контексте выяснения у неё степени осведомлённости о тех или иных делах мужа. Иными словами, требовались не доказательства виновности, а выяснялась степень информированности. А информировать, строго говоря, было о чём.

В своих воспоминаниях Айно Куусинен пишет следующие, казалось бы, весьма нейтральные для непосвящённого читателя строки: «Я ещё в Хельсинки слышала, что Хелла Вуолийоки была связана с тайными спецслужбами Англии. В Мо-

²⁸⁴ Masters A. Nancy Astor, a biography. N.Y.: McGraw-Hill; 1981.

скве, помню, она рассказывала, что Трилиссер, начальник советской разведслужбы по странам Скандинавии, часто у неё бывал, что была у них условленная встреча и в Берлине. Ещё помню, как Хелла пришла к Отто с британским офицером и звонила от нас Трилиссеру, чтобы договориться о встрече. Понемногу мне стало ясно, что обвинение было выдвинуто против Отто отчасти из-за его дружбы с Хеллой и Трилиссером. Но на допросах я не позволяла себе об этом думать, чтобы нечаянно не проговориться. Я никогда не упоминала и о дружбе Отто с сестрой Хеллы — Салме Пеккала. Я уже говорила, что в 1920 году в Хельсинки познакомилась с сёстрами и что Салме собиралась тогда в Лондон с секретным заданием. Три года спустя Отто сказал, что виделся с Салме, ей удалось завязать в Лондоне важные контакты: «Она там справляется хорошо». Позже Салме развелась с Пеккала и вышла замуж за британского коммуниста Р. Палма Датта, которого я встречала в Коминтерне.

В конце 20-х годов, точнее не помню, когда я однажды вернулась с работы, Отто принимал у себя в кабинете незнакомую женщину. Она говорила по-английски, переводил библиотекарь Коминтерна Аллан Валлениус (Отто английского не знал). Когда гости ушли, Отто сказал, что англичанку зовут Мэри Петерс (Родес Муурхаус), это подруга Салме. Салме хотела поженить Мэри и Эйно Пеккала, и позднее они действительно поженились. Об англичанке Отто говорил уклончиво, зачем она приходила, я так и не узнала.

Эти встречи с Хеллой Вуолийоки, Салме Пеккала и Мэри Петерс в горячем воображении людей из НКВД превратились в шпионскую деятельность Отто в пользу Англии. Я, конечно, ни секунды не сомневалась, что Отто действовал только на благо Коминтерна и советского правительства.

Но потом я вспомнила эту женщину. Как-то раз в 1920 году я шла по улице Булеварди в Хельсинки и встретила Хеллу Вуолийоки с изысканно одетой брюнеткой, видимо, иностранкой. Позже, в Москве, я заговорила с Отто об этой встрече, и он рассказал, что примерно в то же время познакомился с этой иностранкой, он тогда несколько дней скрывался в Хельсинки у Вуолийоки. Звали ту женщину София Штерн, её послал с секретным заданием в Хельсинки генерал Деникин, откуда стало ГПУ известно о встрече Отто и Штерн — тайна, в которую мне так и не удалось проникнуть. И эта незначительная подробность была извлечена из архивов ГПУ в 1950 году, спустя тридцать лет!»²⁸⁵.

Практически все приведённые выше факты в отношении Х. Вуолийоки и её круга подтверждены, задокументированы и развиты в книге внука Х. Вуолийоки, известного финского политического деятеля, недавно переведённой на русский язык²⁸⁶. Что является наиболее важным в контексте нашей темы? Х. Вуолийоки действительно тесно взаимодействовала с британской разведкой. Две её подруги вышли замуж за британцев, один из которых занимал видный пост в МИ-6, а другой был известным деятелем Фабианского движения. Мэри Петерс, которая упомянута в мемуарах А. Куусинен, это первая жена знаменитого Якова Петерса и дочь крупного британского банкира Фримена, одного из спонсоров частной разведывательной сети Дарси.

²⁸⁵ Куусинен А. Ук. соч. Цит. по <https://unotices.com/book.php?id=296252&page=38>

²⁸⁶ Туомия Э. Лёгкий розовый оттенок: Хелла Вуолийоки и её сестра Салме Пеккала на службе у революции. М.: Весь Мир, 2014.

Более того, она не просто приехала в Советский Союз, как это описывает Айно, но и привезла с собой дочь, которая несколько лет воспитывалась у Петерса и училась в СССР. После этого она вернулась в Великобританию, закончила Кембридж и вновь приехала в Советский Союз в качестве сотрудницы британского посольства, предположительно связанной с британской резидентурой. Так же, как и дочь Александра Кинга, после успешной работы в Москве она сделала блестящую карьеру в Foreign Office.

В заключение хотелось бы отослать читателей к тем частям работы, где речь шла о Кембриджской пятёрке. Там со ссылками на источники достаточно подробно описан кажущийся сегодня удивительным факт, что для кадровиков британской разведки кануна и после Второй мировой войны, участие того или иного человека в деятельности Коминтерна, включая его военные и разведывательные структуры, не просто не являлось противопоказанием для зачисления в штат британской разведки, но рассматривалось как дополнительный плюс.

Кстати, в ряду подобных фактов лежит и проведение II, IV и V съездов РСДРП именно в Лондоне. Интересно, что II съезд, на котором собственно и родилась партия большевиков, первоначально проходил в Брюсселе и финансировался еврейскими предпринимателями по просьбе «Бунда». Однако на съезде произошёл раскол. Была отвергнута позиция бундовцев относительно эксклюзивного представительства ими в РСДРП еврейских угнетённых масс. В результате «Бунд» вышел из состава РСДРП, а съезд был вынужден искать другое место для своего продолжения. Хорошо известно, что руку помощи протянули фабианцы через контролируемые ими профсоюзы, и съезд переехал в Лондон. Ключевую роль в решении проблемы сыграл знакомый О. Куусинена, известный предприниматель шведского происхождения родом из Финляндии, ведущий дела в Сити, — Ф. Эдвардсон. Финансирование V съезда РСДРП всё в том же Лондоне обеспечил за счёт средств известного британского предпринимателя Д. Фелса большой друг В. Ленина и Л. Красина, длительный период времени работавший вместе с О. Куусиненом, Федор Аронович Ротштейн.

Приведённые свидетельства ни в коей мере не направлены на подведение читателя к мысли относительно того, что руководство большевиков вообще и О. Куусинен в частности были агентами британской разведки. Конечно же, нет. Точно так же, впрочем, как и не были советскими разведчиками в строгом, формальном смысле этого слова родственник королевы Елизаветы II Э. Блант и В. Ротшильд. Речь идёт совершенно об ином. Исходно значительная часть руководства РСДРП, а также руководящих лиц Коминтерна была включена в наднациональные элитные сети, ориентированные на Сити и международный финансовый капитал. Выгода участников этого соглашения была понятна. Она имела множество слоёв и оттенков. В качестве примера достаточно привести лишь один. Коминтерн с первых дней своего основания активнейшим образом действовал в профсоюзах. Его представители старались вывести профсоюзы из-под влияния социал-демократов и радикализировать их. Казалось бы, в чем может быть выгода радикализации профсоюзов для финансового капитала? Однако ответ весьма прост. Финансовый и промышленный капитал постоянно пребывали в состоянии диалектического противоречия. Строго говоря, финансисты всегда стремились к господству над промышленниками. Забастовка, как писали в своё время, — эффективное средство борьбы пролета-

риата за свои права, была не менее эффективным инструментом обеспечения превосходства финансистов над промышленниками. Дело в том, что любая забастовка вела к убыткам для промышленников, снижению капитализации индустриальных компаний, нарушала нормальный производственный процесс и вела к нехватке оборотных средств. Соответственно, промышленники оказывались в гораздо более уязвимом положении перед финансистами, которые выступали его кредиторами, выделяя средства как на пополнение оборотных средств, так и на капитальные затраты. Поэтому хорошо, а главное, своевременно и на нужном заводе организованные забастовки позволили в XX в. совершить сотни успешных поглощений, осуществить переход собственности промышленников в руки финансистов.

Поэтому О. Куусинен ни в коей мере не был шпионом, агентом и даже представителем «пятой колонны». Он, несомненно, представлял собой участника одной из сильнейших наднациональных сетей, опирающихся на финансовый капитал, и в этом качестве в немалой степени представлял его интересы в Москве. В связи с этим может возникнуть ещё один вопрос. В последние годы силами так называемых патриотических историков широко внедряется идея о радикальном национал-большевизме И.В. Сталина и его борьбе с мировым финансовым капиталом. Это огромная, ещё ждущая своих исследователей тема, далеко выходящая за рамки данного текста. Поэтому сколь-нибудь подробно и даже схематично на ней останавливаться не будем. Вместо этого приведём лишь один яркий пример, заставляющий задуматься о многозначности истории и неоднозначности фигуры И.В. Сталина.

Например, на сегодняшний день никто не смог удовлетворительно ответить на вопрос, в чьих интересах действовал И.В. Сталин и его группа, когда целенаправленно в течение достаточно длительного времени делали всё возможное для прихода к власти А. Гитлера. Не надо обладать глубоким знанием истории, достаточно простого здравого смысла, чтобы понять: многолетние усилия И.В. Сталина по расколу, а, в конце концов, и натравливанию друг на друга германских социал-демократов и коммунистов в конце 1920-х – начале 1930-х годов были выгодны только одной силе в Германии — нацистской партии. Характерно, что те же троцкисты, бухаринцы, представители других групп Коминтерна категорически выступали за союз социал-демократов и коммунистов и лишь по личному указанию И.В. Сталина Коминтерн принял лозунг относительно фашистского характера социал-демократии и отношения к ней как к врагу номер один коммунистов Германии в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

Более того, этим дело не ограничилось. По инициативе И.В. Сталина был фактически доведён до банкротства высокотехнологичный авиационный концерн «Юнкерс», который по просьбе активного сторонника советско-немецких военных связей фон Секта создал авиационный завод в Москве в Филях, где ныне базируется корпорация «Энергия». Хорошо известно, когда завод был построен, по личному указанию И.В. Сталина «Юнкерсу» отказались выплачивать деньги, и в результате концерн попал в чрезвычайно тяжёлую финансовую ситуацию. Виновником такого положения в глазах немецких промышленников оказался упомянутый фон Сект. Соответственно, были не только заметно ослаблены позиции промышленников в Германии, но и внесён решающий раскол в ряды правой оппозиции Гитлеру, которая объединяла старых генералов Рейхсвера и промышленников. В результате бан-

киры типа упомянутого ранее фон Шредера получили исторический шанс для продвижения А. Гитлера и его партии к власти.

Такие примеры, в том числе в отношении политики И.В. Сталина, можно множить и множить. Однако не это является предметом нашего рассмотрения. Поэтому, продемонстрировав включённость многих ключевых фигур советского руководства в наднациональные элиты, вернёмся к карьере Ю.В. Андропова.

3

Итак, весной 1953 г. Ю.В. Андропов пребывал в подвешенном состоянии, имея должность, но не имея участка работы. Однако после кончины И. Сталина весной 1953 г. он неожиданно был переведён на работу в Министерство иностранных дел. Сам по себе этот перевод является большой загадкой, поскольку известно, что Андропов был включён в короткий список работников ЦК, переводимых в МИД вновь назначенным министром иностранных дел и одновременно первым заместителем председателя Совета Министров СССР Вячеславом Молотовым²⁸⁷. Загадка кроется в фигуре Молотова. Он ни по роду деятельности, ни по характеру, ни по кругу политических единомышленников никогда не был близок к О. Куусинену. Поэтому в данном случае старший товарищ ничего не мог сделать для своего выдвиженца. Также Молотов нигде близко не пересекался с Ю.В. Андроповым. В связи этим все биографы Андропова вне зависимости от того, являются ли они его симпатизантами, либо, напротив, ограничиваются лишь несколькими строчками, упоминаящими о данном переводе.

Однако, принимая во внимание значение этого перевода, интересно выяснить, как смог состояться столь неожиданный переход из ЦК в МИД никому не известного инспектора по личному указанию не просто министра, а едва ли не самого известного на тот момент в СССР человека, который долгие десятилетия в стране воспринимался как преемник Сталина. Насколько известно автору, нигде объяснения этому удивительному событию дано не было. Тем более интересно мнение известного израильского политического деятеля, в прошлом лидера Бейтар, одного из координаторов и кураторов системы израильских разведслужб, многолетнего директора государственной национальной лотереи страны Гедона Гедота. В ходе беседы с ним в 1990-е годы автор услышал весьма интересную версию данного события. Г. Гедот упомянул, что знаменитый премьер-министр Израиля Голда Меир несколько раз говорила ему, что она занималась назначениями на руководящие посты не только в Израиле, но и в СССР. Когда Гедот спросил, что имеется в виду, Меир ответила, что речь идёт о шутке, но с подтекстом. О подтексте она рассказала подробно.

Меир, как известно, родилась в Российской империи, и её подругой детства была Перл Карповская, известная в последующем как Полина Семёновна Жемчужная, нарком советского правительства, единственная и любимая жена Вячеслава Молотова. В 1947 г. встреча Жемчужной и Меир стала одной из главных причин, приведших жену Молотова в тюрьму, где она и пребывала с января 1949 г. по март

²⁸⁷ Млечин Л. Ук. соч.

1953 г. И.В. Сталину доложили, что во время встречи со своей школьной подругой Жемчужная сказала: «Я — не просто советский человек, я — еврейская дочь и буду помогать Израилю, как смогу». Строго говоря, в данном высказывании не было на тот момент ничего антисоветского и непатриотичного, поскольку решающую роль в образовании в 1947 г. Израиля сыграли отнюдь не Соединённые Штаты и не Великобритания, последовательно противившаяся образованию независимого еврейского государства, а именно Советский Союз. Но так или иначе, Жемчужная оказалась в тюрьме, а Молотов — в опале. После выхода из тюрьмы Жемчужная, по свидетельству современников всегда отличавшаяся нестигаемой волей, недюжинным интеллектом и гипнотическим влиянием на своего мужа, поставила перед собой задачу в силу имеющихся возможностей и ресурсов как-то поддержать крайне малочисленных людей, близких ей по крови, оставшихся в партийном и государственном аппарате СССР. В связи этим она, как явствует из слов Г. Меир в передаче Г. Гедота, и попросила мужа забрать к себе Ю.В. Андропова и внимательно отнестись к вопросам его дальнейшей карьеры. Для совета имелись и вполне прагматические основания, поскольку Ю.В. Андропов на общем сером уровне работников ЦК того времени отличался своим интеллектом, деловитостью и скрупулёзным отношением к порученным заданиям.

Деятельности Ю.В. Андропова на посту посла в Венгрии во время событий 1956 г. посвящено множество работ. Поэтому нет смысла останавливаться на данной теме подробно. Отметим лишь, что анализ партийных документов того времени показывает, что вряд ли эту деятельность можно оценить как однозначно успешную. Известно, что в ходе венгерских событий Ю.В. Андропова даже собирались отозвать в Москву, заменив другой фигурой. Однако в целом по результатам событий Ю.В. Андропов получил умеренные благодарности, которые, впрочем, не открывали ему каких-то особых перспектив. Тем не менее, события в Венгрии решающим образом повлияли на мировоззрение Ю.В. Андропова. Возможно, ключевой для понимания Ю.В. Андропова является его фраза: «Вы не представляете себе, что это такое, когда улицы и площади заполняются толпами, вышедшими из-под контроля и готовыми крушить всё, что попало, — сказал он дипломату Олегу Александровичу Трояновскому. — Я всё это испытал и не хочу, чтобы такое произошло в нашей стране».

Тем более удивительным стало назначение Ю.В. Андропова в марте 1957 г. начальником вновь образованного отдела коммунистических и рабочих партий социалистических стран ЦК КПСС. Так же, как и в случае перевода в МИД, данное назначение лежит в плоскости труднообъяснимых загадок. Официальные биографы Андропова ограничиваются ссылкой на рекомендацию А. Громыко, а неофициальные — туманными намеками на О. Куусинена. В связи этим уместно будет отметить следующее. А.А. Громыко в марте 1957 г. не обладал никаким аппаратным весом и, соответственно, не мог выступить рекомендателем для назначения на столь ответственный пост как начальник отдела ЦК КПСС. Любому непредубеждённому историку КПСС или специалисту по советской истории того времени это представляется настолько ясным, что не требует каких-либо дополнительных комментариев.

С Куусиненом дело обстоит несколько сложнее. Безусловно, как человек наиболее опытный среди тогдашних советских руководителей в вопросах взаимоотноше-

ний в международном коммунистическом движении, он мог сказать своё слово. Однако данное слово не могло, исходя из конкретного расклада сил в тогдашнем руководстве, стать значимым, а тем более решающим. Чтобы продвинуть своего протеже, он должен был порекомендовать кандидатуру Ю.В. Андропова кому-то, кто в силу своих прямых обязанностей и распределения функций в высшем партийном руководстве и был уполномочен принимать подобного рода решения. Таким человеком был Михаил Андреевич Суслов. В 1950-е годы и в дальнейшем именно он был своего рода верховным куратором всех вопросов, связанных не только с идеологией, но и с мировым коммунистическим движением. Более того, с 1947 г. он был назначен И.В. Сталиным держателем международной коммунистической кассы и лично распределял финансовые потоки по всему миру, как в виде прямой передачи наличных денег, так и регулирования движения денежных средств через систему совзагранбанков.

Теперь возникает вопрос, а каковы были взаимоотношения О. Куусинена и М.А. Суслова? Они были самыми тесными, насчитывавшими к 1960-м годам более чем 30-летнюю историю. Именно О. Куусинен привлёк М.А. Суслова к работе в Коминтерне, а конкретно — в учебных заведениях Коминтерна по подготовке будущих руководителей коммунистических партий и нелегалов. Далее О. Куусинен был своего рода старшим товарищем и советником М.А. Суслова по вопросам взаимоотношений в международном коммунистическом движении и частично в сфере идеологии. Так что вполне понятно, что именно М. Суслов выдвинул, вероятно, с подачи О. Куусинена, Ю.В. Андропова на пост начальника отдела коммунистических и рабочих партий социалистических стран ЦК КПСС.

Как это ни удивительно, нет ни одной монографической либо биографической книги, посвящённой Михаилу Андреевичу Суслову. Всем известно, что Михаил Андреевич был аскетом, ортодоксом, переводил значительную часть своей зарплаты в детские дома и совершенно не разделял увлечений партийных вождей того времени охотой, рыбалкой, застольями и т.п. Гораздо менее известно, что в отношениях с наиболее могущественными партийными лидерами своего времени Леонидом Ильичом Брежневым и Юрием Владимировичем Андроповым он занимал позицию старшего. Например, Ю.М. Чурбанов, зять Брежнева, вспоминал, что «Суслов был хитрейшим и изворотливейшим политиком. Значительная часть его действий вообще была известна только узкому кругу высших руководителей ЦК КПСС. Он хотя и не был “сталинским наркомом”, как, скажем, Косыгин, всё равно был близок к Сталину, а потом стал незаменимым и для Хрущёва, и для “дорогого Леонида Ильича”». «Тесть его очень уважал, — вспоминал зять Брежнева, — и даже немного побаивался. Даже называл его по имени-отчеству, а Михаил Андреевич его просто Леонид»²⁸⁸.

Евгений Чазов, который знал практически всё об отношениях внутри Политбюро, в своих воспоминаниях описывал, что М.А. Суслов без стеснения менял решения Л.И. Брежнева. А в ответ на возражения других членов Политбюро или начальников отделов ЦК говорил, что он обо всём договорится²⁸⁹. При этом практически не было ни одного случая, когда бы этого не случилось.

²⁸⁸ Богомолов А. Человек в калошах. <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3060>

²⁸⁹ Чазов Е.И. Как уходили вожди: Записки главного врача Кремля. М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

Опасался М. Суслова и Ю.В. Андропов. А.Н. Яковлев в свои воспоминания включил такой характерный пассаж: «Благодаря Суслову, удалось остаться на высочайшем дипломатическом посту: “Когда из Канады в мою бытность послом выдворили советских шпионов, Андропов вынес вопрос обо мне на Политбюро. Встал и начал говорить о том, что громкое выдворение произошло по моей вине, из-за моих слабых контактов с канадским руководством. И что нужно решать кадровый вопрос — отзывать меня”. Вдруг Суслов говорит: “Товарища Яковлева не КГБ назначал послом в Канаде”. Андропов посерел и сел. Брежнев усмехнулся и сказал: “Переходим к следующему вопросу”»²⁹⁰.

4

Вместо того, чтобы обсуждать доминирующую роль М. Суслова в брежневский период СССР, обратимся к книге Дж. Бэррона «Операция “Соло”. Агент ФБР в Кремле»²⁹¹. Она, как представляется, имеет прямое отношение к нашей теме. Книга была издана в Соединённых Штатах в 1997 г. и практически тут же переведена на русский язык. Она посвящена самой выдающейся, по оценке американцев, операции ФБР в XX в., связанной с именем Морриса Чайлдса и его брата. Документальный роман Бэррона, написанный на материалах бесед с отставными сотрудниками ФБР и архивов организации, выполнял, как сегодня всё более понятно, сразу две функции. Во-первых, он являлся детальным рассказом об успешной операции американской разведки против СССР. Во-вторых, роман представлял собой элемент операции прикрытия, осуществлённой для затушёвывания реальных событий XX в. и затруднения понимания их истинной природы. Бесспорно, операция «Соло» стала одной из ключевых разведывательных операций послевоенного мира. Об этом говорит хотя бы тот факт, что М. Чайлдс и его брат стали двумя из всего лишь 10 людей, удостоенных за всю историю существования США высшей награды, специально учреждённой для тех, кто занят в сфере национальной безопасности и разведки.

Книга Дж. Бэррона, безусловно, заслуживает внимательнейшего прочтения. Мы же ограничимся конспективным пересказом эпизодов, прямо относящихся к героям нашего повествования.

В возрасте 26 лет многообещающего Морриса Чайлдса направили на учёбу в Москву. Партия снабдила его фальшивым паспортом, 200 долларами, новым пальто и билетом на пароход «Ile de France». В январе 1929 г. Моррис прибыл в столицу мирового пролетариата под именем Гарри Саммерса, рабочего из Детройта. Стандартный курс обучения в школе Коминтерна продолжался два года. Особо одарённые студенты получали приглашение завершить образование как бы в аспирантуре. После проверки знаний Чайлдса зачислили сразу на второй курс.

Помимо теории классовой борьбы питомцы школы овладевали и её практикой — обучались приёмам саботажа, шпионажа и диверсий. Их учили стрелять из различных видов оружия, изменять внешность и устраивать конспиративные явки,

²⁹⁰ Яковлев А. Омут памяти. М.: Варгиус, 2001. Цит. по <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%AF/yakovlev-aleksandr-nikolaevich/omut-pamyati/6>

²⁹¹ Бэррон Дж. Операция «Соло». Агент ФБР в Кремле. М.: Терра-Книжный клуб, 1999.

взрывать поезда, шифровать донесения, скакать на лошади и орудовать саблями. Однажды Морриса вызвали в канцелярию школы. Неизвестный человек, знавший его настоящее имя, первым делом передал ему приветы от родителей и братьев, сказал, что рад был услышать о его успехах в учебе, а затем спросил: думал ли Моррис о том, что империалисты способны заслат в школу своих шпионов, дабы развернуть в её стенах троцкистскую пропаганду? Моррис сказал, что это возможно. А раз так, продолжал незнакомец, согласен ли Моррис помогать разоблачать этих врагов? Так Моррис Чайдс стал тайным осведомителем ОГПУ. Для удобства общения с лубянскими кураторами его сделали старостой класса — теперь регулярные визиты в административный корпус не вызывали подозрений.

У Чайдса установились прекрасные личные отношения с преподавателями, занимавшимися с ним индивидуально. На этих занятиях речь шла уже не о взрывном или шифровальном деле, а о внедрении своих людей в руководящие органы профсоюзов и других общественных организаций, искусстве заключения временных альянсов и мастерстве политических провокаций. В числе преподавателей были финский большевик и крупный теоретик Коминтерна Отто Куусинен и восходящая звезда партийной мысли Михаил Суслов. С последним у Чайдса установились особо доверительные отношения. Был случай, когда Суслов вдруг впал в немилость и остался без продовольственного пайка. Чайдс, невзирая на возможные последствия, взял учителя на довольствие: похищал для него еду из столовой. Опала продолжалась несколько недель. Однако Суслов помнил о помощи Чайдса всю жизнь и покровительствовал бывшему студенту. В предвоенные годы и во время войны связи между Коминтерном, а соответственно О. Куусиненом и М. Сусловым, с одной стороны, и М. Чайдсом — с другой, прервались.

Продолжение имело место летом 1945 г. Моррис Чайдс слёг с сердечным приступом, а когда пришёл в себя, его навещил один из вождей компартии США — Юджин Деннис, тоже коминтерновской школы. Он рассказал Моррису, что в партии сменилось руководство: «подлый фракционер» Браудер исключен, а генеральный секретарь теперь он, Деннис; вакантны важные посты, в том числе редактора газеты «Дейли уокер». Не согласится ли Моррис занять место? Чайдс возразил, что ничего не понимает в журналистике. Этот аргумент Деннис признал неосновательным. К тому же Москва настаивала. Чайдс приступил к работе.

В марте 1947 г. в Москве проходила сессия Совета министров союзных стран — консультативного органа, созданного для обсуждения текущих вопросов европейской политики. Деннис запросил у Москвы разрешение прислать корреспондента «Дейли уокер». Москва ответила согласием, уточнив, что этим корреспондентом должен быть Моррис Чайдс.

Между тем коллеги сторонились Чайдса, не признавая в нём профессионала. Говард Смит, которому выпало сидеть с ним за одним столом в ресторане отеля, держался вежливо, но не более того. Вместе с другими американскими журналистами Моррис был приглашён на приём к американскому послу генералу Уолтеру Бедделлу Смиуту. Заметив одиночество Чайдса, жена посла спросила его, почему он не веселится вместе со всеми. Чайдс признался, что он коммунист и потому никто не желает с ним зняться. «Я желаю», — ответила она и пригласила на танец. Представив затем Чайдса мужу, она добавила, что коллеги подвергли его

остракизму за то, что он коммунист. «Господин Чайлдс, — сказал на это Бедделл Смит, — вы гражданин Соединённых Штатов и потому желанный гость в посольстве в любое время». С этого момента в отношениях Чайлдса с другими журналистами произошла резкая перемена. Его приняли в компанию.

В книге начало работы Чайлдса на ФБР датируется 1951 г. А его прозрение связывается с замечательным патриотичным отношением посла в Москве У.Б. Смита к бедному коммунисту, а также с заботой ФБР о пошатнувшемся здоровье Чайлдса. Однако дошлые американские расследователи, занимаясь историей коммунистической партии США обнаружили в 2010 г., что первый раз в дорогостоящую клинику Чайлдс попал ещё в 1943 г. Причём, вполне очевидно, что личных денег, либо средств его брата ни в коей мере не могло хватить на дорогостоящее лечение. Более того, сегодня также установлено, что в 1946 г. ФБР начало дела по скрытой принадлежности к коммунистическому движению против нескольких людей, с кем постоянно контактировал Чайлдс, который собственно и был наиболее вероятным источником информации. Это наталкивает ряд исследователей на мнение, что Чайлдс начал свою работу с ФБР не в 1951 г., как это описано в книге, а гораздо раньше, как минимум в 1946 г., а возможно, что и до войны.

Наиболее активная работа Чайлдса с ФБР началась с 1954 г. С 1956 г. он практически непрерывно курсирует между Вашингтоном и Москвой, встречаясь там с М.А. Сусловым, который передаёт ему документы и денежные средства для компартии США. Далее события принимают детективный оборот. В 1956 г. Федеральный Суд с подачи ФБР принимает решение, что закон 1940 г. «Об измене США» неприменим к членам коммунистической партии США и соответственно они могут выйти из подполья и заняться политической деятельностью. В следующем 1957 г. проходит съезд компартии США, на котором М. Чайлдс назначается заместителем главы партии по связям с зарубежными компартиями и, прежде всего, с КПСС. Уникальность сюжета связана с тем, что человек, подпадающий под действие закона о национальной измене за семь лет до его отмены, в разгар маккартистской «охоты за ведьмами» в Москве встречается с послом Соединённых Штатов У.Б. Смитом и получает от него максимальную поддержку. При этом сам У.Б. Смит сразу же после возвращения из Москвы становится вторым после Алена Даллеса руководителем ЦРУ.

На этом приключения не заканчиваются. В 1959 г. по рекомендации М. Чайлдса Москва санкционирует смену руководства компартии США и во главе её становится старый товарищ О. Куусинена, также ученик М.А. Суслова Гэс Холл. На посту руководителя коммунистической партии США находился вплоть до распада СССР, т.е. более 30 лет. Любопытно, что в различного рода советских, а теперь российских изданиях указано, что он — американец шведского происхождения. Если же посмотреть официальные издания компартии США, а также различные американские справочники, то везде написано, что Гэс Холл является американским финном, родители которого жили в части Финляндии, где говорят на шведском языке. Т.е. Гэс Холл — это финский швед, переселившийся в юном возрасте в США. В связи с этим важно отметить, что в 1920–1930-е годы значительную часть рабочих-коммунистов в Соединённых Штатах составляли представители финского землячества. Более того, О. Куусинен специально направил в самом начале 1930-х годов свою жену Айно Куусинен в Соединённые Штаты для работы с аме-

риканскими коммунистами финского происхождения. Гэс Холл являлся одним из лидеров землячества и ещё в 1930-е годы постоянно взаимодействовал с О. Куусиненом и М. Суловым.

Немаловажно отметить, что после устранения Хрущёва М. Чайлдс не просто постоянно посещал Москву, но и фактически на постоянной основе консультировал советских руководителей, прежде всего Л. Брежнева, М. Суслова и Б. Пономарёва по вопросам внутриаполитической жизни США. Мало того, он неизменно включался М. Суловым в состав комиссий по подготовке съездов КПСС, входил в различного рода комиссии, избиравшиеся на этих съездах. Самым же забавным во всей этой истории является то, что ФБР юридически не имело права проводить операцию «Соло». Дело в том, что в законодательстве Соединённых Штатов записано, что ФБР и её агенты имеют право действовать исключительно на территории США, а, например, ЦРУ — исключительно за пределами США. Следовательно, в тот момент, когда М. Чайлдс стал поставлять не только внутреннюю информацию, связанную с деятельностью компартии США, но и превратился в неоценимый источник сведений относительно советской политики вообще и советского руководства, в частности, ФБР обязано было передать агента ЦРУ. Однако этого сделано не было. До последнего дня своей практической деятельности Чайлдс оставался своего рода личным агентом знаменитого Г. Гувера.

Завершая тему Чайлдса, остановимся на самых интересных в контексте нашего исследования эпизодах книги. В кратком изложении они выглядят следующим образом. В январе 1967 г. при очередной встрече в Москве Борис Пономарёв положил перед Чайлдсом стопку документов. Это были донесения ФБР, содержащие сведения о тайной деятельности Компартии США. «Как это могло случиться?» — спросил Пономарёв. «Не знаю, — честно ответил Моррис. — Вы можете сказать, откуда это у вас?» «Кто-то подбросил эти документы во двор нашего посольства в Вашингтоне», — объяснил Пономарёв. «Тогда это, возможно, провокация», — предположил Чайлдс. «Возможно, — согласился Пономарёв. — Но информация правдивая, не так ли?».

Как показалось Моррису, Пономарёв не столько подозревал его, сколько предостерегал. Узнав об инциденте, руководители операции «Соло» стали выяснять, в чём дело. Оказалось, вашингтонский отдел ФБР затеял операцию, целью которой было заставить резидентуру КГБ завербовать «подсадную утку»: после нескольких таких «вбросов» в посольство должен был явиться офицер американского военного флота и предложить советской разведке свои услуги в качестве шпиона. Документы решено было использовать подлинные. Те, что были впоследствии доставлены Пономарёву, показались вашингтонским контрразведчикам не слишком ценными — на них отсутствовала пометка об особой уязвимости источника. После этого случая всем сообщениям, исходившим от Чайлдса, присваивался гриф наивысшей секретности, а их циркуляция внутри ФБР была резко ограничена.

В апреле того же 1967 г. серьёзное испытание выдержал Моррис Чайлдс. Его вызвали в Москву для обсуждения оперативных вопросов. На Лубянке Морриса ждал новый куратор, Владимир Казаков. С места в карьер он осведомился: «После того как наш товарищ передаёт вам деньги, что вы с ними делаете?». Как ни удивительно, за все эти годы в Москве никто и никогда не спрашивал у американских

большевиков отчёта об израсходованных суммах. Моррис мгновенно осознал, что его допрашивают и что он совершенно не готов к такому обороту. Он ответил, что поступает с деньгами в соответствии с распоряжениями генерального секретаря товарища Гэса Холла — в основном передаёт их брату на хранение. И Моррис рассказал, где именно в доме Джека они прячут пачки долларов. Казаков, однако, не отставал: а почему товарищ Холл именно Джеку поручает хранить партийную кассу? Здесь Морриса выручила природная наглость и привычка к крепким выражениям. Пересыпая свою тираду ненормативной лексикой, Моррис объяснил чекисту: да потому, вашу мамашу, что товарищ Холл — осуждённый преступник, скрывшийся к едрене фене от правосудия и сидевший в грёбаной американской тюрьме, и как только ФБР или полиция, или налоговая служба найдёт в его доме или в его депозитном сейфе такую прорву наличных, он будет арестован, а у компартии США возникнут огромные проблемы.

Книга Бэррона была написана для наивных американцев, которые в своей массе мало чем интересуются и мало что понимают за пределами обыденной жизни и бизнеса. Никакое ФБР не вербовало офицера КГБ. В реальности события вероятнее всего развивались совершенно иным образом. Часть высшего американского истеблишмента, негативно относящаяся к Гуверу, а главное, к его вольным или невольным партнёрам в Москве, решила через соответствующие структуры уведомить своих советских партнёров об истинной роли Чайлдса, а соответственно и упреждающим образом вывести из игры его московских друзей — М.А. Суслова, Б.Н. Пономарёва и Ю.В. Андропова. В этих целях офицер военно-морского флота передал подлинные документы, однозначно компрометирующие Чайлдса.

План, без сомнения, удался, если бы не отсутствие знания о некоторых нюансах взаимодействия КПСС и КГБ в хрущёвский и послехрущёвский периоды. Если до 1954 г. все добытые документы из иностранных резидентур поступали напрямую в Москву, в разведку, то Н.С. Хрущёв принял решение, что, если документы имеют отношение к деятельности КПСС или братских коммунистических партий, то они должны быть направлены в первую очередь в ЦК КПСС и лишь в копиях, с определённой задержкой — в КГБ. Поэтому вместо председателя КГБ В. Семичастного документы оказались сначала у М.А. Суслова, ведающего идеологией и международными делами, а от него были спущены Б.Н. Пономарёву, руководителю соответствующего отдела. Пономарёв, естественно, продемонстрировал их М. Чайлдсу, чтобы предупредить его об опасности. Чайлдс прореагировал, сообщил своим руководителям в ФБР, и история бы окончательно канула в лету, если бы не бюрократические правила, связанные с обязательностью хранения всех донесений по линии разведки, прежде всего, в архивах самого КГБ.

Исходя из правил документооборота, можно предположить, что примерно в феврале – марте того же 1967 г. документы, бросающие тень на Чайлдса, а соответственно выставляющие в весьма странном свете М. Суслова всё-таки добрались до КГБ и попали на глаза его председателю Владимиру Ефимовичу Семичастному. Понятно, что тот, посоветовавшись со своим старшим товарищем А.Н. Шелепиным, дал команду на разработку Чайлдса. Поэтому в апреле 1967 г. Чайлдс был вызван для установочной беседы и допрошен. Видимо, по итогам допроса были получены весьма любопытные результаты. В перспективе они должны были лечь

в основу дела, которое полностью могло бы изменить политический расклад в советском руководстве. Однако в мае 1967 г. совершенно неожиданно В.Е. Семичастный был снят с поста руководителя КГБ. Куратор, ведший дело Чайлдса, переведён за границу. Дело было закрыто. А летом того же года был смещён со своего поста в ЦК и сам А.Н. Шелепин.

Как нетрудно заметить, не первый и не последний раз в работе Бэррона приводятся данные, свидетельствующие о тесных, непосредственных связях людей в высших эшелонах власти России и Запада. Поэтому уместно ещё раз подчеркнуть, что тривиальные, пригодные для употребления в публицистике и пропагандистской аналитике ярлыки «шпион», «заговорщик», представитель «пятой колонны» и т.п. в реальном сложном мире неприменимы. Ни Дэвид Рокфеллер, ни Виктор Ротшильд не были ни агентами СССР, ни агентами Коминтерна. Точно так же Отто Куусинен, Михаил Суслов или Юрий Андропов ни в коей мере не являлись представителями «пятой колонны» мирового империализма. Всё было гораздо проще и сложнее. Все они принадлежали к различным, конкурирующим паттернам наднациональных элит, которые десятки, если не сотни лет успешно внушают населению через прикормленных интеллектуалов мифы о геополитике, идеологическом противоборстве и вечной вражде культурных типов. Безусловно, во всём отмеченном есть доля правды. Однако она не только не исчерпывает необходимый минимум знаний для понимания реального мира, но и, напротив, в своей односторонности затрудняет распознавание реального рисунка мировых процессов.

Гораздо ближе к истине Э. Саттон, преуспевающий профессор лучших американских университетов, консультант спецслужб, в одночасье превратившийся в изгоя. В своей работе «Уолл-стрит и большевицкая революция» он написал: «План “Марбург”, финансируемый из обширного наследства Эндрю Карнеги, был подготовлен в начале XX века. Он свидетельствует о преднамеренности этого типа кажущейся шизофрении, которая на самом деле маскирует цельную программу приобретения власти: “Если бы Карнеги с его неограниченным богатством, международные финансисты и социалисты могли бы организовать движение, чтобы подчинить своей воле образование Лиги для принудительного установления мира”»²⁹².

«Правительства всех стран земли, по плану “Марбург”, должны быть социализированы, тогда как конечная власть будет оставаться в руках международных финансистов “для контроля за советами и принудительного установления мира, [и таким образом] создания специфического средства от всех политических болезней человечества”»²⁹³.

«Эта идея была связана с другими элементами, имеющими сходные цели. Лорд Милнер в Англии даёт трансатлантический пример банковских интересов, признающих достоинства и возможности марксизма. Милнер был банкиром, влиятельным в британской политике военного времени, и симпатизировал марксизму. Эта группа банкиров и торговцев акциями не была ни большевистской, ни коммунистической, ни социалистической, ни демократической, ни даже американской. Превыше всего эти люди желали рынков, то есть захваченных ими международных рын-

²⁹² Jennings C. Wise. Woodrow Wilson: Disciple of Revolution. New York: Paisley Press, 1938. P. 45.

²⁹³ Ibid. P. 46.

ков и своей монополии на мировом рынке как конечной цели. Они желали рынков, которые могли бы эксплуатировать монопольно, не боясь конкуренции со стороны русских, немцев или кого-то ещё, включая американских бизнесменов за пределами их избранного круга. Эта замкнутая группа была аполитичной и аморальной. В 1917 году она имела прямую цель — захватить русский рынок; и всё это представлялось под интеллектуальным прикрытием некоей лиги для установления мира»²⁹⁴.

В дополнение к фактам, приведённым Э. Саттоном, уместно будет несколько строк написать о Московском Народном Банке в Лондоне. Именно через этот банк в значительной степени осуществлялись безналичные расчёты из партийной кассы, которой долгие десятилетия ведали О. Куусинен, а затем М.А. Суслов. Согласно официальной информации, история Моснарбанка началась в 1911 г., когда он был зарегистрирован в Министерстве финансов Российской империи как центральный банк для кредитования кооперативов по решению I Всероссийского кооперативного съезда 1908 г. Первоначальная задача финансовой организации состояла в том, чтобы финансировать мелкие кредитные учреждения и кооперативные предприятия. Уставный капитал составил 1 млн. рублей.

К началу революционного 1917 г. собственные средства банка превысили 4 млн. рублей, оборот составлял более 1,2 млрд. рублей. При этом у кредитной организации было 12 филиалов, а корреспондентские пункты находились в каждой губернии. Представительства банка располагались в Лондоне и Нью-Йорке. После Октябрьской революции 1917 г. все банки были национализированы, но их зарубежные представительства сохранились.

В 1924 году после подписания англо-советского торгового соглашения МНБ был включён в советскую банковскую систему. Главным акционером банка стал Внешэкономбанк и советские внешнеторговые организации. Это определило уникальный статус банка. Первоначально банк обслуживал вывоз за границу золота, алмазов, драгоценностей и другого государственного имущества из РСФСР. Впоследствии он начал обслуживать внешнюю торговлю СССР. МНБ приобрёл пакеты акций рижского Транзит-банка, Свенска-банка, Дальневосточного банка в Харбине, «Коммерческого банка для Северной Европы» (Евробанка).

За 1924 г. баланс банка вырос в 2,5 раза и составил в конце года 2,4 млн. фунтов стерлингов, а акционерный капитал увеличился до 500 тысяч. В 1925 г. акционерный капитал удвоился и составил 1 млн. фунтов. Такой рост позволил МНБ открыть свои филиалы в Париже в 1925 г. и в Берлине 1928 г. В 1926 г. было учреждено агентство банка в Нью-Йорке. Для того чтобы узаконить деятельность банка в Великобритании, в 1919 г. по английскому праву был зарегистрирован Moscow Narodny Bank Ltd., который получил банковскую лицензию. Первоначальный уставный капитал составил 250 тыс. фунтов стерлингов.

В течение десятилетий МНБ осуществлял банковские операции, оказывая услуги советским и иностранным организациям на международном рынке. Его акционерами стали Госбанк СССР, Внешторгбанк СССР, ряд внешнеторговых объединений. К 1973 г. капитал и резервы банка превысили 11 млн. фунтов. Было открыто два филиала — в Бейруте и Сингапуре. Любопытно, что главными источни-

²⁹⁴ Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М.: Русская идея, 1998. Цит. по <http://www.rusidea.org/?a=450000>

ками синдицированных кредитов для банка были такие британские банки, как Барклайс, Королевский Банк Шотландии, знаменитый Берингс, а также американские банки — учредители банка Федеральной резервной системы Нью-Йорка.

Сити не только обеспечил беспрепятственную передачу активов Российского банка в Лондоне новым советским властям, но уже в 1919 г. предоставил ему расширенную лицензию на банковскую деятельность, включавшую операции с золотом и алмазами. Британцы также поспособствовали распространению на банк положений Торгового договора, подписанного 16 марта 1921 г. между Советской Россией и Великобританией. Согласно договору, Великобритания брала на себя обязательства ни при каких условиях и обстоятельствах не накладывать ареста и не вступать во владение золотом, капиталом, ценными бумагами, либо товарами, экспортируемыми из России, в случае если бы какая-либо британская или иная судебная инстанция отдала распоряжение о такого рода действиях. Данное положение относилось к активам, пассивам и всем операциям Моснарбанка на протяжении всей истории его существования в XX в.²⁹⁵ Иными словами, по факту Банк был выведен из-под юрисдикции британских и иных судебных органов. Ни один иной банк Сити не обладал такими привилегиями.

В заключение экскурса отметим, что никто из знаменитых деятелей коммунистической партии, связанных с Сити и Моснарбанком, не пострадал во время тотальных чисток 1930–1950-х годов. М. Литвинов, И. Майский, Ф. Ротштейн и др. благополучно пережили все перипетии борьбы с троцкистами, бухаринцами и прочими агентами империализма, продолжая заниматься столь нужными для партии делами. Даже Я. Петерс, который согласно официальным данным был расстрелян в 1938 г., по свидетельству его дочери, которая отличалась крайней осведомлённостью о перипетиях борьбы и сотрудничества советских и британских служб, и после своей мнимой смерти продолжал трудиться. Кстати, об этом же написал в своих воспоминаниях и друг семьи Филби, знаменитый британский разведчик Брюс Локкарт. Однако пора вернуться к Ю.В. Андропову и его отношениям с А.Н. Косыгиным.

²⁹⁵ Кротов Н. Московский народный банк. 100 лет истории. М.: Международные отношения, 2011.

Глава 9

Endgame по-коммунистически

1

В подавляющем большинстве книг, посвящённых Юрию Владимировичу Андропову, начиная от беспредельно апологетических и комплиментарных, типа воспоминаний В. Крючкова²⁹⁶ и работ Д. Хлобустова²⁹⁷ до осторожно критических С. Семанова²⁹⁸ и либерально-конъюнктурных В. Млечина²⁹⁹, отмечалось, что своим назначением на пост руководителя КГБ Ю.В. Андропов был стратегически обязан Леониду Ильичу Брежневу, а конъюнктурно — Евгению Чазову, спасшему его от пенсии. Любопытно, что, меняя в зависимости от года издания тональность своих книг — от акцентированной до приглушённой, как, например, Семанов, все авторы оставляли неизменной решающую роль Л.И. Брежнева. Однако не составляет большого труда понять, что при тогдашнем раскладе сил в Политбюро у Леонида Ильича Брежнева не было никаких шансов продвинуть собственную кандидатуру. Если бы такие шансы у генерального секретаря были, он бы постарался поставить во главе КГБ СССР своего давнего товарища Семёна Кузьмича Цвигуна. По биографии он вполне подходил на роль первого лица. Будучи кадровым работником госбезопасности, он возглавлял долгое время КГБ Таджикской, а затем Азербайджанской ССР. Бесспорно, ещё более подходящей для Леонида Ильича фигурой был его свояк — Георгий Карпович Цинёв. Однако в 1967 г. он занимал всего-навсего пост начальника третьего управления КГБ (военная контрразведка) и, соответственно, не мог прыгнуть выше головы. В отличие от Цинёва Цвигун по стандартам отдела административных органов ЦК КПСС вполне подходил для занятия должности руководителя Комитета, но в итоге им стал не ближайший сподвижник Леонида Ильича, а подчинённый и доверенное лицо Михаила Андреевича Суслова — Ю.В. Андропов.

Его кандидатура была абсолютно проходной по целому ряду обстоятельств. В первую очередь М.А. Суслов, как говорилось в предыдущих частях работы, был

²⁹⁶ Крючков В., Бобков Ф., Широнин В. Андропов. КГБ отвечает за всё. М.: Алгоритм, 2012.

²⁹⁷ Хлобустов О. Парадокс Андропова. «Был порядок!». М.: Яуза, Эксмо, 2014.

²⁹⁸ Семанов С. Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки. М.: Вече, 2001.

²⁹⁹ Млечин Л. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008.

реальным серым кардиналом, и его опасались и Л.И. Брежнев, и значительная часть других членов Политбюро. Плюс Юрий Владимирович Андропов имел откровенно плохие личные и деловые отношения и с А.Н. Косыгиным, и с А.Н. Шелепиным, что делало его привлекательным для тех членов Политбюро, которые либо входили в днепропетровскую группу, либо представляли выдвиженцев М.А. Суслова. К тому же Андропов полностью устраивал Л.И. Брежнева сразу по трём аспектам. Прежде всего он частично по поручениям Суслова, а частично по просьбам самого Брежнева в течение трёх лет постоянно оппонировал на заседаниях Политбюро А.Н. Косыгину. «Если Андропов считал себя профаном в экономике и не скрывал это, — вспоминал бывший помощник главы правительства Борис Бацанов, — то не совсем понятно, почему он на заседаниях Политбюро вступал в горячие споры с Косыгиным по вопросам готовившейся тогда экономической реформы. Возможно, он выполнял роль цеховского оппонента Косыгину, опираясь при этом на группу учёных-консультантов из аппарата ЦК. Испытывали, так сказать, на прочность косыгинские позиции»³⁰⁰. Наряду с этим Андропов зарекомендовал себя за время работы в ЦК КПСС и в Венгрии идеальным подчинённым, который строго выполняет указания руководства и не склонен к какой-либо самостоятельности. Л.И. Брежневу это было важно для того, чтобы, до конца не доверяя М.А. Суслову, назначить на ключевые должности первого и рядового заместителя председателя КГБ СССР своих личных друзей и выдвиженцев С.К. Цвигуна и Г.К. Цинёва. Наконец, Л.И. Брежневу было важно продемонстрировать полную лояльность М.А. Суслову, чтобы опереться на него в борьбе с «комсомольцами» во главе с Александром Николаевичем Шелепиным.

Таким образом, Михаил Андреевич Суслов, решая свою первоочередную, горящую задачу, сделал это с блеском, выбрав фигуру, которая по большому счёту устраивала всех. То, что смена председателя КГБ СССР носила чрезвычайный характер, можно судить по рассказу Николая Александровича Петровичева, который долгие годы проработал на руководящих постах в ЦК КПСС и с которым автор общался в пору его руководства Комитетом по профессионально-техническому образованию СССР. Петровичев вспоминал, что в отличие от принятого порядка документы по Андропову готовились не заранее, с соблюдением установленных процедур согласований и проверок, а задним числом, уже после того, как он занял кабинет руководителя на Лубянке. На памяти Петровичева это было первое и последнее нарушение такого рода при назначении на высшие государственные и партийные посты в Советском Союзе. Кстати, характерно, что снимали шероховатости и неизбежные вопросы, возникавшие в этой форс-мажорной ситуации, отнюдь не люди из секретариата генерального секретаря ЦК КПСС, как это должно было быть, а помощники и лично Михаил Андреевич Суслов.

Стремительное перемещение Андропова с поста руководителя отдела социалистических стран в аппарате ЦК КПСС на должность председателя КГБ СССР, проведённое М.А. Сусловым, несомненно, было связано с делом Морриса Чайлдса. Иначе полное временное соответствие, позволяющее поставить эти события в ряд причинно-следственной зависимости, просто необъяснимо. Так же, как и необъяс-

³⁰⁰ Млечин Л. Ук. соч. Цит. по http://www.telenir.net/istorija/yurii_andropov_poslednjaja_nadezhda_rezhima/p8.php

нимо закрытие дела Чайлдса в КГБ СССР после прихода Андропова, и перевод на другую работу человека, который допрашивал и разрабатывал долголетнего агента ФБР, заместителя руководителя коммунистической партии США и личного друга и советника М.А. Суслова Морриса Чайлдса.

Понятно, что выдвижение Ю.В. Андропова на данный пост М.А. Сусловым, реализованное через действия Л.И. Брежнева, было связано не только с его аппаратным искусством и командными навыками, а также умением беспрекословно исполнять поручения и держать дистанцию с начальством, но и с рядом других обстоятельств. М.А. Суслов был не только порождением позднего, сумеречного сталинского периода, но и наиболее способным учеником О. Куусинена. В связи с этим он продвигал не только воспитанника своего учителя, но и человека, про которого он знал всё, особенно уязвимые по тем временам факты его биографии. В частности, М.А. Суслов был отлично осведомлён о национальности Ю.В. Андропова, его негеройском поведении во время Великой Отечественной войны, роли в осуждении партийного руководства Карело-Финской республики и в Ленинградском деле, а также об уголовном прошлом его сына. С таким букетом в советские времена человек не мог претендовать не только на должность руководителя КГБ СССР, но даже первого секретаря крупного райкома или среднего горкома.

Занятие Андроповым поста председателя КГБ СССР вместо В.Е. Семичастного не сулило ничего хорошего А.Н. Косыгину. Тому было несколько причин. Вот как объясняет неприязнь между Андроповым и Косыгиным весьма любопытная и крайне специфическая фигура поздней советской истории, многолетнее альтер эго Ю.В. Андропова — В. Крючков. «Не следует думать, что в основе конфликта Косыгина с Андроповым лежали лишь политические разногласия. По наблюдениям многих товарищей, для их отношений была характерна и какая-то личная несовместимость. Не раз на это сетовал, кстати, и сам Андропов. Очередная стычка с Косыгиным действовала не него порой просто удручающе.

И всё же спор между ними имел явную политическую подоплёку — Андропов опасался, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размытию нашего социально-политического строя»³⁰¹.

К вопросу о различных взглядах на реформу вернёмся позднее. Пока же отметим, что для руководителей различного ранга КГБ СССР сам Ю.В. Андропов неявно выдвигал другую версию прохладного отношения к Косыгину. Вот что пишет в своих мемуарах один из руководителей советской внешней разведки Вадим Кирпиченко: «Да что там говорить о председателях, если система отбора была такова, что и на посты генеральных секретарей ЦК КПСС не находилось по-настоящему достойных кандидатов. Многие из них были вообще карикатурны, давали многочисленные поводы для насмешек и пищу для нескончаемых анекдотов... Выдающимся председателем, пожалуй, был лишь один Юрий Владимирович Андропов. Зная о недоброжелательном отношении Брежнева к Косыгину, Андропов, чтобы не обидеть генсека, держался подальше от Алексея Николаевича»³⁰².

³⁰¹ Зенькович Н. Михаил Горбачёв. Жизнь до Кремля. М.: Олма-Пресс: 2001. Цит по <https://biography.wikireading.ru/157020>

³⁰² Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М.: Гeya, 1998. Цит. по <http://www.x-libri.ru/elib/krpch000/00000098.htm>

Однако в реальности негативные взаимоотношения между А.Н. Косыгиным и Ю.В. Андроповым не связаны ни с реформой, ни с Леонидом Ильичом Брежневым. Они связаны со специфической ролью Андропова как фигуры, постоянно оппонирующей и по возможности контролирующей А.Н. Косыгина, наделённой такими функциями М.А. Сусловым. Причём, выполнять он их стал задолго до своего назначения председателем КГБ. Об этом, в частности, вспоминает Юрий Фирсов, многолетний помощник председателей Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, Н.А. Тихонова, Н.И. Рыжкова и В.С. Павлова: «Во всяком случае, примерно через неделю после Пленума, назначившего Косыгина председателем Совета Министров, он специально позвал меня и сказал, что к нам в Секретариат, наверное, придёт помощником О.А. Трояновский, который был помощником по МИДУ у Хрущёва.

– Сейчас его проверяют, нет ли у него каких-либо родственных связей с Хрущёвым. Если он придёт, Вам надо будет подумать, как Вы с ним разделите свои функции.

Мне показался несколько странным тон, с каким Алексей Николаевич сказал мне об этом. Можно было предположить, что предстоящий приход в Секретариат Трояновского был для него неожиданным. От самого Олега Александровича, когда он пришёл в секретариат и мы стали работать с ним в тесном сотрудничестве, занимаясь внешними делами — он политическими, а я экономическими, — я узнал, что у него были весьма дружеские отношения с А.А. Громыко и Ю.В. Андроповым (с последним они дружили семьями) и что он также дружит с двоюродным братом Леонида Ильича Брежнева, кинорежиссером Марком. Во всяком случае я этим удивлён не был и уже понимал, что Алексей Николаевич не мог позвать сам к себе в секретариат помощника Хрущёва... Более неожиданным для меня было то, что я услышал от помощника Генерального Секретаря ЦК Андрея Михайловича Александрова-Агентова. Прогуливаясь однажды со мной в Лейпциге и вспомнив об Олеге Александровиче, которого знал ещё по работе в МИДе, он, рассмеявшись и лукаво посмотрев на меня, сказал:

– А ведь Трояновский у вас в секретариате — троянский конь!

До этого мне никогда не приходилось общаться с Андреем Михайловичем, поэтому я тоже засмеялся и оставил его реплику без комментариев и вопросов»³⁰³.

Особый интерес этим воспоминаниям придают три обстоятельства. Прежде всего, А. Александров-Агентов был одним из лучших советских дипломатов, учеником А. Коллонтай, крайне осторожным человеком и одним из самых искушённых кремлёвских чиновников. Рассказывая о Трояновском как троянском коне, он никогда не имел в виду своего патрона, с которым проработал весь срок нахождения Л.И. Брежнева на посту генерального секретаря. Второе обстоятельство связано с тем, что во время кратковременного пребывания в МИДе, Ю.В. Андропов стажировался именно у А. Александрова-Агентова, который в своих воспоминаниях практически никак не обмолвился об этом эпизоде своей биографии. Также известно, что при назначении Андропова послом в Венгрию в личном деле не было характеристики, подписанной А. Александровым-Агентовым. Наконец, известно, что у А. Александрова-Агентова были ещё с послевоенных времён весьма напряжённые

³⁰³ Гвишиани А. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004. <https://ru-kosygin.livejournal.com/13412.html>

отношения с М.А. Сусловым, особенно когда он возглавил отдел внешних сношений ЦК КПСС.

Подытоживая, можно сделать однозначный вывод, что А. Александров-Агентов, без сомнения, с ведома своего руководителя Л.И. Брежнева постарался передать А.Н. Косыгину информацию о том, что в его ближайшем окружении действует своего рода внутривластный «крот», прямо связанный с Ю.В. Андроповым, который выполняет волю М.А. Суслова.

Следует отметить, что в первые же дни после занятия своего поста Ю.В. Андропов замкнул на себя ПГУ, т.е. внешнюю разведку, и создал Двенадцатый специальный отдел, опять же подчиняющийся только председателю. Во главе отдела он поставил своего секретаря Николая Александровича Плеханова. Двенадцатый отдел был создан для технических мероприятий, связанных с прослушкой телефонов, люстрацией корреспонденции, ведением скрытого наблюдения за особо важными персонами. Характерно, что ни Цинёв, ни Цвигун не могли без санкции Андропова получать материалы Двенадцатого отдела и обладали ограниченными возможностями доступа к дополнительной, прямо выходящей за пределы их кураторства информации из ПГУ. Всё было, по сути, замкнуто на Андропова и через него — на М.А. Суслова.

С первых дней своей работы Ю.В. Андропов не только начал кадровую чистку внутри центрального аппарата КГБ, удаляя «комсомольцев», связанных с А.Н. Шелепиным и В.Е. Семичастным, но и активно инфильтрировал сотрудников КГБ не только в аппараты посольств и торгпредств за рубежом, что было и раньше, но и во внешнеторговые объединения, банки и корпорации крупнейших газет. Ещё со времён Серова и особенно во времена Шелепина и Семичастного численность работников КГБ под крышей этих организаций уменьшилась в разы. Однако с конца 1960-х годов после принятия соответствующих закрытых решений, процесс пошёл в обратную сторону. Кстати, его результаты были двоякими. В некоторых, достаточно редких случаях такое прикрытие позволило осуществить целый ряд важных и эффективных операций внешней разведки. Однако положительные результаты перевешивались другим обстоятельством. Места во внешнеторговых объединениях, представительствах «Аэрофлота» и других транспортных компаний, корпорациях центральных и республиканских газет за рубежом, особенно в западных странах, привлекли в ПГУ в 1970–1980-е годы советскую «золотую молодёжь», в основном детей тогдашней, прежде всего, партийной элиты. В своём подавляющем большинстве они не снискали каких-либо лавров отечеству, а в лучшем случае просто тратили вожделенную иностранную валюту на столь ругаемом их родителями Западе. Дополнительно, как показывает тщательный анализ, именно такого рода молодая поросль КГБ во второй половине 1970-х – 1980-е годы просто в массовом порядке стала переходить на сторону противника, превращаясь в предателей Родины.

Вообще надо сказать, что, если почитать мемуарную литературу, изданную в постсоветский период бывшими работниками КГБ СССР, то они чрезвычайно высоко оценивают роль Ю.В. Андропова в руководстве советской разведкой. Бывший начальник ПГУ Леонид Шебаршин писал: «В разведке его ценили, и он высоко ценил разведку. Ю.В. обладал даром располагать к себе людей своей безыскусной, абсолютно естественной манерой общения. Коллега разговаривал с коллегой. Его

интерес к мнению собеседника был искренним, вопросы задавались по делу, по тем проблемам, которые именно в тот момент требовали выяснения. Андропов допускал возражения, не прочь был поспорить и охотно шутил»³⁰⁴. Бывший начальник нелегальной разведки КГБ Юрий Дроздов писал: «Андропов не был недостижимым. Он жил проблемами нелегальной разведки, думал вместе с нами о путях её развития. Многое, о чём он говорил, мы постарались претворить в жизнь. Он знал, сколь сложно и опасно ремесло разведки. В беседах он вовлекал в разговор всех участников встречи, журил отмалчивающихся, разрешал спорить и не соглашаться с ним. Андропов внимательно следил за ходом нелегальных операций, некоторые знал в деталях. Иногда ему не терпелось узнать что-то новое, но он останавливал себя, подчиняя свои желания условиям связи и строжайшей конспирации»³⁰⁵.

Однако представляется, что в данном случае мы имеем дело с субъективной интерпретацией объективных процессов. Если в годы руководства Шелепина и Семичастного аппарат КГБ СССР был сосредоточен действительно на разведке и контрразведке и в значительной мере сокращён, то с приходом Андропова началась невиданный процесс разбухания аппарата КГБ СССР. «При Брежневе и Андропове настал час отдохновения. На органы снизошла манна небесная в виде обилия новых генеральских должностей, назначений, кабинетов, заграничных командировок, штаб-квартир, резидентур, особых отделов в ведомстве маршала Гречко и проч. и проч. Совокупным показателем выдающихся материальных заслуг Андропова перед народом КГБ можно считать фантастическое увеличение при нём численности личного состава органов госбезопасности. По фигурирующим в печати данным, эта численность была доведена Андроповым при содействии Брежнева до 480 тыс. человек, а с учётом внештатных сотрудников и работающих по совместительству она превышала и, надо полагать, существенно 1 млн. чел.

Чтобы в полной мере оценить величие этого достижения “золотого века”, сравним его с двумя аналогичными характеристиками. В 1940 г. НКВД СССР имел в своих штатах чуть более 32 тыс. оперативных сотрудников. При этом НКВД был единственной спецслужбой в стране, занимаясь наряду с борьбой со шпионами и врагами народа также пожарной охраной и регулировкой уличного движения»³⁰⁶.

При этом количественное разбухание КГБ СССР, укрепление его материально-технической базы в конечном счёте превратили организацию из меча в руках партии и государства, коей её создавали Ф. Дзержинский, В. Менжинской, Я. Петерс и др., в своеобразного самодостаточного голема, который действовал в соответствии со своими собственными внутренними интересами. В конечном счёте, несмотря на отдельные успехи и выдающиеся операции, Ю.В. Андропов, тем более с учётом деятельности его ближайших учеников и доверенных лиц А. Чебрикова и В. Крюкова, стал одним из худших руководителей госбезопасности в XX веке. Как ни крути и как ни трактуй историю, КГБ СССР в решающей степени именно вследствие

³⁰⁴ Шебаршин Л. Реквием по Родине. М.: Алгоритм, 2013. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=236598&p=16>

³⁰⁵ Дроздов Ю. Записки начальника нелегальной разведки. М.: Олма-Пресс, 2000. Цит. по https://domknig.com/read_44243-55

³⁰⁶ Легостаев В. Как Горбачёв «прорвался во власть». М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. Цит. по <http://flibusta.is/b/317467/read>

деятельности его высшего руководства не выполнил возложенных на него задач и не смог обеспечить безопасность СССР. В связи с этим поток славословящей и меуарной литературы является не более чем психотерапевтической попыткой переписать набело историю и прикрыть собственные ошибки, неудачи, недоработки, а иногда и прямое предательство.

Однако в 1967 г. до печального итога существования СССР в человеческом времени, в отличие от исторического, оставался ещё немалый срок. Переподчинение Ю.В. Андроповым лично себе внешней разведки, расширение представительства Комитета в совзагранучреждениях и совзагранбанках имело, помимо прочего, несомненной целью резко ослабить возможности враждебных М.А. Суслову групп и, прежде всего, возможности А.Н. Косыгина.

Как правило, различного рода авторы считают, что резкое сокращение внешнеполитической активности Косыгина, который в первые годы после октябрьского пленума 1964 г. олицетворял СССР за рубежом, связано, прежде всего, с завистью Л.И. Брежнева и стремлением последнего к выполнению внешнеполитических функций. Однако подобная точка зрения лишь в ограниченной степени является верной, особенно для конца 1960-х – начала 1970-х годов. При всех своих недостатках, которые в той или иной степени свойственны любому человеку, Леонид Ильич Брежнев отличался здравомыслием, объективной оценкой себя и отсутствием конфликтности. Собственно, эти качества сыграли едва ли не определяющую роль в том, что именно он стал компромиссным вариантом и в итоге занял пост генерального секретаря ЦК КПСС. Стремление к различного рода парадным мероприятиям, наградным побрякушкам, представительству во всём и везде, стало свойственно Л.И. Брежневу с середины 1970-х годов, когда он постепенно и понемногу был подсажен Е. Чазовым, а через него, возможно, и Ю. Андроповым и М. Сусловым, на различного рода психотропные препараты.

В конце 1960-х годов резкое сокращение реального внешнеполитического веса А.Н. Косыгина было связано с деятельностью тандема А.А. Громыко и Ю.В. Андропова. Громыко стремился выйти из тени Косыгина и получить карт-бланш на ведение публичной внешней политики. А это было возможно только путём манипулирования Л.И. Брежневым через М.А. Суслова, которого последний не просто уважал, но даже побаивался. В свою очередь задачей Ю.В. Андропова было отключение возможностей для наиболее важной, непубличной дипломатии и разрыв сформировавшихся у А.Н. Косыгина межэлитных связей с различными группами на Западе.

Помимо уже упомянутой инфильтрации сотрудников КГБ в различного рода советские организации за рубежом М.А. Сусловым при поддержке и участии Ю.В. Андропова был осуществлён ряд сильных шагов, в значительной степени парализовавших деятельность А.Н. Косыгина. Прежде всего во второй половине 1967 г. в системе Академии наук СССР был создан Институт США и Канады. На институт официально были возложены не только исследовательские, но и разведывательные функции, а также негласно — установление контактов с различными группами американской элиты. Институт возглавил бывший консультант Ю.В. Андропова, близкий к М.А. Суслову Г. Арбатов. Также во второй половине 1967 г. были резко расширены функции и организованы своего рода закрытые подразделения в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), во

главе которого стоял Н. Иноземцев, который своей партийной карьерой был обязан М.А. Суслову. Так же, как Институт США и Канады, ИМЭМО лишь в относительно небольшой степени обслуживал потребности МИД СССР и МВС СССР, а в подавляющей части осуществлял работу для нужд ЦК КПСС и КГБ СССР.

Известно также, что ко второй половине 1967 г. в полной мере развернул свою работу Двенадцатый специальный отдел КГБ СССР, занимающийся сбором сведений при помощи технических средств. Имеется информация, что не позднее конца 1968 г. отделу удалось получить определённую информацию, связанную с Д. Гвишиани. Будучи сама по себе абсолютно нейтральной в идеологическом и деловом планах, она могла нарушить личные взаимоотношения между Д. Гвишиани и А.Н. Косыгиным. Несмотря на то, что непосредственно в отношении Д. Гвишиани КГБ СССР не мог осуществлять каких-либо мероприятий по отслеживанию телефонных звонков, переписки, мест посещений и т.п., такие мероприятия могли проводиться и проводились в отношении его знакомых, в том числе не связанных с ним по работе. Вероятно, именно этой информацией обусловлены загадочные строки в книге А. Андрианова о Косыгине, написанной при участии его внучки Татьяны: «Собираясь в больницу, Людмила Алексеевна позвала дочь и передала ей косыгинские рукописи, блокноты, документы:

– Забери, Танечка, это к себе.

Она знала, что её мужу не до этих бумаг, а у Татьяны во всём порядок. Дочь сохранил»³⁰⁷.

В результате уже с конца 1960-х годов Джермен Гвишиани стал работать над проектами Римского клуба и МИПСА под контролем первого руководителя КГБ СССР.

2

Однако назначение Андропова руководителем КГБ стало лишь первым из серии ударов по А.Н. Косыгину как ключевому субъекту наднациональных взаимодействий и договорённостей. Следующий удар был нанесен летом всё того же 1967 г. Он был связан с А.Н. Шелепиным, который, несомненно, был не только самым молодым, но и самым харизматичным, волевым и имеющим за плечами дружную команду членом тогдашнего Политбюро. К тому же в отличие от, прямо скажем, малообразованного, не интересующегося ни наукой, ни искусством Л.И. Брежнева и его днепропетровско-молдавской команды, А.Н. Шелепин получил по советским меркам лучшее из возможных образований, закончив знаменитый ИФЛИ.

Подавляющее большинство историков связывает устранение А.Н. Шелепина с известной завистливостью и мстительностью Л.И. Брежнева. Подобные оценки можно найти практически во всех книгах, посвящённых той эпохе. Безусловно, известная мстительность и ревность к чужим успехам у Л.И. Брежнева присутствовала. Однако по складу характера и особенностям биографии он не был мастером партийной интриги, не обладал негибкой волей и не был способен на борьбу

³⁰⁷ Андрианов В. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2004. Цит. по https://dom-knig.com/read_181366-66

бу «не на жизнь, а на смерть» со своими противниками. Мелькающие в различного рода воспоминаниях типа книг В. Гришина и т.п. мнения о том, что именно Л.И. Брежнев «свалил» Хрущёва, базируются на стремлении подогнать реальную историю под матрицы, уверенно внедряемые в общественное сознание.

Бесспорно, Л.И. Брежнев стремился устранить Шелепина как угрозу своей власти и потенциального руководителя очередного переворота. Однако для того, чтобы осуществить эту меру у него самого не хватало ни воли, ни опыта проведения такого рода операций. Хорошо известно, что в период подготовки к свержению Хрущёва в определённый момент, согласно воспоминаниям нескольких свидетелей, присутствовавших при этом, включая начальника охраны самого Леонида Ильича, он в течение часа рыдал и говорил, что боится за свою жизнь, если Н.С. Хрущёв всё прознает и накажет неудавшихся заговорщиков. Лишь с большим трудом В. Семичастному и А. Подгорному удалось успокоить Брежнева и уговорить его не идти к Хрущёву во всём признаваться.

В конкретной ситуации 1967 г. применительно к устранению Шелепина с поста ключевого секретаря ЦК Л.И. Брежнев был важнейшей фигурой, своего рода ферзем, которым играл другой «шахматист» — М.А. Суслов. Хорошо известно, что ещё в период руководства КГБ СССР В. Семичастным ряд работников Комитета по заданию М.А. Суслова установили наблюдение за людьми, окружающими членов команды Шелепина. Первоначально Суслов, а затем после своего назначения Андропов снабжали Л. Брежнева сведениями о том, что против него в ближайшие месяцы готовится заговор. По большей части это были смонтированные плёнки, использующие фрагменты тех или иных реальных разговоров, которые вели младшие члены команды относительно того, как было бы стране здорово, если бы любителя покрасоваться и повыступать Л.И. Брежнева сменил деловитый, умеющий увлечь за собой людей А. Шелепин. В руках опытных монтажёров досужие разговоры превращались в конкретные планы заговора.

Подробно об этих событиях автору рассказывал один из самых осведомлённых работников ЦК КПСС, проработавший там без малого три десятилетия, крайне интересный человек Леон Оников. Л. Оников знал буквально всё о внутрипартийных интригах, частично благодаря постам, которые он занимал в ЦК КПСС, а частично благодаря своим многочисленным друзьям. Их у него было много в самых разнообразных сферах, начиная от главного режиссера театра «Современник», а затем МХАТа Олега Ефремова и поэта Евгения Евтушенко до Е.М. Примакова. С последним они непрерывно дружили в течение почти 60 лет с третьего класса тбилисской школы. Кстати, любопытно, что именно Леон Оников первый разглядел ещё в Институте экономики угольной промышленности Г. Явлинского и стал его своеобразным Вергилием по властным коридорам хозяйственных и партийных инстанций.

Л. Оников подробно рассказывал, как М.А. Суслов сначала из тени организовывал заговор против Н.С. Хрущёва, используя для этого недалёкого Д. Полянского, имевшего в партийных кругах кличку «Остап Бендер», и склонного к решительным действиям В. Семичастного, проделавшего большую часть организационной работы. Л.И. Брежнев был выбран Сусловым на первую роль именно потому, что им, в отличие от А.Н. Косыгина и тем более А.Н. Шелепина, можно было манипулировать, держать его в страхе и, в конечном счёте, из тени управлять его поведением.

В связи с этим интересно мнение самого А.Н. Шелепина. В последние годы его работы в качестве заместителя председателя заштатного комитета по профессиональному образованию автор встречался и беседовал с ним. Понятно, что этот гордый, волевой и умный человек отнюдь не был склонен обсуждать тему своего прошлого. Однако в начале 1990-х годов, когда он стал пенсионером, в одной из бесед он сказал: «Мы проиграли не летом 1967 года Леониду Ильичу, а осенью 1964 года Михаилу Андреевичу». В 1989 г. была напечатана книга Алексея Аджубей «Те десять лет». В книге А. Аджубей следующим образом описывал инициаторов заговора против его свёкра: «Однако весной 1964 года (а может быть и ранее) именно Суслов стал вести конфиденциальные беседы с некоторыми членами Президиума и влиятельными членами ЦК об отстранении Хрущёва от руководства партией и страной. Главными союзниками Суслова были А.Н. Шелепин, не так давно назначенный председателем Комитета партийно-государственного контроля, и Н.Г. Игнатов, не избранный на XXII съезде в Президиум ЦК, но возглавивший Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Активную роль в подготовке октябрьского (1964 года) Пленума ЦК играл и председатель КГБ В.Е. Семичастный. Эти люди и оказались главными организаторами Пленума, принявшего решение об освобождении Хрущёва. Именно Суслов сделал на Пленуме доклад с перечислением всех прегрешений и ошибок Хрущёва. И с политической, и с теоретической точек зрения этот доклад — крайне убогий документ, начисто лишённый даже попытки как-то проанализировать сложившуюся ситуацию»³⁰⁸. В той же книжке Аджубей написал: «В 1967 г. Суслов настоял на смещении председателя КГБ Семичастного, близкого друга Шелепина... Председателем КГБ был назначен Ю.В. Андропов, который до этого работал под руководством Суслова, возглавляя один из международных отделов ЦК КПСС. Думается, что это назначение не случайно»³⁰⁹.

После отставки Хрущёва Суслов, крайне негативно относившийся к талантливому журналисту, умелому руководителю и к тому же близкому другу А.Н. Шелепина А. Аджубей, тут же убрал его с поста главного редактора «Известий» и отправил на незначительную должность в малопопулярный журнал «Советский Союз». Более того, вплоть до начала 1980-х годов через третьих лиц, как рассказывал Алексей Аджубей, Суслов передавал ему пожелания вместе с женой Радой Никитичной уехать поработать куда-нибудь в Восточную Сибирь. Надо сказать, что мелочная мстительность М.А. Суслова имела поистине гротескные черты. Даже в малотиражном, рассчитанном на за границу журнале «Советский Союз» А. Аджубей мог писать статьи под псевдонимом А. Радин. Аджубей вспоминал, что Н.С. Хрущёв уже на пенсии постоянно возвращался к теме своего свержения и не уставал повторять, что всё это сделал «Суслов — мелкая сталинская глιστα, а молодые горячие недалёкие дурачки — Саша и Володя, присоединились и помогли ему. А потом он и их съел».

Могли ли, объединившись, А.Н. Косыгин и А.Н. Шелепин противостоять Брежневу с Андроповым и стоящему за ними Суслову? Чисто теоретически, до снятия В. Семичастного с поста руководителя КГБ СССР, вероятно, могли. Одна-

³⁰⁸ Аджубей А. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989. Цит. по https://www.e-reading.club/chapter.php/136804/0/Adzhubeii_-_Te_desyat%27_let.html

³⁰⁹ Там же. Цит. по https://www.e-reading.club/chapter.php/136804/0/Adzhubeii_-_Te_desyat%27_let.html

ко, хотя история на самом деле признаёт сослагательное наклонение, в данном случае мы имеем дело со сферическим «конём в вакууме». А.Н. Косыгин по свойствам характера, особенностям биографии и во многом вследствие тяжелейшей душевной травмы, нанесённой ему «Ленинградским делом», был органически не приспособлен к участию в опасных операциях по захвату власти в качестве их инициатора. Семичастный, по его собственному мнению, изложенному в воспоминаниях³¹⁰, был тогда слишком неопытен, чтобы противостоять М.А. Суслову. Что же касается А.Н. Шелепина, то он, будучи человеком, способным сыграть роль лидера в противодействии Суслову и Брежневу, не смог увидеть тогда спасительных возможностей. Они состояли в том, чтобы, воспользовавшись материалами, полученными на Чайлдса, объединившись с Косыгиным, поставить Брежневу ультиматум в отношении М.А. Суслова. В том же случае, если бы Л.И. Брежнев не пошёл на выполнение подобного ультиматума, что было весьма вероятно, то возник бы повод для созыва внеочередного пленума. Такой пленум в ситуации, когда Шелепин в значительной степени контролировал партийный аппарат, Косыгин — хозяйственников, Семичастный — КГБ, а не слишком хорошо относившийся к Суслову А. Гречко — армию, с чрезвычайно высокой степенью вероятности завершился бы успехом. При этом сразу вставал бы вопрос о первом руководителе. Шелепин в силу молодости вряд ли был бы приемлем для большинства членов ЦК, а вот Косыгин, пользовавшийся особым авторитетом и у хозяйственников, и в партии, и в народе, мог бы стать идеальной кандидатурой. Однако, как всегда в истории России, из всех возможных исходов событий всегда то ли случается, то ли происходит худший для страны и её народа.

Осенью 1990 г. В. Болдин, будучи руководителем аппарата президента СССР, пригласил к себе Александра Николаевича Шелепина. Стенограмма их беседы была спустя более чем 15 лет опубликована в газете «Досье. История и современность» № 14, которую издавал бывший первый зам. главного редактора «Литературной газеты» Юрий Петрович Изюмов. В ходе беседы с Болдиным Шелепин так охарактеризовал ситуацию в 1967 году: «Вам-то известно, что я Брежнева знал хорошо. Бывал с ним и на охоте, и на хоккее, и на футболе. Бывал у него и дома. Знаю много о нём с разных сторон. И скажу, что некоторые качества у него были просто выдающиеся. Если бы присваивали партийным руководителям звание народного артиста или Героя сцены, я бы ему такого Героя присвоил не пять, а десять раз. Он настолько мог расположить к себе любого человека, что диву даёшься. Умел заплакать, вовремя улыбнуться. И почти всю жизнь занимал высокие посты...

— А как Вы смотрите на избрание Брежнева генсеком?

— Тогда других кандидатур никто не выдвигал. Случайный он был человек или нет? Всё-таки, если взять его послужной список, то неслучайный — секретарь обкома, секретарь ЦК Молдавии, второй, первый секретарь ЦК Казахстана, секретарь ЦК КПСС, Председатель президиума Верховного Совета СССР. Кстати, на целину я несколько раз ездил. Пономаренко там был ещё первым секретарем, а он — вторым. И я ни разу с ним не встречался. Поездишь по областям, помотаешься, приедешь к Пономаренко, начинаешь ему говорить о проблемах, он вынимает блок-

³¹⁰ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. Цит. по <https://www.e-reading.club/book.php?book=1031499>

нот, всё записывает. Через сутки, проверяешь, он уже дал команду. Всё решается. А Брежнев даже ни разу меня не принял. Да и самому идти к нему не хотелось, и незачем было. И теоретически он был малограмотным. Ленина, видимо, не читал. Всё у Суслова спрашивал цитатку. Даже основополагающих работ его не знал. В этом я убедился, например, когда работали в Завидово. Он меня пригласил. Сидели там больше месяца. Когда читали материал, то я убедился, что никакие идеи, предложения, мысли у Брежнева не возникали. Не помню этого. Единственное, что он говорил: “Это слово, может быть, заменить на другое”. Вот так он и работал с первых дней на посту Генерального Секретаря.

Конечно, если бы знать, что такой человек придёт на первую роль, я уверен, никто бы на это не пошёл. Моё личное мнение: из того руководства сильнее Косыгина никого не было. Но мы недооценили его, сочтя производственником, чистым хозяйственником, не способным управлять партией и страной.

– Человек он, насколько я знаю, Александр Николаевич, был уважаемый в народе, хотя печать особенно не смела его хвалить.

– Согласен. Человек он был уважаемый и в партии, и в народе, и среди многих руководителей, лидеров иных стран. А Брежнев настраивал членов Политбюро против него. Например, Брежнев звонит мне домой в воскресенье: Слушай, Саша, завтра мы будем обсуждать такой-то вопрос. О том же самом он просил Мазурова и Кулакова. Это то, что я знаю.

– А когда началась заметная деградация Брежнева?

– Я думаю, что года два после избрания Генеральным Секретарём он все-таки держался, может быть, полтора. Брежнев в ту пору всерьёз интересовался делами, надо отдать должное, прилично вёл себя по отношению к товарищам, старался решать вопросы как-то коллегиально. А года через два всё покатило под гору, пошло по-другому. В общем, стало ясно, что это далеко не та личность, о которой многие мечтали»³¹¹.

В неопубликованной части интервью, сохранившейся в архиве В. Болдина, имеется фрагмент беседы, указывающий на то, что, по мнению А.Н. Шелепина, деградация Л.И. Брежнева была связана как прямо с деятельностью М.А. Суслова и Ю.В. Андропова, так и с намеренным подсаживанием на транквилизаторы, снотворные и даже лекарства, имеющие наркотические компоненты, которое осуществлял Е. Чазов, также ставленник Ю.В. Андропова и М.А. Суслова. Эти слухи были широко распространены по Москве уже в 1970-е годы и поэтому в своих воспоминаниях Е. Чазов уделил этой проблеме несколько страниц своей книги, где всё свалил на медсестёр, обслуживающих Л.И. Брежнева, с которыми он сделать ничего не мог из-за особого к ним отношения Генерального Секретаря³¹². Забавным и одновременно печальным в этом контексте является тот факт, что, согласно действующим тогда правилам, весь медицинский персонал, обслуживающий членов Политбюро, проходил строжайшую проверку и фактически назначался по рекомендации КГБ СССР.

³¹¹ Болдин В. «Как это было. Из воспоминаний А.Н. Шелепина». газета «Досье. История и современность» № 14. Москва. Цит. по http://izyumov.ru/Dosye_14/Shelepin_3.pdf

³¹² Чазов Е. Хоровод смертей. Брежнев, Андропов, Черненко... М.: Алгоритм, 2014.

Так или иначе, с устранением из реального руководства А.Н. Шелепина, В.Е. Семичастного и первого секретаря московского горкома партии Н.Г. Егорычева первоначальный баланс в Политбюро полностью нарушился. Как справедливо пишет по этому поводу В. Фалин: «Неисчислимый вред принесло стране соперничество между Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным и Н.В. Подгорным. Противостояние в высшем звене гасило энергию, делало невозможным комплексный подход, всеохватывающий подход к проблемам, лихорадившим общество. Политического деятеля с наилучшими данными для управления государственными делами и экономикой, А.Н. Косыгина, оттесняли на вторые – третьи роли. Треугольник, наследовавший всевластие после Н.С. Хрущёва, скособочился»³¹³.

В связи с этим весьма характерной является следующая история, которая подробно описана Д. Гвишиани в его мемуарах: «7 октября 1966 г. Линдон Джонсон выступил в Нью-Йорке с программной речью, в которой сформулировал три основные цели европейской политики Соединённых Штатов. Две из них оставались традиционными... Но третья оказалась неожиданной — Президент заявил о необходимости поскорее наладить связи между Западом и Востоком... Джонсон попросил Бейтора приступить к немедленному осуществлению новых инициатив, а Бейтор, в свою очередь, первым делом привлёк к сотрудничеству Макджорджа Банди... На встрече с Бейтором и Банди Джонсон сказал, что необходимо привести положения, выдвинутые им в нью-йоркской речи в соответствие с реальной политикой администрации. “В сущности, — вспоминал позже Банди, — его инструкции можно передать одной фразой... Я хочу, чтобы вы поехали и построили мне мост на Восток”.

Однако миссия Банди продвигалась с трудом. И Л. Джонсон решил взять дело в свои руки, переговорив по этому поводу с Алексеем Николаевичем Косыгиным...

Встреча их состоялась в 1967 г., когда Алексей Николаевич впервые побывал в Соединённых Штатах Америки, приехав туда для участия в работе чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, созванной в связи с войной на Ближнем Востоке. Когда стало известно, что Косыгин прибывает в Нью-Йорк, Президент Джонсон сделал заявление о своём намерении выступить на Сессии с очень важной внешнеполитической речью и сказал также, что будет рад встретиться с Косыгиным, если тот со своей стороны проявит интерес к встрече в верхах. Готовность к такой встрече... потребовала дополнительного согласования с “Центром”. Однако “Центр” не спешил с окончательным ответом, поставив Косыгина в щекотливое положение. Но в конце концов в самый последний момент разрешил встречу, и согласие Косыгина было передано американской стороне. Для встречи был выбран небольшой городок Гласборо, расположенный между Нью-Йорком и Вашингтоном... Большую часть переговоров Косыгин и Джонсон провели с глазу на глаз в присутствии одних лишь переводчиков. В других беседах принимали участие тогдашний Государственный Секретарь США Дин Раск, Министр обороны Роберт Макнамара, советник Президента Джордж Банди... На встрече в том числе обсуждался вопрос создания международного центра исследования проблем, общих для разви-

³¹³ Фалин В. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Современник, Республика, 1999. Цит. по http://loveread.ec/read_book.php?id=53565&p=1

тых стран, с инициативой которого выступил Линдон Джонсон... Алексей Николаевич поддержал эту идею и сказал, что со своей стороны будет всячески отстаивать предложение Джонсона.

После возвращения из США через некоторое время я напомнил Алексею Николаевичу об идее нового международного института. Он ответил, что готов поддерживать, но действовать надо “в установленном порядке” — внести обоснованное предложение в ЦК КПСС, т.к. эти вопросы не входят в его прерогативу... В те годы уже явно наметилась тенденция ослабления влияния правительства на международные дела и повышение роли партийных органов по этим вопросам»³¹⁴.

Иными словами, уже к концу 1967 г. Косыгин утерял появившуюся у него в 1964 г. функцию представления советского руководства за рубежом в качестве главного внешнего лица СССР и, соответственно, прерогативу осуществления инициативных неформальных проектов в этой сфере.

1968 год обрушил на Косыгина новые удары. В решающей степени они были связаны с чехословацким кризисом, который достиг своего пика летом того года. Как явствует из многочисленных доступных ныне документов, А.Н. Косыгин едва ли не в одиночестве пытался отстаивать взвешенную, продуманную позицию, не допустить нового раскола в мировом коммунистическом движении и кризиса социализма в Восточной Европе. Его главным антагонистом выступал председатель КГБ Ю.В. Андропов. Например, в июле 1968 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС, посвящённом событиям в Чехословакии, состоялся следующий обмен мнениями: «Я считаю, — говорил Андропов, — что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступайте на меня. Они сейчас борются за свою шкуру и борются с остервенением. Правые во главе с Дубчеком стоят твёрдо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Всё идёт против нас». На этот выпад Косыгин ответил так: «Я хотел бы также ответить т. Андропову, я на вас не наступаю, наоборот, наступайте вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию»³¹⁵.

Кстати, широко известно, что во время чехословацких событий Ю.В. Андропов не раз информировал Политбюро ЦК КПСС и лично Л.И. Брежнева о том, что на военных базах и аэродромах в Западной Германии сосредоточены силы вторжения НАТО, которые должны десантироваться в Праге, а также перейти западногерманско-чехословацкую границу и оккупировать страну ещё до введения советских войск. При этом сегодня также стало известно, что А. Громыко не передавал записки посла СССР в Соединённых Штатах А. Добрынина, который в ходе кризиса не раз встречался с Г. Киссинджером и М. Банди — доверенным лицом Л. Джонсона. Суть этих встреч состояла в том, что Л. Джонсон передавал через Банди, что Соединённые Штаты и их союзники ни при каких обстоятельствах

³¹⁴ Гвишиани Д. Мосты в будущее. М. УРСС, 2004. Цит. по <http://padaread.com/?book=57442>

³¹⁵ «Независимая газета». М., 14 декабря 2000 г.

не будут осуществлять вмешательство во внутренние дела Чехословакии и тем более предпринимать каких-либо вооружённых действий. Такую же информацию по своим каналам, связанным с полевой разведкой, получал и П. Ивашутин по линии ГРУ. Иными словами, Ю.В. Андропов и А.А. Громыко сознательно и целенаправленно провоцировали и углубляли чехословацкий кризис, дезинформировали руководство страны, старались снизить и без того невысокий уровень доверия между руководством СССР и США.

Чехословацкие события, по сути, поставили крест не только на творческих поисках эффективных моделей социализма, внесли так и не преодоленный раскол в европейском коммунистическом движении, но и, по сути, похоронили советскую экономическую реформу. В связи с этим уместно привести оценку председателя Госплана СССР, одного из наиболее влиятельных и уважаемых советских экономистов В. Байбакова. В своей книге «От Сталина до Ельцина» он пишет: «Реформа провалилась потому, что не было поддержки со стороны большинства членов Политбюро... На одном из заседаний в Кремле, когда обсуждалась концепция реформы, Н.В. Подгорный, Председатель Президиума Верховного Совета СССР и большой любитель игры в бильярд, со свойственной ему грубоватостью и недоверчивостью произнёс:

— На кой чёрт нам реформа? Мы плохо развиваемся, что ли?

Возражения Косыгина о том, что все валовые методы исчерпаны, что надо поднимать в коллективах интерес к результатам труда, у партийных коллег премьера энтузиазма не вызвали»³¹⁶.

Известный советский разведчик, один из руководителей ПГУ В.А. Кирпиченко, часто общавшийся с Ю.В. Андроповым, отмечал: «Андропов говорил, что предложенные Алексеем Николаевичем Косыгиным реформы приведут не просто к опасным последствиям, но к размыву социально-политического строя»³¹⁷.

Между тем, косыгинская экономическая реформа 1965 г. дала заметный толчок забуксовавшему в предыдущей пятилетке народному хозяйству. Только за VIII пятилетку объём промышленного производства вырос в полтора раза, производительность труда — на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение. Эти реформы дали руководителям предприятий большую свободу решений и позволяли экспериментировать с ценовой системой, предназначенной для того, чтобы платить за вовлечённые в производство ресурсы. Потребительским товарам, производство которых в 1966–1970 гг. впервые стало расти быстрее, чем производство средств производства, также уделялось больше внимания. В сельском хозяйстве началось стимулирование, которое привело в 1966–1971 гг. к значительному увеличению производства.

Споры о косыгинской реформе продолжаются по сей день, хотя она сама «приказала долго жить» уже к 1971 г. Не только дилетанствующие публицисты, но и наиболее глубокие профессионалы-историки подчас разделяют позицию большинства членов Политбюро. Например, широко цитируется мнение одного из рядовых

³¹⁶ Байбаков Н. От Сталина до Ельцина. М.: Нефть и газ РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2005. Цит. по Андриянов В. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2004, https://dom-knig.com/read_181366-51

³¹⁷ Кирпиченко В. Ук. соч. Цит. по <http://www.x-libri.ru/clib/krpch000/index.htm>

сотрудников Совмина, у которого были весьма напряжённые личные отношения с А.Н. Косыгиным, С.В. Коробенкова: «Косыгинская реформа в качестве главного критерия производственной деятельности избрала заимствованное у капитализма увеличение денежной прибыли, тогда как социалистической экономике адекватен другой критерий — снижение себестоимости продукции, которое сопутствует снижению цены товара. Монетарно-капиталистический поворот середины 1960-х годов привёл к тому, что директора заводов и фабрик начали думать не о снижении себестоимости, а о повышении цен на продукцию и зарплаты, которая оказалась важнее производства — по ней стали оценивать результативность работы».

Читая подобную аргументацию, остаётся только посочувствовать А.Н. Косыгину, что ему приходилось иметь дело со столь безграмотными работниками в своём аппарате и удивляться нынешним исследователям того времени, берущим на вооружение подобные псевдозкономические опусы. Любой человек, который хоть день проработал на советском производстве или в планово-экономических органах, прекрасно знал, что советская прибыль, себестоимость, рентабельность и цены не имели никакого отношения к своим рыночным аналогам. Это были лишь термины, за которыми скрывалось принципиально иное, прежде всего, учётное и стимулирующее содержание. По сути, косыгинская реформа была направлена на решение весьма сложной, хотя и вполне тривиальной задачи: согласования трех групп интересов — общества, трудовых коллективов и отдельных работников — в снижении расходов всех видов ресурсов, а не только уменьшении затрат живого труда, на единицу не просто произведённой валовой, а реализованной, т.е. дошедшей до конечного потребителя, продукции.

Косыгинская реформа в реальности даже не претендовала на внедрение элементов рыночного механизма. Она была кондово социалистической в советском понимании социализма. Принципиальным отличием нового хозяйственного механизма от старого был отказ от вала и ориентация не только на рост производительности труда, но и на повышение совокупной эффективности, т.е. увеличение производительности труда, фондоотдачи и снижение материалоёмкости. Понятно, что такое снижение нуждалось в стимулировании или в хозрасчёте. В связи с этим различного рода построения относительно капитализации коммунизма в рамках осуществления косыгинской реформы выглядят по меньшей мере недоразумением.

В заключение хотелось бы привести характеристику косыгинской реформы, данную жёстким адептом планово-административного управления, многолетним председателем Госплана СССР Н.К. Байбаковым. «Самые серьёзные изменения произошли, пожалуй, в планировании — наконец был подвергнут сомнению все-ильный показатель валовой продукции. Тот пресловутый “вал”, что безнадежно запутал многократным повторным счётом весь учёт в народном хозяйстве, изуродовал саму сущность планирования. Лучшей характеристикой его “действия” может служить забавная деталь или, скорее, любопытное обстоятельство: “досрочно и сверх плана” были завершены по “валу” все наши знаменитые пятилетки, но ни разу ни одна из них и близко не была выполнена в натуральных показателях — реальных изделиях и продуктах.

Одновременно реформа сократила и количество плановых показателей, “спускаемых” предприятиям “сверху”. Их было более 30, регламентировавших до ме-

лочи каждый шаг коллектива, блокировавших любую возможность хозяйственного манёвра. Таких показателей осталось всего девять: объём реализации продукции; основная номенклатура продукции; фонд заработной платы; сумма прибыли; рентабельность; платежи в бюджет и ассигнования из бюджета; объём капиталовложений и ввод в действие мощностей; основные задания по новой технике; показатели материально-технического снабжения.

Большая часть этих показателей особых комментариев не требует, тем более что некоторые из них планировались и прежде. О новых же сказать необходимо — в них суть преобразований. Объём реализации продукции (заменивший “вал”) исключал из учёта незавершёнку, ставил преграду выпуску продукции, которую нельзя было продать.

Прибыль и рентабельность поворачивали предприятия к хозяйственному расчёту, экономному расходованию материальных и трудовых ресурсов. Однако показатели эти зависели не только от собственных затрат предприятий, но и от цены, назначенной на их продукцию. А это потребовало вскоре приведения в порядок оптовых цен, реформы ценообразования. Оптовые цены, как тогда осторожно выражались экономисты, были пересмотрены в сторону их приближения к уровню общественно необходимых затрат на данные виды продукции.

Важную роль в развитии хозрасчёта сыграло и введение платы за основные и оборотные фонды — предприятия побуждали таким образом освобождаться от лишних запасов оборудования, сырья, материалов, которые раньше просто “давали” и потому все старались завышенными заявками набрать их “про запас”. Теперь оказывалось, что мёртвый капитал держать невыгодно.

В то же время резко возросла и роль государственных кредитов, которые стали широко применяться предприятиями для приобретения действительно необходимого оборудования и сырья и, что было введено впервые, для оплаты труда и социального развития.

Если кратко охарактеризовать цель и смысл этих преобразований, то они давали значительную самостоятельность предприятиям, возможность хозяйственного манёвра. И в то же время поднимали ответственность коллективов за результаты работы, заставляли более рационально распоряжаться материальными ресурсами и средствами. Повышение эффективности производства, достижение максимальных результатов с минимальными затратами — такими были установки экономической реформы...»³¹⁸.

Главной причиной сворачивания косыгинской реформы стала не боязнь повторения чехословацких событий в СССР. Подавляющее большинство членов Политбюро отнюдь не придерживалась на тот момент подобной абсурдной позиции. Не стало причиной сворачивания реформы и открытие тюменской нефти, о чём сегодня пишут многие историки и публицисты. По сути, косыгинская реформа была свёрнута уже к концу 1971 г. Между тем серьёзные доходы от тюменской нефти пошли к 1975 г. Так, в 1970 г. добыча тюменской нефти составляла всего 31 млн. тонн, через пять лет — 146 млн., а через 10 — 313 млн.

³¹⁸ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М.: Фонд инноваций им. Н. Байбакова, 2011. Цит. по книге Кирпиченко В.А., Гришин В.В., Байбаков Н.К. и др. Косыгин. Вызов премьера. <https://www.e-reading.club/book.php?book=1020100>

Представляется, что суть борьбы с косыгинской реформой обуславливалась иным — стремлением партократов ни в коем случае не допустить усиления технократов, или, как говорили в СССР, — хозяйственников и инженеров, сохранить полную, безраздельную монополию на власть. По своему духу и букве косыгинская реформа, безусловно, была направлена на предоставление большей свободы хозяйственным руководителям и трудовым коллективам в решении внутренних проблем предприятий, толкала их на установление не только вертикальных, но и горизонтальных связей.

Ни для кого не секрет, что на протяжении всего существования жёсткой плановой системы внутри неё действовал своего рода административный рынок, приобретающий совершенно уродливые и зачастую уголовные черты. Фактически в условиях существования теневого административного рынка, который действовал как на стадии формирования плановых заданий, так и в рамках фондирования ресурсов и олицетворялся снабженцами предприятий и работниками отраслевых отделов центральных экономических ведомств, практически любой хозяйственник был вынужден допускать для обеспечения эффективной работы своего предприятия те или иные нарушения. Соответственно, надзирающие партийные органы, а также правоохранители всегда могли убрать неугодного руководителя с абсолютно любыми для него последствиями. В связи с этим задумкой косыгинской реформы было не просто повышение самостоятельности и увеличение свободы руководителей и коллективов предприятий, но и введение неформального, а подчас и уголовного административного рынка в легальную, согласующуюся с нормативными плановыми процедурами, форму. Понятно, что всё это было совершенно не нужно ни партийным органам, ни КГБ, ни МВД СССР. Поэтому реформа была сначала выхолощена, а потом и остановлена полностью.

Всё это прекрасно понимал и А.Н. Косыгин. В 1971 г. он сказал своему старому товарищу, известному чехословацкому государственному и политическому деятелю Любомиру Штроугалу: «Всё рухнуло. Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят...»³¹⁹.

Подытоживая, можно сделать однозначный вывод о том, что в течение 1967–1970 гг. А.Н. Косыгин, а также его действительные и потенциальные союзники и сторонники были полностью разгромлены М.А. Сусловым, Л.И. Брежневым и Ю.В. Андроповым. Фактически А.Н. Косыгин перестал не только восприниматься реальным субъектом наднациональных межэлитных взаимодействий, но и являться им. Он был полностью отрезан от подобных возможностей и не имел более как неформальных, так и официальных полномочий. Технократы на долгое время лишились возможности международного диалога. Он стал монополией партократов. По сути, монополия на наднациональные межэлитные взаимодействия перешла к М.А. Суслову и — в его лице — к Б. Пономарёву и Ю.В. Андропову и, естественно, к Л.И. Брежневу. Хотя вполне очевидно, что последний был не только не подготовлен, но и практически не способен к реальному выполнению этих функций.

³¹⁹ Андриянов В. Ук. соч. Цит. по https://dom-knig.com/read_181366-51

В связи с этим остаётся вопрос о Михаиле Андреевиче Суслове и Юрии Владимировиче Андропове и изменяющемся характере взаимоотношений между ними. Прежде всего их объединял общий учитель и наставник Отто Куусинен. Если относительно его роли в жизни Ю.В. Андропова известно уже достаточно много, то этого не скажешь относительно судьбы М.А. Суслова. В решающей степени это связано с закрытостью фигур О. Куусинена и М. Суслова. О них отсутствуют опубликованные научные биографии не только на английском, но и на русском языках. Весьма скудны и воспоминания. Более того, их официальные биографии в значительной степени мистифицированы и содержат множество белых пятен. При этом характерно, что именно эти белые пятна многое объясняют в судьбе Советского Союза в последние 25 лет его существования.

Пожалуй, наиболее полный источник информации о О. Куусинене — это изданные мизерным тиражом в подарочном полном варианте для коллекционеров пятитомные воспоминания одной из наиболее загадочных и интересных женщин XX в., многолетней подруги О. Куусинена — Хеллы Марии Вуолийоки, урождённой Эллы Муррик. Эти воспоминания были изданы её дочерью, известной финской предпринимательницей и женой премьер-министра Финляндии прежде всего для узкого круга людей, знавших её мать.

Эстонка, всю жизнь прожившая в Финляндии, Элла Муррик была известным в Скандинавии журналистом, писательницей, всемирно знаменитым драматургом, соавтором Б. Брехта, хозяйкой самого престижного в Финляндии политического салона, близкой знакомой многих известных политических деятелей Великобритании, основательницей партии левого направления в Финляндии и членом Фабианского общества. Также из воспоминаний можно понять, что она тесно сотрудничала с разведкой Коминтерна, взаимодействовала с частной разведывательной сетью Дарси и британской военной разведкой, находилась более года в заключении во время Второй мировой войны в финской тюрьме как советская разведчица.

Характерно, что когда её внук министр иностранных дел Финляндии Эркки Туомиоя задумал написать книгу о своей бабушке, которая недавно переведена на русский язык — «Лёгкий розовый оттенок: Хелла Вуолийоки и её сестра Салме Пеккала на службе у революции», он столкнулся с совершенно непредвиденными сложностями. В предисловии к книге он пишет: «По данной теме самый высокий интерес и важность представляют материалы, находящиеся в Москве, в архивах бывшего СССР. Узнав от доктора Сеппо Исотало, что в военном архиве России имеются некоторые документы, касающиеся поездки Хеллы Вуолийоки в Стокгольм в январе 1940 г. для проведения зондирующих переговоров о заключении мира между Финляндией и СССР (доктор Исотало смог даже сообщить мне архивные номера этих документов), я принялся добиваться разрешения на ознакомление с ними. Я написал письма президенту Владимиру Путину, академику Евгению Примакову и министру иностранных дел Игорю Иванову, а также побеседовал лично с каждым из них. Для достижения цели я без стеснения использовал своё положение министра иностранных дел, но в итоге мне так и не удалось ознакомиться с этими материалами: запрошенные мной документы до сих пор засекречены и недоступны. Я даже не стал пы-

таться получить разрешение на исследование документов в архивах бывших спецслужб СССР, хотя в них много материалов о человеке, которому был присвоен псевдоним “Поэт” и есть все основания полагать, что это Хелла Вуолийоки...

Следует отметить, что Россия далеко не единственная страна, в которой даже старые документы похоронены в архивах и недоступны для исследователей. Однажды я использовал свои хорошие отношения с тогдашним министром иностранных дел Великобритании Робинотом Куком и попросил его содействия, чтобы получить возможность ознакомиться с архивными документами британских спецслужб, касающимися Раджани Палм Датта и Салме Датт. Примерно месяц спустя на совещании министров иностранных дел стран – членов ЕС Кук отвёл меня в сторонку и вручил мне тонкую папку, содержащую копии документов, касающихся упомянутых лиц. Он также сообщил, что мне разрешено ознакомиться с архивами спецслужб, в которых имеются другие материалы. Затем извиняющимся тоном он добавил, что в архивах есть материалы, которые остаются засекреченными и не могут быть предоставлены мне. Однако уже после нашего разговора значительное количество новых важных документов было открыто для общего пользования в государственном архиве Великобритании в Кью Гарденс, и я признателен МИДу этой страны за помощь в использовании архива»³²⁰.

В воспоминаниях и в книге внука имеются упоминания о том, что Хелла Вуолийоки тесно общалась с О. Куусиненом с начала века, вплоть до своей смерти в 1954 г. При этом, как ясно из текстов, она поддерживала тесные связи с британскими фабианцами и частными разведывательными структурами Британии, с одной стороны, и Коминтерном и советскими разведывательными структурами в лице Я. Петерса и Я. Берзина — с другой. Из контекста её воспоминаний и книги внука становится более понятным исторический парадокс, о котором в должной мере историки не составили себе труда задуматься. Мало кто отдавал и отдаёт себе отчёт в том, что Финляндия, по сути, оказалась единственной страной, где после Второй мировой войны безраздельно господствовали советские войска и спецслужбы и в которой И.В. Сталин не стал строить социализм. Могут возразить, что была ещё Австрия. Однако в Австрии наряду с советскими войсками находились ещё и войска западных союзников. Кроме того, эта страна, в отличие от Финляндии, в военный период в Ялте не была отнесена к сфере советского влияния.

Иногда в качестве объяснения данного парадокса высказывается точка зрения, что коммунисты в Финляндии были слабы и поэтому было решено не форсировать процесс перехода к социализму. Однако дело обстояло ровным образом наоборот. В Финляндии была сильная коммунистическая партия, которая даже без поддержки Советского Союза была второй по влиянию политической силой в стране. Частично разгадку можно найти в книге Пекка Висури «Финляндия в холодной войне»³²¹. В книге прямо указывается, что финские коммунисты сразу после Великой Отечественной войны получили команду от О. Куусинена даже не задумываться о взятии власти. Более того, когда в 1947 г. они на выборах показали высокие результаты, руководство было вызвано в Москву к О. Куусинену и получило от него жёсткую взбучку со строгим наказом впредь знать своё место.

³²⁰ Туомия Э. Лёгкий розовый оттенок: Хелла Вуолийоки и её сестра Салме Пеккала на службе у революции. М.: Весь мир, 2014. <https://rabkrin.org/tuomioya-erkki-lyogkiy-rozoviy-ottenok-kniga/>

³²¹ Visuri P. Suomi kylmässä sodassa. Helsinki: Otava, 2006.

Представляется, что уникальный статус Финляндии как моста между Западом и Востоком в течение всего послевоенного периода связан с уникальными контактами О. Куусинена и Хеллы Вуолийоки с финскими деловыми кругами и их британскими и английскими коллегами. Из книги Ф. Сегурсонна «Секретная история независимости Финляндии»³²², написанной на основе шведских и британских архивов, известно, что при подготовке Парижского договора 1947 г. в работе с британской стороны над ним активно негласно участвовал Говард Криппс.

Криппс был не только близким знакомым Хеллы Вуолийоки и хорошо знал О. Куусинена, но и являлся сначала министром военного правительства Черчилля, а затем Эттли. В первые годы войны он был послом Великобритании в СССР и был отозван Черчиллем за излишне просоветские симпатии. Любопытно, что помимо его колоссального влияния в лейбористской партии он был одним из ключевых деятелей фабианского движения, а в последние годы — его руководителем. Наряду с политической карьерой и ректорством в Эдинбургском университете, известной кузнице кадров для Сити и британских разведслужб, Криппс долгие годы был членом правления Королевского банка Шотландии, одного из самых старых и влиятельных в мире банков. Интересны и его родственные связи. Он был племянником знаменитого Сиднея Вебба, любимого ученика и своего рода названного сына ещё более известного лорда Милнера, основателя Группы.

Хотя документы по этим переговорам до сих пор не рассекречены сторонами, базируясь на различного рода публикациях, можно высказать предположение, что в ходе этих переговоров было достигнуто соглашение между Советским Союзом, с одной стороны, фабианцами Британии — с другой и банкирами Уолл Стрита — держателями более 85% внешнего долга Финляндии и фактическими владельцами её банковской системы, с третьей, об уникальном статусе Финляндии: во внешней политике — сориентированной на СССР, а по своему хозяйственному укладу остававшейся образцовой капиталистической страной.

В 1948 г. этот статус был закреплён в Договоре о дружбе и сотрудничестве между СССР и Финляндией, который просуществовал до 1991 г. Известно, что в процессе подготовки этого договора с советской стороны наряду с В. Молотовым и О. Куусиненом участвовал в качестве начальника международного отдела ЦК М.А. Суслов.

Нельзя не отметить, что М.А. Суслов выступал своего рода двуликим Янусом Политбюро. Во всех работах как мемуарного, так и историческо-публицистического характера он предстаёт исключительно как идеолог застоя и главный борец с любыми отклонениями от официальной политики партии. Нигде не указываются другого рода факты, которые, тем не менее, обильно рассыпаны в различного рода специализированной и мемуарной литературе, типа уже цитированной книги об операции «Соло».

Гораздо важнее идеологической роли Суслова то, что с 1947 г. до последних дней своей жизни он выступал хранителем внешней партийной кассы, предназначенной для финансирования коммунистических и рабочих партий, а также освободительных движений, в число которых входили и весьма экзотические организации

³²² Segursonn F. Den hemliga historien av Finlands självständighet. Malmö: International Masters Publishers, 2008.

типа палестинских группировок, взрывавших самолеты, и африканских повстанческих фронтов, сотнями вырезавших белых жителей Северной Родезии, ЮАР и других стран.

В российской, да и зарубежной литературе о советских спецслужбах всё внимание уделяется КГБ и ГРУ. Складывается впечатление, что других разведывательных структур в Советском Союзе просто не было. Между тем, если брать фактическую сторону дела, то международный отдел ЦК КПСС, а в последующем — Международный отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями, который М.А. Суслов сначала возглавлял, а затем, в пору руководства отделом Б. Пономарёвым, его курировал, являлся самой настоящей могущественной и феноменально оснащённой разведслужбой.

Характерно, что в отличие от КГБ и ГРУ сразу после путча подавляющая часть архивов отдела была безвозвратно уничтожена его работниками. В связи с этим многие контактные лица и операции, которые приписываются ныне КГБ, особенно исходя из опубликованных материалов архива Митрохина, на самом деле осуществлялись Международным отделом ЦК КПСС, а КГБ СССР привлекался как младший соисполнитель. К тому же Международный отдел, в отличие от КГБ СССР, по сути, использовал гораздо более богатую гамму инструментов. Известно, что в 1991 г. по свидетельству В. Ярошенко, принимавшего дела Международного отдела ЦК КПСС, среди объектов приёма обнаружились подлинные печатные машины, использовавшиеся ФРС США и Банком Англии для печати национальных валют, а также, как это ни удивительно, аутентичная бумага, предназначенная для печатания денег.

Хорошо известно, что именно Международный отдел, а не КГБ СССР, имел право по звонку соответствующего куратора отдела в то или иное совзагранучреждение либо совзагранбанк потребовать перевода сумм, составлявших до сотен тысяч тогдашних полновесных долларов по любому адресу. При этом был принят порядок, согласно которому данные переводы не предполагали наличия в компании, которая переводила деньги, документации, составлявшейся лишь в последующем в Москве после вызова туда лиц компании, уполномоченных на переводы³²³. Кроме того, именно Международный отдел являлся неконтролируемым каналом для осуществления надгосударственных межэлитных контактов. К тому же он позволял привлекать к организации такого рода контактов граждан зарубежных стран, что называется, «втёмную». Дело в том, что они получали соответствующие поручения, связанные с выводом тех или иных персон на конкретных политиков, бизнесменов, военных и т.п. не из Москвы, а от своего партийного руководителя, который обосновывал эти задания внутренними партийными интересами.

Фактически в течение более чем 40 лет, в том числе во времена Л.И. Брежнева, именно М.А. Суслов являлся вообще не контролируемым полновластным хозяином всего этого. В данном контексте не удивителен фрагмент воспоминаний А. Аджубея, повествующий о том, как Н.С. Хрущёв задумал повесить М.А. Суслова, предложив ему перейти с партийной работы на номинально первый пост в стране — Председателя Президиума Верховного Совета СССР, который в итоге вместо

³²³ Воспоминания о коммунистах. Деньги партии. <http://diletant.ru/blogs/7909/1597/>

отказавшегося Суслова занял Л.И. Брежнев. «Сразу после XXII съезда КПСС Хрущёв хотел перевести Суслова из ЦК на должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он советовался на этот счёт с Микояном, Косыгиным, Брежневым. Разговор они вели в воскресный день на даче и не стеснялись моего присутствия. Поручили Брежневу высказать Суслову по телефону это предложение. Брежнев вернулся и доложил, что Суслов впал в истерику, умоляя не трогать его, иначе он предпочтёт уйти в отставку. Хрущёв не настаивал. Кадровые перемещения на таком уровне отнюдь не просты и нелепо считать, будто одного слова первого лица достаточно, чтобы изменить положение человека. Формально пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР был не меньший, чем у секретаря ЦК, но Суслов понимал, что в данном случае облегчалась бы возможность отстранения его от большой политики»³²⁴.

С учётом отмеченных выше обстоятельств, а также того, что свою карьеру М.А. Суслов начинал у О. Куусинена в организованной им школе подготовки руководителей коммунистических и рабочих партий и подпольных движений, неудивительно, что М.А. Суслов смотрел на Ю.В. Андропова сверху вниз. Более того, отмеченные выше обстоятельства вкупе с, видимо, имевшим место знанием М.А. Сусловым некоторых эпизодов биографии Ю.В. Андропова, которых он на протяжении всей своей жизни старался не касаться и не упоминать где-либо, привели к тому, что не только во время пребывания Андропова на посту начальника отдела ЦК КПСС, но и в первые пять–семь лет, когда он уже возглавил КГБ, Андропов просто боялся Суслова. Об этом прямо указывают в своих воспоминаниях В. Булацкий и А.Н. Яковлев. Впрочем, как любой ведомый и зависимый, Ю.В. Андропов, естественно, стремился постепенно, незаметно сначала ослабить узы подчинения, а затем и разорвать их вообще. По мнению В. Легостаева и зятя М.А. Суслова, известного российского учёного-системщика Л. Сумарокова³²⁵, в итоге Ю.В. Андропов, используя возможности Е. Чазова, искусственно вызвал скоропостижную смерть М.А. Суслова.

Что касается Юрия Владимировича Андропова, то, как правило, нынешними разоблачителями и срывателями покровов со всего и вся ему инкриминируются два главных обстоятельства. Первое относится к кругу его консультантов времён работы руководителем отдела социалистических стран ЦК КПСС. В своём большинстве они стали в последующем «прорабами перестройки». Здесь из виду упускается то очевидное обстоятельство, что в аппарат почти все они попали с видимого благословения М.А. Суслова, а после ухода Андропова в КГБ СССР в основном остались в ЦК и стали работать непосредственно на Л.И. Брежнева. Что касается «дорогого Леонида Ильича», то его ещё никто не додумался объявить тайным заговорщиком, иностранным агентом или скрытым архитектором развала СССР.

Второе обстоятельство связано с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым, чья карьера связывается с именем Ю.В. Андропова. Однако здесь опять же не всё так просто. Первый, кто стал патронировать М.С. Горбачёва, был всё тот же М.А. Суслов. Причём, патронаж этот носил «местнический» характер, поскольку М.А. Сус-

³²⁴ Аджубей А. Ук. соч. Цит. по https://www.e-reading.club/chapter.php/136804/0/Adzhubeii_-_Te_de-syat%27_let.html

³²⁵ <http://old.nasledie.ru/persstr/persona/symarokov/article.php?art=64>

лов полагал, что ответственными за сельское хозяйство должны быть исключительно бывшие секретари когда-то руководимого им Ставропольского крайкома партии. Немногие сегодня помнят, что до М.С. Горбачёва за сельское хозяйство отвечал другой первый секретарь Ставропольского крайкома Ф.Д. Кулаков. Кстати, по воспоминаниям помощников, к М.С. Горбачёву тепло относился и Л.И. Брежнев, который связывал с ним большие надежды.

5

Однако есть гораздо более впечатляющие странные, но взаимоувязанные между собой факты, которым не уделяется достаточного внимания и которые ни разу не приводились в своей целостности. Начнём с наиболее известного случая — биографии предателя Родины Олега Калугина. Хорошо известно, что О. Калугин, вернувшись в 1971 г. в центральный аппарат КГБ СССР с должности одного из руководителей резидентуры в США, сразу же стал любимцем Ю.В. Андропова и сделал головокружительную карьеру. В 39 лет он был назначен начальником управления внешней контрразведки и получил звание генерала. До и после Калугина такой карьеры не делал никто. Имеются достоверные свидетельства, например, воспоминания генерал-майора КГБ в отставке Докучаева, возглавлявшего отдел военной контрразведки ПГУ КГБ СССР, о том, что уже во второй половине 1970-х годов Ю.В. Андропову было доложено о контактах Калугина с ЦРУ³²⁶. Поражает впечатление тот факт, что в 1975 г. О. Калугин получил высоко ценимый профессионалами орден боевого Красного Знамени за руководство и личное участие в реализации операции по заманиванию в СССР перевербованного в Вашингтоне Николая Артамонова — «агента Ларка». Самое удивительное, что по любым разведывательным канонам эта операция завершилась провалом, поскольку Ларк не доехал живым до Москвы, а был якобы по неосторожности убит Калугиным, спутавшим дозу анестезирующего средства.

В 1979 г. Калугин, тем не менее, был вынужден уйти с поста начальника управления. В решающей степени этому способствовал тот факт, что легальный резидент КГБ в Нью-Йорке Юрий Дроздов сообщил О. Калугину о возможном предательстве заместителя генерального секретаря ООН А.Н. Шевченко, который долгие годы был ближайшим сотрудником и доверенным лицом А.А. Громыко. Так или иначе, КГБ СССР не предприняло никаких мер по сигналу Дроздова, а Шевченко остался в США. В ходе разгоревшегося скандала Дроздов сообщил партийным органам о том, что он направлял письменную шифровку с подозрениями, но Москва не прореагировала. Однако вместо того, чтобы отправить Калугина в лубянскую тюрьму, Ю.В. Андропов назначает его заместителем начальника управления КГБ по Ленинграду — крупнейшему центру военной промышленности и оборонной науки, заодно крупнейшему туристическому центру, где удобно осуществлять контакты с иностранцами. В 1995 г. Калугин выехал на постоянное жительство в США. В 2003 г. он получил американское гражданство, а годом раньше, в 2002 г.

³²⁶ Докучаев М. Москва. Кремль. Охрана. М.: Бизнес-Пресс, 1995.

был приговорён в РФ заочно к лишению воинского звания, всех государственных наград и к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима за государственную измену.

Большим авторитетом среди ветеранов КГБ пользуется известный советский разведчик Владимир Меднис. Осенью 1944 г. в 14 лет он был заброшен в тыл Курляндской группировки немецко-фашистских войск. В конце войны принял активное участие в ликвидации отборного разведывательно-диверсионного отряда СС. После конца войны был направлен на учёбу в Высшую школу КГБ СССР, долгие годы работал во внешней разведке, возглавлял резидентуру КГБ в Монреале и был начальником направления Северная Америка второй службы ПГУ КГБ СССР. В 2005 г. он дал интервью писателю А. Жемчугову. В нём он рассказал, как когда-то сообщил Калугину следующее.

«В ближайшем окружении председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова действует агент одной из западных разведок, который располагает возможностями проводить кадровые перестановки в КГБ на довольно высоком уровне. ЦРУ крайне заинтересовано в том, чтобы использовать “крота” для продвижения своей агентуры в подразделении КГБ на руководящие должности. Наш “источник” готов предпринять усилия к тому, чтобы получить через имеющиеся у него каналы дополнительные данные, которые позволили бы установить и разоблачить этого агента.

Калугин тотчас же связался по телефону с заместителем начальника внешней разведки Сергеем Кондрашовым и отправился к нему на доклад. Минут через 30–40 он вернулся, сказав, что руководство ПГУ проявило надлежащий интерес к информации о “кроте” и меня скоро вызовут для подробной беседы.

Она состоялась на следующий день и осталась в моей памяти на всю жизнь. Перво-наперво я получил от Кондрашова настоящую выволочку за то, что “не сумел наладить деловых отношений с резидентом в Оттаве” и поднял панику по поводу “непроверенных и явно сомнительных сведений” о ситуации в коллективе оттавской резидентуры, полученных от источника, “честность и искренность которого всегда вызывали сомнение”. Во-вторых, мне было предложено навсегда забыть о том, что “в ближайшем или отдалённом окружении Юрия Владимировича Андропова может действовать вражеский агент”. Прямо так и было сказано: “Ты что-то тут не понял или вообще это плод чьего-то воображения”.

Перед возвращением в Монреаль у меня был ещё один разговор с Калугиным. Я сказал, что не согласен с мнением руководства и считаю необходимым продолжить работу по “кроту”. Договорились, что я получу от источника письменное подтверждение ранее переданных устных сведений о “кроте”.

Источник без колебаний изложил на бумаге всё, что прежде говорил мне о “кроте”. Более того, он сумел узнать некоторые новые, достаточно интересные детали этого дела. Теперь нужно было переслать написанное в Центр. Однако прошли все обусловленные с Калугиным сроки, а обещанное указание в оттавскую резидентуру так и не поступило. Без него же отсылать в Центр эту информацию я просто не имел права. Выручило то, что я вновь собирался домой — в очередной отпуск.

Когда, прилетев в Москву, я через Калугина передал руководству ПГУ письменную информацию источника о “кроте”, мне сказали, что каких-либо бесед у руководства не предвидится и я со спокойным сердцем могу отдыхать. А за пару дней

до окончания отпуска меня вызвали на службу. И начальник внешней контрразведки Виталий Бояров в присутствии Калугина официально объявил мне, что принято решение о моём освобождении от дальнейшей работы в Монреале.

– А причину он назвал?

– Нет. На мой вопрос ответил только: “Сами понимаете”. Мне недвусмысленно дали понять, что отныне выезд за границу закрыт для меня навсегда, что я отстраняюсь от оперативной работы, представление к награждению боевым орденом отозвано, что вопрос о присвоении очередного воинского звания “полковник” отложен на неопределённое время, что, наконец, я буду переведён на новую работу с понижением в должности. От Калугина же я получил указание никогда и никому не заикаться о “кроте”, которого, мол, нет и быть не может.

– А не возникло у вас подозрение, что Калугин и есть тот самый “крот”?

– Нет, конечно. Речь шла о человеке, который должен был занимать гораздо более высокий пост, чем Калугин, и обладать куда большими возможностями.

– И вы отступили после такого удара?

– Нет. Я просто избрал другой путь. Арвид Янович Пельше знал меня ещё по моим партизанским делам. Я никогда к нему не обращался. А тут решился.

Я подробно рассказал Пельше обо всём, что, как говорится, накопилось. Напоследок он пообещал поговорить по этим вопросам с Юрием Владимировичем.

22 ноября 1973 года в 19.00 я вошёл в кабинет председателя КГБ и повторил то, что до этого говорил Пельше. Однако разговора, на который я рассчитывал, не получалось. Когда я передал ему листок с двумя фамилиями тех, кто, на мой взгляд, мог оказаться “кротом”, он даже не взглянул на него, молча положил бумагу в боковой карман пиджака. А пожимая на прощанье руку, пристально посмотрел мне в глаза и как-то загадочно произнес: “Да, нелегко вам придётся”.

– Но какой-то результат эта встреча дала?

– По моим наблюдениям, никакого. Всё оставалось на своих местах. А меня вскоре назначили заместителем начальника научно-исследовательского отдела Краснознамённого института КГБ СССР.

– Как вы думаете, почему Андропов фактически ничего не предпринял?

– Трудно сказать. Возможно, он поручил разобраться с этим тогдашнему начальнику внешней разведки Фёдору Мортину, а тот по каким-то своим соображениям спустил дело на тормозах.

– Тогда позвольте спросить: а был ли мальчик? Не ошиблись ли вы и ваш источник?

Нет, не ошиблись. После того как расправились со мной (а иначе как расправой это назвать не могу), должен был по логике вещей наступить черёд источника. Так вот, после расправы со мной он исчез при таинственных обстоятельствах.

А вот ещё один факт. Возможно, вы слышали о предателе Пигузове. В своё время он был досрочно отозван из командировки за аморальное поведение. Не прошло и года после того, как Пигузов становится секретарём парткома Краснознамённого института — кузницы кадров для внешней разведки. Продвинуть его могло только очень влиятельное лицо. Как здесь не вспомнить информацию о том, что “крот” располагает возможностями производить кадровые перестановки на довольно высоком уровне? В 1978 году Пигузов был разоблачён и приговорён к высшей мере

наказания. Много лет я анализировал для себя подобные истории, находя в них подтверждение давней информации.

— Значит, все эти годы вы надеялись, добраться до “крота”?

— Представьте себе. И казалось, мне это, в конце концов, удастся.

— Но если “крот” действительно был, то всё равно прошло более четверти века.

В любом случае этот человек, если он жив, давно не у дел, на пенсии, вдали от властных рычагов.

— Пусть так. Ну и что? В ЦРУ ведь не круглые дураки сидят. И наверняка по их заданию “крот” работал на перспективу — подготавливал себе замену, растил “потомство”. Эти нити у него в руках. Так как же можно ставить на этом деле крест? Я вот до “крота” не добрался. А жаль»³²⁷.

Однако, интервью дело не закончилось и все последующие годы Владимир Меднис продолжал биться над загадкой, ответ на которую он собирается дать в готовящихся к изданию мемуарах.

Не меньшее изумление, чем рассказ В. Медниса, вызывает история знаменитой «Фирмы» генерала Питовранова. Приведём её по опубликованному в открытой печати интервью генерала Е.П. Питовранова корреспонденту журнала «Коммерсант»:

«Когда ЕП, как называли подчинённые генерала Питовранова, начинал рассказывать об успехах “Фирмы”, он выпрямлялся в кресле и, казалось, становился на 20 лет моложе.

“После того как Андропов был назначен председателем комитета госбезопасности, — рассказывал мне генерал, — через несколько дней мне позвонили и попросили явиться в ЦК. В приёмной Брежнева, которую освободил помощник генсека Цуканов, Юрий Владимирович провёл со мной продолжительную беседу. Она касалась очень многих тем: работа органов на местах, в Центре, как Центр руководит местными органами, как координируется работа разведки и контрразведки — в общем, была обзорная беседа о том, как и чем живёт комитет госбезопасности.

— Ты пойми, — говорил Андропов, — я к этим делам мало имел отношения. Имел, но со стороны. Мне тебя отрекомендовали как опытного и умного человека, вот я и решил поговорить.

Я считал Андропова одним из самых сильных руководителей ЦК, но в деле госбезопасности тогда он был новичок и хотел во всё вникнуть. Конец беседы был неожиданным для меня. Андропов сказал:

— Мне известно, что у товарища Сталина твёрдо сидела в голове мысль о том, что нам нельзя ограничиваться той структурой разведывательной работы, которая существует на сегодня. Должны быть какие-то возможности перепроверки данных, получаемых по линии разведки КГБ, по линии ГРУ. Нужно какое-то дополнение к тому, что они делают. Так, чтобы это было и конспиративно, и полезно для государства. Подумай над тем, какую структуру, параллельную существующим органам госбезопасности, можно было бы предложить. Но, прежде всего, нужно всё взвесить, обдумать и решить принципиально, стоит это делать или не стоит.

— Это очень сложный вопрос, — говорю. — У меня пока по полочкам не разложилось, в каком направлении я должен думать. Каким временем я располагаю?

³²⁷ Жемчугов А. Шпион в окружении Андропова. Разведка в лицах и событиях. М.: Вече, 2004. Цит. по https://www.e-reading.by/bookreader.php/1023290/Zhemchugov_-_Krot_v_okruzenii_Andropova.html

— Неделя — полторы.

Прощаясь, Андропов сказал:

— Сюда больше не приходи. Позже я скажу, куда явиться”.

По словам бывших сотрудников генерала, этот рассказ вполне соответствовал действительности, за исключением одной детали. Происходил он не в 1967 году, когда Андропов был назначен шефом КГБ, а двумя годами позже. И для того, чтобы эта встреча состоялась, ЕП организовал целую пропагандистскую кампанию. Разные офицеры и генералы КГБ, а также аппаратчики из ЦК находили повод, чтобы рассказать главе госбезопасности о замечательно умном и знающем, но несправедливо отправленном в отставку генерале, о том, как ценил Питовранова Сталин, но главное, о том, что у Питовранова есть замечательная идея, как использовать западный капитализм на пользу социалистической разведке. Не отличавшийся твёрдостью характера председатель КГБ в конце концов сдался.

“Недели через две, — вспоминал Питовранов, — Андропов назначает мне встречу на конспиративной квартире на Сretenке. Там мы стали видаться постоянно. В комитете я не появлялся. Разговаривали с глазу на глаз, не было даже охраны. Всё было заранее проверено и изолировано от посторонних ушей”.

Подробный рассказ о разведывательной организации, которая использует в качестве так называемых друзей бизнесменов, заинтересованных в контрактах с СССР, Андропов выслушал очень внимательно. ЕП продолжал рассказ:

— Ладно, — говорит Андропов. — Ты сколько думал?

— Недели полторы.

— Ну, дай мне дня три.

— Юрий Владимирович, — говорю, — ещё бы мне хотелось выговорить себе право иметь связь не с Первым главным управлением КГБ, а лично с Вами. Пусть использование нашей информации будет на вашем усмотрении.

Через несколько дней встречаемся снова.

— Ну что ж, попробуй, — говорит Юрий Владимирович. — Но единоличную ответственность за решение этого вопроса несёшь ты. А с министром внешней торговли Патоличевым ты говорил?

— Нет. Вы мне этого не поручали. С Патоличевым у меня отношения хорошие. Он меня и пригласил в Торгово-промышленную палату работать. Но без вашей санкции я не мог с ним о нашем деле говорить. Я солдат, самовольно поступать не могу.

— Поговори с Патоличевым, набросай черновик записки в Центральный комитет за моей подписью и Патоличева.

В той записке было указано, что руководство новой организацией будет поручено Питовранову Е.П., методы работы такие-то и такие-то. Всё кратко было изложено. Недели через две приходит известие: Политбюро решило — можно действовать”.

Вот так и появилась личная разведка Андропова, она же спецрезидентура “Фирма”.

“Моя новая задача, — рассказывал мне ЕП, — состояла в том, чтобы найти десятка два человек, на которых можно было положиться. Я их нашёл. Я не снимал этих людей с их места работы во внешнеторговых структурах, а просто включал в свою орбиту, нацеливал на дополнительные вопросы. Они стали переключаться с конкретных коммерческих операций на серьёзные и перспективные оперативные дела.

Мы должны были работать стерильно чисто. Ни в коем случае нельзя было допустить того, что кого-то из нас схватят за руку. Мировой скандал будет. Мы опозорим страну, запятнаем навсегда Торгово-промышленную палату, дадим пищу нашим идеологическим и военным противникам. Поэтому я учил ребят: суют тебе шифр — не бери. Тебе предлагают информации семь вёрст до небес и всё лесом, а ты не слушай никого, никаких документов не бери. Живи своей головой: что у тебя в ней задержалось, о том и доложи, не задержалось — не ври.

Я предупредил Юрия Владимировича:

— Мне бы не хотелось, чтобы Вы ждали от меня каких-то диковин, неожиданных результатов, чтобы продемонстрировать моментальный эффект от новой структуры”.

Для Питовранова и Андропова, обсуждавших дела “Фирмы” во время регулярных встреч, становилось всё более очевидным, что личная разведка шефа КГБ нуждается в постоянно действующих резидентурах за рубежом. А это был уже совершенно другой по сложности уровень задач. В итоге Андропов принял решение о создании в разведке нового отдела, названного в честь Питовранова — отдела “П”. И именно с этого момента началась полоса значительных разведывательных успехов.

Наверное, самой важной победой стало привлечение в число друзей организации Питовранова одного из самых информированных американских политиков».

Ещё одной ведущей мировой державой, где «Фирму» ждала удача, оказалась Япония. Успех там был обеспечен тем, что местные спецслужбы задели Питовранова за живое. Во время его поездки по стране генерала сопровождали несколько агентов контрразведки. А когда он принёс букет на могилу повешенного в Токио разведчика Рихарда Зорге, один из них на прекрасном русском заметил: «Так будет с каждым, кто осмелится шпионить в Японии». Прилетев в Москву, ЕП поручил одному из самых талантливых своих учеников «поднять дело Зорге и посмотреть, нет ли там чего-нибудь полезного для приобретения “Фирмой” партнёров в правящих кругах Японии». Полезного оказалось много и прежде всего — способ заводить дружбу с японцами. Как в своё время Зорге, представитель «Фирмы» стал снабжать информацией о ситуации в мире перспективного японского политика, и тот начал быстро продвигаться к вершинам власти. Результат превзошёл все ожидания. Японская политика на несколько лет стала для Андропова открытой книгой.

Не менее значительных достижений удалось добиться во Франции. Заведовать филиалом «Фирмы» в Париже был отправлен большой знаток страны и особенностей французской души. «Француза надо знать, — рассказывал он. — Никаких особых денег для установления с ними контактов не требовалось. В моём распоряжении был большой загородный дом с парком, вот я и звал их туда погостить. Хороший обед, чудесное вино, лёгкий намек на возможную прибыль от контракта — и зовёшь погулять по парку. Там задаёшь тему разговора и остаётся только слушать: ради того, чтобы красиво сказать, французы готовы вплести в свою речь самую закрытую информацию. А женщинам я постоянно дарил подарки, пусть мелочь, и говорил или писал приятные слова: дамам важно, что о них не забывают».

В итоге в числе друзей «Фирмы» оказались многочисленные политики, бизнесмены, их родственники, жёны и любовницы. Особые советско-французские отно-

шения в 1970-х во многом обеспечивались личной разведкой Андропова. Брежнев, собираясь с визитом в Париж, точно знал, что будут просить французы на переговорах и до каких пределов они готовы отступить.

«Фирма» была личной разведкой Андропова во всех смыслах этого слова. Главные оперативные вопросы решались лично им, он же распорядился сделать так, чтобы у отдела «П» был отдельный бюджет и независимые от КГБ каналы связи с представителями за рубежом.

«В первые годы существования “Фирмы”, — вспоминал Питовранов, — Юрий Владимирович участвовал в планировании многих наших операций, и в некоторой степени наше подразделение было для него учебным полигоном. Я приходил с готовым планом операции и пояснял ему, почему следует проводить её именно так. Он прислушивался. Думаю, эта работа помогла ему скорее освоить специфику чекистского дела».

«Деликатные задания Андропова тем временем всё разрастались и ширились. Он поручал “Фирме” то, что категорически запрещалось КГБ: работать в зарубежных компартиях и обзаводиться источниками информации в руководстве социалистических стран. И всё это вновь за спиной руководства разведки — Первого главного управления КГБ».

«Развязка наступила в считанные недели — в июле 1984 года. Парторг отдела “П” Леонид Кутергин выехал в командировку на Запад и пропал. На берегу какого-то озера обнаружили его одежду, и некоторое время в Москве полагали, что он попросту утонул. Но ещё через некоторое время из того же источника, что и информация о “кроте”, пришли данные, что Кутергин в подробностях рассказывает о делах “Фирмы” своим основным хозяевам в ФРГ.

Как оказалось, в 1974 году, во время работы в Австрии, ему разрешили усовершенствоваться немецкий в одном из университетов. Его соседом по комнате оказался араб, подрабатывавший на западногерманскую разведку БНД. Схема вербовки оказалась предельно простой. В объятиях араба Кутергин познал все радости мужской любви, а после просмотра плёнки с записью превратился в одного из самых успешных агентов БНД — «Виктора». Чтобы обеспечить ему карьеру в КГБ, немцы организовали липовую вербовку Кутергиным американца.

После этого все вдруг вспомнили, что замечали у Кутергина подозрительные признаки: женщинами он не интересовался, причёску носил почти дамскую — копну волос, как у Анжелы Дэвис, и категорически отказывался стричься как положено. Кто-то вспоминал, что ему рассказывали, что Кутергин посещал конспиративные квартиры “Фирмы” с посторонними мужчинами³²⁸.

К истории следует добавить одно немаловажное обстоятельство. Г. Питовранов полагал, что начальником управления «П», названного в его честь, назначат его, а при подборе кадров будут следовать именно его советам и рекомендациям. Между тем начальником назначили другого, близкого Ю.В. Андропову человека. Более того, когда Питовранов увидел Е. Кутергина, то стал категорически возражать не то что против его назначения парторгом, т.е. человеком, посвящённым во все дела управления, но и вообще против приёма его на работу в качестве аналитика.

³²⁸ Смерть отдела «П». <http://www.kommersant.ru/doc/470042?9f476940>

Ю.В. Андропов лично настоял на кандидатуре Кутергина, и он был не просто принят в управление, но и выбран его парторгом. В связи с этим любопытно, что к своим германо-американским хозяевам он отправился практически сразу после смерти Ю.В. Андропова.

Наконец, ещё один небезынтересный факт. Согласно недавно рассекреченным британским архивам, на заседании британского Кабинета министров 11 ноября 1982 г. «Маргарет Тэтчер сообщила, что не хотела бы посещать похороны Генерального Секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, но готова сделать это, если Президент Французской Республики Франсуа Миттеран или Канцлер Федеративной Республики Германии герр Коль решат ехать. Далее она указала, что и этого недостаточно. Ей необходимо согласовать решение с Президентом США и правительствами стран ЕЭС». В итоге помимо лидера компартии Великобритании официальные власти на церемонии прощания с советским генсеком представлял министр иностранных дел Фрэнсис Пим. По контрасту, когда умер Ю.В. Андропов, М. Тэтчер сразу же сообщила о своём желании прибыть на похороны вне зависимости от каких-либо иных обстоятельств. На похоронах Ю.В. Андропова М. Тэтчер присутствовала.

Означают ли приведённые выше и далеко не исчерпывающие тему факты то, что Ю.В. Андропов был агентом влияния или просто агентом американской или британской разведок? Точно с такой же вероятностью, как и то, что нынешний Президент США Барак Обама является агентом глубокого залегания КГБ СССР.

Приведённая фактура позволяет с высокой степенью вероятности говорить о том, что с первых дней своей деятельности Ю.В. Андропов первоначально, видимо по указанию М.А. Суслова, затем по собственной сепаратной инициативе использовал свои возможности для создания независимых, неконтролируемых и отлично залегендированных собственных каналов наднационального межэлитного взаимодействия, прежде всего, в Великобритании, США и Западной Германии. В пользу данного вывода свидетельствуют, по меньшей мере, два аргумента. Первый связан с хорошо известной особой миссией генерала В. Кеворкова по налаживанию прямых связей с руководством ФРГ. Миссия Кеворкова — это своего рода патриотический вариант, пригодный для внешнего потребления тех же миссий, которые осуществляли приведённые в вышеозначенном списке товарищи, а точнее — господа. Другим аргументом является мнение одного из ветеранов ЦРУ, занимавшего в организации далеко не последнюю должность. Он с уверенностью говорил автору, что О. Калугин, по крайней мере, в период его работы в КГБ СССР выполнял функцию не шпиона, а своеобразного интерфейса между Ю.В. Андроповым и главой ЦРУ У. Кейси.

В заключение темы ещё один символический факт. Внуки и правнуки А.Н. Косыгина живут в настоящее время в Москве, а внуки и, вероятно, правнуки Ю.В. Андропова проживают в Майами и Нью-Йорке.

Глава 10

Вторая смена

1

Вслед за анализом судьбоносных перемен второй половины 1960-х годов, случившихся в кремлёвских высях, настало время проделать то же самое в отношении Вашингтона и Лондона. Там перезагрузкой системы межэлитных наднациональных связей в данный период занялись новые люди. Новые фигуры знаменовали изменения в межэлитном балансе западных элит. Они олицетворяли новые силы реванша, старавшиеся захватить господствующие позиции, принадлежавшие до последней трети XX в. иным силам и элитным группировкам. Этих иных в значительной степени олицетворяли А. Печчеи и А. Кинг.

Кто же выступил в качестве их сменщиков? Какие силы за ними стояли? И почему они сумели переиграть своих конкурентов внутри западных элит? Начнём поиск ответов на эти вопросы. Продолжим использовать оправдавший себя метод работы с открытыми источниками с максимальной опорой на фактографические проверяемые данные при устранении различного рода оценочных или концептуальных спекулятивных рассуждений. Как правило, открытые источники, особенно мемуарного и исследовательского характера, содержат всю необходимую информацию. При этом особое внимание при анализе, впрочем, так же, как и в обыденной жизни, обращать надо не на то, что выпячивается и акцентируется, а на конкретные детали на, казалось бы, второстепенные ссылки.

Обратимся к уже многократно выручавшим нас воспоминаниям Д. Гвишиани. Тем более, что при написании материалов, связанных с формированием Международного института прикладного системного анализа (МИПСА), мемуарист пользовался материалами, предоставленными ему «Фондом Форда». 7 октября 1966 г. тогдашний президент США Л. Джонсон выступил с инициативой «решительных усилий к долгосрочному укреплению взаимосвязей между Востоком и Западом»³²⁹. Реализовывать свою инициативу он поручил члену Совета национальной безопасности Фрэнсису Бейтору, который был главным экономическим спичрайтером Л. Джонсона.

В воспоминаниях Д. Гвишиани не поясняет, почему Л. Джонсон обратился именно к Ф. Бейтору. Его имя ничего не скажет подавляющему большинству не только российских и зарубежных читателей, но и американцев, не связанных не-

³²⁹ Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по <http://padaread.com/?book=57442>

посредственно с макроэкономикой. Между тем Ф. Бейтор прославился своей работой «Несовершенство и ограничения рынков». Он был последователем и коллегой Д. Гэлбрэйта, знаменитого во времена Советского Союза американского экономиста-институционалиста, а также коллегой и близким знакомым У. Ростоу. В 1966 г. Ростоу занял пост советника по национальной безопасности президента США, а до этого был профессором в Массачусетском технологическом институте (МТИ) и работал на кафедре, которую возглавлял Ф. Бейтор. Объединяло всех этих людей то, что они являлись сторонниками теории конвергенции.

Эта теория, как известно, предполагала постепенное сближение экономических структур, привычно описываемых термином «капитализм», с хозяйственными структурами, характеризующимися как «социалистические». Наиболее известными разработчиками этой теории были как раз Д. Гэлбрэйт с его книгой «Новое индустриальное общество» и У. Ростоу с книгой, написанной в МТИ, «Стадии экономического роста». Их предшественником был известный троцкист и неоконсерватор Д. Бернхэм, написавший «Революцию менеджеров», известную в русском переводе НТС под заголовком «Диктатура директоров». Впервые как научную и прикладную теорию её сформулировал в записке для Ф. Рузвельта великий российский мыслитель и социолог П. Сорокин. Однако в научной и политический оборот эта теория была введена Сорокиным только в 1960 г., когда его работа была опубликована в печати³³⁰.

Традиционно во всех западных, советских, а теперь и в российских работах не только пропагандистского, но и научного характера теория конвергенции связывается с западными, в том числе левоориентированными экономистами реформистского направления. Причём рождение теории повсеместно относят к середине 1950-х годов. Однако история — лучшее подтверждение известной максимы: реальность намного фантастичнее и неожиданнее, чем любой вымысел. Это в полной мере относится и к истории теории конвергенции. Впервые она была в соответствии с указанием И.В. Сталина разработана известным советским экономистом венгерского происхождения академиком Е.С. Варгой, по чьим учебникам учились политэкономии капитализма советские студенты вплоть до конца 1980-х годов.

Варга был одним из немногих советских экономистов, широко известных на Западе. Он родился ещё в 1879 г. и до бегства в Советский Союз успел поработать экономистом в Австро-Венгерской империи, затем — главой ВСНХ первого «красного» венгерского правительства Бела Куна, т.е. фактически премьер-министром. С 1920 г. он стал работать в Коминтерне и был ближайшим соратником О. Куусинена, поддерживал тесные отношения с И. Сталиным, М. Литвиновым и особенно Л. Красиным. В 1927 г. по рекомендации О. Куусинена он возглавил Институт мирового хозяйства и мировой политики, директором которого проработал 20 лет. Любопытно, что до него этот институт основал и возглавлял опять же ближайший сотрудник О. Куусинена Фёдор Ротштейн, к которому мы ещё вернёмся.

Сталин на протяжении всей жизни по-особому относился к Е. Варге, считая его лучшим экономистом-прогнозистом не только в СССР, но, возможно, и в мире. Подобная оценка Сталина сложилась во многом благодаря предсказанному

³³⁰ Sorokin P.A. Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. to the mixed sociocultural type // International Journal of Comparative Sociology. Thousand Oaks, CA. 1960. No. 1, P. 143–176.

Е. Варгой в деталях мировому экономическому кризису 1929 г. Эта оценка ещё более упрочилась, когда он в ходе кризиса в 1933 г. предсказал сначала неизбежную стабилизацию капитализма, а затем в самом конце 1930-х годов спрогнозировал новую мировую войну с участием всех стран, воевавших в Первую мировую войну. При этом, по мнению Варги, эта война должна быть организована не только нацистской Германией, но и в не меньшей степени Соединёнными Штатами, которым она крайне желательна для обеспечения экономического роста и сокрушения Британской империи.

Когда в самом начале 1946 г. И. Сталин принял решение начать работу над новой программой ВКП(б)³³¹, он образовал четыре независимых комиссии, каждая из которых была призвана детально проработать определённый аспект. Одна из комиссий, во главе с О. Куусиненом, должна была проработать разделы, связанные с империалистическими государствами и взаимоотношениями СССР с ними. Двумя его помощниками стали ведущий советский политэконом, член-корреспондент Л. Леонтьев и академик Е. Варга. Последнему было поручено разработать научные основы курса на сотрудничество и взаимодействие между СССР, Соединёнными Штатами и Великобританией. В этом поручении не было ничего принципиально нового. Оно шло в русле работы комиссии В. Молотова и О. Куусинена, созданной в январе 1942 г. и названной «Комиссией по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира».

В рамках группы Куусинена Институт мирового хозяйства и мировой политики интенсивно работал над проектом развития торговых связей с Европой и США. В конце 1946 г. Е. Варга, возглавлявший эту работу, с полного одобрения О. Куусинена и при благожелательном внимании И. Сталина опубликовал монографию «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны». В работе, которая была разослана по советским посольствам для ознакомления и передачи западным партнёрам, содержалось детальное теоретическое обоснование возможности тесного экономического сотрудничества после войны между СССР и ведущими западными странами. Характерно также, что книга получила самую благожелательную оценку в советской партийной печати. В ней, в частности, утверждалось: «За годы войны западные государства перестали быть органом подавления “угнетённых масс” классом капиталистов и стали действовать в интересах всего общества. Они ввели элементы планирования и ограничивают прибыли монополий для перераспределения народного дохода в пользу малоимущих слоёв общества»³³².

Общий вывод работы сводился к тому, что «вопрос о большем или меньшем участии в управлении государством будет составлять главное содержание политической борьбы между двумя основными классами капиталистического общества: буржуазией и пролетариатом... Таким образом, современное буржуазное государство противостоит частным интересам монополий, действует во имя интересов всего общества»³³³.

³³¹ РГАСПИ. А 558, оп.11, д. 121.

³³² Варга Е.С. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 182.

³³³ Варга Е.С. Ук. соч. С. 211.

В статье «Социализм и капитализм за 30 лет», подготовленной на основе материалов Комиссии О. Куусинена и опубликованной Варгой в октябре 1947 г. в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика», Варга пишет ещё более удивительные строки, по сути, впервые формулирующие концепцию конвергенции: «Сейчас уже редко можно встретить где-либо, за исключением США людей, которые осмелились бы утверждать, что капиталистический общественный строй является желательной формой организации человеческого общества... Западное общество признаёт, что существование человечества в рамках капиталистического общества возможно только при проведении социалистических мероприятий... Многие западные учёные и политики заявляют теперь, что переход от капитализма к социализму исторически неизбежен и уже осуществляется»³³⁴.

Вполне понятно, что Е. Варга даже при поддержке О. Куусинена сам никогда бы не решился написать подобные строки без высочайшего одобрения И.В. Сталина. Нетрудно заметить, что они, без сомнения, идут вразрез с идеями В.И. Ленина о диктатуре пролетариата, неизбежном военном противостоянии социалистического государства и мира капитализма и т.п.

Представляется, что после войны вплоть до середины 1947 г. И. Сталин придерживался концепции конвергенции, выработанной при его непосредственном участии и влиянии. Об этом говорят не только многочисленные замечания, которые он оставил на полях четырёх вариантов новой программы ВКП(б), но и его встречи с лидерами социалистических и рабочих партий Восточной Европы. Например, в сентябре 1946 г., встречаясь с лидерами Польской социалистической рабочей партии, он сказал: «Должна ли Польша пойти по пути установления диктатуры пролетариата. Нет. Не должна. Такой необходимости нет. Более того, это было бы вредно. Перед Польшей, как и перед другими странами Восточной Европы, в результате этой войны открылся другой путь развития — путь социально-экономических реформ»³³⁵.

Характерно, что статья Варги, где наиболее откровенно сформулирована теория конвергенции, вышла в октябре 1947 г. уже после сентябрьского решения о закрытии Института мирового хозяйства и мировой политики и объединении его с Институтом экономики. Соответствующее решение было принято 18 сентября 1947 г. Оно связано с целым комплексом событий. Среди них важнейшее значение имело обнародование Г. Трумэном летом 1947 г. его доктрины, фактически означавшей объявление Холодной войны Советскому Союзу. Именно эта доктрина, а не знаменитая Фултонская речь У. Черчилля, положила конец надеждам И.В. Сталина и СССР на долгосрочное мирное сотрудничество трёх держав — СССР, США и Великобритании. Именно доктрина Трумэна поставила крест на надеждах СССР участвовать в плане Маршалла, на что Советский Союз первоначально рассчитывал, и предопределила раскол Европы и мира на две части. С объявлением США Холодной войны СССР теория конвергенции как основа политики не просто сосуществования, а сотрудничества и взаимодействия с Западом, оказалась не только не нужной, но даже вредной. Поэтому концепция была отброшена, институт закрыт, а её автор подвергся нападкам и разоблачениям в партийной печати.

³³⁴ Варга Е. Социализм и капитализм за 30 лет // Мировое хозяйство и мировая политика. М., 1947, № 10. С. 10.

³³⁵ Варга Е. Ук. соч. С. 115.

Однако крайне показательным является тот факт, что в отличие от многих других людей академик Варга, несмотря на нападки в печати и разгон института, не подвергся никаким репрессиям. Напротив, уже после партийного решения он публикует свою статью и остаётся до 1949 г. главным редактором журнала «Мировая экономика и международная политика». В 1949 г. по достижении Варгой 70-летнего возраста он уходит из журнала, а журнал закрывается. Сам же Варга с 1949 г. начинает консультировать по вопросам Венгрии М.А. Суслова, а с 1956 г. и до самой своей смерти — Ю.В. Андропова. Удивительно, но до последних дней Е. Варга сохранил идеальную память и каждый день писал не менее трёх – пяти страниц текста.

2

Однако вернёмся от И.В. Сталина, О. Куусинена и Е. Варги к американским политикам. Характерно, что Ф. Бейтор «первым делом привлёк к решению задачи установления сотрудничества с СССР Макджорджа Банди»³³⁶.

На первый взгляд М. Банди был самой неподходящей фигурой для реализации задумки Л. Джонсона. М. Банди был известен как W.A.S.P., представитель семьи своеобразной американской аристократии, так называемых «бостонских браминов», и ярый вашингтонский «ястреб». Он был одной из главных фигур, втянувших США в войну во Вьетнаме. Однако первый взгляд, как правило, и в жизни, и тем более в исследованиях является поверхностным, а потому неправильным. Если представить Банди в виде кочана капусты, то следует снять несколько слоёв капустных листьев, чтобы добраться до кочерыжки.

М. Банди и Ф. Бейтор принадлежали к одному узкому политико-научному кругу. Бейтор был младшим соратником по науке Дж. Гэлбрэйта. Именно Гэлбрэйт рекомендовал М. Банди Дж. Кеннеди для назначения его на ключевой пост помощника по национальной безопасности³³⁷. В этом качестве М. Банди взял по рекомендации своего брата У. Банди (Директора ЦРУ) его коллегу по МТИ У. Росту в качестве собственного помощника. У. Росту, в свою очередь, был руководителем диссертационного исследования Бейтора, которого он привлёк в аппарат национальной безопасности и рекомендовал спичрайтером Л. Джонсону. Это первый слой, за которым лежит второй. М. Банди происходил, как уже указывалось, из семьи так называемых «бостонских браминов». Таковыми называли наиболее богатых жителей Бостона, которые, к тому же, вели своё происхождение от первых поселенцев американского континента, прибывших из Англии ещё в XVII в. Понятно, что все они были белыми, англосаксами, принадлежали к протестантскому вероисповеданию. Семья Банди особо тесно была связана с такими семьями, как Уитни, Стилпсоны, Лорды и прибывшими на век позже, но включенными в круг браминов, Харриманами или, как привычно переводят их на русский, Гарриманами.

Для краткой характеристики семьи Банди воспользуемся сжатым меморандумом Э. Саттона. Там, где дело касается фактов, а не выводов, этому исследователю

³³⁶ Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по <http://padaread.com/?book=57442>

³³⁷ Kabaservice G. The Guardians: Kingman Brewster, His Circle, and the Rise of the Liberal Establishment. New York City: Henry Holt and Co., 2004.

можно верить как человеку, славившемуся скрупулёзнейшей работой с документами и первоклассным доступом к ним. Беда Саттона — в излишне упрощённых выводах. А факты в его книгах всегда интересные и многократно проверенные.

Слово Саттону. «Давайте выберем одну семью — Банди — вполне похожую на остальные 20 или около того семей членов Ордена “Череп и кости” и внимательно её рассмотрим.

Семья Банди приехала в США из Англии до 1635 г. и поселилась сперва в Бостоне, затем в Тонтоне, Массачусетс. Эта семья — одна из семей юристов и политиков, четыре члена которой состояли в Ордене... Рассмотрим активистов Банди.

Харви Холлистер Банди родился в Гранд Рейпидз, в Мичигане, в 1888 г., умер в 1963 г. Его дед был известным юристом и конгрессменом и его отец тоже был юристом. Харви говорил сам о себе, как о богатом влиятельном адвокате и правительственном чиновнике. Банди был инициирован в Орден в 1909 г. После окончания Гарвардской школы права и непродолжительных путешествий по миру он стал членом Верховного Суда. По случайному совпадению Элджер Хисс, позже признанный виновным в даче ложных показаний на знаменитом процессе Чамберса — Хисса, обвинения на котором включали шпионаж в пользу Советского Союза, также работал там клерком (У. Банди в 1947 г. пытался вызвать повесткой Р. Никсон по приказанию своего шефа — знаменитого сенатора Дж. Маккарти, в связи с тем, что У. Банди оказывал во время и после процесса материальную помощь Э. Хиссу. — *Прим. автора*). У Харви Холлистера Банди было пятеро детей, включая Макджорджа и Уильяма Банди...

Макджордж Банди, закончив Йельский университет и вступив в Орден в 1948 г., некоторое время провёл в Гарварде, а затем поступил на службу в армию США рядовым. За 12 месяцев Банди взлетел до чина капитана и должности штабного офицера по разработке операции «Хаски» — высадка в Сицилии и операции «Оверлод» — высадка в Нормандии. Если есть в этом мире работа, которая требует опыта, то это должна быть работа штабного офицера, планирующего операцию высадки огромного армейского десанта. Может ли 23-летний человек без военного опыта планировать подобные операции? Очевидный ответ — нет. Даже если его отец (член Ордена) работает в Пентагоне помощником военного министра (члена Ордена).

Война в Европе закончилась, и Банди, 27-летний ветеран, отправился прямо в Пентагон сменить на посту помощника военного министра Генри Стимпсона, своего отца. Будучи помощником военного министра М. Банди работает над книгой Г. Стимпсона «На службе во время мира и войны». Г. Стимпсон вместе с Б. Барухом был самым влиятельным человеком в Вашингтоне. Так же, как и Барух, он был советником пяти президентов — от Вильсона до Трумэна. В противовес всем нормам Г. Стимпсон настоял, чтобы М. Банди также значился как автор книги его воспоминаний. Книга вышла под двумя фамилиями, и Банди стал известен всему истеблишменту и всей Америке.

В 1949 г. Банди был приглашён в Гарвардский университет и за четыре года, в 1953 г., стал деканом факультета науки и искусств.

С 1961 по 1966 г. Банди был помощником по национальной безопасности у президентов Кеннеди и Джонсона. В 1966 г. Макджордж Банди ушёл с поста по-

мощника, рекомендовав на него своего друга У. Ростоу, и был назначен президентом Фонда Форда»³³⁸.

Третий слой «капустных листьев» фигуры М. Банди был связан с его активной ролью в советско-американских контактах первой половины 1960-х годов, позволивших решить несколько острейших проблем. Прежде всего и американскому истеблишменту, и советскому руководству была известна взвешенная позиция М. Банди во время Карибского кризиса. По данным советской военной разведки, именно Р. Кеннеди, М. Банди и Р. Макнамара смогли парализовать «ястребов» и способствовали мирному урегулированию Карибского кризиса³³⁹. Именно М. Банди вёл переговоры с В. Кузнецовым по окончательному урегулированию кризиса. Эти переговоры завершились уже после смерти Дж. Кеннеди первым за 1960-е годы масштабным компромиссом между США и СССР. Характерно, что переговоры начинали одни люди — Д. Раск и А. Громыко, а затем вследствие их неспособности согласованно работать и найти взаимоприемлемое решение они были заменены соответственно М. Банди и В. Кузнецовым. Дополнительную значимость в глазах Джонсона отличный рабочий контакт М. Банди с В. Кузнецовым приобретал из-за близости В. Кузнецова к А.Н. Косыгину. Именно он, как уже говорилось, воспринимался в то время на Западе как главная фигура во внешней политике и внешнеэкономических связях в СССР.

М. Банди наладил хорошие рабочие отношения с советскими военными, включая маршала С. Ахромеева, и исследователями, специалистами в области атомного оружия, начиная с президента Академии наук СССР М.В. Келдыша. Эти контакты он установил в ходе разработки и подготовки к подписанию двух важнейших договоров, связанных с атомным оружием, — Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора о частичном запрещении ядерных испытаний. В ходе этих контактов он не скрывал перед советскими переговорщиками своей позиции в отношении атомного оружия. Несмотря на то, что его отец Х. Банди отвечал за контакты министерства обороны США и персонально министра Д. Стипсона со знаменитым Манхэттенским проектом и его руководителем — генералом Грофсом, сам М. Банди весьма негативно относился к ядерным вооружениям. Будучи советником по национальной безопасности Дж. Кеннеди, он стал лидером группы, в которую входили также Р. Кеннеди, П. Сэлинджер, А. Шлесинджер и Р. Макнамара, которая убедила президента изменить стратегию Трумэна.

Стратегия Трумэна предусматривала право США на нанесение превентивного удара по СССР. Причём в Доктрине особо акцентировалось, что удар может быть нанесён на любой, даже нулевой, стадии конфликта. За короткий срок президентства Кеннеди Соединённые Штаты заметно скорректировали свою доктрину. В новой доктрине подтверждение права на превентивный ядерный удар сопровождалось оговоркой, что он не может быть нанесён на начальных стадиях конфликта и без получения стопроцентных подтверждений, что СССР не просто привёл своё

³³⁸ Саттон Э. Орден «Череп и Кости»: Тайная власть. Киев: МАУП, 2005. Цит. по https://www.e-reading.club/bookreader.php/1016996/Satton_-_Orden_Cherep_i_kosti._Taynaya_vlast._Kak_Orden_kontroliruet_sistemu_obrazovaniya.html

³³⁹ Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года. Пер. с англ. М.: URSS, 2012.

стратегическое атомное вооружение в состояние полной боеготовности, но и начал отсчёт времени для нанесения упреждающего удара по Америке. В этих рамках М. Банди совместно с Р. Кеннеди и Р. Макнамарой способствовали установлению прямой непрерывной линии связи — «красного телефона» — между Белым Домом и Кремлём, а также изменили регламент боевого дежурства стратегических атомных сил США.

Как явствует из недавно рассекреченных документов, ПГУ КГБ СССР и особенно ГРУ Генштаба МО СССР имели информацию о весьма специфической позиции М. Банди в отношении войны во Вьетнаме. До сих пор в подавляющем большинстве американских работ М. Банди вместе со своим братом У. Банди рассматриваются в качестве ключевых фигур, втянувших США в войну во Вьетнаме и способствовавших эскалации военных действий в Юго-Восточной Азии³⁴⁰. С фактографической точки зрения это, безусловно, справедливое утверждение. Оно подтверждается сотнями важнейших государственных документов США и записок самого Банди, которые сегодня доступны для исследователей.

Однако в истории всегда интересны не только факты и события, но и побудительные мотивы, заставившие людей, оставивших след в истории, поступать именно так, а не иначе. Не так давно в США вышла сенсационная книга о братьях Банди, базирующаяся на рассекреченных документах из их семейного архива³⁴¹. Приведённые в книге письма и записки позволяют с уверенностью сделать весьма нетривиальный и парадоксальный вывод: хотя М. Банди действительно в решающей степени способствовал всё более глубокому вовлечению США в войну в Южном Вьетнаме, а затем и в бомбардировки ДРВ, он практически с первых дней участия американских войск непосредственно в боевых действиях не верил в военную победу США в этом конфликте.

В книге не дан ответ на эту историческую загадку. Однако у автора есть основания полагать, что такой ответ существует и скрыт в неопубликованных до сих пор по мотивам национальной безопасности воспоминаниях М. Банди, продиктованных им незадолго до смерти. О наличии воспоминаний и их содержании автору упоминал бывший министр финансов и госсекретарь США Дж. Бейкер. Он был не только многолетним коллегой М. Банди, но и другом семьи родителей его жены. Бейкер с уверенностью говорил, что М. Банди считал необходимым участие США в войне во Вьетнаме для того, чтобы не допустить усиления позиций Китая. В то время маоистский Китай активнейшим образом осуществлял экспансию в Азии и рассматривался как важный стратегический враг США. По мнению М. Банди — в изложении Дж. Бейкера — СССР представлял собой договороспособного партнёра по переговорам, с которым можно было, в отличие от Китая, наладить устойчивое, хотя, скорее всего, негласное сотрудничество. Поскольку же американская разведка полагала, что, подобно Корее, во Вьетнаме в начальной стадии конфликта маоистский Китай играл более важную роль, чем СССР, то эскалация военных действий при прямом участии армии США с её высоким техническим оснащением должна была заставить относительно независимое северовьетнамское руководство в большей мере опираться

³⁴⁰ Goldstein G.M. *Lessons in Disaster: McGeorge Bundy and the Path to War in Vietnam*. N.Y.: Holt Paperbacks, 2009.

³⁴¹ Bird K. *The Color of Truth: McGeorge Bundy and William Bundy: Brothers in Arms*. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

ся на СССР. Такое переключение партнёрства в свою очередь должно было ещё более ухудшить отношения Китая и СССР. Кроме того, оно должно было привести к увеличению влияния СССР во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии. По мнению М. Банди, с СССР в отличие от Китая возможно было заключить компромиссный мир во Вьетнаме. Если мнение Дж. Бейкера правильно, а сомневаться в этом оснований нет, то с учётом нынешней геополитической ситуации вполне понятно, что американское руководство отнюдь не горит желанием рассекречивать эту часть архива Банди, хранящуюся в мемориальной библиотеке Дж. Кеннеди.

Настало время перейти от М. Банди и карьер членов семьи Банди к их фамильному бизнесу. Несмотря на то, что поколения Банди были адвокатами, юристами, политиками и государственными чиновниками, их семейный бизнес распространялся далеко за эти пределы. Значительную лепту в фамильное благосостояние на протяжении трёх столетий вносил рыбный промысел. Семья Банди была главным пайщиком крупной рыболовной компании, ставшей в конце XIX в. одним из основных производителей рыбного филе в США.

Однако если рыба в контексте советско-американских отношений интересует мало, то этого не скажешь о других направлениях бизнеса. Долгие десятилетия семьи Харриманов и Банди связывали не только дружеские, но и родственные связи. Кроме того, в XX в. представители этих семей входили в Орден, а более корректно, в братство выпускников Йельского университета «Череп и Кости». Семья Банди была младшим партнёром инвестиционного бизнеса семьи Харриманов. В XX в. Банди вошли в капитал крупной и очень влиятельной инвестиционной фирмы «Браун Бразерс энд Харриман». Эту фирму долгие десятилетия возглавлял выдающийся американский предприниматель, политик и государственный деятель Аверел Харриман. Банди были представлены в семье как непосредственно, так и позднее, когда У. и М. Банди перешли на государственную службу и в благотворительные фонды, — фамильный бизнес в качестве партнёра представлял семейный адвокат Банди Дж. Вест, а затем его сын Дж. Вест II.

Чрезвычайно важно, что основные капиталы Банди были инвестированы в компанию Харримана. Харриманы были многолетними партнёрами Дж.П. Моргана. Причём вошли они в партнёрство в самом начале восхождения Дж.П. Моргана к высотам финансовой власти в США. Более того, они же были одними из последних, кто старался сохранить финансовую империю Морганов после смерти самого Дж.П. Моргана. Вместе с Ф. Стэнли — партнёром Моргана по инвестиционному банку «Морган Стэнли» — они вплоть до начала 1950-х годов пытались препятствовать, хотя и безуспешно, поглощению значительной части финансовой империи Моргана семейством Рокфеллеров и связанными с ними банкирами.

А. Харриман параллельно и одновременно с Дж. Рокфеллером стал первым американским магнатом в прямом смысле этого слова, который в самом начале 1920-х годов сыграл решающую роль в восстановлении экспортных отраслей промышленности СССР и вложил в него деньги³⁴². Если Рокфеллер занимался восстановлением нефтедобычи в Бакинском регионе и строительством нефтепровода от Баку до Потти, то Харриман взял на себя восстановление добычи марганцевой руды,

³⁴² Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930. Stanford: HIWRP, 1970.

которая стала важнейшим экспортным продуктом СССР в 1920–1930-е годы. Любопытно, что, когда в СССР национализировали марганцевую концессию, Харриману, в отличие от многих других иностранцев, не только полностью компенсировали затраты, но и обеспечили получение сверхординарной прибыли. Ему были перечислены в сегодняшнем эквиваленте 3 млрд. долларов в советских рублях. Причём первый и последний раз в истории сталинского СССР иностранцам было разрешено закупить на рубли всё, что они пожелают, и вывезти из страны. Харриман закупил на них частично тот же марганец, а в основном нефть. Но продал её не через Рокфеллеров, а через Г. Детердинга в Италию Муссолини, с которым у СССР были устойчивые и добрые экономические отношения.

В годы войны Харриман был послом США в СССР. На протяжении четырёх лет он поддерживал теснейшие отношения с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и, как вспоминали ветераны разведки, с Л.П. Берией. Любопытно, что во время одной из встреч с Харриманом в июне 1944 г. И. Сталин признался, что две трети советской тяжёлой промышленности было построено компаниями США. И.В. Сталин высоко оценивал деятельность А. Харримана как бизнесмена и дипломата. Он часто обсуждал с ним так называемый «план Делано», который был разработан специалистами из компаний семей Харриманов, Гугенхаймов и Вандербильдов (все входили в Денежный траст Моргана и соперничали за американские железные дороги с семьёй Рокфеллеров и поддерживавшими её финансистами из Чикаго и Нью-Йорка). В ходе разработки этого плана, начиная с 1942 г. американские инженеры детально работали над проектом создания Транссибирской магистрали-2, ведущей от Москвы не во Владивосток, а на Чукотку, с продолжением её в виде тоннеля, а затем железной дороги в Канаде, смыкающейся с железнодорожной сетью США. В начале 1945 г. И.В. Сталин обсуждал с А. Харриманом проект объединения железнодорожных и автомобильных сетей СССР и США в единую трансконтинентальную систему, в которую постепенно должны были включаться также Европа и Китай. Однако этот проект, как и многие другие, после смерти Ф. Рузвельта и последовавших за этим событий, естественно, не был реализован.

Уже после войны Харриман наряду с Рокфеллерами последовательно выступал за улучшение отношений между США и СССР, неоднократно бывал в Москве и встречался с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным. Любопытно, что в 1983 г. 92-летний Аверелл Харриман стал первым и единственным высокопоставленным американцем, с кем встретился в качестве генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропов. Они проговорили за закрытыми дверями более трёх часов. Эту поездку ветеран американской политики и бизнеса совершил по согласованию в том числе с администрацией Р. Рейгана. По возвращении из СССР он встретился с Р. Рейганом, У. Кейси, К. Уайнбергером и Ч. Виком (последний, личный друг Р. Рейгана, возглавлял в то время USIA, в которую входил в также и «Голос Америки»). Ч. Вик в разговоре с автором вспомнил, что А. Харриман во время встречи сказал: «В СССР скоро будет очень молодой Генеральный Секретарь, преемник Ю. Андропова, который постарается наладить отношения с Соединёнными Штатами».

Подтверждением слов Ч. Вика является фрагмент предсмертного интервью известного советского дипломата, бывшего посла СССР в ООН, многолетнего товарища Е.М. Примакова ещё со времён тбилисского детства, Виктора Израэляна:

«— Говорят, что именно вы были одним из первых людей в СССР, кто ещё в 1984 году знал, что новым “хозяином” страны станет Михаил Сергеевич Горбачёв.

— Насчёт “первого” утверждать не берусь. Но историю эту расскажу. Об официальных контактах Горбачёва с Бушем-старшим знают все. А вот то, что их первая встреча намечалась ещё на весну 1984-го, известно немногим. Я в ту пору работал представителем Советского Союза на Женевской конференции по разоружению. Моим американским коллегой по конференции был посол Льюис Филдс, о котором говорили, что он протеже вице-президента Буша. Да и сам он при случае с удовольствием подчёркивал это. В марте 1984 года Филдс отправился в Вашингтон для консультаций. Вернувшись, он сказал, что в апреле в Женеву прибывает вице-президент Буш. С Бушем я был достаточно хорошо знаком с начала 1970-х. Он работал тогда постоянным представителем США при ООН, я же занимал пост первого заместителя представителя СССР в ООН. До сих пор мы поддерживаем связь с Барбарой и Джорджем Буш. (Кстати, когда в Америке узнали о смерти видного советского дипломата, одним из первых телеграмму соболезнования в адрес семьи Виктора Израэляна прислал Буш-старший. — *И.М.*). После сообщения о приезде Буша в Женеву Филдс попросил меня о встрече. Я пригласил его в резиденцию нашей делегации, но он предложил встретиться “на нейтральной почве” в одном из загородных ресторанов. О предстоящем выступлении Буша, который должен был представить проект конвенции о запрещении химического оружия, Филдс говорил в самых общих чертах. После обеда он неожиданно предложил: “Давай пройдемся по парку. Мне есть что тебе сказать. Боюсь, разговор, который нам предстоит, нельзя доверять даже стенам ресторана”. Когда мы вышли, посол продолжал: “В Вашингтоне хотели бы установить серьёзный деловой контакт с кремлёвским руководством. Вице-президент Буш готов встретиться в Женеве с одним из новых советских лидеров. Только эта встреча должна носить строго конфиденциальный характер”.

— Американцы имели тогда в виду конкретного человека?

— Да, господин Филдс однозначно ответил, что вице-президент Буш хотел бы встретиться с Михаилом Горбачёвым как наиболее вероятным будущим лидером Советского Союза. По правде сказать, я удивился: почему американцы заинтересовались кандидатурой Горбачёва, который в то время занимался, в основном, вопросами сельского хозяйства, и почему такое важное предложение делалось не по обычным дипломатическим каналам — через посла Добрынина в Вашингтоне или посла Гартмана в Москве?

Стремление как можно доходчивее и привлекательнее донести предложение СССР — Вы задали господину Филдсу эти вопросы?

— Да, конечно. Но вразумительного ответа не получил. “Я выполнил лишь порученное мне”, — сказал Филдс³⁴³.

Однако Харриманами связи семейного бизнеса Банди с СССР не исчерпывались. Семья Банди была одним из партнёров авторитетной и влиятельной вашингтонской юридической фирмы «Ковентгтон-Берлинг». Вашингтонские юристы в соответствии с законодательством США обладали монопольным правом вести юридическую практику в округе Колумбия и, соответственно, решали в основном дела,

³⁴³ http://nashavlast.ru/article_description/77/174.html

связанные с правительством. Ещё до принятия закона об официальном лоббизме они осуществляли законодательно разрешённую лоббистскую деятельность в интересах американских и иностранных деловых кругов, правительств и т.п.

Упомянутая юридическая фирма, где работали многие из Банди, в том числе и У. Банди — будущий крупный разведчик и дипломат, в числе клиентов имела, например, «Джи Пи Морган» и «Морган Стэнли», «Браун Бразерс энд Харриман» и т.п. Не менее интересен список иностранных клиентов «Ковингтон и Берлинг». В их число помимо прочих входил, начиная с 1903 г., «Комитет банковских акцептных домов Сити». Этот Комитет объединял 17 крупнейших и наиболее влиятельных частных банковских домов Сити, включая Ротшильдов, Лазерсов, Варбургов и т.п., с 1918 г. — Дом Нобилей, с 1923 г. — ИГ Фарбен, Русскомбанк, а затем Внешторгбанк СССР, и с 1946 г. — правительство Республики Финляндия³⁴⁴.

Нью-Йоркским партнёром «Ковингтон и Берлинг» была знаменитая юридическая компания «Симпсон-Тэчер-Барлинг». В капитале компании также были представлены деньги семьи Банди. Эта юридическая фирма поучаствовала во многих событиях XX в. в Америке. Нас же в контексте тематики интересует её деятельность во время Октябрьской революции и в 1920-е годы. Фирма была юридическим агентом американского Красного Креста, а один из её партнёров — Тэчер — участвовал в направленной Д. Морганом экспедиции Красного Креста в Россию. В состав экспедиции входили надевшие военную форму банкиры, в основном принадлежащие к группе Морганов и частично Рокфеллеров. Группу возглавлял полковник У. Томпсон — директор Нью-Йоркского банка Федеральной резервной системы. Юридическим советником этой миссии, которая провела в России достаточно длительное время и способствовала открытию для большевиков дверей Уолл-Стрита, был партнёр фирмы Тэчер. Исчерпывающий перечень документов по экспедиции полковника Томпсона в Россию дан в книге всё того же Э. Саттона «Уолл-Стрит и большевистская революция»³⁴⁵.

Нас в контексте исследования интересуют два любопытных факта. Члены делегации имели встречи с Л. Красиным и О. Куусиненом. Одним из четырёх переводчиков миссии был многолетний сотрудник О. Куусинена и впоследствии первый директор Института мирового хозяйства и мировой политики Ф. Ротштейн.

Ещё одну группу близких друзей и многолетних приятелей Макджорджа Банди составляли некоторые его коллеги по администрациям Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Одним из них был Джордж Болл. С ним Банди познакомился ещё в конце войны в Лондоне, где он занимался планированием высадки в Нормандии. Джордж Болл с 1944 г. стал директором Управления планирования стратегических бомбардировок США для Европы. Несмотря на относительно значительную, чуть более 10 лет, разницу в возрасте, молодые военные познакомились и с тех пор поддерживали даже не приятельские, а дружеские отношения. Дж. Болл вошёл в кабинеты этих президентов как министр по сельскому хозяйству и экономическим вопросам. Будучи противником эскалации войны во Вьетнаме, во внутриамериканских делах

³⁴⁴ По Oller J., Shoe W. How a New Breed of Wall Street Lawyers Changed Big Business and the American Century. Doston: Dutton, 2019; Westwood H.C. Covington & Burling 1919–1984. Washington: Covington & Burling, 1986.

³⁴⁵ Саттон Э. Уолл-Стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998.

и других международных вопросах он неизменно поддерживал М. Банди в его дискуссиях с Дж. Кеннеди и Л. Джонсоном. С подачи Банди он был назначен на пост представителя США в ООН, но пробыл на этом посту недолго.

Чуть позже Дж. Болл подал в отставку и ушёл старшим вице-президентом одного из крупнейших инвестиционных банков того времени «Леман Бразерс». Банк был основан участниками знаменитой мишпухи, или «Толпы», о которой мы писали ранее. В первой половине XX в. он входил в финансовую группу Морганов. Затем, после Великой рецессии и падения дома Морганов тесно взаимодействовал с «Браун Бразерс и Харриман» и Лондонским Сити. В последующем «Леман Бразерс» и конкретно Джордж Болл сыграют огромную роль в появлении рынков еврооблигаций и евродолларов. До своего ухода в отставку в 1981 г. с поста первого вице-президента сохранял самые тесные отношения с М. Банди. Банк также активно участвовал в проектах Фонда Форда.

Близкие приятельские отношения связывали М. Банди с известным экономистом и республиканским политиком Джорджем Преттом Шульцем. Первый раз познакомился с ним Банди всё в том же Лондоне, где Дж. Шульц представлял Корпус морской пехоты в группе планирования высадки в Нормандии. В последующем, в 1950-е годы знакомство возобновилось и не прерывалось до самой смерти М. Банди. Второй раз их познакомил близкий друг Банди и в более поздние годы его подчинённый У. Росту. Росту и Банди длительное время преподавали в Массачусетском технологическом институте. После ухода М. Банди с государственной службы на должность первого вице-президента Фонда Форда он постоянно контактировал с Дж. Шульцем, который, напротив, в 1969 г. поступил на государственную службу, став министром труда в администрации Ричарда Никсона. В последующем он был министром финансов США и сыграл одну из ключевых ролей в ликвидации «золотого стандарта» Бреттон-Вудской системы и переходе к бумажному доллару. Также Банди в рамках Фонда Форда тесно взаимодействовал с Шульцем в бытность его государственным секретарём в администрации Р. Рейгана.

Ещё одним человеком, с которым длительное время поддерживал самые тесные отношения М. Банди, был его коллега по администрации Дж. Кеннеди и Л. Джонсона министр обороны США и выдающийся американский управленец Роберт Макнамара³⁴⁶. Банди познакомился с ним опять же в Лондоне, где Макнамара представлял управление статистического контроля. Главной задачей этого управления было определение эффективности использования бомбардировочной авиации над Германией и при поддержке десантной операции в Нормандии. В ходе войны Макнамара получил признание как один из самых выдающихся офицеров-аналитиков, разработавших принципиально новые статистические методы выбора целей и оценки их поражения. Там же Макнамара познакомился и с Дж. Боллом. После войны вместе с Банди Макнамара был профессором Гарвардского университета и одно время даже работал на кафедре М. Банди.

Всеамериканское признание как один из лучших в мире управленцев и руководителей крупной корпорации Макнамара получил в 1950-е годы, когда занял пост первого вице-президента компании «Форд». Вместе с ним в компанию пришла

³⁴⁶ Blight J.G., Lang J.M. *The Fog of War: Lessons from the Life of Robert S. McNamara*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2005.

группа молодых выпускников Гарварда, получившая в Америке прозвище «Мудрые дети». Р. Макнамаре вместе с его командой удалось спасти «Форд» от неминуемого краха, к которому его привели никчёмные наследники великого Генри Форда. Де-факто Р. Макнамара был первым руководителем с правом решающего голоса в компании, не принадлежащим к семье Фордов; ему удалось не только предотвратить крах «Форда», но и вернуть компании лидирующие позиции в мировой автомобильной промышленности. После этого по рекомендации отца и своего любимого экономиста Дж. Гэлбрэйта Джон Кеннеди пригласил Р. Макнамару в свой кабинет в качестве министра обороны.

Макнамара вместе с Р. Кеннеди, М. Банди, П. Сэлинджером представляли своего рода «голубей» в ходе Карибского кризиса и при посредничестве офицера ГРУ активно участвовали в его неформальном урегулировании и установлении прямой связи с Москвой. В последующем Р. Макнамара вместе с М. Банди много и плодотворно работали с В. Кузнецовым по окончательному урегулированию Карибского кризиса. В президентство Джонсона Р. Макнамара так же, как и М. Банди, нехотя поддерживал эскалацию во Вьетнаме. При этом уже с 1967 г. Макнамара изменил свою позицию и решительно высказывался за прекращение бомбардировок Северного Вьетнама, за создание мощной заградительной стены между Северным и Южным Вьетнамом и минных, а также электронных полос, не позволявших Северному Вьетнаму перебрасывать свои войска в Южный при помощи «Тропы Хо Ши Мина». В итоге в 1968 г. он покинул администрацию Джонсона, надеясь на выдвижение в президенты Р. Кеннеди. После убийства последнего Макнамара согласился занять пост президента Всемирного Банка. Он был тем человеком, который рекомендовал семье Фордов М. Банди в качестве президента Фонда Форда, который помимо благотворительности аккумулировал в себе семейную собственность, чтобы избежать драконовского Закона о наследстве. На посту президента Всемирного Банка Макнамара осуществлял многочисленные программы совместно с Фондом Форда.

В заключение исследования системы связей семьи Банди нельзя не отметить их, как это ни покажется парадоксальным, взаимодействие с левым движением в США. При всём консерватизме Банди один из братьев, а именно Уильям, хорошо знал советника Ф. Рузвельта, человека, долгие годы сотрудничавшего с советской разведкой, Э. Хисса. Ещё более любопытным представляется тот факт, что компания «Ковингтон и Берлинг» неоднократно участвовала в судебных процессах, где обвиняемыми были американские левые и, более того, члены коммунистической партии США. Одновременно эта же компания участвовала и в процессах на стороне истца, где правительство США в лице ФБР преследовало левых, включая коммунистов. Впрочем, данное обстоятельство может показаться удивительным лишь тем, кто слабо знаком с историей американской коммунистической партии. В 1968 г. в августовском номере расследовательского бюллетеня газеты Washington Post был опубликован большой документальный материал, доказывающий, что из чуть более 20 тыс. членов компартии около полутора тысяч, включая практически всё руководство, были платными или бесплатными, как например, второе лицо в компартии — М. Чайлдс, агентами или осведомителями ФБР.

Несмотря на то, что в отношении Гэса Холла книг, подобных «Операции “Соло”», не написано, многие отставные работники ЦРУ и Международного отде-

ла ЦК КПСС, с которыми автору довелось беседовать, были убеждены, что так же, как и его заместитель по международным вопросам, Г. Холл сотрудничал с ФБР. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку он, так же, как и его заместитель по международной деятельности, оканчивал школу Коминтерна и обучался у О. Куусинена и М. Суслова.

В «сухом остатке» можно ещё раз подтвердить известный вывод о том, что в США в XX в., в отличие от нынешних дней, случайных назначений и людей на вершине власти не было. Каждый в основном выполнял ту работу, к которой был подготовлен и для которой обладал необходимыми связями, навыками и жизненной историей.

Обратимся опять к воспоминаниям Д. Гвишиани: «Вспоминая спустя годы о встрече с Л. Джонсоном относительно своей миссии, М. Банди написал: “В сущности, его инструкции можно выразить одной фразой, хотя я не уверен, что он когда-либо произносил её: “Я хочу, чтобы Вы поехали и построили мне мост на Восток”»³⁴⁷.

3

В течение 1966 г. в Америке закипела работа различных групп, собираемых Банди для обсуждения конструкции «моста на Восток». В конце года, выступая на пресс-конференции, М. Банди сказал: «Президент сегодня утром обсуждал со мной одну идею, с которой уже знакомил меня раньше и поручил мне привести её в действие. Он попросил меня в ближайшие месяцы в качестве его личного представителя изучить возможности основания международного центра исследования проблем, общих для развитых стран...

Центр, который объединил бы инженеров, экономистов, управленцев, экспертов в области производства и прочих — как теоретиков, так и практиков — может вырасти в центр обучения — по крайней мере, об этом мечтает Президент, который поможет нам всем»³⁴⁸.

Попросту говоря, М. Банди предложил Л. Джонсону построить «мост на Восток» в виде Международного центра по конвергенции. Это и не удивительно, поскольку все участники американской команды были либо разработчиками, либо основоположникам западной версии теории конвергенции. Кроме того, у них была предварительная информация, что в определённой степени, в какой — им тогда известно не было, эта теория была приемлема и для советской стороны.

В течение 1967 г. Банди развернул активную деятельность по подведению под эту идею содержательного, административного, организационного и юридического фундаментов. В итоге она была обсуждена на уже не раз упомянутой встрече в Гласборо между Л. Джонсоном и А. Косыгиным.

Здесь важно обратить особое внимание на принципиальный момент. Необходимо судить об исторических событиях не с позиций сегодняшнего дня, когда мы знаем, как и чем всё закончилось, а постараться понять и оценить их по возможности с позиций и в контексте того времени, когда они происходили. Это чрезвычайно важно,

³⁴⁷ Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по <http://padaread.com/?book=57442>

³⁴⁸ Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по <http://padaread.com/?book=57442>

так как сегодня и с математической, и с физической, и с социологической, и с других точек зрения более-менее доказано, что история всё же имеет сослагательное наклонение. Исторический процесс не сверхжёстко детерминирован, а включает в себя как периоды более-менее предсказуемой динамики, так и фазы, когда происходит частично закономерный, а частично случайный выбор из нескольких альтернатив последующей динамики. Причём варианты не только сильно, а иногда и чрезвычайно сильно различаются между собой, но и более того, невыбранные варианты продолжают оказывать определённое влияние на динамику как на предсказуемом участке исторической траектории, так и в момент следующего исторического выбора.

Очень важно понять исторический контекст встречи Л. Джонсона и А. Косыгина. Она прошла сразу после крупнейшего Карибского кризиса в советско-американских отношениях и вскоре после Шестидневной войны на Ближнем Востоке. Несмотря на территориальную и тактическую победу Израиля — стратегического союзника США, СССР даже при военном и политическом поражении своих союзников в Египте и Сирии смог благодаря этой войне получить ощутимые дивиденды на Ближнем Востоке, в арабских странах и шире — в Движении неприсоединения. В остальном же позиции Л. Джонсона на встрече были весьма и весьма плачевными. Америка второй половины 1960-х годов находилась в серьёзном экономическом кризисе. Мало того, что падали темпы экономического роста, стремительно сокращался экспорт товаров и услуг на развитые рынки Европы и Азии. В 1967 г. впервые за всю историю США платёжный баланс был сведён с дефицитом. Т.е. впервые, пускай на короткий период, импорт в Америку превысил экспорт, в основном за счёт усиления Западной Европы и Японии. Плюс к этому как шагреновая кожа таял золотой запас США. Это было связано с тем, что доллар был единственной валютой на Западе, которая в соответствии с Бреттон-Вудскими соглашениями должна была обязательно обмениваться на золото, в то время как другие валюты обменивались лишь на доллары.

Экономические трудности сопровождались нарастанием социальных противоречий и напряжённости в стране. Каждое лето Америку сотрясали бунты негритянского населения. В 1967–1968 гг. масштабы этих бунтов, например, в Лос-Анджелесе, Чикаго и Детройте были таковы, что руководство Национальной гвардией оценивало их как преддверие расовой гражданской войны. Во всех крупнейших городах Америки непрерывно проходили студенческие волнения и многотысячные и даже миллионные демонстрации против войны во Вьетнаме. Нельзя не отметить, что студенческие волнения и демонстрации в значительной мере проходили под левыми, хотя в основном и некоммунистическими лозунгами. Эти волнения и демонстрации перерастали в подлинные сражения с полицией, когда для их подавления приходилось вводить в города бронетанковые подразделения и вертолёты.

Социальные волнения второй половины 1960-х годов происходили на фоне глубокого политического кризиса. И дело было не только в убийствах Дж. и Р. Кеннеди, М. Икса, М.Л. Кинга, не только в появлении в американских городах городских партизан и радикальных террористов, но и в кризисе двухпартийной системы. Политические машины двух партий стали давать серьёзные сбои: на выборах стали появляться не связанные с партийными машинами кандидаты типа одиозного Б. Голдуотера на президентских выборах 1964 г. или Дж. Макговерна на выборах 1968 г.

Экономический, социальный и политический кризис в США происходил на фоне утраты американских позиций в Европе и Азии. В ФРГ к власти шли социал-демократы. В Британии победили лейбористы во главе с достаточно левым политиком Г. Вильсоном. Пятая республика Де Голля находилась под давлением объединённого фронта социалистов, коммунистов и профсоюзов, поддерживаемого студентами. В Италии правящая Христианско-демократическая партия всерьёз задумалась о партнёрстве с коммунистами и включении их в правительство. Даже в Японии от выборов к выборам социалисты и коммунисты улучшали свои позиции. Китай при резком ухудшении отношений с СССР и даже военных столкновениях на о. Даманском и в Казахстане разворачивал по всему миру, особенно в Латинской и Центральной Америке, партизанское антиамериканское движение, угрожал проведением террористических актов с использованием химического и бактериологического оружия на территории Соединённых Штатов.

Советский Союз демонстрировал превосходящую США динамику и в сферах образования, науки и техники. К концу второй половины 1960-х годов СССР, ликвидировав разрыв в потенциале стратегического уничтожения, вышел на паритет с Соединёнными Штатами не только по мощи зарядов, но и по средствам доставки ядерного оружия. Как это сегодня ни звучит удивительным, но на тот момент Советский Союз, по признанию самих отнюдь не левых, а консервативных американцев, первенствовал не только в космосе, но и в области электронно-вычислительной техники, в системах мобильной связи и телекоммуникаций, в энергетике, включая нетрадиционные виды, и даже в биотехнологиях. Наиболее ярким, доступным широкому восприятию символом всего этого было неоспоримое на момент встречи Л. Джонсона с А. Косыгиным первенство СССР в космосе. В этом контексте вариант конвергенции двух систем и налаживания не конфронтационных, а нормальных и даже партнёрских отношений с СССР был для США не только не худшим, а даже, по оценкам значительной части тогдашней правящей элиты, лучшим вариантом исхода соревнования двух систем.

4

Однако от описания контекста пора вернуться к фактографии. Настала очередь, опираясь на предоставленные М. Банди в распоряжение Д. Гвишиани материалы, описать последовательность событий, приведших к созданию Международного института прикладного системного анализа. При рассмотрении фактов важно ответить на три группы вопросов. Первая — о каких ключевых событиях не упомянул Д. Гвишиани в своих воспоминаниях. Вторая — кто такой лорд Золли Цукерман и почему он подключился к созданию МИПСА. И, наконец, третья — какие силы олицетворяли М. Банди и З. Цукерман, что у них было общего с группой А. Печей и А. Кинга, а в чём они кардинально расходились.

Итак, обратимся к воспоминаниям Д. Гвишиани, написанным в части истории создания МИПСА, прежде всего на основе документов, предоставленных ему Фондом Форда и М. Банди: «Приступив к практической реализации намерений президента Л. Джонсона, в мае 1967 г. М. Банди отправился в поездку по Европе..., что-

бы выяснить возможную позицию по отношению к американской идее о создании нового международного научного центра...

Во второй половине июня 1967 г. ... в небольшом городке Гласборо, расположенном между Нью-Йорком и Вашингтоном, состоялась встреча Л. Джонсона и А.Н. Косыгина... Встреча, естественно, не ограничивалась только лишь формальной повесткой дня...

Осенью, выбрав подходящий момент, я подробно рассказал Косыгину об идее нового международного института. Алексей Николаевич горячо поддержал эту идею и сказал, что будет всячески отстаивать предложения Джонсона со своей стороны. Но действовать надо, по его словам, "в установленном порядке", т.к. эти вопросы не входят в его прерогативу...

В декабре 1967 г. М. Банди посетил Москву, чтобы принципиально переговорить о желательности создания какой-либо международной структуры, облегчающей научно-технические контакты...

Во второй половине 1968 г. по многим тонким дипломатическим и прагматическим соображениям... было признано целесообразным передать руководство дальнейшей разработкой идеи Великобритании. Возглавить эту работу было поручено лорду Золли Цукерману...

После выборов 1968 г. в Вашингтоне сменилась администрация и тонкие политические соображения требовали, чтобы дальнейшую работу американской стороны над созданием института вёл человек, имя которого не было бы так прочно связано с президентом Джонсоном как имя Макджорджа Банди. С согласия и при поддержке администрации Никсона Банди передал свои полномочия Ф. Хэндлеру, президенту Национальной академии наук США, и дальнейшие официальные переговоры с американской стороны вёл последний... Что же касается М. Банди, то... передав официальные полномочия, он продолжал активную и самую плодотворную работу "за кулисами" переговоров...

В декабре 1968 г. в Вене происходит моя встреча с Банди и Цукерманом... Она была краткой, но исключительно продуктивной, — именно тогда нам удалось наметить принципы организации и функционирования будущего института...

Очень конструктивной оказалась краткая встреча в Москве в мае 1969 г. с Банди, Цукерманом и Печчеи. Мы впервые конкретно обсудили в том числе организационные вопросы, что позволило начать практическую работу по организации института...

С конца 1970 г. работа стала носить предметный характер, и мы занялись вопросами конкретной программы, штата, системы управления и финансирования института. Эта работа затянулась на полтора года. За это время удалось добиться, чтобы впервые международный исследовательский институт финансировался советской стороной напрямую из бюджета. В октябре 1972 г. учредительные документы Международного института прикладного системного анализа в Вене были подписаны»³⁴⁹.

Нетрудно заметить, что работа по созданию МИПСА заняла долгие, даже по меркам XX в., пять лет. Понятно, почему определённые затяжки времени происходили с советской стороны. М.А. Суслову, Ю.В. Андропову и др. надо было взять

³⁴⁹ Гвишиани Д. Ук. соч. Цит. по <http://padaread.com/?book=57442>

под полный контроль все каналы межэлитных взаимодействий, убедиться в том, что по факту Д. Гвишиани будет исполнителем прежде всего их воли. Также понятно, что и в Соединённых Штатах происходила смена демократов, пребывавших в Белом Доме восемь лет, на республиканскую администрацию Р. Никсона. Однако возникает вопрос, а причём здесь лорд Золли Цукерман и почему Великобритания стала ключевой страной в переговорах по созданию института, а упомянутый британский лорд стал главным координатором и двигателем этой работы. Ответов на эти вопросы ни в материалах М. Банди, ни в воспоминаниях Д. Гвишиани нет. Придётся поискать ответы самостоятельно.

На поверхности лежит достаточно простое объяснение. Известно, что уже к началу 1968 г. Л. Джонсон принял решение не баллотироваться на пост президента США. У него не было никаких шансов вновь стать президентом. По всем опросам общественного мнения с большим отрывом лидировал тогда ещё не принявший решение о выдвижении Р. Кеннеди. За спиной у него с большим отрывом находился ветеран американской политики, ученик знаменитого «охотника за ведьмами» Дж. Маккарти — Р. Никсон. Даже левый демократ Дж. Макговерн и то опережал во всех опросах общественного мнения Л. Джонсона, чьё имя прочно было связано с Вьетнамом и волнениями в американских городах. В этих условиях, казалось бы, вполне логичным поручить создание института кому-то ещё. Однако остаётся непонятным, почему этим кем-то ещё стали британцы. Ведь в конце концов Р. Никсон был готов уполномочить Л. Джонсона провести уже после президентских выборов ещё один тур переговоров с А.Н. Косыгиным в Вене. Об этом, в частности, пишет в своих воспоминаниях тот же Д. Гвишиани. Ещё более невероятной представляется идея, что уходящий президент Л. Джонсон и новый президент Р. Никсон могли поручить строить мост между Вашингтоном и Москвой лейбористскому премьер-министру Г. Вильсону.

Надо сказать, что до своего избрания премьер-министром Вильсон был одним из представителей левого крыла лейбористов. Он не только долгие годы являлся одной из ключевых фигур Фабианского движения, но и поддерживал теснейшие отношения с профсоюзами и левыми интеллектуалами; более того, он вполне всерьёз подозревался МИ-6 и ЦРУ как советский агент. Дополнительную пищу для размышлений давали обстоятельства прихода лейбористов и лично Г. Вильсона к власти. Они были в решающей степени связаны с грандиозным скандалом с членами консервативного кабинета, возглавляемыми военным министром Великобритании Профьюмо. Этот скандал известен как «дело Кристин Килер», которую контролировал разведчик ГРУ Евгений Иванов³⁵⁰.

Представляется совершенно невероятным, что при такой репутации Вильсона он мог быть избран не только советской, но и американской стороной как лучшее лицо для посредничества в переговорах. Отсюда можно сделать вывод: дело было не в Г. Вильсоне, а в лорде Золли Цукермане и ещё каких-то обстоятельствах, укrywшихся от американских, британских и российских исследователей.

Как это не раз бывало и ещё будет в истории, тайные обстоятельства на самом деле ни от кого не скрываются и абсолютно доступны для внимательного и вдумчивого анализа.

³⁵⁰ Подробнее см.: Иванов Е.М., Соколов Г.Е. Голый шпион. М.: Кучково поле, 2009.

Первый сдвиг в застопорившейся работе по созданию МИПСА приходится на вторую половину 1968 г. Решающая встреча датируется, как нетрудно заметить из воспоминаний Д. Гвишиани, маем 1969 г. Оперативная работа, связанная с огромным объёмом финансовой, юридической, научной документации и принятием принципиальных государственных решений, приходится на 1971 – первую половину 1972 г.

В США в этот период ничего особенного не происходило. Однако с учётом дальнейших событий мировой истории этого нельзя сказать о британской политической жизни. Весной 1969 г. тогдашний лидер консервативной партии Великобритании Э. Хит решил переформировать своё теневое правительство. На пост теневого министра транспорта была назначена восходящая звезда консервативной партии и британской политики, «заднескамеечница» М. Тэтчер. В роли теневого министра транспорта в 1969 г. она совершила всего два визита. Первый, как и все консерваторы, в Вашингтон и Нью-Йорк, где она проводила встречи в том числе с М. Банди, У. Ростоу и Б. Скоукрофтом — будущим советником по национальной безопасности США, а в то время одним из ключевых сотрудников Г. Киссинджера.

Гораздо более неожиданной оказалась вторая страна, где побывала М. Тэтчер. Член консервативного теневого кабинета, никак не связанный и не занимавшийся в партии внешней политикой и международной экономикой, тем не менее, отправляется в СССР. До этого в СССР она никогда не бывала. Поскольку консерваторы не находились у власти, её визит не имел отношения ни к ЦК КПСС, ни к советскому правительству, ни, опять же понятно, к советским профсоюзам. Более того, к визиту не имело отношения и общество советско-британской дружбы. Организацию визита тогда ещё малоизвестной на международной арене М. Тэтчер осуществила Торгово-промышленная палата (ТПП). Встречи с Маргарет Тэтчер проводил (или сопровождал премьера) руководитель ТПП знаменитый Евгений Питовранов, который к тому времени уже стал особо доверенным лицом Ю.В. Андропова и руководителем его личной неформальной разведывательной структуры, которая была развёрнута на базе ТПП.

В марте 1970 г. М. Тэтчер переходит с поста министра транспорта в теновом кабинете на пост теневого министра науки и образования. Летом 1970 г. на парламентских выборах консерваторы побеждают лейбористов, и М. Тэтчер становится уже не теновым, а реальным министром науки и образования. При этом нужно отметить, что особым пристрастием ни к науке, ни к образованию М. Тэтчер никогда не отличалась, скорее, напротив. Тем не менее на посту министра она уговаривает единственного из советников и помощников лейбористского правительства — лорда Золли Цукермана — остаться на посту главного научного советника уже консервативного правительства и её лично. Золли Цукерман соглашается и продолжает занимать этот пост вплоть до конца 1971 г. — момента, когда были согласованы все основные документы, темы, бюджеты и местоположение МИПСА. Более того, уже после официального ухода в отставку по просьбе М. Тэтчер он продолжает оставаться вплоть до конца 1970-х годов её личным неофициальным советником по тематике МИПСА.

Зададимся же вопросом — кто такой Золли Цукерман³⁵¹. З. Цукерман родился в ЮАР в состоятельной еврейской семье. Его отец долгие годы занимал ответствен-

³⁵¹ Zuckerman S. From Apes to Warlords. L.: Hamish Hamilton Ltd., 1978; Zuckerman S. Monkeys, Men and Missiles. N.Y.: HarperCollins Publishers Ltd., 1988.

ные посты в «Де Бирс» и «Лонро». Если о «Де Бирс» знают все, то холдинг «Лонро», несмотря на то, что его история насчитывает более столетия и компания остается одной из крупнейших трастовых структур мира, известен гораздо меньше. Он был основан при прямом участии С. Родса³⁵². В последующем контрольный пакет в нём приобрела и до сих пор сохраняет династия Виндзоров. З. Цукерман с отличием окончил школу, затем медицинский факультет Кейптаунского университета и продолжил своё образование в Лондонском университетском колледже на грант С. Родса³⁵³. Для завершения образования он по стипендии Рокфеллеров отправился в США, где с блеском окончил Йельский университет. После окончания университета он возвратился в Великобританию, где начал свою трудовую деятельность всё в том же университетском колледже Лондона. В качестве специализации Цукерман выбрал физиологию и мало кому знакомую в то время этологию (наука о поведении животных) обезьян. Параллельно он занялся применением статистико-математических методов для планирования научной работы и обработки экспериментального зоологического поведенческого материала.

Фактически Цукерман стал одним из основателей применения статистических методов к поведенческим наукам. Несмотря на всю условность коэффициента IQ (или Айзекса) Цукерман в конкурсе, проведённом в 1935 г., вошёл в число 10 обладателей самого высокого индекса интеллекта в Британии. В 1931 г. опубликовал книгу, сделавшую ему имя в мировых научных кругах. Книга называлась «Социальная жизнь обезьян и человекообразных». Книга многократно переиздавалась в Британии, США и была переведена более чем на 30 языков мира.

К слову сказать, советские биологи тут же заметили книгу Цукермана и опубликовали несколько рецензий на неё не только в научной, но и в популярной печати. Например, в одном из советских журналов конца 1930-х годов относительно Цукермана можно было прочесть следующее: «Картина жизни в сообществе обезьян выглядит, по Цукерману, довольно мрачной... Распространяя эти явления на общественную жизнь людей, автор как бы говорит: таковы и мы с вами, уважаемые читатели, ибо в основе наших отношений лежит тот же безудержный эгоизм, а главным фактором общественных отношений является сексуальная потребность... Если даже допустить, что обобщения Цукермана относятся только лишь к классово антагонистическому обществу, в котором по Марксу извращены все естественные отношения людей, то и тогда с ним нельзя согласиться...». На самом же деле Цукерман считал и доказывал в своих исследованиях совершенно обратные положения. По его мнению, человек несёт в себе два начала. Одно связано с тем, что он является живым существом и как любое живое существо подвержен инстинктам, эгоизму, животным потребностям и т.п. С другой стороны, человек как носитель разума ни в коем случае не может быть сведён к животному, а соответственно, поведение людей хотя часто и схоже с поведением животных, не может быть понято исключительно в рамках этологии. Критика советских учёных объяснялась тем, что

³⁵² Meredith M. Diamonds, Gold, and War: The British, the Boers, and the Making of South Africa. N.Y.: PublicAffairs, 2008.

³⁵³ Schaeper T.J., Schaeper K. Rhodes Scholars, Oxford, and the Creation of an American Elite. N.Y.: Berghahn Books, 2010; Ziegler Ph. Legacy: Cecil Rhodes, the Rhodes Trust and Rhodes Scholarships. New Haven: Yale University Press, 2008.

Цукерман, являясь биологом и этологом, тем не менее, не разделял подход к эволюции Ч. Дарвина. Он придерживался иных эволюционных воззрений, которые роднили его в том числе с Тимофеевым-Ресовским и т.п.³⁵⁴

Хотя З. Цукерман старался не высказываться по вопросам соотношения науки и религии, из материалов его архива³⁵⁵ известно, что в душе он был верующим иудеем и к тому же неплохо осведомлённым в Талмуде и Каббале. Дискутируя со своими научными оппонентами, Цукерман высказывал серьёзные сомнения относительно того, что человек сэволюционировал в разумное существо естественным путём из обезьяны. Во время научных дискуссий он любил обратиться к оппоненту с предложением показать ему знаменитое переходное звено между обезьяной и человеком, о котором столько писали сторонники Дарвина. Такое звено ни во времена З. Цукермана, ни сегодня не найдено. Более того, всё большее число биологов, этологов и антропологов вообще выражают сомнение в том, что такое звено когда-либо существовало.

С началом Второй мировой войны З. Цукерман поступил в распоряжение министерства обороны, где сделал головокружительную карьеру. В первые годы войны он занимался анализом воздействия бомбардировок на психику и физиологию людей. При этом он вошёл в серьёзные противоречия с американскими разработками, которые велись в основном К. Левиным и Дж. фон Нейманом при активном участии П. Сорокина. При подготовке десантирования в 1943 г. британских и американских войск на Сицилию и в Южную Италию и высадки в 1944 г. в Нормандии, столкнулись три позиции. Первую позицию отстаивали командиры бомбардировочных соединений американских и британских ВВС. Они выступали за то, чтобы наносить удары непосредственно по военным базам и местам дислокации вооружённых сил. Второй позиции придерживались прежде всего научный гуру Черчилля, руководитель научно-технической британской разведки профессор Ф. Линдемэнн и главный маршал авиации сэр Артур Харрис. Они реализовали её в 1943–1945 гг. Эта позиция требовала сосредоточения бомбардировочной авиации на уничтожении крупнейших городов Германии и нанесении по возможности максимальных потерь именно мирному населению. Эта концепция была разработана Левиным – фон Нейманом при участии П. Сорокина. Наконец, позицию, которую отстаивал Цукерман, предусматривала прежде всего бомбардировку железных дорог, крупных железнодорожных узлов и логистических центров на шоссе на дорогах. При поддержке Д. Эйзенхауэра, Б. Монтомери, командующих силами вторжения в Нормандию и на Сицилию, маршала авиации сэра Артура Теддера, а также лорда Л. Маунтбеттена концепция была воплощена в жизнь в рамках так называемого «Транспортного плана». Уже в годы войны стало понятным, что именно концепция З. Цукермана обеспечила максимальный военный эффект и способствовала минимизации потерь американско-британских экспедиционных корпусов во Франции и Италии.

Ещё в годы войны З. Цукерман начал разработку вопросов применения математических методов и методов прикладной статистики для планирования военных

³⁵⁴ Чайковский Ю.В. Эволюция. М.: Центр системных исследований, 2003.

³⁵⁵ <http://archiveshub.ac.uk/data/gb1187-sz>

операций. Впервые эти методы были использованы при разработке плана «Оверлорд» — высадки в Нормандии.

После Второй мировой войны в рамках правительственных программ З. Цукерман был назначен главой секретного комитета по разработке так называемой теории операций применительно к действиям военно-морских флотов и военно-воздушных сил. Его непосредственным начальником с 1949 по 1964 г. был лорд Л. Маунтбеттен. Параллельно с этим З. Цукерман был включён в секретную группу британского правительства по изучению влияния атомного оружия на военное дело и дипломатию. В рамках этой работы З. Цукерман занял крайне негативную позицию по отношению к возможности применения ядерного оружия и постоянно отстаивал точку зрения о необходимости заключения договоров по неприменению первыми ядерного оружия всеми обладающими им странами³⁵⁶.

Одновременно с занятостью в секретных комитетах после войны З. Цукерман продолжил преподавание в Бирмингемском университете. В течение 15 лет он выступал главным научным консультантом Комитета акцептных (инвестиционно-торговых) банков Сити, а также Трансатлантического сообщества владельцев частных банков. С 1960 по 1964 г. он работал главным научным советником министерства обороны и Штаба обороны Британии. С 1964 по 1971 г. был главным научным советником правительства Великобритании. После прихода к власти в 1970 г. правительства Э. Хита и назначения на пост министра науки и образования М. Тэтчер для З. Цукермана был введён специальный, ранее не существовавший пост тайного специального посла правительства Её Величества по вопросам международного сотрудничества. В формальном плане он продолжал занимать этот пост вплоть до своей смерти в возрасте 88 лет в 1993 г. По крайней мере, в архивах Foreign Office не имеется документов, подтверждающих отставку или увольнение З. Цукермана. За свою работу З. Цукерман был посвящён в рыцари в 1956 г., повышен до командора Ордена Бани в 1964 г., получил Орден Заслуг в 1968 г. и стал пожизненным пэром, приняв титул лорда Цукермана в 1971 г.

Выше приведена, что называется, официальная биография З. Цукермана. Теперь перейдём к вопросам его неофициальной биографии, связанным в первую очередь с кругом его близких друзей, партнёров, членством в различного рода закрытых, неафишируемых или «хамелеон-структурах». К последним относятся организации, которые за публичным фасадом скрывают выполнение определённых функций, далеко выходящих за пределы своей уставной деятельности.

Начнём, естественно, с родственников и друзей. В 1939 г. З. Цукерман женился на маркизе Джоан Р. Айзекс, дочери второго маркиза Реддинг. Его жена была членом одной из самых преуспевших и могущественных еврейских семей в Великобритании. Так же, как и З. Цукерман, Айзексы были сефардами. В Голландию они попали из Испании. Если семья Цукерманов из Голландии в первой половине XIX в. переселилась в Южную Африку, то семья Айзексов в XVIII в. переехала из Голландии в Великобританию. Айзексы входили в число учредителей и пайщиков голландской Ост-Индской компании и при переезде в Великобританию вошли в число пайщиков и активных участников британской Ост-Индской компании.

³⁵⁶ Zuckerman S. Nuclear Illusion & Reality. N.Y.: Vintage Books, 1983.

Кроме того, они были удачливыми биржевыми дельцами и крупными пайщиками старинного и существующего по сей день инвестиционно-торгового банка «Клейворд Бэнсон» и торгового банка «Самюэль Монтегю». Дед жены Цукермана стал пэром Великобритании, получил место в палате лордов и был длительное время вице-королём Индии. Согласно британским историкам, Реддинги вместе с семьями Дизраэли и Самюэль стали тремя наиболее влиятельными в политических и аристократических кругах еврейскими фамилиями, получившими потомственное пэрство. По своему влиянию внутри страны эти семьи точно не уступали Ротшильдам, которых внутри Великобритании в большей степени рассматривали как своего рода супертоп-менеджеров, а не как семью, глубоко интегрированную в британский аристократический истеблишмент.

Что касается тестя Цукермана, то он был видным деятелем консервативной партии, поддерживал длительные добрые отношения с семейством Мальборо вообще и с У. Черчиллем в частности, входил в его кабинет. Кроме того, он прославился книгой, написанной с привлечением семейных архивов о спекуляциях с акциями компании Южных морей³⁵⁷. Ещё когда З. Цукермана ухаживал за дочерью Айзекса, тот познакомил его с лордом Л. Маунтбеттеном³⁵⁸. Последний до своей трагической гибели был одним из нескольких ближайших друзей Золли. Поскольку Л. Маунтбеттен был видным флотона начальником, лордом адмиралтейства, руководителем британского Генштаба, то на всех этих постах его официальным, а главное, неофициальным научным советником и аналитиком был именно З. Цукерман. Любопытно, что когда в 1969 г. группа офицеров МИ-6 с командирами Сил специального назначения и газетным магнатом С. Кингом хотели осуществить военный переворот в Великобритании, чтобы спасти страну от надвигающегося хаоса, и свергнуть тогдашнего премьер-министра Г. Вильсона в пользу Л. Маунтбеттена, именно З. Цукерман отговорил Л. Маунтбеттена участвовать в этой затее, а принца-консорта — согласовать её³⁵⁹.

Семья Маунтбеттенов принадлежала к гессенской династии. Сам Л. Маунтбеттен был племянником последней российской императрицы Александры Фёдоровны и на протяжении всей своей жизни оказывал существенную помощь тем отпрыскам семьи Романовых, которые оказались в Северной и Южной Америке, а также на протяжении всей жизни поддерживал тесные отношения с князьями Юрьевскими — родом, ведущим своё начало от Александра II и княжны Долгорукой. Когда Елизавета II вышла замуж за Филиппа Баттенберга, вес и возможности Л. Маунтбеттена в Британии и в мире ещё более возросли. Дело в том, что Маунтбеттены — это Баттенберги, которые ранее переселились в Великобританию и поменяли родовую фамилию на британскую. Соответственно, Луис Маунтбеттен был дядей Филиппа Эдинбургского. Известно, что он обладал очень сильным влиянием на принца-консорта. Уже в конце войны он представил З. Цукермана принцу Филип-

³⁵⁷ Gerald Rufus Isaacs Viscount Erleigh 1, *The South Sea Bubble*. London: 1933.

³⁵⁸ Ziegler Ph. *Personal Diary of Admiral the Lord Louis Mountbatten, South-East Asia, 1943–1946*. L.: Collins, 1988; Ziegler Ph. *From Shore to Shore — The Final Years: The Diaries of Earl Mountbatten of Burma 1953–1979*. L.: Collins, 1989.

³⁵⁹ Wright P. (with Greengrass P.) *Spycatcher: The Candid Autobiography of a Senior Intelligence Officer*. N.Y.: Viking, 1987.

пу. До последних лет своей жизни Золли сохранял тесные отношения с Филиппом и по сути выступал его личным негласным аналитиком.

Нельзя не отметить, что в противоположность укоренившемуся мнению Филипп Эдинбургский выполнял не только декоративную функцию мужа (принца-консорта) Елизаветы II, но и занимался активной деятельностью в самых различных сферах, начиная от тайной политики и заканчивая династическим бизнесом. При этом по ряду вопросов он имел собственную позицию, отличную от позиции королевы и Виндзоров в целом. Например, хотя это прямо нигде и не описано, осведомлённым аналитикам известно, что Елизавета II негативно относилась к М. Тэтчер. В свою очередь, принц Филипп по многим вопросам активно поддерживал Тэтчер и, как явствует из архивов, даже косвенно через посредство Л. Маунтбеттена способствовал переходу многих ключевых фигур консервативной партии на сторону Тэтчер, когда они подняли бунт против тогдашнего лидера консервативной партии Э. Хита.

Выше уже отмечалось, что З. Цукерман долгие годы был научным советником Комитета акцептных (инвестиционно-торговых) банков Сити и Трансатлантического сообщества. Эти посты ему предложили занять как представители высшей британской аристократии, тесно аффилированной с Сити, так и столь известные семьи, как Лазары, Варбурги и Ротшильды, с молодым поколением которых был дружен Золли. В частности, он поддерживал весьма тесные отношения с Антониом Густавом де Ротшильдом и подбирал преподавателей для Эвилина де Ротшильда.

В годы Второй мировой войны З. Цукерман в ходе планирования операции «Оверлорд» познакомился и установил добрые отношения с М. Банди, которые продолжались долгие годы и после окончания войны. Из американских близких друзей Цукермана нельзя не выделить известного биохимика, а в последующем инвестиционного банкира Р. Дюпона, члена знаменитой семьи, а также А. Дэвисона — известного американского юриста, сына одного из ближайших партнёров семьи Морганов и в течение десятилетий ключевого члена совета директоров «Морган гаранти траст». Сразу после войны Золли познакомился и долгие годы поддерживал добрые отношения с Нельсоном Рокфеллером, одним из пяти братьев, известным республиканским политиком, многолетним губернатором штата Нью-Йорк.

Однако научными, аристократическими и банкирскими кругами не исчерпывался круг ближайших знакомых З. Цукермана. В годы войны он познакомился и подружился с известным английским физиком, одним из организаторов Пагоушского движения и Международного движения борьбы за мир, близким другом СССР Дж. Берналом.

Долгие годы, с конца 1930-х по 1970-е, дружба связывала З. Цукермана с Раджани Палмом Даттом — видным британским коммунистическим деятелем индийско-шведского происхождения. Р.П. Датт в 1939–1941 гг. был даже генеральным секретарём Коммунистической партии Великобритании, а до и после этого — членом исполкома партии, ответственным за международные связи. Его двоюродным братом был знаменитый шведский премьер-министр социал-демократ Улоф Пальме, а женой — и это особо интересно для нашего исследования — эстонка Сальме, родная сестра Хеллы Вуолийоки, подруги О. Куусинена, советской разведчицы, сотрудничавшей и с британскими спецслужбами.

В связи с этим интересна одна публикация газеты *The Times*. В августе 2009 г. британская контрразведка придала огласке очередную порцию секретных досье. В числе прочих там содержались документы, согласно которым в 1940 г. в поле зрения британских спецслужб попал профессор З. Цукерман. В отношении его проводилась специальная проверка на принадлежность к Коммунистической партии Великобритании. Важно отметить, что сама по себе принадлежность к компартии или к Коминтерну как минимум не рассматривалась, а как максимум даже способствовала привлечению британцев к службе в армии и даже в разведке. Об этом, в частности, говорят примеры членов «кембриджской пятёрки». В случае Золли гораздо интереснее иное. Основанием к проведению расследования было наличие заявления Цукермана о вступлении в коммунистическую партию по рекомендации П. Датта. Весьма занятно, что заявление поступило уже после вхождения З. Цукермана в круги высшей британской аристократии благодаря женитьбе на маркизе Реддинг и дружбе с лордом Маунтбеттеном. Расследование было прекращено по истине смехотворной причине. Был сделан вывод о том, что заявление З. Цукермана не имело серьезного характера. То ли это была дружеская шутка, то ли один из его академических коллег написал заявление, чтобы «подсидеть», а Р.П. Датт дал свою рекомендацию по ошибке. В отношении же дружбы Цукермана и Датта был сделан вывод, что она носит личный человеческий характер и никак не связана с общей идеологией или чем-то подобным. Едва ли должность рядового профессора в британском колледже была столь привлекательна и высокооплачиваема, что люди были готовы на совершенно неприятные в научных кругах Лондона поступки типа доноса. Конечно же, никто никого «не подсизивал», а Цукерман по зрелом размышлении или по настоятельной рекомендации сам отказался от прямого членства в Компартии.

Ещё одним близким другом З. Цукермана из левых был рекламщик, журналист и политик Том Хопкинсон. Помимо того, что он стал пионером фронтовой фотожурналистики и признанным всемирным классиком этого жанра, он был известным левым политиком. В частности, он занимался разработкой планов национализации банков и крупной промышленности для лейбористской партии. Хопкинсон находился в тесном контакте не только с левыми фабианцами, но и с наиболее просоветскими и прокоммунистически настроенными лейбористами типа Майкла Фута, Тони Бенна и т.п.

Дружба с левыми, однако, не мешала З. Цукерману активнейшим образом помогать формированию «фабрик мысли» для правого фланга британской политики — консерваторов. В 1951 г. он по просьбе Л. Маунтбеттена принял активное участие в формировании Бау Группы (*Bow Group*). Затем в течение десятилетий он консультировал председателя этой Группы и её участников по различным аналитическим и международным вопросам. Изначально этот «думающий танк» создавался для анализа Фабианского движения в Великобритании и разработки инструментов по борьбе с ним. В последующем участники Группы составили костяк экономического и научного блока кабинетов М. Тэтчер и разработали программу приватизации британских банков и промышленности.

Кроме того, З. Цукерман был дружен с известным консервативным политиком Китом Джозефом³⁶⁰. Этот человек сыграл огромную роль в повороте Британии

³⁶⁰ Halcrow M. Keith Joseph. L.: Macmillan, 1989.

к консерватизму и в решающей степени способствовал выдвижению М. Тэтчер на пост политического лидера консерваторов. Кит Джозеф в течение 1960-х годов, будучи теневым министром торговли и промышленности, зарекомендовал себя наиболее стойким приверженцем частного банковского дела, снятия ограничений при проведении банковских операций, самым радикальным сторонником свободного предпринимательства. В газетах о нём писали как о достойном продолжателе дела Родса – Милнера, человеке, который исповедует «викторианскую философию». Он ратовал за освобождение бизнеса и банков из-под опеки государства и полную свободу конкуренции. На протяжении 1960-х – начала 1970-х годов К. Джозеф всячески пропагандировал не слишком популярные в то время в Великобритании экономические теории Фридмана и Хайека.

В 1974 г., пользуясь консультациями З. Цукермана, он создал новый «мозговой танк» консервативной партии — Центр политических исследований. Идея формирования Центра принадлежала Джозефу, который обсуждал её с лордом Маунтбеттеном, а затем и З. Цукерманом. Когда в 1974 г. Центр был создан, вторым человеком в нём стала М. Тэтчер. В том же году Джозеф, Тэтчер и близкие им консерваторы решили бросить вызов Э. Хиту, не способному противостоять агрессивному лейбористскому давлению Г. Вильсона. Первоначально роль лидера отводилась Джозефу. Во второй половине 1974 г. Джозеф начал активную и прямую борьбу с Хитом. В ходе этой борьбы в октябре 1974 г. в Бирмингеме в присутствии З. Цукермана он произнёс свою знаменитую речь, которая стоила ему политической карьеры. В ходе выступления он остановился на обязательности проявления консерваторами «интеллектуальной и моральной смелости, необходимых для оздоровления общества». Одним из путей такого оздоровления он назвал «хорошо организованный контроль над рождаемостью», который, как он утверждал, эффективнее у представителей средних классов, чем у бедных семей. Такие семьи, утверждал он, оказываются чрезмерно большими и неспособными воспроизводить «качественную человеческую породу», в результате чего нация оказывается перед угрозой «дегенерации». Чтобы отвести угрозу «рождения проблемных детей, матери которых отличаются низким интеллектом и образованностью», Джозеф призвал отбросить моральную оппозицию расширению «контроля над рождаемостью для тех, от кого исходит эта угроза».

После произнесения речи, к тому же разосланной Джозефом во все крупнейшие газеты, разразился грандиозный скандал. Не только лейбористские противники, но и значительная часть членов консервативной партии потребовали от него либо покаяния, либо отказа от борьбы за власть в партии. В итоге он принял решение выйти из игры. Его решение не было неожиданностью для М. Тэтчер и она, убедившись в том, что Джозеф не будет выставлять свою кандидатуру на пост лидера консервативной партии, решила сделать это сама и попросила Джозефа и тех людей, кто стоит за ним, полностью поддержать её. В биографии Джозефа приведена фраза Тэтчер, которую она сказала на собрании консерваторов: «Я видела, как они сломали Хита, Джозефа. Но меня они не ломают».

Для полноты картины нельзя коротко не рассказать ещё об одной сильной, по своему выдающейся, личности — Гордоне Уильяме Ричардсоне, бароне Данстинборне. Г. Ричардсон, без сомнения, был фигурой, сыгравшей огромную роль в финансово-экономической и политической мировой истории последней четверти XX и начала XXI в. Цукерман познакомился с Ричардсоном в годы Второй мировой войны и продолжал поддерживать самые тесные взаимоотношения до последних дней своей жизни.

Сначала — официальная биография Г. Ричардсона. Он родился в торговой семье, принадлежащей к типичному английскому среднему классу, в небольшом, если можно говорить применительно к Англии, провинциальном городе Ноттингеме. С отличием окончив школу и Кембриджский университет, он встретил Вторую мировую войну в составе полка Ноттингемских гусар и отличился сначала при эвакуации из Дюнкерка, а затем при обороне Сингапура. За нерядовую даже по меркам отчаянных британских офицеров храбрость в бою он не только получил один из высших британских орденов, но и был удостоен личного дворянства, права использовать титул «сэр». В конце войны Г. Ричардсон был придан ставке Д. Эйзенхауэра в должности офицера по связи от британских сухопутных войск. Во время работы в ставке он познакомился и подружился не только с Золли Цукерманом, которого ему представил маршал авиации Тиззард, но и со старшим братом Банди Уильямом и его будущим зятем, впоследствии госсекретарём США Д. Ачесоном. После Второй мировой войны Г. Ричардсон короткий период времени служил адвокатом, а затем по рекомендации боевого товарища, полковника Ноттингемских гусар герцога Шеффилдского стал одним из ведущих сотрудников торгово-инвестиционного частного банкирского дома J.H. Schroder & Co.

В России любят по поводу и без повода писать о Рокфеллерах и Ротшильдах. Однако фон Шрёдеры — яркий пример фамилии, сыгравшей в каком-то смысле сопоставимую с ними роль в истории XX в. Лондонский банк на протяжении всей истории тесно аффилирован с германским банкирским домом фон Шрёдеров и банкирским домом А.Г. Штайн, о которых речь шла ранее. Именно Курту фон Шрёдеру-внуку автор и обязан своим знакомством с Г. Ричардсоном в начале 1990-х годов. После весьма специфической роли Курта фон Шрёдера-деда — доверенного банкира Даллесов, с одной стороны, и Турн-унд-Таксисов, Тиссонов и А. Гитлера — с другой, напрямую немецкому банку было сложно заниматься слияниями и поглощениями на американском инвестиционном рынке. Между тем острая нужда в приобретении серьёзных позиций на Уолл-Стрит в начале 1950-х годов была. Решать эту задачу в рамках семейного холдинга было поручено лондонскому банку Шрёдеров. Именно Г. Ричардсон и занимался приобретением банка семьи Верхаймов, не самого крупного, но влиятельного и тесно связанного с Goldman Sachs финансового института. Ранее подробно рассказывалось об этой с виду еврейской, но на самом деле германской аристократической семье, с 1920-х годов тесно взаимодействовавшей не только с Советским Союзом вообще, но вместе с кланом Рокфеллеров — с советской военной разведкой, в частности — через структуры Я. Берзина. Успешно справившись с миссией, Г. Ричардсон занял пост исполнительного директора банка.

Чуть позже Ричардсон был выдвинут в качестве представителя банка в Комитет акцептных (инвестиционных и торговых) банков Сити, а на рубеже 1950–1960-х годов возглавил его. Напомним, что З. Цукерман был научным консультантом этой, возможно, самой влиятельной в прошлом веке организации в Сити.

Став в 1962 г. председателем правления J.H. Schroder & Co, Ричардсон оставался на этом посту вплоть до 1973 г., когда был назначен главой Банка Англии. Ещё будучи главой банка Шрёдеров, он вошёл в узкую британскую группу, представляющую Сити в знаменитом Банке международных расчётов. На первых порах положение Ричардсона было поистине уникальным: в составе группы он был единственным представителем банка, не входившего в пятёрку крупнейших финансовых структур Великобритании, но который, тем не менее, присутствовал на всех формальных и неформальных заседаниях Банка международных расчётов.

В решающей степени своим назначением, помимо выдающихся личных качеств, Ричардсон был обязан тесному сотрудничеству семьи фон Шрёдеров с кланами Даллесов и Варбургов. Немаловажным было и то обстоятельство, что с конца 1950-х годов западногерманский банк Шрёдеров был активно задействован во внебиржевой торговле золотом с Советским Союзом. В структуру этих сделок были включены и Банк международных расчётов как интернациональный оператор, и Лондонский банк Шрёдеров. J.H. Schroder & Co в итоге осуществлял окэшивание советских поставок золота помимо биржевого рынка. Последнее было чрезвычайно важно и для СССР, и для банкиров Сити. Лишь подобная сложная схема не только позволяла обходить им существовавшие в то время санкции и эмбарго, но и получать Советскому Союзу твёрдую валюту, не дестабилизируя при этом мировой рынок физического золота.

С избранием Г. Ричардсона на пост главы Банка Англии он быстро возглавил так называемую неформальную группу, известную под названием Euler Group. В эту группу входили руководители ФРС, Банка Англии, Банка Японии, Швейцарского национального банка, немецкого Бундесбанка, крупнейших инвестиционных банков Сити, Уолл-Стрита, Швейцарии, Франкфурта, Кёльна, Гамбурга, Милана, Турина и Токио. С 1969 г. научным советником этой неформальной группы самых могущественных банкиров мира стал всё тот же вездесущий лорд З. Цукерман.

Своё название группа получила по имени одноимённого привокзального отеля в Базеле. Пожалуй, это самый уникальный привокзальный отель. Как в любом отеле, расположенном рядом с железнодорожными путями, его постояльцев ночью постоянно будят поезда. Однако в силу удобства расположения и непримечательности именно этот отель использовался во второй половине XX – самом начале XXI в. как место регулярных собраний группы. Рядом с отелем, в одном из зданий, принадлежащих фирме, которая владеет большей частью офисных зданий Базеля, находился, а, возможно, и до сих пор находится под вывеской консультационной компании по оказанию регистрационных услуг постоянно действующий аппарат неформальной Euler Group, превышавшей в 1990-е годы 150 человек.

Знакомство с Г. Ричардсоном у автора и состоялось в этом самом отеле. Банкир привык к небольшому, постоянно закрытому для всех, кроме обитателей гостиницы, ресторану, как это ни удивительно, с типичной британской и германской едой. Автора с первых минут знакомства поразило, что Ричардсон, которому в то время

было 82 года, не только отличался цепким аналитическим, мгновенно реагирующим на любой поворот беседы умом и безукоризненной памятью, но и спортивной фигурой. Более того, знакомство состоялось в период его пребывания в Базеле не по делам Euler Group, в которой он до самой смерти в возрасте 95 лет продолжал оставаться почётным председателем, а с целью научить правнучку не бояться спуститься с горнолыжных склонов.

Со второй половины 1960-х годов Г. Ричардсон обладал поистине непререкаемым авторитетом в Сити. Причём не только и даже не столько как глава Банка Англии, сколько как самый умный, волевой и одновременно коммуникативный банкир. В нём удивительно сочетались властность, профессионализм с умением найти язык с любым собеседником, сколь угодно отстоявшим от него по своему положению, роду занятий или национальной принадлежности. Для него была характерна также редкая черта, присущая, кстати, и некоторым уолл-стритским инвесторам и калифорнийским венчурным предпринимателям. Это подлинный, не показной демократизм. Любой человек, занимающийся делом, был для него равным, хотя, согласно советским и постсоветским книгам о банкирах и инвесторах, этого просто не могло быть, потому что не могло быть никогда.

По своим убеждениям Г. Ричардсон был близок, естественно, к консервативной, а не либеральной, и тем более лейбористской партии. Он близко не был фабианцем, но среди консерваторов на протяжении конца XX в. он поддерживал отношения с группой так называемых «традиционных консерваторов», или «тори». Наиболее яркими её представителями в последней трети XX в. были Э. Хит, Д. Хили, а в последующем с некоторыми оговорками Дж. Мейджор и Д. Кэмерон, у истоков карьеры которых он стоял. Г. Ричардсон, несмотря на дружбу с З. Цукерманом, откровенно не любил М. Тэтчер. Более того, на посту главы Банка Англии он постоянно находился с ней в конфронтации.

Помимо чисто деловых и концептуальных причин Г. Ричардсон кардинально расходился с М. Тэтчер как минимум по трём, достаточно специфическим, не имеющим прямого отношения к делу вопросам. Прежде всего, у М. Тэтчер были плохие отношения с группой «тори» и негласно поддерживающим их принцем-консортом Филиппом — мужем Елизаветы II. Г. Ричардсон искренне полагал и по этому поводу даже иногда спорил с З. Цукерманом и его близким другом Л. Маунтбеттеном — дядей Филиппа, что британский королевский дом слишком многое позволяет М. Тэтчер. Он считал, что М. Тэтчер пытается на деле не просто играть роль, а фактически являться правящей королевой Великобритании, тогда как настоящая королева действует строго в рамках конституции, неписаных традиций и сложившихся правил.

Вторая причина была связана с тем, что вместе с герцогом Солсбери, мужчинами семьи Спенсеров-Стюартов (из которой вышла принцесса Диана), Ричардсон с середины 1960-х годов до последних дней своей жизни возглавлял неформальное британское антипедофильское лобби. На закулисных встречах Ричардсон неоднократно жёстко сталкивался с М. Тэтчер, пытаясь убедить её уволить ближайших соратников и министров, относительно которых были получены документальные доказательства не просто о педофилии, а о педофилии вместе с садомазохизмом. Особенно в этом плане отличались заместитель руководителя МИ-6 П. Хэй-

ман — главный консультант М. Тэтчер по вопросам разведки, её политический наставник Кит Джозеф, кстати, друг З. Цукермана, глава департамента здравоохранения Р. Бойсон, генеральный прокурор М. Хэйверс, с определённой долей вероятности министр внутренних дел Л. Бриттан и правая рука М. Тэтчер, наиболее доверенное её лицо П. Моррисон³⁶¹. Несмотря на постоянные призывы Г. Ричардсона к М. Тэтчер отправить их в отставку, последняя либо вообще ничего не делала, как, например, в отношении Моррисона, Хэймана и Хэйверса, либо переводила персонажей на иную, менее публичную работу.

Третья причина состояла в личной неприязни Г. Ричардсона и М. Тэтчер. Оба они происходили примерно из одной и той же среды, самостоятельно сделали себе карьеру и заняли места в высшем британском истеблишменте. Однако принципиальная разница между ними состояла в том, что банкир был спокоен, скромен и профессионален в высшем смысле слова, просчитывая среднесрочные и долгосрочные последствия своих поступков. А М. Тэтчер больше всего любила власть и не отличалась продуманностью собственных поступков. Кстати, на этой почве она замечательно сошлась с позднесоветскими и раннероссийскими политическими лидерами. Г. Ричардсон, его семья любили искусство, хорошо разбирались в нём, особенно в живописи и театре. Г. Ричардсон в послевоенные годы выучил русский язык, чтобы в подлиннике читать Станиславского, Эйзенштейна, Таирова и Мейерхольда, которых он глубоко знал. В Лондоне 1970–1980-х годов было широко известно афористическое высказывание Г. Ричардсона: «Мэгги Тэтчер любит себя в Британии, а не Британию в себе». Про Станиславского в Лондоне знали плохо.

Г. Ричардсон, безусловно, не был не то что ангелом, но даже по житейским меркам хорошим человеком. На вершинах политики и бизнеса таковых просто не бывает в силу их профессиональной непригодности. Однако для правильного понимания ключевых событий конца 1960-х – первой половины 1970-х годов, приведших СССР к краху, а сегодняшний мир — к предельно грустной ситуации, важно иметь представление о человеке, который частично сознательно, а частично и против своей воли сыграл в этих событиях ключевую роль.

6

Теперь от левых и правых друзей и соратников З. Цукермана пора перейти к анализу его участия в тайных, закрытых и «хамелеон-структурах». Начнём с закрытых. Известно, что во время пребывания в Йеле З. Цукерману предложили вступить в члены братства «Череп и кости». Приглашение вступить в тайное братство он принял и состоял в нём долгие десятилетия. В тексте намеренно используется термин «братство», а не употребляемое Э. Саттоном слово «орден». Внимательный анализ учредительных документов и информации о братстве показывает, что «Череп и кости»

³⁶¹ <http://www.exaroneews.com/articles/5398/ex-mi6-chief-named-as-sexual-abuser-of-boys-at-dolphin-square>

<http://www.theguardian.com/society/2014/jul/14/child-bause-inquiry-theresa-may-under-fire-resignation-lady-butler-sloss>

<http://www.dni.ru/society/2014/7/29/276438.html>

было не каким-то всеобъемлющим обществом, ставящим перед собой цель достижения мирового господства, а тайным братством наиболее умных, богатых и активных выпускников Йеля, которые оказывали друг другу помощь и поддержку в послейельской жизни. Это братство позволяло осуществлять эффективное внутриэлитное согласование интересов, задач и планов его членов и близких к ним людей. При этом Э. Саттон абсолютно прав относительно того, что попасть в члены общества «Череп и кости» было чрезвычайно сложно, тем более не обладая богатством, родовыми связями и т.п. Для евреев это вообще было практически невысказано. Помимо З. Цукермана известны лишь два еврея, принятых в «Череп и кости».

Несмотря на то, что напрямую имя Золли Цукермана в книгах Куигли «Трагедия и надежда» и «Англо-американский истеблишмент» не входит в приведённый перечень членов Группы, или «Мы», есть все основания полагать, что Цукерман активно участвовал в деятельности Группы. Об этом говорит не только его длительная переписка со многими членами Группы, содержащаяся в архиве, но и тесные отношения в течение почти 20 лет с Лайонелом Джорджем Кёртисом. Именно Кёртис был не только разработчиком конструкции Британского Содружества наций, но и лидером «Детского сада» лорда Милнера после смерти последнего.

Теперь посмотрим на организации-хамелеоны. В случае с З. Цукерманом все они связаны с природой и экологией. В 1889 г. в Великобритании было учреждено Королевское общество защиты птиц, а в 1903 г. — Общество за сохранение дикой фауны империи. В число учредителей этих обществ вошли вице-президенты, лорды Милнер, Грэй, Керзон, маркиз Реддинг (дедушка жены Цукермана) и др. В 1926 г. сэр Стэнфорд Раффлз, бывший вице-король Индии, основатель Сингапура учредил Лондонское зоологическое общество, которое первоначально призвано было патронировать Лондонский зоопарк. Затем после открытия филиалов общества в Нью-Йорке и Франкфурте оно было преобразовано в Зоологическое общество. В число руководителей этих структур входили не учёные-зоологи и даже не просто аристократы, а, как это ни удивительно, высшие руководители британских вооружённых сил и разведки. Например, их возглавляли такие известные люди, как фельдмаршал Алан Брук, начальник Генштаба Великобритании; главнокомандующий британской армией сэр Фрэнк Чеппл и др. С 1956 г. по 1984 г. Зоологическое общество возглавлял Золли Цукерман. С 1955 г. Цукерман вошёл в правление Общества сохранения дикой флоры империи, а в 1973 г. был принят в основанный в 1971 г. принцем Бернхардом — супругом королевы Юлианы и основателем Бильдербергского клуба — «Клуб-1001». В клуб он был рекомендован Максом Николсоном, руководителем исследовательской структуры при королевском Тайном совете, созданном по инициативе Филиппа Эдинбургского.

Теперь настал черёд подбить, как выражались русские купцы, бабки и кратко сформулировать наиболее важные и характерные черты условной группы Цукермана — Банди.

Подавляющую часть персоналий группы составляли так называемые W.A.S.P. и R.I.S.E., соответственно белые англосаксонские протестанты и богатые интегрисефарды из истеблишмента. Вторая группа гораздо менее известна, чем первая, в силу того, что данное сокращение используется в основном не в исторической и аналитической литературе, а в различного рода разведывательных документах, связанных с элит-

ной аналитикой. Эта группа определённое, выявляемое и сплочённое, чем лжеконспирологические «иудейские банкстеры» или публицистические «жидомасонские ростовщики». В неё входили и входят по преимуществу представители наиболее состоятельных и династически успешных банкирских и торговых семей Лондона, Амстердама, Гамбурга, Франкфурта, Цюриха и, конечно же, Нью-Йорка. В основном все они были отнюдь не ашкенази и тем более не сабра, а именно сефардами.

Кроме того, во франкфуртской, цюрихской и нью-йоркской банковских зонах наряду с сефардами непропорционально большое представительство имеют потомки очень узкой группы так называемых «римских евреев». Это еврейские семьи, исторические выходцы из Северной Италии, германогворящей и ретороманской Швейцарии, Мюнхена и долины Рейна, где они оказались ещё в эпоху Западной Римской империи или же сразу после её распада. Многие непонимающие специфику истории еврейского народа смешивают эту узкую, по преимуществу элитную группу с ашкенази, которые в строгом генетическом плане вообще маркируются в соответствии с современной ДНК-генеалогией как отдельная группа еврейского народа, имеющая наибольшее количество смешений с народами — носителями других генетических маркеров³⁶².

Группы Кинга — Печчеи и Банди — Цукермана, помимо прочего, объединяла явная либо скрытая приверженность к так называемому диспенсационализму. Если группа Кинга — Печчеи и отчасти круг Д. Рокфеллера были аффилированы с католической и англиканской церквями, то в случае Банди — Цукермана в качестве чёткой духовной основы выступало учение основателя «плимутских братьев» Дж. Дарби и его неортодоксальных последователей, так называемых диспенсационалистов. Это очень любопытное течение, которое сыграло огромную роль в выдвижении Р. Рейгана в президенты и в формировании администрации папы и сына Бушей. Оно заслуживает отдельного детального рассмотрения³⁶³.

В контексте же нашей темы отметим лишь следующее. В самом грубом виде суть теологически-практических идей Дж. Дарби можно свести к следующему. Страшный Суд произойдёт после Битвы Конца в Армагеддоне на территории нынешних Израиля и Сирии, в которой сойдутся силы добра и зла — Гога и Магога. Силы добра — это, по Дж. Дарби, народ Израиля (не государства, которого во времена Дарби не было, а те, кто является евреями по крови и исповедует иудаизм) и протестанты самых различных национальностей и стран. Им будут противостоять объединённые силы врагов иудаизма и протестантизма. Причём Дж. Дарби полагал, что пора подправить Библию и перестать считать только иудеев богоизбранным народом. Собственно, его реформа состояла в том, что он продолжал полагать Сынов Израиля любимым и богоспасаемым народом, а протестантов, точнее, своих последователей из их числа, относить также к лучшей, богоспасаемой части человечества. Эта часть должна была ещё до того, как спасётся сама, спасти Сынов Израиля, победив Гога и Магога. Иными словами, ещё в середине XIX в. он предлагал создать нерушимый блок иудаистов еврейского происхождения с правильными протестантами, к коим он относил «плимутских братьев» и особенно своих неортодоксальных последователей в Америке, Ирландии и Британии.

³⁶² Клёсов А. Занимательная ДНК-генеалогия. Новая наука даёт ответы. Электронная книга, 2013. <http://pereformat.ru/dna/>

³⁶³ Браун Г. Ереси. Ереси и ортодоксия в истории церкви. СПб.: Мирт, 2015.

В профессиональном плане группа Банди – Цукермана была укоренена не просто в банковском, а конкретно в инвестиционно-торговом банкирском сообществе по обе стороны океана и прежде всего в Сити и на Уолл-Стрите. Кроме того, сюда же относились юристы высшего уровня — подлинные инженеры и конструкторы позднего капитализма эпохи финансиализации, а также государственные чиновники и представители части разведывательного сообщества. В плане структурной принадлежности в основном работающие в ЦРУ, МИ-5 и МИ-6, а также в специальной разведывательной службе — Конвенции правящих протестантских домов Европы, созданной в конце XIX в. в основном усилиями Оранского Дома.

В финансовом плане практически все ведущие представители группы так или иначе были связаны со старыми семейными банкирскими (инвестиционно-торговыми, или акцептными) домами Сити (типа Варбургов, Лазаров, Шрёдеров, Сэмюэлей и др.) и их заокеанскими партнёрами — представителями и наследниками дома Морганов. После Великой депрессии и структурного краха дома Морганов и их варианта ФРС во главе с Бенджамином Стронгом³⁶⁴ интеллектуальное лидерство перешло к Сити при сохранении и даже наращивании ресурсного лидерства и Уолл-Стрита.

Наконец, практически все ключевые фигуры сообщества Цукермана – Банди имели прямое и непосредственное отношение к наследству С. Родса в версии Группы, или «Мы». Оговорка важна, поскольку другой ветвью наследства С. Родса была та часть активности лорда А. Милнера, которая реализовалась через Фабианское общество. Сообщество Цукермана – Банди было крайне негативно настроено по отношению к фабианству и по политическим убеждениям было чётко ориентировано на традиционный консерватизм в его нелиберальном виде. Наряду с Группой многие участники сообщества в силу своего происхождения и места получения образования так или иначе были связаны с хотя и мистифицированным, а потому вульгаризированным исследователями, но оттого не менее влиятельным клубом «Череп и Кости».

Группа Цукермана – Банди представляла собой достаточно узкий круг в подавляющем большинстве лично и хорошо знавших друг друга людей, имевших сходное мировоззрение, занимавшихся близкими видами деятельности и ориентированными на вполне определённую финансовую структуру, раскинувшуюся по обе стороны Северной Атлантики.

Теперь пора было бы уже приступить непосредственно к рассмотрению событий 1970-х годов, которые не только сделали высоковероятным крах Советского Союза, но и в конечном счёте предопределили всю кризисную мировую динамику вплоть до сегодняшних дней — именно эти события и люди, в них участвующие, в значительной мере и породили кризисный, неустойчивый и турбулентный мир, в котором мы живём. Однако поскольку западный материал, возможно, будет столь ошеломляющим (хотя будет строго следовать документам, причём не оценкам и по большей части не свидетельствам, а зафиксированным фактам), его необходимо предварить не менее поразительным советским материалом. На первый взгляд, советский материал не имеет совсем прямого отношения к исследуемой теме. Однако

³⁶⁴ Лиакват А. Повелители финансов: Банкиры, перевернувшие мир. М.: Альпина Пабlishер, 2011.

он позволяет не только поставить совершенно нетривиальные вопросы, но и в конечном счёте дать на них ответы, согласующиеся опять же с непреложными фактами, здравым смыслом и житейским опытом читателей и не отсылать к деяниям рептилоидов, вмешательству инопланетян и прочим экзотическим вариантам объяснения логики мировых изменений.

Рассказ о советских событиях не только предваряет повествование о судьбоносных изменениях на Западе и людях, в них участвовавших, но и позволяет задать правильный ракурс дальнейшего рассмотрения темы, заранее подготовить восприятие читателя к весьма странным, хотя и никем не оспариваемым фактам, которые складываются в неожиданную, непривычную, но много объясняющую в прошлом, настоящем и позволяющую прогнозировать будущую амальгаму.

Глава 11

Из жизни советских негодяев

1

Внимательное изучение фактов и обстоятельств российской истории за последние 200 лет с неумолимостью заставляет сделать парадоксальный вывод. В подавляющем большинстве развилок истории и её ключевых ситуаций из нескольких возможных вариантов в реальности всегда приключался наиболее неблагоприятный для страны и её народа. Складывается впечатление, что на протяжении двух столетий кто-то постоянно вмешивался в естественный ход событий. В итоге выбор неизменно происходил не между хорошим и плохим, а между плохим и худшим. Причём финальным выбором почти всегда оказывался худший вариант.

В этом контексте имеет смысл вспомнить о творчестве братьев Стругацких. Отношение к ним у нашей квазипатриотической общественности весьма своеобразно. При этом едва ли кто может оспорить тот факт, что они как мало кто другой чётко улавливали глубинные процессы и адекватно отражали их в романах, стилизованных под фантастические и воспринимавшиеся как таковые.

В беседах с друзьями и коллегами по цеху Аркадий Натанович неоднократно затрагивал тему парадоксального сочетания неизменности российской жизни и неистребимого желания в корне переделать её для себя и для всего мира. В то время, а это был самый конец 1980-х годов, было принято считать, что братья Стругацкие только что завершили свою главную трилогию, которая, по общему мнению, включала «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер». А.Н. Стругацкий, вопреки этому мнению, подчёркивал: не существует трилогии, а есть пятикнижие. Помимо трёх названных выше романов в него входят — вполне ожидаемо — «Трудно быть богом» и — неожиданные в этом контексте — «Гадкие лебеди».

Центральная мысль пятикнижия, согласно Стругацкому, заключалась в бессмысленности, а ещё точнее, в пагубности любого вмешательства в историю. Писатель уточнял, что подобное вмешательство, будь оно из прошлого или из будущего, всегда пагубно, если за ним стоят те же, в чью жизнь происходит вмешательство. На недоумённый вопрос, о чём идёт речь, А.Н. Стругацкий ответил кратко и без дальнейших разъяснений: «Люди». Трудно сказать, что Аркадий Натанович имел в виду — каких людей и людей ли вообще. Возможно, ситуацию может про-

яснить название его повести «Дьявол среди людей», изданной в 1993 г. под псевдонимом С. Ярославцев. Знать бы только, кто придумал название — Стругацкий или кто-то другой.

Мысль о странностях российской истории время от времени приходила и, видимо, будет приходить в голову не только людям практическим или гуманитариям, но даже математикам. Не так давно автору на глаза попалась очень странная работа³⁶⁵. Вольный перевод её названия на русский звучит примерно так: «Невозможность истории и существования России. Алгебраический и статистический анализ больших исторических данных». Ещё до знакомства с книгой при внимательном чтении выходных данных на обложке возникло впечатление розыгрыша. В Принстоне нет фонда имени В. Васильева. Сам по себе В. Васильев существовал и преподавал в том же университете, что и Н. Лобачевский. Более того, в работах логиков ему отводится примерно то же место в истории этой науки, что и его гораздо более знаменитому земляку в истории математики. В. Васильев создал так называемые «воображаемые логики», которые лежали в основе нечёткой логики Заде, комплексной логики А.А. Зиновьева, формальной множественной логики фон Неймана и т.п. В. Васильев первый изменил в логике важнейшую аксиому единственности правильного логического вывода. Т.е. он проделал с Аристотелем примерно то же самое, что несколько позже Лобачевский — с Евклидом.

Внимательное чтение принстонской книги показало, что, как это часто бывает в науке, в формат розыгрыша упаковано серьёзное и глубокое содержание. Более того, у этой работы есть почти 15-летняя предыстория. Она связана с фактологической точки зрения с американским проектом Gdelt³⁶⁶. На первом этапе этот проект развивался несколькими американскими университетами под руководством известного историка, лингвиста и математика Калева Литару. А потом, как это случается со стоящими разработками за океаном, был взят под крыло в прямом и переносном смысле разведывательным сообществом. Суть проекта первоначально заключалась в оцифровке всех перекрёстно подтверждённых фактов о событиях в мировой истории в ведущих странах мира — США, Великобритании, Германии, Франции, России, Италии, Китае, Японии и т.п. Первоначальная идея проекта состояла в том, чтобы после оцифровки построить таксономию (классификацию) событий и, используя классификацию, постараться количественно посчитать основные исторические причинно-следственные связи.

По мере развития проекта было выделено три важнейших категории, внутри которых присутствовало множество классификационных паттернов или типов. Базовыми категориями проекта стали ситуации, события и трансформации. Эта триада была навеяна классической китайской философией. Ситуация — это протяжённое во времени действие, объединённое единством основных субъектов, точки приложения их усилий, используемых ресурсов, различного рода ограничений и условий. Событие — это элементарная единица анализа, своего рода исторический квант, единичное действие одного или нескольких субъектов. События происходят внутри ситуации и вызывают значимые её изменения. Трансформация же — это пе-

³⁶⁵ Vasilev V. The impossibility of history and the existence of Russia. Algebraic and statistical analysis of big historical data Foundation . Princeton: Princeton University Press, 2013.

³⁶⁶ <http://www.gdeltproject.org/>

реход одной ситуации в другую. Она случается тогда, когда изменяются ключевые параметры ситуации, о которых речь шла выше.

К 2008 г. процесс оцифровки исторических данных был завершён, и далее оцифровка проходила и проходит в режиме онлайн и нон-стоп. Как только черновая работа была закончена, за дело взялись разведывательное сообщество и Пентагон. Далее про проект известно лишь то, что обработкой исторических данных занята крупнейшая и по сути единственная международная сеть суперкомпьютеров, включающая суперкомпьютеры министерства энергетики США, АНБ и британскую суперкомпьютерную сеть, курируемую напрямую премьер-министром страны. Просочилась также информация, что комплекс используется для создания прогностической системы, ориентированной на выявление болевых точек социодинамики в масштабе отдельных стран и определении наиболее эффективных способов воздействия на субъекты и объекты в критических точках их динамики³⁶⁷. Начиная с 2013 г. все публикации по аналитико-прогнозной части проекта полностью исчезли не только из общедоступного интернета, но и из так называемого «глубокого веба» и научных журналов. Это является лучшим показателем того, что проект стал оправдывать ожидания инвесторов и давать ощутимую практическую отдачу.

Однако американцы не были бы американцами, если бы закрыли всё. По-прежнему из открытой части проекта в интернете любой желающий может скачать все оцифрованные исторические базы данных за период до 2013 г. и работать с ними, используя любые методы. Секрет такой открытости прост. Данные проекта упакованы таким образом, что его нынешние кураторы могут наблюдать за процессами обработки этих данных, где бы он ни происходил — в Урюпинске, Шеньчжэне или даже в Могадишо. Они могут не только смотреть, чем интересуются разработчики, но и считывать все вычислительные операции с данными. Далее, используя специальные программы, они в состоянии по вычислениям восстановить исследовательские алгоритмы разработчиков. Таким образом, американцы бесхитростно, но с выдумкой используют возможность коллективного разума на основе скрытого краудсорсинга. Скрытого, поскольку вполне вероятно, что более чем 200 исследовательских групп, востребовавших базы проекта Gdelt на весну 2015 г., частично не в курсе, что все они на крючке у «плохих парней», а разработанные алгоритмы интеллектуального анализа благодаря собственному неуёмному любопытству стали собственностью американского разведывательного сообщества.

Работа о русской истории издана в Принстоне и выполнена группой математиков, программистов, системных аналитиков, живущих в Соединённых Штатах. Поэтому вполне очевидно, что их алгоритмы исходно были известны американским разведывательным и военным структурам — так же, как им хорошо известны любые математические работы пионерного характера, выполняемые не только в Америке, но и по всему миру. За это американцев сложно упрекать: если другие не пользуются плодами ума своих талантов и даже гениев, то посторонним не возбраняется брать эти достижения, тем более что они их частично или полностью финансируют.

³⁶⁷ <http://cdn.defenseone.com/defenseone/interstitial.html?v=2.1.1&rf=http%3A%2F%2Fwww.defenseone.com%2Ftechnology%2F2015%2F04%2Fcan-military-make-prediction-machine%2F109561%2F%3Foref%3Dd-skybox>

В изданной в Принстоне работе содержатся результаты статистического анализа больших данных проекта Gdelt, относящихся к России. Исследователи, используя современные мощные методы и стандарты математико-статистического анализа, посчитали вероятности исторических трансформаций и событийных преобразований внутри ситуаций для основных стран мира за 1801–2005 годы. Выяснилось, что вероятности для столь разных стран, как США, Великобритания и Франция — с одной стороны, Китай, Япония, Германия — с другой, укладываются в определённый исторический статистический коридор. Исследователи назвали этот коридор «вероятной статистической последовательностью исторических событий». В ходе расчётов выяснилось, что событийная историческая вероятность России лежит далеко за пределами этого коридора. Таким образом, мало того, что отклонения российской вероятности от главной исторической вероятности на несколько порядков превышала среднеквадратическое отклонение³⁶⁸; а это говорит ещё и о невероятности истории России относительно истории всех остальных ныне существующих ключевых стран мира. Заинтригованные математики решили включить в расчёты ещё одну, ныне уже не существующую, державу — Османскую империю. К их удивлению, о чём они прямо написали в книге, и Османская история лежала в рамках исторической последовательности.

Книга представляет собой страницы формул с короткими текстовыми пояснениями. Суть этих пояснений сводится к признанию невозможности российской истории с точки зрения теории вероятности и известных методов статистики. Однако на этом исследователи не успокоились. В последние годы вместе с теорией категорий и функторов³⁶⁹ и теорией ошибок³⁷⁰ развивается ещё одно, наиболее абстрактное и одновременно наиболее инструментально прагматичное направление математической мысли. Речь идёт о так называемом анализе случайных и псевдослучайных последовательностей³⁷¹. Случайные последовательности характерны практически для всех процессов, изучаемых естественными науками. Также такого рода последовательности обнаружены и при анализе больших данных, характеризующих исторические процессы в региональном, глобальном и иных разрезах. Впервые теория случайных процессов к человеческой деятельности начала активно применяться уже во второй половине XX в. при разработке программ для работы на фондовом рынке.

Любые объективные процессы описываются случайными последовательностями и модулируются марковскими цепями. Иными словами, если что-то существует объективно и само по себе, то здесь действуют законы теории вероятности и любые предсказания имеют стохастический характер. Это значит, что на длинных промежутках количество правильных прогнозов обязательно уравнивается числом неправильных. Как говорят инвесторы, «лучший советчик фондовика — монетка». Математики-фондовики до 2009 г. утверждали, что рынок обмануть нельзя. Нельзя его и предсказать. Опытные и удачливые инвесторы должны не гнаться за Святым

³⁶⁸ Боровиков В. Statistica. Искусство анализа данных на компьютере. СПб.: Питер, 2003.

³⁶⁹ http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_1781834

³⁷⁰ http://www.math.ias.edu/~vladimir/Site3/Univalent_Foundations.html

³⁷¹ Кнут Д.Э. Искусство программирования. Том 1. Основные алгоритмы. М.: Вильямс, 2017.

Граалем, а покорно следовать за рынком даже тогда, когда основная часть его участников ещё не успела перестроиться и продолжает идти в обратную сторону. Собственно, финансовые успехи Джорджа Сороса связаны с практическим использованием не его придуманной для внешнего потребления теорией рефлексивного рынка, а использованием описанной выше математической закономерности. Ей же обязано и появление самого крупного сектора нынешней фондовой индустрии — так называемых индексных торгуемых фондов, впервые изобретённых Б. Биггсом³⁷².

В 2007 г. российский математик, работающий в настоящее время в Швеции, А. Хренников, специализирующийся в области квантовой информации, корректно показал, что в определённые моменты рынок описывается не случайными, а псевдослучайными закономерностями. Т.е. он не объективен, а субъективно организован или, как говорят биржевики — манипулируем. Его книга «Квантовая информация»³⁷³, на последних страницах которой он описал этот феномен, была заклеена абстрактными математиками в России и американскими квантами — разработчиками автоматизированных торговых программ как лженаучная и спекулятивная. Тогда Хренников в начале 2008 г. опубликовал большую работу; в ней он представил модель, согласно которой не позднее третьего квартала 2008 г. должен неизбежно произойти крах американского ипотечного фондового рынка. А. Хренников исходил из того, что этот рынок, так же, как и финансовый, подвергается манипуляциям. При этом манипулятор, не обладая полнотой информации о рынке и эффективными методами воздействия, неизбежно с каждым днем всё больше дестабилизирует рынок и ускоряет его обвал, который в ином случае происходил бы в рамках обычного циклического кризиса³⁷⁴.

Когда летом 2008 г. разразился финансовый кризис в США, начавшийся с краха ипотечных бумаг, крупнейшие компании обратились к А. Хренникову. На что он ответил: в данный период времени ему эта тема не интересна, и он вернётся к ней в конце 2015 г., когда опять начнёт складываться интересная ситуация.

Ещё один российский математик, лауреат премии Филдса, безвременно ушедший из жизни В. Воеводский, разрабатывавший абстрактную теорию ошибок в качестве одного из её практических приложений, предложил инструментарий для распознаваний псевдослучайных последовательностей. Это любые последовательности в физическом, психическом или социальном мирах, которые внешне выглядят как естественные, объективные, а на самом деле являются субъектно-сконструированными, проектными и организованными³⁷⁵.

В рассматриваемой работе анонимные авторы применили метод анализа псевдослучайных последовательностей к оцифрованным российским данным и получили странный вывод, что российская история — это единственная страновая история, которая описывается не как случайная, а как псевдослучайная последовательность. Иными словами, согласно результатам применения мощнейших и наиболее современных на сегодняшний день методов количественного интеллектуального

³⁷² Биггс Б. Дневник хеджера. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.

³⁷³ Хренников А.Ю. Введение в квантовую теорию информации. М.: Физматлит, 2008.

³⁷⁴ http://arxiv.org/find/physics/1/au:+Khrennikov_A/0/1/0/all/0/1

³⁷⁵ <http://www.math.ias.edu/vladimir/home>

анализа, далеко выходящих за пределы стандартных статистических методов, выяснилось, что российская история уникальна и имеет в отличие от других страновых историй субъектный, или проектный характер.

На этом в книге ставится точка. Анонимные авторы, скрывшиеся за несуществующим фондом им. В. Васильева, отказались делать какие-либо выводы о проектном субъекте и причинах уникальности российской истории. Они отметили, что подобные размышления имели бы исключительно спекулятивный, бездоказательный характер, по крайней мере, на момент написания работы. При этом на заключительных страницах книги указано, что авторы оставляют за собой право вернуться к рассмотрению темы в будущем, по мере появления нового математического (и не только) инструментария.

Частично выявленный проектный характер российской истории, по крайней мере двух последних столетий, связан в том числе с зашкаливающим все мировые нормы количеством злодеев, подонков, негодяев, тупиц и т.п. в составе российского правящего слоя. Дополнительным отягчающим фактором является то обстоятельство, что в решающие моменты российской истории лица, волей случая или чего-то иного оказывавшиеся в нужное время на лично им нужном месте, умудрялись связываться в глобальном масштабе с наиболее паразитарными, хищническими и деструктивными группировками и паттернами мировой глобальной элиты.

Два отмеченных фактора не позволяют объяснить всю парадоксальность российской истории. Однако они дают возможность понять многое в её логике, течении и перспективах. Продемонстрируем это на теме, прямо относящейся к главной проблематике текста, а именно на событиях, происходивших в советской как бы элите в 1967–1973 гг.

2

Российские и зарубежные исследователи, анализирующие историю последних десятилетий Советского Союза, явно недостаточное внимание уделяют июньскому пленуму 1967 г. и выступлению на нём первого секретаря Московского горкома партии Николая Егорычева. Между тем в советское время даже спустя 10 лет после случившихся событий, сохранялось понимание, что на пленуме произошло что-то экстраординарное и одновременно загадочное. Экстраординарным оно воспринималось потому, что впервые за десятилетия руководитель крупной, а в данном конкретном случае — важнейшей территориальной организации КПСС — Московской, выступил с резкой критикой генерального секретаря ЦК КПСС. Загадочность была связана с полным непониманием не только рядовыми коммунистами и тем более населением СССР, но и руководящими работниками горкома и ЦК КПСС конкретной фактуры, которую озвучил Н. Егорычев в своём выступлении. Спустя 10 лет человек, весьма влиятельный в руководстве Московской парторганизации, входящий в кабинет М.А. Суслова и административные органы и занимавший весьма своеобразный пост первого секретаря межрайонного райкома КПСС, хорошо знавший Н. Егорычева, рассказывал, что ни тогда, ни теперь никто не понял, что хотел сказать Н. Егорычев на пленуме и почему его выступления так испугались.

Даже в тех редких случаях, когда на июньский пленум падает луч внимания историков, они, как правило, связывают выступление Н. Егорычева с обидой за своего друга В. Семичастного, отстранённого от руководства КГБ СССР, и протестом против опалы А. Шелепина, ещё одного ближайшего товарища Н. Егорычева. Лишь немногие посвящённые, в основном из высшего партийного руководства, членов семей бывших советских руководителей, а также отдельные работники спецслужб, в советские годы были в курсе реальной подоплёки событий.

Российская история хороша тем, что, несмотря на перманентную фальсификацию архивов, уничтожение значительной части важнейших документов, содержащихся в коллекциях и фондах хранения, из-за извечно русской расхлябанности, помноженной на царящий бюрократический бардак, время от времени всплывают удивительные тексты и документы. Они позволяют свести концы с концами российской истории, причём сделать это не привычно концептуальным методом, базирующимся на понятийных решётках и отсылках к оценочным суждениям, а строго используя проверенные факты не о мыслях и намерениях, а о практических действиях тех или иных деятелей.

Применительно к нашей теме речь идёт об изданной в серии ЖЗЛ уникальной книге «Челомей»³⁷⁶. Книга, что редко бывает, уникальна сразу в двух аспектах. Во-первых, она содержит изложение и даже ссылки на изъятые из архивов документы, касающиеся многих сторон жизни последних лет существования Советского Союза. Во-вторых, это единственная книга, предисловие к которой написали министр обороны С. Шойгу, а также тогдашний президент РАН В. Фортов. При таких авторах предисловия совершенно непостижимой представляется ситуация, когда первое издание книги тиражом в 9 тыс. экземпляров всего через год после издания практически исчезло из всех книжных магазинов Москвы и купить её можно было только у спекулянтов. В России за обозримый период времени ни одна книга, тем более с такими авторами предисловия не имела столь странной и непонятной судьбы. Видимо, кто-то в последний момент всё-таки сообразил, насколько приведённые в книге документы меняют взгляд на позднюю советскую историю, и предпочёл убрать её с глаз долой широких народных масс, отдельные представители которых продолжают читать книги³⁷⁷.

Чтобы понять, о чём говорил на пленуме Н. Егорычев, обратимся к первой и пока единственной публикации этой речи в газете «Коммерсант»: «Вместе с тем события на Ближнем Востоке, во Вьетнаме, Карибский кризис 1962 года, показывают, что империалисты могут в любой момент развязать новую большую войну. Леонид Ильич говорил сегодня в докладе, что нам надо повысить бдительность, поэтому нам надо ещё и ещё раз, и самым тщательным образом, взвесить, готовы ли мы в любой момент отразить внезапный удар агрессора — будь то на Западе, Востоке или на каких-либо других границах нашей Родины. И не только отразить, но и сокрушить противника... Вооружение нашей армии должно превосходить всё то, чем располагают армии империалистических стран...

Вопросы экономического развития страны, политической работы партии в массах систематически обсуждаются на съездах КПСС и пленумах ЦК. Может быть,

³⁷⁶ Бодрихин Н. Челомей. М.: Молодая гвардия, 2014.

³⁷⁷ В 2017 г. вышло второе издание книги (прим. ред.).

настало время... на одном из предстоящих пленумов в закрытом порядке заслушать доклад о состоянии обороны страны и о задачах партийных организаций — гражданских и военных так, как, например, на прошлом пленуме мы рассматривали вопрос о нашей внешней политике. Меня, например, как члена Военного совета Московского округа ПВО, весьма беспокоит, что противовоздушная оборона столицы недостаточно надёжна. Существующая система всё более морально устаревает, модернизация её должного эффекта уже не даёт, создание же новой системы ПВО столицы слишком затягивается.

Кстати, в то время нашлись некоторые не в меру ретивые исполнители волевых решений. Устарел флот?.. Разрежем корабли! Не нужна авиация?.. Перестроим некоторые авиационные заводы на выпуск другой продукции. Причём реконструкция, например, московского завода имени Хруничева обошлась, видимо, государству в такую же сумму, как стоило бы строительство нового специального завода: фактически завод был полностью перестроен. Едва ли это было сделано разумно. Теперь жизнь заставляет один из ракетных заводов Москвы переоборудовать на авиационный»³⁷⁸.

А вот что происходило сразу после пленума:

«— Но ведь в вашем выступлении были и, мягко говоря, нестандартные для того времени положения...

— Это верно. Я предложил обсудить вопросы обороны на одном из пленумов ЦК. Считалось, что подобные вопросы входят в компетенцию даже не политбюро, а узкого круга членов политбюро, и не дело обсуждать их на пленуме. Получалось, что я замахнулся на самое святое. Национальная проблема тогда уже выпукло вырисовывалась. С моим выступлением можно было соглашаться или не соглашаться, но с проблемой нужно было что-то делать. Но Брежнева больше всего задело, когда я сказал, что партия — это не Сталин и не Хрущёв. Брежнев, конечно, продолжил мысль: партия — это и не Брежнев.

— На что вы рассчитывали, Николай Григорьевич? Неужели вы думали, что Брежнев оставит ваш демарш без последствий?

— Поверьте, я только хотел высказать своё мнение. Я думал, что у меня будет ещё один пленум. Я не думал, что мне придётся уходить после этого выступления. Вроде бы акценты были расставлены так, что придраться формально было не к чему. Но выступление в целом получилось довольно необычным. Вы не представляете! В Свердловском зале Большого кремлевского дворца, где проходил пленум, было человек четыреста. Пока я выступал, стояла гробовая тишина. И когда я сошёл с трибуны, меня провожали до места аплодисментами.

— Подготовка шла всю ночь. Мой сосед Устинов — мы жили в соседних квартирах — принял выпад об исполнителях недалёких идей Хрущёва о вооружениях на свой счёт. И он был недалёк от истины. Его фамилия была в моём выступлении. Но в последний момент я её убрал. Мне один из министров оборонной отрасли рассказал, что после моего выступления их всех собрал Устинов: «Дмитрий Фёдорович от злости просто на стенку бросался. Кричал: “Мы этого Егорычева в пыль сотрём!”».

— У меня произошёл непростой разговор с Брежневым. Он говорит: “Ты знаешь, Коля, военные говорят, что ты не должен был такой информации иметь по тех-

³⁷⁸ <http://www.kommersant.ru/doc/330040>

ническим вопросам”. Я ответил: “Знаете что, Леонид Ильич, ваши военные, когда вы начали с ними беседовать, наделали в штаны и мне в карман добавили”. Потом он говорит: “Слушай, Коль, я же не ставлю вопрос о твоём исключении из состава ЦК”. Я спрашиваю: “А за что меня исключать из состава ЦК? Я сделал что-то нарушающее устав партии? Или выступил против решений пленумов и съездов?”. Брежневу это не понравилось: “Вот скажем, и исключат!”. “Но вы не забывайте, Леонид Ильич, — говорю, — что я тоже поборюсь”. Он сразу остыл: “Да ты меня неправильно понял. Я же тебя очень люблю”»³⁷⁹.

Несмотря на всю любовь Леонида Ильича, Н. Егорычев был снят с поста первого секретаря горкома партии, выведен из состава ЦК и перемещён на должность заместителя министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, а затем отправлен послом в Данию.

Может возникнуть вопрос: какое отношение имело выступление Николая Егорычева к фактуре, изложенной в книге о гениальном советском генеральном конструкторе, выдающемся учёном-физике Владимире Николаевиче Челомее? Чтобы понять связь, надо обратиться к трём моментам речи Н. Егорычева. Прежде всего в качестве аргументов в пользу предполагаемой недостаточной заботы ЦК КПСС об обороне страны он использовал то, «что противовоздушная оборона столицы недостаточно надёжна. Существующая система всё более морально устаревает, модернизация её должного эффекта уже не даёт, создание же новой системы ПВО столицы слишком затягивается», а также то, что «реконструкция, например, московского завода имени Хруничева обошлась, видимо, государству в такую же сумму, как стоило бы строительство нового специального завода: фактически завод был полностью перестроен. Едва ли это было сделано разумно. Теперь жизнь заставляет один из ракетных заводов Москвы переоборудовать на авиационный». При этом важнейшей деталью являются слова Л. Брежнева по поводу выступления Н. Егорычева: «Ты знаешь, Коля, военные говорят, что ты не должен был такой информации иметь по техническим вопросам».

Любой непредубеждённый военный историк удивится этим аргументам. Дело в том, что как раз в конце 1969 г. была закончена модернизация системы ПВО Москвы. Более того, генерал армии П.Ф. Батицкий, 11 лет возглавлявший Московский округ ПВО, был назначен главнокомандующим войсками ПВО страны. При этом было отмечено, что «за период руководства войсками округа были созданы принципиально новые войска, имеющие самую современную в мире технику и системы управления». Закавыченная цитата представляет собой выписку из решения пленума Московского горкома КПСС, выразившего благодарность П. Батицкому за работу на благо Москвы и утвердившего его характеристику для представления в ЦК КПСС в связи с выдвижением на новую должность. Если не знать нюансов, которые до последнего времени были старательно зачищены, получается, что Н. Егорычев высек на пленуме ЦК КПСС сам себя.

Ещё более непонятно его упоминание о заводе им. Хруничева. Действительно, в своё время было принято решение о перепрофилировании завода с авиационной на ракетную тематику и передаче его из ведения ОКБ В. Мясищева в ОКБ В. Чело-

³⁷⁹ <http://www.kommersant.ru/doc/330040>

мая. Однако это решение состоялось ещё в 1960 г. И большинство участников пленума к нему не имели никакого отношения. В момент выступления Н. Егорычева завод продолжал активно работать по темам, закреплённым за ОКБ и производственными предприятиями, где генеральным конструктором был В. Челомей. При этом, строго говоря, никакого решения в 1967 г. об обратном перепрофилировании завода, как сказано в выступлении Н. Егорычева, принято не было. На практике В. Челомей сделал несколько иное — дополнил специализацию завода, связанную с производством универсальных баллистических ракет УР-100, выполнением опытных работ по созданию маневренных орбитальных спутников-убийц и лёгких ракетопланов. В каком-то смысле ракетопланы являются гибридом ракеты и самолёта, и в конечном счёте были реализованы в виде американских шаттлов, российского «Бурана» и многоразового космического корабля Элона Маска. Опять же без знания контекста непонятно, почему данный второстепенный вопрос Н. Егорычев посчитал достаточным аргументом для того, чтобы показать Л.И. Брежневу, что тот плохо заботится об обороноспособности СССР, и постараться инициировать расследование и поиск конкретных виновников сложившегося положения. Все нюансы и контексты, а заодно и те технические детали, которые знал Н. Егорычев, становятся понятными, если внимательно почитать книгу Н. Бодрихина о Челомее, а заодно заглянуть между строк.

В начале 1960-х годов по инициативе Н.С. Хрущёва было принято два важнейших постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которые никогда не были полностью опубликованы. Речь идёт о постановлении № 715-296 от 23.06.1960 г. «О производстве ракет-носителей, спутников, космических кораблей для военно-космических сил в 1960–1967 гг.» и постановлении № 346-160 от 16.04.1962 г. «О важнейших разработках межконтинентальных баллистических и глобальных ракет и носителей космических объектов». В постановлениях и особенно секретных приложениях к ним была намечена программа обеспечения неоспоримого военно-стратегического и тактического превосходства ракетно-космических войск СССР. Это превосходство должно было позволить СССР не позднее середины 1960-х годов добиться паритета с США в сфере стратегических ядерных вооружений, а к концу 1960-х — получить решающее превосходство как по наступательному, так и по оборонительному потенциалу советских вооружённых сил над объединённым потенциалом вооружённых сил стран НАТО. Эти задачи намечалось решить, не копируя американцев и не обескровливая советскую экономику, а разработав оригинальную, как теперь модно говорить, асимметричную программу практических действий по реализации амбициозных планов.

Здесь уместно сказать несколько слов о современной российской истории вообще и отношении российских историков к Н.С. Хрущёву в частности. Последнее 25 лет российская историческая наука, а точнее то, что от неё осталось, из сферы исследований превратилась в основном в инструмент идеологической обработки населения страны. Причём исторический мейнстрим решает эту задачу вне зависимости от того, кто находится в данный момент у власти и какой геополитической ориентации придерживается первый руководитель. Если во времена Б. Ельцина Н. Хрущёв выдавался за провозвестника демократических реформ, чуть ли не за буревестника новой России, то в эпоху В.В. Путина акценты резко поменялись. Н.С. Хрущёв, а также вся его деятельность стали отображаться исключительно в

чёрном цвете, без какой-либо позитивной ноты. В новой схеме, базирующейся на кратопреемственности И. Грозного, Петра I, Иосифа Сталина и Владимира Путина, Хрущёв оказывается однозначно на стороне сил тьмы, представленных персонажами типа царевны Софьи, Петра III, Л. Троцкого и М. Горбачёва. Б. Ельцин из этого списка изымается, дабы не вводить читателя в искус анализа причин, по которым преемником разрушителя государства Российского стал его упрочитель.

К счастью, реальная история не имеет никакого отношения к подавляющему большинству, с позволения сказать, продуктов творчества российских представителей почтенной исторической науки. Она имеет дело с фактами и артефактами, а не с мнениями и концептуальными гипотезами. Любому здравомыслящему человеку понятно, что Н.С. Хрущёв был ещё тем авантюристом, малообразованным человеком, интриганом и политическим деятелем, у которого руки в крови не по локоть, а по плечи, и то только потому, что руки там кончаются. Однако, положи руку на сердце, данная характеристика в полной мере относится почти к любому политическому деятелю периода 1920–1950-х годов без исключения. Н.С. Хрущёв был не большим интриганом, чем Л.П. Берия. Его авантюризм полностью уравнивался пофигизмом Л.И. Брежнева. А что касается участия в репрессиях, то при всём уважении к Никите Сергеевичу, ему в этом плане было до Иосифа Виссарионовича как до Луны.

При всех недостатках Н.С. Хрущёва, а также особенностях его личности, позволяющих манипулировать им сначала Г. Маленкову, а затем А. Микояну, он сделал много нужного и полезного для страны. Когда сейчас рассказывают о том, что Россия доедает сталинское наследство, то это в значительной степени неправда. Сталинское наследие было уничтожено в немалой степени по его личной вине в годы Великой Отечественной войны. Что же касается послевоенного Сталина, то это был глубоко больной человек со становившимся с каждым годом всё более сумеречным и аномальным сознанием. Нынешний потенциал, который дообглаживают компрადоры и клептократы всех мастей, в значительной степени создан благодаря деятельности Л.П. Берии и Н.С. Хрущёва.

Согласно экономическим расчётам, в том числе ранее приведённым в тексте, 1950-е – первая половина 1960-х годов были наиболее успешным и удачным во всех отношениях периодом существования СССР. Более того, ядерно-ракетный щит, который в настоящее время только и сохраняет Россию, был создан не в сталинские времена, как пишет пропаганда, маскирующаяся под историю, а во времена Л. Берии и Н. Хрущёва, Л. Брежнева и А. Косыгина. В значительной степени благодаря Н. Хрущёву к 1967 г. был обеспечен, по оценке самих американцев, полный стратегический военный паритет СССР и США. При этом в тот период СССР значительно уступал по экономической мощи США, а создание паритета не потребовало полного обескровливания советской экономики.

Когда в 1980–1990-е и нулевые годы различные военные эксперты во главе, если верить газете «Красная звезда», с «подлинным государственным, крупнейшим специалистом в военном строительстве, сохранившим Россию» В. Кокошиным, у которого, кстати, в отделе долгие годы проработал сын Ю.В. Андропова, клеймят Н.С. Хрущёва за погром вооружённых сил, вспоминая сокращение ВМФ и ВВС, они намеренно забывают о самом главном. В 1960-е годы для создания эквивалентных Соединённым Штатам военно-морских и военно-воздушных сил у СССР банально

не было ни ресурсов, ни необходимых технологических решений. Тогдашнее военное командование, впрочем, как и в 1970–1980-е годы, призывало решать проблемы количеством вместо качества и без продыху клепать новые крейсера, бомбардировщики, танки и т.п. Пикантность ситуации состояла в том, что те же военные как профессионалы прекрасно отдавали себе отчёт в бессмысленности этой затеи, поскольку американские ВВС и ВМФ, пользуясь качественным превосходством, могли уничтожить российские военно-воздушные и военно-морские силы не на поле боя, а в местах их базирования. Однако строительство новых флотилий кораблей, эскадрилий самолетов и колонн танков открывало перспективу формирования новых воинских частей и одновременно загружало заводы оборонной промышленности, которыми руководил Д.Ф. Устинов. В итоге появлялись новые полковничьи и генеральские должности всех ступеней, а следовательно, и перспектива служебного роста и связанные с ними различного рода материальные блага.

Соответственно, когда наши военачальники и их интеллектуальная обслуга типа В. Кокошина рассказывала про плохого Хрущёва, они всего лишь боролись за свои простые, земные, материальные интересы. Об этом замечательно написал уже в 1990-е годы выдающийся советский разведчик-нелегал, специалист в области оборонной промышленности и военного строительства Виталий Шлыков³⁸⁰.

Возвращаясь к теме В. Челомея, отметим, что в секретной части упомянутых постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР содержались детальные планы создания уникальной наступательно-оборонительной системы под кодовым названием «Закат». Среди высокопоставленных ракетчиков в 1960–1970-е годы эта система была известна под «сленговыми» названиями «Башмак», или «Кузькина мать». Официальное название системы являлось прямой аллюзией от названия мирной советской космической программы «Восход». Именно в рамках этой программы были запущены космические корабли «Восток» и «Восход». Относительно «Заката» имелась в виду перспектива Соединённых Штатов после создания комплекса. Несколько слов относительно «сленговых» названий. «Башмак» отсылал к известному эпизоду на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, а «Кузькина мать» была прямой цитатой из двух наиболее известных выступлений Н.С. Хрущёва, посвящённых перспективам США и американского военно-промышленного комплекса, которых советский руководитель пообещал «загнать за Можай».

3

Есть смысл коротко, оперируя только установленными фактами, остановиться на судьбе всех составляющих компонентов проекта «Закат». Она настолько удивительна и непредставима, что когда в 1990-е годы американцы были допущены до советских военных разработок, включая космические, они, бродя по опустевшим

380 Шлыков В.В. Что погубило Советский Союз?

<http://www.ru-90.ru/content/%D1%88%D0%BB%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%B2%D0%B2-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%BE-%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D0%BE%D1%8E%D0%B7>

цехам заводов и залам КБ, задавали своим экскурсоводам один и тот же вопрос. Если очистить вопрос от свойственной высокопоставленным американцам учтивости и воспитанности, то он звучал бы примерно так: «Вы кто — идиоты или предатели?» Кстати, сопровождали американцев в этих экскурсиях в большинстве случаев крупнейший специалист по космическим вооружениям и атомной энергии академик Е. Велихов, тогдашний глава Роскосмоса Ю. Коптев и секретарь Совета Безопасности В. Кокошин.

Сейчас уже трудно поверить, но в 1950–1960-е годы Советский Союз на несколько поколений опережал Соединённые Штаты (по оценке их разведывательных источников) в сфере крылатых ракет и беспилотников. Головной структурой по советским крылатым ракетам, как и в целом по проекту «Закат», был комплекс ОКБ и производственных предприятий, руководимых генеральным конструктором В. Челомеем.

В 1959 г. в Советском Союзе была сделана, прошла все испытания и поставлена на боевое дежурство, а в последующем участвовала в успешных манёврах первая в мире автономная сверхзвуковая крылатая ракета морского базирования П-50³⁸¹. Интересно, что в числе тех, кто был удостоен Ленинской премии за её создание, был С.Н. Хрущёв. Сегодня принято поливать его грязью, поскольку после 20 лет травли, в которой особенно усердствовали Ю.В. Андропов и Д.Ф. Устинов, сын Н. Хрущёва в 1990-е годы перешёл на работу в Принстонский университет США, где работает и живёт в настоящее время. При этом все, кто имел дело с С.Н. Хрущёвым с первых дней работы в ОКБ Челомея, отмечали его глубочайшие знания, воспитанность и личную скромность, чем, кстати, отличалась и его сестра Рада Аджубей. До того, как С. Хрущёв по рекомендации своего учителя, выдающегося советского физика и радиотехника Л. Ткачёва, начал работать в ОКБ Челомея, он с отличием окончил не МГИМО и не Оксфорд, а факультет авиационных и космических аппаратов МЭИ.

На базе ракеты П-50 к 1963 г. в ОКБ-52 был разработан так называемый ПААКРК. Это был первый в мире подводный автономный автоматизированный контейнерный ракетный комплекс. В двух словах суть его работы состояла в следующем. Мощнейшие крылатые ракеты, оснащённые одиночными либо разделяющимися боеголовками, размещались в герметичном контейнере, который выполнял функции пусковой установки. Контейнер судном или подводной лодкой доставлялся в район дислокации, например, к границе территориальных вод США и затоплялся там. Комплекс был автономным. Это означало, что ракеты имели такой вид топлива, который позволял контейнеру находиться на дне до трёх лет. После чего ракета просто разряжалась либо самоуничтожалась, либо забиралась судном или подводной лодкой. В действие комплекс приводился либо с командного пункта человеком-оператором, либо двумя синхронизированными автоматизированными системами, размещёнными где угодно, в том числе в море в виде плавучего буйа. Суть этого элемента состояла в том, что если в силу тех или иных причин оператор мог быть поражён и не способен дать команду комплексу, то автоматизированные системы сами передавали команду, ретранслируя полученный со спутника сигнал из Москвы либо с командного пункта сил стратегического назначения где-то в стра-

³⁸¹ Бодрихин Н. Ук. соч. С. 92–119.

не. Дополнительным фактором автономности была разработанная уникальная, не имеющая аналогов в мире система беспрограммного наведения ракеты на цель, которую разработал Л. Ткачёв. Любопытно, что в 1990-е годы эта система была подарена Соединённым Штатам и до сих пор используется на всех, в том числе новейших комплексах крылатых ракет.

В довершение всего за 20 лет до американцев в СССР на другой физической основе был обеспечен стелс-эффект, т.е. эффект невидимости металлосодержащих систем для радаров и других базирующихся на электромагнитной среде систем распознавания. Последний раз эта разработка, насколько известно автору, была использована в 1990-е годы при изготовлении серии вертолётот и самолётот, успешно прошедших испытание на невидимость.

В конце 1963 – начале 1964 г. ПААКРК был не только изготовлен, но и испытан в боевых условиях во внутренних акваториях Советского Союза, на Северном Ледовитом океане и на Дальнем Востоке. Выяснилось, что он обладает высокой надёжностью, дешёв в изготовлении и эксплуатации и нераспознаваем для американских ПРО. (Уже в то время в распоряжении СССР находились благодаря деятельности ГРУ характеристики этих систем.) Оставалось начать промышленное производство комплекса и разместить установки ПААКРК по обе границы территориальных вод США — на дне Атлантического и Тихого океанов.

С учётом сверхзвуковой скорости ракет, невидимости комплексов для радаров и короткого срока распаковки контейнера и превращения его в пусковую установку, в Соединённых Штатах не было тогда и, возможно, нет и теперь средств перехвата подобных крылатых ракет. Иными словами, дешёво и сердито СССР уже в 1967–1968 гг. мог поставить под смертельную угрозу все крупнейшие города Америки и ключевые военные базы.

Однако жизнь распорядилась по-своему. Сразу после отстранения Н.С. Хрущёва с поста генерального секретаря Д.Ф. Устинов, пользуясь советами старших товарищей, развернул охоту на В. Челомея, у которого работал сын Н.С. Хрущёва. Здесь уместно добавить, что впервые В. Челомей и Д. Устинов жёстко пересеклись между собой ещё в 1957 г. при проектировании крылатых ракет для военно-морских сил. ОКБ Челомея тогда действовало в структуре Министерства авиационной промышленности П. Деметьева, а Д. Устинов курировал ОКБ, где работал другой замечательный советский конструктор и человек С.Л. Берия. Причём как раз С.Л. Берия был главным конструктором системы «Комета» — конкурента ракеты Челомея. При этом характерно, что спустя десятилетия С. Берия рассказывал, что в 1960–1970-е годы его связывали с В. Челомеем дружеские отношения. Причём последний постоянно повторял, что «если бы был жив его (т.е. Берия — *прим. авт.*) отец, то у нас в промышленности и в космосе всё было бы нормально. А при нынешних руководителях, озабоченных лишь выпивкой и охотой, всё придёт в запустение, а потом будет уничтожено». Несмотря на конкуренцию, в 1950-е годы С.Л. Берия и В.Н. Челомей стали если не близкими друзьями, то хорошими знакомыми, которых связывали личные и профессиональные доверительные отношения. А вот Д.Ф. Устинов не смог подняться над нанесённой ему в далёкие годы обидой и по подсказкам, советам и рекомендациям своих старших по партийной линии товарищей сделал всё, — в книге Н. Бодрихина это продемонстрировано документально, — чтобы, по сути, уничтожить советский космос.

Когда комплекс был готов к массовому производству, ОКБ, занимавшееся рабочими чертежами, было переподчинено от В. Челомея к никчёмному руководителю и плохому конструктору, преемнику С. Королёва — В. Мишину. Под его эгидой, естественно, всё умерло. К тому же заводы, которые были готовы к серийному производству комплекса, были переориентированы на другие изделия (которые, кстати, никогда не были приняты на вооружение Советской Армии). К лету 1967 г. все работы по комплексу были приостановлены, а затем при подготовке советско-американского договора 1972 г. по ограничению ПРО тема была закрыта вообще, а документация уничтожена.

Понятно, что в любой стране в любое время случаются досадные для неё ошибки и просчёты. Поэтому пора перейти от подводных контейнерных комплексов к мобильным орбитальным боевым системам или, в просторечии, «истребителям спутников». Работа над ними в ОКБ и производственных предприятиях В. Челомея началась в апреле 1961 г.³⁸² 11 ноября 1963 г. президент Академии наук СССР М. Келдыш в своей передовой статье в «Известиях» написал: «Способность кораблей к маневрированию даёт возможность создать тяжёлые орбитальные станции в космосе со сменяемым экипажем. Коллектив учёных, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, создавший космический аппарат «Полёт-1» и осуществивший его запуск, внёс новый большой вклад в исследование космического пространства». 12 апреля 1964 г. был запущен и успешно отработал первый в мире спутник-перехватчик «Полёт-2». 1 ноября 1968 г. релиз спутника-перехватчика под названием «Космос-252» впервые в мире не только осуществил несколько манёвров в космосе с изменением орбиты, но и поразил из установленной на нём боевой системы другой спутник. Ничего подобного до конца 1990-х годов Соединённые Штаты создать не сумели. В конце 1968 г. было принято решение о прекращении дальнейшего развития системы, а в 1972 г. работа была официально свёрнута с прекращением финансирования.

Отказ Советского Союза от маневренных орбитальных боевых систем был связан с подписанием в 1972 г. договора между СССР и США об ограничении стратегических вооружений и систем противоракетной обороны, который ограничивал создание противоспутниковых систем. Вчитываясь в текст этого договора, становится ясно, что советская сторона в рамках договора отказалась от развития тех направлений, где она на много лет, а возможно, и десятилетий, опережала Соединённые Штаты и полностью приняла логику развития стратегических наступательных и оборонительных вооружений, которой придерживалось министерство обороны США.

Так же, как и договор 1967 г. о мирном использовании космоса, который покончил с системой советских низкотемпературных ядерных энергетических установок, о чём речь впереди, в разделе, посвящённом И. Филимоненко, договор СНВ-1 готовился А. Громыко, Д. Устиновым при самом непосредственно участии Ю. Андропова и Г. Арбатова. Главными идеологами необходимости заключения этих договоров были М. Сулов и Л. Брежнев. В связи с этим, когда в современной литературе пишут о том, что М.С. Горбачёв сдал советские стратегические наступательные и оборонительные вооружения, отказавшись от них во имя мифического обще-

³⁸² Бодрихин Н. Ук. соч. С. 177–191.

мирового дома, то это верно лишь отчасти. Главные решения были приняты задолго до него указанной выше «группой товарищей».

В середине 1970-х годов по инициативе А. Гречко система начала восстанавливаться и была вновь поставлена на боевое дежурство в июле 1979 г. Но, во-первых, было безвозвратно утеряно время, а, во-вторых, от совершенствования системы был отстранён генеральный конструктор, знавший эту систему досконально, — В. Челомей и её дальнейшее развитие было поручено КБ «Южное», расположенное в г. Днепропетровске. К слову сказать, в молодости Л.И. Брежнев был первым секретарём парткома КБ «Южное» и связанного с ним завода. Поэтому тему отдали своим людям. В результате спутники стали падать один за другим. А в 1982 г. программа была окончательно закрыта. В начале 1990-х годов все чертежи в рамках советско-американского сотрудничества вместе с уникальной двигательной установкой «Топаз», разработанной И. Филимоненко, были безвозмездно переданы нашим американским «друзьям и партнёрам». Лоббировавшие это решение академик Е. Велихов, зам. директора Института США и Канады и к тому времени секретарь Совета Безопасности России В. Кокошин и глава Роскосмоса Ю. Коптев отметили, что эта передача демонстрирует новый уровень доверия и сотрудничества между США и Россией.

Орбитальные маневренные автоматические боевые системы, или спутники-истребители, были не единственным космическим оружием. В решениях ЦК КПСС и Совмина СССР от 1960 и 1962 годов предусматривалось и создание пилотируемых военно-разведывательных платформ. Эти платформы также было поручено создать ОКБ и заводам, входящим в систему В. Челомея³⁸³. 12 октября 1964 г. во исполнение этих решений В.Н. Челомей собрал ведущих специалистов ОКБ-52 и сообщил о начале проектирования и практического создания первой в мире орбитальной пилотируемой станции, по совместительству разведывательно-боевой орбитальной платформы «Алмаз». На следующий день на пленуме Н.С. Хрущёв был снят. Однако в воцарившейся общей неразберихе Челомею удалось продолжить работу над станцией. К ноябрю 1967 г. было подготовлено более 100 томов проектной, конструкторской и производственной документации по скорейшему изготовлению станции «Алмаз», подписанной 25 крупнейшими НИИ и КБ страны и руководителями предприятий, за исключением могильщика советской космической программы В. Мишина и любимца Л. Брежнева и Д. Устинова В. Глушко. Станция помимо уникальных разведывательных фото, радио, электронных систем слежения и наблюдения была вооружена ракетными установками, космическими пушками и другими поражающими устройствами. Параллельно станции был разработан транспортный корабль снабжения, переделанный в последующем в «Прогресс». Была также завершена разработка проектной и инженерной документации 19-тонного пилотируемого многоразового корабля, советского предвестника «шаттла». В 1990-е годы, когда американцам удалось ознакомиться с длиннофокусным фотоаппаратом, инфракрасной аппаратурой и электронными системами слежения, а также бортовыми электронно-вычислительными машинами, которые были готовы к 1969 г., они отметили, что и в 1993 г., когда они знакомились с техникой, в Америке не было ей аналогов.

³⁸³ Бодрихин Н. Ук. соч. С. 342–389.

В 1968 г. были проведены первые успешные опытные испытания системы в беспилотном режиме, и началось изготовление серийных боевых разведывательных станций «Алмаз». К концу 1969 г. были изготовлены и готовы к запуску четыре станции. А далее события развернулись привычным образом. «По указанию Секретаря ЦК КПСС Д.Ф. Устинова В. Челомею приказали сдать все чертежи и проектную документацию в другие КБ. Однако быстро выяснилось, что другие КБ не могут произвести изделия по чертежам. По указанию Д.Ф. Устинова и под контролем КГБ СССР была проведена операция по изъятию материальной части станции «Алмаз»»³⁸⁴. Детали операции описал в своих записках «один из ближайших помощников С.П. Королёва, затем В.П. Мишина лётчик-космонавт СССР, герой Советского Союза К.П. Феоктистов: “В начале декабря 1969 г., когда Мишин был где-то на юге в отпуске, я позвонил Устинову и напросился на приём.

Поначалу при разговоре присутствовал только Б. Строганов — начальник сектора оборонного отдела ЦК, и Илларионов — помощник Устинова. Я сказал, что мы предлагаем взять за основу системы “Союз” орбитальную станцию Челомея и все её основные узлы, сделав от себя новый цилиндрический корпус, меньший чем у “Алмаза” и освобождённый от милитаристских штучек конструктора Челомея. В этом случае я поручился в короткие сроки. Примерно за год, создать орбитальную станцию.

Устинов усвоил основную идею: дал все необходимые команды и изъясил все нужные нам узлы, блоки и комплектующие. Мы выкинули всю военную часть, упаковали в экономичный корпус, и станция была быстро создана, а Челомей получил по мозгам»³⁸⁵.

В своих воспоминаниях бывший начальник отдела Филёвского филиала № 1 С. Кулага написал: «Устинов чётко представлял, какой эффект произведёт запуск первой орбитальной станции. И какие лавры достанутся её разработчику Челомею. Этого нельзя было допустить. И тут привлекается королёвская фирма “Энергия”, которая разрабатывает проект использования станции “Алмаз” с переоборудованием её в станцию “Салют”, без военно-разведывательных компонентов и установкой на неё оборудования жизнеобеспечения с корабля “Союз”, рассчитанную всего на семь суток работы. Такой подход был технически безграмотен, экономически бессмысленен и человечески опасен. Но он позволял решить главную задачу — сорвать вывод на орбиту станции “Алмаз” и противопоставить первоклассной, глубоко продуманной станции “Алмаз” переделанную в неё скороспелую станцию “Салют”, которая была абсолютно пустой»³⁸⁶. Известна печальная судьба станций «Салют». Первая станция, обладавшая серьёзными конструктивными недоделками в стыковочном блоке, послужила, по мнению многих экспертов, главной причиной гибели летом 1971 г. при возвращении со станции советского экипажа в составе Г. Добровольского, В. Волкова и В. Пацаева.

В июле 1974 г. по настоянию министра обороны А. Гречко, несмотря на противодействие Д. Устинова, был осуществлён запуск «Алмаза» под названием «Салют-3». В ходе эксплуатации станции подтвердились все её высочайшие характери-

³⁸⁴ Бодрихин Н. Ук. соч. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=566184&p=97>

³⁸⁵ Бодрихин Н. Ук. соч. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=566184&p=97>

³⁸⁶ Бодрихин Н. Ук. соч. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=566184&p=97>

стики, включая разведывательные и боевые возможности. Однако в 1976 г. Гречко умирает при странных обстоятельствах и 29 апреля того же года министром обороны СССР назначают секретаря ЦК Д.Ф. Устинова, который запретил создание новых станций «Алмаз». 22 июля 1976 г. была запущена уже готовая и транспортированная к моменту назначения Устинова министром обороны на Байконур станция «Алмаз-3» под названием «Салют-5». Уже готовая к полёту станция «Алмаз-4», оснащённая уникальным поражающим вооружением и разведывательной аппаратурой, была по решению Политбюро физически уничтожена.

Уничтоженная станция располагала специальным узлом для пристыковки и отстыковки к ней боевой космической платформы. Эта платформа была изготовлена к моменту уничтожения станции «Алмаз». Полёт станции намечался как испытание стыковки запущенной новой военно-разведывательной станции и боевой платформы, носящей среди ракетчиков «сленговое» название «Гвоздь». Идея платформы, воплощённая в железе и начинённая электроникой и специально созданными под неё ракетами, была предельно проста. Платформа представляла собой пусковой комплекс для трёх ракет с разделяющимися боеголовками. Подобные платформы, а их намечалось держать в космосе примерно 40–50, должны были располагаться на так называемых низких стационарных орбитах. Это значит, что каждая такая платформа должна была постоянно висеть над некоей точкой на земле. Соответственно, по команде с Земли или из космоса с неё запускались боевые ракеты по данной точке. Сбить такие ракеты было технически невозможно ни тогда, ни теперь. Они перед нанесением удара двигались не по баллистической траектории, а шли, подобно гвоздю, вертикально. Т.е. спасти от них ни один американский город или европейскую столицу было попросту невозможно.

Комплекс, включающий в себя станции «Алмазы», боевые ракетные платформы «Гвоздь» и мобильные орбитальные боевые системы — истребители спутников, мог быть создан уже в 1970–1971 гг. Это обеспечивало полное и неоспоримое на десятилетия господство СССР в космосе и избавило бы страну от изнурительной гонки наступательных и оборонительных стратегических и тактических вооружений, в которую её вовлекла преступная группа М. Суслова, Ю. Андропова, Д. Устинова и Л. Брежнева. Вместо военно-разведывательного комплекса М. Суслов и Ю. Андропов, используя Д. Устинова и А. Громыко и при попустительстве и надежде на совместные охоты и банкеты Л. Брежнева, в ускоренном порядке подписала договор СНВ-1, поставившем крест на программе. Вместо экономической системы страна растрачивала все ресурсы на изготовление бессмысленных армад подводных лодок, никому не нужных кораблей, эскадрилий самолётов и бесчисленных тысяч танков.

Г. Ефремов, ставший генеральным конструктором после В. Челомея в его главном ОКБ, рассказывал, что «американские специалисты, несколько раз бывшие гостями НПО машиностроения в последние годы, с удивлением смотрели на “Алмаз-Т”, находящийся в просмотровом зале НПО, и с непониманием реагировали на комментарии специалистов: “Как! У вас это было уже тогда?... Наверно, это не работало? Что? С успехом прошло все испытания? Непонятно... Просто удивительно...”»³⁸⁷.

³⁸⁷ Бодрихин Н. Ук. соч. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=566184&p=97>

Несколько слов конкретно о заводе им. М.В. Хруничева, о котором упоминал Н. Егорычев. Завод после передачи его из ОКБ Мясищева в ОКБ Челомея занимался не только изготовлением крылатых ракет, но и вёл опытные работы по созданию лёгкого орбитального самолета. Он был разработан в ОКБ к 1965 г. Однако в ходе борьбы Д.Ф. Устинова и стоящих за ним старших товарищей с В. Челомеем все чертежи и разработки были в 1966 г. переданы в систему В. Мишина. Там, к счастью, лёгкий пилотируемый самолёт не удалось полностью угробить, поскольку дело попало в руки другого выдающегося конструктора — Г.Е. Лозино-Лозинского. В это трудно поверить: Г. Лозино-Лозинский не только без санкций, но вопреки указаниям Л.И. Брежнева и Д.Ф. Устинова самостоятельно не просто доработал чертежи лёгкого пилотируемого самолёта, но и полностью провёл его беспилотные испытания. К концу 1980-х годов СССР вместо безумно растратной системы «Энергия – Буран» располагал экономичной, надёжной и полностью готовой к производству системой МАКС — многоразовая авиационно-космическая система, состоящей из самолёта «Мрия» и многоразового челнока.

По мнению руководителей крупнейшей медийной корпорации Мёрдока и высокотехнологичного мирового лидера «Дженерал электрик», приехавших в Москву в 1990 г., система при вложении в неё американских денег и маркетинговых возможностей при наличии соответствующего решения советского руководства могла быть не позднее конца 1992 – начала 1993 г. запущена в эксплуатацию. Запуск системы в эксплуатацию означал бы монополию вновь создаваемого СП на измеряемый десятками миллиардов долларов бурно развивающийся рынок коммерческих космических запусков и зарождавшийся в тот период, измеряемый сегодня сотнями миллиардов долларов рынок зарождавшейся в тот период глобальной мобильной связи. М.С. Горбачёв по рекомендации доверенного лица, ближайшего ученика и сподвижника Ю.В. Андропова, тогдашнего руководителя КГБ СССР В. Крючкова заблокировал эту инициативу, сказав, что мы сами в 1990 г. скоро запустим её и снимем все сливки.

Комплекс «Закат» в составе орбитальной космической системы, включающей станции «Алмаз», боевые платформы «Гвоздь», орбитальные истребители-спутники и многоразовые космические транспортные средства, вместе в развернутые у побережья США ПААКРК и группировки надёжных высокоскоростных межконтинентальных ракет, в том числе скрытого базирования — УР-100Т и УР-200М, позволил бы надёжно на десятилетия обеспечить неприкосновенность советских границ. Главное же, он полностью излечил бы американский правящий класс от иллюзий относительно перспектив развязывания нового витка гонки вооружений. С развёртыванием комплекса «Закат» всё в этой гонке было бы, по сути, решено. Можно было бы больше не тратить огромных бессмысленных денег, отрываемых от решения повседневных и перспективных задач страны на производство в итоге сданных на металлолом самолётов, танков, подводных лодок и т.п. К началу 1970-х годов сформулированный в 1960 и 1962 годах проект «Закат» должен был превратиться из идеи в пугающую врагов СССР реальность.

К середине 1967 г. было уже полностью понятно, что проект к началу 1970-х годов может и должен быть реализован, но при одном условии: генеральным конструктором проекта должен был оставаться В. Челомей, все заводы и КБ должны были ра-

ботать в рамках привычных и уже отлаженных кооперационных связей и, наконец, Л.И. Брежнев и Д.Ф. Устинов должны были прекратить уничтожать основы обороноспособности страны. Собственно, это иносказательно и прозвучало в выступлении Н. Егорычева на июньском пленуме 1967 г. Именно поэтому упоминание им ПВО Москвы и завода им. Хруничева было расценено как знание технических деталей, которые он знать не должен. Это и вправду были технические детали проекта «Закат», который в полном объёме был известен лишь нескольким высшим советским руководителям и до сих пор тщательно скрывается в российских архивах и публикациях.

4

Вполне вероятно, что Н. Егорычевым двигала не только забота об обороноспособности СССР, но и стремление поставить в безвыходную ситуацию Л.И. Брежнева. Если бы Л.И. Брежнев на пленуме согласился с необходимостью рассмотрения на одном из следующих пленумов ЦК КПСС вопроса об обороноспособности СССР, то неизбежно всплыла бы, а точнее, встала во весь рост фигура Д.Ф. Устинова. При этом неизбежно выяснилось бы, что совершённые им антигосударственные действия не могли быть объяснены только личной неприязнью и особенностями его сложного характера. При всех отрицательных сторонах личности Д.Ф. Устинов никогда не был ни тайным, ни явным, ни даже агентом влияния США или Великобритании. Более того, анализ его карьеры, публичных и частных высказываний, в том числе в кругу друзей и знакомых, показывает, что маршал был достаточно ортодоксальным коммунистом и рассматривал США и Великобританию как врагов. При этом он был, безусловно, манипулируемым человеком и находился под определяющим влиянием, по крайней мере последние 30 лет своей жизни, со стороны одного из немногих его близких друзей — Ю.В. Андропова.

Поэтому, если бы начался, как принято было говорить в конструкторской среде, «разбор полётов», Устинов неизбежно рассказал бы людям из Комитета партийного контроля и уполномоченным Политбюро о том, что многие свои решения он принимал после консультаций с Ю.В. Андроповым. Хотя Ю.В. Андропов был чрезвычайно сложным человеком и имел собственные и многочисленные скелеты в шкафу, связанные с его совместной работой с О. Куусиненом и его британскими конфиденнтам; руководитель КГБ был, мягко говоря, опасливым человеком, по крайней мере до середины 1970-х годов, когда Рубикон для него был перейден в силу, опять же, причин, связанных с его прошлым. Оказавшись под жёстким прессингом комплексного партийного дознания и проверки, которая неизбежно должна была состояться в рамках подготовки к пленуму по обороноспособности, вновь назначенный глава КГБ, стараясь избежать катастрофических неприятностей, с чрезвычайно высокой долей вероятности рассказал бы, что в случае Д.Ф. Устинова он действовал в согласии и, более того, по указанию М.А. Суслова. Вряд ли это спасло бы его от отставки с поста руководителя КГБ и перевода скорее всего на дипломатическую работу или в руководство организациями типа ВЦСПС, но уберегло бы от позора и сохранило бы членство в ЦК КПСС, различного рода «пряники» и не сказалось бы на детях. А далее к Михаилу Андреевичу пришли бы соответствующ-

шие товарищи с неопровержимыми показаниями его соратников и заодно вспомнили бы ставшую известной в начале всё того же 1967 г., но спешно скрытую и изъятую из архивов информацию о его доверенном лице в течение десятилетий, близком друге, ранее воспитаннике, которого он ввёл в 1950-е годы во внутренний круг Кремля, втором человеке в коммунистической партии США, по совместительству многолетнем, а точнее многодесятилетнем агенте ФБР. Понятно, что на этом бы у Михаила Андреевича всё и закончилось. В лучшем случае ему дали бы без позора уйти на пенсию, а в худшем — поскольку Е. Чазов хорошо знал своё ремесло, — М. Суслов умер бы от внезапного инфаркта.

Как можно понять из рассказов Н. Егорычева в начале 1990-х годов, задумывая вместе с А. Шелепиным этот план, он надеялся на А.Н. Косыгина. Косыгин как премьер и второе лицо в партии был как раз той фигурой, которая, если бы поддержала выступление Н. Егорычева, не позволила бы заныкать этот вопрос. При существовавшем на тот момент раскладе в Политбюро само по себе выступление А. Косыгина в поддержку созыва специального пленума по обороноспособности практически со 100% вероятностью привело бы к серьёзному обсуждению этого вопроса на Политбюро и поддержке Л. Брежневым подобной повестки дня следующего пленума. Лично Л. Брежневу в 1967 г. подобная повестка ничем не грозила. Она не могла привести к его немедленной отставке с поста генерального секретаря. Так что он, соглашаясь на пленум при жёсткой позиции А. Косыгина, пожертвовал бы другими, в первую очередь Д. Устиновым и Ю. Андроповым. С высокой степенью вероятности мысль о М. Суслове в голову ему бы не пришла, а сами М. Суслов и Ю. Андропов до последнего надеялись бы, что всё обойдётся.

Почему Н. Егорычев полагался на А. Косыгина? Для этого существовало несколько причин. Во-первых, А.Н. Косыгин был известен в партии как безусловно честный, компетентный, совестливый руководитель, который всегда старается досконально разобраться в сложных вопросах и не боится задеть кого-то за живое. Поскольку Косыгин как председатель Совета Министров СССР был, безусловно, в курсе технических деталей проекта «Закат», то именно он не мог не понимать, о чём Н. Егорычев говорит на пленуме.

Во-вторых, Н. Егорычева и А.Н. Косыгина связывали близкие дружеские отношения, далеко выходящие за чисто формальные деловые отношения первого секретаря горкома партии и главы правительства. Косыгин помогал Егорычеву в решении многих практических вопросов жизни Москвы, иногда даже вступая в конфронтацию с Л. Брежневым. Поэтому Н. Егорычев надеялся, что Косыгин поддержит его выступление. Автор раза два специально спрашивал у Н. Егорычева, а не рассказывал ли он Алексею Николаевичу обо всей подоплёке дела ещё до пленума, посвятив его во все детали плана. Н. Егорычев решительно отвергал данное предположение. Но, честно говоря, осталось впечатление, что в данном случае память ему целенаправленно изменяла. Проводить столь изощрённую комбинацию, не заручившись чёткой поддержкой, было весьма рискованно и непродуманно. А Егорычев и при снятии Н. Хрущёва, и на посту первого секретаря горкома, и во время своей работы послом в Дании показал, что является непревзойдённым мастером политических комбинаций, которому было по плечу не только задумать, но и осуществить самые сложные из них.

В-третьих, из совокупности тем, связанных с провалами в советском военно-промышленном комплексе, Н. Егорычев намеренно выбрал проект «Закат», хотя ни словом по понятным причинам не обмолвился об этом названии. Представляется, что это было сделано не только потому, что именно этот проект был главным для достижения стратегического и тактического превосходства над Соединёнными Штатами в военной области, но и ещё по одной причине. Н. Егорычеву для того, чтобы склонить пленум на свою сторону, жизненно была необходима поддержка А.Н. Косыгина. Людмила Косыгина-Гвишиани и отчасти её муж Д. Гвишиани с начала 1960-х годов входили в круг ближайших друзей семьи В. Челомея. Особенно Людмила Косыгина была дружна с Нинелью Васильевной — женой Владимира Челомея, которая играла огромную роль в доме³⁸⁸.

В-четвёртых, в случае вынесения вопроса об обороноспособности страны на пленум, главным ответчиком становился бы не только что назначенный министр обороны А. Гречко, а долгие десятилетия курирующий военно-промышленный комплекс Д.Ф. Устинов. Устинов в силу особенностей характера имел как минимум напряжённые, а в большинстве случаев плохие отношения со многими участниками пленума ЦК КПСС. В силу этого, если бы со своей жёсткой позицией на пленуме выступил А.Н. Косыгин, а дальше в прениях разъяснили бы сложившуюся ситуацию тот же Н. Егорычев, член Политбюро А. Шелепин и др., то понятно, что пленум проголосовал бы за созыв внеочередного пленума либо утвердил бы повестку следующего пленума с вопросом о состоянии обороноспособности страны.

Однако А.Н. Косыгин на пленуме не выступил и смолчал по существу обсуждаемого вопроса, ни одним словом не поддержав выступление Н. Егорычева. Хотя соображения, почему это произошло у автора есть, 100% фактических доказательств подтверждения этих соображений на данный момент не имеется. Единственное, можно сказать, что в любом случае они были связаны с Д.М. Гвишиани, бывшим не только мужем единственной и горячо любимой дочери, но и сыном человека, который помог А.Н. Косыгину в очень сложные минуты его жизни. Кроме того, при любом раскладе свою роль сыграло повышенное против нормального в советских верхах уровня стремление Косыгина оставаться в стороне от любых конфликтов, острых споров, чреватых последствиями, которое сформировалось у него в ходе «Ленинградского дела». Самые различные мемуаристы и люди, лично долгие годы проработавшие с А.Н. Косыгиным, отмечали, что в 1960-х годах и в дальнейшем он никогда не пытался отстоять близких ему людей в случае, если на них обрушивались различного рода кары и неприятности, идущие с партийного либо комитетского верха.

Иными словами, при всём уважении к А.Н. Косыгину, нужно признать: в ключевой, судьбоносный для истории СССР момент он струсил и отошёл в сторону, предпочтя острой борьбе личное спокойствие и отсутствие возможных неприятных последствий для мужа своей дочери, т.е. члена семьи. Применительно к человеку, не занимающему один из высших государственных постов, такое поведение понятно и извинительно. Абсолютно подавляющее число людей, выбирая между чем-то и близкими родственниками, особенно детьми, выберет последних и, вероятно, будет прав. Однако коль скоро человек работает премьер-министром, то пра-

³⁸⁸ Гвишиани-Косыгина Л.А. С открытым сердцем // Генеральный конструктор, академик В.Н. Челомей. М.: Воздушный транспорт, 1990.

ва на личные предпочтения он не имеет. Своим молчанием А.Н. Косыгин поддержал М.А. Суслова и Ю.В. Андропова, в руках которых Д.Ф. Устинов и А.А. Громыко были инструментом, а Л.И. Брежнев выступал у них как ширма.

Подавляющее большинство непредубеждённых читателей может, несмотря на обилие материалов и ссылок, усомниться в сделанных выводах, объяснив их сочетанием столь свойственных российским верхам самодурства, необразованности и примата личного над государственным. Подобно каждому нормальному человеку, старающемуся отгородиться от малопонятного и неприятного, многие читатели постараются воспользоваться в данном случае известной цитатой Пелевина: «Миром правит не тайная ложа, а полная лажа».

В связи с этим специально для, видимо, преобладающего числа читателей предлагается ещё одна совершенно невероятная история о советско-американской гонке к Луне. Историю хотелось бы предварить тремя мнениями серьёзных людей. Отец автора, занимавший не последнее место в ракетной отрасли, говорил о том, что американцы впервые побывали на Луне, но не тогда, когда об этом было объявлено, а несколько позже. Гидеон Гедот, один из ближайших сподвижников Голды Меир, глава Кнессета, человек, долгие годы курировавший Моссад, лично говорил автору, что американцы при помощи советского руководства обманули весь мир. Каспар Уайнбергер, в своё время министр обороны США, ближайший соратник Р. Рейгана и его многолетний близкий друг, опять же лично говорил автору, что «Луна — это пример того, как надо побеждать, несмотря ни на что и любой ценой. Победа достаётся победителю, а проигравший в лучшем случае всю оставшуюся жизнь оправдывается, а его никто не слушает». Существует много серьёзных исследователей, которые вообще сомневаются, что американцы были на Луне. По мнению автора, они там, вероятно, всё же были, но точно не летом 1969 г.

На тему Луны имеется множество книг на многих языках мира, где в основном разбираются различного рода фантастические детали типа трепещущего на ветру на Луне флага США, поставленного Н. Армстронгом, первым человеком, ступившим на естественный спутник нашей планеты. Подробно обсуждаются также многочисленные фальсификации НАСА документальных доказательств пребывания американцев на Луне в виде фотографических снимков, несуществующих радиосигналов и т.п. Верхом лунной нелепицы является ситуация, когда американцы с их любовью к архивам и хранению там всего, включая тапочки Авраама Линкольна, случайно потеряли оригиналы видеосъёмки, которые вели на Луне астронавты «Аполлона-9» — они просто исчезли.

Применительно к нашей теме гораздо интереснее и значимее серьёзные научно-технические факты, которые не оспаривает никто ни в России, ни в США, ни в мире. Их невозможно оспаривать, поскольку сразу же после того, как те или иные события случились, они были тщательно задокументированы, а документы размещены в соответствующих системах хранения. Поэтому лучше не заниматься доморощенными расследованиями, а обратиться к непреложным фактам. И начать следует с главных героев и победителей.

Ещё до полёта Юрия Гагарина Дж. Кеннеди в ходе предвыборной кампании в речи, передававшейся всеми телеканалами страны, сказал: «Народы мира были свидетелями того, что Советский Союз первым проник в космос. Его спутники первыми

облетели вокруг Луны и вокруг Солнца. Весь мир сделал вывод, что Советский Союз идёт в гору, а мы топчемся на месте». В его послании Конгрессу есть слова: «Если мы хотим выиграть битву, развернувшуюся во всём мире между двумя системами, если мы хотим выиграть битву за умы людей, то мы не можем позволить себе разрешить Советскому Союзу занимать лидирующее положение в космосе».

Менее чем за год до своей смерти в интервью *New York Times* Кеннеди констатировал: «Соперничество за Луну — это военный фронт. Проигравшего будут ожидать проклятия своего народа и гибель страны. Поэтому мы сделаем всё, чтобы не увидеть на Луне вражеский захватнический флаг. Там будет знамя свободы и мира»³⁸⁹.

Не говоря о специалистах, даже далёкие от космоса люди понимают: главное для успеха программы — это не железо и даже не электронная начинка, а ракета и её двигатели. Если есть надёжная ракета и мощные двигатели, то космические цели будут достигнуты. Если в наличии только лучшая компоновка различного рода узлов и даже первоклассная электроника, но нет ракеты, то ничего не получится. Успех американской лунной программы связан с лучшей в истории космоса ракетой-носителем «Сатурн-5». Эту ракету спроектировал выдающийся немецкий исследователь и конструктор Вернер фон Браун, глава американской космической пилотируемой космонавтики. Однако именно с этой ракетой у экспертов связана масса вопросов. Если коротко суммировать факты, приведённые в многочисленных работах по лунной тематике, то получается примерно следующее.

1. Ракета «Сатурн-5» начала разрабатываться в 1962 г. До пилотируемых полётов было осуществлено два беспилотных запуска с использованием «Сатурн-5»: пробный — с болванкой и второй — итоговый, с использованием беспилотного «Аполлона». Первый раз в 1966 г. ракета вышла на орбиту. Второе, итоговое испытание 4 апреля 1968 г. закончилось полной неудачей.
2. В противовес всем американским, советским и китайским правилам и нормам пилотируемой космонавтики после катастрофы система «Сатурн-Аполлон» в беспилотном режиме больше не тестировалась. В декабре 1968 г. был осуществлён сразу пилотируемый полёт вокруг Луны, а затем полёты на саму Луну.
3. Все 10 последующих пилотируемых запусков были успешными. Девять из них были связаны с Луной, один — с выводом на орбиту станции «Скайлэб». Ни одной претензии к «Сатурну-5» в этот период высказано не было.
4. После завершения лунной программы «Сатурн-5» и её двигатель F-1 больше никогда не использовались ни целиком, ни по частям. Три ракеты, которые якобы оставались у НАСА, стоимостью более чем миллиард долларов, были уничтожены. Когда началась работа по выводу на орбиту станции «Мир», использовались исключительно российские двигатели РД-170. Даже сегодня в условиях санкций американское руководство подписало специальное исключение, позволяющее НАСА по-прежнему закупать российские двигатели РД-170. Эти двигатели были созданы для комплекса «Энергия-Буран» и практически опробованы только в 1988 г., т.е. спустя 20 лет после «Сатурн-5» и F-1. На вопросы американских журналистов, а куда делись двигатели F-1 и почему их никто не производит, официальные лица в Вашингтоне сказали, что чертежи потеряны,

³⁸⁹ Попов А. Американцы на Луне. Великий прорыв или космическая афера? М.: Вече, 2009. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=22189&p=1>

заводы демонтированы, а специалисты разошлись. Любопытно, что в момент вывода на орбиту МКС у Америки не было собственных ракетных двигателей.

5. Все 10 пилотируемых полётов ракеты «Сатурн» были осуществлены экипажами, составленными исключительно из граждан США. Никто из граждан других стран не работал в космосе на тех супертяжёлых объектах, которые по данным НАСА выводил в космическое пространство «Сатурн-5». Когда в ходе подготовки к совместному полёту «Союз – Аполлон» А. Леонов попросил показать «Сатурн-5», ему ответили, что по соображениям безопасности эту ракету показать не могут, а покажут ракету «Сатурн-1Б». Она и выводила «Аполлон» на низкую околоземную орбиту при стыковке его с «Союзом». В ходе осмотра ракеты А. Леонову американские специалисты пояснили, что «Сатурн 1Б» может выводить на низкую орбиту 120 тонн, столько же, сколько и советские ракеты, и в восемь раз меньше, чем «Сатурн-5», начинку которого никто никогда не видел, включая и независимых специалистов в Америке.
6. В начале 1968 г. после неудачного итогового испытания «Сатурна-5» 700 ракетчиков — ведущих конструкторов, инженеров и т.п. в Хантсвилле — центре разработки ракеты, были «временно уволены». При этом подавляющая часть из них никогда больше в НАСА не вернулась. Вскоре после успешной высадки американцев на Луну был освобождён от занимаемой должности директор ракетно-космического Центра им. Маршалла, главный конструктор ракеты «Сатурн-5» В. фон Браун. Летом 1967 г. в разгар лунной гонки, кстати, сразу после назначения Ю.В. Андропова главой КГБ, было принято решение о сокращении бюджета НАСА с 4,5 млрд. в 1966 г. до 4,2 млрд. долларов в 1967 г., 3,5 млрд. в 1968 г. и 3,2 млрд. в 1969 г., т.е. почти в 1,5 раза. Летом всё того же 1967 г. президент США принимает решение о сокращении объёмов работ по лунной программе. В результате в период с 1966 по лето 1969 г. было уволено 80 тыс. человек, связанных с производством и созданием лунной техники. 17 мая 1969 г. Business Week написал: «В самый разгар работ в 1966 г. в них участвовало 300 тыс. человек. На сегодняшний день — 218,5 тыс. человек». Иными словами, помимо ракетчиков и конструкторов была уволена ещё четверть инженеров и рабочих, занятых в программе. Причём произошло всё это не после завершения лунной программы, а ещё до высадки на Луну. Параллельно, до высадки на Луну в начале 1969 г. американская пресса официально уведомила, а корпорация «Грумман» в своей корпоративной отчётности подтвердила, что с февраля 1969 г. лунная кабина снимается с производства и увольняется весь занятый на этом изделии персонал. То же самое происходило в течение всего 1968 и в 1969 г. на гигантском заводе в Дауне компании «Норд Америкен Локуэлл», где изготовлялся непосредственно корабль «Аполлон» и на столь же огромном заводе Мичуд, где производилась ракета «Сатурн-5». Все приведённые данные собраны А. Поповым и опубликованы в книге «Американцы на Луне. Великий прорыв или космическая афера?». Все данные были детально перепроверены автором текста. Подтвердилось, что все эти сведения сегодня содержатся в официальных и корпоративных американских доступных источниках.

Иными словами, в разгар лунной гонки — летом 1967 г. — что-то происходит, и американцы резко и вдруг начинают сворачивать ассигнования и практиче-

ские работы по своей главной программе. По завершении лунной программы ключевое её звено — ракета «Сатурн-5» и двигатели F-1 бесследно исчезают вместе с килограммами лунного грунта, плёнки стираются, а Америка начинает закупать, и не прекращает до сегодняшнего дня, «отсталые» российские двигатели РД-170, через 20 лет воспроизводящие F-1. Как говорил замечательный, к сожалению, уже ушедший из жизни советский учёный и популяризатор советской науки С. Капица: «Это очевидное и невероятное».

Что же происходит в это время с советскими участниками лунной гонки? Они переживают ещё более поразительные приключения. Хотя, казалось бы, куда уж поразительнее и удивительнее. Вновь обращаемся к кладезю откровений — книге Н. Бодрихина «Челомей» с предисловием С. Шойгу. Правда, надо сразу отметить, что в отношении Луны автор ведёт себя гораздо осторожней, чем по другим вопросам, и фактурой с читателем делится намного более скупой. Уж слишком горяча, неприятна и актуальна тема. Однако для исследований и этого вопроса можно многое извлечь из работы Н. Бодрихина.

Реальный старт советской космической программы дан постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 3.08.1964 г. «О работах по исследованию Луны и космического пространства», принятой ещё при Н.С. Хрущёве. Постановлением предусматривались: «Облёт Луны пилотируемым космическим кораблём ЛК, выводимым форсированной ракетой-носителем УР-500К, с возвращением и посадкой на Землю, строительство в 1966–1968 гг. 16 ракет-носителей Н-1 для проведения научных исследований на Луне при непосредственном участии исследователей. УР-500 К и ЛК должны были делать КБ и заводы В. Челомея, а Н-1 и пилотируемый исследовательский модуль Б — С. Королёва». Указывались конкретные сроки. «Пилотируемый облёт Луны должен был быть осуществлён не позднее I полугодия 1967 г., а осуществление высадки экспедиции на поверхность Луны с последующим возвращением на Землю — не позднее 1968 г.»³⁹⁰.

С отстранением Н.С. Хрущёва на все КБ и заводы Челомея отправляются проверяющие, которые в течение года ищут различного рода компромат, недоработки и упущения. Несмотря на то, что найти ничего не удалось, был подготовлен секретный документ за подписью Д.Ф. Устинова, перераспределявший работы и передававший большинство лучших заводов и КБ — смежников Челомея — С. Королёву, а затем В. Мишину и в подчинение системы «Южное», выходцем откуда был Л.И. Брежнев.

Следует отметить, что включение королёвской ракеты Н-1 в принятом постановлении было уступкой Н.С. Хрущёва Л. Брежневу, Д. Устинову и лично С. Королёву, которого он очень ценил и любил. Ещё при обсуждении проекта в присутствии С. Хрущёва Челомей говорил Н.С. Хрущёву, что Н-1 никогда не взлетит, поскольку в её основе лежат ошибочные конструкторские решения. Н.С. Хрущёв, обычно прислушивавшийся к Челомею, сказал, что Королёв не может ошибаться в главном. Челомей на это ответил, что синхронизировать работу 24 двигателей — задача неподъёмная. И там ещё множество технических деталей, в которых сам чёрт ногу сломит. Н. Хрущёв на это ответил, что пока по политическим соображениям не надо обижать С. Королёва.

³⁹⁰ Бодрихин Н. Ук. соч. С. 254–298.

Ракета Н-1 так никогда и не взлетела. В течение долгих лет, уже под руководством В. Мишина ОКБ пыталось её доработать, но безуспешно. И в итоге этот проект не только поглотил миллиарды рублей, но и похоронил советскую пилотируемую лунную программу, которая упорно цеплялась за эту ракету. Летом 1965 г. Д. Устинов по согласованию с Л.И. Брежневым решил полностью отобрать лунную программу у В. Челомея, запретив дальнейшую разработку УР-500 и ЛК. Чтобы обосновать это решение, задним числом была создана специальная комиссия под председательством академика М.В. Келдыша. Работая под жесточайшим нажимом Д.Ф. Устинова и руководителя Военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР, ставленника Л. Брежнева, выходца из Днепропетровска Л. Смирнова, комиссия должна была поставить крест на космических амбициях В. Челомея. Несмотря на давление, М. Келдыш настоял, чтобы разработка УР-500К — лунного корабля и станции «Алмаз» была продолжена, даже вопреки мнению Л. Брежнева и Д. Устинова.

Здесь самое время упомянуть, что всеми сегодняшними заработками в космосе, связанными с выводом на орбиту зарубежных космических грузов, страна обязана В. Челомею и решению М. Келдыша. Самая работоспособная, экономичная и надёжная, по оценкам Международного союза космических страховщиков, ракета «Протон» — не что иное, как УР-500К. Она продолжает исправно доставлять в наш скудеющий бюджет многие миллионы долларов вот уже почти 50 лет. Тем не менее, несмотря на решение, вплоть до последних дней жизни С. Королёв, а затем его преемник В. Мишин делали всё, чтобы отобрать у ОКБ-52 и подведомственных ему заводов право участвовать в лунной гонке. В период 1965–1967 гг. им это удалось. Челомеевские КБ и заводы практически не получали денег на Лунную программу. Все ресурсы шли в ОКБ Королёва, а после его смерти — Мишина.

Однако весь этот период изделия Королёва — Мишина исправно взрывались ещё на стартовых площадках и становилось понятным, что СССР не выполнит намеченных целей в срок. Предельно осторожный легендарный руководитель советской космической программы Н.П. Каманин 8 декабря 1967 г. в своём дневнике записал: «В 1963 г. ЦК и Правительство приняли решение, которым обязывали Королёва подготовить экспедицию на Луну, а Челомея — облёт Луны кораблём с экипажем на борту. Королёв сумел добиться изменения этого решения новым постановлением ЦК КПСС. Обе задачи поручались ОКБ-1 Королёва. Только из-за драчки между Королёвым и Челомеем мы потеряли два года и до сих пор не можем облететь Луну — создалась такая ситуация, что мы можем и не быть первыми на Луне». Понятно, что под «драчкой» имелось в виду лишение системы Челомея всех ресурсных и кооперационных возможностей.

В конце 1967 г., когда В. Мишин в очередной раз рассказал, что с ракетой у него что-то не получается, было решено вновь разрешить В. Челомею работать по Лунной программе. Вновь в мирный космос была возвращена испытанная ракета УР-500К, использовавшаяся в военных целях и возобновлено проектирование ЛК. Первое испытание нового комплекса было проведено уже 8 апреля 1967 г. Вот как описывает эти события Н.П. Каманин: «Этот пуск будет объявлен, как вывод на орбиту “Космоса-154”. Через 40 мин все члены Госкомиссии и Главные Конструкторы собрались на второй площадке в кабинете Кириллина. Все поздравили Челомея с успехом. Но вывод на орбиту — это ещё лишь часть дела. Через сутки нужно бу-

дет включить повторно блок “Д” и направить корабль к Луне (эта операция осуществлялась нами уже более 10 раз). Ответственен за блок “Д” Мишин, и ему пока рано радоваться. Мишин улетел в Евпаторию отдыхать, а Челомей, Глушко, Лобов и другие — в Москву. На полигоне остались Тюлин и я.

Не включился повторно блок “Д” и мы не можем послать Л-1 к Луне. Причиной срыва этого полёта к Луне стала грубейшая ошибка Мишина и его помощников. Тюлин был в бешенстве».

А затем началось необъяснимое. Не летавший никогда до этого «Сатурн-5» стал раз за разом успешно выполнять задания. А сверхнадёжный «Протон», он же УР-500К, раз за разом стал взрываться. В период с 1967 по июль 1969 г., когда американцы успешно высадились на Луне, «Протон» в рамках Лунной программы должен был вывести полезные грузы 12 раз. Из них 10 раз он взорвался на старте. В связи с этим любопытно, что сразу после того, как американцы высадились на Луне, «Протон» опять стал самим собой и успешно доставлял на орбиту Луны и её поверхность советские станции и луноходы. Продолжает он оставаться самим собой и через 50 лет после описываемых событий. Иными словами, в отличие от чудесно воскресшего «Сатурна-5», строго во время лунной гонки «Протон» из самой надёжной ракеты перевоплотился в убийцу программы, а потом опять столь же чудесным образом вернулся в привычную роль неприхотливого и надёжного космического грузовика.

Вот что пишет по этому поводу один из наиболее известных советских космонавтов, первый человек, вышедший в космос, участник программы «Союз – Аполлон» А.А. Леонов: «Носителем была проверенная ракета “Протон”. Однако неудачей завершилось несколько пусков. Самым обидным оказался срыв, когда в топливный тракт ракеты попала заглушка от совсем другого двигателя из совсем другого цеха. Это была прямая диверсия. Дознались, кто собирал. Сборщик показал, как стояла заглушка. А вот незаметно ему подсунули ту, другую заглушку. Она лежала у него на столе. Он её и вставил. Она ведь только диаметром поменьше. Кто ему первый раз подсунул эту заглушку и сыграл на руку американцам? Сама же ракета была ни при чём. Надо было просто установить должный контроль».

Автору известно, что подобные случаи были выявлены и на других запусках. Самое удивительное, что, несмотря на сигналы местных управлений КГБ и работников КГБ непосредственно на заводах-изготовителях «Протона», ни одного официального расследования с привлечением сотрудников центрального аппарата КГБ СССР начато не было. Объясняется это несколькими обстоятельствами.

Во-первых, Д.Ф. Устинов ненавидел В. Челомея настолько лютой ненавистью, что даже не мог объяснить её причины и масштабы своим соратникам и подчинённым, о чём они оставили многочисленные воспоминания. Поэтому, как это ни удивительно, он предпочитал ущерб своему статусу секретаря ЦК КПСС по оборонной и космической промышленности удовольствию от неудач В. Челомея.

Во-вторых, и это гораздо более важно, Д.Ф. Устинов лично настоял на передаче заводов-изготовителей «Протонов» из системы Челомея под эгиду В. Мишина. Следовательно, любое расследование в итоге вышло бы на дезорганизацию руководства и плохую связь головного ОКБ с заводами-изготовителями. А в этом был виновен лично Д. Устинов. Соответственно, он просил своего ближайшего товари-

ща Ю. Андропова сделать вид, что это всё случайности и расследования КГБ проводить не надо.

В-третьих, и это, вероятно, самое важное, регулярные диверсии на конкретных заводах-изготовителях из года в год просто физически не могли происходить либо без прямого участия, либо сознательного попустительства работников КГБ СССР, прикомандированных к этим заводам. А потому ясно: если бы вопрос о диверсиях перешёл из мнения, пускай чрезвычайно уважаемого, но всего-навсего космонавта и других специалистов типа известного ракетчика-пусковика Н.В. Лебедева в плоскость реального изучения и расследования, то первым виновным оказался бы не В. Челомей, не В. Мишин и даже не Д. Устинов, а Ю. Андропов. При этом такое расследование по логике мог вести не только КГБ СССР или Военно-промышленная комиссия Совмина, но и Комитет партийного контроля ЦК КПСС. В связи с этим возникает устойчивое впечатление, что Ю.В. Андропов целенаправленно осуществлял некую программу, которая была согласована с его партнёрами по советскому руководству и, по-видимому, не только советскому.

Приведёнными выше причинами объясняется и тот уникальный факт, что взрывы и падения «Протона» совершенно не сказались на В. Челомее. За несуществующие упущения и просчёты его месяцами трясли различного рода комиссии, а в данном случае ни партийные, ни советские, ни чекистские органы не предъявили ни одной претензии, как будто всё происходило так, как надо. Более того, в ОКБ и заводы не было направлено ни одной комиссии.

Большинство процитированных фактов приведены также в работах известного российского специалиста по космической технике, профессора МИФИ, доктора физико-технических наук А.И. Попова³⁹¹ и полностью подтверждаются личными и иными сведениями автора. Однако недоверчивый читатель, ошарашенный столь невероятной информацией, может возразить: в жизни ведь бывают самые невероятные случайности — снаряд попадает дважды в одну воронку, а один и тот же человек может трижды выжить при авиакатастрофах. С этим можно согласиться и даже предположить совершенно невероятный факт, что сочетание чудесного преображения «Сатурна-5» и столь же трагического развенчания «Протона» — это всё не более чем невероятнейшие, опровергающие всю статистику совпадения.

Настало время привести последний аргумент. Связан он с событиями первой высадки американцев на Луну летом 1969 г. Однако речь пойдёт не о загадочных развевающихся на ветру флагах, противоречащих биодинамике движений американских астронавтов, не об отсутствии звезд в лунном небе и многом другом, а о том, о чём в пылу доказательств, были или нет американцы на Луне, совершенно позабыли — о советской автоматической межпланетной станции Е-8-5, позднее объявленной как «Луна-15».

Ей в книге Н. Бодрихина, ещё раз подчеркнём, с предисловием С. Шойгу и В. Фортова, посвящены весьма странные строки: «13 июня посредством ракеты-носителя УР-500К была запущена “Луна-15”. Но неудачи продолжали преследовать отечественную космонавтику. После вывода станции на окололунную орбиту и вскоре после выдачи 21 июля команды на торможение, связь со станцией была потеряна. Вероятной причиной аварии считается столкновение станции с лунной горой.

³⁹¹ <http://www.manonmoon.ru/>

16–24 июля 1969 г. было заявлено, что пилотируемый космический корабль «Аполлон-11» совершил полёт к Луне и возвращение на Землю, в ходе которого была совершена мягкая посадка лунного модуля на поверхность естественного спутника Земли и два американских космонавта — Н. Армстронг и Э. Олдрин впервые в истории вышли на поверхность другого небесного тела.

Советский Союз принял эту информацию. Хотя никаких достаточных доказательств посещения астронавтами Луны предоставлено не было. Американцы давно поняли, что в таком тонком деле, как ракетостроение, а вместе с ним и космонавтика, способность убедительно угрожать, уверенно сообщать и делать вид нередко стоит дороже создания качественных, но сугубо закрытых боевых или космических систем»³⁹².

Для тех, кто умеет читать, и не только между строк, всё становится ясным. Но о главном-то в книге не написано. Когда в начале 1969 г. стало ясно, что американцы отправляются на Луну летом и, вероятно, там высадятся, Челомей отправил всем членам Политбюро записку с предложением использовать его ракету-носитель «Протон», а также военную аппаратуру электронной разведки и сверхточной фото-съёмки, предназначенную для станции «Алмаз», на специальной лунной станции, которая должна быть запущена чуть раньше американского пилотируемого космического корабля. В той же записке он сообщил, что готов передать всю имеющуюся в его распоряжении разведывательную аппаратуру и просит назначить генеральным конструктором по этому проекту никак не связанного с Д.Ф. Устиновым, ОКБ Мишина и «Южное» Георгия Николаевича Бабакина.

Поскольку записка поступила всем членам Политбюро, то отклонить содержащееся в ней предложение, включающее в том числе и создание автоматизированной буровой установки для взятия лунного грунта и возврата его на Землю, не представлялось возможным даже группировке Л. Брежнева, М. Суслова, Ю. Андропова и Д. Устинова. Это выглядело бы слишком подозрительно в глазах всех остальных членов Политбюро и секретарей обкомов, которых совсем сбрасывать со счёта нельзя было даже в то время.

Выбор Г.Н. Бабакина был связан с тем, что он возглавлял собственное ОКБ в знаменитом, имевшем огромные традиции НПО им. Лавочкина, и долгие годы успешно сотрудничал и работал рука об руку с В. Челомеем. Челомей помогал ОКБ Бабакина в создании пилотируемых станций «Венера-4» и «Венера-5», в проектировании марсианских аппаратов, а ОКБ Бабакина самым активным образом было вовлечено в космические компоненты проекта «Закат» и особенно в работу над боевой станцией «Алмаз» и многоразовые орбитальные космические корабли. Сотрудничали В. Челомей и Г. Бабакин в создании первой системы ПВО и ПРО Москвы ещё в 1950-е годы. Поскольку взаимодействие между КБ было налажено, то В. Челомей и Г. Бабакин в сверхсжатые, рекордные для мировой космонавтики сроки успешно подготовили «Луну-15», разместили на ней разведывательную электронную и фотоаппаратуру.

Понятно, что успешное выполнение «Лунной-15» своей программы ставило крест на миссии «Аполлона-11». В этом случае Советский Союз получал неоспори-

³⁹² Бодрихин Н. Ук. соч. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=566184&p=97>

мые фотографии лунной поверхности во время сообщаемой миру высадки там американских астронавтов, а также проверяемые данные радиопереговоров и других электронных сигналов, которые должны были посылать прилунившиеся американцы на орбитальный модуль или на Землю. Иными словами, мир смог бы оперативно узнать, что на самом деле происходило вокруг Луны и на ней в дни объявленной там американской посадки. Соответственно, американцы либо получили бы бесспорные доказательства собственного триумфа от своего непримиримого врага, либо полностью и навеки потеряли бы лицо перед всем миром и собственным народом. К тому же доставка в автоматическом режиме лунного грунта без риска для жизни космонавтов и при небольших расходах средств в рамках эффективной пропагандистской кампании могла полностью убить эффект американской высадки на Луну и сохранить советское лидерство в освоении космического пространства.

Успешное выполнение «Луной-15» своей миссии стало бы последним после спутника, Юрия Гагарина и Алексея Леонова гвоздём, забитым в гроб американской космической программы. С учётом ненависти, которую питали в то время американцы к своему руководству, экономической, социальной и политической ситуации, сложившейся к лету 1969 г. в Америке, подобный успех мог стать той самой последней каплей, которая переполнила бы чашу и предопределила бы итог соревнования двух систем.

Поэтому «Луна-15» до Луны долететь была категорически не должна. Поскольку Челомей действовал на этот раз не в одиночку, а с Г. Бабакиным, у которого были свои отношения с руководством партии, подложить на этот раз в «Протон» не ту заглушку было слишком рискованно. Ракету собрали нормально, под тщательным контролем ОКБ Г. Бабакина, и она в штатном режиме вывела «Луну-15» на расчётную орбиту. Далее «Луна-15», как это и намечалось, приблизилась к Луне и вышла на окололунную орбиту. Далее нужно было либо совершать посадку на Луну, забирать грунт и возвращаться на Землю, либо внимательно наблюдать за американцами. Выбрано было второе.

Поскольку американцы задолго до старта объявили точные даты и график космического полёта, то «Луна-15» прибыла на лунную орбиту 17 июля, когда «Аполлон-11» только подлетал к Луне. В августе 1969 г. один из трёх главных в то время американских журналов Look выпустил спецномер, посвящённый триумфу. Поскольку выпуск готовился в спешке, по недосмотру там оказались напечатанными странные подробности триумфа. Например, в журнале написано: «18 июля политический советник Белого Дома астронавт Ф. Борман позвонил “русским” и запросил “информацию” об орбите советского космического аппарата. В ответ президент АН СССР академик М.В. Келдыш немедленно сообщил, что “орбита “Луны-15” не пересекается с объявленной Вами траекторией полёта “Аполлона-11” и передал детальные параметры орбиты “Луны-15”. При этом Келдыш заверил, что в случае дальнейших изменений этой орбиты Вы получите дополнительную информацию. В завершение Келдыш подчеркнул, что “Луна-15” останется на своей первоначальной орбите ещё два дня, и не будет совершать посадки, пока свою миссию не выполнят американские астронавты».

Наступает ключевой момент. «Луна-15» находится на окололунной орбите, позволяющей ей вести фотосъёмку и передавать по закрытому военному каналу свя-

зи данные радиоэлектронной разведки о действиях американцев на Луне. Вместо того, чтобы прилуниться, забрать грунт и вернуться на Землю, «Луна-15» во время якобы имевшего место посещения двумя американскими астронавтами Луны находится на орбите, всё фиксирует на фотоплёнку и по электронному каналу сообщает советскому руководству действительное положение вещей. Затем, спустя короткое время после того, как американцы покинули Луну и состыковались с орбитальным модулем, и после трёх суток топтания на орбите 21 июля 1969 г. в 18 ч 46 мин «Луне-15» был послан сигнал на посадку. На этом связь со станцией окончательно оборвалась. Даже самому непредубеждённому и недоверчивому человеку понятно, что советское руководство благодаря радиоэлектронной дальней космической разведке выяснило, что на самом деле в те дни происходило на Луне, и приняло решение угробить станцию вместе с неопровержимыми фотодокументами «от греха подальше». Вернись спускаемый аппарат «Луны-15» на Землю, даже при самом бдительном контроле КГБ кто-то мог случайно увидеть снимки и разразился бы скандал с непредставимыми последствиями не только для американского, но теперь уже и для советского руководства.

Н.П. Каманин в своём дневнике от 5 сентября 1969 г. написал: «На заседании Госкомиссии доклад о результатах полёта станции “Луна-15” ... сделал Главный Конструктор Г.Н. Бабакин. Стация вышла на окололунную орбиту, но вместо мягкой посадки сорвалась с орбиты и шлёпнулась на Луну... Причины “непослушания” не установлены». Ещё в 1966 г. в своём дневнике Н.П. Каманин, пользуясь информацией ГРУ МО СССР и КГБ СССР, записал: «Из 45 команд, передаваемых на корабль, четыре — управляющие его спуском являются самыми незащищёнными. Наши корабли смогут легко сажать не только спецслужбы США, но и просто радиолюбители».

Известный специалист в области космической техники и дальней космической связи Н.В. Лебедев сообщил А.Н. Попову: «Американцы объявили нам в 60-е годы форменную электронную войну. Против нас действовало мощное подразделение электронного слежения, расположенное, если мне не изменяет память, в Мазандаране (Иран) у города Бехшер. Одно дело — слежение за запуском. Наши тоже следили за американскими испытаниями. Другое дело — вмешательство в полёт ракеты. Если знать координаты её орбиты, несложно дать ей ложную команду, чтобы она сошла с неё и разбилась. Не успевали наши изделия стартовать, как на них обрушился поток помех — от простого глушения команд до их искажения. Впервые американцы это успешно использовали летом 1964 г. при восьмом пуске ракеты 8К81».

Самым невероятным представляется ещё один факт, пока ещё широко не освещённый в прессе и исследованиях. Поскольку в СССР не было отдельного ведомства, занимающегося контрразведкой, эта работа осуществлялась вторым главком и третьим управлением КГБ СССР. Второй главк помимо прочего курировал объекты атомной отрасли и военно-промышленного комплекса. А третье управление помимо собственно военной контрразведки занималось контрразведкой на объектах военной инфраструктуры, к которой относились центры управления полётами. За две недели до запуска «Луны-15» в Центре управления полётами, занимавшегося автоматическими космическими станциями, на место привычных офицеров КГБ из вто-

рого и третьего главков пришли незнакомые сменщики. В конце августа они исчезли и им на смену вернулись офицеры из второго главка и третьего управления. Кем были люди, занимавшиеся контрразведкой в ЦУПе во время полёта «Луны-15» и «Апллона-11», точно не установлено. Однако по ряду признаков работники ЦУПа идентифицировали их как сотрудников службы Р и управления Т ПГУ. Так что, возможно, к тому, что станция «шлёпнулась», были причастны не только американцы, но и кое-кто ещё. Во всех случаях разрешить Келдышу передать точные координаты «Луны-15», задержать её пребывание на орбите Луны, а потом дать команду посадить станцию на Луну могли только Л.И. Брежнев и Д.Ф. Устинов.

При всей исключительности истории В. Челомея и «Луны-15» являются не единичными. Они не исключение, а правило. Не менее невероятными представляются истории В. Глушкова и И. Филимоненко.

Глава 12

Из жизни советских гениев

1

Российская история не только загадочна, но и странна. В ней достаточно часто происходят события, противоречащие не только закономерностям развития сложных социальных систем, но и просто здравому смыслу. Но даже среди удивительных российских историй своей совершенной фантастичностью, иного слова не подберёшь, выделяется судьба гениального российского физика, выдающегося инженера-конструктора Ивана Степановича Филимоненко. Если бы не ряд обстоятельств, то историю Филимоненко можно было бы отнести к столь популярным в нынешнее время историческим фейкам и альтернативным фантазиям, выдаваемым за реальные события. Однако в случае с И.С. Филимоненко ситуация прямо противоположная. Даже те скупые строки, которые имеются о нём и его работах в печатных источниках и на электронных носителях, приоткрывают лишь малую толику подлинной научной загадки и невероятного политического негодяйства.

Для того, чтобы читатели в своей подавляющей части, безусловно, крайне далёкие от теоретической физики и её практических приложений, оценили всю невероятность истории И.С. Филимоненко, приведём для начала неоспоримые факты, которые имеются в документах Совета Министров Российской Федерации и Моссовета³⁹³.

В краткой биографической справке, приложенной к документам, сухим, казённым, а оттого особо ценным, языком изложены основные факты биографии Ивана Степановича.

Филимоненко Иван Степанович родился в 1924 г. в Иркутской области. В 1941 г. в возрасте 16 лет ушёл на фронт. С 1941 по 1945 г. воевал разведчиком 191-й отдельной мотострелковой разведроты. Участвовал в боях на Юго-Западном, Северо-Западном, 2-м Украинском, Забайкальском фронтах ВОВ. Имеет награды: орден «Красного Знамени», медали — «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта».

С 1945 по 1951 г. учился в МВТУ им. Н.Э. Баумана. Окончил факультет ракетной техники. За время учёбы в МВТУ им. Н.Э. Баумана проявил себя хорошо успевающим, дисциплинированным, общественно активным студентом. Пользовался авторитетом среди студентов, руководителей и педагогов факультета.

³⁹³ <http://www.rusphysics.ru/articles/320>

С 1946 г. — член профсоюза авиапромышленности.

С 1951 по 1967 г. работал в ОКБ-670 техником-конструктором (1951 г.), инженером-конструктором (1952 г.), старшим инженером (1952–1954 гг.), исполняющим обязанности ведущего инженера (1954–1956 гг.), и.о. начальника бригады (1956–1958 гг.), и.о. ведущего конструктора (1958–1960 гг.), ведущим конструктором (1960 г.), ответственным ведущим конструктором — заместителем начальника отдела (1960–1963 гг.), ведущим конструктором (1963–1967 гг.).

В 1954 г. по направлению гл. конструктора и начальника ОКБ-670 М.М. Бондюрюка обучался в аспирантуре Физического института Академии наук (ФИАН) СССР им. П.Н. Лебедева, где получил академическое образование по ядерной физике.

С 1967 по 1968 г. работал в МКБ «Красная Звезда» ведущим конструктором отдела 600. За успешное выполнение работ по созданию новой техники в 1957, 1958, 1959 гг. руководством предприятия И.С. Филимоненко был объявлен ряд благодарностей с занесением в личное дело.

12 июня 1968 г. в соответствии с приказом по МКБ «Красная Звезда» от 01.04.68 г. И.С. Филимоненко был уволен с предприятия по ст. 47 «а» КЗоТ РСФСР с выплатой 2-недельного пособия. Данный приказ последовал как результат письменного указания зам. министра отрасли М-25/4071 от 23.09.67 г. и А-25/983 от 05.03.68 г. об исключении из структуры предприятия отдела.

При этом в тех же официальных документах указывается, что по результатам работ Филимоненко, занимавшего должность всего-навсего ведущего конструктора, было принято ни много ни мало как постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС. В тех же документах написано следующее: «Разработка новых путей получения энергии и защиты от ядерных излучений проводилась И.С. Филимоненко в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС № 715/296 от 23.07.1960 г., в п.п. 1, 2, 3 которого предусматривалась разработка новых принципов:

- получения энергии;
- получения тяги без отброса массы;
- защиты от ядерных излучений.

Этим новым разработкам содействовали С.П. Королёв, Г.К. Жуков, И.В. Курча-тов». В связи с этим можно дать несколько уточнений. Инициатором принятия постановления был А. Косыгин, которого с Филимоненко познакомили М. Келдыш и А. Кириллин, будущий начальник его зятя. В свою очередь Н. Хрущёву Филимоненко рекомендовали министр авиационной промышленности СССР П. Дементьев, курировавший КБ, в котором трудился гениальный физик, В.Н. Челомей и С.Н. Хрущёв. Рекомендации Челомея были неслучайны, поскольку главным профессиональным занятием И. Филимоненко была разработка принципиально новых двигателей для проектируемых мощных орбитальных платформ В. Челомея. Когда ОКБ-670, занимавшееся двигателями, было подчинено генеральному конструктору В. Челомею, И. Филимоненко предложил создать сверхэффективную энергоустановку, абсолютно отличающуюся от использовавшихся в космических программах СССР и США жидко- и твёрдотопливных ракетных двигательных установок. По сути, его установка представляла собой двигатель, работающий на своеобразном «тёплом» термоядерном синтезе. Чтобы не забивать голову неискушённым в

тонкостях ядерной физики читателям подробностями, отметим лишь, что при создании этих двигательных установок Филимоненко впервые в мире практически решил главную задачу, которая позволяет использовать формально признанный официальной физикой несуществующим холодный ядерный синтез (ХЯС).

Здесь уместно будет сказать следующее. Термин ХЯС объединяет самые различные физические процессы — от проходящих в живой клетке до изучаемых космологией. Уже долгие годы темой занимаются наряду с серьезными учеными и инженерами разливного рода малограмотные изобретатели, а то и откровенные проходимцы. Кроме того, надо иметь в виду, что разведывательные сообщества многих стран в силу ряда обстоятельств целенаправленно дискредитируют эту тему, финансируя дезинформационные кампании.

Наиболее любопытным, если не сказать шокирующим, моментом явилось то, что данные двигательные установки были сделаны и испытаны в космосе в 1959 г. Соответственно, в 1960 г. принимается указанное выше постановление. В рамках этого постановления ведущему конструктору одного из ОКБ В. Челомея подчиняются коллективы 80 предприятий и организаций. В результате в течение пяти лет создаются полностью безопасные и тиражируемые космические энергоустановки. Также к 1967 г. не только проектируется, но и испытывается в эксплуатационном режиме так называемая термоэмиссионная гидролизная энергетическая установка (ТЭГЭУ), или попросту «установка холодного ядерного синтеза» (ХЯС).

В официальных документах Военно-промышленной комиссии Совета министров СССР, датируемых декабрём 1967 г., имеется отчёт об опытной в течение года эксплуатации ТЭГЭУ, т.е. фактически первого и единственного до сегодняшнего дня в мире действующего термоядерного реактора холодного синтеза. Согласно отчёту, в ходе испытания были получены первые обнадеживающие результаты, пригодные для промышленного применения. В частности, выходные параметры установки по электрической мощности составили 200 Ватт, были получены водород и кислород, а также такие составляющие, как гелий 3, 4, тритий, кислород 16, 17, 18, что неопровержимо свидетельствовало о факте получения термоядерного синтеза при температуре 1150 °С. В том же отчёте за подписью руководителя Военно-промышленной комиссии СССР Л.В. Смирнова было указано, что после доработки проектно-конструкторской и инженерной документации, необходимой для перехода от изготовления единичных к массово-серийным изделиям, ТЭГЭУ может быть использована:

«— в производствах, потребляющих водород (например, самолёты ТУ), кислород (металлургия);

— для питания существующих двигателей внутреннего сгорания водородом вместо бензина;

— в принципиально новых поколениях двигателей для установки на водный, наземный, воздушный транспорт;

— как автономные долговременные энергоустановки в жилых домах, объектах соцкультбыта и производства, в сельской местности, в отдалённых районах;

— в целом ряде других проектов, в том числе связанных с уничтожением ядерного и химического оружия, отходов вредных производств»³⁹⁴.

³⁹⁴ Заключение по вопросу о научно-конструкторских разработках учёного-конструктора И.С. Филимоненко, <https://cont.ws/@kamenski/1110401>

Из текста заключения Военно-промышленной комиссии СССР понятно, что в СССР свершилась энергетическая революция. Фактически был совершён невообразимый по последствиям скачок от электроэнергии к ХЯС. Холодный же ядерный синтез означает практически неограниченные возможности в выработке сверхдешёвой энергии. При этом в силу особенности процесса получения энергии установки ХЯС абсолютно безопасны и могут носить любой размер — от отопительной системы дома до энергетической системы металлургического комплекса.

Казалось бы, вслед за этим должно было бы последовать новое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, намечающее программу как минимум не меньшую, а, возможно, и большую, чем советская космическая программа. А сам И.С. Филимоненко должен был быть награждён всеми мыслимыми и немыслимыми наградами и премиями, а также назначен генеральным конструктором программы. Однако, как справедливо, но непроницательно указывал Ф. Тютчев: «Умом Россию не понять».

Вместо наград и принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, было принято решение все работы по программе закрыть, головной отдел МКБ «Красная звезда» — бывшее ОКБ-670 ликвидировать, а самого Филимоненко, и это наиболее поразительная деталь, уволить, как говорили в советские времена, с «волчьим билетом» без права заниматься профессиональной деятельностью. Установка И.С. Филимоненко была разобрана, чертежи сданы в архив и там, как рассказывал автору один из лучших советских научно-технических разведчиков, уже в начале 1970-х годов теряются.

Прежде чем постараться понять, что и почему случилось, небольшая вводная информация. Известно, что по интернету и в книгах бродит множество мифов и легенд о якобы имевшихся выдающихся советских разработках. Такие разработки действительно имелись, причём многие из них до сих пор неизвестны и продолжают опережать достигнутый западной наукой уровень. Однако гораздо больше в подобной литературе чуши, глупости и непроверенных слухов. Обжёгшись на такого рода, с позволения сказать, информации, читатель вправе потребовать каких-либо дополнительных аргументов к заключению Военно-промышленной комиссии. Ведь, в конце концов, можно предположить, что злоключения Филимоненко были связаны с тем, что по каким-то причинам Военно-промышленная комиссия ошиблась, а когда выяснилось реальное положение дел, надо было найти стрелочника и примерно наказать его. Таким стрелочником и был выбран И. Филимоненко.

Аргументов в пользу реальности научного прорыва И.С. Филимоненко можно привести много. Один, возможно, самый убийственный приведём в конце этой главы. Пока же расскажем о наиболее впечатляющем. Уже после того, как Филимоненко был не только уволен с «Красной звезды», но и отлучён от физики, спроектированные им двигательные установки вывели на орбиту два тяжёлых советских спутника «Топаз-1» и «Топаз-2». На этом приключения «Топазов» не закончились. В начале 1990-х любимый физик Ю.В. Андропова и главный лоббист управляемого термоядерного синтеза (УТС) академик Е.П. Велихов вместе с тогдашним творцом российской военной доктрины В. Кокошиным, у которого в отделе долгое время работал сын всё того же Ю.В. Андропова, задёшево продали, а фактически подарили «Топазы» американцам. Насколько известно, двигательные установки

«Топаз» попали не в НАСА, а в космическую программу министерства обороны США, где до сих пор используются для вывода на орбиту сверхсекретных тяжёлых американских военных систем. Однако и на этом история «Топазов» не завершилась. В апреле 2014 г. директор центра им. М. Келдыша академик Анатолий Коротеев в интервью Интерфаксу сообщил, что его центр завершает рабочее проектирование уникальной космической двигательной системы, предназначенной для вывода на орбиту и для межпланетных полётов. По своим технико-экономическим параметрам она в разы превосходит используемые в настоящее время двигательные системы. За основу при разработке системы, как указал академик, взято решение, успешно апробированное в Советском Союзе в 1960-е годы, малая толика которых была реализована в системе «Топаз».

Вполне очевидно, и академик А. Коротеев особенно не скрывает этого, что спустя 60 лет в космической отрасли ко двору пришлось разработки И.С. Филимоненко. Единственное — нет уже того космического комплекса, предприятий, дисциплины, а главное — кадров. Поэтому спустя 60 лет новый двигатель может остаться в мечтах уже не из-за политико-административных интриг, а в силу незатейливых технологических и организационно-кадровых причин. Обратная промышленная археология — штука, конечно, хорошая, но надо помнить, что вестготы и вандалы, заселившие окрестности Великого Рима, при всём своём старании так и не смогли построить новых акведуков и терм.

Однако вернемся к И.С. Филимоненко. Прежде всего, есть смысл поимённо назвать конкретных инициаторов спецмероприятия, а затем разобраться, какие цели они преследовали. Ещё в период работы комиссии Моссовета летом 1993 г. удалось востребовать документы из архива КГБ. Это был короткий период времени, когда большая часть архива была открыта и по запросам государственных органов различных ветвей власти можно было получить копии несверхсекретных документов. Применительно к Филимоненко выяснилось следующее. В ходе работы над установкой ХЯС были созданы отечественные, превосходящие по уровню зарубежные, системы анализа радиационной опасности. В 1967 г. И. Филимоненко, проверив радиационную обстановку в Москве при помощи своей аппаратуры, установил наличие непреднамеренного заражения радионуклидами ряда московских районов. В одном из этих районов находились дома, где проживали некоторые высшие партийные руководители и высокопоставленные советские военачальники. Поскольку одна из модификаций установки Филимоненко позволяла эффективно и практически мгновенно убирать радиоактивное заражение местности, и, более того, вытягивать радионуклиды из тканей и костей биообъектов, И.С. Филимоненко предложил тогдашнему первому секретарю Московского горкома партии Н. Егорычеву осуществить комплексную проверку и принять меры. Н. Егорычев подписал соответствующий документ и направил его копию А.Н. Косыгину и М. Келдышу, а также, естественно, Д. Устинову и Е. Славскому, к чьему ведению относилось предприятие-нарушитель.

Однако вскоре после отправки документов состоялся знаменитый пленум, на котором Н. Егорычев был освобождён от занимаемой должности, а на его место пришёл В. Гришин. В результате комиссию возглавили не представители Москвы или Академия наук, как это планировалось, а один из заместителей председателя

КГБ СССР. Данный ход вполне понятен с учётом того, что Ю.В. Андропов, как уже многократно отмечалось, был ближайшим другом Д.Ф. Устинова, который курировал Минсредмаш, возглавляемый Е. Славским. Строго говоря, в непреднамеренном нарушении технологических процессов на ядерных предприятиях и в институтах, расположенных в г. Москве и относящихся к хозяйству Е. Славского, был однозначно виноват, по тогдашним советским меркам, именно Д.Ф. Устинов. Более того, в условиях внешне спокойной, но внутренне весьма напряжённой ситуации во взаимоотношениях между КГБ СССР (после прихода Ю.В. Андропова) и военными имелся риск, что непреднамеренное заражение могло быть истолковано как часть изощрённого заговора КГБ ССР против военных.

Сегодня такая мысль может показаться дикой, но следует помнить, что в 1968 г. прошло всего 15 лет с 1953 г., когда военные уничтожили Л. Берия и поддерживавшие его подразделения НКВД. В этой ситуации вполне понятно, что скандал был никому не нужен, а потому тему мгновенно закрыли. Любопытно, что установка Филимоненко, позволяющая нейтрализовать радиоактивное заражение, была разобрана и уничтожена не сразу после его увольнения, а лишь спустя год. Вполне вероятно, что за это время она успела сослужить добрую службу и надёжно стёрла все следы нарушений технологического процесса на ядерных объектах Москвы, которые и обнаружил И.С. Филимоненко. В связи с этим понятным становится закрытие отдела и увольнение Ивана Степановича.

Данный инцидент, однако, не может быть признан основанием для фактического уничтожения направления, которое могло дать огромное преимущество Советскому Союзу не только в военной, но и в технико-технологической, а главное, экономической сфере. Кроме того, данного инцидента по меркам конца 1960-х годов было явно недостаточно для того, чтобы выдать физику «волчий билет». Для этого должны были быть иные, гораздо более веские причины.

2

В поисках этих причин придётся вернуться на 20 лет назад по отношению к происходившим в Москве событиям. В 1940-е годы лидеры атомной гонки — США, Великобритания, СССР и Германия — не только активно создавали атомную бомбу, но и задумывались о мирном использовании энергии термоядерного взрыва. Это неудивительно, поскольку, согласно законам физики, в каждом полулитре обычной воды потенциально заключено столько же энергии, сколько от сгорания бочки бензина. Вся проблема в том, чтобы получить её при возможно меньших затратах.

В настоящее время существует много информации об истории УТС в США, Великобритании и СССР³⁹⁵. О немецкой программе в силу целого ряда причин информации гораздо меньше. Наиболее подробные, а главное достоверные на этот счёт данные содержатся в книгах Дж. Фаррелла³⁹⁶. Особо активные работы в об-

³⁹⁵ Молчанов П.А. История научных исследований в области управляемого термоядерного синтеза. СПб.: СПбГУ, 2008.

³⁹⁶ Фаррелл Дж. Нацистский интернационал, М.: Эксмо, 2011; его же: Братство «Колокола». Секретное оружие СС. М.: Эксмо, 2010.

ласти УТС начались после завершения Второй мировой войны и, соответственно, взрывов атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. В Англии, естественно, этой темой занялись британские лорды, по совместительству физики Дж.П. Томсон и М. Блекман. В США, как это водится, инициативу взяли физики-«ястребы» во главе с отцом водородной бомбы Э. Теллером. Что же касается СССР, то, согласно каноническим описаниям, работа по УТС началась с письма советского «Ломоносова» — сержанта и школьника-заочника О. Лаврентьева. К моменту написания письма О. Лаврентьев заканчивал на Сахалине, параллельно с прохождением военной службы, восьмой–десятый классы заочной школы. Тем не менее, его письмо попало на отзыв к обескураженному А.Д. Сахарову, который, получив его из секретариата Г. Маленкова, отписался в том смысле, что практически это реализовать сложно, но подумать над этим надо.

И в США, и в Великобритании, и в СССР, несмотря на первоначальный энтузиазм, работы шли ни шатко, ни валко, эксперименты заканчивались неудачами и правительства скептически смотрели на продолжение финансирования работ в этой области. В СССР темой УТС заинтересовался И.Е. Тамм, исторически поддерживавший тесные отношения с П. Капицей и Л. Ландау. Будучи не только выдающимся физиком, но и весьма опытным и умелым царедворцем, Тамм объяснил И.В. Курчатову, что тема УТС крайне интересна для возглавляемой им системы. Если в случае военного атомного проекта имеется огромный объём как отечественной, так и иностранной информации, и, соответственно, главные задачи стоят не в научно-технической, а в практической, инженерной части, в которой весь спрос с И.В. Курчатова, то УТС является темой, совершенно не разработанной в теоретическом плане, и поэтому Курчатов здесь свободен в поиске и не будет находиться под жёстким административным контролем Берии, как в рамках военного атомного проекта.

К тому же, согласно воспоминаниям соратников И.В. Курчатова, приглядеться к этой теме ему советовал В. Молотов. Поскольку большинство нынешних так называемых исторических книг пишется путём монтажа фрагментов из других подобных книг, то постепенно реальная история уступает место мифам и легендам, созданным на потребу сегодняшнего дня. В наши дни существует устойчивый миф, что Л.П. Берия был всевластным хозяином Спецкомитета, полностью контролировал Атомный проект, мог ставить и ставил во главе проекта людей, которым он особенно доверял, а именно И. Курчатова и Е. Славского. При том, что и И. Курчатов и Е. Славский, без сомнения, являлись выдающимися администраторами, крупными учёными и внесли огромный вклад в укрепление обороноспособности и научно-техническое развитие страны, они, подобно С. Королёву, не были выдающимися учёными и, соответственно, получив административную власть, старались реализовать именно свои, прямо скажем, не самые впечатляющие на фоне других исследователей, идеи.

В каком-то смысле это было оправдано историческими обстоятельствами. Стремясь как можно скорее получить атомное оружие и ракеты, Советский Союз, как бы сегодня от этого ни отрешивались, выбрал путь, мягко говоря, максимального использования уже накопленного зарубежного опыта. В части атомной бомбы это была информация, поступающая в режиме нон-стоп из Лос-Аламоса и Лондона, содержащая не просто расчёты, но и чертежи и даже технические характери-

ки станков и лабораторной техники. К тому же огромную помощь в производстве атомного оружия оказала группа М. фон Арденне и другие немецкие специалисты.

Аналогично с ракетами. Хотя СССР не пошёл по пути Соединённых Штатов и прямо не воспроизвёл ФАУ-2 (в значительной степени потому, что фон Браун оказался не в Москве, а в Хантсвилле), любой ракетчик скажет, что королевские носители просто до боли и деталей воспроизводили всё те же немецкие ракетные комплексы, причём не только фон Брауна серии ФАУ, но и некоторых других немецких конструкторов. Как бы там ни было, на первом этапе ставка прежде всего на выдающихся организаторов себя оправдала. Советский Союз выиграл главное — время. И цели были достигнуты. Однако в последующем и С. Королёв, и И. Курчатов, и Е. Славский принесли вреда уж точно не меньше, чем пользы. Будучи не лучшими техническими разработчиками, но выдающимися администраторами, облечёнными огромной властью, они на протяжении всей своей жизни успешно давили и закрывали дорогу своим более талантливым конкурентам в подведомственных областях.

И. Курчатов, так же, как и Е. Славский, не был человеком Берии. Более того, в течение всей своей жизни Славский крайне негативно отзывался о Лаврентии Павловиче и в общем не выражал большой любви и к И. Курчатову. Курчатов, будучи закрытым и интеллигентным человеком, старался не давать каких-либо интервью и не оставил развёрнутых воспоминаний. Поэтому говорить о его взаимоотношениях с лидерами той эпохи сложно. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, так это то, что своим назначением Курчатов обязан В. Молотову, которого И.В. Сталин сделал своим первым заместителем и перед которым формально отчитывался Л. Берия. Сам Берия хотел видеть на посту руководителя ядерной программы одного из самых ярких, талантливых физиков молодого поколения, к тому же в совершенстве знавшего английский язык, А.И. Алиханова. Практически вся документация по атомной бомбе была добыта советской разведкой. Естественно, документы были на английском языке.

Столь подробный экскурс необходим для того, чтобы правильно понять события, которые инициировали во всём мире гонку по разработке УТС. «В январе 1951 г. И.В. Курчатов организует совещание по УТС с руководителями работ по термоядерному оружию и, получив поддержку, начинает готовить проект правительственного постановления о развитии работ по УТС. В феврале 1951 г. проект был направлен Л.П. Берии. Прошёл март, начался апрель, но Берия сообщил, что проект он рассматривать не будет. В середине апреля неожиданно в кабинет Курчатова ворвался министр электропромышленности Д.В. Ефремов с журналом в руке, в котором сообщалось об успешных экспериментах некоего Рихтера в Аргентине, получившего нейтроны в газовом разряде. Также в журнале было написано, что 25 марта 1951 г. президент Аргентины Хуан Перон сделал заявление об успешном «контролируемом» высвобождении атомной энергии при сверхвысокой температуре в миллионы градусов без использования уранового топлива. Узнав от Д.В. Ефремова о заявлении президента Х. Перона, И. Курчатов немедленно позвонил И.В. Сталину, и тот срочно собрал совещание для обсуждения организационных вопросов и потребовал от Л. Берии немедленного принятия ранее подготовленного постановления правительства. Руководителем экспериментальных исследова-

ний по УТС был предложен Л.А. Арцимович, а его заместителем по рекомендации И.Е. Тамма назначен М.А. Леонтович³⁹⁷.

Для того чтобы стал понятнее смысл научной аферы, в которую И. Курчатов втянул И.В. Сталина и открыл дорогу советскому УТС, процитируем дружеские поздравительные стихи, которые ученики и соратники, в том числе будущий руководитель советской и российской программ УТС Е.П. Велихов, сочинили к 75-летию И.Е. Тамма. Особое впечатление они производят спустя 45 лет после своего написания.

*Говорят, говорят, скоро будет термояд,
Будет мирный, будет смирный,
Управляемый.
Нам об этом термояде говорили в детстве
Дяди.
Говорят, говорят, скоро будет термояд!
А теперь мы сами дяди, сами тоже говорим
И мечтой о термояде всё горим, горим, горим...*

В послевоенном сталинском Советском Союзе представить себе ситуацию, когда рядовой министр врывается к одному из руководителей Спецкомитета и докладывает ему разведывательную информацию, которую тот обязан получать от своего прямого начальника Л.П. Берии, невозможно. На следующий день за подобным министром приехал бы чёрный автомобиль с сопровождающим персоналом, и он был бы доставлен для освидетельствования в лубянскую тюрьму. Поскольку о данном случае рассказывали не только сам И. Курчатов и Д. Ефремов, но и четверо присутствующих при этом человек, то становится понятным, что это была прямая интрига против Л. Берии. По тем временам на такую интригу ни Молотов, ни Маленков, ни тем более Хрущёв пойти не могли. Единственное реальное объяснение могло состоять в том, что через В. Абакумова Ефремову информацию сообщил сам И.В. Сталин. Упорно вдалбливаемые в головы российского населения мифы о близости Л. Берии и И. Сталина, особенно в послевоенный период, крайне далеки от реальности. Об этом говорит не только «мингрельское дело» и постоянное травливание Берии сначала со Ждановым, а затем с Маленковым и Булганиным, но и сохранившиеся указания И.В. Сталина В. Абакумову — установить жёсткое наблюдения за Берией и выбить из подследственных показания на Лаврентия Павловича. Сталин и в лучшие годы не отличался психическим здоровьем, однако, похоже, военные сверхнагрузки окончательно надломили его психику и она перешла из пограничного в несомненно патологическое состояние, а сознание стало носить, особенно временами, сумеречный характер. В каком-то смысле физические недуги, включая инсульты и инфаркты Сталина после войны и вызванные ими многочисленные и долговременные отлучки Сталина от государственных дел, уберегли Советский Союз после окончания Великой Отечественной войны от многих неприятностей и, без сомнения, спасли как минимум десятки тысяч жизней ни в чём не повинных людей.

³⁹⁷ Шафранов В.Д., Бондаренко Б.Д., Гончаров Г.А. К истории исследований по управляемому термоядерному синтезу. М.: УФН. 2001. Т. 171 № 8. С. 877–908.

Однако остаётся вопрос, почему Л. Берия положил проект постановления, переданный ему И. Курчатовым, «под сукно». Ответ на этот вопрос не составляет затруднений. Однако он имеет несколько слоёв, включая явные и очевидные, а также сознательно утаиваемые, в силу неоднозначных исторических последствий, ответы. Прежде всего Л.П. Берия был выдающимся управленцем. Плюс он искренне интересовался наукой и техникой. При этом он никогда не рассматривал себя в качестве специалиста в технике. Сочетание двух этих обстоятельств обусловило уникальную черту Л. Берии, за которую многие учёные, даже пострадавшие из-за него, относились к Лаврентию Павловичу и после его крушения с уважением и своеобразной симпатией. Л. Берия умел и любил беседовать с высококлассными исследователями и прислушивался к их мнению, принимать решения на основе экспертных научных оценок. Никогда ни по одному вопросу он не считал своё собственное мнение единственно правильным. По всем направлениям деятельности Спецкомитета Берия имел собственные консультативные группы, которым давал на предварительную проработку любые важные вопросы. И лишь когда группы наиболее квалифицированных и одновременно ответственных учёных выносили свой вердикт, он излагал его на различного рода совещаниях как собственную, подкреплённую административной силой и политической волей, точку зрения.

Это в полной мере относилось и к проблеме УТС. Берия от упомянутого Алиханова знал, что ещё в 1938 г. советский физик А.А. Власов сделал целый ряд открытий в области физики плазмы. Эти открытия, по сути, поставили крест на работах по УТС, по крайней мере в том виде, в котором они существуют с конца 1940-х годов по сегодняшний день. Тамм, Арцимович, Ландау, Иоффе также, естественно, знали об этой работе, но игнорировали её. Более того, было принято негласное решение не печатать статей Власова в физических журналах, контролируемых известной научной группой физиков, и не давать ему возможности выступать на представительных конференциях в СССР и, тем более, выезжать за рубеж.

А. Власов был не единственным источником уверенности Л. Берии в дезинформационном характере информации Х. Перона. В 1940-е годы в Аргентине и шире — в Латинской Америке блистательно работал выдающийся советский разведчик И. Григулевич. К 1951 г. он уже покинул Аргентину, но тем не менее, сохранил в стране мощную разветвлённую разведывательную сеть, которая успешно действовала до 1960-х годов. С учётом того, что, согласно воспоминаниям Серго Берии, И. Григулевич поддерживал личные тесные отношения с Л. Берией, вполне понятно, что Берия хорошо знал реальную ситуацию в атомной лаборатории, расположенной в Аргентине, и был в курсе проекта «Колокол».

Однако ни первое, ни второе обстоятельство при всей их важности не являлись решающими. Как на основе проверяемых многочисленных данных доказал в своей книге «Нацистский интернационал» Д. Фаррелл³⁹⁸, доктор Рональд Рихтер на острове Уэмуэль занимался отнюдь не термоядерным оружием, а продолжением работ по проекту «Колокол»³⁹⁹.

³⁹⁸ Фаррелл Дж. Нацистский интернационал. Послевоенный план нацистов по контролю над миром. М.: Эксмо, 2011. С. 269–370.

³⁹⁹ Там же.

Существует множество свидетельств, что доктора Рихтера контролировали высшие нацистские чиновники, включая М. Бормана, который, как отмечалось выше, с чрезвычайно высокой степенью вероятности отнюдь не погиб в Берлине, а продолжал действовать в течение длительного времени после завершения Второй мировой войны. В предыдущих частях работы также приводились взаимоподтверждаемые независимые свидетельства о наличии контактов специальной группы советской разведки, созданной Л.П. Берией, с М. Борманом и Г. Мюллером по крайней мере с конца 1942 – начала 1943 г., а, возможно, и раньше. Как бы там ни было, у Л. Берии был прямой выход на аргентинскую научную группу нацистского интернационала, и он хорошо представлял, что там происходит на самом деле. Но и на этом не исчерпывались источники Л.П. Берии. Доктор Рихтер принадлежал к части команды Г. Каммлера, сверхсекретного исследовательского подразделения, а точнее, сетевой корпорации. В этой корпорации были сосредоточены все наиболее прорывные разработки и достижения нацистской науки и техники. Знаменитое «Аненербе» по отношению к корпорации Каммлера представляло собой не более чем дорогостоящую операцию прикрытия и инструмент удовлетворения историко-софских амбиций Г. Гиммлера.

Считается, что большая часть учёных и инженеров команды Каммлера либо погибла, либо попала к американцам в результате осуществления операции «Скрепка». Однако это не так. Известно, что некоторые математики, особенно занимающиеся так называемой геометрической физикой и анализом синхронистических и нестационарных рядов, оптики, специалисты в области геофизики, а также физики, специализирующиеся на теории поля и физических основах субсенсорных феноменов, оказались не в Соединённых Штатах, а в Советском Союзе в рамках операции «Осоавиахим». Практически все они были размещены Л.П. Берией в специально построенных курортных посёлках в Грузии, где в Сухуми и Батуми были созданы закрытые институты, подчинённые Спецкомитету. Менее засекреченная часть немецких специалистов, в основном связанная с практической инженерией, работала во Фрязино и других известных центрах оборонной промышленности.

В многочисленных воспоминаниях немецких специалистов, которые в 1950-е годы беспрепятственно вернулись в Германию, причём в обе её части, можно встретить упоминания о том, что советское правительство разрешало переписываться им не только с членами семей, оставшимися на Родине, но и с друзьями, знакомыми, родственниками, оказавшимися волею судеб в Латинской Америке. В Латинской Америке немецкое население практически полностью сосредоточено в двух странах — в Аргентине и Чили, с небольшим присутствием в Парагвае и Боливии. Наряду с немецкими исследователями, инженерами и конструкторами, вывезенными из Германии в Советский Союз после завершения Великой Отечественной войны, в число которых входили три лауреата Нобелевской премии и почти 50 учёных мировой величины, была ещё одна, гораздо более загадочная группа особо засекреченных немецких учёных, специализировавшихся на высоких энергиях, ядерной физике и космологии. Вся эта группа до 1944 г. входила в состав команды Каммлера.

Хотя автор знал о существовании этой группы с конца 1980-х годов, впервые о ней широкой публике рассказал в последнем в жизни интервью крупный уважаемый учёный, достойный интеллигентный человек, отличавшийся честностью, точ-

ностью в деталях и отсутствием какого-либо стремления приукрасить или фальсифицировать историю. Речь идёт о Серго Лаврентьевиче Берии. В интервью Дмитрию Гордону он сказал следующее:

«— Работаю. Написал об отце книгу — её издали во Франции, в Сорбонне. Теперь готовлю следующую — о работе с разными коллективами, с немецкими учёными, которые во время войны были завезены в Советский Союз. Не после войны, подчёркиваю, а во время — атомщики, самолётчики, ракетчики... Тогда это меня удивляло, а потом уже я понял, что они просто готовы были сотрудничать с СССР против англичан и американцев, причём с удовольствием.

И это не одна какая-то группа — я с разными немцами встречался, — все поголовно. Правда, потом, увидев, что здесь хотят использовать только их знания, а людей со временем отбросить, все они уехали.

— Нет, что вы! Они же на договорных началах работали. Вопреки распространённому мнению никто в лагерях не был — это всё чепуха, что пишут. Прекрасные городки им построили, колоссальные зарплаты платили и к каждому из крупных учёных приставили молодых “подмастерьев”. Под их руководством высочайшего класса кадры получались.

Немцы чем отличались? Не только педантизмом. Они умели сосредоточиться на ключевых моментах разработки и доводили их, как говорится, до ума. Один лишь пример приведу. Автопилот — а это по механике очень тонкий прибор — они делали без чертежей. То есть соберут по наитию, по эскизам, а потом уже чертят. У нас система была более громоздкая, неповоротливая. И до сих пор так заведено: сначала выпускаются чертежи, и только потом начинается притирка, подгонка, вносятся тысячи изменений. Кроме того, что процесс растягивается во времени, результат не совсем тот получается. Впрочем, я по своему опыту сужу — у других, допускаю, всё иначе. Но это предистория»⁴⁰⁰.

Вывозились наиболее ценные учёные, естественно, с ведома некоторых высших нацистских руководителей. В основном действовало два маршрута. Один — через Швейцарию, и дальше, пользуясь итальянскими паспортами, в Испанию, а оттуда кружным путём через Латинскую Америку в СССР. Вообще, надо сказать, что роль Испании во Второй мировой войне была далеко не так однозначна, как её представляют современные историки. Именно в Испании и через Испанию в Советский Союз, другие страны антигитлеровской коалиции были переправлены многие выдающиеся специалисты, ценные грузы и информация. Причём есть все основания полагать, что генерал Ф. Франко не только был в курсе происходящего, но и сам инициировал эти процессы. Второй канал был проще и использовался для учёных, имевших с точки зрения нацистских чиновников «абстрактные специальности» типа космологии, физики пространства-времени и т.п. Они уходили по маршруту Германия — Дания — Швеция, а далее — Советский Союз.

Любопытно, что специалисты в области высоких энергий после Второй мировой войны не были вывезены подобно многим другим специалистам в Арзамас-16 либо расположенные в Грузии, укомплектованные немцами научно-исследовательские институты в Сухуми и Батуми. Несколько наиболее выдающихся специалистов ока-

⁴⁰⁰ <http://www.gordon.com.ua/books/heroes/beriya/>

зались в организации, которая первоначально называлась ОКБ-670, а в конечном счёте получила название МКБ «Красная звезда». То есть они работали как раз в той организации, где долгие годы проработал И.С. Филимоненко. Несомненно, контакты с этими выдающимися специалистами, занимавшимися темой «Колокол», помогли Филимоненко совершить своё прорывное открытие и направили его исследовательскую мысль по совершенно нетрадиционному для классической физики направлению.

Так или иначе, несмотря на принятие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР и грозное указание И.В. Сталина о необходимости резкой активизации усилий по разработке в СССР УТС, Берия постарался спустить эту совершенно бесперспективную, как он отлично понимал, тему на тормозах, максимально загрузив И. Тамма и других энтузиастов УТС работами по главной тематике, а именно созданию атомной и водородной бомб.

Всё изменилось после убийства Л. Берии. Вскоре после консультаций с В. Молотовым и по инициативе И. Тамма было принято решение резко активизировать работы в области проблем ядерного синтеза и направить на эти работы часть ассигнований, ранее предусматривавшихся для военной программы. Перераспределение аргументировалось тем, что Советский Союз уже создал атомную бомбу и теперь главная задача — это не столько разработка новых, всё более мощных зарядов, сколько обеспечение средств доставки ядерного оружия до цели. Поэтому часть средств можно перераспределить на мирное использование атома, а конкретно — создание экспериментальных установок, открывающих путь к УТС.

В результате, угробив (другого слова не назовёшь) огромное количество средств, в СССР построили первую в мире токамакоподобную установку. Этим национальным видом спорта российская физика продолжает заниматься и по сегодняшний день. По самым скромным оценкам, в пересчёте на текущий курс доллара на тему УТС израсходовано более 60 млрд. долларов — сумма, превышающая совокупные затраты на все другие фундаментальные направления естественных наук. При этом внутренней диверсией по обескровливанию советской науки вообще и финансов СССР в частности дело не ограничилось. По совету всё тех же И. Тамма и В. Молотова И. Курчатов в 1955 г. «пробил» через партийное руководство решение о необходимости рассекречивания программы УТС. В том же году было организовано доступное для широкого круга физиков Всесоюзное совещание по УТС, на котором с докладами выступили Л. Арцимович и М. Леонтович. В соответствии с решениями совещания, ведущие физические институты, занимающиеся разнообразными темами в сфере теоретической, экспериментальной и прикладной физики, были включены в программу создания советского УТС.

По совету И. Тамма и В. Молотова И. Курчатову удалось уговорить Н.С. Хрущёва рассекретить советские разработки УТС и представить их мировым физическим кругам. Сегодня сложно оценить всю необычность данного поступка. Дело в том, что 1956 г. — это время разгара Холодной войны, это — год венгерских событий, Суэцкого кризиса, жёсткого противостояния Советского Союза и Соединённых Штатов в космической и ракетной областях. И в этой ситуации И. Курчатов включается в состав советской правительственной делегации, возглавляемой Н.С. Хрущёвым, которая на корабле посещает Великобританию. Во время пребы-

вания Хрущёва в Лондоне И. Курчатов прочитал в секретном атомном центре вооружённых сил Великобритании «Харуэл» лекцию «О возможности осуществления ядерной реакции в газовых разрядах».

Возникла совершенно фантазмагорическая ситуация. В Советском Союзе имя и фамилию Курчатова было запрещено публиковать в средствах массовой информации, включая газеты и телевидение. Более того, его по имени и фамилии не знало большинство работников Минсредмаша СССР. И при этом он под своим именем и фамилией выступает в ядерном центре НАТО. Это примерно то же самое, если бы в 1957 г., ещё до запуска спутника, С. Королёв или В. Челомей съездили бы в Хантсвилл и поучили ребят из НАСА как правильно запускать космические корабли и спутники.

Несмотря на усилия нынешних «на первый взгляд историков» представить Н.С. Хрущёва недалёким недотёпой, он был хотя и малообразованным, но умным, хитрым и тёртым человеком, обладавшим почти безошибочным чутьём. Есть все основания полагать, и об этом упоминал его сын, что Н.С. Хрущёв прекрасно отдавал себе отчёт, что УТС — это афера, и рассматривал выступление Курчатова как операцию дезинформационной войны. Однако внимательное изучение документов Политбюро и ЦК КПСС того времени указывает скорее на иное обстоятельство. Представляется, что Хрущёв действительно понимал аферистский характер УТС, но, не чувствуя себя прочно на посту руководителя страны, до поры до времени подлаживался под группу Молотова, на которого огромное влияние оказывала его жена Полина, школьная подруга Голды Меир. Как только у Хрущёва возникла возможность, группа Молотова была устранена.

Как бы там ни было, в разгар Холодной войны в апреле 1956 г. курчатовский институт посещает первая иностранная делегация. Затем осенью один из ключевых людей советской военной атомной программы Л. Арцимович отправляется с ответным визитом в Швецию, где встречается с Л. Спицером и Р. Пизом, лидерами британских атомных военных и гражданских программ. С этого момента вплоть до краха Советского Союза теснейшие контакты физиков-ядерщиков не прекращались ни на месяц. При всех перипетиях и обострениях международной ситуации физики-ядерщики беспрепятственно общались и посещали друг друга в США, СССР, Великобритании, а затем Франции и Швеции.

Кстати, характерны ещё два обстоятельства. Когда в 1971 г. Л.И. Брежнев по рекомендации Ю.В. Андропова, М.А. Суслова и А.А. Громыко принял в буквальном смысле самоубийственное для советской науки решение, разрешив мало чем ограниченный выезд евреев из Советского Союза якобы в Израиль, а на самом деле в США, там уже в первой половине 1970-х годов оказалось множество физиков и математиков, прямо задействованных в советских военных программах, но не служивших в армии или прямо не работавших в Минсредмаше СССР, а выполнявших свои исследования в системе Академии наук СССР. В установленном порядке выдачи разрешения на эмиграцию было предусмотрено обязательное положительное решение со стороны КГБ СССР. Как это ни парадоксально, КГБ СССР зачастую не разрешал выезжать филологам, поэтам, журналистам, но штамповал разрешения для физиков, химиков, первоклассных математиков, специалистов в области системного анализа, психотехнологий и т.п.

Но и это ещё не сказка, а только присказка. Всё в том же 1955 г. было создано Пагуошское движение. 11 всемирно известных учёных, включая А. Эйнштейна, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассела, М. Борна, Л. Полинга и др. выступили с манифестом, в котором призвали созвать конференцию против использования ядерной энергии в военных целях. Пагуошское движение, его история и роль в крахе Советского Союза — это большая отдельная тема. Применительно к нашему повествованию отметим лишь два обстоятельства.

Из воспоминаний Б. Рассела известно, что мысль о создании группы ведущих учёных, которые должны выступить с манифестом о всеобщем запрете ядерного оружия, впервые подсказал ему наш старый и добрый знакомый, его друг и деловой партнёр лорд Золли Цукерман. Рассел на тот момент был своего рода наиболее авторитетной и одновременно компромиссной фигурой для учёных самых различных политических ориентаций, поскольку, строго говоря, он не был левым, а скорее занимал антисоветские позиции. С другой стороны, Рассел достаточно косо смотрел на вмешательство любых правительств в академическую жизнь. Поэтому именно Рассел был выбран Цукерманом, а главное, стоящими за ним кругами, в качестве закоперщика Пагуошского движения за мир.

Однако у каждого движения должен быть спонсор. Иначе серьёзные учёные с мировым именем никуда двигаться не будут. Они привыкли к комфорту, удобству и хорошей оплате лекций. В 1960–1980-е годы спонсором различного рода мирных инициатив с лёгкой руки М.А. Суслова выступал Советский Союз, растративший на эти бесполезные мероприятия десятки тонн с трудом добытого советского золота. Однако в 1950-е годы картина была иной. Несмотря на убийство Л. Берии, в советском руководстве продолжалась борьба за власть, и оно в большей степени было озабочено внутренними проблемами, нежели различного рода инициативами учёных. Поэтому спонсор должен был быть найден на стороне. И он нашёлся. Спонсором Пагуошского движения стал североамериканский миллиардер Сайрус Итон. Если обратиться к советским книгам 1950–1970-х годов, то из них можно выяснить, что главные бизнес-активы С. Итона лежали в металлургии, лесной промышленности и средствах массовой информации. Однако сегодня есть возможность обратиться непосредственно к базам данных компаний и корпораций по всему миру, содержащих сведения об их владельцах, пересечении деловых связей за последние 100 лет.

Поработав с деловыми базами данных, удалось установить, что наиболее ценные активы Сайруса Итона были связаны с военно-промышленным комплексом США. Прежде всего его металлургические компании ориентировались на так называемые спецстали, 90% которых потребляли как раз военные подрядчики. Кроме того, он располагал значительным пакетом акций в корпорации «Литтон Индастриз» — 17-й в рейтинге военно-промышленной компаний США. Что ещё более важно, «Литтон Индастриз» была участником кооперационных сетей в 12 из 15 крупнейших военных компаний США. Иными словами, «Литтон Индастриз» представляла собой один из главных узлов сети военно-промышленного комплекса США, обеспечивающий его функционирование и развитие. К тому же близким другом Сайруса Итона был создатель и владелец корпорации «Литтон» Чарльз Торнтон.

Любопытно, что именно Чарльз Торнтон был первым иностранным предпринимателем, посетившим только что открытый Институт США и Канады. Главными целями Ч. Торнтона во время этого визита были встречи с Ю.В. Андроповым и Д.Ф. Устиновым. Организатором этих встреч стал только что назначенный директор Института США и Канады Г. Арбатов. Ближайшим другом Сайруса Итона был Линдон Джонсон, вице-, а потом президент Соединённых Штатов, которого сегодня не без основания подозревают как главного интересанта и организатора убийства Джона Кеннеди. Хорошо известно, что Л. Джонсон представлял техасскую группировку во главе с Мерчисонами, Ричардсонами, Хантами и Бушами. По своему отраслевому характеру группировка носила исключительно энергетический и оружейный характер. Таким образом, с какой стороны ни посмотри, Сайрус Итон представлял интересы военно-промышленного и частично энергетического секторов американской экономики, хорошо прикрытого «любовью к миру и международному сотрудничеству».

В 1957 г. Итон оплатил первую Пагуошскую конференцию, которая прошла в его поместье, в канадском местечке Пагуош, и получила название Симпозиум по стратегической стабильности. Прежде чем остановиться на советских участниках Пагуошского движения, есть смысл добавить ещё несколько штрихов к портрету Сайруса Итона, а главное, объяснить, как с такой биографией и знакомствами он оказался «лучшим другом Советского Союза».

Имея значительные деловые интересы на западном побережье, Сайрус Итон часто посещал Лос-Анджелес. Туда его привлекали как дела, связанные с его военным бизнесом, так и необходимость решения проблем издательского дела и принадлежащих ему теле- и радиостанций. В Лос-Анджелесе Сайрус Итон познакомился с рядом ведущих представителей чрезвычайно сильной именно в этом штате армянской диаспоры. Некоторые из них входили или были связаны с этнической частной разведывательной сетью, созданной А. Микояном, о которой рассказывалось ранее. С высокой степенью вероятности можно предположить, что в результате взаимного зондажа были установлены точки пересечения деловых и политических интересов между А. Микояном и С. Итоном. В результате де-факто главный конфидент Н. Хрущёва и его своего рода «серый кардинал» дал добро на фигуру С. Итона как посредника между американско-британскими политико-военными и академическими, используемыми как фронтмены, кругами и их советскими коллегами.

В пользу данного предположения говорит то обстоятельство, что в СССР Сайрус Итон впервые прибыл по приглашению именно А. Микояна. Всё тот же Микоян подсказал Итону набор подарков и предложений, которые совершенно покорили Н.С. Хрущёва и сделали С. Итона для Хрущёва тем, чем впоследствии Арманд Хаммер и несколько в меньшей степени Роберт Максвелл стали для Л.И. Брежнева. Впрочем, увлекающийся Никита Сергеевич пошёл гораздо дальше Леонида Ильича и наградил американского миллиардера, владельца оружейного бизнеса, представителя энергетических магнатов Техаса Ленинской премией. Что же до А. Микояна, то он, будучи практичным армянином, в отличие от бесшабашного украинца наградил Сайруса Итона более подобающим образом. Однажды при посещении Пушкинского музея, обратив внимание, что С. Итону особо приглянулась одна из картин Ван Гога, он просто распорядился снять её со стены и вручил в подарок

ошеломлённому гостю. Всё тот же А. Микоян позаботился о знакомстве С. Итона с М.А. Сусловым и представил его, казалось бы, никак не связанному со сферой отношений с капиталистическими странами руководителю отдела ЦК КПСС по социалистическим странам Ю.В. Андропову.

Теперь осталось поимённо назвать главных действующих лиц Пагуошского движения с советской стороны. Среди них ключевые позиции занимали, естественно, участники рекордной аферы всех стран и народов УТС И. Тамм, Л. Арцимович, А. Леонович. С начала 1980-х годов новый импульс Пагуошскому движению придали лорд З. Цукерман и любимый академик Ю.В. Андропова, главный строитель Токомака и специалист по космическим вооружениям АН СССР Е.П. Велихов. Пока же подведём некоторые итоги.

Сложилось парадоксальное положение. В ситуации, казалось бы, борьбы двух систем и острой конкуренции военно-промышленных комплексов США и СССР группа ключевых разработчиков, занятых в наиболее разрушительной и сверхсекретной сфере военных исследований — разработке ядерного оружия, на протяжении 25 лет постоянно общалась, обменивалась информацией и выдвигала совместные инициативы. Чтобы залегендировать эту непрерывную циркуляцию идей, людей и информации, был использован мираж УТС. Для того, чтобы всё выглядело надёжно, кураторство над проектом осуществляли с обеих сторон те, кто, казалось бы, должен был стоять на страже государственной тайны. С советской стороны это КГБ СССР, Военно-промышленная комиссия Совета Министров СССР и соответствующие подразделения Академии наук СССР. В Соединённых Штатах, где общественное мнение всё же имело, особенно в те времена, существенную роль, кураторская схема была более изощрённой. Кураторами выступали различного рода фонды и общественные движения, по странному стечению обстоятельств полностью состоявшие из отставных военных и разведчиков, а также действующих топ-менеджеров и хозяев крупнейших военных корпораций.

В этой ситуации абсолютно неудивителен факт, который поражает историков разведки. Многие российские и зарубежные исследователи недоумевают: как же так получилось? Советский Союз имел множество разведчиков и развитую агентуру в США, а американцы этим похвастаться не могли. Все успехи Соединённых Штатов относятся главным образом к достаточно спорной фигуре полковника О. Пеньковского, бесспорно выдающегося (по результатам его деятельности для Запада) шпиона Д. Полякова и промышленного шпиона, крупного инженера А. Толкачёва. На самом деле всё просто. После администрации Ф.Д. Рузвельта высших должностных лиц США трудно упрекнуть в сознательном либо несознательном предательстве или сотрудничестве с Советским Союзом. Что же касается ключевых фигур в советском руководстве, особенно в послехрущёвский период, то некоторые из них в силу совершенно различных обстоятельств и причин способствовали утечкам важнейших стратегических сведений по самым различным направлениям в Соединённые Штаты. Более того, утечка сведений была лишь меньшим их преступлением перед страной. Гораздо большим стало осуществление продуманных действий, ведущих к дестабилизации Советского Союза и лишению его стратегических преимуществ в соревновании двух систем.

3

С учётом изложенного понятно, что И.С. Филимоненко с его ХЯС был не то что костью в горле, а просто приговором гигантской международной афере. Помимо большой политики существовали ещё простые жизненные радости советских физиков, связанные с коттеджами, квартирами, Ленинскими премиями, докторскими степенями, по сути, безлимитными поездками в США, Великобританию и т.п. Вполне очевидно, что ради какой-то непонятной, невнятной науки и абстрактных соображений о могуществе СССР отказываться от квартир в высотных домах, авиационных билетов в Нью-Йорк и домработниц они совершенно не собирались. Поэтому вся физическая общественность в едином порыве напрягла всю мощь своих связей и интеллекта, чтобы стереть в пыль непонятливого и наивного физика, решившего, что Советский Союз похож на Англию королевы Елизаветы, а ему будет позволено быть Ньютоном или Резерфордом. Это только в Великобритании, которую наши записные патриоты обвиняют в том, что она тормозит мировое развитие, физикам дают титулы лордов и замки. В Советском Союзе нередко были приняты другие «награды».

Однако даже сочетание угрозы интересам Д. Устинова – Е. Славского с реальным раскрытием аферы УТС не может в полной мере объяснить произошедшее с И.С. Филимоненко и его открытием. В конце концов, когда надо, в Советском Союзе умели хранить тайные секреты, делая ту или иную информацию доступной лишь до счётного числа лиц. Уж в чём в чём, а в поддержании высокого уровня секретности и умении хранить тайну Советский Союз мог дать сто очков вперёд любому конкуренту. Поэтому, строго говоря, вполне логично было бы уничтожить Филимоненко вообще, разогнать его подразделения, предварительно рачительно собрав все чертежи и сохранив не главных, но компетентных исполнителей и конструкторов, а затем продолжить работу над темой, поставив во главе кого-нибудь типа Е.П. Велихова. Однако от того же Велихова известно, что ничего подобного не произошло. Чертежи, установки были уничтожены, коллектив не просто разогнан, а распылён по городам страны, а И.С. Филимоненко отправлен трудиться на дачный участок без права заниматься профессиональной деятельностью. Несмотря на всю кажущуюся таинственность, ничего необъяснимого в произошедшем нет. Чтобы понять, что произошло, нужно лишь отрешиться от некоторых штампов и беспристрастно посмотреть на историю человеческой цивилизации и, кстати, ещё раз перечитать не самого великого философа и политэконома, но выдающегося практического мыслителя и политтехнолога В.И. Ленина.

Трудовая теория стоимости Карла Маркса ещё в советские времена производила странное впечатление на любого старшего школьника, а тем более студента, имевшего приличные знания по математике и физике, особенно по такому её разделу, как термодинамика. Из физики хорошо известно, что КПД любого двигателя составляет меньше единицы. Если КПД больше единицы, то это говорит лишь о том, что в расчётах не учтена какая-та сторонняя энергия или какой-либо эффект, который незримо для физиков присутствует в процессе.

К. Маркс, без сомнения, был гениальным мыслителем, но в то же время известным политическим шулером. Как умный, образованный человек он не мог не по-

нимать, что сам по себе термин «прибавочный труд» является нонсенсом, годным только для скармливания малообразованным гуманитарным революционерам либо вообще необразованному пролетариату. По сути, этот термин означает, что работник производит продукции больше, чем необходимо ему для поддержания существования. Если работника рассматривать как биологическую машину, то это означает, что её КПД больше единицы, чего быть в природе не может. Маркс хитро, понимая это противоречие, ввёл фактор средств производства, которые принадлежат капиталисту и превращают собственность в капитал, т.е. самовозрастающую прибавочную стоимость. Однако из российской классической литературы хорошо известна история про попа и его собаку. Собственно, Маркс пользуется тем же самым приёмом. Ведь для того, чтобы средства производства появились, опять же по его теории, необходим труд. И так до бесконечности. Иными словами, в основе марксистского понимания производственного процесса лежит внеэкономическая категория, а именно власть, связанная с насилием или иным причинным подчинением. В этом смысле марксистская политэкономия в своей основе имеет не экономику, а политику, а именно учение о власти.

В 1921 г. знаменитый британский химик и физик, лауреат Нобелевской премии Ф. Содди сказал: «Если бы Карл Маркс жил после, а не до возникновения современной доктрины энергии, нет сомнения, что его разносторонне острый ум верно оценил бы то значение, которое она имеет для общественных наук». В реальности К. Маркс и Ф. Энгельс в политических целях просто решили пренебречь физикой и термодинамикой. В 1880 г. близкий К. Марксу человек передал ему изданную в России на французском языке, с дарственной надписью книгу Сергея Андреевича Подолинского «Труд человека и его отношение к распределению энергии». В книге подробно рассказано о термодинамических законах и показано значение энергии как ключевого фактора общественного производства и социодинамики. Однако поскольку термодинамика не вписывалась в ортодоксальный марксизм, поздний, усталый и сектантски настроенный Карл Маркс решил оставить в своём учении всё как есть. В дальнейшем традиции Подолинского наиболее полно реализовали в своей концепции развития Побиск Кузнецов и в физической экономике Линдон Ларуш, особенно в тот период, пока его не подчинила себе вторая жена, превратив научную теорию в сектантскую доктрину.

В.И. Ленин со свойственным ему прагматизмом брал из любых источников лишь то, что можно было применить для практического дела. Не касаясь отдельной, до сих пор должным образом не исследованной и при этом ключевой для последующей истории России темы плана ГОЭЛРО, отметим лишь некоторые ленинские высказывания. Например, ещё в «Развитии капитализма в России» он пишет: «Электрическая энергия — дешевле паровой силы, она отличается большей делимостью. Её гораздо легче передать на очень большие расстояния, ход машин при этом правильнее и спокойнее». В письме к Г.М. Кржижановскому В.И. Ленин пишет: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация по той простой причине, что, если энергия пара создала капитализм, то электроэнергия — это энергия коммунизма».

В.И. Ленин, обладая чрезвычайно острым умом и абсолютно прагматическим мышлением, отметил главное. Именно энергетика в решающей степени определя-

ет уровень развития производительных сил, динамику производительности труда и оказывает прямое воздействие на производственные отношения. Более того, неявно объединив в единое целое советскую власть и электрификацию, он за 100 лет до Т. Митчелла прочувствовал мощнейшее влияние энергетики на тип политического устройства и баланс внутриэлитных сил. Глубокая книга Тимоти Митчелла⁴⁰¹, написанная в начале нулевых годов этого века, читается как своего рода развёрнутое и детальное обоснование ленинского тезиса о тесной увязке энергетики и политической власти.

В отличие от К. Маркса, поняв и оценив роль энергетики в развитии общества, характере производственных отношений и структуре политического господства, В.И. Ленин, будучи по образованию всё же юристом, а по уровню — средним философом, не понял того, что глубоко исследовал выдающийся мыслитель, естествоиспытатель, отец теории организации и реального системного анализа А. Богданов⁴⁰².

В своих работах А. Богданов выделил несколько эпох. Первая эпоха — первобытная, когда единственной управляемой энергетической силой была мускульная сила человека и прирученных им животных. Вторая эпоха началась, по мнению Богданова, во времена Рима и связана с управляемым использованием энергии воды и ветра. Третья, капиталистическая, эпоха — это эпоха углеродного сырья во всех видах, от угля до газа. В своих работах он отдельно оговаривался, что электрическая эпоха — это не отдельная эпоха, а форма существования энергии, получаемой в основном всё из того же углеродного сырья, либо посредством возобновляемых источников энергии, с использованием тепловых углеродных элементов. Он предсказывал то, что сегодня стало мейнстримом у зелёных, а именно использование энергии ветра, приливов и т.п., но полагал, что у этих источников будет крайне низкий уровень КПД.

В своих письмах А. Богданов отмечал, что построение социализма в СССР или в какой-либо другой стране в ближайшее время невозможно по той причине, что в основе производственных сил лежит энергетика, свойственная капиталистическому обществу. Именно капиталистическая энергетика по своей природе, с одной стороны, по его мнению, является дефицитной из-за ограниченности месторождений, а с другой — требует наличия мощного силового компонента, обеспечивающего собственность и сохранность энергетических месторождений. В этом смысле он критиковал В.И. Ленина, Л. Троцкого и И. Сталина за увлечение экономическими категориями. По его оценке, глубинным фундаментом капитализма является так же, как и в предыдущих типах общественного устройства, не собственно экономические отношения, а власть на энергоресурсы, которая затем переходит в монополию на деньги.

Поскольку А. Богданов вместе со своими друзьями Л. Красиным и Г. Кржижановским явно плыл против течения, все они в относительно либеральные 1920-е годы были не расстреляны, а просто оттеснены на обочину политического процесса. Л. Красин в итоге был отправлен в Лондон, где и умер в 1926 г. Кржижановский после смерти Ф. Дзержинского лишился политического прикрытия, был сначала пре-

⁴⁰¹ Митчелл Т. Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.

⁴⁰² Бордюгов Г.А. Неизвестный Богданов. В 3 книгах. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

вращён в свадебного генерала, а затем переведён в Академию наук с присвоением звания академика. Что же касается самого А. Богданова, то его работы были потихоньку изъяты из советских библиотек и книжных магазинов, а самому ему было разрешено заниматься исключительно биологическими экспериментами. В ходе одного из них он трагически погиб.

В настоящее время мифологизированное аналитическое российское сознание плодит различного рода чудовищ в виде технологических укладов. На самом деле технологические уклады обязаны своим рождением докторской диссертации глубокого, оригинально мыслящего, едва ли не наиболее квалифицированного российского экономиста С. Глазьева, где он скрестил выявленные для второй половины XIX – первой половины XX в. статистические закономерности экономической динамики Н. Кондратьева с теорией социально-экономических укладов В.И. Ленина. Нигде, кроме России, никто ни о каких укладах не слышал и их не видел. Из теории распознавания образов хорошо известно, что в одной и той же совокупности, взятой как в статике, так и в динамике, можно распознать любые паттерны и образы в зависимости от наперёд заложенных алгоритмов распознавания. Соответственно, если начать искать уклады, то они будут обязательно найдены. Если начать искать какой-либо колебательный процесс с определённой периодичностью, то он будет обязательно обнаружен. Практической ценности всё это не имеет никакой. Ценность имеют лишь статистически понятые эмпирические закономерности, которые диктуют логику развития процессов, алгоритмы смены ситуаций и позволяют описывать конечное множество событий.

С этих позиций вполне очевидно, что появление нового после углеводорода источника энергии обязано за собой повлечь за собой тектонические сдвиги в структуре, если пользоваться марксистской терминологией, производительных сил, производственных отношений и политической надстройки. Если же говорить сегодняшним языком, то появление нового энергетического источника неизбежно должно изменить факторы производственного процесса, их паттерные комбинации, поменять структуры организации производства, распределения, обмена, коренным образом изменить социальную ткань общества и структуры политического господства.

Возникает вопрос. А как же традиционная атомная энергия? Не является ли она тем самым искомым источником, с которым связан переворот и который ознаменует собой третью после воды, ветра и, соответственно, угля и бензина глобальную энергетическую революцию? Принципиально на этот вопрос надо ответить положительно. Но к нему есть чрезвычайно важная оговорка. К моменту открытия Филимоненко и по сегодняшний день АЭС представляют собой крайне дорогостоящие, не вполне надёжные и требующие тотального контроля производственные системы. Как любые производственные системы, они подчиняются законам техноэволюции Станислава Лема. Действуя на иных физических принципах, они не только не ослабляют, а напротив, усиливают экономические, социальные, политические следствия, характерные для технологий предыдущего поколения. Иными словами, на начальном своём этапе АЭС предполагают ещё больший и более организованный капитализм, чем традиционная углеводородная энергетика. Кстати, лучшим эмпирическим подтверждением данного наблюдения является факт, что наибольшее распространение ядерная энергетика получила в странах наиболее организо-

ванного структурного капитализма, а именно во Франции и Японии. Например, во Франции атомные станции вырабатывают более 75% всей энергии страны.

Что касается Советского Союза, то при всех второстепенных разногласиях автор полностью согласен с принципиальным открытием природы советского строя А. Фурсовым как системного антикапитализма⁴⁰³. СССР представлял собой своего рода социалистический симулякр, покоящийся на капиталистической инфраструктуре, построенной на фундаменте Русской власти. В связи с этим как организованный капитализм без капиталистов СССР был просто обречён на лидерство в сфере мирного использования атома в виде системы громадных АЭС типа Чернобыльской.

Теперь о самом главном. Мало того, что И.С. Филимоненко открыл, используя в том числе наработки германских исследователей, принципы ХЯС и воплотил их в реально действующие установки, он ещё и создал систему устранения радиационного заражения местности. На понятном языке это означало, что установки И. Филимоненко являются источником огромного количества очень дешёвой энергии, которая совершенно безопасна в эксплуатации. При этом данные источники могут иметь сколь угодно различные размеры масштабирования и использоваться для энергообеспечения как фермерского хозяйства, так и гигантского мегаполиса.

При производстве таких установок рушилась энергетическая монополия и начиналась решающая стадия третьей энергетической революции. При этом энергетическая основа современного капитализма оказывалась уничтоженной. Одновременно подрывалась энергетическая основа СССР не как социалистического государства, а как системного антикапиталистического образования. Поскольку понять всё это не кабинетным теоретикам, а практическим политикам крупного масштаба, которые ещё имелись в XX в. и в СССР, и на Западе вместе с высококвалифицированными физиками и ядерщиками, было несложно, то люди быстро сообразили, что к чему, и стёрли в пыль не только И. Филимоненко, но и все следы его разработок. Третья энергетическая революция не нужна была никому — ни капиталистам на Западе, ни Политбюро в Москве.

Однако на этом история Ивана Степановича не кончается. Будучи отлучённым от физики, он продолжал работать, совершенствуя конструкцию, принципы и расширяя сферу применения своей установки. Ещё в 1957 г. в Минсредмаше началась промышленная эксплуатация Зеравшанского уранового рудника. До этого времени главным поставщиком урана для советского ядерного оружия было предприятие «Висмут», эксплуатировавшее урановые рудники в ГДР. В Узбекистане впервые было найдено и освоено крупнейшее урановое месторождение в СССР, позволявшее незаметно, в глубине советской территории заниматься добычей, обогащением и транспортировкой ядерной руды и материалов. Естественно, что все работы велись в спешке, без соблюдения жёстких правил техники безопасности. С выходом в начале 1960-х годов Навоийского горно-металлургического комбината (НГМК) на проектную мощность просчёты и ошибки в проектировании не могли не сказаться. Постепенно в Зеравшанской долине и в самом городе Навои, где помимо комбината был создан целый ряд других, сопутствующих предприятий, а также в близлежащих сельских местностях скачкообразно увеличился уровень радионуклидного за-

⁴⁰³ Фурсов А. Русский интерес. М.: КМК, 2014.

ражения. Естественно, что это было тайной за семью печатями и Минсредмаш как мог старался не допустить до этой информации посторонних. Однако, анализируя показания заболеваемости в первой половине 1970-х годов, ближе к их середине узбекские республиканские медики установили, что в Навои и окрестностях происходит явно что-то не то. Об этом было доложено всесильному секретарю компартии Узбекистана Шарафу Рашидову.

Ш. Рашидов был одним из самых опытных и влиятельных руководителей союзных республик, который возглавлял Узбекистан с конца 1950-х годов. Он располагал не только огромной властью в Узбекистане, но и обширнейшими связями в Москве. Используя эти связи, он узнал о существовании И.С. Филимоненко и его установки, которая позволяет быстро и надёжно ликвидировать не только радиоактивное заражение местности, но и выводить радионуклиды из живых тканей. Располагая также значительными возможностями в силовых органах, он получил полную исчерпывающую информацию о том, что произошло и кто является виновником гонения на И.С. Филимоненко, а также в каком положении тот находится. Здесь следует добавить, что между Ю.В. Андроповым и Ш.Р. Рашидовым существовала не только деловая, но и глубокая личная неприязнь. Поэтому его решимость помочь Филимоненко базировалась не только на стремлении устранить проблемы своей республики, которую он искренне любил, но и наказать своего злейшего врага. Как рассказывал автору работник КГБ Узбекистана, они по поручению Ш. Рашидова предложили Филимоненко поменять фамилию и переехать в Узбекистан, в Навои. При этом ему было гарантировано создание небольшой лаборатории и полная конфиденциальность. В обмен от него требовалось очистить территорию Навоийского района от радионуклидов и оздоровить его жителей.

Насколько известно, к 1982 г. задачи были полностью выполнены. Это подтверждает и медицинская статистика по онкологическим и другим сопутствующим радиоактивному заражению местности заболеваниям по Узбекистану, с которыми автор имел возможность ознакомиться в 1989 г. Если до 1978 г. ситуация непрерывно ухудшалась, то с 1979 г. она начала улучшаться. А в 1980 г. вышла на нормальный среднесоюзный уровень. Также известно, что после того, как Ю.В. Андропов, раскручивая в значительной мере сфабрикованное узбекское дело, фактически довёл своими действиями Ш. Рашидова до смерти, И.С. Филимоненко покинул Узбекистан и вернулся в Россию. Один из ближайших соратников академика В. Легасова рассказывал автору, что в 1984 г. И.С. Филимоненко обращался к Легасову с просьбой открыть в одном из подведомственных ему институтов небольшой центр. По итогам более чем трёхчасовой встречи, на которой присутствовал человек, рассказавший о контактах между Легасовым и Филимоненко, академику удалось уговорить опального физика взять у него большую сумму денег на жизнь, но не пытаться организовать в стране какую-либо лабораторию. Академик сказал, что она будет немедленно вычислена и закрыта, а те люди, которые окажутся к ней причастны, получают в лучшем случае огромные неприятности.

После Чернобыльской катастрофы В.С. Легасов как лучший советский специалист-химик был направлен в оперативный штаб по ликвидации, а точнее, минимизации ущерба, вызванного катастрофой. Автору точно известно, что во время работы штаба Легасов предложил В.И. Долгих, Е. Велихову и Е. Славско-

му срочно пригласить Филимоненко и дать ему ресурсы для скорейшего создания установки по ликвидации радиоактивного заражения местности. Предложение было единодушно отвергнуто. Вскоре после возвращения из Чернобыля В. Легасов ушёл из жизни.

В 1989 г. по поручению А.Н. Яковлева И.С. Филимоненко нашли представители организации НПСО «Курс» при Всесоюзном обществе «Экология и культура». Они предложили Филимоненко создать в структуре организации Центр экологически чистых технологий и выделили деньги на строительство опытной установки. К 1992 г. установка была полностью готова и прошла опытные испытания. Были подготовлены также рабочие чертежи и конструкторская документация. К этому времени организация стала дочерней структурой филиала Фонда Горбачёва. В 1993 г. всё оборудование, включая экспериментальную установку и чертежи, было вывезено из производственного помещения в неизвестном направлении. Персонал исчез. На вопросы Филимоненко в Фонде Горбачёва, что случилось с его разработкой, физику был дан ответ, что люди, с которыми он работал, обманули доверие Михаила Сергеевича. Об их судьбе и местоположении в Фонде ничего не известно.

Нетрудно понять, что направление исчезновения установки определить не сложно — Соединённые Штаты или, с меньшей вероятностью, Европа. Это была далеко не единственная подобная операция, проведённая под флагом Фонда Горбачёва. У автора нет оснований подозревать лично М.С. Горбачёва в том, что он сознательно способствовал похищению уникальных советских технологий. С чрезвычайно высокой степенью вероятности можно сказать, что он об этом, так же, как и о многом другом, что творилось вокруг него и в стране вообще, не ведал, потому что просто не хотел этого знать. Такого рода операциями от начала до конца занимаются хорошо подготовленные профессиональные люди, которых в избытке в предместьях Вашингтона, в Лондоне, Тель-Авиве, а также в Пекине и других столицах.

Умер Иван Степанович Филимоненко совсем недавно, в 2013 г. Однако после случая с Фондом Горбачёва он был уже не в силах заниматься ни научной деятельностью, ни бороться за своё изобретение.

4

Если злключения В. Челомея заставляют задуматься о тенденции, а судьба И. Филимоненко позволяет всерьёз говорить о правиле, то история В. Глушкова даёт возможность сделать вывод о наличии умысла. Однако прежде чем обратиться к истории, нужно сначала развеять складывающийся на наших глазах миф. Это необходимо сделать, поскольку новая мифология значительно искажает понимание реального контекста и логики событий. Новая российская мифология, создаваемая усилиями в основном журналистов, специализирующихся на самой разнообразной политике, и малообразованных блоггеров, ищущих популярности у всё менее образованных россиян, связывает усилия В. Глушкова в основном с созданием советского интернета. Между тем то, что создавал и задумывал В. Глушков, к интернету не имело ни малейшего отношения. Согласно официальной версии создания интер-

нета⁴⁰⁴, сеть создавалась как телекоммуникационная система, которая могла обеспечить живучесть американских вооружённых сил, промышленности и научных центров в случае начала крупномасштабных военных действий вплоть до Третьей мировой войны. То есть изначально интернет был системой передачи и отображения информации.

Если обобщить многочисленные работы по неофициальной истории интернета, то возникает несколько иная картина. Ещё в начале 1960-х годов по инициативе Марри Гелл-Манна — будущего основателя Института сложности в Санте-Фе, будущего лауреата Нобелевской премии и специалиста по сложным адаптивным системам и группы высших научных советников американской элиты JASON корпорации MITRE было поручено взять шефство над исследованиями DARPA в части распределённой телекоммуникационной системы, из которой в последующем вырос интернет. В до сих пор полностью не рассекреченной записке JASON указывалось, что поскольку коммунистические страны наиболее уязвимы в плане свободы информации и циркуляции идей, необходимо создать самоорганизующуюся и саморазвивающуюся информационную среду, которую будут в конечном счёте строить и развивать сами пользователи и коммерческие организации. Члены группы JASON дополнили записку тем соображением, что, проектируя будущую всемирную сеть как саморазвивающуюся и самоорганизующуюся, Соединённые Штаты с самого начала получают неоспоримое глобальное стратегическое превосходство. Они связывали это превосходство с тем, что любые самоорганизующиеся сети строятся по алгоритмам, т.е. правилам. Соответственно, тот, кто задаёт правила, не только предвидит логику развития сети, но одновременно будет в силах контролировать её ключевые узлы и наиболее важные для жизнеспособности либо, наоборот, разрушения сети точки.

В 1973 г. объединённая записка Гелл-Манна и группы JASON, проработанная корпорацией MITRE, приобрела форму рабочего документа, которую получили американские университеты, DARPA, европейские исследователи, участвовавшие в программе создания удалённых телекоммуникационных систем, которые в последующем слились в интернет.

В. Глушков к своим идеям пришёл с совершенно иной стороны. Он вместе с В. Колмогоровым и Н. Лузиным принадлежал к уникальному, не имевшемуся в других странах мира в XX в. типу гениальных математиков, которые в то же время являлись крупными организаторами и умелыми администраторами. Причём если Лузин не смог в полной мере развернуть свои способности из-за весьма нетипичного для Советского Союза обострённого внимания к национальным вопросам, а Колмогорова партийные органы старались удерживать в рамках математики из-за нетрадиционных взглядов на личную жизнь, то В. Глушков как нельзя лучше отвечал идеалу советского учёного. И в этом качестве самым активным образом участвовал не только в научной, но и в государственной и общественной жизни.

Ещё в 1950-е годы, проводя по поручению ЦК Компартии Украины ряд работ по повышению качества принятия управленческих решений, Глушков пришёл к выводу, что советская плановая система в конце 1960-х – 1970-е годы неизбежно столкнётся с тяжёлым управленческим кризисом. Согласно его расчётам, количе-

⁴⁰⁴ <http://www.seoded.ru/istoriya/internet-history/voznik-interneta-of.html>

ство и качество принимаемых управленческих решений, которые могли бы обеспечить оптимальное выполнение планов, не на проценты, а на порядки будет превышать физические возможности работников всех плановых органов Советского Союза⁴⁰⁵. Дополнительные аргументы в пользу своего подхода он получил в ходе подготовки к совещанию об использовании автоматизированных систем управления вооружённых сил, которое намечено было созвать в начале 1960 г. Вот как описывают эти события люди, проработавшие с В.М. Глушковым долгие годы.

«А.И. Китов осенью того же года подготовил доклад для ЦК КПСС, в котором он предложил создать объединённую автоматизированную систему управления для вооружённых сил и для народного хозяйства страны на базе общей сети вычислительных центров, создаваемых и обслуживаемых Министерством обороны СССР. Для рассмотрения предложения была создана комиссия Министерства обороны СССР во главе с маршалом К.К. Рокоссовским. Высказанная в докладе критика состояния дел и предложения по коренной перестройке системы управления в Министерстве обороны и высших эшелонах власти СССР вызвали негативную реакцию к докладу у представителей Минобороны и Кабмина СССР. Китова исключили из Компартии и сняли с занимаемой должности руководителя ВЦ Минобороны.

Несмотря на такую реакцию власти, А.И. Китов остался верен своим идеям, и в 1961 году, в преддверии XXII съезда КПСС, он опубликовал новую статью, где учёный обосновал необходимость создания национальной системы автоматизации управления народным хозяйством страны на основе создания в перспективе государственной сети вычислительных центров. На статью обратили внимание только за рубежом — она получила развёрнутую положительную рецензию в американском журнале *Operations Research*.

Виктор Михайлович Глушков, в то время занимающий должность директора Вычислительного центра Академии наук Украины, познакомился с А.И. Китовым в начале 60-х годов. Зная, что Китова преследуют за его настойчивые письма, Виктор Михайлович не побоялся сам развивать работы по Общегосударственной автоматизированной системе управления экономикой СССР, ОГАС, и привлёк к этой работе А.И. Китова, сделав его своим заместителем»⁴⁰⁶.

В результате В. Глушков пришёл к необходимости создания общегосударственной автоматизированной системы, или ОГАС. Вот как сам Глушков рассказывал об ОГАС: «Каковы функции ОГАС? Первая — справочно-информационная. Органы управления любого уровня будут знать о ходе дел неизмеримо больше нынешнего. Причём подразумевается не просто стандартная отчётность, а сведения в любой группировке, любом ракурсе и разрезе. Это будет гигантская база огромных данных, которой можно будет пользоваться под каждую конкретную задачу. В ней будет содержаться весь прошлый опыт. Поэтому на основе вычислений можно будет смотреть, как в прошлом решалась та или иная задача, к каким последствиям привели те или иные решения.

Важнейшей задачей ОГАС — гораздо более существенной, чем информационная! — будет полная взаимоувязка всех детализированных планов, хранящихся

⁴⁰⁵ Глушков В.М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986.

⁴⁰⁶ Пихорович В.Д. Очерки истории кибернетики в СССР. М.: Ленанд, 2014. Цит. по <http://propaganda-journal.net/1034.html>

в низовых вычислительных центрах. Ведь главное — это не собрать и хранить информацию, а главное — её обработать, произвести умные вычисления и обеспечить эффективное плановое решение.

Чтобы информация обрабатывалась и была легкодоступна, надо научить машины разговаривать на естественном языке с людьми и на машинном языке между собой с задержкой меньше секунды. Мы пока это обеспечиваем в режиме полутора минут — это долго...

Для того, чтобы создать ОГАС, нам хватит 10 тыс. машин. При буржуазном строе многие ресурсы, в том числе техника, используются далеко не лучшим образом. Каждый старается построить свой вычислительный центр. Мы же создадим вычислительные центры коллективного пользования, а также будем использовать свободные ресурсы тех или иных вычислительных центров в государственных задачах так, как это сегодня происходит с электростанциями...

Создание государственной автоматизированной системы управления — дело не одного пятилетия. Но когда ОГАС будет построена, когда «впитает» всю полноту информации о состоянии экономики и научно-технических знаний о природных, производственных и трудовых ресурсах общества, об общественных отношениях, социальной и личной психологии, тогда произойдёт переворот во многих наших представлениях, принципиально изменится сама практика планирования и хозяйствования...

Сегодня идут споры между плановиками и товарниками. Товарники, или рыночники, упрекают плановиков, или администраторов, в том, что план косен и не отвечает общественным потребностям. И это правильный упрёк. Однако он говорит о сегодняшнем отсталом планировании. С созданием ОГАС мы перейдём от статичных к динамичным планам. Что такое план в обыденном, традиционном представлении? По виду — масса деловых бумаг за подписями и печатями. А когда планы станут сводом информации, записанным электрически на носителях, то всё изменится. Планы станут динамичными. По сути старого плана как неизменного документа вообще больше не будет. Планом станет огромная взаимоувязанная система уравнений с показателями. Соответственно, при изменении каждого показателя будут меняться и все другие. План станет тем, что великий советский психофизиолог П.К. Анохин называл опережающим отражением действительности у человека. Опережающее отражение, как говорит мой друг, академик Д.В. Аносов, это и есть разум. Таким образом, мы дадим экономике разум, и она опережающе будет реагировать на все изменения, наилучшим образом распределяя ресурсы»⁴⁰⁷.

Трудно поверить, но интервью с академиком В. Глушковым записано почти 50 лет назад. В нём прямо говорится о Больших Данных, когнитивных вычислениях, распределённых серверных центрах и облачных решениях, экспертных системах, общающихся с человеком на естественном языке типа Watson и т.п., т.е. о том, что и сегодня является не общедоступными, а эксклюзивными решениями, которыми в полном объёме располагают лишь крупнейшие корпорации.

Из приведённого отрывка очевидно, что В. Глушков создавал не сеть передачи и представления информации (это было лишь одним из фрагментов), а сеть реаль-

⁴⁰⁷ Моев В. Бразды управления. Беседы с академиком В.М. Глушковым. М.: Политиздат, 1973. Цит. по http://ogas.kiev.ua/sites/default/files/docs/2011/02/01/pdf/brazdy_upravleniya.pdf

ной работы или огромную деловую сеть, которую, кстати, в дальнейшем он собирался дополнить социальной и обучающей сетями. Ещё более парадоксально, что о большинстве решений он говорит не в будущем времени, а как об уже выполненных разработках, которые нуждаются в совершенствовании, масштабировании и совмещении друг с другом. В связи с этим возникает два фундаментальных вопроса. Первый — почему сказка не стала былью? А второй — куда исчезли наработки? Постараемся ответить на эти вопросы, тем более, что эта задача полностью укладывается в логику нашего расследования.

В ноябре 1962 г. В.М. Глушков вместе с М. Келдышем доложили А.Н. Косыгину о замысле ОГАС и получили одобрение премьера на разработку проекта. Для рассказа о дальнейших событиях будет максимально использована так называемая «Исповедь» В. Глушкова, записанная его дочерью Ольгой, ныне д.м.н., зав. кафедрой информатики Государственного университета экономики им. Г.В. Плеханова, которую он надиктовал ей, выйдя из комы за восемь дней до смерти.

«Мы (В.М. Глушков, В.С. Михалевич, А.И. Никитин и др. — *Прим. авт.*) разработали первый эскизный проект Единой Государственной сети вычислительных центров ЕГСВЦ, который включал около 100 центров в крупных промышленных городах и центрах экономических районов, объединённых широкополосными каналами связи. Эти центры, распределённые по территории страны, в соответствии с конфигурацией системы объединяются с остальными, занятыми обработкой экономической информации. Их число мы определяли тогда в 20 тысяч. Это крупные предприятия, министерства, а также кустовые центры, обслуживающие мелкие предприятия. Характерным было наличие распределённого банка данных и возможность безадресного доступа из любой точки этой системы к любой информации после автоматической проверки полномочий запрашивающего лица. Был разработан ряд вопросов, связанных с защитой информации. Кроме того, в этой двухъярусной системе главные вычислительные центры обмениваются между собой информацией не путём коммутации каналов и коммутации сообщений, как принято сейчас, с разбивкой на письма, а я предложил соединить эти 100 или 200 центров широкополосными каналами в обход каналообразующей аппаратуры с тем, чтобы можно было переписывать информацию с магнитной ленты во Владивостоке на ленту в Москве без снижения скорости. Тогда все протоколы сильно упрощаются и сеть приобретает новые свойства. Это пока нигде в мире не реализовано. Наш проект был до 1977 года секретным».

Ведущий специалист по истории советской информатики, американский профессор, ранее долгие годы работавший в России, В. Герович так описывает итоги работы комиссии В. Глушкова: «К концу 1964 года комиссия под руководством Глушкова разработала предэскизный проект единой системы оптимального планирования и управления на основе Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ). Предполагаемая сеть должна была состоять из шести тысяч низовых центров сбора и первичной обработки информации, пятидесяти опорных центров в крупных городах и одного головного вычислительного центра в Москве, управляющего всей сетью и поставляющего информацию для правительства СССР.

Сеть должна была обеспечить “полную автоматизацию процесса сбора, передачи и обработки первичных данных”. Действовавшие в то время правила предусма-

тривали одновременный сбор одной и той же информации по четырём параллельным каналам, контролировавшимся независимыми друг от друга органами планирования, снабжения, статистики и финансов. Вместо этого, авторы проекта предложили вводить экономические данные в систему лишь один раз, хранить их в центральных банках данных и обеспечивать удалённый “доступ из любой точки этой системы к любой информации после автоматической проверки полномочий запрашиваемого лица”.

Авторы проекта надеялись с помощью компьютеров полностью устранить повсеместно распространённую практику подтасовки данных, передаваемых “наверх”:

“Только такая организация системы информации способна обеспечить все органы планирования и управления точной и полной информацией как бы из первых рук, минуя всякие промежуточные этапы, устраняет возможность утечки и искажения информации”.

Заранее предчувствуя сопротивление бюрократического аппарата новой системе, авторы проекта постарались закрыть все возможные лазейки для обхода автоматизированного процесса сбора данных. Проект предусматривал, что “циркуляция экономической информации вне ЕГСВЦ не допускается”.

Сеть должна была вступить в строй в 1975 г. Для её эксплуатации требовалось подготовить триста тысяч специалистов, а общая стоимость составила бы около пяти миллиардов рублей. При этом предполагалось, что низовые и опорные вычислительные центры быстро окупятся за счёт решения экономических и инженерно-технических задач для местных предприятий.

Первоначальный замысел Глушкова включал одно особенно спорное положение. Он исходил из того, что новая автоматизированная система управления будет контролировать всё производство, выплату зарплат и розничную торговлю, и потому предложил исключить из обращения бумажные деньги и полностью перейти на электронные платежи:

“[Подобная система сможет] если не полностью закрыть дорогу, то, во всяком случае, сильно ограничить такие явления, как воровство, взяточничество, спекуляцию”.

Планы В. Глушкова встретили серьёзное противодействие с двух сторон. С одной стороны, руководители промышленных предприятий и правительственные чиновники выступали против компьютеризации экономического планирования и управления, потому что она наглядно продемонстрировала бы их неэффективность, отобрала бы у них контроль над информацией и уменьшила власть. Чиновники отлично понимали, что в конечном счёте всё это угрожало им потерей своих мест. С другой стороны, либеральные экономисты, или “товарники”, видели решение экономических проблем страны во введении элементов рыночной экономики. Они предлагали радикальную децентрализацию экономического планирования и управления и внедрение рыночных стимулов для предприятий. В их глазах проект Глушкова служил сохранению устаревших форм централизованного экономического управления и отвлекал средства, необходимые для проведения структурной реформы экономики»⁴⁰⁸.

⁴⁰⁸ Герович В. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // Неприкосновенный запас. М., 2011. № 1. Цит. по <http://www.intelros.ru/read-room/nz/nz-75-1-2011/8691-inter-netpochemuv-sovetskom-soyuze-ne-byla-sozdanaobshhenacionalnaya-kompyuternaya-set.html>

Заседание у Косыгина вместо одобрения проекта ОГАС завершилось рекомендациями по совершенствованию работы ЦСУ СССР и развитию АСУ предприятий. Сам В. Глушков полагал, что причина такого оборота событий лежала в окружении А.Н. Косыгина. В своей «Исповеди» он продиктовал: «Начиная с 1964 года (времени появления моего проекта) против меня стали открыто выступать учёные-экономисты: Либерман, Белкин, Бирман и другие, многие из которых потом уехали в США и Израиль. А.Н. Косыгин, будучи очень практичным человеком, заинтересовался возможной стоимостью нашего проекта. По предварительным подсчётам его реализация обошлась бы в 20 миллиардов рублей. Основную часть работы можно сделать за три пятилетки, но только при условии, что эта программа будет организована так, как атомная и космическая. Я не скрывал от А.Н. Косыгина, что она сложнее космической и атомной программ вместе взятых и организационно гораздо труднее, так как затрагивает всё и всех: и промышленность, и торговлю, планирующие органы, и сферу управления и т.д. Хотя стоимость проекта ориентировочно оценивалась в 20 миллиардов рублей, но рабочая схема его реализации предусматривала, что вложенные в первой пятилетке в программу работ первые 5 миллиардов рублей в конце пятилетки дадут отдачу более 5 миллиардов, поскольку мы предусмотрели самокупаемость затрат на программу. А всего за три пятилетки реализация программы принесла бы в бюджет не менее 100 миллиардов рублей. И это ещё очень заниженная цифра — на самом деле больше»⁴⁰⁹.

Безусловно, такая оценка имела под собой основание. Но существовали и иные подводные камни. Частично о них автору рассказал А. Роговский, член коллегии Госплана СССР, который присутствовал на совещании у А.Н. Косыгина. По его мнению, ключевую роль в отклонении первого варианта ОГАС сыграли два обстоятельства. И оба они не имели отношения к финансам. Первое было связано с тем, что А. Косыгин в соответствии с распределением ролей после октябрьского 1964 г. пленума отвечал за собственно народное хозяйство, а не за целевые задачи, которые традиционно относились к ведению партии, т.е. являлись прерогативой генерального секретаря Л.И. Брежнева. С точки зрения текущих задач, связанных прежде всего с обеспечением платёжеспособного спроса населения, с ликвидацией угрозы перебоев качественного снабжения крупных городов продуктами и товарами потребления, которые, в частности, привели к бунту рабочих в Новочеркасске, подавленному армией, он свои надежды связывал с хозяйственной реформой. Как опытный руководитель он полагал, что две реформы одновременно осуществлять тяжело и поэтому, исходя из своего круга ответственности, выбрал рыночную реформу, или реформу Белкина — Либермана, а не программу создания ОГАС. По мнению А. Роговского, высказанному им в начале 1980-х годов, если бы программа ОГАС была представлена не в Совет Министров СССР, а в Политбюро в 1964 г., пока у Л. Брежнева не было собственного дела и какого-то проекта, с которым в народном сознании чётко связалось бы его имя, как у Хрущёва с космосом, Леонид Ильич вполне мог бы одобрить создание ОГАС и прикрыть эту работу своим авторитетом. Причём одобрить не потому, что понимал её значение, а потому, что видел бы в ОГАС способ сразу решительно укрепить личную власть и поставить себя над А. Косыгиным и другими членами Политбюро.

⁴⁰⁹ Под редакцией Малиновского Б. Маленькие рассказы о больших ученых. Киев: Gorobets, 2013. Цит. по http://ukrainiancomputing.org/DIFFERENT/SHORTSTORIES/ShortStories16_r.html

Было и второе обстоятельство. А.Н. Косыгин был умным, опытным человеком и специалистом, управленцем высокого уровня. Он не мог не понимать, что на первом этапе создания ОГАС основная нагрузка ложится на учёных, разработчиков, статистиков, учётный персонал на предприятиях и тем самым мало пересекается с руководителями и экономистами, занятыми хозрасчётной реформой. Поэтому, как известно Роговскому, который со стороны Госплана СССР по поручению Байбакова готовил к совещанию положительный отзыв Госплана на документы В. Глушкова, А. Косыгин перед началом совещания был склонен принять паллиативное решение — не одобрять проект ОГАС как документ, требующий обсуждения на Политбюро ЦК КПСС, а принять внутреннее постановление Совмина о развёртывании проектных работ по созданию необходимых организационных, технических и вычислительных предпосылок создания ОГАС с обязательством подготовить проект ОГАС к 1969 г. и начать его реализацию не в восьмой, а в девятой пятилетке.

Против данного решения в ходе совещания категорически выступил старый соратник и доверенное лицо А.Н. Косыгина, многолетний председатель ЦСУ СССР В.Н. Старовский. На совещании со стороны ЦСУ вместе со Старовским присутствовал и готовил все документы молодое научное светило статистики, любимец Старовского Евгений Григорьевич Ясин. Они представили Косыгину документы, согласно которым в случае принятия паллиативного решения, к которому Косыгин был внутренне готов, ЦСУ вместо статистического обеспечения хозрасчётной реформы и работы по созданию нормативной базы будет занято малопонятной статистикой деятельностью, связанной с созданием ОГАС. Иными словами, Старовский сообщил на совещании, что если ОГАС в том или ином виде начнёт осуществляться, то ЦСУ СССР не сможет выполнить возложенных на него задач по экономической реформе и обеспечивать необходимой информацией Госплан СССР, правительство и ЦК КПСС. Кроме того, на совещании со стороны Старовского было высказано мнение, что ОГАС является вычислительной реинкарнацией административных методов, от которых партия отказывается. Что же касается пресловутых 20 млрд. рублей, которые за три пятилетки должны были быть израсходованы на ОГАС, то следует отметить, что совокупные расходы в 1966–1980 гг. на провальные программы горячего термоядерного синтеза и лунную ракету Королёва, про которую задолго до появления первого образца было известно, что она не взлетит, превысили 42 млрд. рублей.

В отличие от А.Н. Косыгина, который предпочёл относительно мирное и бесконфликтное сосуществование с Л.И. Брежневым интересам дела, американцы серьёз озаботились проектом ОГАС. В силу того, что ключевые фигуры советского руководства уже в те годы были вовлечены в межнациональные элитные отношения, информация об ОГАС и деталях проекта сразу же стала известна на Западе.

В декабре 1964 г. после совещания у А.Н. Косыгина ЦРУ создало специальный отдел для изучения советской кибернетической угрозы. Этот отдел выпустил целый ряд секретных докладов, где отмечал среди прочих стратегических угроз намерение Советского Союза создать «единую информационную сеть»⁴¹⁰. Согласно этим докладом, делался вывод, что «к 1970 году СССР может иметь совершенно новую

⁴¹⁰ Conway F., Siegelman J. Dark Hero of the Information Age: In Search of Norbert Wiener, the Father of Cybernetics. N.Y.: Basic Books, 2005.

технологиию производства, охватывающую целые предприятия и комплексы отраслей и управляемую замкнутым циклом обратной связи с использованием самообучающихся компьютеров»⁴¹¹. Уместно отметить, что В. Глушков в 1960–1970-е годы разработал математическую теорию, алгоритмы и языки программирования, позволяющие создавать самообучающиеся, самосовершенствующиеся программы, базирующиеся не на нейронных сетях, как на Западе, а на принципиально иных подходах. Любопытно, что эти решения, по крайней мере в открытом коммерческом программном обеспечении, не реализованы до сегодняшнего дня.

В 1966 г. у президента Л. Джонсона прошло специальное совещание, по результатам которого был сделан вывод о том, что если дать возможность Советскому Союзу сделать ставку на кибернетику и реализовать ОГАС, то он получит огромное, решающее преимущество и скорее всего победит в соревновании двух систем. Инициатором совещания стал уже известный Макджордж Банди, который актуализировал представленный ещё Джону Кеннеди одним из наиболее влиятельных его советников А. Шлесингером, по согласованию с Р. Кеннеди, секретный меморандум, посвящённый советской кибернетике⁴¹². По итогам совещания была принята закрытая президентская директива о реализации разведывательным сообществом, американским внешнеполитическим ведомством, а также американским исследовательским и бизнес-сообществами программы RedCode 2. Название программы обыгрывало известный термин, характеризующий предельную угрозу и одновременно красный цвет, ассоциировавшийся с Советским Союзом. Данная программа, принятая в 1966 г., не была отменена ни одной последующей администрацией США вплоть до распада СССР.

После неудачи у Косыгина В. Глушков занялся внедрением вычислительных комплексов на уровне предприятий и отраслей. Здесь определённую помощь ему оказал Д.Ф. Устинов. В частности, он предложил В. Глушкову создать отраслевые автоматизированные системы контроля и управления предприятиями, входящими в «девятку». Часть мемуаристов истолковывает данный факт как свидетельство большой близости между В. Глушковым и Д. Устиновым. На этот счёт можно отметить следующее. Бесспорно, поддержка Д. Устинова во второй половине 1960-х годов много значила для В. Глушкова, в том числе с точки зрения обеспечения института тематикой и даже в чисто бытовом, человеческом плане. Одновременно данная поддержка лишний раз доказывает уже ранее высказанный тезис, что в отличие от О. Куусинена, М.А. Суслова, Ю.В. Андропова, в какой-то мере А.И. Микояна, Д.Ф. Устинов ни в коей мере не был вовлечён в межэлитные взаимодействия и транснациональные контакты, а был лишь манипулируемой в силу особенностей биографии, свойств характера и личных отношений фигурой. Что же касается В. Глушкова, то Д. Устинов ни в коей мере не разделял идеологию ОГАС, а рассматривал систему управления как способ жёсткого контроля и планирования, своеобразный инструмент поддержания дисциплины. Это в полной мере соответствовало управленческому стилю Д. Устинова и, строго говоря, отвечало нуждам советского военно-промышленного комплекса. Личностно и ментально В. Глушков и

⁴¹¹ Ibid.

⁴¹² Arthur Schlesinger, Jr., to Robert Kennedy, 20 October 1962. Schlesinger Personal Papers. John F. Kennedy Library (Boston, Mass.). Box WH-7. «Cybernetics».

Д. Устинов были чрезвычайно далёкими друг от друга людьми. Об этом свидетельствуют воспоминания дочери Глушкова. «В этот день к нему в реанимационную палату пришёл помощник министра обороны СССР Д.Ф. Устинова и спросил — не может ли министр чем-либо помочь?

Учёный, только что закончивший рассказ о своём “хождении по мукам”, не мог не помнить о той стене бюрократии и непонимания, которую так и не сумел протаранить, пытаясь “пробить” ОГАС. “Пусть пришлёт танк!” — гневно ответил он, обложенный трубками и проводами от приборов, поддерживающих едва теплящуюся жизнь. Мозг его был ясен и в эти тяжёлые минуты, но терпению переносить душевные и физические муки уже приходил конец...».

Обратимся ещё раз к предсмертной «Исповеди» В. Глушкова. «В конце 60-х годов в ЦК КПСС и Совете Министров СССР появилась информация о том, что американцы ещё в 1966 г. сделали эскизный проект информационной сети (точнее, нескольких сетей), т.е. на два года позже нас. В отличие от нас, они не спорили, а делали, и на 1969 г. у них был запланирован пуск сети АРПАНЕТ, а затем СЕЙБАРПАНЕТ и др., объединяющих ЭВМ, которые были установлены в различных городах США.

Тогда забеспокоились и у нас. Я пошёл к А.П. Кириленко и передал ему записку о том, что надо возвратиться к тем идеям, которые были в моём проекте. “Напиши, что надо делать, создадим комиссию” — сказал он. Я написал примерно такое: “Единственное, что прошу сделать, — это не создавать по моей записке комиссию, потому что практика показывает, что комиссия работает по принципу вычитания умов, а не сложения, и любое дело способна загубить”. Но, тем не менее, комиссия была создана. Председателем назначили В.А. Кириллина (председателя ГКНТ), а меня заместителем.

Комиссия была ещё более высокого уровня — с участием министра финансов, министра приборостроения и др. Она должна была подготовить проект решения по созданию ОГАС. И мы должны были вынести эти материалы на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС, а Политбюро уже решало, что пойдёт на съезд.

Работа началась. И тут я основное внимание уделил уже не столько сути дела, поскольку в проекте она содержалась, сколько механизму реализации ОГАС.

Дело в том, что у С.П. Королёва или И.В. Курчатова был шеф со стороны Политбюро, и они могли прийти к нему и любой вопрос сразу решить. Наша беда была в том, что по нашей работе такое лицо отсутствовало. А вопросы здесь более сложные, потому что затрагивают политику, и любая ошибка может иметь трагические последствия. Поэтому тем более важно, чтобы была связь с кем-то из членов Политбюро, потому что это задача не только научно-техническая, но и прежде всего политическая.

Мы предусматривали создание Государственного комитета по совершенствованию управления (Госкомупра), научного центра при нём в составе около 10–15 институтов, причём институты уже почти все были в то время — нужно было создать заново только один, головной. Остальные можно было забрать из отраслей или из Академии наук, или частично переподчинить. И должен быть ответственный за всё это дело от Политбюро.

Всё шло гладко, все соглашались. В это время уже был опубликован проект Директив XXIV съезда, включавший все наши формулировки, подготовленные на комиссии.

На Политбюро дважды рассматривался наш вопрос. На одном заседании была рассмотрена суть дела, с ней согласились и сказали, что ОГАС надо делать. А вот как делать — надо ли делать Госкомупр или что-то другое — это вызвало споры.

Мне удалось “додавить” всех членов комиссии, один Гарбузов не подписал наши предложения. Но мы всё-таки внесли их на Политбюро.

А когда мы пришли на заседание (а оно, кстати, проходило в бывшем кабинете И.В. Сталина), то мне В.А. Кириллин шепнул, что что-то произошло, но что — он не знает. Вопрос рассматривался на заседании, на котором не было Генерального секретаря (Л.И. Брежнев уехал в Баку на празднование 50-летия советской власти в Азербайджане), А.Н. Косыгина (он был в Египте на похоронах А. Насера). Вёл заседание М.А. Суслов. Вначале предоставили слово В.А. Кириллину, потом мне. Я выступил коротко, но вопросов было задано мне очень много. Я ответил на все. Потом были приглашены заместители А.Н. Косыгина, выступил Н.К. Байбаков. Он сказал так: “Смирнов поддержал, и в общем, все зампреды поддержали наши предложения. Я слышал, что здесь есть возражения у товарища В.Ф. Гарбузова (министра финансов. — *Прим. авт.*). Если они касаются увеличения аппарата, то я считаю дело настолько важным, что если Политбюро только в этом усматривает трудность, то пусть мне дадут поручение, как председателю Госплана, и я внесу предложение о ликвидации трёх министерств (сократить или объединить), и тогда найдётся штат для этого дела”.

К.Б. Руднев (министр ПСА и СУ. — *Прим. авт.*) откололся. Он, хотя и подписал наш документ, но здесь выступил и сказал, что это, может, преждевременно — как-то так.

В.Ф. Гарбузов выступил так, что сказанное им годится для анекдота. Вышел на трибуну и обращается к Мазурову (он тогда был первым заместителем А.Н. Косыгина). Вот, мол, Кирилл Трофимович, по Вашему поручению я ездил в Минск, и мы осматривали птицеводческие фермы. И там на такой-то птицеводческой ферме (назвал её) птичники сами разработали вычислительную машину.

Тут я громко засмеялся. Он мне погрозил пальцем и сказал: “Вы, Глушков, не смейтесь, здесь о серьёзных вещах говорят”. Но его М.А. Суслов перебил: “Товарищ Гарбузов, Вы пока ещё тут не председатель, и не Ваше дело наводить порядок на заседании Политбюро”. А он — как ни в чём не бывало, такой самоуверенный и самовлюблённый человек, продолжает: “Три программы выполняет: включает музыку, когда курица снесла яйцо, свет выключает и зажигает и всё такое прочее. На ферме яйценоскость повысилась”. Вот, говорит, что нам надо делать: сначала все птицефермы в Советском Союзе автоматизировать, а потом уже думать про всякие глупости вроде общегосударственной системы. (А я, правда, здесь засмеялся, а не тогда.) Ладно, не в этом дело.

Было вынесено контрпредложение, которое всё снижало на порядок: вместо Госкомупра — Главное управление по вычислительной технике при ГКНТ, вместо научного центра — ВНИИПОУ и т.д. А задача оставалась старая, но она техницировалась, т.е. изменялась в сторону Государственной сети вычислительных центров, а что касалось экономики, разработки математических моделей для ОГАС и т.д. — это всё смазали»⁴¹³.

⁴¹³ http://www.computer-museum.ru/galglory/glushkov_book.htm

Для понимания данного фрагмента чрезвычайно важны малоизвестные детали. Заседание Суслов провёл в последних числах сентября 1970 г. До этого совещание дважды откладывалось. Известно, что в Узбекистан Л.И. Брежнев улетел больным. Более того, там случился знаменитый на весь мир инцидент, когда генеральный секретарь ЦК КПСС впервые на людях потерял сознание и на достаточно длительный для себя период времени выбыл из строя. О состоянии здоровья Л.И. Брежнева Е. Чазов докладывал Ю.В. Андропову и через него М.А. Суслову непрерывно, начиная с 1968 г.

Неслучайным также было назначение совещания на день отсутствия А.Н. Косыгина. При всей своей осторожности и, более того, прямо скажем, предательской роли, которую он сыграл в деле Н. Егорычева, А.Н. Косыгин время от времени находил в себе мужество противостоять Л.И. Брежневу и М.А. Суслову. В частности, они жёстко разошлись по позиции Советского Союза относительно событий в Чехословакии.

В ситуации, когда А. Косыгин был фактически отстранён от проведения экономической реформы и все его усилия в этом направлении были блокированы партийным руководством, искушённый Михаил Андреевич Суслов, пользуясь прослушкой и информацией своего тогда ещё младшего партнёра Ю.В. Андропова, справедливо полагал, что на этот раз председатель Совета Министров СССР может использовать вопрос ОГАС для взятия административного реванша и продать этот проект. Тем более, что в 1969 г. В. Байбаков представил в Политбюро записку о возможных проблемах и трудностях развития советской экономики в девятой пятилетке. Поэтому А.Н. Косыгин, пользуясь фактурой Байбакова, а также собственными наработками, вполне мог повернуть дело так, что в условиях, когда хозрасчётные рыночные методы не сработали, необходимо со всей серьёзностью отнестись к форсированному внедрению ОГАС.

Однако, как мы видели выше, именно ОГАС больше всего опасались люди в администрации Линдона Джонсона и пришедшего ему на смену Ричарда Никсона. К тому же решительная реализация программы ОГАС, как справедливо отмечал В. Глушков в своих беседах с журналистом В. Моевым, меняла не только управленческие процедуры, но и социальные отношения и, чего он не говорил, но прекрасно понимал, систему реальной политической власти. Поэтому главной задачей М.А. Суслова было угробить начинание Глушкова. Причём сделать это надо было в такой форме, чтобы никто ни в партии, ни в хозяйственных кругах не мог сказать, что Политбюро ничего не делает. То есть использовался любимый в период развитого социализма метод ИБД (имитация бурной деятельности).

По воспоминаниям Побиска Кузнецова, с которым автор имел честь достаточно долгое время общаться, его друг и одновременно начальник, академик Владимир Сергеевич Семенихин, крупнейший российский системотехник, специалист в области электронных систем управления, также присутствовал на этом совещании. Здесь уместно отметить, что П. Кузнецов испытывал особые чувства к В. Семенихину и В. Глушкову, поскольку именно они как два академика подписали письмо в Политбюро ЦК КПСС, которое в итоге спасло его от тюремного заключения и/или психиатрической клиники.

По рассказу А. Семенихина, на совещание к Суслову были приглашены помимо министров и руководства Академии наук СССР военные во главе с маршалом Гречко, а также руководители разведки Ю.В. Андропов, П.И. Ивашутин. В ходе совещания

А.А. Гречко и П.И. Ивашутин хмуро молчали. Академики, исходя из указания, данного им М. Келдышем, также не вмешивались в дискуссию, предоставляя решить судьбу ОГАС партийным и хозяйственным лидерам. По-иному повёл себя Ю.В. Андропов. Он сообщил, что, согласно донесениям разведки, в США проводится ряд активных мероприятий посредством публикаций в научных журналах, которые должны подтолкнуть Советский Союз к бессмысленным научно-техническим и управленческим программам типа создания ОГАС. Из его выступления выходило, что ОГАС — это программа, порождённая специально подобранными СССР дезинформационными публикациями о якобы возрастающей роли и активности США в сфере компьютерной техники. Во время выступления Ю.В. Андропова, согласно воспоминаниям академика Семенихина, Суслов постоянно кивал, делал записки, а в заключительном слове сказал фразу, что разведка, конечно, не всегда сообщает точную информацию, но мы знаем, что американцы манипулируют нашими учёными, которые считают, что западная наука всегда впереди нашей. Далее он дал поручение отделу науки ЦК КПСС усилить идеологическую работу с советскими учёными.

Несмотря на то, что благодаря усилиям Суслова и Андропова проект ОГАС удалось завалить, американцы и британцы, тем не менее, решили предпринять дополнительные меры предосторожности.

«Статья в “Гардиан” (“Guardian”), — читаем мы в «Исповеди» Глубкова, — была рассчитана на советскую интеллигенцию. Там было сказано, что академик В.М. Глушков предлагает сеть вычислительных центров с банком данных, что это звучит очень современно, и это более передовое, чем есть сейчас на Западе, но делается не для экономики, а на самом деле это заказ КГБ, направленный на то, чтобы упрятать мысли советских граждан в банки данных и следить за каждым человеком.

Эту вторую статью все “голоса” передавали раз пятнадцать на разных языках на Советский Союз и страны социалистического лагеря.

Потом последовала целая серия перепечаток этих грязных пасквилей в других ведущих капиталистических газетах: и американских, и западноевропейских и серия новых статей. Тогда же начали случаться странные вещи. В 1970 г. я летел из Монреаля в Москву самолётом ИЛ-62. Опытный лётчик почувствовал что-то неладное, когда мы летели уже над Атлантикой, и возвратился назад. Оказалось, что в горячее что-то подсыпали. Слава богу, всё обошлось, но так и осталось загадкой, кто и зачем это сделал. А немного позже в Югославии на нашу машину чуть не налетел грузовик — наш шофёр чудом сумел увернуться.

И вся наша оппозиция, в частности экономическая, на меня ополчилась. В начале 1972 года в “Известиях” была опубликована статья “Уроки электронного бума”, написанная Мильнером, заместителем Г.А. Арбатова — директора Института Соединённых Штатов Америки. В ней он пытался доказать, что в США спрос на вычислительные машины упал. В ряде докладных записок в ЦК КПСС от экономистов, побывавших в командировках в США, использование вычислительной техники для управления экономикой приравнивалось к моде на абстрактную живопись. Что, мол, капиталисты покупают машины только потому, что это модно, чтобы не показаться несовременными.

Это всё дезориентировало руководство».

В этом фрагменте «Исповеди» Глушкова чрезвычайно важны детали, которые фактически являются посмертным приговором конкретному человеку. В. Глушков в каче-

стве автора статьи в «Гардиан» упоминает Виктора Зорзу. В. Зорза родился на Западной Украине. В 1939 г., после присоединения Западной Украины, семья Виктора была сослана в Сибирь. Дальше в его биографии начинаются странности. В 14 лет вместе с сестрой он бежит из лагеря НКВД, после чего беспрепятственно скитается по стране. Затем в Куйбышеве он знакомится с известным писателем Ильёй Эренбургом, прославившимся не только «Необычайными приключениями Хулио Хуренито», но и знаменитым в годы войны стихотворением «Увидишь немца — убей». Тёртый коминтерновский калач, он же знаменитый писатель-модернист помогает беглецу выехать из СССР и оказаться в Великобритании. При этом напомним, что Зорза являлся беглецом из лагеря НКВД и, естественно, должен был разыскиваться всеми советскими спецслужбами и уж ни при каких условиях не мог пройти пограничный контроль.

В Великобритании Зорза сближается с сохранившимися остатками коминтерновцев и левыми фабианцами. Одновременно под их руководством тщательно занимается историей коммунистического движения и с 1950 г. становится колумнистом газеты «Guardian» по Советскому Союзу. Хотя прямые документальные доказательства отсутствуют, поскольку архивы МИ-5 и МИ-6 периода 1950–1960-х годов опубликованы пока выборочно, внимательное изучение единственной обширной биографии Зорзы позволяет сделать вывод, что он как минимум сотрудничал, а, скорее всего, был действующим работником сначала британской разведки, а затем был привлечён к работе ЦРУ⁴¹⁴. Всемирной известностью Зорза обязан статье, опубликованной «Washington Post» и «Guardian» (прошло 70 лет, а «сливные бачки» для особо будоражащей мир информации остаются одни и те же; эти же газеты раскручивали Э. Сноудена), в которой за две недели до снятия Н.С. Хрущёва, он прогнозировал скорые кардинальные перемены в Кремле.

В 1980-е годы уникальный по разносторонним дарованиям, информированности и опыту в кремлёвских интригах Леон Оников⁴¹⁵, 30 лет — с 1961 по 1991 г. — проработавший в идеологическом и международном отделах ЦК КПСС, ещё с тбилисских времён друг Е.М. Примакова, первый наставник по властным коридорам Г. Явлинского, рассказывал автору об обстоятельствах утечки информации, приведшей к статье Зорзы. Зорза получил сведения от известного персонажа, о котором подробнее речь пойдёт несколько позднее, Виктора Луи. В свою очередь, знаменитый Виктор Луи получил эту информацию от одного из не названных Л. Ониковым сотрудников отдела социалистических стран ЦК КПСС. Отделом в то время руководил Ю.В. Андропов. Сам же Оников был принят на работу лично М.А. Сусловым и долгое время был его достаточно доверенным лицом. При том, что в 1972 г. Оников подал в Политбюро записку о целесообразности введения многопартийной системы, его, в отличие от различного рода студентов и физиков, которые за меньшие проступки получали реальные сроки, спустя месяца два перевели на новую, более серьёзную должность.

Доверие Зорзы к Луи базировалось на том, что именно Виктор Луи продал с ведома партийных руководителей западным СМИ стенограмму пленума Союза писателей СССР. Следующей выдающейся операцией Луи была продажа за рубеж

⁴¹⁴ Wright M. Zorza V. A Life Amid Loss: The Polish refugee who survived Stalin's Russia to become a prize-winning journalist and hospice pioneer. Lancaster, UK: Observatory Publications; 2006

⁴¹⁵ Оников Л. КПСС: Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата. М.: Республика, 1996.

рукописи Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу». Получить рукопись было достаточно сложно, поскольку Светлана Аллилуева, опасаясь слежки за собой, мало кому доверяла. Одним из немногих людей, с кем она делилась, был её духовник. В 1962 г. Светлана крестилась, окрестила своих детей и была в тот период времени искренне верующим человеком. Поскольку Луи был тесно связан с делом социалистических стран ЦК КПСС, и в конечном счёте выполнял задания М.А. Суслова, то перед ним была поставлена задача любым путём раздобыть рукопись. Ему удалось выяснить, что в число доверенных лиц С. Аллилуевой входит её духовник, о чём он рассказал своим начальникам в ЦК. Поскольку значительная часть тогдашнего руководства православной церкви состояла на учёте в межрайонном райкоме партии, то по линии идеологического отдела, подведомственного М. Суслову, вышестоящий церковный начальник приказал духовнику принести ему рукопись для ознакомления. С рукописи была снята копия и передана Луи, который, как и планировалось, тут же продал её за рубеж.

Цель всей этой операции состояла не столько в том, чтобы дискредитировать И.В. Сталина и его семью, сколько в том, чтобы снять с должности руководителя КГБ СССР В. Семичастного, который опасно близко подобрался к тому, что можно считать фактическим предательством со стороны М.А. Суслова (история с Чайлдсом). Непосредственно невозвращенчество Аллилуевой в СССР В. Семичастному инкриминировать было практически невозможно, поскольку разрешение на отъезд на похороны мужа в Индию дал дочери Сталина лично А.Н. Косыгин, а потому-то потребовался повод в виде рукописи — и он был создан.

Луи относился к числу наиболее ценных контактов Ю.В. Андропова. Об этом прямо говорит, например, крайне лояльно настроенный к Ю.В. Андропову, его доверенное лицо и организатор неформального канала Андропова с германской элитой генерал-майор КГБ Вячеслав Кеворков. Он отмечает, что Андропов категорически запрещал каким-либо образом формализовать отношения КГБ с Луи и, более того, даже отражать его деятельность в секретных и совсекретных документах⁴¹⁶.

Приведённые факты убедительно показывают, что за статьями Зорзы стоял не кто иной как Ю.В. Андропов. Что же до публикаций Мильнера, то следует иметь в виду, что Г. Арбатов и сам Б. Мильнер были постоянными консультантами и особо доверенными лицами всё того же Ю.В. Андропова и готовили соответственно внешнеполитический и управленческий разделы речей М.А. Суслова.

Хотя после 1970 г. и вплоть до последних дней жизни в 1982 г. М. Глушков и его сторонники пытались реализовать идею ОГАС, решение похоронить систему в высшем партийном руководстве было принято. Соответственно, каждое обсуждение на высшем уровне этой темы завершалось ничем не значащими решениями. Вдобавок в 1978 г. по решению Политбюро была уничтожена экономическая и техническая документация наиболее развёрнутого проекта ОГАС, который уже по собственной инициативе институт Глушкова готовил к очередному партийному съезду. Как вспоминает жена В. Глушкова, на его столе с начала 1970-х годов появилось положенное под лист плексигласа, на котором привык работать В.М. Глушков, стихотворение:

⁴¹⁶ Последний романтик контрразведки. Документальный фильм-интервью с В. Кеворковым.

*Сто раз я клятву говорил такую:
Сто лет в темнице лучше протоскую,
Сто гор скорее в ступе истолку я,
Чем истину тупице растолкую.*

Проект ОГАС был окончательно отвергнут в начале 1970-х, а документация уничтожена в конце того же десятилетия. Надо сказать, что уничтожение документации было практически обязательным условием травли крупных учёных. Достаточно вспомнить судьбу проектов В. Челомея, И. Филимоненко и В. Глушкова. Уничтожая проекты, руководящие товарищи заботились, чтобы создать максимальные сложности для восстановления проектов или их использования в будущем. Если бы это излагалось в пропагандистской публицистике или беллетристике, то подобное однообразие можно было бы счесть за литературный штамп ленивого автора. Однако когда это происходит в реальности, иного слова чем «преступление» не подберёшь.

Судьбы В. Челомея, И. Филимоненко и В. Глушкова отнюдь не единичны. Так же группа товарищей во власти расправилась с Р. Бартини и П. Кузнецовым, а также с другими авторами различных гуманитарных, педагогических, исследовательских новаций и технологий, которые могли изменить лицо советской науки, техники, производства и страны в целом.

Доступная для любого дотошного исследователя фактура позволяет сделать предположение, что в конце 1960-х – 1970-е годы рождался иной, отличный от застойного брежневского социализма строй с совершенно иными производительными силами, организационно-управленческими отношениями и процедурами, социально-экономическими формами организации трудящихся, другой культурно-ценностной программой. По сути речь шла о зачатках низкоэнтропийной цивилизации. Она по своим сущностным основам не являлась антикапитализмом и в этом смысле, наследуя и забирая лучшее от советского социализма, в общем и целом снимала и, более того, отрицала его.

Более-менее ясен и субъект действия, создававший новый строй. В его ядро вошли подростки военных лет, а также молодые солдаты и младшие офицеры, прошедшие войну. Наряду с лишениями и утратами, а также несомненным ущербом для психики они именно в военные годы, как это ни парадоксально, узнали, что такое свобода, право на собственные решения, возможность отвечать за самих себя и вверенных людей. Иными словами, они вкусили запретного плода самостоятельности, который прямо противоречил основам сталинской политической и экономической организации. После войны значительная часть из них отправились не в политику, а, подобно Глушкову, Челомею, Филимоненко, Кузнецову, в науку или на производство. Поэтому максимальное продвижение к низкоэнтропийному строю было достигнуто именно в научно-технической, технико-технологической и гуманитарной сферах, где внутренне свободные люди могли действовать в условиях позднего психопатологического сталинизма. Как ни парадоксально, именно эти люди обеспечили рывок советской экономики в 1950-е – первой половине 1960-х годов, во времена Н.С. Хрущёва. Надо сказать, что Н.С. Хрущёв, подобно Б.Н. Ельцину, обладал звериным чутьём к власти. Поэтому, распознав творчески активный, созидательный настрой активной части советского общества, он решил оседлать его и проехал на этой волне до середины 1960-х годов, пока не погубил себя собственным авантюризмом.

Нельзя сказать, что уже в те годы никто не понимал природы происходящего. Отлично отдавали себе отчёт в том, что происходит в обществе и кто является опорой нового социализма, причём не социализма с человеческим лицом, а низкоэнтропийного строя, А. Шелепин, Н. Егорычев и их товарищи. Однако в силу недостаточного политического опыта, неблагоприятного стечения обстоятельств и предательства А.Н. Косыгина их попытка завершилась провалом. О том, что группа А. Шелепина всё отлично понимала, свидетельствует интервью Н. Егорычева.

«— ...Но ведь группировка молодых руководителей, к которым причисляли и вас, — так называемых “комсомольцев”, — в советской элите существовала. Вы же не станете отрицать, что многие из ваших соратников стремились к власти...

— Лично я не стремился, — отвечает Егорычев. — Мне власти хватало. Группировка, “комсомольцы” — это опять же домыслы. Была группа людей, прилично образованных, прошедших войну, не запятнанных участием в репрессиях и имевших сходные взгляды на будущее страны. Но никакой организационной структуры не существовало. Это была даже не группа, а небольшая кучка сравнительно молодых людей 45–50 лет, поднявшихся до руководящих высот в партии. Александр Шелепин и Пётр Демичев были секретарями ЦК, Владимир Семичастный — председателем КГБ, я возглавлял Московский горком партии, Николай Месяцев — Гостелерадио, Вадим Тикунов — МВД, ещё ряд ребят.

— То есть вы возглавляли силовые структуры и важнейшие СМИ. Большая часть того, что нужно для успешного переворота...

— А на кого мы могли бы опереться? Те, кто должны были бы нас поддерживать, — наши сверстники, — погибли. Из 22 мужчин, родившихся в 1920 году, после Отечественной войны остался в живых один. И везде — в ЦК, министерствах, обкомах — сидели руководители, выросшие при Сталине, которые нас не поддерживали»⁴¹⁷.

Акушеры, которые должны были принять роды нового строя, оказались палачами и по возможности попытались умертвить неродившегося младенца. Однако полностью решить эту задачу Ю.В. Андропову и М.А. Суслову как наследникам О. Куусинена, частично А. Микояну, невольно поддерживающим их Д. Устинову и А. Громыко при благожелательном одобрении Л.И. Брежнева и самоустранённости А.Н. Косыгина всё же не удалось.

Объективные законы трансформации советского общества привели к тому, что решающие события развернулись в конце 1980-х годов. Хотя и искалеченный, младенец низкоэнтропийного общества всё же попытался появиться на свет с некоторыми шансами на выживание. Однако этого не случилось. И причина тому — не только во внутрисоветских событиях, но и в том, что на Западе с начала 1970-х годов события стали развиваться по тому же сценарию, что и в Советском Союзе — от плохого к худшему. Поэтому настал момент разобраться, какие же судьбоносные события произошли на Западе в 1970-е годы и почему завершающая книга руководителя Римского клуба А. Кинга «Первая революция»⁴¹⁸ была написана не как манифест будущего, а как эпитафия надеждам и перспективам на счастливое будущее человечества.

⁴¹⁷ <http://www.kommersant.ru/doc/330040>

⁴¹⁸ King A., Schneider B. The First Global Revolution. N.Y.: Pantheon Books, 1991.

Глава 13

Тайные встречи в скрытой империи

1

Эта глава по необходимости будет отличаться от большинства предыдущих. На протяжении всего исследования изложение событий и их подоплёки максимально документировалось ссылками на проверяемые и в своём подавляющем большинстве надёжные источники. Личные впечатления и различного рода имплицитные знания использовались лишь постольку поскольку и лишь тогда, когда не представлялось возможным заменить персональные свидетельства введенными в исследовательский оборот источниками.

Однако на этот раз ситуация принципиально иная. Прямо подкрепить личные знания, сославшись на те или иные источники, в ряде ключевых моментов не представляется возможным. Сам по себе этот факт является, с одной стороны, лишним подтверждением экстраординарности описываемых событий, а с другой — дисциплины американских и английских исследователей и наличия неписаной, жёсткой цензуры в англосаксонских странах.

Тем не менее сведениям, приведённым в этой главе, есть прямые, известные даже широкой публике подтверждения. Частично они относятся к 1960-м — началу 1970-х годов, но по большей мере к совершенно иному периоду — концу 1980-х — началу 1990-х, и будут, если не помешают обстоятельства, описаны в другой работе. Кроме того, у тщательно скрываемых событий, о которых речь пойдёт ниже, есть и достаточно много косвенных подтверждений, уже введённых в научный оборот, но, опять же, по возможности не доводимых до сведения непрофессионалов, читающих не специальные, изданные, как правило, незначительными тиражами, а иногда и «для специального пользования» труды, а различного рода нон-фикшн, облегчённую аналитику и публицистическую беллетристику.

В конечном счёте речь будет идти о встречах, которые совместно с предательством группы советских негодяев предопределили судьбу Советского Союза, динамику Запада, Китая и глобального мира и в значительной степени повлияли на природу, конкретные формы и возможные варианты разрешения глобального системного кризиса, переживаемого в настоящее время мировой системой. Прежде чем перейти к пояснению некоторых существенных черт и обстоятельств, без которых невозможно понять ни сам факт проведения этих встреч, ни суть принятых на них ре-

шений, кратко остановимся на более общем вопросе, связанном с логикой исторического процесса.

Как правило, обществоведы не только марксистской и позитивистской традиций, но и представители мир-системной школы и иных, новых, весьма плодотворных течений мысли с большим скепсисом относятся к возможностям небольших групп людей и отдельных событий оказывать определяющее влияние на длительные, глобальные процессы, выражающиеся как тенденции исторического развития. Принято, что эти тенденции определяются совершенно иными параметрами порядка⁴¹⁹ и связаны с различного рода объективными факторами и обстоятельствами. Нельзя сказать, что данная точка зрения является неверной. Она, безусловно, справедлива применительно к большей части исторического времени. Если говорить на языке нелинейной динамики, синергетики, прикладного системного анализа, что на самом деле одно и то же, то этот посыл совершенно справедлив для периода «русел»⁴²⁰, на которые приходится основная часть исторического времени.

Однако сегодня многие серьёзные специалисты, причём не обязательно из научной сферы, но и из бизнеса и иных сфер деятельности, как само собой разумеющееся понимают общество как сложную неравновесную систему. В свою очередь, подобно тому, как простые равновесные системы описываются законами классической физики, неравновесные сложные системы описываются иными моделями, которые в равной степени применимы к самым различным явлениям и процессам. В полной мере они применимы и к обществу. В сложной неравновесной системе, особенно в периоды «джокеров», или самоорганизованной критичности⁴²¹, самые на первый взгляд незначительные события могут в перспективе вызвать судьбоносные последствия. Этот феномен хорошо известен математикам, квантовым физикам, специалистам по финансовым рынкам, а в последнее время обществоведам, использующим современные методы, как «эффект бабочки» из рассказа Р. Брэдли. Суть сюжета в том, что путешественники, воспользовавшись машиной времени, перенесли в далёкое прошлое. При этом один из них нарушил инструкцию и случайно наступил на бабочку. В результате, когда они возвратились в настоящее, то оказались совершенно в ином, абсолютно не похожем на их привычный, мире.

Впервые «эффект бабочки» был открыт не в общественных, а в естественных науках, причём одновременно специалистами по гидродинамике, изучавшими морские течения, метеорологами, анализировавшими закономерности образования торнадо, смерчей, ураганов, и сейсмологами, изучавшими землетрясение. Затем, уже в 1990-е годы, выяснилось, что модели, разработанные для анализа и по возможности прогнозирования землетрясений, ураганов и загадочных смен течений, отлично работают для аналитики и прогностики финансовых рынков, которые, в отличие от догм Смита – Вальраса и нобелевских лауреатов Эрроу – Дебре, так же как и обычные рынки не являются равновесными, а представляют собой нелинейные процессы. В самые последние годы получены убедительные подтверждения,

⁴¹⁹ Нелинейная динамика: подходы, результаты, надежды. М.: «УРСС», 2006.

⁴²⁰ Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS, 2014.

⁴²¹ Подлазов А.В. Теория самоорганизованной критичности — наука о сложности <http://mipt.ru/students/organization/mezhpr/arxiv/mezhpred2/podlazov.pdf>

что этими же моделями описываются и многие общественные процессы, привычно относимые к предметам социологии, политологии и т.п.⁴²²

Это неудивительно, поскольку природа или то, что мы называем природой, экономна. Соответственно, поистине неисчерпаемое многообразие мира, включая его природную и общественную составляющие, базируется на конечном, не слишком большом числе инвариантов, преобразований и т.п. Собственно, человеческая мысль, а точнее психика, понимала это всегда либо интуитивно, либо как смутное воспоминание о предшествующем знании и выражала через такие древнейшие конструкции, как И-цзин, карты Таро, календари тольтеков и т.п.

Как бы то ни было, внимательный беспристрастный анализ мировой истории может вычленил достаточно большое число событий и ситуаций, в которых участвовали достаточно небольшие группы людей, решающим образом повлиявших не только на страновую и региональную, но и на глобальную историю. События, о которых пойдёт речь дальше, несомненно, относятся к этому ряду. Именно этим объясняется то, что они полностью вымараны из различного рода мемуаров, которые оставили после себя некоторые из участников этих встреч, а также в рамках жёсткой цензуры не допущены до анализа независимыми историками.

Их можно было бы посчитать домыслом либо неправильной интерпретацией неких совершенно рядовых встреч, если бы не совпадающее практически в точности описание этих событий двумя людьми, никогда не встречавшимися друг с другом, которые в силу различного рода обстоятельств рассказали о них автору. При этом информация об участниках, сути обсуждаемых вопросов, времени и месте практически совпадала у обоих информаторов. Одним из них был глава Банка Англии, председатель в течение долгого времени ежемесячных собраний неформального директората Банка международных расчётов лорд Гордон, а второй — ныне живущий, а поэтому неназываемый человек, который в конце 1960-х – 1970-е годы занимал ответственный пост в ЦРУ, специализируясь на Восточной Азии, а затем был близок к одному из президентов Соединённых Штатов. Совпадение до мельчайших деталей, полученных в самом начале 1990-х годов сведений, а также репутация этих людей позволяют с уверенностью утверждать, что встречи, о которых пойдёт речь, состоялись, причём именно с такой повесткой дня, решениями и участниками, о которых пойдёт речь в этой части работы. К тому же события, которые происходили с момента этих встреч в XX и начале XXI в. полностью соответствуют сообщённым сведениям и в немалой степени объясняются ими.

2

Однако прежде остановимся на нескольких моментах, без которых невозможно понять контекст состоявшихся встреч. Традиционно исследователи из различных стран, включая российских, привычно употребляют термины «атлантическая цивилизация», «англосаксонская цивилизация», «особые отношения» и т.п. Не только в общественном сознании, но и в экспертном сообществе сложилось устойчи-

⁴²² Бьюкенен М. Прогноз. Как, наблюдая за погодой, научиться предсказывать экономические кризисы. М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2014.

вое мнение о единых интересах Великобритании и США и их теснейшем союзе на всех уровнях и во всех сферах. Едва ли не единственной заметной фигурой, которая в течение большей части своей профессиональной деятельности ставила эту аксиому под сомнение, был Линдон Ларуш и особенно его западногерманская исследовательская команда во главе с Лебегом. Однако в силу того, что Ларуш исходно относили не к мейнстриму, а к маргиналам, а с течением времени его школа благодаря усилиям его второй жены и превратилась в таковую, работы Ларуша в основном популярны среди конспирологов и исследователей несуществующих заговоров. Пожалуй, единственным исключением из этого ряда стала посвящённая Л. Ларушу статья А. Фурсова, опубликованная сначала на ныне не существующем и, более того, убранным не только из доступного интернета, но и из кэша ресурсе «Терра-Америка», а затем перепечатанная в газете «Завтра».

Особые отношения между Соединёнными Штатами и Великобританией действительно существовали долгое время, и британцы по многим вопросам занимали и занимают позицию чрезвычайно близкую и зачастую подчинённую позиции США. Безусловно, правдой является и наличие англосаксонского истеблишмента, о котором писал К. Куигли⁴²³. Его конструкциями являлись «Круглый стол» и «Детский сад» лорда Милнера, о которых шла речь в предыдущих частях работы, общество «Пилигримы» и многие другие формальные и неформальные паттерны.

Важно, однако, понимать, что в жизни действует не обычная, а диалектическая логика и единство всегда предполагает борьбу противоположностей. Кроме того, такое понятие, как англо-американский истеблишмент, относится лишь к части британского и американского политического классов, или селекторатов. В США в первую очередь в англо-американский истеблишмент входили, прежде всего, так называемые брамины, потомки первопоселенцев, и представители высших слоёв еврейской диаспоры. При этом Америку вряд ли справедливо относить к англосаксонской цивилизации. Она скорее представляет самостоятельный уникальный феномен, который в рамках процесса глобализации частично транслируется на мир в целом.

Сам по себе анализ американской цивилизации, а тем более обоснование её существования как отдельной цивилизации выходят далеко за пределы предмета данной работы. В связи этим отметим лишь один, важный и совершенно неизвестный в России, факт. Потомки выходцев из Англии отнюдь не являются главной культурно-этнической и демографической группой американцев. Они находятся на втором месте по численности. Первое место занимают выходцы с территорий в послебисмарковский период, относимых к Германской империи. Вплотную к немецкой группе идут потомки ирландцев и лишь затем, со значительным отставанием потомки шотландцев, итальянцев, евреи и потомки валлийцев — кельтов. Данная статистика приведена лишь по белому населению, которое, согласно комплексным демографическим прогнозам, в середине текущего столетия превратится в Америке в расовое меньшинство и будет уступать объединённым представителям негроидной расы, выходцам из Мексики и других испаноговорящих стран Латинской Америки, а также различных азиатских стран⁴²⁴.

⁴²³ Quigley C. The Anglo-American Establishment. http://www.carrollquigley.net/pdf/The_Anglo-American_Establishment.pdf

⁴²⁴ по: Iceland J. A Portrait of America: The Demographic Perspective (Sociology in the Twenty-First Century). Oakland: University of California Press, 2014.

Историческая правда состоит в том, что на протяжении первой половины XX в. США и Великобритания жесточайшим образом соперничали в финансово-экономической и политической сферах. Об этом хорошо и подробно написано у весьма тенденциозного и проамерикански настроенного историка, британца по происхождению Н. Фергюсона в его книге о Британской империи⁴²⁵. Факт соперничества не отменяет, а, более того, подчёркивает то обстоятельство, что в ходе двух мировых войн XX в. Соединённые Штаты сражались на одной стороне с Британией, впрочем, так же, как и с Россией и СССР, против Германии. Характерной, хотя и мало известной в России подробностью является тот факт, что в период с 1934 по 1939 г. Объединённый комитет начальников штабов США разрабатывал планы возможной войны между США и Великобританией как на североамериканском континенте, на границе Канады и США, так и в континентальной Европе. Единственным советским историком, которая упоминает об этом факте, является Л.В. Позднеева⁴²⁶.

Несмотря на в значительной мере реальную, но одновременно до некоторой степени имитационно-игровую Холодную войну, послевоенные десятилетия можно рассматривать не только как соперничество Запада и Востока и, соответственно, США и СССР, но и как совместную операцию США и СССР по демонтажу и дележу Британской колониальной империи. До последнего времени подобные выводы можно было встретить исключительно в работах Л. Ларуша, которые даже в лучшие его годы оставались несвободными от некоторых натяжек и преувеличений тех или иных исторических фактов при замалчивании других.

Однако в настоящее время ситуация изменилась. Например, Дж. Зарате, бывший высокопоставленный сотрудник министерства финансов США, один из руководителей финансовой разведки, а ныне один из главных экспертов по финансово-экономическим войнам и конфликтам, в 2013 г. в ведущем американском военном журнале опубликовал статью, включив в неё ссылки на недавно рассекреченные документы⁴²⁷. В статье, посвящённой новому типу жёстких противоборств — финансово-экономическим войнам, он начинает датировку подобных войн как осознанного и целенаправленного вида жёстких противоборств в ходе межгосударственных конфликтов с операции Соединённых Штатов против Великобритании в ходе войны 1956 г. между Израилем и арабскими странами, прежде всего Египтом. Как известно, в ходе этой войны Великобритания и Франция выступили против Египта и тем самым поддержали Израиль. В то же время Советский Союз военным и дипломатическим путём поддерживал режим Г. Насера, который консультировали бывшие крупные деятели Третьего рейха, а Соединённые Штаты оказали поддержку Египту путём атаки на британский фунт стерлингов и блокировки кредитов Великобритании со стороны американских банков. Сражаясь в Корее, Соединённые Штаты и СССР совместно действовали против британцев и дружественных им голландцев и бельгийцев в Африке, Индонезии, Йемене и Малайе.

⁴²⁵ Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ, 2013.

⁴²⁶ Позднеева Л.В. Англо-американские отношения в годы Второй Мировой войны 1941–1945. М: Наука, 1969.

⁴²⁷ Zarate J. The coming financial wars // *Polaris*, 2013, № 1.

Чтобы далее не углубляться в этот предмет, который ещё ждёт своих беспристрастных и дотошных исследователей, отметим лишь, что немалая часть британской элиты, особенно группирующаяся вокруг Виндзоров – Маунтбеттонов, отдавала себе отчёт, что закат Британской империи в решающей степени дело рук отнюдь не СССР, а прежде всего Соединённых Штатов. Соответственно, Америка как государство и цивилизация, а также определённая часть её истеблишмента враждебны интересам старой британской элиты, к которой относилась не только родовая аристократия, но и торгово-финансовая верхушка Сити, где примерно в равной степени были представлены различные британские, европейские и сефардские фамилии.

Другим, на первый взгляд, второстепенным, однако сыгравшим огромную роль в политической истории Британии второй половины XX в. событием, без которого невозможно понять встречи, о которых речь пойдёт дальше, стал так называемый скандал Джона Профьюмо. Суть скандала состояла в том, что в 1963 г. консервативное правительство Г. Макмиллана было вынуждено подать в отставку из-за того, что несколько министров этого правительства во главе с военным министром Джоном Профьюмо были вовлечены в грандиозный сексуальный скандал. Он был связан с тем, что Джон Профьюмо и несколько других ведущих министров кабинета, члены королевской фамилии, высшие представители британского нефтяного бизнеса, политической элиты и их американские партнёры были завсегдатями элитного борделя, который содержал известный остеопат Стивен Уорд. Причём Джон Профьюмо делил свою любовницу Кристин Килер с офицером ГРУ, капитаном первого ранга, заместителем военно-морского атташе в Лондоне Евгением Михайловичем Ивановым⁴²⁸.

Вот как описывает заслуги Иванова его друг писатель Геннадий Соколов:

«Заблаговременно направленная им в Центр и абсолютно точная информация о планируемой правительством Великобритании в 1961 году девальвации курса британского фунта стерлингов принесла государственной казне Советского Союза десятки миллионов долларов чистого дохода.

Своим романом с любовницей британского военного министра Кристиной Килер он разрушил карьеру мечтавшего о премьерстве военного министра Джона Профьюмо и “сверг” неугодное Москве консервативное правительство Гарольда Макмиллана, открыв путь к власти любимчику Кремля лидеру лейбористов Гарольду Вильсону...

То есть высшим партийным руководством страны перед советской разведкой была поставлена задача привести к лидерству в лейбористской партии ставленника Кремля Гарольда Вильсона, а саму партию сделать правящей. Эта миссия, безусловно, была из разряда трудновыполнимых, но генерал Серов с упорством, достойным восхищения, взялся за её осуществление»⁴²⁹.

Казалось бы, перед нами блистательный успех советской разведки, оставившей не у дел своих британских коллег и осуществившей важнейшую политическую акцию в одной из великих держав. Но и это ещё не всё. Дело в том, что Стивен Уорд дружил с Бэрном Нэйхумом, личным фотографом британской королев-

⁴²⁸ Иванов Е.М., Соколов Г.С. Голый шпион. М.: Кучково поле, 2009.

⁴²⁹ Там же. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=187890&p=63>

ской семьи. По просьбе С. Уорда Б. Нейхум оборудовал в особняке Уорда тайные фотокамеры и вёл съёмку оргий и других утех высшей британской и международной элиты. В альбоме Нэйхума хранились компрометирующие фотографии не только членов правительства, бизнесменов и политиков по обе стороны океана, но и ключевых представителей королевской семьи.

Эти документы уже в начале 1963 г. оказались в Кремле. «Благодаря своему партнёрству с известным английским художником-портретистом, любимцем светского общества и талантливым остеопатом доктором Стивеном Уордом он, а, следовательно, и советская разведка в начале шестидесятых годов XX века стал единственным обладателем тайного досье аристократического “Четверг-клуба” и скандальной фотоколлекции Бэрона Нэйхума, личного фотографа британской королевской семьи»⁴³⁰.

Характерны два обстоятельства. Когда в 2006 г. несколько известных в Британии людей, опираясь на британское законодательство, запросили все материалы по делу Профьюмо, им было сказано, что в 1990-е годы они были засекречены на 100 лет из-за того, что затрагивают интересы королевской семьи. Один из высокопоставленных работников ГРУ, долгие годы работавший с Е. Ивановым, получившим за эту операцию орден Ленина и назначенным начальником аналитического управления ГРУ, рассказывал автору со слов Евгения Иванова, что в качестве членов королевской фамилии фигурировали принцесса Маргарита, а главное, принц-консорт, супруг Елизаветы II Филипп. Ни подтвердить, ни опровергнуть это нельзя, но, судя по тому, что документы засекречены на необычно длительный для Британии срок, а на исследования, посвящённые этой теме, в Британии и США по сути наложено табу, весьма вероятно, что эти или другие, не менее значимые члены королевской фамилии фигурировали в фотодосье и участвовали в этом скандале.

А теперь о самом интересном. В нулевые годы корреспонденту «Комсомольской правды» в Лондоне удалось взять интервью у Кристин Килер. Вот его фрагмент: «В этой книге я расставляю точки над «i». (К. Килер рассказывает об изданной в Австралии книге её воспоминаний.) И прежде всего, заявляю, что, хотя была шпионкой, никогда не думала изменить моей стране. Меня завербовал умный, харизматичный и чрезвычайно опасный мужчина, который и при жизни, и после смерти дурчил разведки. Стивен Уорд был дружен с самыми знаменитыми людьми из британского правительства, с аристократами, даже с членами королевской семьи...

В его дом № 17 на Уимпол-мьюз, где я жила вместе с ним, приходили бывший посол США в Великобритании Аверелл Гарриман и один из самых богатых и скупых людей мира Пол Гетти, советский агент Энтони Блант и принцесса Маргарет. Бывал там и Евгений Иванов — московский шпион. День, когда я увидела его, стал переломным в моей жизни. Позже я узнала, в чём заключалась работа Иванова: получать от Стивена сообщения и документы и отправлять их в Центр. А Стивен Уорд был двойным агентом: работал и на англичан, и на русских.

Жертвой вечеринки в поместье Кливден, принадлежавшем лорду Биллу Астору, 8 июля 1961 года был не британский министр обороны Джон Профьюмо, а я.

В тот жаркий летний вечер в поместье веселились около 40 гостей, включая президента Пакистана Айюб Хана, группу депутатов от консервативной партии и

⁴³⁰ Соколов Г. Шпион номер раз. СПб.: «БХВ-Петербург», 2013. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=220122&p=1>

Джона Профьюмо. Лорд Астор разрешил нам плескаться в его мраморном бассейне. Я забыла дома купальник, но не беда — взяла полотенце. Оно было маленькое, и я могла прикрывать им либо грудь, либо бедра.

Вскоре возле бассейна оказались лорд Астор и Джон Профьюмо. Они выпили и, смеясь, стали стаскивать с меня полотенце. Я тоже пила шампанское и, хихикая, забавлялась этой игрой. Иногда сама сбрасывала полотенце, иногда чуть-чуть прикрывалась им.

Стив толкал меня в объятия Профьюмо, поскольку хотел, чтобы я узнала от министра прежде всего сроки размещения ядерного оружия в Германии. Но в тот день его главной целью было подложить меня в постель к Иванову. Евгений тоже был среди гостей, и мы вместе с ним уехали из Кливдена.

Позже я узнала, что Стивен сразу проинформировал МИ-5 о событиях той ночи. Британской контрразведке стало известно о моём сексе с Евгением и интересе Профьюмо ко мне, по крайней мере, на 18 месяцев раньше, чем кому-либо другому, вплоть до премьер-министра Макмиллана.

Недавно мне показали документы ФБР. Из них явствует, что президент Кеннеди внимательно следил за моими сексуальными связями. Многие страницы подписаны директором ФБР Эдгаром Гувером и генпрокурором Робертом Кеннеди. Они даже задавались вопросом: не спала ли я с президентом Кеннеди?

Через полтора месяца Стивен Уорд отправился снотворным, так никогда и не узнав, что суд признал его сутенёром, который зарабатывал, в том числе, и на мне. О том же, что он — шпион, не было сказано ни слова. А ведь я рассказывала, кто такой Стивен, и в полиции, и другим официальным лицам. Но власти не дали ход этой информации.

Евгения Иванова наградили орденом Ленина. Ведь он сумел скомпрометировать британское правительство, и Макмиллану пришлось уйти в отставку. Его сменили лейбористы. Для Евгения это был триумф»⁴³¹.

Поскольку на опубликованное в «Комсомольской правде» и затем перепечатанное рядом европейских газет и англоязычных интернет-ресурсов интервью К. Килер не последовало опровержений и газете не было предъявлено никаких претензий, можно считать, что все сообщённые ею сведения достоверны. Также не удалось помешать и публикации книги воспоминаний Килер. Более того, она была издана тремя изданиями. При этом автор не подверглась преследованиям за клевету или искажение фактов. То есть мы имеем дело с аутентичным изложением событий.

Обратим внимание читателя на несколько удивительных фактов. Во-первых, советского военного разведчика — а военные атташе и их советники это всегда легальные шпионы — принимают не где-нибудь, а в едва ли не в самом аристократическом доме Британии, в поместье знаменитых Асторов в Кливдене. Это как раз те самые Асторы, которые, с одной стороны, поддерживали фабианство, а с другой, были ядром знаменитого кливденского (клайвденского) круга — британских симпатизантов Гитлера. Более того, Иванова там принимают вместе с высшей закрытой мировой элитой, включая богатейших людей типа Айюб Хана и Поля Гетти, сливками британской аристократии и президентами различных стран.

⁴³¹ Проститутка Кристина Килер: Шпион Иванов предпочитал секс на полу <http://www.msk.kp.ru/daily/22503/7959/>

Во-вторых, в число близких друзей С. Уорда, которые постоянно посещали его дом и встречались между собой, входили знаменитый Аверелл Гарриман, о котором был подробный рассказ в предыдущих частях, бывший признавшийся член «кембриджского множества», незаконнорожденный отпрыск королевского британского рода Энтони Блант, принцесса Маргарет, мультимиллиардер, а заодно и деловой партнёр большого друга Советского Союза Марка Рича — Поль Гетти и другие столь же удивительные фигуры.

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное и сенсационное, Стивен Уорд был агентом МИ-5 — британской контрразведки и сообщал её руководителю обо всём, что происходило в его доме и домах друзей. Иными словами, с первого дня вхождения Е. Иванова в круг представителей наднациональной элиты, занимавшихся помимо серьёзных переговоров и сексуальными развлечениями, руководитель МИ-5 прекрасно знал обо всём происходящем.

Естественно, МИ-5 в лице руководства отлично знало и о сексуальных оргиях, и о компрометирующих фотографиях, и об участии министров правительства Макмиллана. Оно всё знало, но ничего не делало. Более того, никто даже не предупредил ни членов королевской семьи, ни министров правительства Великобритании о том, что среди них вращается советский шпион, а их всех снимают на фотокамеру для компрометации.

Эта загадка не даёт покоя исследователям. Однако те, кто, подобно упомянутому в других частях рукописи Райту, высокопоставленному британскому офицеру, попытались опубликовать книги в Британии, были вынуждены не просто отказаться от своих намерений, но и покинуть страну. В книге⁴³² он пытается доказать, в том числе опираясь на дело Профьюмо, что руководитель МИ-5 Роджер Холлис, возглавлявший службу с 1956 по 1965 г., ещё перед войной в Китае был завербован советской разведкой. В развёрнутом виде эта же точка зрения аргументируется в работе двух британских профессоров, тесно связанных с англо-американским истеблишментом в понимании Куигли, изданной в Нью-Йорке в 2011 г.⁴³³

Однако представляется, что в данном случае подозрения об участии Холлиса в советской разведсети являются несправедливыми. Более того, вероятно, он не был даже посредником, связующим звеном между сторонниками фабианства по обе стороны океана и организованного индустриализма, с одной стороны, и Кремлём и советской разведкой — с другой. Если внимательно вчитаться в его биографию, то можно обнаружить, что Холлис долгие годы сотрудничал с Тихоокеанским институтом (о нём подробно шла речь в других частях книги), созданном семьями Рокфеллеров и Вандербильтов для налаживания глобального сотрудничества со сторонниками организованного общества, представленного самыми различными формами — от Коминтерна до монополистического капитализма. Холлис с чрезвычайно высокой степенью вероятности не был ни разведчиком, ни посредником, а непосредственно входил в элиту сторонников организованного, конвергируемого, глобального общества, наиболее известным олицетворением которого остаётся недавно умерший Дэвид Рокфеллер.

⁴³² Wright P. Spycatcher: The Candid Autobiography of a Senior Intelligence Officer. Sidney, 1987.

⁴³³ Pincher Ch. Treachery: Betrayals, Blunders, and Cover-ups: Six Decades of Espionage Against America and Great Britain. Edinburgh a. L.: Mainstream publishing, 2012.

Очень любопытно сложились судьбы авторов и участников этой, казалось бы, блистательной советской разведывательной операции. Иван Серов, руководивший ГРУ в период деятельности Е. Иванова, в феврале 1963 г. практически в разгар его операции был уволен в отставку — формально в связи с делом Пеньковского. При этом характерно, что в деле Пеньковского, как отмечают западные исследователи, до сих пор остаётся много белых пятен, включая роль британского связного, коммерсанта Г. Винна. Некоторые отставные работники ЦРУ в 1990-е годы высказывали точку зрения, что МИ-6, которое наряду с ЦРУ вело Пеньковского, фактически сознательно подставило его советской контрразведке.

Н. Хрущёв, получивший в своё распоряжение фотоархив, который мог просто потрясти уже не британскую, а мировую тайную политику и изменить соотношение наднациональных элитных сил, в 1964 г. был убран со своего поста. Данная временная последовательность, безусловно, не означает, что Н.С. Хрущёва убрали потому, что у него в руках оказался фотоархив. Причин было много и без этого. Однако, вероятнее всего, секретный фотоальбом стал одним из весомых доводов для того, чтобы отправить «дорогого Никиту Сергеевича» в отставку. В отличие от Л.И. Брежнева Н.С. Хрущёв был, пожалуй, последним коммунистом-романтиком с некоторым троцкистским уклоном, рискован политиком и отчаянным по характеру человеком. Нетрудно себе представить, что, имея в руках компромат такой убойной силы, он при первом же удобном случае вполне мог пустить его в ход с совершенно непредсказуемыми последствиями.

Помимо И. Серова и Н.С. Хрущёва о фотоархиве совершенно точно знал М.А. Сулов. В связи с этим интересно, что, по воспоминаниям одного из сослуживцев Е. Иванова по ГРУ, преемник И. Серова на посту руководителя ГРУ генерал П. Ивашутин даже не подозревал о наличии такого рода документов. До последних лет своей жизни Е. Иванов был убеждён, что фотоархив был не просто уничтожен, а, скорее всего, возвращён в конце 1960-х — начале 1970-х годов назад в Великобританию.

Любопытен и ещё один фрагмент из книги Г. Соколова: «Не зря одним из первых визитов нового руководителя партии была поездка в Москву в июне 63-го года в разгар дела Профьюмо, а одной из первых просьб гостя было пожелание встретиться с капитаном 2-го ранга Ивановым»⁴³⁴. Пётр Ивашутин сообщил подчинённому о предстоящей встрече и велел готовиться к ней. Однако, несмотря на настоятельные просьбы Г. Вильсона, М. Сулов и Б. Пономарёв, организовывавшие его визит, сделали так, что английский гость не смог выполнить всю программу визита и встретиться с человеком, с которым он хотел в СССР встретиться больше всего.

Приведённая история важна тем, что наглядно показывает, почему во второй половине 1960-х годов королевская семья, близкие к ней финансисты, политики и представители разведывательного сообщества рассматривали как своих врагов определённые паттерны истеблишмента СССР и США, а также ту часть британской элиты, которая исповедовала индустриализм и фабианство во всех их проявлениях.

⁴³⁴ Соколов Г. Ук. соч. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=187890&p=64>

В начале второй половины 1960-х годов среди консервативно-роялистского паттерна британской элиты выделилась группа, которая всерьёз задумалась о выживании Британии после крушения империи и раздела её между США и СССР. Как уже отмечалось выше, упоминания о встречах этой группы отсутствуют в мемуарной и в исследовательской литературе, что связано с традиционным для британцев умением хранить секреты. Поэтому изложение далее будет опираться в основном на свидетельства двух людей, один из которых был участником группы, а второй по долгу службы располагал информацией о деятельности этого секретного собрания. Кроме того, широко будут использованы фактические материалы и статистика из книги «Tax havens. How globalization really works»⁴³⁵.

Группу собрал уже хорошо знакомый нам лорд Луис Маунтбеттен-Баттенберг, дядя принца-консорта Филиппа, едва ли не самый уважаемый в британской элите член королевской фамилии, военачальник, миротворец и сторонник Британской империи. Его большой личной драмой стало то, что именно он был последним генерал-губернатором Индии и оказался вынужден, несмотря на все свои усилия, осуществить раздел единой Британской Индии на Индию и Пакистан. В ходе этого процесса он теснейшим образом взаимодействовал со своим многолетним близким другом Дж. Неру, который был вхож в семью Маунтбеттенов до самой своей смерти.

Другим ключевым участником группы был Р. Бэринг, третий граф Кромер. Незадолго до начала работы в группе он покинул пост главы Банка Англии, но по-прежнему оставался наиболее влиятельным банкиром, поскольку место наследовал его многолетний заместитель и друг Лесли О'Брайен. Помимо того, что Р. Бэринг был долгие годы главой Банка Англии, он происходил из одной из наиболее влиятельных банкирских семей в Сити, которой на протяжении столетий принадлежал Банк Бэринг, где находилась значительная часть счетов королевской семьи. Кроме того, Бэринги исторически имели тесные связи с так называемыми браминами Восточного побережья США и банками — остатками группы Моргана, а именно «Дж.П. Морган», «Морган Стэнли», «Гаранти Траст» и т.п.

Банкиров в группе также представлял и многолетний первый заместитель главы Банка Англии Д. Болтон, который прославился достижением в начале 1957 г. соглашения между Банком Англии, правительством, королевским двором и Сити. Речь об этом, одном из наиболее важных в XX в. соглашениях, пойдёт ниже. Пока же отметим, что банкиры Сити в 1960-е годы неоднократно предлагали Д. Болтону покинуть пост первого заместителя Банка Англии и стать своего рода старейшиной Сити.

Наконец, третьим банкиром в группе стал в то время восходящая звезда Сити, председатель Суда чести Сити, в прошлом юрист, в то время — глава Банка Шрёдер и К°, а в будущем глава Банка Англии и бессменный в течение многих лет председатель неформального Клуба председателей главных банков западного мира в Базеле Гордон Ричардсон. В группе он представлял не только Сити, но и континентальных банкиров, в особенности Германии, Швейцарии и Лихтенштейна.

⁴³⁵ Palan R., Murphy R., Chavagneux Ch. Tax havens. How globalization really works. L.: SUP, 2010.

Наряду с банкирами в группе самое активное участие принимал один из лучших за всю историю британских спецслужб кадровый разведчик, многолетний глава сначала МИ-5, а потом МИ-6 Дик Уайт. Британцы не были бы британцами, если бы в состав самой элитной группы они не включили учёных. Их в группе было трое. Прежде всего, вездесущий и неразлучный с Л. Маунтбеттеном Золли Цукерман. Он привлёк в группу специалиста номер один по стратегии не только в Британии, но и на Западе вообще, бывшего военного, журналиста, а затем историка и военного мыслителя Б.Г. Лиддел Гарта. Его роль в группе состояла в том, чтобы применить в политико-экономической и финансовой сфере разработанную им на основе обобщения военной практики стратегию не прямых действий⁴³⁶.

Наконец, Л. Маунтбеттен пригласил всемирно известного философа, методолога и менее известного, но оттого не менее эффективного специалиста по проведению тайных политических операций Карла Поппера. Иронией истории стало то, что всемирную известность К. Поппер получил в том числе благодаря разработке теории «открытого общества». Эта теория базировалась на примате рынка, свободы и права и предполагала отсутствие у элиты монополии на власть. Власть, согласно попперовской теории должна была носить представительный демократический характер и обеспечивать консенсус основных слоёв, групп и структур общества. Однако в своей мало кому известной ипостаси советника, консультанта, если не сказать современным языком — политтехнолога, Поппер в основном взаимодействовал отнюдь не с политическими партиями и парламентскими структурами, а со структурами кабинета и особенно с разведывательным сообществом и военными кругами. Известно, что рукописи Поппера, касающиеся этой части его наследия и по сей день, спустя более 50 лет, остаются засекреченными в британских государственных архивах. Чрезвычайно важным для дальнейшего является то обстоятельство, что К. Поппер был одним из основателей и активных деятелей общества Монт Пелерин, долгие годы дружил со своим соотечественником А. фон Хайеком и был наставником М. Фридмана.

Л. Маунтбеттен собрал свою необычную команду, чтобы найти выход из, казалось бы, безвыходной ситуации, в которой оказалась Британская аристократическо-финансовая элита в начале XX в. Мало того, что США и СССР развалили и поделили Британскую империю, они, по мнению этой группы, в немалой степени способствовали приходу к власти радикального правительства Гарольда Вильсона, который, с одной стороны, был другом и в некотором смысле ставленником Советского Союза, с другой — плотью от плоти фабианского движения, и, наконец, с третьей — имел тесные связи с американскими профсоюзами, традиционно находившимися под контролем Демократической партии и организованной преступности.

Причём приход к власти Г. Вильсона в значительной степени предопределённый секс-скандалом, который спровоцировал Е. Иванов, произошёл на фоне президентства в США Л. Джонсона. В советской, а затем в российской историографии Л. Джонсона традиционно относят к представителям правых сил. Это в значительной степени обусловлено тремя обстоятельствами: во-первых, его ролью в эскалации войны во Вьетнаме; во-вторых, происхождением из крайне реакционного по

⁴³⁶ Лиддел Гарт Б.Г. Стратегия не прямых действий. М.: АСТ, 2014.

советским меркам Техаса с его ультраправыми нефтяными магнатами; и, наконец, в-третьих, мутной ролью, связанной с убийством Дж. Кеннеди, которому в СССР симпатизировали. Однако американские историки, многие из которых привыкли работать не с идеологическими клише и поверхностными суждениями, обслуживающими политические нужды, а с фактами и документами, справедливо указывали, что во внутренней политике Л. Джонсон был весьма левым. Его курс на построение Великого общества, предусматривающего создание системы всеобъемлющей социальной помощи, десегрегации, повышение пособий по безработице, расширение доступа детей из малообеспеченных семей к образованию, включая университетское и т.п., если отбросить типично американскую фразеологию, был весьма близок к фабианцам и австро-германским социал-демократам⁴³⁷.

Иными словами, фабианцы и левые всех мастей, начиная от умеренных до советских коммунистов, по всем фронтам наступали. Более того, с каждым годом множились доказательства того, что они установили союз с производственным капиталом и объективно ведут дело к конвергенции капитализма и социализма, предполагающей, в конечном счёте, строительство умеренно социалистического глобального общества. Именно таким образом круг Маунтбеттена оценивал деятельность Римского Клуба, сил, выразителями чьих интересов являлись А. Печчеи и Д. Кинг.

Такое развитие событий не оставляло шансов для Британии такой, какой её понимали и любили люди из круга Маунтбеттена. С окончания войны до 1966 г. доля Великобритании в мировом производстве и её экспорт сократились более чем с 20% — почти до 11%. Фунт стерлингов, который ещё перед Второй мировой войной использовался в международной торговле шире доллара, уступил свои лидирующие позиции. На него стало приходиться менее 40% мировой торговли. Он резко, в четыре раза по сравнению с довоенным периодом уменьшил своё представительство в золотовалютных резервах стран. Наконец, британская промышленность оказалась неконкурентоспособной по сравнению не только с американской, но и германской и японской. Если в отношении американской промышленности меньшая конкурентоспособность британцев обуславливалась более низким техническим и организационным уровнями, что было в принципе преодолимо при определённых усилиях, то германской и японской промышленности британцы уступали как вследствие гораздо более высокого налогообложения собственного бизнеса, так и вследствие существенно более высоких издержек на рабочую силу. Более высокое налогообложение было связано с тем, что Британия оказалась вынуждена отдавать военные долги Соединённым Штатам, в то время как Германия и Япония в рамках плана Маршалла напротив, получали прямую американскую помощь. Наряду с этим британцы нуждались в налогах для содержания армии и социальной сферы. Что же до Германии и Японии, то военных расходов в то время у них практически был минимум, а социальная сфера значительно уступала британской.

Казалось бы, выхода не было. Однако, тем не менее, по рассказам Г. Ричардсона и свидетельствам американского источника автора, в течение зимы 1966–1967 гг. выход был найден. В результате дискуссий было принято чрезвычайно амбициозное решение попробовать восстановить Британскую империю, но в совершенно

⁴³⁷ Andrew III J.A. Lyndon Johnson and the Great Society. Chicago: Ivan R. Dee, 1999.

новом — финансово-экономическом качестве, своего рода невидимой, неформализованной, но при этом законодательно подтверждённой имперской форме. Именно на решение этой задачи в дальнейшем были брошены силы узкой группы высшей британской аристократии, старой, скреплённой десятилетними, а иногда и столетними семейными, деловыми и дружественными связями семей элиты Сити и Уолл-Стрита, определённых кругов британской разведки, армии, средств массовой информации, а в дальнейшем и руководство политических партий.

Строительными блоками для возведения новой невидимой Британской империи послужили три юридических конструкции, наполненных ко второй половине 1960-х годов экономическим и финансовым содержанием. Кроме того, ключевую роль сыграли ещё две конструкции, лежащие вне юридического поля, а именно, династические связи королевских, аристократических и финансовых родов Европы, а также особая роль Лондона в ценообразовании и обороте важнейших капитальных активов. При этом сами по себе конструкции, своеобразные «меха» позволяли влить в них «новое вино» гораздо более распространённое и привлекательное для мира, нежели традиционные английские напитки, настоянные на фунтах стерлингов.

Первая такая конструкция была введена в действие ещё в январе 1957 г. благодаря Джону Болтону. Когда во время Суэцкого кризиса Советский Союз стал угрожать Британии своими вооружёнными силами, а США объявили войну фунту, британцы отреагировали неожиданным образом. Они разрешили британским и любым иностранным банкам, имеющим филиалы в Великобритании либо на территориях под британской юрисдикцией, открывать долларовые счета. Причём в случае, если операции по этим счетам происходили в Великобритании, не выходя из финансовой сферы, т.е. между самими банками, а не между банками и бизнесом или банками и физическими лицами, а также между любыми лицами вне Великобритании, они были объявлены нерегулируемыми Банком Англии.

В тот момент мало кто кроме самых верхов британской правящей элиты, Сити и Банка Англии понял смысл операции. Если максимально упростить дело, суть состояла в следующем. Во всём мире — в США, Европе, Японии, да и в самой Великобритании — банки после войны подпадали под множество государственных ограничений, запретов и нормативов. Их деятельность была, что называется, «зарегулированной». Британцы же сознательно создали первый в мире современный нерегулируемый финансовый рынок, одобренный государством. Главная проблема этого рынка состояла в том, что объёмы его были незначительны из-за того, что свободных долларов было крайне мало за пределами Соединённых Штатов в неамериканских банках. Доллар был дефицитной валютой. Тем не менее, такой рынок существовал и был крайне привлекательным для западных банков. Вдвойне привлекательным он стал для банков США, поскольку, с одной стороны, они, согласно закону Стигала – Гласса не могли одновременно заниматься инвестиционной и кредитной деятельностью, что ограничивало их конкурентоспособность по сравнению с британскими, швейцарскими и французскими, а в последующем и японскими банками. А с другой стороны, с принятием в 1963 г. администрацией Дж. Кеннеди новых законов они были вынуждены платить значительный налог в случае осуществления операций с долларами за границей.

Вторым строительным блоком стали британские (и не только) безналоговые территории, известные сегодня как оффшоры. Прежде чем остановиться на сути и значении этого строительного блока, стоит коротко остановиться на истории налогообложения и оффшоров. Сегодня подавляющее большинство не только людей, далёких от экономики и бизнеса, но и профессиональных экономистов полагают, что налоги на бизнес существовали всегда. Однако это не так. Традиционно налоги устанавливались в виде различного рода таможенных пошлин либо налогов на доход и имущество физических лиц. Что же касается собственно налогообложения бизнеса, т.е. прибыли, то это новое изобретение.

Согласно официальным документам, современный бизнес в форме акционерных либо долевых инкорпорированных обществ берёт своё начало с 1553 г., когда в Англии были официально учреждены и зарегистрированы Русская и Гвинейская акционерные торговые компании. К 1780 г. в той же Британии появилось первое акционерное законодательство. Современное акционерное законодательство берёт своё начало с 1830 г. в Великобритании и с 1875 г. — в США со штата Нью-Джерси. Что касается налогов, то в Соединённых Штатах в 1909 г. налог составлял всего 1% от прибыли, в 1918 г. был поднят до 2%. Лишь в годы правления Ф.Д. Рузвельта, когда были установлены максимальные, вплоть до более чем 80%, ставки налогов на личный доход и 38% — на прибыль, налогообложение стало большой проблемой для плательщиков. В Великобритании вплоть до налоговой реформы 1965 г. налоги взимались не с бизнеса, а с дохода физических лиц, включая капиталистов, наёмных работников и другие группы налогоплательщиков. Однако с 1965 г. в Великобритании, так же как во Франции, ФРГ и других странах континентальной Европы, налоги на прибыль были существенно повышены и составили ощутимые величины, как правило, не менее 30%. С этого момента оффшоры или территории, где налогообложение либо было минимальным, либо носило фиксированный характер в чисто символических суммах, стали интересны мировому бизнесу и финансам.

К моменту совещания у Маунтбеттена Сити при поддержке британской короны создал целый ряд оффшорных юрисдикций. Первой оффшорной юрисдикцией стала сама Великобритания. В 1876 г. британский суд, рассматривая дело двух компаний, *Calcutta Jute Mills* и *Cesena Mines*, установил, что обе компании, зарегистрированные в Англии, но ведущие свою деятельность в Индии и Италии, не имеют к британской системе налогообложения никакого отношения. В развёрнутом виде это решение было закреплено в 1888 г. применительно к корпорации *De Beers*. Компания была зарегистрирована в Лондоне, но вела свою деятельность в Африке. Было установлено, что ни компания, ни Сесил Родс не должны выплачивать Британии налогов, связанных с бизнесом, включая ввоз машин, оборудования и т.п. Затем лондонское решение относительно принципа неналогообложения бизнеса, в том случае, если практическая деятельность не ведётся на территории метрополии, было распространено на Бермудские, Каймановы острова, острова Британской Виргинии, Гибралтар, Турк и Кайкос, на острова Джерси, Гернси и Мэн в Ла-Манше, на Сингапур и Гонконг.

Помимо Британии в 1920-е годы, скопировав американское корпоративное законодательство и британское оффшорное налоговое, налоговыми убежищами стали кантоны Цуг, Цюрих и Базель в Швейцарии, а также государство Лихтенштейн.

Особое значение для капиталов Швейцария приобрела с 1934 г., когда в стране впервые в мире был принят закон о банковской тайне, возводивший её практически в абсолют и, по сути, не предусматривающий исключений для каких-либо правоохранительных органов других стран. Уже после Второй мировой войны налоговыми убежищами стали Монако, Кипр, Андорра и Люксембург, голландские колонии в Карибском море и сама Голландия для холдинговых компаний.

К середине 1960-х годов по всему миру рядом с основными экономическими центрами планеты — Лондоном, Нью-Йорком, Токио, Франкфуртом, Парижем и т.п. — была раскинута паутина оффшоров, отличающихся друг от друга деталями законодательства и специализацией на тех или иных видах бизнеса, на конкретных юридических и физических лицах и т.п. Одни оффшоры специализировались на холдингах, другие — на трастах. В одних большее внимание уделялось юридическим лицам, а в других — физическим лицам, оставлявшим свои счета непрозрачными для национальных налоговых органов. Например, острова Британской Виргинии были особенно удобны для открытия филиалов банков, инвестиционных фондов и торговых компаний, а голландская Аруба — для холдингов. В свою очередь Каймановы острова и остров Мэн особо подходили для анонимных трастов и личных пенсионных компаний.

Подавляющее большинство оффшоров, расположенных по всему миру, относилось к британской юрисдикции либо входило в Британское Содружество наций, страны которого признавали формальной главой государства английскую королеву. Несмотря на то, что каждая из оффшорных стран имела собственное законодательство, все они в конечном счёте базировались на английском праве и признавали Лондонский суд как высшую арбитражную и судебную инстанцию. Такая уникальная ситуация давала возможность крупному бизнесу и особенно банкам и иным финансовым институциональным инвесторам в целях ухода от налогов и регулирования распределить входящие в состав крупных холдингов, конгломератов и владетельных структур компании по самым различным оффшорам, при том что все они в конечном счёте замыкались на Британию и Лондон.

Наконец, **третьим** важнейшим юридическим блоком стало само британское законодательство, серьёзно отличающееся от континентального права. Британское законодательство носит прецедентный характер и с точки зрения конкретных финансовых и бизнес-вопросов гораздо более гибко, эластично и адаптивно к новым требованиям и изменениям в глобальной экономике, политике и даже технологиях.

Помимо того, что английское право, по сути, было принято во всех странах Британского Содружества наций, а также на территориях, находящихся под британской юрисдикцией, оно в решающей степени легло в основу правовой системы Индии, Индонезии, Сингапура, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии и т.д. Американское корпоративное и финансовое право представляет собой версию английского прецедентного права.

Кроме того, чрезвычайно удобным для новой, невидимой, Британской империи, формируемой как глобальная финансово-банковская нерегулируемая структура, стал особый статус Сити. В частности, этот статус предусматривает, что в случае посещения британской королевой (не как частным лицом) квартала Сити, она должна испрашивать формальное разрешение на пребывание на территории

квартала в столице собственной страны. Вообще, как ни парадоксально, при всей известности особого статуса Сити в рамках британского законодательства до сих пор нет ни одной обобщающей работы на этот счёт, рассматривающей данный вопрос в комплексе, включая его юридические, административные, политические и финансово-экономические составляющие. Однако в целом не будет преувеличением сказать, что Сити представляло и представляет до сих пор государство в государстве, которое, в свою очередь, является сердцевинной глобальной невидимой финансово-инвестиционной империи.

Свою роль в воссоздании на новой основе Британской империи сыграл и такой, на первый взгляд, малозначительный фактор, как династические связи в составе высшей политической и финансовой элиты. Воссоздание империи могло состояться только в том случае, если в неё войдут все оффшорные территории как в значительной степени не конкурирующие, а дополняющие друг друга и обеспечивающие в целостности замкнутый самодостаточный контур. В связи с этим важнейшим вопросом стало включение в состав империи Нидерландов, Люксембурга, Лихтенштейна и Швейцарии.

Наряду с поисками источников дополнительной ликвидности именно этот вопрос стал предметом обсуждения группы лорда Маунтбеттена после того, как ею была выработана принципиальная концепция возвращения британской элите былой роли, властных и ресурсных возможностей. Лорд Маунтбеттен-Баттенберг внёс решающий вклад в решение этой задачи. Исторически у Баттенбергов были тесные связи с Оранским домом, правящим Нидерландами. Кроме того, Баттенберги находились в династических отношениях с Бурбонами, чьи потомки владеют Люксембургом. Наконец, сам Л. Маунтбеттен имел личные дружеские отношения с князем Лихтенштейна Францем Иосифом II, а также с князем Монако Ренье. Дружба с Ренье была большим подспорьем в решении задач в Швейцарии, поскольку в этой стране и в XX в. было сильно влияние семей генуэзских банкиров, а Гримальди, помимо того, что вместе с Габсбургами, Лотарингским и Оранским домами являются своего рода старейшинами европейской правящей аристократии, также остаются ключевой семьёй в сложной системе родовых отношений генуэзской и в целом северо-итальянской аристократии.

Однако сил одного Л. Маунтбеттена для решения этой задачи было недостаточно. Проблема Швейцарии, частично Лихтенштейна и в определённом смысле Германии предопределила помимо прочего включение в состав группы Г. Ричардсона. Во время работы группы он возглавлял банк Шрёдер и К° — британскую ветвь германской, а к этому времени транснациональной финансовой фамилии Шрёдеров. В предыдущих главах подробно освещалась деятельность Курта фон Шрёдера в Швейцарии и Германии, его теснейшие отношения с главой Рейхсбанка Я. Шахта и роль в приходе Гитлера к власти. Неудивительны чрезвычайно обширные и прочные связи семьи Шрёдер в Швейцарии, которые только усилились после Второй мировой войны, когда не без влияния этой банковской семьи «швейцарские гномы» смогли в течение целых десятилетий распоряжаться миллиардами фунтов, долларов и т.п., находившимися на счетах Чёрного интернационала, а также деятелей различного калибра нацистской верхушки.

В ходе упомянутого выше совещания группы Маунтбеттена сам лорд и будущий глава Банка Англии Ричардсон были уполномочены договориться о возможно-

сти и условиях включения Нидерландов, Люксембурга, Монако, Швейцарии и Лихтенштейна в состав новой невидимой империи. По словам Ричардсона, уже к концу 1960-х годов задача была полностью и во всех деталях решена. Более того, были проведены все юридические изменения и согласования, обеспечивающие эффективное функционирование невидимой глобальной империи.

Наконец, **четвёртым**, последним по порядку, но не по значимости блоком, который лёг в основание невидимой британской финансово-инвестиционной империи, стало положение Лондона как особого финансового центра, своего рода мировой столицы финансов. Именно в Сити, а не на Уолл-Стрит устанавливалась цена на золото, формировались цены на основные сырьевые товары и нефть (за исключением североамериканского рынка WTI), устанавливалась ставка межбанковских кредитов различной продолжительности, в том числе так называемый Libor, и т.п. Лондон первенствовал вплоть до конца XX в. на рынке межбанковских кредитов, а также до сих пор занимает первое место по объёму «теневого банкинга», или нерегулируемых международным и национальным законодательством финансовых операций.

4

После разработки программы и её обсуждения с королевой и принцем-консортом, элитой Сити, избранными представителями военного и разведывательного истеблишмента и их американскими конфидентами настала пора практических дел по воссозданию империи. Не будет преувеличением сказать, что разработанный впервые группой лорда Маунтбеттена, а затем всесторонне обсуждённый в правящих королевских домах, высшей аристократией, элитой финансового капитала Сити и частично Уолл-Стрит, план воссоздания невидимой наднациональной Британской финансовой империи генетически и структурно был связан с наследием британской и голландской Ост-Индских компаний. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить приведённое описание невидимой империи, обладающей собственными юрисдикцией, а также разведывательными и даже силовыми подразделениями, с описанием британской Ост-Индской компании в замечательной по проработке и массиву рассмотренных первичных источников по данной теме книги К.А. Фурсова⁴³⁸.

Наряду со сложными, но технически решаемыми вопросами юридического, организационного, нормативного обеспечения, создания системы информационно-разведывательной поддержки, политического, силового и масс-медийного прикрытия и т.п. возникла наиболее острая и ключевая проблема — проблема ликвидности. В самой Британии с долларовой ликвидностью дела обстояли плохо, поскольку страна испытывала значительное давление на фунт стерлингов и не располагала сколько-нибудь значительными запасами американской валюты, принадлежащей британским резидентам.

Потенциально с первых дней образования рынка евродоллара, а именно с 1957 г. британцы использовали как источник долларовой массы для нерегулируемых финансовых и межбанковских операций доллары, поступавшие с Ближнего

⁴³⁸ Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006.

Востока, прежде всего из стран, находившихся вплоть до начала 1960-х годов под британским протекторатом. Речь идёт в первую очередь об эмиратах Персидского залива, ныне ОАЭ, Кувейте, Бахрейне, Омане. Также определённые, хотя и незначительные поступления шли из Саудовской Аравии, Ливии и Ирака. Однако в целом масштабы этих средств были весьма незначительными и составляли вплоть до середины 1960-х годов менее 1–2 тогдашних млрд. долларов (примерно 10–25 нынешних млрд. долларов).

Вторым источником были поступления на нерегулируемые и необлагаемые налогом счета в британских банках через оффшоры в британской юрисдикции, принадлежащие компаниям из Германии, Италии, Японии и даже Таиланда и других стран. Дело в том, что все эти страны имели активное сальдо в товарообороте с Соединёнными Штатами, а потому обладали избыточными долларами. Поэтому налоговые службы этих стран довольно либерально смотрели на невозврат долларовой наличности и старались максимально обложить прибыль компаний и банков в своих странах в национальной валюте.

Источником этих средств вплоть до конца 1960-х годов была не столько реализация германской, японской и иной продукции на рынках США, как это пытались доказать советские специалисты по международным экономическим отношениям, сколько иной фактор. Реальный экспорт стал ощутимым источником валюты только в конце 1960-х годов. До того ключевую роль играли платежи американской армии за различного рода услуги, товары и т.п., потребителями которых выступали военные базы, а также военный и гражданский персонал Соединённых Штатов в странах дислокации. Понятно, что советским экономистам-пропагандистам было не с руки признавать тот достаточно парадоксальный факт, что Соединённые Штаты, вложившие огромные средства в экономическую помощь на восстановление Европы и Японии (хотя, безусловно, не без некоторой пользы для американского бизнеса), исправно рассчитывались долларами со странами дислокации, а точнее, с компаниями в их юрисдикциях за любые купленные американской армией товары и услуги. Однако и этих средств было недостаточно, чтобы запустить по-настоящему евродолларовый рынок и превратить его из маргинального явления банковского мира в глобальный финансовый рынок, который в итоге породил финансиализацию капитализма и нынешнюю глобальную финансиализированную систему позднего сумеречного капитализма.

Создать рынок евродолларов и запустить его в масштабах, задуманных группой лорда Маунтбеттена, можно было только при помощи советских валютных ресурсов.

История совзагранбанков, их роль в динамике Советского Союза и трансформациях СССР, место финансового контура в господствующем паттерне и значение этого контура для взаимосвязи и контроля наднациональных глобальных элит над советской правящей верхушкой являются предметом отдельного детального рассмотрения. Пока же приведём несколько достаточно разрозненных фактов, неопровержимо доказывающих ключевую роль советских денег в формировании и развитии рынка евродолларов вплоть до конца 1960-х годов, когда на помощь, а в значительной мере и на смену советским банкирам, переместившим активность в иные регионы, пришли филиалы уолл-стритских банков. Причём пришли уже на гото-

вое, а поэтому — не как господа, а как младшие партнёры господствующего, базирующегося в Лондоне глобального домината⁴³⁹.

В январе 1957 г. по инициативе Д. Болтона, первого заместителя главы Банка Англии, банкам, размещённым в Британии, было разрешено проводить не подпадающие под регулирование Банка Англии и налогообложение операции с долларами. Так был сформирован первый неконтролируемый и нерегулируемый, связанный с оффшорами, теневой финансовый рынок. В дальнейшем он получил название рынка евродолларов, а затем и нефтедолларов.

У британских банков свободных долларовых ресурсов не было. Кроме того, они в той или иной степени были связаны с американцами, которые на эту инициативу смотрели косо, поскольку она была предпринята в ответ на финансовую войну США против Великобритании во время Суэцкого кризиса 1956 г. Что до европейских банков, то они находились в странах, в которых действовал достаточно жёсткий американский финансовый, политический и военный контроль. Поэтому британцы обратились к своим партнёрам в Кремле.

28 февраля 1957 г. Московский народный банк в Лондоне выдал кредит своему клиенту через Лондонский торговый банк на сумму 800 тыс. долларов. Это незначительная сумма заёмных средств в долларах была впервые взята и погашена за пределами банковской системы США.

Часть валюты Моснарбанк направил другому советскому заграничному банку — парижскому Евробанку. Затем эта операция повторялась вновь и вновь и месяц за месяцем. Доллары, размещаемые Евробанком на финансовом рынке Европы, сначала назывались “доллары Евробанка”, а потом стали именоваться — евродоллары.

Банкиры мгновенно оценили преимущества денег, вышедших за пределы досягаемости ФРС. Рынок евродолларов начал стремительно расти. В конце 1960-х годов и американские финансисты, заявив своим властям, что не могут всё отдать на откуп европейцам, активно включились в операции на рынке евродолларов, базирующиеся на Лондон.

Необходимо отметить, что стоимость денег в США жёстко ограничивалась законодательными и подзаконными актами. Поэтому операции с евродолларами приносили гораздо больший доход, особенно когда этот рынок развился и соединился с нефтедолларами.

После того, как в организацию перемещения по миру этих денег были включены оффшорные банки, евродоллар окончательно вышел за пределы каких-либо ограничений. С этого момента европейские банки получили возможность хранить доллары США и не были обязаны переводить их в национальную валюту. После решения Банка Англии и эксперимента Моснарбанка оперирование евродолларами понравилось многим, и инициатива оказалась заразной.

Говорят, что этот рынок со временем всё равно образовался бы. Безусловно, как безусловно и то, что Америку рано или поздно открыли бы. Но в каждом деле есть свой Колумб.

Торговля евровалютами быстро развивалась. По темпам роста она значительно превосходила все другие операции Моснарбанка. Поэтому неудивительно, что Моснарбанк занял прочное положение на Лондонском евровалютном рынке.

⁴³⁹ Ларина Е.С. Враг у ворот... Кто? // Свободная мысль. М., 2015, № 3.

Процесс, запущенный Моснарбанком, живёт и процветает... Факт рождения евродоллара Моснарбанком подробно описан в эссе "Rare money" известного финансиста Джорджа Гудмена. Приоритет советских банков в создании евродолларов, а затем и международного нерегулируемого финансового и валютного рынка, оперировавшего евродолларами, нефтедолларами и другими валютами, подтверждается и другими источниками, в том числе статьёй "Смерть Бреттон-Вудса" Дилла Ворда, вышедшей в 2003 г.»⁴⁴⁰

Остаётся добавить, что факт использования советской системой заграничных банков как составной части невидимой Британской финансовой империи подтверждается материалами, опубликованными даже в общедоступных учебных пособиях⁴⁴¹.

Выяснение вопроса о том, кто и как в Кремле принимал решение об участии СССР в формировании нерегулируемого глобального финансового рынка, оставим для следующей работы. Пока же остановимся на фигуре, с которой связаны все активные операции по развитию теневого финансового рынка в 1960-е годы и которая, без сомнения, была вовлечена в качестве партнёра в работу группы лорда Маунтбеттена. Речь идёт об Андрее Ильиче Дубоносове, который возглавлял Моснарбанк с 1959 по 1967 г. Официальная его биография выглядит следующим образом.

«Андрей Ильич был учеником кровельщика в 1918 г. перед тем, как вступил добровольцем в Красную Армию. В 1921 г. его направили в Москву на курсы ВЧК, а по окончании — на Лубянку, 14. Работая там, он поступил на заочное отделение рабфака, окончив которое был переведён на работу в Госбанк и одновременно учился на вечернем отделении Промышленно-экономического института. После его окончания Андрей Ильич был командирован в 1930 г. Госбанком в Харбин на пост директора Дальбанка... А летом 1939 г. Андрея Ильича командировуют в Лондон с проверкой деятельности советской по капиталу, но английской по регистрации Черноморско-Балтийской страховой компании... Но вернулся в Москву он лишь через шесть лет, после окончания войны, став в Лондоне управляющим проверяемой компании. Потом работал в Главном управлении советского имущества за границей (ГУСИМЗ). Под его началом происходит быстрое расширение деятельности Моснарбанка»⁴⁴².

Если касаться неофициальной биографии, то в американских исследовательских работах по советской разведке в Китае в 1930-е годы неоднократно можно найти упоминание фамилии А.И. Дубоносова. Кроме того, ГУСИМЗ в части руководящих работников комплектовался исключительно сотрудниками НКВД, МГБ, КГБ и т.п. Нельзя также забывать: несмотря на то, что формально совзагранбанки курировались Госбанком, Минфином и правительством СССР, фактически они находились под полным контролем ЦК КПСС и — в определённой степени — многочисленных реинкарнаций ВЧК вплоть до КГБ СССР. Формально совзагранбанками руководил Отдел плановых и финансовых органов ЦК КПСС, на деле же их курировал человек, ответственный за «чёрную» международную партийную кассу и Международный отдел ЦК КПСС, а также курирующий его секретарь ЦК. После

⁴⁴⁰ Кротов Н. Московский народный банк. Сто лет истории. М.: Международные отношения, 2011. С. 188.

⁴⁴¹ Лерой-Миллер Р., Ван-Хуз Д.Д. Современные деньги и банковское дело. М.: ИНФРА-М, 2000. (Университетский учебник).

⁴⁴² Кротов Н. Ук. соч. С.114.

войны главными фигурами были М.А. Суслов и вплоть до 1964 г. — А.И. Микоян, а после 1964 г. — всё тот же М.А. Суслов и Б.Н. Пономарёв, с 1967 г. — М.А. Суслов, а также Б.Н. Пономарёв и Ю.В. Андропов. Кстати, поручение последнего Дубоносов выполнял на своей последней работе, связанной с основанием Ост-Вест Хандельсбанка в ФРГ, на рубеже 1960–1970-х годов.

Под руководством А.И. Дубоносова Моснарбанк добился уникальных успехов и был признан самым динамичным и эффективным банком Сити в 1960-е годы. За период с 1961 по 1969 г. банк увеличил основной капитал в 8 раз, активы — в 25 раз и прибыль — в 18 раз⁴⁴³. Газета «Таймс» писала по этому поводу в 1960-е годы: «Деятельные руководители Народного банка выполняют чрезвычайно сложные функции по продаже советского золота на Лондонском рынке, активно участвуют в валютных операциях, прежде всего на новом оффшорном долларовом рынке, предоставляют английским корпорациям краткосрочные ссуды»⁴⁴⁴. Та же «Таймс» отмечала: «Последние данные о деятельности Моснарбанка ещё раз могут явиться примером того, как эффективно может действовать коммунистическая организация в условиях капиталистического окружения»⁴⁴⁵.

Чрезвычайно важно следующее обстоятельство. Моснарбанк был советским по капиталу и руководящим работникам, да и то не всем. К моменту, когда А. Дубоносов возглавил банк, в нём работало существенно менее 100 человек и два советских гражданина — председатель правления и один из директоров. Когда Дубоносов покинул банк, численность работников возросла до 180, а число советских граждан аж до семи, включая ещё одного, дополнительного, директора. Кроме того, А. Дубоносов существенно поменял британский контингент. Он привлёк на работу в Моснарбанк родственников, детей, племянников, близких друзей и подруг ведущих представителей британского делового и правящего истеблишмента. Кроме того, ему удалось обеспечить переезд банка из старого здания в новое, расположенное по соседству с Банком Англии, что мгновенно дополнительно повысило его авторитет у банков Сити, по достоинству оценивших новое местоположение коммунистических банкиров. Впрочем, они никогда, с первых дней Советской власти не были чужими в Лондоне.

Когда британская пресса в 1960-е годы опубликовала серию статей «Лица Сити», в заглавной статье, где была выделена первая десятка банкиров Сити, вместе с фотографиями барона Эдмонда Ротшильда — главы банкирского дома Ротшильдов, сэра Джорджа Болтона — заместителя главы Банка Англии и председателя Банка Лондона и Южной Америки, Дэвида Монтегю — главы имевшего более чем двухсотлетние традиции банкирского Дома Монтегю, на почётном месте была помещена статья о А.И. Дубоносове и его портрет. В статье под названием «Там, где Восток встречается с Западом» было написано: «Андрей Ильич Дубоносов, председатель и генеральный директор Московского народного банка является одним из самых популярных людей в Сити... Дубоносов и его аппарат (в основном английский) завоевали блестящую репутацию в осуществлении корректных и прибыльных операций... Валютный отдел Банка проводит колоссальные операции со

⁴⁴³ Кротов Н. Ук. соч. С.115.

⁴⁴⁴ Кротов Н. Ук. соч. С.116.

⁴⁴⁵ Кротов Н. Ук. соч. С.170.

всеми главными европейскими центрами. Считают, что, по скромной, заниженной оценке, Моснарбанк занимает четвёртое место в качестве крупнейшего дилера на международном долларовом рынке... Короче говоря, Моснарбанк стал интегральной частью лондонского Сити. Этот успех в основном достигнут благодаря г-ну Дубоносову, приветливому и проницательному человеку»⁴⁴⁶.

Любопытно, что Дубоносов был отозван из Лондона в расцвете могущества и влияния Моснарбанка в Москву в мае 1967 г., когда на пост главы КГБ был назначен Ю.В. Андропов. Небольшой трёхнедельный промежуток между отъездом из Лондона и выходом на работу в Москве Дубоносова потратил на отпуск. В Москве же, несмотря на то, что формально он был приписан к Госбанку и подотчётен А.Н. Косыгину, он сразу же стал работать с М.А. Сусловым и Ю.В. Андроповым, а также с международным отделом ЦК КПСС по продолжению координации деятельности с Лондоном и налаживанию отношений с германскими банкирами.

Если проанализировать балансы Моснарбанка, которые имеются в архивах, а также в значительной мере отражены в цитируемой работе Н.И. Кротова, то возникает вопрос, каким же образом А.И. Дубоносову удалось стать столь влиятельной фигурой в Сити, войти в прямой и дружеский контакт с Дж. Болтоном и превратиться в посредника между группой лорда Маунтбеттена и группой, которую ранее мы обозначили как «советские негодяи»?

Ответ на этот вопрос состоит в том, что именно А.И. Дубоносов и его руководители в Москве справились с решением ключевой для группы лорда Маунтбеттена, а затем и всей верхушки британского и частично американского истеблишмента задачей, позволившей сначала запустить невидимую британскую финансовую империю, а затем процессы финансиализации, глобализации и виртуализации, которые и породили сегодняшний поздний финансиализированный капитализм.

У СССР в 1960-е годы было не так много источников свободной ликвидности. В конечном счёте они были связаны с нефтью, золотом, бриллиантами и ещё одним специфическим товаром, о котором речь пойдёт в следующей работе. Что касается нефти, то в 1960-е годы она не являлась главным, как в последующие десятилетия, источником ликвидности. С одной стороны, не были ещё задействованы только что открытые тюменские и западносибирские богатейшие нефтепромыслы, с другой — цена на сырую нефть была крайне низкой. С 1948 по конец 1960-х годов она колебалась между 2,5 и 3 долларами за баррель. С учётом инфляции это давало 15–17 сегодняшних долларов. Безусловно, экспорт нефти, который в капиталистические страны составлял менее 20% от общего экспорта нефти, давал возможность получать доллары как для обслуживания импорта, так и для поддержания свободных остатков на счетах совзагранбанков. Общие объёмы экспорта нефти и нефтепродуктов в развитые капиталистические страны во второй половине 1960-х годов составлял чуть менее миллиарда долларов ежегодно, или в современных долларах порядка 5–5,5 млрд.⁴⁴⁷

До 1970-х годов главным экспортным товаром СССР выступало золото. Согласно расчётам наиболее осведомлённого и квалифицированного исследователя по узкой теме торговли золотом внутри и на международном рынке Российской им-

⁴⁴⁶ Кротов Н. Ук. соч. С.173.

⁴⁴⁷ См.: Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. Т. 2.

перии, СССР и России профессора В.Ю. Катасонова, всего за 1953–1991 гг. Советский Союз реализовал на мировом рынке 8,2 тыс. тонн золота, в подавляющей части через Лондон. Из этой общей суммы более 1,2 тыс. тонн золота приходится на конец 1963–1964 гг. Тогда СССР из-за неурожая был вынужден закупать на мировом рынке, прежде всего в США, большое количество зерна. На период 1970-х годов приходится продажа несколько менее 5 тыс. тонн золота⁴⁴⁸.

При сравнении цифр, приводимых В. Катасоновым со ссылками на архивы, в том числе малодоступными для других исследователей, с цифрами, содержащимися в книгах Н. Кротова «Московский народный банк. Сто лет истории» и «История советских и российских банков за границей»⁴⁴⁹, вскрывается весьма интригующее обстоятельство. Это обстоятельство позволяет понять, почему Моснарбанк стал необходимым звеном в создании невидимой Британской финансовой империи. Можно использовать даже ещё более сильное утверждение. Только существование Моснарбанка и его функционирование вплоть до 1971 г. сделало возможным появление и упрочение невидимой Британской финансовой империи, давшей старт глобализированной финансиализации.

В работе В. Катасонова указывается, что в период с 1966 по 1971 г. Советский Союз вообще не продавал золото. Между тем, документы совзагранбанков показывают иное. Кроме того, в 1970–1980-е годы в среднем вывозилось 250 тонн золота ежегодно. При том что вся добыча, согласно данным Н. Кротова, тесно общавшегося при написании книг с ведущими советскими и российскими банкирами, не превышала 200–300 тонн в год, включая золото, реализуемое на внутреннем рынке и используемое в производстве. Автор особо отмечает, что эти цифры были засекречены. Реально их знали три–четыре человека.

Таким образом, Моснарбанк, вполне очевидно, продавал на открытом рынке и посредством частных сделок, или, как ныне говорят финансисты, «в тёмных финансовых пулах», не только своё, но и чужое золото, которое по документам проходило как советское. Подтверждение этому мы можем найти опять же в уже цитированной книге «Московский народный банк», изданной минимальным тиражом и практически не поступившей в российские книжные магазины, а использующейся в качестве подарков и для продажи за рубежом.

Невидимая Британская финансовая империя не могла стать действительно глобальной, включившей в том числе Уолл-Стрит и даже ФРС, без слома Бреттон-Вудской системы. Её краеугольным камнем было то, что единственной валютой в мире, привязанной к золоту, оставался доллар, а все остальные валюты сначала жёстко, а с 1958 г. свободно котировались в отношении доллара. В связи с этим для того, чтобы финансовая империя стала глобальной и самодостаточной, должна была произойти отвязка доллара от золота, превращение золота в обычный финансовый актив и создание глобального всеобъемлющего наднационального нерегулируемого финансового рынка. Вот эту-то гигантскую, можно сказать, судьбоносную и определившую судьбу не только второй Британской империи, но и позднего капитализма и СССР, роль сыграл Моснарбанк.

⁴⁴⁸ Катасонов В. Золото в экономике и политике России. М.: Анкил, 2009.

⁴⁴⁹ Кротов Н. История советских и российских банков за границей. Воспоминание очевидцев. Документы, М.: Экономическая летопись, 2007.

Обратимся к книге Н. Кротова. «Проблемы, — пишет он, — возникли и на рынке золота. Ещё в 1961 г. для его спасения Федеральным резервным банком Нью-Йорка и центральными банками Англии, ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Голландии и Швейцарии был создан “золотой пул”, или консорциум. Он должен был заниматься стабилизацией рыночной цены на золото. Агентом пула стал Банк Англии. Ведь Лондонский золотой рынок — главный транзитный и перераспределительный центр, регулирующий поступление благородного металла от мест добычи к местам его потребления. Три четверти добываемого и продаваемого золота, исключая советское, проходило через Лондон.

Рыночную цену на него определяли пять крупнейших банков Англии, так называемая “золотая пятерка” — банки Ротшильдов и Сэмуэля Монтегю, а также ещё три банка. Каждое утро в “золотой комнате” банка Ротшильдов в Сити собирались представители пятёрки и после недолгих дебатов объявляли цену на золото. Процедура фиксинга проводилась с 1919 г. дважды в день. Председательствующий — один из директоров банка Ротшильдов — представлял Банк Англии.

В 1964 г. количество долларов за пределами США сравнялось с объёмом золотого запаса Америки. Система расшатывалась... В результате золотой запас США за короткое время уменьшился в два раза, и в конце 1960-х годов он был в размере 8,6 тыс. тонн золота...

Золотая лихорадка возникла сразу после объявления о девальвации фунта стерлингов в ноябре 1967 г. Она продолжалась несколько недель... В результате управляющий Банка Англии Лесли О’Брайен (в 1966 г. сменивший Бэринга) объявил, что пул распущен и Бреттон-Вудская система доживает последние дни»⁴⁵⁰.

Вместо «золотого пула» была введена двухуровневая система золотого рынка. Государственным валютным органам разрешалось торговать между собой только по прежней официальной цене золота 35 долларов за унцию, державшейся стабильно вот уже 20 лет, тогда как купля-продажа на свободных рынках была запрещена, кроме реализации новой добычи золотопроизводящими странами. Частные же рынки уже могли работать, но только с частновладельческой клиентурой и цены на них могли колебаться как угодно.

Теперь настало время объяснить, при чём здесь Моснарбанк. Дело в том, что «СССР мог работать на любых рынках, т.к. не ратифицировал Бреттон-Вудское соглашение и вступление в МВФ». Соответственно, как страна, не подписавшая Бреттон-Вудское соглашение, СССР не отчитывался ни перед кем об объёмах добычи золота, и, следовательно, Моснарбанк как агент советского правительства по продаже золота за рубежом мог продавать любое золото как советское в каких угодно количествах. Это позволяло частным институциональным владельцам золота (банкам, фондам, трастам и т.п.) продавать золото за векселя Моснарбанка, а затем Моснарбанк реализовывал через «тёмные пулы» это золото по цене выше официальной жаждущим золота покупателям. Кроме того, поскольку банки тех или иных стран внутри своей страны вполне могли продать золото в рамках национальной финансовой системы своим банкам, фондам, трастам и т.п., для владельцев золота появился способ обхода двухуровневого рынка, а для Моснарбанка — дополнительный источник при-

⁴⁵⁰ Кротов Н. Ук. соч. С.187.

были. В итоге наличие советского золота и Моснарбанка сделало фикцией двухуровневую систему, пришедшую на смену «золотому пулу». Моснарбанк стал тем самым единственным каналом, через который золото могло переходить с одного уровня на другой беспрепятственно и без ограничения масштабов.

Именно поэтому с 1966 по 1971 г. Моснарбанку не было никакой нужды продавать советское золото. В качестве советского он спокойно продавал золото своих клиентов. Заодно он отработал совместно с представителями Банка Англии и ведущими британскими юристами систему забалансовых банковских счетов для операций с оффшорами в рамках международной юрисдикции нерегулируемого финансового рынка, в том числе рынка золота. В этом смысле Моснарбанк стал не только основоположником рынка евродолларов, но заодно и первопроходцем глобального теневого банкинга, включая оффшорные юрисдикции, через которые клиенты, как правило, проводили сделки с золотом.

Надо также отметить, что разрыв в продаже клиентом золота Моснарбанку и реализация Моснарбанком этого золота как советского на частном рынке покупателя иногда выражался не в днях, а в неделях, а в исключительных случаях — в месяцах. Поэтому наряду с забалансовыми векселями Моснарбанк вместе с избранными банками лондонского Сити, в первую очередь банками Ротшильдов, Монтегю, Шрёдеров и др., создал систему деривативов второго порядка, которые защищали клиентов от потерь из-за колебаний цены золота на частных рынках в периоды между продажей и покупкой физического золота. Одновременно деривативы сами по себе и вместе с кредитными свопами, в которых также активно участвовал Моснарбанк, превратились в инструмент финансовых спекуляций, которые позволили банку получить головокружительную прибыль.

Приведённые выше факты и предопределили то, что, начиная с 1968 г., т.е. после завершения работы группы лорда Маунтбеттена и утверждения выработанной ею программы верхушки британского домината, избранных кругов финансового, нефтяного и политического истеблишмента США и той группы советских верхов, которую возглавляли М.А. Суслов и Ю.В. Андропов, дотоле бывший маргинальным и ограниченным, рынок евродолларов расцвёл. С 1957 по 1967 г. он не превышал 10 млрд. долларов, а за 1968 г. увеличился до 25 млрд., за 1969 г. — до 50 млрд., за 1970 г. — до 60 млрд., а за 1971 г. — до 100 млрд., а дальше, по экспоненте, почти до 600 млрд. долларов к 1980 г.⁴⁵¹

Эти события в корне изменили расклад сил на мировой арене между производственным и финансовым капиталом, различными группами и паттернами глобального домината наднациональных элит, предопределили в значительной мере формирование финансиализированного закатного капитализма и наложили роковой отпечаток на судьбу СССР.

Однако в тот момент до конца игра ещё не была сыграна. Очень многое зависело от Дэвида Рокфеллера и кругов, структур и контуров мирового домината, чьи интересы он выражал. В конечном счёте именно они вместе с европейскими промышленниками и частично старой аристократией, преимущественно католической ориентации, стояли за проектом Римского клуба. Именно они надеялись обрести в СССР союзника, а получили от него удар в спину.

⁴⁵¹ По книге Palan R., Murphy R., Chavagneux Ch. Op. cit.

Глава 14

И пришёл Рокфеллер

1

В предыдущих главах мы уже неоднократно обращались к теме Рокфеллеров и особенно Дэвида Рокфеллера, главного спонсора и вдохновителя проекта «Римский клуб». В одной из глав была сделана попытка рассчитать размеры состояния Рокфеллеров и, соответственно, их экономический вес в современных реалиях. Теперь настало время разобраться с этой темой поподробнее. Уникальность клана Рокфеллеров состоит не только и не столько в громадных размерах их капитала, сколько в иных чертах и факторах, сделавших в итоге Дэвида Рокфеллера, по признанию ведущих мейнстримных деловых и политических изданий мира периода с 1960-х по нулевые годы XXI в., своеобразным дуайеном и одновременно своего рода главой американского истеблишмента.

С учётом того, что семья Рокфеллеров вообще и Дэвид Рокфеллер в частности сыграли решающую роль в событиях, предопределивших не только крах Советского Союза, но и развёртывание системно-структурного кризиса позднего капитализма, конечная стадия которого происходит на наших глазах, требуется ещё раз вернуться к теме этой семьи. Поскольку Америка, без сомнения, — это страна американской мечты, прямо связанной с деньгами, то начать надо, конечно, с денег. Однако огромные размеры состояния Рокфеллеров — это лишь одна сторона их финансового могущества. Другая связана с сохраняющейся вот уже на протяжении полутора веков консолидацией капитала клана Рокфеллеров. Это не слишком типичная картина для Соединённых Штатов, где на стадии второго и уже практически без исключений третьего поколения происходит так называемое распыление состояний. Оно связано с ослаблением внутрисемейных связей, клановыми конфликтами, отсутствием единых фондов семейного капитала и т.п. Этому явлению посвящено много работ американских экономистов и социологов, однако ни в одной из них вы не найдёте фамилию Рокфеллеров.

В немалой степени консолидированное состояние семьи обусловлено принципами наследования, которые установил ещё Джон Рокфеллер I и завещал своим сыновьям и внукам. Вот как пишет об этом один из лучших, по признанию самих членов семьи, биографов Рокфеллеров, советский учёный А. Фурсенко. Любопытно, что книга Фурсенко, изданная в 1980-е годы в СССР, сразу же была закуплена Рокфеллерами, переведена для семьи на английский язык и хранится в их библиотеке. Это кстати, показывает

деградацию российской общественной науки, которая, освободившись от идеологического диктата и партийного догматизма, тут же в своей массе деквалифицировалась и превратилась в вульгарную публицистику, обслуживающую власти предрешающие.

А. Фурсенко писал: «Сейчас много говорят об исчезновении и раздроблении крупнейших американских состояний. Предсказывают, что в следующем поколении Рокфеллеров капитал этого богатейшего в мире семейства “демократизируется”, так как будет разделён между 22 отпрысками пяти братьев. К тому же дети нынешних Рокфеллеров начали обзаводиться семьями. Биографы Рокфеллеров подсчитали, что потомство Джона Д. I уже достигло 60–70 человек, а состав ныне здравствующих Рокфеллеров — 40 человек.

Трудно сказать, как организуется в будущем этот клан, распадётся ли он на отдельные, самостоятельные ветви, либо будет по-прежнему действовать как тесно сплочённая группа. Можно только напомнить, что аналогичного рода прогнозы относительно неминуемого распада делались уже много лет назад, когда ещё живы были отец и дед нынешних Рокфеллеров, а сами они только начинали свою карьеру. Однако прогнозам этим не суждено было сбыться.

Третье поколение Рокфеллеров (вместе с их детьми) получило ещё при жизни Рокфеллера II от 600 миллионов до 1200 миллионов долларов и около 150 миллионов долларов посмертно. Это главным образом акции нефтяных компаний и банка, переданные на правах пожизненной опеки. Капитал этот неотчуждаем, его нельзя израсходовать. Но, в сущности, ничего не меняется. Полученное по наследству состояние вложено в предприятия, которые остаются стержнем империи Рокфеллеров. Проценты на этот капитал растут, а его владельцам всегда открыт широкий кредит. Между тем форма, в которой Рокфеллер II передал своё состояние детям и внукам, позволила избежать уплаты налогов на наследство. В результате одно из крупнейших американских состояний, вопреки разрекламированной строгости налоговой системы, согласно которой наследники получают лишь небольшой процент, практически перешло к ним целиком.

Помимо капиталов, которые принадлежат каждому из Рокфеллеров лично, к фамильному состоянию относятся средства благотворительных фондов. Созданные на деньги Рокфеллеров и контролируемые ими, эти фонды являются неотъемлемой частью семейных владений. Их капитал составляет более миллиарда долларов. Таким образом, если суммировать, размер состояния Рокфеллеров составит около 4 миллиардов долларов. Но, видимо, и эта сумма не является полной. Можно согласиться с Олсопом, что Рокфеллеры “намного богаче, чем это обычно считается”. Американский журналист отвергает распространённую в США оценку “Форчуна”, согласно которой сумма семейных капиталов равняется 2–3 миллиардам долларов. “Я никогда не был допущен к секретным финансовым архивам Рокфеллеров, — пишет он, — но я готов съесть собственные ботинки и запить их беарнским вином, если эти цифры не являются сильно заниженными”. Олсоп считает вероятным, что действительный размер нынешнего состояния семейства “в несколько раз превышает общепринятую цифру”. “Меня нисколько не удивило бы, если бы этот капитал..., — заключает он, — составлял около 10 миллиардов долларов”»⁴⁵².

⁴⁵² Фурсенко А. Династия Рокфеллеров. Нефтяные войны. М.: «Дело» РАНХиГС, 2015. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=267747&p=31>

Это же подтверждают и авторы едва ли не самой документированной биографии трёх первых поколений семьи Рокфеллеров П. Джонсон и Дж. Харр — помощники братьев Рокфеллеров — в своём бестселлере⁴⁵³. Можно несколько уточнить и дополнить сведения уважаемых историков информацией, с которой любезно поделился с автором Росмэн Кларк Рокфеллер, сын известного американского политика, вице-президента США и губернатора штата Нью-Йорк Нельсона Рокфеллера. Кстати, по матери он был внуком человека, сыгравшего ключевую роль в формировании ФРС, — Ч. Олдрича. Как и его отец, он принадлежал к Республиканской партии. И одним из его друзей был известный соратник Р. Рейгана, с которым автор плотно общался в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Собственно, он и попросил встретиться с Р. Рокфеллером и по возможности ответить на интересующие его вопросы на весьма экстравагантную тему, связанную с советскими достижениями в области пересадки головы. Помимо прочего, Р.К. Рокфеллер возглавлял несколько благотворительных медицинских фондов, а главное, был держателем так называемого счёта 5600, который представлял собой неразделяемый семейный капитал или, по-русски говоря, «общак» Рокфеллеров.

Надо отметить, что в 1960–1970-е годы разворачивалась настоящая гонка в области трансплантации, лишь немногим уступающая по драматичности лунной гонке. Причём, в отличие от официально признанных результатов лунной гонки, в гонке трансплантаций Советский Союз опережал Соединённые Штаты. Как правило, гонку трансплантаций применительно к СССР связывают с именем знаменитого советского нейрофизиолога, нейропсихолога и хирурга Владимира Петровича Демихова. Ещё в период с 1947 по 1950 г. В. Демихов, работая в Институте экспериментальной и клинической хирургии, провёл ряд уникальных операций, впервые в мире выполнив на животных трансплантацию сердца, лёгких и печени. В 1952 г. он впервые в мире разработал и запатентовал в СССР методику коронарного шунтирования, которая в самом конце 1960-х годов не без благословения КГБ СССР была передана в Америку; в результате американцами был получен патент, и они стали мировыми лидерами в этом направлении.

В 1954 г. Демихов осуществил пересадку головы собаки, которая продолжала жить в течение семи месяцев. Это была уникальная операция, которую лишь в 1960-е годы, с гораздо худшими результатами, смогли повторить американцы. Также Демиховым был создан первый в мире банк живых органов для трансплантологии. Более того, и это подтверждено не только советскими, но и приглашёнными тогда британскими учёными, ему удалось оживлять трупные сердца человека через пять–восемь часов после смерти и сколь угодно долго поддерживать их в функционирующем состоянии вплоть до последующей пересадки.

Однако, несмотря на все эти успехи, Демихову было отказано в проведении операции по пересадке сердца человеку. Поэтому переданными им по настоянию Академии медицинских наук СССР материалами воспользовались британские учёные, которые консультировали южноафриканского хирурга Кристиана Барнарда, в 1967 г. впервые осуществившего успешную пересадку сердца человека. К чести Барнарда следует отметить, что на своей первой пресс-конференции в присутствии

⁴⁵³ Johnson P.J., Harr J.E. The Rockefeller Century: Three Generations of America's Greatest Family. N.Y.: Scribner, 1988.

журналистов и телевизионщиков со всего мира он сказал, что его заочным учителем и разработчиком методики операции был советский хирург В. Демихов.

Вскоре после этого лаборатория по пересадке органов и нейротрансплантологии, связанной с пересадкой головы, была по указанию Ю.В. Андропова забрана у Демихова и переведена под эгиду КГБ СССР с передачей всей её документации. Сам Демихов умер уже после крушения Советского Союза в бедности и неизвестности. Однако Рокфеллеров интересовали не документы Демихова. Так или иначе, судя по всему, большая часть из них по неформальным каналам типа небезызвестного Виктора Луи была передана на Запад. Интересовал другой, в каком-то смысле ещё более поразительный советский учёный — Сергей Сергеевич Брюхоненко. На Западе среди врачей и учёных он был относительно малоизвестен. Однако этого нельзя сказать о политической элите Запада. Например, когда на рубеже 1920–1930-х годов по России путешествовал известный фабианец и знаменитый драматург Б. Шоу вместе со своей подругой леди Астор, хозяйкой Кливлендского салона, о чём речь шла в предыдущих главах, они настояли на встрече с Брюхоненко, а затем опубликовали в западной прессе огромный хвалебный материал.

Брюхоненко проводил свои опыты в 1920-е. По-видимому, информация о них вдохновила великого советского фантаста Александра Беляева написать в 1924 г. рассказ «Голова профессора Доуэля». Символично, что именно в 1928 г., когда Беляев переделал рассказ в роман, Брюхоненко на Третьем съезде физиологов СССР продемонстрировал оживление изолированной от туловища головы собаки, жизнь которой поддерживалась при помощи аппарата искусственного кровообращения. Чтобы доказать, что голова, лежащая на столе, была живой, он показал, как она реагирует на раздражители. Брюхоненко ударил по столу молотком, и голова вздрогнула. Он посветил ей в глаза, и глаза моргнули. Он даже скормил голове кусочек сыра, который тут же выскочил из пищеводной трубки на другом конце.

В течение 1930-х годов Брюхоненко упорно работал по двум направлениям: во-первых, увеличения длительности жизни автономной головы, присоединённой к аппаратам искусственных органов, а во-вторых, над пересадкой головы одной собаки на место другой. В отличие от Демихова, который позднее подсаживал вторую голову к уже имеющейся целой собаке, Брюхоненко пытался обеспечить возможность, что называется, смены головы собаки. В официальной медицинской литературе какие-либо упоминания об успехе или неудаче этого эксперимента отсутствуют. Однако в 1980-е годы кураторы Брюхоненко рассказывали автору, что из пяти операций две были удачными и собаки прожили от четырёх до девяти месяцев, а три операции — нет. Насколько это точно, сказать сложно, но с высокой долей вероятности можно предполагать, что такие эксперименты проводили и по крайней мере часть из них завершилась удачно. Аргументом в пользу этого служит интерес Р. Рокфеллера к этой теме.

Здесь будет уместно упомянуть и ещё об одном факте. Во время визита Б. Шоу, и это нашло отражение в его дневниках, предлагал Брюхоненко, когда тот сочтёт это возможным, себя в качестве добровольца для проведения подобной операции. Шоу уверенно аргументировал это тем, что используемый порядок, когда в качестве подопытных выступают заключённые, несправедлив, поскольку плохому человеку продляется реальная жизнь. Это можно было бы посчитать чистой фанта-

стикой, если бы не одно обстоятельство. Б. Шоу в отличие от Г. Уэллса был отнюдь не фантастом, а приземлённым ироничным британским прагматиком, совершенно не склонным к каким-либо авантюрам. Высказывая своё предложение, он должен был иметь документы, показывающие, что подобного рода эксперименты с людьми проводились и, по крайней мере, некоторые из них увенчались успехом. Для того чтобы недоверчивый читатель не счёл эти сведения за разыгравшуюся фантазию автора текста, приведём письмо Б. Шоу леди Астор, которое он написал перед войной: «Сударыня, я нахожу эксперимент Брюхоненко чрезвычайно интересным, но я не могу себе представить ничего более необдуманного, как предложение испытывать его на приговорённом к смерти преступнике.

Продлевать жизнь такого человека нежелательно. Эксперимент должен быть осуществлён над человеком науки, жизнь которого подвергается опасности по причине неизлечимого органического недуга — например, рака желудка, — который угрожает лишить человечество результатов деятельности его мозга.

Что может быть легче, чем спасти такого гения от смерти тем, что ему отрежут голову, причём освободят его мозг от рака, в то время как необходимая циркуляция крови будет поддерживаться через обрезанные артерии и вены его шеи, так что великий человек сможет продолжать читать нам лекции, обучать нас, давать нам советы, не будучи связанным недостатками своего тела.

Я испытываю прямо-таки искушение дать обрезать голову мне самому, чтоб я впредь мог диктовать пьесы и книги так, чтоб мне не мешали болезни, чтоб я не должен был одеваться и раздеваться, чтоб мне не нужно было есть, чтоб мне не приходилось делать ничего другого, как только производить драматические и литературные шедевры.

Я бы, разумеется, подождал, чтоб один или два вивисектора подвергли бы себя этому эксперименту, чтоб убедиться в том, что это практично и не опасно, но я ручаюсь, что в дальнейшем с моей стороны не будет никаких затруднений.

Я весьма Вам признателен за то, что Вы обратили моё внимание на такую радостную возможность...»⁴⁵⁴.

Несмотря на всю кажущуюся сегодня маловероятность и даже чудовищность подобных экспериментов над людьми, в СССР они были вполне возможны с позиций тогдашней науки и партийной морали и стимулировались страстным стремлением к продлению жизни со стороны советских вождей. Подтверждением того, что самые невероятные эксперименты с людьми в Советском Союзе проводились, являются факты, собранные в предельно интересной, скрупулезно документированной и просто поразительной во всех смыслах книге «Красный Франкенштейн»⁴⁵⁵.

Чтобы закончить тему Брюхоненко и вернуться к Рокфеллерам, приведём поддержку из американской газеты за 1943 г., когда первый и единственный раз фильм о работах Брюхоненко был продемонстрирован в Нью-Йорке, в Центре, спонсируемом Рокфеллерами. «Тысяча американских учёных в Манхэттене на прошлой неде-

⁴⁵⁴ Adamenko N.P. Technic of experimental resuscitation of dogs with a variant of the method of extracorporeal circulation using S. S. Briukhonenko's autojector pump and a live parabiotic donor // Patol. Fiziol. Eksp. Ter. 1969. May–Jun; 13(3): 69–71. Цит. по <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/5264992>

⁴⁵⁵ Шишкин О. Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. М.: Альпина нон-фикшн, 2012.

ле наблюдали, как мёртвых животных возвращали назад к жизни. Это был первый общественный американский показ фильма, изображающего эксперимент советских биологов. Они слили кровь из собаки. Спустя пятнадцать минут после того, как её сердце прекратило биться, они вкачали кровь обратно в её безжизненное тело с помощью аппарата, названного автожектор, служащего искусственным сердцем и лёгкими. Скоро собака зашевелилась, начала дышать, её сердце начало биться. Через двенадцать часов она стояла на ногах, виляла хвостом, лаяла, полностью восстановилась...

У автожектора, относительно простой машины, есть судно («лёгкое»), в котором кровь снабжается кислородом, насос, который распространяет насыщенную кислородом кровь через артерии, другой насос, который забирает кровь из вен назад к «лёгкому» для большего количества кислорода. Две других собаки, на которых эксперимент был выполнен в 1939, всё ещё живы и здоровы. Автожектор может также держать сердце собаки бьющимся вне её тела, поддерживать отрезанную голову собаки в течение многих часов — голова поднимала уши при шуме и облизывала пасть, когда её смазали лимонной кислотой. Но машина не способна к восстановлению целой собаки больше чем через 15 минут после её обескровливания — соматические клетки тогда начинают распадаться»⁴⁵⁶.

Р.К. Рокфеллер во время беседы интересовался больше всего возможностью проведения опытов над людьми, их результатами и наличием учеников и продолжателей Брюхоненко. Насколько это было возможно, любопытство Р. Рокфеллера было удовлетворено. Единственное, пришлось его разочаровать относительно материалов. Дело в том, что сразу после войны наиболее интересные работы Брюхоненко перешли в ведение, казалось бы, непрофильного Спецкомитета во главе с Л.П. Берией. После расстрела Берии и разгрома его команды материалы исчезли, а сам Брюхоненко вплоть до смерти в 1960 г. благополучно занимался темами, связанными с искусственной кровью, механическим сердцем, а также механическими кардиостимуляторами, и чурался нейротрансплантологии.

Тем не менее, беседа, видимо, удалась. И поэтому Р. Рокфеллер счёл возможным ответить на вопрос автора: каким образом семье удаётся избежать того, что произошло с такими известными американскими фамилиями, как Вандербильды, Гогенхаймы, Пибоди и др. Если коротко, суть ответа состояла в следующем. Прежде всего капитал наследуется через поколение. То есть дети не могут воспользоваться переданными им деньгами или активами, а получают лишь процент с трастовых, пенсионных и иных фондов, записанных на них. Внуки же тоже, как дал понять Р. Рокфеллер, по сути, не могут изъять деньги из общесемейного фонда, за исключением случая, когда они принимают решение отделиться от клана. При таком обороте дел они и их наследники полностью исключаются из любых финансовых и экономических дел семьи. Иными словами, долю забрать можно, но тогда ты окажешься вне клана.

Кроме того, собственные средства каждый новый Рокфеллер также должен делить, насколько понял автор, на три части: на общесемейный фонд, на благотворительный фонд, который частично управляется семьёй, а частично самим благотвори-

⁴⁵⁶ <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,851883,00.html>

рителем, и наконец, на собственные расходы и фонды для своих детей. Удивительно, но сложилось впечатление, что если кто-то не соблюдает это условие, его потомки тоже будут исключены как из клана, так и из семейного капитала. При этом если кто-то из Рокфеллеров — женщин или мужчин — захочет стать художником, исследователем, благотворителем, военным и т.п., то он это может спокойно делать, не заботясь о потомках. В подобных случаях на его детей будут распространяться все преимущества, включая наследование семейного капитала и специальных индивидуальных трастовых фондов, как и для детей тех, кто остался в бизнесе.

С момента встречи с Р. Рокфеллером прошло почти 25 лет. История семьи показывает, что она по-прежнему представляет собой уникальное целое, в котором по внешним признакам и анализу данных продолжают соблюдаться все писанные и неписанные правила, установленные ещё первооснователем династии Джоном Рокфеллером I, известным как «Титан».

Без сомнения, это уникальное явление для американского бизнеса, которое делает эту семью, видимо, ключевой в американском истеблишменте и сегодня. Причём для этого абсолютно не обязательно мелькать на страницах деловой прессы и фигурировать в различного рода корпоративных базах данных. Напротив, анализ американских владетельных семей показывает, что чем активнее семья упоминается в деловых, а тем более неделовых СМИ, тем ближе и быстрее происходит её закат или дробление на несколько зачастую конкурирующих ветвей. Пример Рокфеллеров поистине удивителен, поскольку в настоящее время в клан входит примерно 300–400 прямых наследников Джона Рокфеллера I. Фактически речь идёт уже не о клане, а образцовой гетерархии или иерархо-сетевой структуре.

Уникальная внутренняя организация семьи Рокфеллеров является не единственной чертой, определяющей её господствующее положение в американском истеблишменте. Другая черта связана с благотворительной деятельностью Рокфеллеров. Относительно благотворительной деятельности стоит высказать два соображения. Безусловно, Джон Рокфеллер I был в человеческом плане отнюдь не подарок. Это был типичный первоначальник, который не брезговал никакими средствами для получения прибыли и наращивания капитала. Об этом пишут даже наиболее симпатизирующие Рокфеллерам биографы⁴⁵⁷. В жизни Джона Рокфеллера было всё — от лжесвидетельств до санкций на кровавые расправы с забастовщиками. Однако Джон Рокфеллер так же, как и многие миллиардеры его поколения — Карнеги, Меллоны, Дюпоны, Форды и т.п., накопив капитал, нашёл в себе силы посмотреть на жизнь по-другому. В этом американские капиталисты-империалисты конца XIX – начала XX вв., так называемые первоначальники, в корне отличались и от ельцинской олигархии, и от тех, кого К. Доуиша назвал «путинской клептократией». И те, и другие, ограбив страну, в массе своей стали иностранными гражданами, увели сколько могли денег за рубеж, а на свободный кэш скупили недвижимость, футбольные клубы и прочие бирюльки⁴⁵⁸. В то же время американские первоначальники, у которых не было православной духовности, а некоторые вообще были евреями или, на худой конец, протестантами, не просто остались в своей

⁴⁵⁷ Chernow R. Titan: The Life of John D. Rockefeller, Sr. N.Y.: Vintage, 2004.

⁴⁵⁸ См. об этом: Dawisha K. Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? N.Y.: Simon & Schuster, 2014.

стране, но и значительную часть капиталов пожертвовали на науку, искусство и в первую очередь на образование. Это одна сторона дела.

С другой стороны, было бы необъективным утверждать, что пожертвования на научные исследования и особенно образование делались на 100% исходя из моральных, нравственных и иных благородных побуждений. Свою роль сыграл здесь и экономический расчёт. Дело в том, что в Америке, начиная с 1920-х годов, были установлены очень высокие, в отдельных случаях до 90%, налоги на наследство. В связи с этим вложение капитала в благотворительные фонды, назначение которых было не тратиться, а давать доход, необходимый для существования университетов, музеев и т.п., было способом сохранения контролируемого богатства семьи. В конечном счёте в совете компаний, управляющих подобными фондами, всегда ключевые позиции занимали либо члены семьи жертвователей, либо их наёмные менеджеры. Однако те, кто объясняет благотворительность и филантропию американских первоначальников исключительно корыстными мотивами, неправы, поскольку британские офшоры и трасты позволяли надёжно спрятать немалую часть семейного капитала в офшорных зонах уже с 1920-х годов, не прибегая ни к какой благотворительности и развитию науки и образования в стране.

Так или иначе, Рокфеллеры, как ни одна другая американская семья, много денег пожертвовали на университеты. Здесь надо иметь в виду, что, если российскую экономику начала XX и XXI вв. символизирует нефтяная вышка, германскую — завод, китайскую — фабрика по производству игрушек либо сборочный машиностроительный цех, то американская экономика второй половины XX и тем более XXI в. олицетворяется и создана университетами. Американский университет, в отличие от европейского, советского и российского, — это не только и в каком-то смысле не столько учебное заведение, сколько совокупность научных центров, бизнес-площадок и даже военно-разведывательных лабораторий. Как минимум с 1930-х годов американские университеты — это сердцевина и движущий локомотив американской экономики. Об этом подробно, объективно написано в целом ряде книг российских и американских авторов⁴⁵⁹.

Из 50 ведущих американских университетов в 34 Рокфеллеры сделали благотворительные взносы различной величины, а в 7 из Топ-15 являются главными благотворителями⁴⁶⁰. Кроме того, Рокфеллеры так или иначе участвуют в финансировании 17 из Топ-25 «фабрик мысли» США.

Иными словами, могущество Рокфеллеров связано не только и не столько с их финансовыми активами и ролью в деловой жизни, сколько с тем, что подавляющая часть американского политического, экономического, военно-разведывательного, а главное, технологического истеблишмента так или иначе в те или иные периоды своей жизни была связана с учебными заведениями, научными центрами, фабриками мысли и т.п., созданными при участии Рокфеллеров и курируемых ими. Уже

⁴⁵⁹ Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / Институт США и Канады РАН; Под ред. В.Б. Супяна. М.: Магистр, 2009; Mazzucato M. The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths. L., etc.: Anthem Press, 2013.

⁴⁶⁰ Loeb S. America's Medicis: The Rockefellers and Their Astonishing Cultural Legacy. N.Y.: Harper, 2010; Harr J.E. Johnson P.J. The Rockefeller Conscience: An American Family in Public and in Private. N.Y.: Scribner, 1991.

с 1950-х годов могущество Рокфеллеров было связано не только с их финансово-экономическими активами, но и, как выражается Дж. Най-младший, с их «мягкой силой». К сожалению, именно данного обстоятельства не понимает подавляющее большинство исследователей, занимающихся анализом элит.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что последние 50 лет Рокфеллеры непосредственно представлены в высшей политической элите Соединённых Штатов. Начало этому положили Нельсон Рокфеллер — губернатор штата Нью-Йорк и вице-президент США при Д. Форде и У. Рокфеллер — губернатор Арканзаса и политический отец клана Клинтонов. Сейчас эти традиции продолжают Рокфеллеры — члены Сената и Палаты представителей, представители четвёртого и пятого поколений семьи Рокфеллеров. Впрочем, об участии семьи Рокфеллеров непосредственно в публичной политике XX в. речь пойдёт в другой работе. Пока же вернёмся к Дэвиду Рокфеллеру и его заботам, связанным с воссозданием невидимой финансовой Британской империи на основе смычки британской аристократии и советской партократии.

2

Примерно с конца 1965 по 1968 г. Рокфеллер, осуществлявший проект «Римского клуба», получил достаточно большой объём удивившей даже его информации из Лондона, Москвы, Цюриха, Пекина и некоторых других городов. О наличии такой информации автору известно благодаря его американским деловым партнёрам, которые в конце 1960-х — первой половине 1980-х годов занимали ответственные посты в американском разведывательном сообществе. В связи с этим важно отметить, что помимо собственной, основанной ещё в 1920-е годы частной разведывательной сети семьи Рокфеллеров, Д. Рокфеллер имел через своего брата Нельсона тесные контакты с Эдгаром Гувером. Нельсон Рокфеллер с конца 1930-х годов в течение войны занимал ключевую позицию в тайной Секретной разведывательной службе Эдгара Гувера. Эта структура была создана без оповещения президента США в рамках по существу неограниченных полномочий главы ФБР Э. Гувера и формально завершила свою работу и была распущена в 1946 г.⁴⁶¹ Однако на самом деле организация была закрыта в структуре ФБР и далее функционировала под крышей Института изучения подрывной деятельности вплоть до конца 1980-х годов. Известно, что одним из спонсоров этого института был всё тот же Нельсон Рокфеллер, который помимо прочего выполнял роль связного между Э. Гувером и семьёй Рокфеллеров. Наибольшую озабоченность Д. Рокфеллера, его советников, партнёров и семьи в целом, а также близких к ним кругов северо-запада и северо-востока США вызвало несколько взаимоувязанных между собой обстоятельств.

Первое. Д. Рокфеллер быстро понял, что начато формирование глобального сверхвысокоприбыльного и по сути нерегулируемого финансового рынка с центром в Лондоне и с опорой на страны под британской юрисдикцией и под полномочиями Судебного комитета Тайного Совета британской короны, а также европейских мо-

⁴⁶¹ Вейнер Т. ФБР. Правдивая история. М.: Litres, 2015.

нархий, в первую очередь Нидерландов и Бельгии, династически аффилированных с Великобританией. Советникам Рокфеллера не составило труда произвести расчёты, чтобы понять, что если процесс будет продолжаться, то промышленный капитал, шаг за шагом с 1931 г. отвоёвывавший свои позиции у финансового капитала и к середине 1960-х годов ставший по сути независимым, быстро утратит свои преимущества и неминуемо вновь попадёт под диктат финансового капитала. С формированием глобального финансового рынка норма прибыли на капиталных рынках по определению должна становиться всё больше и больше нормы прибыли на товарных рынках.

Второе. От Д. Рокфеллера не укрылось, что необходимую ликвидность, а также юридические и институциональные возможности для перелива финансовых ресурсов с регулируемых на нерегулируемые рынки капитала, особенно в части золота, предоставили лондонским банкам и стоящей за ними наследственно-финансовой аристократии их советские партнёры. Стало очевидным, что заметное укрепление сотрудничества Советского Союза и США в противовес британо-советским отношениям, произошедшее во времена правления Хрущёва, с которым у Д. Рокфеллера как непосредственно, так и через С. Итона сложились доброжелательно-доверительные отношения, меняется решительной переориентацией на Британию.

Третье. Последний раз Д. Рокфеллер в Москве был в 1964 г., где встречался с Н.С. Хрущёвым за несколько месяцев до его свержения. По воспоминаниям банкира, беседа завершилась к обоюдному удовольствию сторон и соглашением о дальнейшем тесном взаимодействии и сотрудничестве⁴⁶². После свержения Н.С. Хрущёва ни Рокфеллер, ни его доверенное лицо С. Итон в Москву не ездили. Помимо источников в советской столице Д. Рокфеллер получал информацию через наблюдение за советскими участниками Дартмутских встреч.

Согласно впечатлениям Д. Рокфеллера, до середины 1967 г. в СССР сохранялась крайне неопределённая ситуация, где три группы внутри кремлёвского руководства, а именно М.А. Суслов, Ю.В. Андропов, Б.М. Пономарёв, А.А. Громыко — первая, А.Н. Косыгин совместно с представленными в Политбюро хозяйственниками и некоторыми секретарями ЦК союзных республик — вторая, и А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный, Н.Г. Егорычев — третья, вели борьбу то ли за влияние, то ли за место Л.И. Брежнева. В конце 1967 г. Д. Рокфеллеру после личных бесед в рамках Дартмутских встреч с Г. Арбатовым, доверенным лицом Ю.В. Андропова, и Е.М. Примаковым, который одновременно был близок через своего родственника Д. Гвишиани к А.Н. Косыгину и прямо к М.А. Суслову, стало ясно, что в Москве произошли крупные сдвиги и резко усилилась группировка М.А. Суслова, Ю.В. Андропова и А.А. Громыко, которую по сути возглавил, хотя и в значительной степени номинально, Л.И. Брежнев.

Кардинальная перемена ситуации побудила Д. Рокфеллера, его команду и зависящие от них кланы и группы к немедленным и решительным действиям. При этом в отличие от многих ключевых фигур тогдашнего истеблишмента как на Западе, так и на Востоке, Д. Рокфеллер отличался редким сочетанием высочайшего уровня образованности и знаний с опытом практической деятельности в самых различных сферах — от городского хозяйства до разведки, от финансов до дипломатии. В свя-

⁴⁶² Рокфеллер Д. Банкир в XX веке. Мемуары. М.: Международные отношения, 2003 Цит. по <https://biography.wikireading.ru/184128>

зи с этим, в отличие от привычных уже в то время, а тем более сегодня, линейных схем и жёстких программ Д. Рокфеллер выбрал многовариантный подход к решению новых, неожиданно вставших перед ним и его группой проблем.

Продолжая непосредственные действия по реализации проекта «Римский клуб» с его ориентацией на преимущественно транснациональный промышленно-торговый капитал вкупе со старой владетельной аристократией, он в рамках конвергенционного подхода параллельно приступил к проекту реформирования всей системы глобальных финансово-экономических отношений между Востоком и Западом. Было принято решение включиться в процесс воссоздания невидимой Британской империи как финансово-иерархо-сетевого конструкта. При этом, как станет ясно из дальнейшего изложения, по всей вероятности, первоначально была поставлена задача не допустить занятия Лондоном исключительной позиции, а превратить по факту проект воссоздания новой невидимой Британской империи в создание глобальной наднациональной, нерегулируемой правительствами финансовой системы с центрами в Лондоне и Нью-Йорке.

Действовать семья Рокфеллеров и аффилированные с ней финансово-промышленные группы стали на трёх фронтах. Прежде всего в Лондоне — сердцевине создания нового неконтролируемого глобального финансового рынка и столице Британского содружества наций и невидимой Британской империи. В своих воспоминаниях Д. Рокфеллер пишет, что никогда не путешествовал так много, как в период с 1965 по 1971 г. При этом главное внимание он обратил на Лондон и на те европейские страны, которые входили в сферу британского влияния, прежде всего Голландию, Бельгию, Люксембург, и отчасти на азиатские страны.

Вот что пишет Дэвид Рокфеллер в книге, изданной на русском языке под названием «Клуб банкиров»: «Первое изменение касалось стоимости и наличия фондов — той жизненной субстанции, которая лежит в основе банковской деятельности. Начиная с 1930-х годов, Федеральная резервная система строго регулировала процент, который коммерческие банки могли выплачивать по срочным вкладам, и запрещала выплату процента по вкладам до востребования, которые в результате этого становились основным источником фондов для кредитования. Таким образом, подавляющая часть наших фондов, предназначенных для кредитования, стоила нам очень немного, что повышало прибыль банка. Однако в конце 1950-х годов эта система начала меняться, поскольку Соединённые Штаты вошли в фазу экономического роста, сопровождавшуюся резким увеличением спроса на кредит. Ни “Чейз-бэнк”, ни другие коммерческие банки не могли поддерживать увеличение объёма депозитов, необходимое для того, чтобы идти в ногу с подъёмом спроса на займы. По мере того как банковский кредит становился всё менее доступным, компании обращались к небанковским источникам финансирования, таким, как страховые компании, и начали выпускать свои собственные коммерческие бумаги. Банки реагировали на эту конкурентную угрозу путём покупки на рынке дополнительных средств — главным образом за счёт недавно созданного финансового инструмента, получившего название “свободно обращающегося депозитного сертификата”, а также за счёт выхода на рынок “евродолларов”.

Депозитные сертификаты (ДС) представляют собой срочные депозиты, по которым банк соглашается на выплату фиксированного процента за конкретный пе-

риод времени. В 1961 году в попытке сделать ДС более привлекательными для корпораций крупные нью-йоркские банки, первым среди которых был “Сити-бэнк”, выпустили эти традиционные банковские финансовые документы в обращающейся форме. В качестве добавочного стимула банки создали вторичный рынок, так что инвесторы могли продавать свои ДС за наличные деньги. Короче говоря, компании могли зарабатывать процент на свой рабочий капитал, сохраняя его полную ликвидность. Банки получили доступ к новым источникам фондов для кредитования, но за значительную дополнительную цену.

В это же время американские банки начали также выходить на рынок евродолларов (доллары США, обращающиеся вне Соединённых Штатов) в поисках дополнительных источников фондов для кредитования. Поскольку евродоллары не были объектом регулирования Федеральной резервной системы и не подпадали под требования в отношении процентных ставок или резерва, американские банки воспользовались этим новым источником “нерегулируемых” депозитов для кредитования за границей. Банки могли осуществлять займы на более благоприятных условиях, а вкладчики могли получать более выгодные процентные ставки за свои деньги.

Хотя появление ДС и выход на рынок евродолларов решали проблемы “доступности фондов”, нам теперь приходилось выплачивать проценты на значительно большую часть наших фондов для кредитования. В результате депозитные сертификаты оказали отрицательное влияние на прибыль банков. Поскольку мы не могли переводить на наших клиентов полную стоимость более высоких процентных ставок, которые теперь платили за фонды для кредитования, мы оказались в тисках, когда прибыль снижалась. Это фундаментальным образом трансформировало роль коммерческих банков Соединённых Штатов — их отход от исторической роли в качестве первичных источников кредитования для американских корпораций и превращение в брокеров кредита и продавцов услуг за отдельную оплату. В результате банки должны были искать дополнительные источники дохода вне Соединённых Штатов.

Второе фундаментальное изменение — расширение крупнейших мировых компаний за пределы национальных границ — создало ещё большее давление на банки в плане их расширения за рубеж. Многие американские корпорации создавали производственные и торговые предприятия в Европе и Латинской Америке и хотели, чтобы их американский банк присутствовал в соответствующей стране вместе с ними. В то же время многие европейские и немногие японские компании распространили свою деятельность на Соединённые Штаты и участвовали в конкуренции за рынки в Азии, Африке и Латинской Америке. Чтобы удовлетворить нужды как американских, так и иностранных мультинациональных корпораций, у коммерческих банков не было другой альтернативы, кроме предоставления полного диапазона банковских продуктов и услуг как за рубежом, так и на внутреннем рынке.

Конкуренция между американскими и иностранными банками за эту новую деятельность с транснациональными корпорациями была интенсивной. Если “Чейз-бэнк” хотел удержать своё лидирующее положение внутри страны, он должен был конкурировать за рубежом за обслуживание иностранных корпораций, даже если это приводило к осложнению отношений с нашими иностранными корреспондентскими банками, как предсказывала старая гвардия. Если “Чейз” хотел эффективно участвовать в международной банковской деятельности, абсолютно необходимым

условием было установление контактов с представителями местного бизнеса и государственными чиновниками в тех странах, где мы собирались вести бизнес. А это означало, что мои поездки за рубеж приобретали дополнительную важность...

...в 1966 стало ясно, насколько сильны были позиции «Сити-бэнк» не только в Лондоне, но и почти в каждой другой большой стране Западной Европы. «Сити-бэнк» работал напрямую с европейскими компаниями и начинал завоёвывать сильные позиции в отношении американских клиентов «Чейза» в их операциях за рубежом — тут существовала опасность, о которой я предупреждал уже давно.

Обо всём этом было доложено Джорджу⁴⁶³, который, в конце концов, согласился, что мы должны укреплять нашу работу в Европе для противодействия этой угрозе. Последующее исследование, выполненное тем же верным сотрудником Чэмпiona, подтвердило, что конкурентность «Чейз-бэнк» требовала создания плацдарма практически в каждой стране Западной Европы. Это исследование изменило всё. Джордж мог отмахиваться от моего энтузиазма в отношении расширения, однако он не мог отвергнуть аргументированные взгляды одного из своих наиболее доверенных людей. В результате мы начали планировать создание филиалов на всём континенте — этот процесс занял все остальные годы десятилетия. На протяжении этого периода «Чейз» приобрёл ряд важных компаний и создал ряд филиалов.

В Бельгии мы купили 49% Коммерческого банка у его материнской компании — Брюссельского банка. «Чейз» также приобрёл 30% акций Нидерландского кредитного банка, который располагал более чем 60 отделениями по всей Голландии. Мы создали совместное предприятие с Банком Ирландии, а также приобрели контрольные пакеты или полностью стали владельцами ряда банков Австрии и Швейцарии. И мы продолжали расширять масштабы работы и позиции наших «флагманских» отделений в Лондоне, Париже и Франкфурте, а также создали новые отделения в Греции и Италии. К концу десятилетия «Чейз» присутствовал в каждой из главных европейских и азиатских столиц⁴⁶⁴.

Нетрудно заметить, что Д. Рокфеллер максимально развернул сеть «Чейз-бэнк» в ключевых точках воссоздаваемой финансовой Британской империи, а именно в Лондоне, Брюсселе, Амстердаме, Люксембурге, Гонконге и Сингапуре. Чрезвычайно важной была покупка бельгийского банка. Именно в Бельгии, чья правящая династия была наиболее близкородственна Виндзорам, в середине 1960-х годов было решено расположить центральный расчётный центр банков, который позднее превратился в сеть SWIFT, центр клиринговых расчётов, в 1980-е годы получивший название Euroclear, и другие международные расчётные финансовые центры, дополняющие Лондон до целостной структуры.

В результате эффективных действий Дэвида Рокфеллера и поддерживающей его группы хозяев и топ-менеджеров крупнейших транснациональных корпораций «Чейз-бэнк» к концу 1960-х годов стал третьим по объёму операций на рынке евродолларов, включая не только валютные, но и кредитные и своповые операции. «Чейзу» удалось обойти не только Моснарбанк, длительное время занимавший третье место по объёму операций, но и «Сити-бэнк», который первым из

⁴⁶³ Джордж Чэмпин.

⁴⁶⁴ Рокфеллер Д. Ук. соч. Цит. по <https://biography.wikireading.ru/184128>

американских банков пришёл на рынок евродолларов практически в момент его образования.

Однако для того, чтобы из одного из ведущих «Чейз» стал крупнейшим банком нового глобального финансового порядка и на этой основе и в сотрудничестве с другими американскими банками не допустил бы превращения Лондона в исключительный центр глобальной финансовой системы, становящейся в таком случае не чем иным, как реинкарнацией Британской империи, усилий в Лондоне было недостаточно. Необходимо было изменить ситуацию в Соединённых Штатах.

Чтобы превратить Нью-Йорк в глобальный финансовый центр, который мог бы наравне с Лондоном функционировать в рамках глобальной нерегулируемой финансовой системы, необходимым было выполнение как минимум трёх условий. Прежде всего жизненно важно было изменить американское законодательство и ослабить ограничения, связанные с фактическим запретом для американских банков создавать крупные филиальные сети за рубежом в виде дочерних банков или прямых филиалов. Действующее с 1930-х годов законодательство существенно ограничивало американские банки и ставило их в менее выгодное конкурентное положение по сравнению с британскими, швейцарскими, голландскими и даже французскими и итальянскими банками. Если отдельным банкам типа «Ситикорп» или «Чейз» удавалось получить подобное разрешение, то, тем не менее, возможности работы со своими дочерними банками с использованием американских внутренних капиталов даже у них были весьма ограниченными.

Ещё в конце президентства Дж. Кеннеди Дэвид Рокфеллер стал одним из руководителей специального комитета администрации президента по платёжному балансу и финансам и оставался на этом посту во время всего срока президентства Л. Джонсона. Используя возможности Комитета, Д. Рокфеллеру во второй половине 1960-х годов удалось резко ослабить различного рода ограничения на операции американских банков со своими дочерними структурами за рубежом и по сути привести их в соответствие с условиями, в которых действовали британские и континентальные банки. Фактически с этого момента американские банки могли в полной мере использовать колоссальные возможности своих внутренних финансовых накоплений для операций на внешних рынках капитала и прежде всего на нерегулируемом рынке евродолларов. Однако в полной мере реализовать это преимущество вплоть до 1971 г. не удавалось из-за того, что формально продолжала действовать двухуровневая система привязки всех валют к доллару, а доллара — к золоту. В связи с этим, несмотря на юридическое разрешение, администрации Л. Джонсона и Р. Никсона просили банки ограничить свои иностранные финансовые операции, чтобы окончательно не дестабилизировать валютный запас Соединённых Штатов. Дело в том, что, начиная с середины 1960-х годов, положительное сальдо финансовых операций США сменилось отрицательным сальдо. В этих условиях Америка ежегодно вынуждена была менять часть поступающих, в том числе с еврынка, долларов на реальное золото.

Дэвид Рокфеллер едва ли не первым, благодаря своим связям в Лондоне, а также собственным информационным источникам в Москве, выяснил, что с 1967 г. банкирам Сити и стоящей за ними аристократической элите при помощи Моснарбанка удалось разрушить двухуровневую систему золотого стандарта, о чём напи-

сано в предыдущей главе, и тем самым поставить Америку по сути в безвыходное положение. В этих условиях группа Д. Рокфеллера предприняла срочные меры в Вашингтоне. Заручившись поддержкой советника Р. Никсона по бюджету, а позже госсекретаря Дж. Шульца и будущего главы ФРС, а тогда заместителя министра финансов П. Волкера, они стали работать над отменой привязки доллара к золоту и демонтажом Бреттон-Вудской системы. В 1971 г. это было реализовано по факту. Доллар был отвязан от золота и стал такой же фиатной валютой, как и все другие резервные валюты.

Однако достижение группой Д. Рокфеллера целей в Британии и Америке было обязательными, но недостаточными условиями решения той глобальной задачи, которую она перед собой поставила. Ключ, как мы поймём дальше, находился в Москве. И никто кроме Д. Рокфеллера в силу самых разных причин, в том числе связанных с историей XX в., не был способен добыть этот ключ и отпереть им дверь к глобальному доминированию финансового капитала в современном мире. Рокфеллеры никогда не страдали самоуверенностью и неосмотрительностью. Дэвид Рокфеллер отдавал себе отчёт в том, что решить эту задачу исключительно силами семьи, опираясь только на историю взаимоотношений между СССР и Рокфеллерами, невозможно. Нужны дополнительные союзники и ресурсы.

3

В связи с этим необходимо обратить внимание на две фигуры. Начнём с одной из самых влиятельных политических фигур последней четверти XX – начала XXI в., знаменитого Генри Киссинджера. Г. Киссинджер ещё с первых послевоенных лет был связан с семьёй Рокфеллеров. За десятилетия, прошедшие с окончания Второй мировой войны, Киссинджер к президентским выборам 1968 г. зарекомендовал себя в Америке в качестве одного из самых глубоких мыслителей и аналитиков, звезды школы внешнеполитического реализма и едва ли не самого эффективного геополитического технолога и переговорщика. Поэтому неудивительно, что Д. Рокфеллер по сути принудил Р. Никсона включить в состав своей администрации Г. Киссинджера и в качестве его помощника — А. Хейга.

Касаясь отношений семьи Рокфеллеров с Р. Никсоном, нельзя не отметить, что они всегда были крайне напряжёнными и недоброжелательными. Р. Никсон начал свою карьеру как сотрудник знаменитого сенатора Дж. Маккарти, как активный участник его комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. В ходе этой работы Р. Никсон неоднократно пытался подступиться к ряду организаций, финансируемых семьёй Рокфеллеров, и прежде всего к знаменитому Тихоокеанскому институту, о котором было написано ранее. Однако в конкретной политической ситуации выборов 1968 г. у Р. Никсона не было шансов стать президентом без поддержки того крыла республиканцев, в которое входили Нельсон Рокфеллер, сам претендовавший на выдвижение в качестве кандидата в президенты от республиканцев, и губернатор Арканзаса Уинтроп Рокфеллер, иными словами, весь клан Рокфеллеров. Поэтому пакетное соглашение между семьёй Рокфеллеров и Р. Никсоном, обеспечившее последнему выдвижение в качестве республиканского канди-

дата на пост президента и финансирование его избирательной кампании, включало в себя не только отмену золотого стандарта и ограничивающих американские банки правил регулирования экспорта капитала, но и назначение на ключевые посты в администрации Г. Киссинджера, П. Волкера и А. Хейга.

О Киссинджере в Америке, в мире и даже в России написано много. Немало глубоких, интересных, но предельно скрытных книг написано и самим Г. Киссинджером. Однако применительно к теме нашей работы важно остановиться на одном аспекте, который одни относят к сфере конспирологии, а другие — к области неясных и непонятных слухов. Речь идёт о сотрудничестве Г. Киссинджера с советской разведкой. Начнём с весьма занятой публикации — книги «Тайные битвы XX столетия» Алексея Виноградова, вышедшей ещё в 1999 г. Несмотря на бульварное название, книга содержит много фактической информации, а ещё больше читается в ней между строк. Эффект от опубликования этой небольшой, всего в 450 страниц работы, превзошёл все ожидания не только издательства, но и самого автора. Она была замечена не только в России, но и за рубежом. Причём содержащаяся в ней фактическая, хотя и абсолютно неверно интерпретированная информация была оценена настолько высоко, что автор спустя 15 лет продолжает отказывать многочисленным издательствам в написании продолжения, расширенной редакции либо просто переиздании книги, ссылаясь на опасения за свою жизнь.

Г. Киссинджеру в книге посвящено несколько абзацев: «В 1962 г. на Запад перебежал видный деятель разведки КГБ, полковник Анатолий Голицын. Он сообщил ЦРУ новую стратегию Первого главного управления, которое теперь упор делало не на банальный сбор информации и не на диверсии, а на проникновение своих людей в высшее руководство западных стран и особенно их спецслужб. Голицын располагал приблизительной информацией об уже внедрённых агентах: по ней вычислили начальника штаба шведской армии Венстрема и ряд других крупных советских шпионов за рубежом.

Среди вычисленных были, к примеру, двое начальников отделов французской службы ДСТ и Генри Киссинджер, тогда чиновник Госдепартамента США. Ещё в начале 1960-х гг. его сдал сотрудничавший с ЦРУ чиновник советского МИДа Анатолий Филатов, а позже — перебежавший на Запад полковник польской разведки Голеневский...

Киссинджер признал в своих мемуарах факт тайных встреч в бытность свою уже в 70-е годы Госсекретарем США с советским послом Добрыниным и офицером КГБ Седовым. О том, что на этих беседах в отеле “Пьер” обсуждались весьма щекотливые моменты американской политики, было известно ФБР, но оно никаких мер не предпринимало»⁴⁶⁵.

В своей книге Алексей Виноградов упоминает, что во время президентства Дж. Картера всё то же ФБР получило информацию от чиновника советского МИДа Анатолия Филатова о том, что Г. Киссинджер в середине 1970-х годов имел тесные длительные контакты с советской разведкой. В итоге заместитель помощника Картера по национальной безопасности Дэвид Аарон сообщил эту информацию румынскому дипломату, известному связями с КГБ. После этого Филатов был аресто-

⁴⁶⁵ Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М.: Олма-пресс, 1999. Цит. по <https://history.wikireading.ru/389477>

ван в Москве и вскоре расстрелян. При этом Д. Аарон продолжал свою карьеру при президенте Картере, а затем вернулся на государственную службу в составе администрации Б. Клинтона. Данный факт также подтверждён ссылками на американские архивы известным американским специалистом по спецслужбам Э. Эпштейном в своей книге «Обман» («Deception») ⁴⁶⁶, посвящённой знаменитому руководителю американской контрразведки Д. Энглтону.

Более детально ситуацию с Г. Киссинджером анализирует ныне покойный известный американский конспиролог и при этом человек, скрупулёзно относившийся к фактам и документам и в отличие от вульгарных специалистов по теории заговоров обосновывавший свои гипотезы и выводы ссылками на документы Г. Аллена в книге «Киссинджер. Секретная сторона Государственного секретаря». С учётом того, что книга Г. Аллена не переводилась и вряд ли будет переведена на русский язык, позволим себе значительные, на несколько страниц, выдержки из 11-й главы книги «Человек Москвы в Вашингтоне?»»: «14 августа 1975 года, во время пресс-конференции в отеле “Хаят” в Бирмингеме, штат Алабама, Госсекретарю Генри А. Киссинджеру задали самый смущающий вопрос. Репортер спросил:

“Г-н Секретарь, мы получили отчёт, что полковник Михал Голеневский, который был офицером польской военной разведки во Второй мировой войне, идентифицировал список агентов и офицеров КГБ и ГРУ, которые с тех пор были арестованы, попали под суд и были признаны виновными.

Полковник... идентифицировал также Вас, г-н Киссинджер, как работавшего на советскую разведывательную сеть — кодовое название ОДРА — размещённую в Германии во время Второй мировой войны, в то самое время, когда Вы были следователем военной контрразведки армии США и преподавателем в школе военной разведки.

Действительно ли это так? А если нет, то как Вы объясните, почему Ваше имя находится в списке Голеневского?”

С характерной самоуверенностью внешне невозмутимый Госсекретарь ответил: “Я не знаю, кто такой полковник Голеневский, но я думаю, что ему нужно дать Пулитцеровскую премию за беллетристику”» ⁴⁶⁷.

«Но с этим связана другая история, а фактически даже несколько историй.

Начнём с того, что как один из самых высокопоставленных людей, отвечавших за национальную безопасность, к которому и через которого стекаются все данные всех разведок в Вашингтон и из Вашингтона, Генри Киссинджер, конечно, знал, кто такой полковник Голеневский.

Во-первых, как мы увидим, Голеневский был одним из самых важных невозвращенцев из аппарата разведки коммунистического блока, который когда-либо смог достигнуть наших берегов. Его «расспрос» Государственным департаментом и ЦРУ занял годы; за это время Голеневский идентифицировал сотни двойных агентов, и его отчёт был непревзойдённым по точности.

Кроме того, слухи о вербовке Киссинджера КГБ ходили в течение многих лет и были предметом сотен, если не тысяч запросов к Государственному департаменту

⁴⁶⁶ Epstein E.J. Deception: The Invisible War Between the KGB and the CIA. North Charlston (Cal.): CreateSpace Independent Publishing Platform, 1989.

⁴⁶⁷ Allen G. Kissinger. The Secret Side of the Secretary of State. N.Y.: Buccaneer Books, 1994. (глава 11 Человек Москвы в Вашингтоне?) Цит. по <http://www.sweetliberty.org/issues/homeland/kissinger/>

и Белому дому. Едва ли возможно, что Генри К. — человек, который собирал сплетни так же, как Дж. Пол Гетти собирал картины — не услышал бы о них.

История фактически началась в начале 1950-х, когда один полковник в польской разведке начал снабжать американцев данными о советских операциях и агентствах. Человек назвался Михалом Голеневским и сказал, что был верным антикоммунистом.

В течение следующего десятилетия Голеневский снабдил американских агентов более чем 5000 страниц сверхсекретных документов, 160 микрофильмами секретных отчётов, 800 страницами советских разведывательных сводок, именами сотен коммунистических агентов в Западной Европе и многим другим.

Тогда в 1961 г., боясь, что его шпионаж на пользу США будет обнаружен КГБ, Голеневский сбежал в Соединённые Штаты. Он прибыл в эту страну 12 января 1961 г. на военно-транспортном самолёте ВВС США в сопровождении агента ЦРУ Гомера Э. Романа.

Офицер безопасности Государственного департамента Джон Норпл-младший свидетельствовал перед подкомиссией Внутренней безопасности Сената, что среди обильной информации, которой Голеневский снабжал американцев во время трёхлетних опросов, ни один факт не был признан неверным или неточным.

Известно, что сведения Голеневского привели, среди прочего, к разоблачению главного сексуально-шпионского скандала в американском посольстве в Варшаве, идентификации советского разведчика полковника Конона Молодого и четырёх членов его ячейки в Англии, разоблачению шведского полковника Стига Эрика Веннерстрёма как двойного агента и генерала в советском КГБ.

Голеневский показал, что офицер британской разведки Джордж Блэйк был советским шпионом, он идентифицировал множество других сотрудников КГБ и ГРУ в Западной Германии, Дании, и Франции. Столь ценными были его открытия, что 88-й Конгресс издал Резолюцию 5507, чтобы поблагодарить Голеневского за его вклад в американскую безопасность и в наши усилия по разведке.

Резолюция в частности гласила, что Голеневский «сотрудничал с правительством выдающимся образом и при обстоятельствах, которые содержали для него серьёзный личный риск. Он продолжает вносить крупный вклад в национальную безопасность Соединённых Штатов. Его основным мотивом в предложении работать с правительством было и остаётся его желание противостоять угрозе советского коммунизма».

Другими словами, этому человеку вполне можно было доверять. Он был высокопоставленным коммунистическим разведчиком; он выдал буквально сотни коммунистических агентов на Западе — людей, являвшихся предателями тех стран, которым они якобы служат.

И какой главный смысл этой истории? Точно этот: одним из людей, идентифицированных Голеневским в начале 1960-х как советские агенты, был неизвестный профессор в Гарварде по имени Генри А. Киссинджер. Вот невероятный рассказ, описанный Аланом Стэнгом, пишущим редактором журнала «Американ Опинион» в мартовском номере за 1976 год:

«В первые дни после Второй мировой войны Советы организовали агентурную сеть в Польше под кодовым обозначением ОДРА. Её главная цель состояла в том,

чтобы проникнуть в британскую и американскую военную разведку. Сетью ОДРА руководил советский генерал, якобы по фамилии Железников; его местным руководителем был полковник Куюн (Кужун?).

В 1954 Куюн был отозван в Москву объяснить таинственное убийство советской женщины-курьера и исчезновение важного материала, включая 480 тысяч из разведывательного фонда. Боясь расстрела, Куюн попытался совершить самоубийство, но вместо этого раненый попал в больницу, которой управляет GZI, польский эквивалент российского КГБ.

Руководитель GZI полковник Вознесенский подробно допросил Куюна. Он хранил результаты своего расследования в сейфе. Вознесенского позже заменил полковник Скульбашевский, которого в 1956 непосредственно сменил Голеневский. “Польский” агент сказал Стэнгу, что он унаследовал офис Скульбашевского, его досье и сейф, в последнем содержалось приблизительно 1500 страниц документов.

Приблизительно двадцать страниц этих документов были на русском языке и написаны почерком Вознесенского. Они касались допроса полковника Куюна в 1954 году и включали список истинных имён, так же, как и псевдонимов, основных агентов сети ОДРА в Европе.

Одним таким шпионом был Эрнст Бозенхард, который был нанят как клерк в американском штабе разведки в Обераммергау, Германия. Бозенхард переслал невыразимое количество сверхсекретных документов Москве, прежде чем был арестован и признан виновным в шпионаже в 1951 году.

Другое имя в списке Вознесенского был агент “Бор”, который работал с Бозенхардом в Обераммергау. Обновление 1954 года указало, что “Бор” возвратился в Соединённые Штаты, был теперь в Гарвардском университете и тайно сотрудничал с Центральным разведывательным управлением США.

Согласно списку, настоящим именем “Бора” был сержант Генри А. Киссинджер. Стэнг затем сообщает о следующей беседе, которую он имел с Голеневским:

“Вы фактически присутствовали, когда КГБ открыл сейф полковника Скульбашевского?”

“Ну, я открыл сейф полковника Скульбашевского”.

“Вы открыли его сами?”

“Правильно”.

“И в сейфе полковника Скульбашевского был список советских агентов — и в том списке было имя: Генри Киссинджер”.

“Правильно”.

Голеневский также сказал Стэнгу:

“В это время я узнал о сержанте Киссинджере, сержант Киссинджер был для меня совсем никто. Я не знал, кем он был. Я не знал, был ли он еврей или он был немец, или каким ещё чёртом он был. Что я знал, так это то, что он каким-то образом попал в сеть советской контрразведки “Смерш” под псевдонимом “Бор”, и это произошло когда-то в Германии после того, как он попал туда с американской армией. И в 1961 году для меня это был один из сотни случаев. Я ему не уделял внимания. Таких случаев действительно были сотни, как Вы видите”.

Если есть пусть даже самая отдалённая возможность, что эти обвинения верны, как мог Киссинджер получить хоть какую-то правительственную должность, не го-

вора уже о той высокой позиции, которую он занимает сегодня? Во-первых, вспомните, что к 1968 году открытия Голеневского были похоронены глубоко в недрах правительственных управлений безопасности.

Кроме того, Ричард Никсон столь стремился заполучить Киссинджера на должность, что президент отказался от нормальной проверки безопасности Генри. К тому времени, когда проблема была поднята, Киссинджер был “царём горы” в том, что касалось безопасности; он сам приказывал следователям кем, следует заниматься.

Да, это могло произойти... и происходило. Тридцать лет назад Алджер Хисс своим примером доказал, что советский шпион может сидеть по правую руку от президента. Только два года назад западногерманский канцлер Вилли Брандт был вынужден уйти в отставку, когда было доказано, что один из его главных помощников, Гюнтер Гийом, был восточногерманским коммунистическим шпионом. Гийом дурачил западногерманскую контрразведку — которая очень чутко ощущает коммунистические методы проникновения — в течение многих лет.

Были усилия отклонить обвинения Голеневского как “дезинформацию”, тщательно подготовленную КГБ. Один автор, Ричард Дикон, даже предполагает в своей книге “Китайская секретная служба”, что КГБ был готов пожертвовать такими ключевыми агентами как Веннерстрём, Блэйк, Молодой и Крогеры, чтобы повысить доверие к ложному невозвращенцу.

Такое обвинение предполагает, что Советы расценивают Генри К. как опасного антикоммунистического противника. Но насколько мы видели, на самом деле это абсолютно не так! Генри — по крайней мере, один из пользующихся наибольшим доверием друзей и коллег коммунистов.

Кроме того, обвинения Голеневского появились по меньшей мере двенадцать лет назад — задолго до того, как Генри К. достиг какого-либо национального положения или престижа. Это — факт, что Голеневский узнал об имени Киссинджера как советского агента так давно, когда не было повода преследовать какие-либо корыстные цели в отношении Киссинджера, потому мы вправе полагать, что обвинение верно.

Но странно, что за исключением нескольких статей в маленьких журналах о разведке, главные СМИ отказались коснуться утверждений Голеневского даже десятифутовым шестом. Возможно, правдоподобность его была запятнана, когда нью-йоркская газета идентифицировала “польского” невозвращенца как сына русского царя Николая II.

Среди них, например, можно было бы назвать Уилфреда Бёрчетта, австралийского коммуниста, который был лишён паспорта его собственным правительством из-за помощи коммунистам в Корейской войне. Бёрчетта приветствовал в Вашингтоне Киссинджер в 1971 г. для “консультаций” о войне во Вьетнаме. Человек, который помог обеспечить фальшивые “доказательства” биологической войны от союзнических военнопленных во время Корейской войны, был одним из пользующихся наибольшим доверием эмиссаров Ханоя.

Как весело! Только что было сказано, что мы никогда не узнаем. Но для Киссинджера основывать любую часть переговоров на заявлениях Бёрчетта, это то же самое, как консультироваться с Аль Капоне о том, как очистить Чикаго от преступности!

Намного более важный контакт Киссинджера — таинственный Виктор Луи, один из пользующихся наибольшим доверием Москвы — и самый важный — агент КГБ. Киссинджер, как сообщают, встречался тайно с Луи в советском посольстве в Лондоне сразу после его первой поездки в красный Китай. “Виктор Луи” — в действительности, Виталий Евгеньевич Луй, который действует под прикрытием московского корреспондента для лондонской газеты “Ивнинг Ньюс”.

Даже случайное исследование коллег Киссинджера и сотрудников в государственном департаменте показывает удивительное подобие в методах, которыми эта толпа глядит, идёт и квакает. Среди многих вещей, объединяющих их всех, непоколебимая преданность разрядке, понижение американской обороноспособности, ущерб нашей национальной безопасности, заигрывание с Советами и помощь коммунистическому миру.

Одним из ключевых назначенцев Киссинджера, например, является Хельмут Зонненфельдт, давний представитель Госдепартамента, который теперь отвечает за торговлю с коммунистами.

Кореш ещё со времён военной службы Киссинджера в Германии Зонненфельдт, как известно, был предметом шпионских исследований. Согласно специалисту разведки Фрэнку Кэпеллу, три бывших американских чиновника дипломатической службы свидетельствовали под присягой, что в 1950-х Зонненфельдт передавал секретную информацию “агентам иностранной державы”. Кэпелл говорит, что Зонненфельдт также поставил под угрозу американские шифры и что офицеры охраны рекомендовали открыть против него судебное преследование.

Назначение Зонненфельдта на высокий пост министерства финансов должно было быть отозвано несколько лет назад, когда стало известно, что свидетели стремились засвидетельствовать, что Зонненфельдт лжесвидетельствовал во время слушаний об утверждении его назначения.

Но даже при том, что Зонненфельдт был отмечен как угроза безопасности, Генри К. “очистил” своего приятеля через Управление безопасности. Как? Назначив Джесси Макнайта на должность проверяющего. Макнайт был с уверенностью сочувствующим — он был идентифицирован в прошлом как агент советской разведки и предоставлял советской агентке Джудит Коплон правительственные отчёты. Участник Совета по международным отношениям Зонненфельдт мог чувствовать себя в безопасности с Макнайтом, отвечающим за ловлю подрывных элементов.

Зонненфельдт — единственный член кружка Киссинджера, который посещает конференции за закрытыми дверями с советским послом Добрыниным. Конечно, Зонненфельдт работал в тесном сотрудничестве с Киссинджером в Москве во время переговоров по ОСВ I. Это Зонненфельдт сказал, что никакие усилия не должны быть приложены нами — или разрешены другим — для освобождения порабождённых народов и характеризовал желание поляков освободиться как “романтичные политические склонности”.

Макнайт и Зонненфельдт были не единственными угрозами безопасности, помогающими фальшивочному цеху команды Киссинджера. Отнюдь нет. Киссинджер устроил Уильяма О. Холла, известного офицерам безопасности как партнёр и контактное лицо известных коммунистов и советских агентов, на должность генерального директора американской Дипломатической службы, хотя он ещё в 1956 году был идентифицирован как серьёзная угроза безопасности.

Холл был уверен в себе, пока “The Review of the News” не раскрыла его фонд в 1972 году. Тогда Холл решил уйти в отставку.

Это, возможно, покажется менее озадачивающим, если мы отметим, что в недавнем случае апелляции государственного департамента чиновник дипломатической службы рассказал, как Клоссон мешал ему отослать в Вашингтон отчёт, посвящённый операциям КГБ против американцев в России.

И затем есть невероятный случай выбора Киссинджером американского посла в Чили. Киссинджер выдвинул ультралевого Дэвида Поппера, чтобы представлять нас в стране, которая только что свергла первое избранное коммунистическое правительство в Латинской Америке.

Поппера, который был связан с подрывным Институтом тихоокеанских отношений, принял на работу в государственный департамент Алджер Хисс. Он также работал в редакционной коллегии “Амерэйши”, журнала, который был позже разоблачён как центр советской шпионской сети.

Выбор нашим госсекретарём американского посла в Китайской Республике (Тайвань) — то есть, в свободном Китае — был ещё более возмутительным. Это был не кто другой, как Леонард Унгер, наш бывший посол в Таиланде, человек на сцене во время подозрительного ниспровержения антикоммунистического правительства премьер-министра Таном Киттикачорна.

Более двух десятилетий назад бывший советский агент по имени Элизабет Бентли потрясла комитет Конгресса, засвидетельствовав, что Советы управляют четырьмя агентурными сетями внутри американского правительства. Только две из сетей когда-либо были раскрыты. Согласно одному управлению безопасности, одна из неразоблачённых сетей работала в европейском отделе государственного департамента; конфиденциальный отчёт идентифицировал как участников шесть человек, включая Леонарда Унгера.

По крайней мере, один из близких контактов Киссинджера признаётся, что был коммунистом. Это человек, которого ФБР однажды идентифицировало как главного сотрудника КГБ, — советский посол Анатолий Добрынин, руководитель всех операций КГБ в Соединённых Штатах.

Теперь известно, что расследование действий ЦРУ комиссией Рокфеллера (что похоже на то, как Джесси Джеймс расследовал бы дело Долтонов) выявило доказательство существования запутанной шпионской сети КГБ на Капитолийском холме. У Советов даже была возможность перехвата телефонных звонков Конгресса и Белого дома! Что Киссинджер сделал, узнав об этом проступке его друзей? Он вмешался в их пользу!

25 августа 1975 года журнал “Newsweek” сообщал:

“Стремление Генри Киссинджера избежать напряжённости в американо-советских отношениях распространялось на редактирование комиссии Рокфеллера по расследованию разведывательной деятельности. Оригинальный проект... доклада содержал длинный раздел о советском шпионаже в США, включая способность КГБ перехватывать коммуникации Белого дома через специальные антенны на крыше посольства СССР. Это место было вырезано из отчёта Рокфеллера при его рассмотрении Советом национальной безопасности, который возглавляет Киссинджер”.

К середине 1975 года и Комиссия Рокфеллера, и комитет под председательством сенатора Фрэнка Чёрча расследовали деятельность и ЦРУ, и ФБР. Но любой, кто поверит, что комитеты были обеспокоены коммунистической деятельностью в этой стране, к сожалению, ошибается.

На самом деле комитеты занялись тем, что вычищали антикоммунистов. То, что ещё оставалось от американской внутренней безопасности, стремительно шло коту под хвост, поскольку Великий К. достиг власти над национальным разведывательным сообществом. Вывод ясен: подразделение службы Внутренней безопасности министерства юстиции было распущено в марте 1973 года; Совет по контролю подрывной деятельности был демонтирован три месяца спустя; в 1974 году Список подрывных организаций Генерального прокурора был устранен; Комитет по Внутренней безопасности палаты был распущен в январе 1975 года»⁴⁶⁸.

Все факты в приведённом отрывке книги Г. Аллена так же, как и сведения, содержащиеся в работе А. Виноградова, подтверждаются многочисленными документами, а также беседами с отставными работниками спецслужб различных государств, включая США, СССР, Великобританию. Однако пример Г. Киссинджера так же, как и «кембриджского множества» и целый ряд других, показывает, что в зазеркалье спецслужб действительность не просто, как правило, а можно даже сказать, систематически, не совпадает с реальностью и кажущиеся наиболее логичными, а потому очевидными объяснения оказываются неверными. Вполне понятно, что Г. Аллен, будучи по убеждениям правым консерваторм, мыслил так же, как мыслит подавляющее большинство российских, да и западных аналитиков и историков — в рамках коммунистическо-капиталистической дихотомии. Однако эта дихотомия является лишь поверхностным слоем действительности, за которым скрываются гораздо более глубокие и фундаментальные слои реальности.

Достаточно внимательно ознакомиться не только с собственными произведениями Г. Киссинджера — они как раз отличаются крайней степенью недосказанности, а прежде всего с его насыщенной фактическим материалом биографией⁴⁶⁹, чтобы установить, что с конца 1943 по 1946 г. Киссинджер служил не просто в армии США, а в военной разведке. Более того, с начала 1945 по 1946 г. он проходил службу в военной контрразведке, в задачи которой в последние месяцы войны и послевоенный период входило противодействие не только и не столько остаткам нацистских спецслужб, сколько НКВД и ГРУ. Более того, имеются сведения, что наставник Г. Киссинджера выдающийся американский стратег, военный мыслитель и аналитик конфликтов Фриц Кремер ещё с довоенного периода имел устойчивые отношения с Э. Гувером, а в военные годы — с его секретной разведывательной организацией. Поскольку имя Фрица Кремера русскоязычному читателю практически не знакомо, позволим себе привести небольшой фрагмент о нём и его отношениях с Г. Киссинджером из статьи одного из лучших военных аналитиков на постсоветском пространстве Р. Арзуманяна.

«В конце 2012 года увидела свет книга “Действительный хранитель священного (благодатного) огня. Наследие стратега и наставника Пентагона д-ра Фри-

⁴⁶⁸ Allen G. Kissinger. Op. cit. Цит. по <http://www.sweetliberty.org/issues/homeland/kissinger/>

⁴⁶⁹ Isaacson W. Kissinger. A Biography. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.

ца Кремера” германского геостратегиста доктора Губерта Хоффмана (Hubertus Hoffmann). В чём уникальность д-ра Фрица Кремера (Fritz Gustav Anton Kraemer)? Кремер сделал 27-летнюю карьеру в качестве советника по геополитике и стратегии в Пентагоне. С начала 1950-х до 1978 г. он занимал пост старшего гражданского советника начальника штаба Армии США и имел большое влияние в военном ведомстве на протяжении всей Холодной войны, в том числе и на министров обороны Джеймса Шлезингера и Дональда Рамсфелда. Ряд исследователей называют его серым кардиналом Пентагона времён Холодной войны.

Фриц Кремер состоял в штате Совета Национальной безопасности США при десяти президентах. Будучи выпускником Национального военного колледжа США (U.S. National War College), он вдохновлял поколения офицеров, государственных служащих. Кроме того, он был легендарным старателем и наставником политических и военных талантов, обладающим высоким боевым духом, моральными принципами и интеллектуальными ноу-хау. Достаточно будет перечислить некоторые из имён, состоявшихся благодаря Фрицу Кремеру.

Кремера называют “Киссинджером Киссинджера”. Именно он после встречи в 1944 г. пробудил в нём интерес к политической философии и истории и оставался его наставником и другом до середины 1970-х. “Фриц Кремер оказал огромное личное влияние на мои годы формирования. Экстраординарный человек, который будет частью моей жизни, пока я дышу”, — говорит Киссинджер. “Его ценность в качестве наставника, патрона, — добавляет он, — “была абсолютной”, и он “останется для меня маяком”»⁴⁷⁰. Существует ряд свидетельств, что Ф. Кремер привлёк своего молодого ученика Г. Киссинджера к работе в секретной разведывательной организации Гувера и именно поэтому после прохождения специальных курсов рекомендовал его в разведку. Кстати, в разведке Г. Киссинджер показал себя храбрым и осмотрительным младшим офицером, умеющим устанавливать контакты как с военными, так и с гражданским населением. Лишним подтверждением этих сведений является тот факт, что официальную работу на Рокфеллеров Г. Киссинджер начал в исследовательской структуре, спонсируемой и опекаемой Нельсоном Рокфеллером, который в годы войны был отнюдь не рядовым членом секретной разведывательной организации Гувера. Именно Нельсон Рокфеллер и рекомендовал Киссинджера своей семье и младшему брату Дэвиду.

Есть основания полагать, что ещё в военные годы посредством Г. Киссинджера была установлена связь с определёнными кругами в советской разведке, а затем, во второй половине 1960-х годов, эта связь была расконсервирована. Далее Г. Киссинджер, имевший опыт работы с русскими вообще и с советскими спецслужбами в частности, выступил идеальным интерлокером в контактах с доверенными лицами высшего советского руководства. Поскольку люди, находящиеся в плену обманчивой коммунистическо-антикоммунистической парадигмы, не могут представить себе согласованной работы высших представителей американского истеблишмента и ключевых деятелей советской партийной иерархии и разведки, то они, располагая определёнными всплывшими фактами, считали Киссинджера отнюдь не интерлокером, а агентом. Никаким советским агентом Киссинджер, конечно, никогда не

⁴⁷⁰ Арзуманян Р. Стратегическое наследие Фрица Кремера. http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=13023

был. Он выполнял важнейшие функции в осуществлявшейся в те годы сложной совместной советско-американской деятельности, в результате которой на одном этапе резко выиграли одни, а вторые потеряли всё. В последующем выяснилось, что часть выигравших также, возможно, потерпела поражение. В настоящее время всё больше складывается впечатление, что в итоге проиграли все.

4

Выяснив реальную роль и функции Генри Киссинджера не как советского шпиона, а как доверенного для обеих сторон лица в наднациональных межэлитных контактах самого высокого уровня, пора перейти к другому, в значительной мере диаметральному по характеристикам, но в чём-то близком по функциям мудрому гуру американской политики персонажу, а именно — к Арманду Хаммеру.

Этому удивительному человеку посвящено большое количество книг и статей, поэтому для любознательного читателя не составит труда найти детальные сведения о его жизни в интернете либо в книгах К. Блюмея и Г. Эдвардса⁴⁷¹, а также в работе Е. Эпштейна⁴⁷².

В книгах, статьях и телефильмах, посвящённых А. Хаммеру, широкой публике настойчиво внушалась мысль, что американский мультимиллионер, владелец одной из крупнейших нефтяных компаний мира, известный коллекционер, а по совместительству торговец наркотиками и оружием, был более чем 70-летним, с 1921 по 1991 г., агентом советской разведки.

Как и в большинстве подобных случаев одни авторы, например, Е. Эпштейн, близко сотрудничавший с американским разведывательным сообществом, особенно с ФБР, в истории Хаммера сознательно переставлял акценты и искажал действительность. Другие, например, К. Блюмей и Г. Эдвардс, скрупулёзно реконструируя разнообразные удивительные факты из жизни А. Хаммера, не находили другого объяснения совокупности сведений о миллиардере иначе как его принадлежностью к советской разведке.

Между тем дело обстояло гораздо интереснее. А. Хаммер происходил из еврейской семьи, имеющей российские корни, и его отец в самом деле был одним из основателей коммунистической партии США. Однако любопытно, что мало кто из исследователей обратил внимание на следующий факт: семья Хаммеров, которые до разорения относились к элите российских промышленников, была многолетним партнёром лондонских банкиров, теснейшим образом связанных с кланом Морганов. В связи с этим неудивительно, что сам А. Хаммер, отправившись в 1921 г. в Россию, где он встретился с В.И. Лениным и И.В. Сталиным, сделал это отнюдь не по политическим, а по коммерческим мотивам. Более того, совершенно не оценённым оказался тот факт, что из первой своей поездки помимо тесных связей с верхушкой большевистского руководства он привёз соглашение о концессии на крупнейший асбестовый рудник в России и право посредничать с американскими компаниями во взаимоотношениях с СССР.

⁴⁷¹ Blumay C. Edwards H. The Dark Side of Power: The Real Armand Hammer. N.Y.: Simon & Schuster, 1992.

⁴⁷² Epstein E.J. The Secret History of Armand Hammer. N.Y.: Random House, 1996.

Важным является то обстоятельство, что асбест — в то время критический материал для многих отраслей — в США практически полностью контролировался не кем иным, как Морганами⁴⁷³. Кстати, к В.И. Ленину А. Хаммер попал не по протекции своего коммунистического папы, а благодаря ходатайству чрезвычайно влиятельного в то время в коммунистической верхушке Ф. Ротштейна, о котором речь шла ранее. Напомним, что именно он финансировал съезды большевиков в Лондоне, имея отличные связи с верхушкой Сити.

В 1920-е годы А. Хаммер не только строит в СССР карандашную фабрику, известную позднее как знаменитая «Фабрика имени Сакко и Ванцетти», но и посредничает во взаимоотношениях американских компаний, контролируемых не только группой Морганов и связанных с ней промышленников, но и такими независимыми фигурами, как Г. Форд, Дюпоны, Рокфеллеры и т.п. В эти же годы он самым тесным образом знакомится со своим многолетним деловым партнёром А.И. Микояном, про которого в Советском Союзе ходила загадка: «Кто человек, про которого говорят — от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича?».

Благодаря знакомству с представителями высших кругов Советского Союза А. Хаммер становится интересным Э. Гуверу. Книга Эпштейна, которая является, пожалуй, наиболее детальной и наполненной фактами и размышлениями книгой о А. Хаммере, написанной с использованием архивов ФБР, направлена как раз на то, чтобы отвести подозрение от участия А. Хаммера в личной заграничной разведывательной сети Э. Гувера. Применительно к американской широкой публике и подавляющему большинству исследователей книга выполнила свою задачу и укрепила миф о А. Хаммере как об агенте Коминтерна, НКВД и КГБ. Однако ветераны американских спецслужб прекрасно понимали, как обстоят дела в действительности. Достаточно сказать, что А. Хаммер в течение жизни был принят всеми американскими президентами, за исключением Р. Рейгана. При этом консервативный Дж. Буш-старший снял с А. Хаммера судимость, связанную с его незаконными жертвованиями в ходе избирательной кампании ученика Дж. Маккарти Р. Никсона.

Гувер, который в любую минуту имел доступ ко всем президентам — от Рузвельта до Никсона, естественно, никогда не позволил бы агенту советской разведки становиться другом или доверенным каналом американских президентов. И, напротив, естественно, что всемогущего директора ФБР абсолютно устраивало, что именно А. Хаммер выступал тем самым теневым каналом, благодаря которому делались дела, в конечном счёте определившие наш сегодняшний мир и его безрадостное состояние.

Человек, долгие годы бывший одним из ближайших к А. Хаммеру людей, ветеран американских спецслужб Нейл Линдон в интервью газете *Sunday Times*, опубликованном после смерти магната, сказал буквально следующее: «Люди, близко знавшие Хаммера, ... видели его твёрдую убеждённость в том, что он может делать всё, что ему заблагорассудится, и всегда будет выходить сухим из воды... Видели, что жизнь подтверждает эту его убеждённость. Мы считали его способным на любое зло...»⁴⁷⁴.

⁴⁷³ Chernow R. *The House of Morgan: An American Banking Dynasty and the Rise of Modern Finance*. N.Y.: Grove Press, 2010.

⁴⁷⁴ Blumay C., Edwards H. *Op. cit.*

Биографы А. Хаммера справедливо указывали: «Деятельность Арманда Хаммера всегда совпадала с интересами невидимой руки рынка: в период нефтяных игр он занимался нефтью, с началом “зелёной революции” — в 1961 г., в его руках находились средства для организации производства мощностью более 50 млн. тонн химических удобрений в год. Банковский синдикат, возглавляемый Chase Bank, Bank of America, выделил через А. Хаммера Советскому Союзу около 200 млн. долл. в качестве кредита, в том числе на оплату строительства химического завода по производству удобрений. В результате в г. Тольятти был построен крупнейший завод по производству аммиака — «Тольяттиазот» (1979), а также магистральный аммиакопровод Тольятти – Горловка – Григорьевский лиман (Одесса) — уникальное даже по современным меркам сооружение, хотя аналоги существуют в США, Канаде, Мексике и Франции»⁴⁷⁵.

Не менее красноречивым выглядит список орденов и премий, полученных А. Хаммером. Он кавалер:

- советского ордена Дружбы народов;
- французского ордена Почётного легиона;
- итальянского Ордена за особые заслуги;
- шведского Королевского ордена Полярной звезды;
- бельгийского Ордена Короны;
- австрийского Рыцарского креста;
- Люксембургского королевского ордена Подвязки;
- Лауреат Национальной премии за бизнес и торговлю в США;
- Лауреат Премии мира, Пакистан;
- Лауреат Премии лидерства, Израиль.

Лишь конкуренция с далай-ламой, которого решительно поддержали британцы, помешала А. Хаммеру получить Нобелевскую премию мира за 1989 г., на которую его выдвинули одновременно Трёхсторонняя комиссия, М.С. Горбачёв и израильский премьер М. Бегин.

Касаясь государственных премий, от внимательного глаза не ускользнет то, что наркоторговец, специалист по отмыванию денег и нефтебарон получил премии таких знаковых аристократических фамилий, как Саксен-Кобурги, Бурбоны и Бернадотты. Характерной является и ещё одна деталь. Как рассказывал автору отставной высокопоставленный сотрудник ЦРУ, когда в конце 1960-х – начале 70-х годов сотрудники ЦРУ и Управления по борьбе с наркотиками попытались начать преследование А. Хаммера за его связи с колумбийскими партизанами, а по совместительству и наркоторговцами, а также их собратьями в Боливии, которые, так же как и колумбийские и венесуэльские повстанцы, имели теснейшие отношения с Кубой, именно ФБР жёстко пресекло это расследование, фактически запретив его на территории США.

В заключение экскурса в некоторые факты биографии А. Хаммера нельзя не отметить близость его посмертной судьбы к судьбе ещё одного мультимиллионера, газетного магната, также подозреваемого в шпионаже в пользу СССР — Роберта Максвелла. Обоих этих людей объединяют не только широчайшая популярность при жизни и презрение к ним после смерти, подозрение в шпионаже в пользу КГБ, но и

⁴⁷⁵ Blumay C., Edwards H. Op. cit.

то, что в последние годы достоверно выяснилось, что они работали в тесном контакте с разведкой Израиля Моссад. Объединила их и ещё одна загадка. Оба, по сути, ничего не завещали близким. Также после смерти выяснилось, что оба они не мультимиллионеры, а должники, оставившие после смерти кредиторам примерно по полмиллиарда долга. Любопытно также, что в обоих случаях кредиторы не имели никаких претензий к родным и близким, а структуры — соответственно медийная империя Мак-свелла и нефтяная компания «Оксидентал Ойл» Хаммера — благополучно живут и вполне процветают спустя и 40–50 лет после смерти своих владельцев.

Загадка того, каким образом и кредиторы, и родственники остались довольны и без претензий, а компании продолжили своё существование, тесно связана с другими тайнами. К ним относятся, например, неизвестно откуда взявшиеся состояния таких персонажей, как Лакшми Миттал, Марк Ричи и им подобные. Эти и другие истории мультимиллионеров и миллиардеров имеют слишком много общего, чтобы оказаться похожими по чистой случайности. Все эти состояния так или иначе связаны с тайными наднациональными контактами между элитами Запада и правящими кругами СССР и постсоветской России. Но это отдельная тема.

С учётом особых отношений Э. Гувера с семьёй Рокфеллеров через Н. Рокфеллера неудивительно, что Д. Рокфеллер привлёк А. Хаммера к реализации своего поистине судьбоносного плана, о котором речь пойдёт впереди. В 1968 г. он, как указывает Д. Гвишиани в своей книге воспоминаний, инициировал выход А. Хаммера на высшее советское руководство именно через него, Гвишиани. Данное обстоятельство неудивительно, поскольку вплоть до середины 1969 г. Д. Рокфеллер не до конца понимал расстановку в советском руководстве и считал преждевременным вмешиваться, делая чёткий выбор между той или иной группировкой. После устранения группы А. Шелепина оба варианта — и Л.И. Брежнев со стоящими за его спиной М.А. Сусловым, Ю.В. Андроповым и А.А. Громыко, и неоформленная до конца группа А.Н. Косыгина с хозяйственниками, крайне влиятельной в то время Академией наук и в какой-то степени военными, — устраивали Д. Рокфеллера.

По мере накопления информации, включая личные встречи с Г. Арбатовым и Е. Примаковым, и, по всей вероятности, не без консультаций с Э. Гувером Д. Рокфеллер принял решение разделить каналы взаимодействия и убеждения всех ключевых участников советского руководства в необходимости принятия его плана. Сам лично он решил сосредоточиться на А.Н. Косыгине. Данный выбор был связан скорее всего с тем, что с Л.И. Брежневым ему просто не о чем было говорить. Интеллектуальный уровень этих людей был столь ужасающе далёк друг от друга, что подобный контакт мог не помочь, а напротив, навредить делу. В связи с этим функция обеспечения канала Д. Рокфеллера с Л.И. Брежневым, которую во времена Н.С. Хрущёва выполнял С. Итон, была доверена, вероятно, после соответствующих консультаций с Э. Гувером, его агенту А. Хаммеру.

Д. Гвишиани с некоторой обидой в своих воспоминаниях указывает, что А. Хаммер не успокоился на просьбе свести его с высшим советским руководством и сделал это самостоятельно, выйдя на М.А. Суслова. Именно Суслов, а никто другой, впервые со времён Никиты Сергеевича принял А. Хаммера лично и обеспечил ему прямой выход на находящегося под его полным влиянием Л.И. Брежнева с рекомендациями превратить Хаммера в канал связи с высшими политическими и де-

ловыми кругами США. Иного не могло быть, поскольку именно М.А. Суслов, как было подробно показано и рассказано в других частях работы, превратился (добровольно или нет, — об этом позже) в проводника американских интересов в советской элите, оказавшись, что называется, «на крючке у Э. Гувера». С учётом такого рекомендателя миссия А. Хаммера была обречена на успех, и этот человек в течение всех оставшихся лет правления Л.И. Брежнева, а затем и во времена М.С. Горбачёва оставался доверенным каналом связи Дэвида Рокфеллера и зависящих от него, а также связанных с ним деловых, политических и разведывательно-военных кругов США, Европы и Японии с советскими руководителями первого ряда.

Ключевую роль в реализации плана Д. Рокфеллера был призван сыграть «великий и ужасный» Г. Киссинджер. Прежде чем приступить к собственно изложению плана и роли в нём Г. Киссинджера, отметим его функции в американо-советском взаимодействии. Г. Киссинджер взял на себя функцию взаимодействия с Ю.В. Андроповым. Естественно, самому Ю.В. Андропову напрямую встречаться с Г. Киссинджером было не статусно. Длительный период у историков отсутствовала какая-либо информация из источников, которые относятся к числу достоверных, относительно каналов взаимодействия Д. Рокфеллера и Ю.В. Андропова.

Часть тайны открылась лишь недавно благодаря одному из ветеранов КГБ СССР генерал-майору В. Кеворкову, который входил в личную разведывательную сеть Ю.В. Андропова. В своей книге «Виктор Луи. Человек с легендой»⁴⁷⁶ он отметил, что Виктор Луи на рубеже 1960–70-х и в первой половине 1970-х годов многократно встречался с Г. Киссинджером в Лондоне, обсуждая интересующие обе стороны темы. О Викторе Луи и его роли было написано уже ранее. Здесь лишь отметим вслед за Кеворковым, что Ю.В. Андропов запрещал своему аппарату каким-либо образом документировать эти встречи и вообще взаимодействие КГБ СССР с Виктором Луи.

Однако сегодня уже можно сказать, что Луи выполнял своего рода вспомогательные и одновременно отвлекающие функции в контактах с Киссинджером. Дело в том, что фигура Луи была слишком хорошо известна не только КГБ, но и партийной разведке, которая существовала в СССР. Также после операции, связанной с публикацией книги С. Алиллудевоу, ни для кого в высших партийных кругах и разведке не было тайной тесное взаимодействие Виктора Луи лично с Ю.В. Андроповым.

Отвлекая внимание на себя, Луи маскировал гораздо более важные встречи Г. Киссинджера с личным представителем Ю.В. Андропова. На этих встречах, которые продолжались с конца 1960-х до 1980-х годов, обсуждались наиболее секретные и важные вопросы. Контактom с советской стороны выступал ветеран КГБ, один из выдающихся советских контрразведчиков, в те времена заместитель, а затем председатель Президиума Торгово-промышленной палаты, генерал-майор Е.П. Питовранов, речь о котором подробно шла ранее.

Именно Питовранов, не только выдвинувший идею, но и по сути сформировавший личную разведку Ю.В. Андропова и консультировавший его по вопросам наднациональных элитных взаимоотношений, являлся главным переговорщиком со стороны Ю.В. Андропова с Д. Рокфеллером. Причём благодаря своему статусу

⁴⁷⁶ Кеворков В. Виктор Луи. Человек с легендой. М.: Издательство Семь дней, 2010.

су эти контакты даже в тех случаях, когда они становились известны, были хорошо мотивированы и вели не к Ю.В. Андропову, а к А.Н. Косыгину, Международному отделу и отделу Планово-финансовых органов ЦК КПСС. Не будет преувеличением сказать, что именно Питовранов — тот человек, который был в курсе всех аспектов тайного советско-американского сотрудничества, включая даже те, о которых не было известно М.А. Суслову и Л.И. Брежневу. В заключение любопытно отметить, что ни в одной мемуарной книге, ни в официальной биографии Г. Киссинджера⁴⁷⁷ нет ни слова о его контактах с В. Луи и Е. Питоврановым — в отличие от контактов с А. Добрыниным, Г. Арбатовым и другими.

5

Теперь пора перейти к плану Рокфеллеров и зависящих от них групп финансово-политической элиты Запада. Как уже отмечалось, полномасштабная реализация плана создания невидимой глобальной Британской финансовой империи в среднесрочной перспективе вела к изменению соотношения сил мирового промышленного и финансового капиталов, а в краткосрочной — к очередному переделу финансово-экономической, а вслед за ней и политической власти внутри наднациональной элиты. Собственно, план Д. Рокфеллера был направлен не на изменение баланса сил между промышленным и финансовым капиталами, а на недопущение потери собственных лидирующих позиций в глобальной элите. Стремительное нарастание мощи финансового капитала по отношению к промышленному заранее не планировалось Д. Рокфеллером и могло быть нивелировано при другом развитии событий не в 1970-е, а уже в 1980–1990-е годы.

Первая цель не ставилась по той причине, что, хотя Рокфеллеры и контролировали «Чейз Бэнк» и целый ряд других финансовых институтов, всё же основные собственные капиталы и капиталы их союзников и вассалов были связаны не с банковским сектором, а с производственной сферой, высокотехнологичными, прежде всего военными, производствами, добывающими отраслями, недвижимостью, торговлей, логистикой и т.п.⁴⁷⁸ А вот утрата Нью-Йорком роли главного всемирного центра финансово-экономической жизни и получение британским истеблишментом контроля над нерегулируемым, а потому и наиболее прибыльным рынком планеты воспринималось Рокфеллерами и зависящими от них группами, а также континентальной, преимущественно центральноевропейской, аристократией как смертельная опасность. В силу того, что Дэвид Рокфеллер воспринимался всей семьёй как интеллектуальный лидер, человек, обладающий глубоким умом в сочетании с блистательным образованием и первоклассным разнообразным опытом, он и был призван разработать и реализовать план спасения.

Исходя из действий, осуществлённых в течение 1970-х годов, особенно их первой половины, Д. Рокфеллером и силами, стоящими за ним, его план, очевидно, предполагал три основных пункта:

⁴⁷⁷ Isaacson W. *Op. cit.*

⁴⁷⁸ Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. М.: Прогресс, 1971.

Первый. Необходимо было резко расширить сегменты, сектора или сферы не контролируемого и нерегулируемого финансового рынка. Причём сделать это желательно под эгидой не Лондона, а Нью-Йорка.

Второй. Необходимо было изыскать источник глобальной ликвидности, который заполнил бы неконтролируемый глобальный финансовый рынок, уже сформировавшийся под эгидой Лондона. Контроль над этой ликвидностью превратил бы созданные Лондоном институты в инструменты усиления господства Рокфеллеров и связанных с ними кругов. Тем самым свою слабость американцам удалось бы превратить в силу.

Третий. Необходимо было создать систему каналов поступления ликвидности на неконтролируемый и нерегулируемый глобальный финансовый рынок и инструментов утилизации доходов, получаемых частью участников этого рынка. Причём каналы и инструменты должны быть в решающей степени подконтрольны Рокфеллерам, их союзникам и клиентам.

Есть все основания полагать, что решающая договорённость между, назовём условно, «группами» Рокфеллера и М.А. Суслова с Ю.В. Андроповым была достигнута уже где-то в 1969–1970 гг. В это время по каналам Питовранова, Луи и Хаммера стороны обменялись видением темы и принципиальными подходами к последующему сотрудничеству, включая его цели, направления, цели и т.п.

В 1971 г., как уже отмечалось, во исполнение договорённостей Соединённые Штаты руками Ричарда Никсона под воздействием близких к Рокфеллерам П. Волкера, Дж. Шульца и Г. Киссинджера осуществили отказ от Бреттон-Вудской системы, а следовательно — от конвертируемости доллара в золото. От конвертируемости доллара в золото извлекали максимальную пользу банкиры Сити и, как ни странно, советская сторона, а конкретно — те круги в советском руководстве, которые курировали Моснарбанк. Известно, что в числе таковых выступали А.Н. Косыгин и КГБ СССР. Однако, как было продемонстрировано ранее, к концу 1969 г. Косыгин уже необратимо проиграл схватку за власть, а точнее, отстранился от участия в ней. Что же касается Ю.В. Андропова, то в 1960-е и на протяжении большей части 1970-х годов в тандеме с М.А. Сусловым он был без сомнения не ведущим, а ведомым. Таким образом, Суслов в ту пору имел власть приказать Ю.В. Андропову сделать тот или иной выбор ключевых партнёров на Западе.

Кроме того, несомненно, заслуживает внимания и то обстоятельство, что Рокфеллеры через Г. Киссинджера установили с Ю.В. Андроповым контакт несколько раньше, чем, используя канал Эдгара Гувера — А. Хаммера, — вышли на М.А. Суслова, а через него на Л.И. Брежнева. У автора нет документов, проливающих свет на причины такой очерёдности выхода на советских руководителей. Однако, внимательно анализируя детали биографии Ю.В. Андропова, можно предположить, что, используя канал взаимодействия Киссинджера с Питоврановым, Д. Рокфеллер привёл некий весомый аргумент, который склонил Ю.В. Андропова к переориентации на тот момент времени с контактов с банкирами Сити на взаимодействие с Д. Рокфеллером и его группой.

Как бы там ни было, в 1971 г. сам Дэвид Рокфеллер встречается в Киеве с А.Н. Косыгиным, без сомнения, уже получившим соответствующие директивы от Л.И. Брежнева. Эта встреча имела смысл исключительно для обсуждения конкретных юридических, организационных и финансово-экономических вопросов со-

трудничества, а не для обсуждения политических решений, которые к тому времени уже были приняты. В 1971 г. А.Н. Косыгин уже не был тем человеком, с которым можно было договариваться по ключевым глобальным политическим вопросам.

Теперь настало время объяснить, почему для группы Рокфеллеров было столь важно разрушение Бреттон-Вудской системы. Дело было не только в отвязке доллара от золота. Не менее, а, возможно, гораздо более важным было другое обстоятельство. В течение четверти века не существовало свободного курса валют. Иными словами, крупнейшего сегодняшнего финансового рынка планеты, а именно рынка Форекса, не было.

«С 1944 по 1971 г. все промышленно развитые страны удерживали курсы своих валют в пределах коридоров плюс-минус три четверти процента от паритета к доллару США. В свою очередь, доллар США был единственной валютой, конвертируемой в золото по фиксируемой цене 35 долларов за унцию...

Безусловно, время от времени валютные паритеты понижались или повышались в результате кризисов платёжного баланса, инфляции, спекулятивных атак, стихийных бедствий и политических переворотов, но никогда не могли выйти за пределы колебаний в размере полутора процентов»⁴⁷⁹.

В таких условиях никакие валютные спекуляции, а также страхование от валютных рисков были невозможны и не нужны. Соответственно, сегодняшний рынок Форекс — рынок валютных спекуляций и рынок деривативов — изначально инструментов страхования, прежде всего, реальных валютных рисков, не существовал. С отказом от Бреттон-Вудской системы и формированием к 1973–1974 гг. необходимой бухгалтерской, расчётной и иной базы для проводок, связанных со свободным обменным валютным курсом и хеджированием, по сути, страхованием от валютных рисков, сложились все условия для возникновения, соответственно, рынков Форекс и деривативов. Для справки: сегодня ВВП мира составляет примерно 85 трлн. долларов, рынок Форекс имеет объём около квадриллиона долларов, а рынок деривативов превышает 800 трлн. долларов.

Исходно бухгалтерские документы, обеспечивающие единый учёт операций, связанных со свободным обменным валютным курсом, стали разрабатывать не британские, а американские аудиторско-консультационные компании. Также именно американские финансовые институты во главе с «Чейзом» взяли на себя разработку инструментов так называемой финансовой инженерии, которые получили название деривативов. В связи с этим весьма любопытно, что ещё в 1969 г. в Нью-Йорке был учреждён совместный исследовательский проект, который финансировали Рокфеллеры, Ротшильды, Харриманы, Барухи, Лазары и целью которого стала разработка первых инструментов хеджирования. Характерно, что эту компанию возглавил сын Нельсона Рокфеллера Корвин Ричард Рокфеллер. В последующем компания, выросшая из исследовательского проекта, занималась слиянием капитала остатков группы Моргана и группы Рокфеллера в рамках JP Morgan Chase. Нельзя также не отметить то, что, когда в 1980-е годы создавался глобальный центр расчётов в рамках системы Форекс, он был организован именно в Нью-Йорке⁴⁸⁰.

⁴⁷⁹ Лоран Ж. Опасные игры с деривативами. М.: Альпина Паблишер, 2012. Цит. по <https://www.litmir.me/br/?b=605237&p=8>

⁴⁸⁰ Beder T.S., Marshall C.M. Financial Engineering: The Evolution of a Profession. Hoboken (NJ): Wiley, 2011.

Самой сложной представлялась вторая часть плана. Необходимо было найти огромный даже в масштабах глобальной экономики источник ликвидности для нерегулируемого финансового рынка. Нельзя забывать, что в 1970-е годы существовал ещё поздний промышленно-финансовый глобальный капитализм, а не нынешний мутантный глобальный финансизм, одним из контуров которого является капитализм. Соответственно, в тот период сам по себе рынок валютных спекуляций и формирующийся рынок деривативов не могли обеспечить, условно говоря, группе Рокфеллеров перехват господства в борьбе с финансистами Сити и зависящими от них силами. Источником ликвидности должен был стать реальный глобальный товар, имеющий колоссальный по тогдашним, да и сегодняшним меркам объём оборота и значение для мировой экономики. Не надо быть Дэвидом Рокфеллером, чтобы сообразить, что таким источником могла выступить только нефть.

Ещё в 1944 г. мозговой центр семьи Рокфеллеров для администрации Рузвельта разработал совершенно секретный доклад «Изучение войны и мира», в котором были определены цели страны на послевоенный период с горизонтом в 25–35 лет. В докладе, в частности, как важнейшая цель для США и крупнейших промышленно-финансовых групп выделялось «сохранение позиции абсолютного лидерства, достигнутой к настоящему моменту, а для этого — неустанная защита существующих концессий, находящихся в распоряжении США, объединённая с настойчивостью по вопросу принципа “открытых дверей” для равных возможностей компаний из США в новых регионах»⁴⁸¹.

Нефть в значительной мере контролируемая «Семью сёстрами», среди которых решающую роль играл американский капитал, как нельзя лучше подходила для выполнения целей доклада и обеспечения доступа глобальной ликвидности на неконтролируемый мировой финансовый рынок.

Однако для реализации этого плана существовали препятствия, затруднявшие к началу 1970-х годов использование нефти в означенных выше целях. Прежде всего, в период 1945–1973 гг. её цена колебалась в диапазоне всего 2–4 тогдашних долларов за баррель, что соответствует нынешним примерно 16–24 долларам. Кроме того, при всей подчинённости ближневосточных государств и Ирана — основных поставщиков в тот период нефти в Европу и Америку — они всё же обладали некоторой самостоятельностью, и чтобы принудить их к тем или иным действиям, необходим был внешний крупный производитель, никак не связанный с консервативными монархиями Ближнего Востока.

Во второй половине 1960-х годов в Советском Союзе были открыты гигантские и достаточно неглубоко залегающие месторождения нефти в Тюмени и Западной Сибири. В значительной степени благодаря и с участием американских разработчиков нефтедобывающего оборудования, присадок и т.п. в Советском Союзе удалось быстро наладить собственное производство эффективного нефтедобывающего оборудования, а также соответствующих присадок, добавок и т.п., обеспечивающих хоть и уступающие Западу, но вполне приемлемые объёмы извлекаемой нефти. Ключевую роль в получении Советским Союзом соответствующих лицен-

⁴⁸¹ Smith. N. American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization. Berkeley: Univ. of California Press, 2003.

зий и патентов сыграли Рокфеллеры и близкие к ним круги⁴⁸². Собственно, переговоры с А.Н. Косыгиным в 1971 г. в значительной степени были посвящены именно этим вопросам в части подведения первых итогов сотрудничества и расширения его в последующие годы. Об этом свидетельствует состав участников советской стороны в ежегодной Дартмутской встрече, проведённой в том году в Киеве. Вот что пишет Дэвид Рокфеллер в своих воспоминаниях: «Я приезжал в Москву почти ежегодно на протяжении 70-х годов: на Дартмутские встречи или по делам банка. Главным лицом, через которое осуществлялись мои связи с правительством, в это время был Алексей Косыгин, одна из наиболее значимых политических фигур в СССР. Косыгин принимал участие в перевороте, в результате которого был смещён Никита Хрущёв в 1964 году. Высокий худощавый человек с печальным лицом, Косыгин был талантливым менеджером, делавшим чудеса, управляя неподатливой советской экономикой. К моменту нашей встречи он проиграл в борьбе за власть в Кремле руководителю Коммунистической партии Леониду Брежневу и был назначен на подчинённое положение премьера — главного операционного директора советской экономики...

В то время как мой разговор с Хрущёвым был спором по поводу относительных достоинств наших идеологий и философий, мои беседы с Косыгиным всегда носили прагматический характер и были ориентированы на деловые вопросы. В ретроспективе содержание этих дискуссий было весьма информативным из-за того, что они касались потенциальных экономических взаимоотношений между Соединёнными Штатами и СССР»⁴⁸³.

По итогам встреч с А.Н. Косыгиным было достигнуто соглашение об открытии в самом начале 1973 г. в Москве в «Метрополе» представительства первого западного частного банка в СССР — «Чейз Бэнк». В представительство был сразу же набран американский персонал. Особо характерно месторасположение. Из просторного офиса в гостинице «Метрополь» рукой подать было до Кремля, Госплана, Минфина, Внешэкономбанка и, конечно же, одного из особняков приёмов и встреч КГБ СССР. «Чейз» стал также первым и на длительное время единственным банком, которому было разрешено открыть счета во Внешэкономбанке СССР.

В лице Советского Союза группа Рокфеллеров получила тот самый чаемый дополнительный рычаг воздействия на ближне- и средневосточные монархии, а главное — партнёра-интересанта в радикальном повышении цен на нефть. Очевидно, что именно это повышение делало возможным использование нефти в качестве неисчерпаемого источника ликвидности на глобальном неконтролируемом и нерегулируемом финансовом рынке.

Основным вопросом плана было резкое, в разы, повышение цен на ключевой глобальный экономический ресурс. Решить этот вопрос можно было единственным образом — через войну. Но война в данном случае была обязана не только носить заранее планируемый характер, но и вести к заранее предусмотренным во всех отношениях результатам. Иными словами, итогом войны должен был стать рост в разы цены на нефть.

⁴⁸² Sutton A. Technological Treason: A catalog of U.S. firms with Soviet contracts, 1917–1982. N.Y.: Research publications, 1982.

⁴⁸³ Рокфеллер Д. Ук. соч. Цит. по <https://biography.wikireading.ru/184128>

Чрезвычайно осведомлённый исследователь Д. Спиро в своей книге отметил: «В мае 1973 года на фоне всё ещё наглядного резкого падения доллара группа 84 основных финансовых и политических мировых инсайдеров встретилась на изолированном островном курорте шведской банковской семьи Валленбергов на Сальтшёбадене, Швеция. Это собрание позже стало известным как Бильдербергская группа принца Бернарда. На встрече группа заслушала американского докладчика из числа участников, который в общих чертах обрисовал “сценарий” неизбежного 400%-го увеличения нефтяных доходов ОПЕК. Цель секретной встречи на Сальтшёбадене состояла скорее не в том, чтобы предотвратить ожидаемый взрыв цен на нефть, а в том, чтобы распланировать, как управлять предстоящим наплывом нефтяных долларов, что госсекретарь США Киссинджер позже назвал “рециркуляцией потоков нефтедолларов”»⁴⁸⁴.

В своей переписке известный американский экономист и писатель Ф. Энгдаль отметил, что в нулевые годы ему удалось купить рукописные записки одного из участников Бильдербергских встреч того периода, в которых, в частности, содержался отчёт о встрече в поместье Валленбергов, совпадающий с информацией, приведенной Д. Спиро в его книге.

Осенняя война 1973 г., известная как война Судного дня, должна была начаться, и она началась. Война была согласована между США и СССР. За несколько дней до начала военных действий из Израиля были эвакуированы все советские военные и гражданские специалисты, а также их семьи. Параллельно из Египта и Иордании выехали американские топ-менеджеры и персонал филиалов транснациональных корпораций, действующих в этом регионе.

Вплоть до сегодняшнего дня не просто рядовые историки, но и ветераны спецслужб, а ныне — специалисты по конкурентной разведке продолжают утверждать, что Израиль был застигнут врасплох и не ожидал начала военных действий⁴⁸⁵. Однако это совершенно не соответствует действительности.

В 2014 г. на портале государственного телевидения Израиля была размещена статья «Загадки Войны Судного дня: к 41-й годовщине частично снят гриф секретности». Помимо прочего в ней содержалась следующая информация: «Министерство обороны разрешило к публикации ещё часть протоколов заседаний комиссии Аграната, расследовавшей обстоятельства начала Войны Судного дня. К 41-й годовщине войны частично снят гриф секретности с показаний нескольких высокопоставленных офицеров, в частности, полковника Йозеля Бен-Пората, который возглавлял подразделение радиоэлектронной разведки, переименованное после войны из “подразделения 848” в “подразделение 8200”...

Напомним, основной задачей комиссии было выявить виновников того, что Израиль оказался не готов к атаке со стороны Египта. Основная доля ответственности за провал разведки была возложена на главу Управления военной разведки генерала Эли Зеиру и начальника аналитического департамента Арье Шалева. Бен-Порат,

⁴⁸⁴ Spiro D.E. *The Hidden Hand of American Hegemony: Petrodollar Recycling and International Markets*. Cornell University Press, Ithaca, 1999. Цит. по https://www.academia.edu/1773849/The_Hidden_Hand_of_American_Hegemony_Petrodollar_Recycling_and_International_Markets

⁴⁸⁵ Jones M., Silberzahn Ph. *Constructing Cassandra: Reframing Intelligence Failure at the CIA, 1947–2001*. Stanford: Stanford Security Studies, 2014.

скончавшийся в 2007 году, однозначно утверждал: с точки зрения данных радио-разведки, не могло быть никаких сомнений в том, что египтяне готовят нападение, и лишь неготовность аналитиков и главы Управления военной разведки принять и осмыслить эти данные позволила врагу воспользоваться эффектом внезапности.

Другого офицера, представшего перед комиссией, звали Йосеф Зеира; он приходился племянником генералу Эли Зеире и на тот момент возглавлял отдел сетевой аналитики в подразделении 848 в чине подполковника. Йосеф Зеира признался комиссии, что за два дня до начала войны он снял трубку и позвонил своему дяде, явно нарушая при этом субординацию.

“Я рассказал ему, что на местности есть некоторые очень тревожные признаки, и попросил разрешения на задействование в высшей степени засекреченного “спецсредства”, — сообщил Зеира-младший. В ответ на изумлённый вопрос одного из членов комиссии, как он мог так запросто обратиться с подобной просьбой через голову своего непосредственного начальника, Йосеф Зеира ответил предельно просто: “Я почувствовал, что это необходимо — и попросил разрешения. Однако глава Управления разведки предпочёл не удовлетворять эту просьбу, а продолжать бегать “спецсредства” для “более экстренной ситуации”»⁴⁸⁶.

Спустя более 40 лет после войны общественности было разрешено узнать правду относительно того, что израильская разведка прекрасно знала о готовящемся нападении и, следовательно, все последующие события были инсценировкой. Об этом же автору ещё в конце 1980-х – начале 1990-х годов рассказывали известный израильский разведчик и государственный деятель Дэвид Кимши и крупный политик, соратник Голды Меир и Ицхака Рабина Гедон Гедот. Они же рассказали об оружии Израиля, которое спустя почти полвека после войны по-прежнему маскируется стыдливым термином «спецсредства». К 1973 г. Израиль уже располагал несколькими десятками атомных бомб и боеголовок для ракет «земля – земля», созданных в Димоне.

Впервые к постановочному характеру войны Судного дня внимание общественности и исследователей привлёк бывший офицер израильской армии, ныне пророссийски настроенный журналист и писатель Израэль Шамир в своей статье «Сговор на Суэце»⁴⁸⁷. Статья, впервые опубликованная в «Эксперте», была переведена на большинство языков мира и опубликована мейнстримными, а не маргинальными изданиями в США, Великобритании, Европе и даже Израиле. Относительно статьи любопытно следующее обстоятельство. Автор ссылается на неопубликованный до сих пор архив крупного советского дипломата Владимира Михайловича Виноградова, который был послом СССР в Каире в дни войны 1973 г. Однако поскольку Израэль Шамир является не независимым исследователем, а провластным публицистом, то в своей статье архивы посла он цитировал избирательно.

Соответственно, получилось, что коварные Соединённые Штаты и Израиль вместе со своим прислужником А. Садатом обманули великий и могучий Советский Союз и Л.И. Брежнева. В связи с этим забавно, что, казалось бы, неудачливый посол, прохлопавший заговор и допустивший резкое ослабление влияния СССР,

⁴⁸⁶ <http://9tv.co.il/news/2014/10/05/186661.html>

⁴⁸⁷ <http://expert.ru/expert/2012/08/sgovor-na-suetse/>

вместо наказания был назначен сопредседателем Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку вместе с Г. Киссинджером, а затем повышен до должности замминистра иностранных дел СССР.

Однако ещё до И. Шамира известный российский историк А. Окроков выпустил получившую официальное одобрение книгу «Секретные войны Советского Союза. Первая полная энциклопедия», написанную на основе уникальных материалов из государственных архивов Российской Федерации. Прочитируем несколько фрагментов из главы книги, посвящённой войне Судного дня:

«В результате прорыва линии Барлева и разгрома израильских частей был открыт путь на Тель-Авив. Командующий фронтом Шмюэль Гonen, потеряв контроль над ситуацией, был вынужден передать командование Ариэлю Шарону. Дуайен (старший) советского военно-дипломатического корпуса в АРЕ адмирал Н.В. Илиев и посол В. Виноградов рекомендовали А. Садату воспользоваться успехом и продолжить наступление. Однако египетский президент не внял их советам, заявив: “У меня другая тактика. Пусть израильтяне наступают, а мы будем их бить”. Возможно, это решение А. Садата спасло мир от третьей мировой войны.

Во всяком случае, как стало известно позже, в эти критические дни премьер-министр Израиля Голда Меир отдала приказ подвесить ядерные авиабомбы к самолётам эскадрильи особого назначения.

На четвёртый день эта группировка, разбитая на небольшие отряды, уничтожая на своём пути командные пункты, узлы связи, подавляя зенитно-ракетные батареи, артиллерию и ликвидируя базы снабжения, подошла к городу Суэцу и практически блокировала 3-ю египетскую армию. Правда, в весьма сложном положении оказались не только египтяне, но и сама израильская группировка. Если бы она потеряла коммуникации, то тысячи израильских солдат оказались бы в плену. В один из моментов группа египетских десантников, пробравшись к израильской переправе, уже готова была взорвать понтонные мосты, но... получила строгий запрет из Каира на осуществление этой операции.

В это же время по переправам уже вёлся артиллерийский огонь египетскими батареями. И вновь из Каира поступил приказ прекратить огонь. Загадки этих фактически предательских приказов раскрылись благодаря самому президенту Египта А. Садату. В конце 1975 года, беседуя в Каире с двумя советскими представителями, востоковедом Е. Примаковым и журналистом И. Беляевым, президент признал, что египетская армия вполне была в состоянии нанести удар по израильтянам на завершающем этапе войны. По его словам, у египетской армии был двойной перевес в артиллерии, танках и всё необходимое, чтобы уничтожить израильскую группировку на западном берегу Суэцкого канала...

Таким образом, исход кампании с самого начала был предreshён. 23 октября Совет Безопасности ООН принял две резолюции 338/339, обязательные к выполнению воюющими сторонами, а 25 октября стало официальной датой окончания войны. Накануне Израиль попытался “притормозить” решения об окончании боевых действий, чтобы закрепиться на захваченных арабских территориях, но это встретило недовольство Госсекретаря Киссинджера. Вызвав израильского посла Диница, он заявил ему напрямую: “Передайте Меир, что если Израиль будет продолжать войну, то пусть больше не рассчитывает на получение военной помощи от США. Вы хотите заполу-

чить 3-ю армию, но мы вовсе не собираемся из-за вас заполучить третью мировую войну!” Для такого заявления были веские основания. 24 октября советское руководство предупредило “о самых тяжёлых последствиях”, которые ожидают Израиль в случае его “агрессивных действий против Египта и Сирии”. По дипломатическим каналам Москва дала понять, что не допустит поражения Египта»⁴⁸⁸.

Известно также, что советские лётчики и ракетчики, размещённые на египетской территории и летавшие на египетских самолётах, вполне способны были отсечь и уничтожить израильскую армию, переправившуюся на другой берег Суэца. После завершения службы они рассказывали о том, что в течение нескольких дней ждали приказа из Москвы, но так его и не дождались. В таком же недоумении находились и офицеры ГРУ в аппарате военного советника в Египте адмирала Н.В. Илиева. Вместе с адмиралом они отправляли в Москву предложения, каким образом нанести поражение Израилю, но Москва неизменно отвечала жёсткой инструкцией ни в коем случае активно не вмешиваться в ход военных действий и максимум давать осторожные рекомендации А. Садату свёртывать конфликт. Последнее на самом деле было совершенно бесполезно, поскольку А. Садат, так же как и самый верх советского руководства, был соучастником сговора.

В отличие от гипотезы Шамира, реальный сговор на Суэце носил не двух- и даже не трёхсторонний характер, а включал наряду с Израилем, Египтом, США и СССР и вдобавок правящие династии ближневосточных и средневосточных монархий. По итогам войны, в ходе которой Израилю удалось переправиться на западный берег Суэцкого канала и выйти на позиции в нескольких часах хода танков до Дамаска, Египет, тем не менее, получил Синайский полуостров, а Сирия — разрушенную, но занятую израильянами Эль-Кунейтру.

Однако вместо того, чтобы порадоваться дипломатической победе арабской коалиции, полностью зависящие от Соединённых Штатов Саудовская Аравия, Кувейт, Арабские Эмираты, Иран и находящиеся в советской зоне влияния Ирак, Ливия, Алжир вдруг решили выступить против Запада, объявив ему нефтяное эмбарго. Результатом этой странной инициативы стало, как об этом и оповестил Д. Рокфеллер на совещании Бильдербергского клуба в начале 1973 г. в поместье Валленбергов, почти четырёхкратное повышение цен на нефть.

То есть второй и главный пункт плана Рокфеллера, а именно превращение нефти в источник ликвидности для глобального нерегулируемого и неконтролируемого финансового рынка, де-юре остававшегося в юрисдикции Великобритании и связанных с ним европейских монархий, но де-факто перешедший с этого момента под контроль Рокфеллеров и связанных с ними и подчинённых им групп истеблишмента, был выполнен. Нефть была готова превратиться в источник ликвидности, резко, в разы увеличившей ёмкость глобального теневого финансового рынка.

Оставалось выполнить третий пункт плана, а именно создать каналы поступления нефтяной ликвидности на глобальные финансовые рынки и способ связывания или утилизации их на этих рынках под контролем коалиции Рокфеллеров. Выполнение этого пункта плана предполагало решение двух групп задач. Первая была связа-

⁴⁸⁸ Окорочков А. Секретные войны Советского Союза. Первая полная энциклопедия. М.: Эксмо, Яуза, 2008. Цит. по https://www.e-reading.club/bookreader.php/1019457/Okorokov_-_Sekretnye_voyny_Sovetskogo_Soyuza._Pervaya_polnaya_enciklopediya.html

на с утилизацией и связыванием средств стран ОПЕК, которые появились у них после кратного повышения цен на нефть. Для того чтобы понять, как на практике был выполнен этот пункт повестки, лучше всего обратиться к мемуарам Д. Рокфеллера.

«Когда Садат отдал приказ своей армии пересечь Суэцкий канал 5 октября 1973 г., он, вероятно, знал, что победить армию Израиля не сможет. Хотя он проиграл войну, его авантюра принесла плоды в иных отношениях. Во-первых, создала условия, позволившие ему вести переговоры с Израилем на равных. Генри Киссинджер, понявший, что баланс сил в регионе изменился, начал свою кампанию “челночной дипломатии”, которая в конце концов привела к заключению соглашений о прекращении огня с Египтом и Сирией, а затем создала основу для более широких переговоров между Израилем и другими прифронтовыми арабскими государствами. И хотя исторический мирный договор между Египтом и Израилем не был подписан до прихода к власти администрации Картера, этот договор основывался на том фундаменте доверия, который Генри с таким трудом создавал с конца 1973 по начало 1977 г.

В результате арабские нефтедобывающие страны согласились на предложение министра нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейха Ахмеда Заки Ямани о сокращении добычи нефти на 5% в месяц до тех пор, пока их политические цели не будут приняты, — речь шла о возвращении Израиля в границы, существовавшие до войны 1967 г.

Это четырёхкратное увеличение цен на нефть в течение года имело мало отношения к закону предложения и спроса. Подъём цены был прямым результатом неразрешённого арабо-израильского конфликта и продолжительной борьбы между нефтедобывающими странами развивающегося мира и крупными американскими и европейскими нефтяными компаниями за то, кто должен получать максимальные выгоды от “ренты” за счёт добычи, переработки и продажи нефти. Повышение цены на нефть, независимо от его причин, оказало на весь мир огромное экономическое и психологическое влияние. В результате также резко возросла роль американских коммерческих банков, таких, как “Чейз» являвшихся депозитариями возросшего в результате повышения цен огромного количества “нефтедолларов” и ставших финансовыми посредниками между странами ОПЕК и странами – импортёрами нефти, столкнувшимися с беспрецедентным “кризисом ликвидности”.

Крупный рост цен на энергоносители перевернул вверх дном финансовые рынки в Западной Европе, а также во всём Западном полушарии, подорвал международную торговлю и вверг промышленно развитый мир в состояние глубокого и продолжительного спада. В Соединённых Штатах возросла безработица и интенсифицировалась раскрутка инфляционной спирали, начало чему было положено ещё в конце 1960-х годов. К середине десятилетия “стагфляция”, то есть интенсивная инфляция в сочетании с медленным экономическим ростом, фактически привела к прекращению экономического роста и потере доходов буквально для всех. Очевидцы этих дней помнят длинные очереди автомобилей на заправочных станциях и ощущение почти отчаянной беспомощности, повлиявшей на тех, кто формулировал политику.

Решение задачи рециклирования долларов и поддержания системы мировой торговли и финансов выпало на долю крупных международных коммерческих банков, включая “Чейз”. Страны ОПЕК также натолкнулись на серьёзную проблему, заключавшуюся в том, как инвестировать получаемые ими огромные суммы. Что

касается основных стран Ближнего Востока, то их центральные банки и министерства финансов были абсолютно готовы к сотрудничеству для циклирования денежных средств. Однако каждая страна действовала по-своему.

Крупнейший в мире экспортер Саудовская Аравия разместила большую часть своих новых огромных доходов в банках США в форме депозитных сертификатов или казначейских облигаций США. Их осторожная политика дала нам возможность осуществить эффективную откачку средств в страны-потребители нефти. Кувейт, придерживавшийся менее консервативной линии, вложил большую часть своих валютных поступлений на финансовых рынках и рынках ценных бумаг США и европейских стран, в результате чего их финансовые резервы стали расти в пропорциональном отношении даже быстрее, чем резервы Саудовской Аравии. Шах Ирана направил значительную часть вновь обретенного за счёт нефти богатства на реализацию подсказанного его воображением плана внутренних инвестиций, включая экономическую диверсификацию, огромные оборонные расходы, создание новой сети гидроэлектростанций и расширение системы образования в стране.

Долгая история отношений «Чейза» с Валютным агентством Саудовской Аравии и Банком Маркази, центральным банком Ирана, обеспечила нам лёгкий доступ к фондам этого региона. Наши сильные позиции на рынках евровалюты, через которые осуществлялось использование значительной части валютных избытков, позволили нам разместить фонды, избежав нормативных ограничений, налагаемых Федеральной резервной системой. Это было важно для предотвращения длительных неурядиц на рынках капитала»⁴⁸⁹.

Суммируя, отметим следующее. В результате выполнения второго и третьего пунктов плана Рокфеллера страны ОПЕК заметно сократили объёмы поставок нефти на мировые рынки, освободив место для советской нефти. Далее, за счёт почти четырёхкратного повышения цены нефти они получили значительные объёмы валютных средств, которые разместили преимущественно в американских банках, и прежде всего в «Чейзе» и подконтрольных ему финансовых институтах. И, наконец, ближневосточные монархии позволили часть избыточных средств использовать в виде свободных остатков на расчётных счетах и средств на депозитных счетах для спекуляций на глобальном рынке Форекс, а также связать их покупкой казначейских обязательств правительства США, знаменитых трежери булс. Однако план не только по второму, но и в особенности по третьему пункту невозможно было выполнить без теснейшего взаимодействия и содействия со стороны СССР и его правящей верхушки.

Прежде всего, нефть из СССР была необходима для частичного замещения арабской нефти. Кроме того, советская нефть позволяла Рокфеллерам управлять процессом роста нефтяных цен. Осенью 1973 г. СССР отказался поддержать «арабское эмбарго» и выступал как независимый товаропроизводитель, не связанный соглашениями ОПЕК по уровню цен на экспортируемую нефть.

Уже в ноябре – декабре того же года среднесуточный экспорт советской нефти увеличился почти втрое. Причём до 70% объёма поставок в последнем квартале 1973 г. и в первом полугодии 1974 г. приходилось на Соединённые Штаты, Западную Европу и Японию. Если в 1972 г. среднемировая цена сырой нефти составля-

⁴⁸⁹ Рокфеллер Д. Ук. соч. Цит. по <https://biography.wikireading.ru/184128>

ла примерно 3 доллара за баррель, то к концу 1974 г. она взлетела до 12,2 доллара. И поднялась бы ещё, если бы не растущие поставки из СССР.

Между тем многие эксперты, в том числе из стран ОПЕК, предлагали Москве сценарии, которые были бы более эффективными для экономики и внешней торговли СССР. Например — отложить наращивание экспорта нефти до 1975 г., т.е. дождаться максимального подъёма цен. Или хотя бы согласовывать с арабскими странами объёмы поставок на Запад. По некоторым данным, к таким вариантам склонялись министр внешней торговли Н. Патоличев и руководитель советской стороны в СЭВ К. Катушев, но...

Однако выполнение роли регулятора и балансира мирового рынка торговли нефтью и цен на неё была критически важной, но не главной ролью СССР, которая была согласована в контактах между Д. Рокфеллером и его советскими визави. Выполнить план Рокфеллера было невозможно без обеспечения топливно-зернового трансферта между СССР и остальным миром. Иными словами, определённая часть средств, вырученных от продажи на мировом рынке, должна была быть потрачена на закупки зерна либо непосредственно у США, либо через американские компании в других странах при обязательном использовании «Чейз Бэнк» и аффилированных с ним финансовых институтов.

Детальный анализ того, какие цели преследовали правящие группы на Западе и в СССР в рамках этого трансферта, какие конкретно инструменты и каналы использовались и, наконец, каковы оказались многосторонние последствия этой ситуации, проявляющиеся до сегодняшнего дня, является задачей последующих работ. Пока же отметим, что топливно-зерновой трансферт относится с момента его осуществления и до сегодняшнего дня к числу самых сокроенных и свирепо оберегаемых тайн советского и постсоветского истеблишмента в нашей стране и их партнёров на Западе.

Характерно, что примерно в середине восьмидесятых в структуре Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований (ВНИСИ), который формально подчинялся Государственному комитету по науке и технике (ГКНТ), а фактически курировался Ю.В. Андроповым и возглавлялся Д.М. Гвишиани, была создана специальная группа, призванная разработать версию трансферта, рассчитанную на публику и исследователей, т.е. для внутреннего и международного пользования. Во главе этой группы был поставлен коммунист с 1980 г., большевик (формально, по носимой фамилии) в третьем поколении, представитель партноменклатуры, выросший в арбатских переулках и Переделкино, которое в то время играло роль нынешней Рублёвки, Егор Тимурович Гайдар. В последующем, с 1987 по 1990 г., эту работу Гайдар выполнял в качестве редактора и заведующего отделом экономической политики в журнале ЦК КПСС «Коммунист», а затем в качестве заведующего экономическим отделом газеты «Правда». Нельзя не отметить, что большая часть статей и публикаций той поры, вышедших за подписью либо Е. Гаидара, либо его соратника и младшего сотрудника А. Улюкаева была посвящена именно этой теме. Е. Гайдар продолжал заниматься дезинформационной работой на этом ключевом участке вплоть до последних дней своей жизни и даже после смерти. В 2007 г. была издана его книга «Гибель империи. Уроки для современной России»⁴⁹⁰, в которой он подробно на

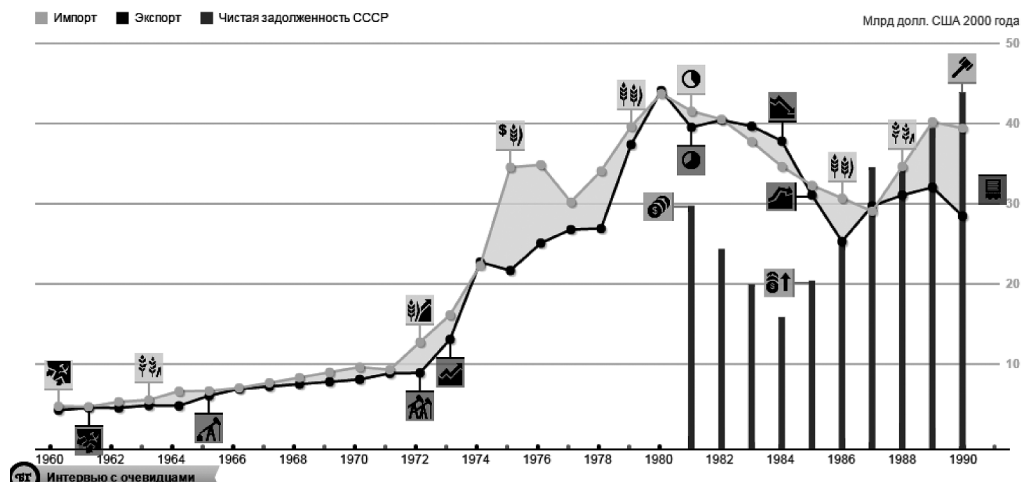
⁴⁹⁰ Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.

многих страницах описал как главную причину краха СССР сырьевую ориентацию его экспорта и беспомощность сельского хозяйства, вынудившие всю валюту тратить на закупки зерна, а в 1980-е годы ещё и залезать в долги. Для более широкой публики этот тезис был объяснён в совместной с А. Чубайсом книге «Развилки новейшей истории России»⁴⁹¹, вышедшей уже после смерти Е. Гайдара.

Чтобы не замусоривать текст цитатами из трудов Е. Гайдара, приведём первый и единственный раз график, который иллюстрирует построение спецфальсификатора, которому межэлитными группами была доверена роль то ли сокрытия факта государственной тайны, то ли прикрытия факта государственной измены.

Кризис советской экономики на примере внешней торговли СССР с развитыми странами

Егор Гайдар: Нам казалось, что советская экономика относительно самостоятельна и именно поэтому устойчива. На самом деле она к середине 80-х годов была сильно интегрирована в мировую и крайне от нее зависела. Причем в кооперации огромную роль играли экспорт нефти и импорт продовольствия.



Экспорт – импорт СССР со странами ОЭСР⁴⁹²

Представляется, что нынешняя ситуация требует раскрытия этой фальсификации и анализа топливно-зернового трансферта не так, как он был представлен Е. Гайдаром или его американским коллегой-фальсификатором П. Швейцером в его документальном бестселлере «Победа»⁴⁹³, а так, как он происходил в реальности.

В заключительной части работы мы рассмотрим фактическую сторону дела, оставив все объяснения, комментарии и соображения на будущее. Начать надо с экспорта советской нефти.

⁴⁹¹ Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей истории России. М.: ОГИ (Объединённое Гуманитарное Издательство), 2011.

⁴⁹² <http://daybyday.gaidarfund.ru/start>

⁴⁹³ <http://www.knyazev.org/biblio/Shvaicer%20Piter.%20Victory.pdf>

В настоящее время не только публицистами типа С. Кремлёва, но и уважаемыми глубокими историками высказываются безосновательные мысли, что СССР на нефтяную иглу посадил предшественник М. Горбачёва, проходимец, авантюрист и антисталинист Н.С. Хрущёв. Однако проверку фактами подобные утверждения не проходят.

Первые массированные поставки нефти на экспорт были налажены именно И.В. Сталиным. Его непосредственным преемникам поддерживать уровень экспорта в капиталистические страны было невозможно по геологическим причинам. В 1950-е годы из-за постепенного истощения старых нефтеносных бассейнов экспорт нефти в капиталистические страны неуклонно падал. Изменения начались со второй половины 1960-х годов, с открытием нефти в Западной Сибири и повышением продуктивности нефтедобычи в Поволжье, с использованием новых американских технологий.

Как это ни удивительно, однозначных данных по добыче и экспорту нефти в Советском Союзе за рубеж не существует. Различные источники, начиная с данных Госкомстата СССР и заканчивая внутриминистерской отчётностью, а тем более независимые первоклассные исследования, например, работы Г. Ханина⁴⁹⁴, дают различные цифры. В связи с этим наиболее на сегодняшний день объективный анализ советского нефтяного экспорта был осуществлён в работе Ю. Вебера⁴⁹⁵. Автор, обобщив и сверив советские и американские официальные и неофициальные источники по нефтедобыче и экспорту, а также проверив их по базе данных МЭА, получил следующую таблицу:

Производство и экспорт сырой нефти из СССР в 1960–1980 гг.

Год	Цена нефти в долларах	Объем производства в тоннах	Объем экспорта в тоннах
1960	1,90	147,90	29,80
1965	1,80	242,89	64,10
1970	1,80	353,04	92,30
1973	3,29	429,00	103,97
1974	11,58	458,90	108,67
1975	11,53	490,80	121,42
1976	12,80	519,68	140,23
1977	13,92	545,80	148,19
1978	14,02	571,53	157,05
1979	31,61	585,60	156,65
1980	36,83	603,18	155,26

⁴⁹⁴ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: Экономика СССР в конце 1930-х гг. – 1987 г. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2008; его же: Экономическая история России в новейшее время: Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2010.

⁴⁹⁵ Weber Y. Petropolitics and Foreign Policy: Fiscal and Institutional Origins and Patterns of Russian Foreign Policy, 1964–2012. Austin: The Univ. of Texas, 2014. P. 57–79.

Несомненный интерес представляет распределение экспорта сырой нефти между странами ОЭСР и в первую очередь США, Германией и Францией и странами СЭВ.

В 1960-е годы из общего, относительно небольшого объёма экспорта сырой нефти в зависимости от года 49–54% приходилось на социалистические страны, 43–45% — на развитые капиталистические страны и остальное — на развивающиеся.

Поступления в СССР от экспорта сырой нефти в 1973–1980 гг.
(в млн. номинальных долларов)⁴⁹⁶

Год	Поступления из стран ОЭСР	Поступления из стран СЭВ
1973	1 728,79	1 194,83
1974	3 690,66	1 013,80
1975	4 334,05	2 702,38
1976	5 682,54	3 014,41
1977	6 844,11	4 215,65
1978	6 970,54	5 982,95
1979	11 837,43	6 453,15
1980	16 009,76	7 260,30

Перед анализом таблиц своевременно будет указать на одно из любимых рассуждений Е. Гайдара о том, что советская экономика с 1962 г. во всё возрастающей степени сидела на нефтяной игле. По его мнению, именно доходы от нефти формировали основную часть доходов государственного бюджета СССР. Между тем какова была зависимость Союза от «чёрного золота» на самом деле? На основании информации сборников «Народное хозяйство СССР 1922–1982. Юбилейный статистический ежегодник» и «Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник» можно сделать вывод о том, что совокупная доля доходов советского бюджета от продажи энергоресурсов, включая электроэнергию, в среднем составляла всего лишь 10,3%, причём с тенденцией к уменьшению — в 1980-е годы этот показатель снизился до 8%. Сходные оценки содержатся и в книге Вебера, который использовал не только и не столько советские источники, сколько данные международной статистики и рассекреченные документы американского разведывательного сообщества. Для сравнения, в настоящее время нефть и газ обеспечивают половину доходов государственного бюджета и почти столько же по ВВП, рассчитанного не новомодным образом, когда аренда собственной квартиры засчитывается в ВВП, а по старым добрым советским методикам.

Однако таблицы скрывают и крайне интересную, пока ещё не обнародованную информацию. Это не удивительно, поскольку университет города Остин является одной из ключевых структур, обеспечивающих кадрами аналитиков крупнейших американских нефтяных компаний, а также разведывательного сообщества и в первую очередь Управления по борьбе с незаконными финансовыми потоками и терроризмом Министерства финансов США, которое является одной из наиболее могущественных спецслужб страны.

⁴⁹⁶ Weber Y. Op. cit. P. 57–79.

В настоящее время опубликованы большие массивы статистики по нефтеперерабатывающей промышленности бывших стран СЭВ, а также Кубы. Если сравнить показатели экспорта сырой нефти в период с 1973 по 1985 г. в отдельные страны-члены СЭВ с имевшимися у них в то время мощностями по переработке сырой нефти, то аналитики будут серьёзно удивлены, поскольку выяснятся достаточно неординарные вещи.

Например, в такие страны как Чехословакия, Венгрия и Болгария, находившиеся под особым контролем КГБ СССР, при крайне незначительных объёмах нефтепереработки направлялись в этот период объёмы сырой нефти не на проценты, а в разы превышавшие производственные мощности. Данная операция имела простой и понятный смысл. Ценообразование для стран-членов СЭВ и капиталистических стран по энергоресурсам в СССР было принципиально различным. Естественно, более выигрышными были цены для стран-членов СЭВ. По сути, Советский Союз дотировал их экономики. Кстати, отвлекаясь, отмечу, что в 1991 г. при ликвидации СССР соответствующие экономические ведомства и государственные банки провели сверку задолженности этих стран СССР, а также СССР этим странам, при этом выяснился поразительный факт. Несмотря на десятилетия дотирования экономики стран СЭВ, всем этим странам СССР оказался должен суммы, исчисляемые в миллиардах долларов. Не надо даже говорить, что все перерасчёты производились работниками, которые на протяжении всей своей карьеры так или иначе были связаны с ПГУ КГБ СССР, Международным, а в 1980-е годы и Экономическим отделами ЦК КПСС.

В чём же был смысл поставки в особо контролируемые со стороны Ю.В. Андропова и М.А. Суслова страны избыточных по отношению к имеющимся у них мощностям переработки объёмов сырой нефти? Всё просто. Игра на разнице в цене в поставках между капиталистическими и социалистическими странами позволяла в конечном счёте получать на Западе дополнительные доходы, измеряемые сотнями, а в итоге и миллиардами долларов. Механизм реализации этой схемы был достаточно прост. Внешнеторговое объединение подконтрольной страны, также в свою очередь контролируемое со Старой площади и площади Дзержинского, продавали нефть нужным, опять же, аффилированным всё с теми же людьми и сетями в Москве нефтетрейдерам типа Марка Ричи, лично известного автору Г. Лютера, семьи Андре и др. А уж эти трейдеры, в свою очередь, перепродавали нефть конечному потребителю и оставляли маржу там, где им было указано. При этом дополнительный навар возникал в силу того, что, например, М. Ричи продавал нефть в находящейся под формальным западным эмбарго Китай, а также повстанцам в Анголе и Мозамбике. А Г. Лютер являлся главным поставщиком нефти на протяжении 1970–1980-х годов в государство апартеида — ЮАР, которое находилось под жёсткими санкциями ООН. Понятно, что эта нефть стоила для потребителей ещё дороже, чем нефть, реализуемая в США и Европе.

В итоге возникала совершенно сюрреалистичная картина, когда ангольские повстанцы не трогали нефть, которую добывала «Экссон» в Кабинде — анклав Анголы — и экспортировала её в США, боролись против члена НАТО — Португалии и ЮАР советским оружием и при помощи советских и кубинских советников. В свою очередь, СССР самым тесным образом координировал и взаимодействовал свой бизнес в части алмазов и золота с южноафриканским гигантом «Де Бирс», со-

трудники которого были персонами нон грата на территории США и при пересечении границ этой страны арестовывались американским правосудием. Мало того, в 1970–1980-е годы советская нефть через Г. Лютера успешно удовлетворяла потребности ЮАР в сырье для её нефтеперерабатывающих заводов.

Приведённые выше сведения в настоящее время являются секретом Полишинеля и в разрозненном виде опубликованы в самых различных серьёзных источниках, включая воспоминания, корпоративные отчёты, расследования и т.п.

Нельзя не отметить, что советские структуры за рубежом осуществляли ещё более занятные операции на нефтяном рынке, о которых и сегодня говорить преждевременно. Чтобы дать некоторое представление о предмете, приведём лишь факт, который уже был опубликован в интернете в весьма авторитетном источнике, не имеющем ничего общего с пропагандой, а предназначенном для публикации архивных материалов: «Тем временем, планы СССР по “захвату” западных рынков сопровождались беспрецедентными “спецоперациями”. Так, в конце 1973 – начале 1974 г. Советский Союз закупил семь миллионов тонн нефти у Ирака, который к тому времени национализировал все концессии на разработку месторождений. Этот объём был переправлен в Румынию, а затем — в США. ... Оценки тех операций известны: “СССР получил солидную прибыль от поставок Америке дешёвой нефти и от её транспортировки. Сделки через Румынию были обнаружены многими операторами... Это нанесло сокрушительный удар по эмбарго арабских стран”»⁴⁹⁷.

Подведём итоги. Валютные доходы СССР в результате реализации плана Д. Рокфеллера резко возросли. При этом рост доходов советской стороны был существенно выше, чем рост доходов СССР как государства, поскольку значительная их часть оставалась за границами СССР и не показывалась в государственном бюджете или бюджете ЦК КПСС. Погружённые в нынешнюю реальность читатели и даже аналитики могут из предыдущих строк сделать вывод, что М.А. Суслов, Ю.В. Андропов, члены их семей и связанные с ними лично люди попросту «крысили» деньги у государства, как это принято в нынешней России. Однако, будучи свидетелем этих событий, по крайней мере, с конца 1970-х годов, автор может с уверенностью сказать, что ничего подобного не происходило. Лично зная многих непосредственных исполнителей операции, не могу не отметить, что никто из них ни в советское, ни в постсоветское время не стал ни мультимиллионером, не тем более миллиардером. То же можно сказать и непосредственно о высшем советском руководстве и членах Политбюро, первых руководителях КГБ в период позднего Советского Союза.

Почему это произошло, для чего планировались и что в итоге стало с этими деньгами — тема отдельного рассмотрения. Пока лишь ограничимся констатацией того, что на нефтяной игле СССР не сидел, а доходы бюджета СССР от экспорта энергоносителей колоссально выросли в 1970–1980-е годы.

Теперь самое время приступить ко второй, наиболее мистифицированной стороне трансферта. А именно к закупкам в 1970-е годы СССР зерна. Прежде чем обратиться к статистике, отметим несколько интересных фактов. В 1972 г. между СССР и США с одобрения первого лица страны А.Н. Косыгиным было достигнуто соглашение с Д. Рокфеллером о том, что СССР может покупать практически

⁴⁹⁷ Алексеев Б. СССР. Сырьевая игла 70-х. <https://eto-fake.livejournal.com/428709.html>

неограниченные объёмы зерна в США, при этом продавая им нефть со скидкой в 10–15% против цены рынка. Кроме того, со стороны Рокфеллера и Г. Киссинджера, представлявших американское правительство, были получены гарантии, что в случае необходимости «Чейз Бэнк» создаст консорциум частных банков или привлечёт государственный банк США «Эксимбанк» для предоставления долговременных кредитов на приобретение лицензий по производству оборудования для нефтедобычи, геологоразведки, поиска газа, а также финансирование покупок зерна. В 1974 г. все эти договорённости были положены на бумагу. Более того, за американской стороной было закреплено право посылать экспертов в зернопроизводящие районы, чтобы заранее прогнозировать возможные урожаи, а, соответственно, и объёмы экспортных закупок. Более того, США получили беспрецедентное право беспрепятственно вести спутниковую разведку на территории СССР.

В воспоминаниях Д. Рокфеллера есть ещё более удивительный фрагмент, относящийся именно к 1974 г. «К 1974 году в круге вопросов, которые занимали Косыгина, произошёл явный сдвиг. Это был наш наиболее изобилующий техническими моментами, экономически ориентированный диалог.... Мы обсудили относительные достоинства альтернативных источников энергии, таких, как уголь и атомная энергия.

Косыгин сказал, что он убеждён, что западные страны столкнутся с трудностями в плане снижения своего энергопотребления, а нахождение эффективных решений потребует годы. Премьер предположил, что развитие атомной энергетики, в конечном счёте, понизит стоимость нефти. Затем он спросил: пошёл бы «Чейз» на помощь в финансировании и строительстве ядерных электростанций в России, которыми бы совместно владели Соединённые Штаты и СССР? Я был поражён этим революционным предложением, поскольку это показывало, насколько важными были для Советов как американские инвестиции, так и технология, и насколько далеко они готовы были пойти, чтобы получить и то, и другое»⁴⁹⁸.

Любому, даже далёкому от атомной отрасли человеку очевидно, что ядерная энергетика и ядерное оружие теснейшим образом взаимосвязаны. Поэтому, предлагая Д. Рокфеллеру создать глобальное совместное предприятие на территории СССР по ядерной энергетике, А.Н. Косыгин одновременно предлагал и выход на своего рода создание военного ядерного клуба с участием двух стран. Кроме того, вполне очевидно, что смысл его предложения состоял ещё и в том, что он собирался с участием американцев заместить энергию советских ТЭЦ, работающих на нефтепродуктах, энергией атомных станций и тем самым высвободить дополнительные объёмы для экспорта сырой нефти.

Однако вернёмся к зерну. Е. Гайдар успел задурить головы не только широкой публике, но и исследователям и превратил миф в факт реальности. Согласно 20-летним писаниям Е. Гайдара, СССР покупал зерно во всё возрастающих масштабах, поскольку его собственное зерноводство находилось в полном упадке и не могло обеспечить население хлебом, а животноводство — кормовой базой.

Начнём с последнего утверждения. В настоящее время любой желающий может зайти на сайт Международного зернового совета и скачать там в архивах данные по сортаменту экспорта зерна в СССР за любые годы. Чтобы сэкономить вре-

⁴⁹⁸ Рокфеллер Д. Ук. соч. Цит. по <https://biography.wikireading.ru/184128>

мя читателей, отметим, что более 90% закупаемого СССР зерна относилось не к кормовому, как пытался уверить Гайдар, а к элитным сортам, которые используются для производства хлеба, хлебопродуктов, кондитерских изделий и т.п. Ещё более странная картина складывается при анализе экспорта элитного зерна в СССР, предназначенного для потребления населением.

В связи с этим приведём большие выдержки из выдающейся работы известного российского специалиста по экономике земледелия Марии Говоровой «Что произошло в 70-х в СССР и почему об это не написано в “Гибели империи”».

«Крупные и неожиданные закупки зерна, произведённые СССР в середине 1970-х годов, привели к снижению мировых его запасов до исключительно низкого уровня и стремительному повышению цен. Многие развивающиеся страны выразили обеспокоенность относительно бесперебойности поставок зерна в будущем, и в 1974 году в ответ на так называемый “мировой продовольственный кризис” под эгидой ООН была созвана Всемирная продовольственная конференция⁴⁹⁹.

1963 и 1965 — годы неурожайные. Поскольку ситуация участникам рынка ясна, с ценами ничего не происходит.

Но если после оказавшейся не столь значительной засухи 1972 года, когда, тем не менее, СССР осуществил закупки, превышающие суммарные за предыдущие 5 лет, приходит фантастически урожайный 1973-й, а закупки увеличиваются в 1,5 раза. Цены взвиваются.

А сюрпризы продолжают: вслед за таким-то урожаем жди недорода, но не тут-то было — показатель 1974 года выше всех предыдущих за исключением только прошлого года. Но Советский Союз при этом продолжает закупать — да, в три с лишним раза меньше, чем накануне, но это же 8 млн тонн.

1975. Может быть, мир вздохнёт спокойно? В СССР засуха, но разве это проблема после трёх лет агрессивных закупок (было приобретено 48,8 млн. т)! Нет, не вздохнёт. Закупки увеличиваются вдвое по сравнению с предыдущим годом.

1976. Новый рекорд валового сбора в стране. А что с импортом? — 21,6 млн. т. И цены — там, где надлежит быть в такой ситуации.

1977. Неудачным его можно назвать только после двух скачков (1973 и 1976 годов). Но, видимо, мир устал жить в страхе, поэтому при почти 12 млн. т импорта цена пошла на снижение.

1978. Урожай привычно рекордный, закупки за рубежом — 23,6 млн. т.

Причины паники в мире, таким образом, понять можно. И обывателям, и аналитикам трудно найти безобидное объяснение ситуации, когда Советский Союз год за годом скупает огромные объёмы зерна при растущих урожаях и радикальном сокращении собственного экспорта.

Выходит, что во второй половине 70-х внезапно жить стало на четверть сытнее, чем в первой? Скачок с 300 до 374 кг трудно не заметить на графике, но в ощущениях люди, жившие в то время, этого не заметили. Те времена на памяти и многих живущих ныне — всем, кто старше пятидесяти, есть, что сказать по этому поводу.

Дело в том, что мы не знаем, сколько государство действительно ежегодно тратило из закупленных в стране и за рубежом объёмов зерна, а сколько откладывало на чёрный

⁴⁹⁹ <http://www.igc.int/ru/aboutus/default.aspx#history>

день. А ведь именно вывод о наращивании запасов зерна Советским Союзом пугал мировое сообщество в 1970-х — день, для которого нужны такие запасы, может оказаться очень чёрным. И раз мы не почувствовали того улучшения, которое показывают цифры, то, предположение о существенном росте запасов не бессмысленно.

Что означает “ресурсы к распределению”? И чем нас обогатит знание их размеров?

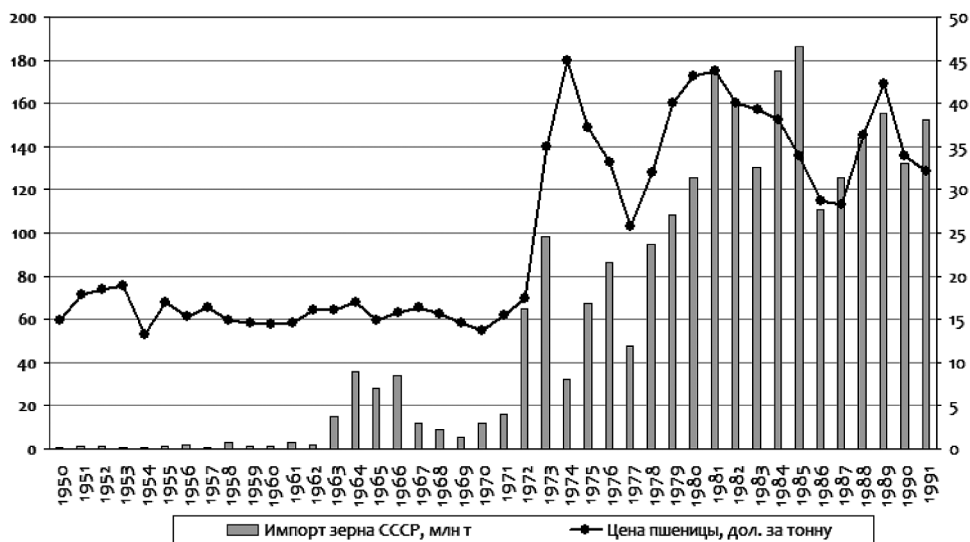
Это официальные данные, которые включают в себя и все текущие ресурсы (закупки + импорт), которые мы можем рассчитать самостоятельно, и запасы. Несмотря на отсутствие данных об абсолютной величине запасов, можно сделать некоторые предположения об их изменении, обладая информацией о текущих ресурсах (статистика 90 года). С 1970 по 1985 год запасы были стабильны и колебались в диапазоне 5–8 млн. тонн.

Во второй половине 1970-х годов в Советском Союзе происходило резкое наращивание заготовок зерна и внутри страны, и за рубежом с одновременным столь же кардинальным сокращением экспорта зерна.

Этот процесс не сопровождался соответствующим повышением производства продовольствия и потребления в СССР.

Одновременное наращивание производства вооружений Советским Союзом в тот же период позволяет сделать вывод о создании стратегического запаса зерна»⁵⁰⁰.

Импорт зерна СССР и мировая цена пшеницы, 1950-1991 гг.



Источники: Внешняя торговля СССР, сборники разных лет; FAOSTAT, IMF.

Скрупулёзный анализ М. Говоровой позволяет установить два чрезвычайно важных факта. Прежде всего, и это самое главное, СССР массированно закупал

⁵⁰⁰ <http://esli-mysli.livejournal.com/20517.html>

зерно вне зависимости от урожайности и валового сбора зерна. Более того, даже в годы высоких урожаев он продолжал массировано закупать зерно, а в годы неурожая резко сокращал продажи зерна зависящим от него странам. Второй факт — это удивительная взаимосвязь между объёмами закупок и ценами на зерно. Мировые цены на зерно вздымались после советских закупок. Причём эти закупки были, по сути, не связаны с размерами собранного урожая. Используя данные М. Говоровой, был проведён элементарный статистический анализ. Он выявил низкую степень корреляции или зависимости между объёмами закупок и отклонениями в урожайности от среднего за 1970-е гг. уровня. Дополнительно, используя критерий Гринджера, удалось выяснить, что ключевым фактором в повышении глобальных цен на зерно были именно советские закупки.

Если перевести со статистического на русский, это означает, во-первых, что СССР закупал зерно вне зависимости от реальной необходимости его импорта. Грубо говоря, объёмы внутренних потребностей страны и объёмы закупок были связаны весьма незначительно. В то же время массированные советские закупки зерна вели к удорожанию не на проценты, а в разы цен на зерно и, соответственно, делали закупки более обременительными для Советского Союза.

Во-вторых, столкнувшись с такими необъяснимыми причинно-следственными связями, М. Говорова всё же постаралась объяснить их агрессивными намерениями СССР и созданием огромных объёмов ресурсов, которые могли понадобиться стране в случае ведения военных действий с Западом...

Имеющаяся информация о стабильном размере ресурсов зерна в госфонде СССР в 1988–1990 гг. не позволяет сделать утверждение «об исчерпании запаса и существовании зерновой проблемы как угрозе существования страны в 1991 году»⁵⁰¹.

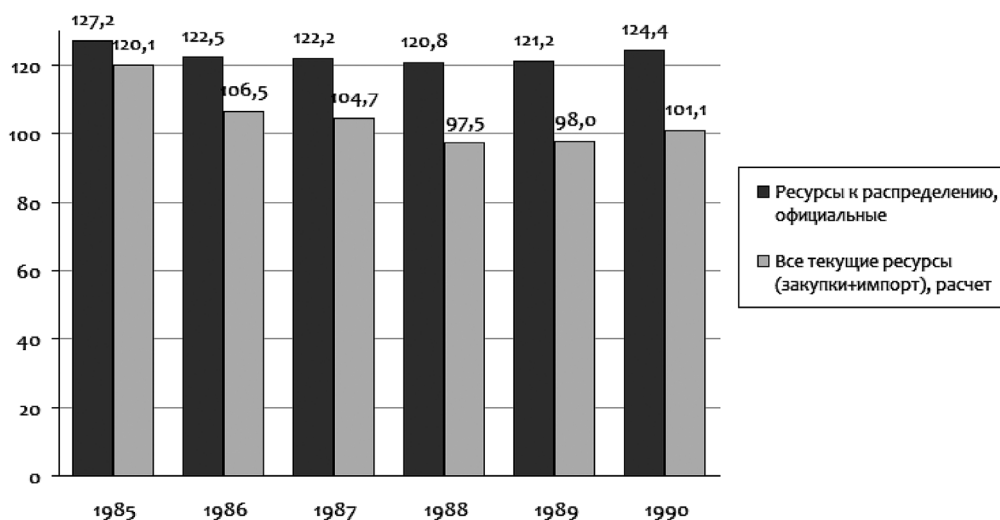
Следует отметить, что вывод о чрезвычайных стратегических государственных запасах зерна, ориентированных на выживание страны в ходе глобальных военных действий, М. Говорова сделала по той причине, что иначе не могла объяснить полученные из официальной статистики цифры, которые в её статьях и работах были перепроверены тремя различными способами. Согласно результатам расчётов, М. Говоровой был получен один и тот же результат: за 18 лет (1973–1990 гг.) в государственный стратегический резерв пошло более 150 млн. тонн зерна. Из них 85 — в 1973–1980 гг., и ещё 18 — в период 1981–1985 гг.

Вывод об объёме стратегического ресурса зерна и военной направленности этого резерва был сделан М. Говоровой в качестве единственного объяснения беспрецедентной разницы между объёмом закупок и собственного производства зерна и, соответственно, выпуском хлебных и хлебобулочных изделий, а также производством мяса в СССР, для чего также нужно кормовое зерно. Иных объяснений, казалось бы, не существует.

Однако в 1991 г. была издана брошюра «Агропромышленный комплекс СССР», где впервые в истории советской статистики была дана таблица «Государственные ресурсы зерна к распределению». Этот показатель включал в себя текущие ресурсы, т.е. закупки + импорт зерна и стратегический зерновой запас⁵⁰².

⁵⁰¹ <http://esli-mysli.livejournal.com/20517.html>

⁵⁰² <http://esli-mysli.livejournal.com/photo/album/390/?mode=view&id=10387&page=20>

Государственные ресурсы зерна в СССР (расчетные и официальные), млн т

Источники: Народное хозяйство СССР, сборники разных лет; Внешняя торговля СССР, сборники разных лет; FAOSTAT; Агропромышленный комплекс СССР, 1991.

В настоящее время рассекречены документы Госснаба СССР за период до 1980 г. В Российском государственном архиве экономики каждый желающий может обнаружить в единицах хранения Госснаба дела за 1980 г. и увидеть там цифру, характеризующую государственный стратегический резерв зерна СССР за этот год. Он составлял всего 9,7 млн. т. То есть величину, близкую к уровню 1985 г., когда резерв был на уровне 7,1 млн. т.

Иными словами, расхождение между закупками зерна и его сбором, с одной стороны, и расходом зерна на хлеб и на комбикорма, а также созданием государственного стратегического резерва зерна, с другой, оказывается не в 8–10 и даже 15 млн. т, а на порядки больше. Таким образом, значительная часть закупленного зерна элитных сортов просто бесследно исчезла. Поскольку советские руководители в отличие от российских, не склонны были на границе уничтожать экспортируемые продукты, то объяснение надо искать несколько в ином месте, а именно за границами СССР.

Единственным объяснением выявленной статистической аномалии является хорошо известная автору с конца 1980-х годов, а причастным к зерновым операциям людям — с начала 1970-х годов тайная торговля зерном СССР, а точнее его внешнеторговыми организациями на мировом рынке. Схема этой торговли, которая относилась к самым охраняемым тайнам Советского Союза, носила весьма простой характер, аналогичный схеме торговли сырой нефтью. Поскольку СССР, а до этого Российская империя были экспортёрами зерна, то, строго говоря, ни у кого не вызывало удивления поступление от советских внешнеторговых организаций зерна качественных сортов, в первую очередь пищевого, а не кормового зерна, которое Советский Союз и закупал у США, а также Канады и Австралии.

Однако поскольку открытая торговля экспортным зерном могла вызвать множество вопросов на мировом рынке и, соответственно, информация так или иначе могла стать доступной внутри Советского Союза, в том числе и для населения, советские внешнеторговые организации продавали импортное зерно, которое посредством бумажных операций превращалось в экспортное, не непосредственно конечным потребителям, а независимым зернотрейдерам. Они по счастливой случайности являлись одновременно и независимыми нефтетрейдерами. Это, например, относилось к М. Ричи, а в последующем Глинкору, семье Андреа и Г. Лютеру. Кроме того, операции шли через крупнейшего транснационального трейдера зерновой продукции, семейную американскую компанию Каргилл, фактически подконтрольную семье Рокфеллеров, министерству обороны, включая военную разведку и ФЕМА.

Основными покупателями этого зерна были такие страны, как Иран, ближневосточные монархии, Тунис и Египет, закупки которых финансировали всё те же американцы, а также Япония и страны Азиатско-тихоокеанского региона. Также благодаря М. Ричи и Г. Лютеру происходило обеспечение зерном находящейся под санкциями ЮАР.

Так же, как с экспортом нефти, экспорт импортируемого зерна осуществлялся с благословения всё той же группы лиц в советском руководстве и при помощи голов и рук их доверенных лиц. При этом так же, как и в случае с нефтью, вырученные деньги шли отнюдь не на персональные счета и тайные вклады в швейцарских банках, а оседали на особых счетах за рубежом, не имевших никакого отношения к бюджетам СССР и КПСС.

У читателя может возникнуть вопрос, а зачем вообще Советский Союз покупал зерно для того, чтобы затем часть его, к тому же значительную, перепродать примерно по тем же ценам (для одних стран — чуть ниже, для других, например, ЮАР, значительно выше, чем мировые рыночные цены на зерно). Ответ на вопрос прост. И повышение цен на нефть, и рост цен на зерно в 1970-е годы были результатом реализации плана Д. Рокфеллера, который был согласован с группой советских партocrats, которые представляли собой историческую форму существования советской кратократии, или системы Русской Власти. Необходимость в закупке больших объёмов зерна с их последующей перепродажей являлась обязательным условием реализации третьего пункта плана Рокфеллера, а именно направления ресурсов, полученных странами-экспортёрами нефти на глобальный нерегулируемый и неконтролируемый валютный рынок, и связывание их там в финансовых институтах, подконтрольных семье Рокфеллеров и подчинённых им финансово-политических групп и институтов.

Таким образом, во второй половине 1970-х годов взаимодействие между западными элитами и советской партократией шло по трём в каком-то смысле взаимообусловленным, но ещё в большей степени взаимоконкурирующим темам, а именно: по проекту «Римский клуб»; по программе построения невидимой финансовой новой Британской империи; по реализации плана Рокфеллера. Именно в период с 1965 по 1975 г. произошли события, в значительной степени обусловившие лицо современного мира. Во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х годов сформировались многие нынешние тенденции, однако ключевая точка, или, как теперь принято говорить, точка полифуркации достигнута не была. Она пришлась на период с 1979 по 1993 г. В глобальной исторической динамике 15-летия это миг. И к нему вполне применим термин «точка полифуркации».

СМИРНОВ Иван Иванович
Тропы истории. КRYPTOаналитика глубинной власти
М.: Товарищество научных изданий КМК. 2020. 473 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Редактор издательства К.Г. Михайлов
Верстка: М.В. Скороходова

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
<http://avtor-kmk.ru>

Подписано в печать 19.06.2020. Тираж 1000 экз. (4-й завод). Заказ №
Формат 70×100/16. Объём 30 п.л. Усл. печ.л. 39. Бумага офсетная.